

Шейла Фицпатрик

Белые русские — красная угроза?

Sheila
Fitzpatrick

White Russians, Red Peril

A Cold War History
Of Migration To Australia

Шейла
Фицпатрик

Белые русские — красная угроза?

История русской
эмиграции в Австралии

Перевод с английского
Татьяны Азаркович

издательство **АСТ**
Москва

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
Ф66

This edition published by arrangement with Black Inc., an imprint of SCHWARTZ BOOKS
PTY LTD and SYNOPSIS LITERARY AGENCY.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Фицпатрик, Шейла.

Ф66 Белые русские — красная угроза? История русской эмиграции в Австралии / Шейла
Фицпатрик; пер. с англ. Т. Азаркович. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS,
2023. — 544 с.

ISBN 978-5-17-152681-8

Русские в Австралии — этой необычной теме посвящена новая работа известного австралийского и американского историка Шейлы Фицпатрик. После Второй мировой войны именно Зеленый континент стал новой родиной для тысяч перемещенных лиц — людей, в годы войны разбросанных по Европе и по разным причинам не желавших возвращаться домой, в СССР. В свою очередь, австралийские власти стремились решить проблему нехватки рабочих рук в стране, поэтому сотрудничество, не будучи безоблачным или идеальным, все же было взаимовыгодным: тысячи людей погрузились на пароходы, чтобы отправиться в новую жизнь. Второй поток русских иммигрантов хлынул из Маньчжурии, где уже несколько десятков лет жила обширная русская диаспора, образовавшаяся во время строительства КВЖД. Но с приходом к власти китайских коммунистов русские были вынуждены покидать насиженные места, и Австралия стала новым домом для многих из них. Эти путешествия были полны драматичных событий, подчас детективных поворотов, когда даже «самый обычный человек с большой вероятностью мог повествовать самую необычную историю пережитых скитаний».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-17-152681-8

- © Sheila Fitzpatrick, 2021
- © Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2023
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023
- © ООО «Издательство АСТ», 2023
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Введение	9
----------------	---

Часть I

Перемещенные лица в Европе

Глава 1. Перемещение	43
Глава 2. Австралийские методы отбора	80

Часть II

Русские в Китае

Глава 3. Маньчжурия	117
Глава 4. Шанхай	154
Глава 5. Отъезд	189

Часть III

Переселение в Австралию

Глава 6. Прибытие	229
Глава 7. Белые русские	263

Глава 8. Красные русские	300
Глава 9. ASIO и холодная война	336
Заключение	373
<i>Статистические замечания</i>	<i>397</i>
<i>Библиография</i>	<i>413</i>
<i>Сокращения, используемые в примечаниях</i>	<i>429</i>
<i>Примечания</i>	<i>431</i>
<i>Благодарности</i>	<i>521</i>
<i>Указатель</i>	<i>525</i>

Памяти моего брата
Дэвида Фицпатрика
(1948–2019)

*И если понесут тебя волны,
пусть твое тело несут
или дыхание и прочее —
ума не унесут* *.

✱

МАРК АВРЕЛИЙ. Наедине с собой. XII 14. Перевод А. Гаврилова.
(Здесь и далее подстрочные примечания переводчика, если не указано иное.)

Введение

Эта история переселений. Но не история с добрым сюжетом, где переездом в другую страну люди стремятся переменить свою жизнь к лучшему, а отчаянная история, где беженцы, чья жизнь и так уже опрокинулась из-за войны и других бедствий, решаются на прыжок в неизвестность просто потому, что другая страна выдает им визу. Здесь рассказывается о русских, которые переехали в Австралию после Второй мировой войны. Война стала разрушительным взрывом, который силой сорвал большинство этих людей с насиженных мест и сделал их, выражаясь современным официальным языком, “перемещенными лицами” (*displaced persons*, DP, ди-пи). А еще речь здесь пойдет о русской революции 1917 года и о приходе к власти в Китае в 1949 году Коммунистической партии. Некоторые русские мигранты сохраняли советское гражданство вплоть до начала войны и оказались перемещенными лицами непосредственно из-за войны, а другие покинули Россию гораздо раньше, сразу после революции, и провели межвоенные годы в Европе или в Китае.

Примечательно, что поначалу Австралия была страной, которая приняла наибольшее количество русских перемещенных лиц — или, с советской точки зрения, ukrала их, — пока ее рывком не обогнали подключившиеся к этой гонке позже США, страна более крупная и многокультурная¹. Несмотря на это достижение (которого, похоже, никто в самой

Австралии даже не заметил), русские составляли сравнительно небольшую долю в неслыханно обильном послевоенном притоке мигрантов небританского происхождения, хотя их численность и значительно превышала показатели, приводившиеся в официальной статистике. Опираясь на весьма ненадежные данные, можно было бы утверждать, что за период с 1945 по 1954 год из Европы и Китая в страну въехали приблизительно 20 тысяч русских, а к 1960 году из Китая их прибыли еще 5 000; таким образом, за пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны в Австралию прибыли в общей сложности 25 тысяч русских иммигрантов².

Какова бы ни была численность прибывших русских, сам состав этого контингента весьма любопытен. Во-первых, маршруты, которыми многим из них довелось добраться до берегов Австралии, отличались захватывающей сложностью и разнообразием: самый обычный человек с большой вероятностью мог поведать самую необычную историю пережитых скитаний, если бы только пожелал (впрочем, многие вообще не хотели ничего об этом рассказывать). Во-вторых, обманом присвоив себе иную национальность, предпочитали помалкивать о своем прошлом. И наконец, в-третьих, они приезжали в Австралию в ту пору, когда уже принимала очертания холодная война, и на словах они выказывали себя твердыми антикоммунистами, однако их не вполне отвергнутой родиной был Советский Союз — бывший союзник по Второй мировой, превратившийся в противника в новой холодной войне.

Русские оказались почти полными невидимками в потоке послевоенных мигрантов, прибывших в Австралию³. Отчасти это произошло потому, что они были менее многочисленными по сравнению с большими группами мигрантов того периода — поляков, югославов, итальянцев, — а отчасти из-за привычной скрытности тех русских, кто приезжал из Европы: они часто прибывали с паспортами других государств, а после приезда предпочитали не высовываться, опасаясь привлечь внимание советских или австралийских спецслужб.

В конце 1940-х и в 1950-е русские приезжали в Австралию главным образом из Европы и Китая. Европейский поток прибывал в основном из лагерей перемещенных лиц (ди-пи) в Германии, Австрии и Италии благодаря программе массового переселения, разработанной Международной организацией по делам беженцев (*International Refugee Organization*, IRO) в 1947 году и действовавшей до 1950–1951 года. Лагерь ди-пи создавались в Европе для людей, вынужденно покинувших родные края из-за Второй мировой войны (угнанных в трудовые лагеря или попавших в плен) и в итоге оказавшихся за пределами родных стран — Советского Союза (бывшие Прибалтийские государства были включены в состав СССР в 1939 году), Польши, Югославии и других стран Восточной Европы. На русских эмигрантов так называемой первой (довоенной) волны, покинувших родину сразу после большевистской революции 1917 года и известных также как “белые русские” (то есть антагонисты “красных”), мандат IRO поначалу не распространялся, поскольку они выехали из страны задолго до Второй мировой. Однако многим из них все-таки удалось получить статус перемещенных лиц и перебраться в Австралию вместе с остальными на бортах судов, зафрахтованных IRO.

Китайский поток составляли белые русские (различных национальностей), которые к моменту окончания Гражданской войны (около 1922 года) успели пересечь границу и обосноваться в Китае. Там выросло уже целое новое поколение, а многие и родились в Китае. Крупным местом их сосредоточения был Харбин в Маньчжурии — изначально русский город, основанный на рубеже XIX–XX веков, когда русские строили Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В Шанхае, Тяньцзине, Даляне и других приморских городах Китая также осело много русских, в том числе и бывших офицеров-белогвардейцев из разгромленных войск (включая казаков из отряда атамана Семенова). С начала 1930-х до конца войны маньчжурские русские жили в зоне японской оккупации, после чего регион на короткое время оказался под совет-

ской оккупацией. Диаспоре в Шанхае с 1937 года довелось пережить непродолжительный период более мягкого японского правления, а после окончания войны там утвердилась американская администрация. Вторично покинуть насиженные места китайских русских вынудила не война — причиной стал рост враждебности китайцев после 1949 года, когда к власти пришли коммунисты.

История этих переселений тесно связана с холодной войной. Эта связь проявлялась и в самом процессе, который позволял мигрантам добраться до Австралии, и в отношении со стороны чиновников и местных жителей, с которыми переселенцы сталкивались по прибытии. В большинстве исторических работ, посвященных холодной войне, о миграции почти не говорится: чаще всего в центре внимания оказывается дипломатия высшего уровня, поиск сверхдержавами союзников и государств-сателлитов, а также страхи перед шпионами и врагами на собственных территориях. Но в любом обсуждении холодной войны как международного явления следовало бы затрагивать — как очень важную — тему миграции. Ведь мигранты могли оказаться переносчиками коммунистической заразы, особенно если их родным языком был русский. Кроме того, с советской точки зрения, *завладение* перемещенными лицами было одним из вопросов, вызывавших больше всего споров на начальном этапе холодной войны. Советский Союз желал заполучить обратно всех своих бывших граждан; когда же Запад отклонил это требование, а позднее и организовал переселение невозвращенцев в дальние страны вроде Австралии, власти СССР преисполнились негодованием из-за “кражи их людей”. В глазах Запада никакой кражи не происходило, просто оказывалась гуманитарная помощь тем людям, которые, предположительно, “выбрали свободу” (таков был излюбленный оборот на Западе времен холодной войны) вместо жизни под пятой коммунистической диктатуры.

Не сумев заполучить “своих” перемещенных лиц, СССР переключился на другое направление — собирался покарать

военных преступников среди тех, кто переселился в Австралию и другие страны за пределами Европы. Как правило, речь шла о людях, которые не просто сражались под немецким командованием на фронтах Второй мировой, но были причастны к зверствам, чинившимся в отношении евреев и других гражданских лиц на советских территориях, временно оккупированных немцами. Австралия, как и другие страны, оказавшиеся в годы холодной войны на стороне Запада, выдавать таких людей отказывалась.

Социальные историки, как и историки холодной войны, уделяли мало внимания миграции, предпочитая изучать людей и общества в состоянии покоя, а не движения, однако с недавних пор, когда исследователи заинтересовались межгосударственными процессами, здесь все несколько изменилось к лучшему. С моей позиции социального историка, нет ничего более захватывающего, чем возможность проследить за тем, как отдельные люди приспосабливаются, а сообщества самоорганизуются, когда им приходится отрываться от родной или привычной среды, дожидаться переселения и наконец переселяться и укореняться на новом месте.

В прошлом я проводила исследование того, как люди в России заново выстраивали свою жизнь после русской революции и прекрасно справлялись с этой задачей, используя буквально то, что было под рукой, чтобы создать себе новые маски, которые в дальнейшем помогали им избегать опасностей и реагировать на открывавшиеся возможности⁴.

Еще раньше я изучала вертикальную мобильность общества после революции и те способы, которыми русская деревня реорганизовывалась после коллективизации в начале 1930-х годов (и попутно меняла само значение понятия “коллективизация”)⁵.

Теперь же я впервые взглянула на людей в состоянии движения в межгосударственном пространстве, а значит, здесь затрагиваются такие темы, как перевоплощение личности, социальная мобильность (зачастую снижение статуса для представителей первого поколения мигрантов, если не для

их детей) и самоорганизации сообщества в новой среде приютившей переселенцев страны. Толчком к этому исследованию послужило мое возвращение в Австралию в 2012 году после почти пятидесяти лет жизни вдали от родины.

В середине 1960-х, когда я уезжала из Австралии, будучи аспиранткой, миграция уже признавалась важной частью местной истории (да и как можно было этого избежать, если сама история Австралии понималась как история ее заселения белыми людьми?), однако мигранты-небританцы, в больших количествах прибывавшие на континент после Второй мировой войны, еще не сделались предметом значительного интереса исследователей. За время моего отсутствия и здесь произошли перемены, так как в 1980-е годы наступила эпоха мультикультурализма, но все равно акцент чаще всего делался на “вклад” в австралийское общество и культуру, сделанный различными группами иммигрантов. Сейчас миграция становится все более популярной темой в австралийской истории — особенно опыт, полученный мигрантами по прибытии сюда (обеспечение их жильем, работой, взаимоотношения с австралийцами, степень ассимиляции и так далее).

Предмет этой книги несколько иной. Опыт прибытия в чужую страну и первые попытки найти свое место в ней не начало, а лишь концовка моего рассказа о русских переселенцах. В центре моего внимания — различные пути и маршруты, которыми двигались русские мигранты, прежде чем оказаться в Австралии после окончания Второй мировой войны. Как и историка Джой Дамузи, автора работы о послевоенных мигрантах-греках⁶, меня интересует тот интеллектуальный “багаж”, который привозят с собой мигранты (пусть даже сами они стремятся поскорее забыть о нем), в частности, их политический опыт и память о пережитом.

Политический “багаж”, привезенный в послевоенные годы русскими иммигрантами, интересен и в чем-то противоречив. Все они прибывали как антикоммунисты, отказавшиеся возвращаться на родину, если они следовали из Европы, и бежавшие от установившегося коммунистического

режима в Китае, если прибывали оттуда. Для белоэмигрантов из их числа этот антикоммунизм был заметной частью идейной общности, определявшей их группу. Но для тех, кто до войны имел советское гражданство и был оторван от родины против своей воли, например, оказавшись военнопленным или будучи угнанным как остарбайтер, все обстояло сложнее. Советские граждане-невозвращенцы так же энергично, как остальные, выражали нежелание репатриироваться, особенно те, кто скомпрометировал себя службой во власовской армии (Русской освободительной армии в составе вермахта), однако за этими протестами, вполне вероятно, скрывались более неоднозначные позиции.

Когда по окончании войны американские исследователи в Германии проводили масштабное интервьюирование перемещенных лиц (в рамках Гарвардского проекта по изучению советского общественного строя), опрашиваемые высказывали резко антисоветские политические взгляды. Но когда речь заходила о социальных институтах, беженцы выражали совсем другие мнения. Несмотря на обличения советского строя в целом, они, как правило, положительно оценивали предоставление бесплатной медицинской помощи и образования, причем отмечали, что последнее открывает людям возможность проявить свои лучшие способности и качества и самостоятельно продвинуться по общественной лестнице; они также поддерживали ряд советских ценностей — таких как равноправие, эмансипация женщин и отсутствие дискриминации по расовому и национальному признакам, и согласились с тем, что гордятся советскими экономическими и военными достижениями⁷.

Если предположить, что перемещенные лица, намеревавшиеся эмигрировать в Австралию, придерживались сходных взглядов с теми, кто собирался эмигрировать в Америку, то им наверняка была присуща подобная двойственность суждений. Конечно, едва ли можно было ожидать, что русский мигрант принялся бы рассказывать своим австралийским знакомым о системе здравоохранения в Советском Союзе, а его

жена в разговоре с соседкой через изгородь стала бы описывать возможности, открывающиеся перед женщинами в СССР, — все это относилось к вещам того рода, о которых знают, но обычно не говорят. Но для историка и замалчивания могут представлять не меньший интерес, чем самые красноречивые описания.

Антикоммунизм

Антикоммунизм был заметной общей позицией, которая объединяла русских, приезжавших в Австралию после войны, и, на первый взгляд, здесь все довольно просто. Если бы они хотели вернуться в Советский Союз, большинство вполне могло бы это сделать. Перемещенным лицам советского происхождения предлагали репатриироваться (а в некоторых случаях даже принуждали), независимо от их национальности, вероисповедания, состояния здоровья или даже наличия за плечами такого опыта, как пособничество врагу в годы войны⁸. В их числе были и люди с западных окраин СССР, получившие советское гражданство лишь в 1939 году, после того как Советский Союз насильно включил в свой состав их родные земли, находившиеся на территории Прибалтики, Украины и Белоруссии. Сделать именно такой выбор можно было еще спустя продолжительное время после массовой репатриации в 1945 году, когда Советский Союз предлагал бесплатный проезд и помощь в поиске жилья и работы всем перемещенным лицам, которые желали вернуться на родину.

Белые русские, которые эмигрировали раньше и провели межвоенные годы в Европе, не имели права вернуться на родину в рамках этой программы репатриации, однако Советский Союз активно заигрывал с представителями первой волны, особенно с армянами и белыми русскими, осевшими во Франции, убеждая их тоже возвращаться⁹.

В Китае под конец войны не имевшим гражданства русским представители советской власти предлагали получить

паспорта, и в 1945–1946 годах происходила скромная по масштабам репатриация из Шанхая, а также обещались новые возможности после того, как будут преодолены текущие трудности, связанные с послевоенным восстановлением; и действительно, за первую половину 1950-х годов из Китая репатриировались десятки тысяч бывших эмигрантов. Учитывая наличие этих возможностей, можно с уверенностью предположить, что большинство русских все-таки сделали сознательный выбор в пользу переселения в чужую страну, отказавшись от возвращения на родину, и само это решение можно расценить как косвенное признание в антикоммунизме.

Безусловно, многие такие решения принимались действительно по причине неприязни к политическому и экономическому строю Советского Союза, но не стоит думать, что так было во всех случаях без исключения. Возможно также, что некоторые люди решали не возвращаться, сочтя, что лично для них существуют определенные риски. Что бы ни думали бывшие советские граждане о жизни в довоенном Советском Союзе, по опыту они наверняка знали, что людей, попавших в черные списки, не ждало там ничего хорошего, к тому же они прекрасно понимали, что одной из самых распространенных провинностей, за которые можно было попасть в неудобные, было наличие связей с капиталистическим Западом, а такие связи все перемещенные лица, вольно или невольно, уже имели. Во время войны Сталин весьма недвусмысленно дал понять, что всякий, кто попал в плен, тем самым сделался изменником родины и должен был, как только попадет в руки представителям советской власти, вместе со своими родными понести наказание. После войны об этих грозных заявлениях как будто забыли, однако и об амнистии не говорили.

В особую группу риска входило огромное количество советских военнопленных, которые во время войны надели немецкую форму и воевали под немецким командованием, пойдя на это или просто из желания остаться в живых, или из идейных соображений. В случае возвращения на родину их ждали обвинения в коллаборационизме. Даже те, кого си-

лой угнали на работу, не могли быть уверены в том, что их поведение на территории Германии будет сочтено безупречным. Кроме того, было много тех, кого в действительности не угоняли в Германию силой, а они сами воспользовались отступлением немцев в 1944 году, чтобы вместе с ними покинуть Советский Союз.

Как выяснил психолог, интервьюировавший перемещенных лиц родом из СССР в рамках Гарвардского проекта, многие невозвращенцы независимо от их идейной ориентации или тоски по родине признавались, что лично для них, как для людей, оказавшихся на Западе под опекой финансируемой преимущественно США и имевшей антикоммунистическую направленность международной организации (IRO), дорога назад, к нормальной советской жизни, была попросту закрыта¹⁰. Так, Лоренц Селенич никогда не думал о репатриации, хотя сам был социалистом и не придерживался по-настоящему антисоветских взглядов, но, по мнению СССР, он стал коллаборационистом, как только его захватили немцы и он, чтобы остаться в живых, согласился служить у них¹¹.

В 1947–1948 годах по мере того, как нарастала холодная война, мигранты, надеявшиеся на то, что отборочные комиссии в Европе, задействованные в программах массового переселения беженцев IRO, одобряют их кандидатуры, должны были заявить, что не являются коммунистами, так что эти их признания вовсе не всегда заслуживают доверия. В лагерях для перемещенных лиц, где действовало чаще всего самоуправление, царили резко антикоммунистические настроения, и те, кто в конце 1940-х годов все-таки репатриировался из Германии в Советский Союз, часто сообщали о том, что им приходилось тщательно скрывать и то, что желали вернуться на родину, и то, что отнюдь не разделяли антикоммунизм и антисоветские взгляды. Они были вынуждены так поступать из страха перед лагерными заправилами¹². Конечно, именно такие объяснения и желали услышать в СССР, однако есть и достаточно много свидетельств того, что эти рассказы были правдивы.

Было и то, о чем предпочитали не говорить, потому что союзники не хотели этого слышать, а СССР не желал этого признавать, а именно, что за нежеланием возвращаться стояли и соображения экономического характера. Даже в состоянии послевоенной разрухи Германия производила впечатление страны, в которой в мирное время уровень жизни был куда выше, чем в Советском Союзе. Благодаря щедрости IRO и оккупационных властей беженцам в лагерях перемещенных лиц жилось хорошо, им даже выдавались лучшие пайки, чем самим немцам. Многие сочли благоразумным поначалу остаться в лагере, а потом, когда IRO и оккупационные власти готовились покинуть Германию, принять предложение IRO о бесплатном переезде в другую страну, чтобы строить там новую жизнь, — желательно в Северную Америку, где, как всем известно, улицы вымощены золотом, или в какие-нибудь другие края, вроде Латинской Америки или Австралии, о которых знали куда меньше.

Китайские русские прибыли другим, но не менее замысловатым путем. Несмотря на яростный антикоммунизм изначального белого поколения, в годы Второй мировой многие стали болеть душой за победу СССР, а по окончании войны не захотели и дальше оставаться лицами без гражданства и приняли предложение о получении советских документов. В Харбине множество русских детей и подростков выучились в хороших советских школах и частично советизировались. У многих русских были родственники, вернувшиеся в Советский Союз, и хотя рассказы возвращенцев не всегда обнадеживали, большинство оставшихся в Харбине рано или поздно сами задумывались, не вернуться ли им тоже. Если австралийцы видели в русских иммигрантах из Китая беглецов от коммунизма, то сами иммигранты, судя по их позднейшим воспоминаниям, смотрели на дело иначе. Даже те русские, кто придерживался твердых антисоветских взглядов, не винили в своем отъезде из Китая международный коммунизм; они объясняли его внутренней политикой Китая (существенно отличавшегося от СССР, хотя теперь тоже комму-

нистического), решившего, что хватит уже терпеть у себя такое количество иностранцев.

Кто такие русские?

За понятием “русские” скрывалось очень разное содержание. Во-первых, Российская империя была государством многонациональным, там издавна жили не только русские, но и множество других народов. После революции Россия стала Советским Союзом, русские составили там самую многочисленную этническую группу, а русский продолжал играть роль языка межнационального общения. Но в СССР проживали и другие славянские народы (украинцы и белорусы, причем некоторые из них, осложняя и без того запутанную картину, в период между двумя мировыми войнами были гражданами Польши), а также евреи и различные мусульманские этнические группы с окраин империи — среди прочих татары, буряты и калмыки. (Некоторые из этих этнических групп не прошли бы тест в рамках политики “Белая Австралия”*, если бы привлекли внимание австралийского департамента иммиграции, но они его, похоже, не привлекли.) До революции государственной религией Российской империи было православие. После революции все религии — православие, католичество, протестантизм, иудаизм, ислам — утратили в Советском Союзе бывшее значение, одинаково подвергшись официальной опале, но одновременно в русской эмигрантской диаспоре в Европе и Китае религиозная принадлежность сделалась важным опознавательным знаком.

Значило ли “русский” то же самое, что “советский”? С советской точки зрения конечно нет: русские были всего лишь одной из многих национальностей, какие мог иметь советский гражданин. Но австралийские статистики, классифи-

* “Белая Австралия” — политика, проводимая властями Австралии с начала XX века и на протяжении нескольких десятилетий, целью которой было сохранение преимущественно европейского населения на континенте. (*Прим. ред.*)

цируя население по таким параметрам, как “место рождения” и “национальность”, часто трактовали две эти категории как взаимозаменяемые. Вплоть до 1954 года в графе “место рождения” могли писать либо “Россия”, либо “Советский Союз” (но не “Украина”); а единственным определением для национальности иммигрантов, прибывших до войны, было собирательное понятие “русский”, использовавшееся как синоним “советского” наряду с понятием “лицо без гражданства”. А затем в качестве реверанса в сторону украинского национализма чиновники ввели дополнительные категории: “Украина” и “украинец”, которые ранее просто поглощались категориями “Россия / Советский Союз” и “русский”, тем самым пусть непреднамеренно, но безмерно затруднив дальнейшую обработку статистических данных переписи¹³.

Православие не фигурировало в категории “религия” в австралийских переписях населения до 1954 года, когда внезапно оказалось, что эту веру исповедуют 80 тысяч охваченных переписью человек, причем большинство из них, предположительно, являлись послевоенными иммигрантами из Греции, Югославии и России / Советского Союза. К сожалению (для нас, с точки зрения наших задач), никакое различие между греческой, сербской, русской и украинской православными церквями не проводилось. Между тем в жизни австралийских общин прихожане греческой и русской православных церквей относились к совершенно различным группам иммигрантов (греки, в больших количествах прибывшие в Австралию в первые послевоенные годы, были обычными иммигрантами, а не перемещенными лицами, приехавшими в страну в рамках организованной IRO программы массового переселения) и, по-видимому, совсем мало соприкасались между собой. Но между другими ветвями православия — русской, сербской и украинской — существовало сложное, пока еще малоизученное взаимодействие.

Пусть русское православие и служило мощной силой, которая объединяла русскую общину, появившуюся в Австралии в послевоенные годы, оно отнюдь не было столь моно-

литным, как может показаться со стороны. Если священники из европейских лагерей перемещенных лиц, создававшие первые послевоенные приходы в Австралии, были антикоммунистами, рукоположенными в Европе антисоветской и антикоммунистической Русской православной церковью зарубежом (РПЦЗ), то священники, приехавшие вместе со своей паствой из Китая, незадолго до того оставались в юрисдикции Московского патриархата, то есть официальной советской церкви.

Пожалуй, австралийские чиновники были по-своему правы, не желая тратить слишком много сил на попытки установить, что же все-таки скрывается за словом “русские”. Из-за различных потрясений, случившихся в XX веке, этот вопрос стал чрезвычайно сложным и запутанным, и нередко разумнее было просто считать, что если сам человек называет себя русским, значит это правда. Но если мы хотим понять, что же все-таки стояло за утверждениями людей о своей “русскости”, нам необходимо разобраться в хитросплетении факторов, которые не только в одночасье изменяли национальную принадлежность людей, но в разное время и в разных местах побуждали мигрантов объявлять себя русскими (или, напротив, указывать иную национальную принадлежность).

Рассмотрим случай Николаюков — русскоязычной семьи послевоенных иммигрантов из Европы, которые в Австралии считали себя в первую очередь русскими, хотя в вопросе национальной идентичности им было из чего выбирать. Иван Николаюк родился в 1911 году в селе неподалеку от Белостока — города, находившегося тогда в Гродненской губернии Российской империи, затем отошедшей к Польше. Николаюки были крестьянами и считали себя русскими, хотя члены семьи говорили и на местном украинском диалекте. Они посещали русскую православную церковь, дети ходили в русскую школу. Когда началась Первая мировая война, семью разбросало кого куда по дальним российским губерниям; воссоединилась родня в 1921 году в Бресте, где вырос Иван, — городе, который раньше был российским, а затем сделался польским.

Новое Польское государство принялось проводить политику ополячивания, ввиду чего жителям стало невыгодно объявлять себя этническими русскими, но Иван, поступив в Варшавский университет, тем не менее не стал отрекаться от своего русского происхождения¹⁴. Выбор у него был — он мог назваться украинцем: фамилия у него была украинская, и в ту пору своей жизни Иван довольно много читал по-украински, брал книги из украинской библиотеки националистического общества “Просвіта” (“Просвещение”). Но украинские сепаратисты отталкивали его “своей ограниченностью и ненавистью ко всему русскому”, поэтому он записался русским¹⁵.

Весной 1940-го, когда эта территория отошла к СССР, польские паспорта начали заменять на советские, и на сей раз Иван назвался белорусом и указал белорусский /польский вариант своего имени — Ян. Свой расчет он строил на том, что в Бресте не имелось белорусских политических организаций, поддерживавших белых, и потому уменьшался риск, что его примут за белого русского или за украинского националиста. В 1941 году, когда эти земли оккупировали немцы, снова пришла пора менять паспорта. Имя Ян он оставил, как и предположительно белорусскую национальность, потому что “чиновниками, отвечавшими за процесс паспортизации [от имени немцев], были поляки”, и Иван “счел, что так будет безопаснее”: к белорусам поляки относились с меньшей подозрительностью, чем к украинцам и русским.

Под конец войны, когда Иван уже как перемещенное лицо находился в Германии в лагере Мёнхегоф (где преобладали белые русские, участники антикоммунистического Народно-трудового союза, НТС), он сразу назвал себя русским без гражданства и бывшим жителем Польши, которого немцы угнали в Германию в качестве рабочей силы. Он не пожелал признаваться, что вырос в Бресте, потому что тогда советская сторона отнесла бы его к советским гражданам и попыталась бы репатриировать. К тому времени Иван уже был женат, и его жена Ядвига была полькой по национальности — так, во всяком случае, я подумала, пока не познакомилась с Ни-

колаюками поближе. “Здесь все чуточку сложнее!” — сообщил мне Юра Николаюк. Ядвига родилась в польскоязычной семье, ее мать происходила из обедневшей польской знати, да и саму ее крестили по католическому обряду, но ее отец, несмотря на польское имя, ходил в русскую православную церковь, и Ядвигу, как и старшую сестру, предположительно могли тоже крестить в православную веру по договоренности между ее матерью и местным католическим священником¹⁶.

Когда настало время уезжать из Германии в Марокко, Иван Николаюк взял с собой документы, в которых был записан поляком, хотя он выбрал страной для переселения Марокко потому, что там уже обосновались его русские друзья из лагеря Мёнхегоф. Спустя пять или шесть лет, решив перебраться в Австралию, он поехал туда уже как русский, и там его первыми знакомыми тоже были другие русские из Мёнхегофа. Его жена, полька, перейдя в Марокко из католичества в православие, окунулась в приходскую жизнь русской православной церкви в Мельбурне (а после смерти Ивана прожила три года в русском православном монастыре)¹⁷. Их сын Юра вырос русским австралийцем.

Это, пожалуй, пример крайней сложности, связанной с понятием “русские”. Но при желании подобные сложности можно обнаружить даже в биографиях тех русских, чьи семейные истории не столь причудливы. Как и Иван Николаюк, многие из русских, иммигрировавших после войны в Австралию, были родом с западных окраин Российской империи. В тех краях жили вперемешку русские, украинцы, белорусы и евреи, границы между Польшей и Россией (Советским Союзом) периодически передвигались, и многоязычие было самым обычным делом. Это означало, что и отдельные люди, и целые семьи могли с полным правом объявить о своей принадлежности более чем к одной национальности, причем на их выбор в разное время влияли политические обстоятельства. Александр и Алена Захарченко (в Австралии свою украинскую фамилию они стали писать на польский лад — *Zacharczenko*) происходили из приграничных земель Российской

империи, оба были из смешанных русско-украинских семей. Они поженились в лагере украинских перемещенных лиц и, скорее всего, приехали в Австралию как украинцы, но, обосновавшись на новом месте, сами все-таки ощущали и называли себя русскими¹⁸.

Таня Чицова родилась в Винницкой области Украины, ее мать была чешкой, а отец — наполовину русским, наполовину украинцем, и она с детства привыкла молиться по-чешски, при отце говорила дома по-русски, а с его родней общалась по-украински¹⁹. Оказавшись в Австралии, она тоже ощущала себя русской (и преподавала в университете на кафедре русского языка и литературы).

Украинско-русский сплав встречался очень часто и был одним из самых неопределенных, поскольку изрядная доля населения той территории, которая сейчас зовется Украиной, говорила по-русски и официально относилась к русской национальности. (Это было не результатом какой-либо политики русификации, а последствием миграции крестьян, искавших работу, из перенаселенных центральных российских губерний. У русских, белорусов, поляков и евреев, живших в советские времена на территории УССР, в соответствующей графе паспорта значилась именно эта национальность, точно так же, как у украинцев, живших в РСФСР, было написано “украинец”).

Поскольку в межвоенные годы украинское (и белорусское) население оказались по разные стороны границы между Польшей и СССР, украинцы, выросшие по одну сторону этой границы, получили совершенно иной социальный опыт, нежели выросшие по другую сторону. Польская Западная Украина породила самых яростных украинских националистов и антикоммунистов. Их влияние продолжало ощущаться и в послевоенной австралийской диаспоре, отчасти потому, что многие новые приходы Русской православной церкви возглавили священники родом с Западной Украины²⁰.

Поскольку в Российской империи было много территорий с преобладанием нерусского населения (крупнейшие

из которых, как Украина и Казахстан, сделались национальными республиками в составе Советского Союза), довольно многие русские родились и выросли за пределами собственно России.

В советском паспорте Евгения Шевелева, бывшего советского гражданина, мигранта из числа перемещенных лиц, прибывших в Австралию после войны, в графе “национальность” значилось “русский”. Евгений родился в (советском) Казахстане, затем жил и работал на (советской) Украине, а потом началась война, и немцы угнали его в Германию; так он оказался на том пути, что привел его сначала во французский Иностраннный легион, а затем в Австралию.

Другой пример — Кузьма Муратида. Кузьма родился в семье русскоязычных этнических греков, то есть принадлежал к одному из малых народов, которые издавна жили на юге России и имели несчастье подвергнуться массовой депортации в советскую Среднюю Азию (наряду с несколькими другими этническими группами, чья лояльность советскому режиму в 1940-е годы была поставлена под сомнение). В 1947 году, когда Кузьма был подростком, его семья получила разрешение репатриироваться в Грецию. Но в итоге историческая родина оказалась для Муратида чужой страной, оттуда семья решила эмигрировать в Австралию, куда они прибыли в качестве греков-мигрантов. Однако юный Кузьма не желал отказываться от своего русского культурного наследия, в начале 1950-х годов посещал Русский общественный клуб в Сиднее и мечтал вернуться на родину, в Советский Союз²¹.

В Прибалтике — Латвии, Литве и Эстонии, бывших частями Российской империи до окончания Первой мировой войны и входивших в состав Советского Союза после Второй мировой, также в течение короткого периода с 1939 по 1941 год, — возникали всевозможные национальные гибриды. До революции там десятилетиями жило так много русских (а также поляков, немцев и евреев), что в художественной и интеллектуальной истории латвийской столицы

даже появились самодостаточные этнические образования: “русская Рига”, “немецкая Рига” и так далее. Но были и смешанные браки, поэтому множество людей после возникновения независимых балтийских государств в начале 1920-х годов получили латвийские или литовские паспорта, но при этом сохранили языковые и культурные связи с русской, немецкой, еврейской или польской общиной своей новой страны, а иногда с несколькими сразу.

Для русских, родившихся или выросших в Латвии, часто оказывалось безопаснее всего объявить себя латышами, когда они оказывались в роли перемещенных лиц или австралийских иммигрантов, однако позже, по прибытии в Австралию, они чаще всего прибывались не к латышской общине, а к русской²².

Многие из будущих австралийских русских иммигрантов были полукровками — наполовину русскими, наполовину прибалтами. Родившийся в Эстонии от брака эстонки с русским Флавий Ходунов мог бы считать себя эстонцем, если бы его мать не умерла, а отец не женился бы во второй раз на русской. В 1947 году в возрасте двадцати лет он приехал в Австралию, куда за ним последовала его невеста Василиса (вместе с родными), и их брак, заключенный в 1950 году, явно подкрепил его “русскость”.

Сигизмунд Дичбалис — с его совершенно нерусскими именем и фамилией — родился в Петрограде. Его отцом был литовец (он вскоре пропал без вести), а матерью — женщина или русская, или смешанного русско-польского происхождения, воспитавшая сына при участии своей матери хорошим русским советским мальчиком²³.

Немецко-русские семьи тоже не были редкостью в Прибалтике или в Восточной Европе, поскольку многие эмигранты происходили из старинных российских династий с немецкими корнями, ведь немцы стояли некогда у истоков служилой знати, создававшейся в России XVIII века Петром I и его преемниками. Братья Доннеры, Николай и Андрей, активные участники русского скаутского движения в Аделаиде,

родились в семье обрусевших немцев в Словении и выросли в Югославии.

Георгий Кёниг родился на территории, в ту пору принадлежавшей Румынии (а теперь Украине), в семье австрийца-католика и украинки, в чью униатскую веру отец перешел после женитьбы. Сам Георгий женился на русской девушке (хотя и родом из Белоруссии) в лагере перемещенных лиц, перешел в русское православие и стал называть себя на русский манер Георгием Ивановичем²⁴.

Алексей фон Саблер родился в дворянской семье обрусевших немцев, которая после революции жила в Эстонии и являлась частью русской белоэмигрантской среды. Его история была совсем простой по сравнению с происхождением его жены Валентины Кинкман, которая родилась в 1910 году в Ташкенте. Ее отцом был эстонец, зубной врач, а мать называла себя русской княгиней, принадлежавшей по вероисповеданию к иудеям-караимам. После революции семья Валентины переехала в Эстонию, где она в свое время встретила Алексея и стала его женой. После их переезда в Австралию в 1950 году Валентина повторно вышла замуж — на сей раз за мигранта из Югославии Соболича и, взяв его фамилию, завела литературный салон, известный тем, что там поддерживались культурные традиции русской интеллигенции²⁵.

Жизненные обстоятельства людей со схожими биографиями давали им довольно богатый выбор при определении своей национальной идентичности. Это играло важную роль в управлявшихся IRO лагерях перемещенных лиц, где практически ни у кого не было ни паспортов, ни других удостоверений личности, и человек, по сути, мог выбрать или придумать себе любую национальность, потому что у сотрудников IRO не было никаких способов проверить правдивость его слов (им приходилось полагаться на переводчиков из числа самих ди-пи, которые едва ли стали бы выдавать своих товарищей по несчастью, даже если бы им довелось подслушать, что человек, объявивший себя поляком или югославом, на самом деле русский).

Среди русских, оказавшихся в европейских лагерях перемещенных лиц, сомнительные заявления о национальной принадлежности были настолько часты, что их можно считать нормой. Но больше всех остальных к обману при заявлении о своей национальной принадлежности были склонны этнические русские и/или бывшие советские граждане. Белым русским часто приходилось скрывать, что в годы войны они сотрудничали с врагом, а бывшие советские граждане опасались принудительной высылки на родину в случае, если раскроется их настоящее происхождение.

Между тем с 1946 года западные союзники сообщали СССР, что в их лагерях больше нет русских, которых можно было бы репатриировать, и неявным образом побуждали русских, которые на деле еще оставались в лагерях, прибегать к маскировке. Так, большое количество русских, достигших берегов Австралии, прибыли туда под видом поляков, югославов, украинцев, чехов, латышей, литовцев и так далее — порой под вымышленными именами. По большей части эти люди выдумывали себе новые личности сами (раздобыть в лагерях ди-пи фальшивые документы было легче легкого), но за некоторых это делали другие: мы имеем в виду русских или бывших советских перемещенных лиц с сомнительным политическим прошлым. СССР считал их военными преступниками, так как они работали после войны на разведку стран-союзниц, и потому в Австралию их переселяли тайно, под эгидой IRO. Представители этой второй категории иммигрантов наверняка жили в страхе перед разоблачением, и у некоторых эти страхи сбылись в начале 1960-х, когда Советский Союз потребовал выдачи ряда военных преступников, осевших в Австралии. (Правительство Австралии ответило на эти требования отказом, но имена этих людей были опубликованы в прессе на иностранных языках.)

Даже невинные русские ди-пи, не имевшие на своей совести никаких военных преступлений, должно быть, чего-то побаивались, потому что очень многие из них в то или

иное время переезжали из страны в страну с липовыми документами и чужой национальностью.

Китайским русским, как правило, было нечего скрывать, и потому они гораздо реже “вывешивали чужие флаги”; однако обстоятельства эмигрантской жизни в Маньчжурии, где весьма пестрое по этническому составу множество мигрантов и беженцев из разных уголков бывшей Российской империи проживало в крупных городах с преобладанием русского населения, вроде Харбина, наверняка привели к некоторому искусственному разбуханию числа православных по вере и русских по национальности (или русских эмигрантов при японской оккупации 1930–1940-х). Среди русских были коллаборационисты, сотрудничавшие с японцами — врагами Китая в пору войны. Правда этим коллаборационистам так и не представилась возможность с оружием в руках выступить против союзников.

Безусловно, самой активной политической силой в русской общине Китая в 1930–1940-е годы была Русская фашистская партия, симпатизировавшая японцам, но к послевоенному периоду Австралия уже утратила всякий интерес к прояпонским коллаборационистам, да и СССР никогда не пытался разыскать, вернуть на родину и покарать за военные преступления тех из них, кто перебрался в Австралию. Кроме того, китайские русские приезжали с уже сформированным коллективистским сознанием и готовыми институтами и традициями, переезжая целыми семьями и городскими кварталами, тогда как для европейских ди-пи были характерны разобщенность и ощущение шаткости своего положения.

При чем здесь я

У меня нет родственных связей с русскими иммигрантами послевоенной волны — ни с европейскими, ни с китайскими. Моей родней с обеих сторон были австралийцы в четвертом или пятом поколении, в основном шотландского и ирланд-

ского происхождения — потомки лавочников, трактирщиков и прислуги, приехавших на континент в середине XIX века. Мои родители отклонились от той жизненной прямой, по которой двигались их родственники, принадлежавшие к костяку мелкой буржуазии и ее низам, и сделали интеллектуалами левого толка, примкнув к особой социальной группе, которая в 1950-е годы занимала шаткое и маргинальное положение. Я росла в 1940–1950-е годы на восточных окраинах Мельбурна, и в частной школе, куда я ходила, не было детей переселенцев из числа ди-пи. Зато, что было нетипично для австралийцев того времени, мы жили в многоквартирном доме, где чуть ли не все соседи были евреями, беженцами из Европы, и говорили они на разных языках, которых я не понимала и не отличала один от другого. И вокруг этих соседских семей витала какая-то загадка: на вопрос, откуда они, они не могли дать четких ответов о собственной национальности или родине, и, что озадачивало еще больше, порой они обвиняли другие семьи из нашего дома в присвоении чужой национальности и чужой родины. Тогда я ничего из этого не понимала, но загадка так и осталась при мне.

В детстве меня раздражало, когда люди в трамвае говорили на иностранных языках, и в глубине души я считала, что такое нужно запретить (со мной согласилась бы Лига ветеранов*, но мои родители скорее всего нет). Будучи социалистами, мои родители старались избегать предвзятых суждений о приезжих иностранцах. Но, будучи семьей с левыми взглядами, мы не симпатизировали перемещенным лицам, за исключением евреев. Мы придерживались мнения, что эти иммигранты, особенно с Западной Украины и из Прибалтики, с большой вероятностью могли быть в прошлом нацистскими пособниками, а следовательно, принадлежат к вражескому клану. Из китайских русских мы не знали никого, кроме Нины Кристесен, которая давно возглавляла отделе-

* *Лига ветеранов и служащих солдат* — австралийская организация, целью которой является помощь и поддержка служивших и служащих в вооруженных силах Австралии. (Прим. ред.)

ние русистики Мельбурнского университета и иногда подвергалась политическим нападкам: ее муж Клем (основатель и редактор литературного журнала *Meanjin**) принадлежал к нашему кругу левых интеллектуалов. Отец Нины, полковник Максимов, ярый монархист-белогвардеец, приехавший в Квинсленд через Китай в 1920-е годы, жил в отдельном домике на краю сада Кристесенов в Элтеме**, и, помню, я побаивалась и его самого, и его собаки.

Позднее, уже став историком-русистом, я не очень-то задумывалась о русских эмигрантах. Меня куда больше интересовали те русские, что остались жить в Советском Союзе. С начала 1960-х до конца 1980-х моими близкими друзьями из русских были советские граждане, москвичи, питавшие некоторую неприязнь к эмигрантам что первой, что второй волны. А в 1989 году, когда я встретила Михаила Даноса, моего будущего мужа, мне пришлось посмотреть на все это под иным углом. Миша родился в Риге, его отцом был венгр-эмигрант, а матерью — латышка, а общими языками его родителей были русский, немецкий и (поскольку оба пели в опере) итальянский. После принудительного и краткосрочного (в 1940–1941 годах) обретения советского гражданства Миша оказался в зоне немецкой оккупации, и над ним нависла угроза призыва в войска СС, но он избежал этой участи, сделав весьма неожиданный ход: уехал в Германию и стал студентом (будущим инженером) в Дрездене, где потом едва не погиб во время бомбежки города союзной авиацией. Затем он стал считаться перемещенным лицом (как латвиец он попадал в категорию советских граждан, которых СССР требовал вернуть на родину, но поскольку западные союзники не собирались его никому передавать, это его не особенно тревожило) и в таковом качестве при британцах закончил обучение в Ганновере, а потом, при американцах, защитил диссертацию по физике в Гейдельберге, после чего в рамках программы IRO переселился

* *Meanjin* (Миэнджин) — аборигенное название местности, где позже европейские колонизаторы основали город Брисбен, столицу штата Квинсленд.

** *Элтем* — пригород Мельбурна.

в США²⁶. Если вместо США он выбрал бы тогда Австралию, то стал бы одним из тех самых послевоенных мигрантов, на которых так подозрительно поглядывали члены моего левацкого клана. Эта мысль служила мне полезным предупреждением, пока я писала эту книгу, рассказывающую о людях, которые стремились пережить эту войну, как только умели.

Источники

Историки, исследующие миграцию, вынуждены обращаться во множество архивов. Я начала с международных организаций, занимавшихся делами беженцев, — Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (*United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA*) с ее архивом в Нью-Йорке и Международной организации по делам беженцев (IRO) в Париже, потому что, приступая к работе над этой книгой, я все еще жила в США. Для этих международных бюрократических аппаратов перемещенные лица были коллективными объектами “заботы и содержания”, а отдельным людям они уделяли внимание лишь тогда, когда те по каким-либо причинам создавали сложности. Затем настал черед Национального архива Австралии, особенно его фондов, посвященных иммиграции, где хранятся и списки пассажиров, и картотеки разведслужб.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) в Москве неожиданно подарил мне волнующее открытие — ряд донесений от внедренного агента советской разведки в Австралии, чья миссия состояла в том, чтобы уговаривать бывших советских граждан, переселившихся туда благодаря IRO, вернуться на родину. К материалам другого российского архива — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), находящегося в Хабаровске, а именно к личным делам русских, живших в Маньчжоу-го при японской оккупации, — удалось получить доступ благодаря посредничеству Екатерины Хит, а в архиве

Шанхайской муниципальной полиции, куда имеется доступ онлайн, обнаружили донесения о русской общине в Шанхае и о деятельности Русской фашистской партии в 1940-е годы. Завершали мой список служила мне полезным предупреждением, Британский национальный архив и Международная служба розыска (*International Tracking Service, ITS*) в Бад-Арользене, а также небольшие частные и ведомственные архивы в Великобритании, Германии и США.

Австралийская пресса той поры, когда приход кораблей из Европы и Азии все еще был в новинку, оказалась весьма ценным источником, ведь многие газеты спешили отправить своих корреспондентов прямо в порт, чтобы взять интервью у заинтересовавших их пассажиров. Все эти материалы доступны теперь онлайн благодаря чудесному ресурсу *Trove*, красе и зависти других стран. Чрезвычайно полезной оказалась и главная русскоязычная газета Австралии “Единение”, еженедельно выходившая в Мельбурне с 1951 года, хотя из-за связи с конспиративной международной антисоветской организацией НТС и из-за твердой антикоммунистической позиции она, безусловно, позволяет получить довольно одностороннее представление о жизни русской общины в Австралии.

Ведомственные архивы очень полезны тем, что помогают понять, как формировалась политика и велись внутренние дискуссии между чиновниками, но разобраться в сути отдельных случаев они уже не позволяют. Для UNRRA и IRO отдельные люди оказывались “трудными случаями”, в материалах ASIO*, БРЭМа и ГА РФ они являются объектами наблюдения, регистрации и убеждения, а в списках пассажиров, прибывавших в австралийские порты из Европы и Азии в послевоенные годы, мигранты предстают количественно измеримыми единицами, наделенными именами, возрастом, полом, национальностью, гражданством, вероисповеданием, семейным положением и профессией.

* ASIO (*Australian Security Intelligence Organization*) — Австралийская служба безопасности и разведки.

Но прежде чем взяться за работу над этой книгой, я написала книгу об одном-единственном перемещенном лице, хорошо мне знакомом — моем муже Мише, и потому я уже знала, насколько сложной и неоднозначной может оказаться судьба отдельного человека и совершенные им выборы. Я досадовала на то, что русские перемещенные лица, если только у них не было ярко выраженных политических взглядов или они не попадали в какую-нибудь беду, оставались для меня как бы в тумане, мне трудно было представить их как живых людей. Здесь очень помогали устные рассказы, опубликованные мемуары и семейные истории, особенно в случае китайских русских, которые рассказывали о своем прошлом откровеннее, чем ди-пи из Европы (причем не только в беседах с интервьюерами, но и со своими же родными)²⁷; а богатый частный архив, к которому меня любезно допустили Николаюки, позволил мне подробно ознакомиться с европейским маршрутом одной семьи, закончившимся в Мельбурне. Важными проводниками по миру русской общины стали для меня мои коллеги и друзья Мара Мустафина и Елена Говор, изнутри знавшие жизнь этой общины так, как мне и не снилось. Но лишь когда я взялась читать русскоязычный журнал “Австралиада — русская летопись”, выходявший ежеквартально с 1994 по 2014 год, и прочла все до одного его выпуски, только тогда у меня появилось ощущение, что я наконец раскусила русских и научилась видеть их такими, какими они видят себя сами.

Разумеется, решение смотреть на человека его собственными глазами чревато своими подводками. Многие публиковавшиеся в “Австралиаде” автобиографические и основанные на интервью биографические очерки показывали их авторов или героев ровно такими, какими те желали предстать перед публикой, и проверить правдивость их рассказов невозможно. Костяк редколлегии (главным редактором журнала долгое время была Наталья Мельникова) составили русские, приехавшие в Сидней из Харбина в 1957 году и затем начавшие вместе работать в русскоязычной школе имени Святого Николая на юге Сиднея. Затем к ним примкнули летописцы

общины Татариновы — муж и жена, приехавшие из Шанхая в 1949 и 1951 году соответственно, и несколько представителей послевоенной волны иммигрантов из Европы, в том числе предводитель патриотической православной организации “Витязь” Анатолий Закрочимский и член НТС, являвшийся также редактором “Единения”, Юрий Амосов. Все “европейцы” принадлежали к первой волне русских эмигрантов, бывших советских граждан из контингента перемещенных лиц среди них не было. Иными словами, журнал был ориентирован на харбинскую группу православного антикоммунистического крыла сиднейской русской общины, центром которой являлся Стратфилд, западный пригород Сиднея.

На страницах “Австралиады” оставалась практически невидимой намного более малочисленная группа русских с левыми взглядами, имевшаяся внутри сиднейской послевоенной диаспоры иммигрантов, — она вращалась вокруг Русского общественного клуба, в итоге обосновавшегося в Лидкомбе, другом западном пригороде Сиднея. Среди многочисленных автобиографических и биографических очерков в “Австралиаде” перемещенные лица советского происхождения (или, по крайней мере, те люди, кто признавался в таковом происхождении) были представлены скудно, а русские евреи вообще не рассматривались редакцией журнала как часть русской диаспоры. Иными словами, мои биографические источники грешат явной необъективностью коллективного характера, а также множеством индивидуальных погрешностей. Чем ярче и убедительнее отдельно взятая история, тем больше вероятности, что историк, поверив рассказчику, воспроизведет его предвзятые мнения и ложные допущения. Кроме того, возникала опасность, что целые куски чужого опыта и чужой жизни, которые мои источники просто оставляли за скобками, окажутся преданы забвению. Я пыталась исправлять эти перекосы, но иногда, ввиду отсутствия хоть каких-то источников, которые могли бы рассказать о недостаточно представленной группе или каком-либо неясном эпизоде, сделать это практически невозможно.

Критерии

Для любой истории очень важны начало и конец. С отправной точкой для этой книги сложностей не возникало: в первую очередь это разнообразные перемещения, с которых и начинались скитания, в итоге заканчивавшиеся в Австралии. Для некоторых людей, чьи судьбы я изучила, толчками к бегству из родных мест послужила Гражданская война в России, разразившаяся после большевистской Октябрьской революции (1917) и закончившаяся в начале 1920-х. Для других таким толчком стало начало Второй мировой войны (1941), а для иных — приход к власти коммунистов в Китае (1949). Выбрать дату окончания этой истории уже труднее. Меня интересовали странствия, завершавшиеся приездом в Австралию, но большинство европейских русских приехали сюда в период с 1947 по 1951 год, раньше китайских русских, приезжавших в первые послевоенные годы в относительно небольших количествах, а в более заметных — уже в 1950-е годы, причем это переселение — и его новые волны, и воссоединение семей с ранее уехавшей родней, — продолжалось вплоть до начала 1960-х.

Мне хотелось показать, в каком положении оказались русские мигранты после прибытия и что их здесь ожидало, чтобы дать представление о том, что значил для них переезд в Австралию, и в то же время не хотелось слишком углубляться в пусть и захватывающую, но уже совершенно отдельную историю о том, как два этих потока иммигрантов затем постепенно сближались и какого рода сообщества возникали от их слияния.

Я решила взять за ориентир антикоммунизм, за который столь упорно держались послевоенные русские мигранты, и деятельность спецслужб, неотступно следовавших за ними (главным образом разведки австралийской, но еще и советской, и в некоторой степени американской и британской), а заключить свой рассказ известным делом Петрова (1954).

Владимир Петров, живший в Канберре советский дипломат, попросил в Австралии политического убежища, и его бегство привело к созданию Королевской комиссии по шпионажу, вызвало потрясение в австралийской политике и дало русским иммигрантам возможность поднять свои антикоммунистические знамена и заявить о том, что они знают о коммунизме “изнутри”. Хотя дело Петрова и оказалось в итоге лишь мимолетным эпизодом в истории иммигрантского антикоммунизма, оно тем не менее ознаменовало тот момент, когда русские иммигранты впервые шагнули из тени на свет и попытались сыграть хоть какую-то роль на политической сцене Австралии, а читатели австралийских газет, в свою очередь, впервые осознали, что среди множества нахлынувших в их страну в послевоенную пору “прибалтов” и других перемещенных лиц, говоривших с непонятными акцентами и носивших непроизносимые имена, есть, оказывается, и русские.

Отвечая на мучительный вопрос “кто такие русские?”, я, прежде всего, придерживалась правила, что русские — это те, кто считает себя таковыми, особенно если они продолжают говорить по-русски и поддерживать какую-либо связь с русскоязычной общиной в Австралии. Для настоящей книги больше подходило бы слово “россияне”, но его недостаток состоит в том, что такое определение практически невозможно выразить количественно, и оно не соотносится с официальными наименованиями национальностей, которые указываются в паспортах и других документах. Да и оно тоже подвержено изменениям, в зависимости от обстоятельств, как более чем наглядно показывает пример Ивана Николаюка: в разные моменты жизни один и тот же человек мог, даже несколько не фальсифицируя факты своей биографии, называть себя русским или украинцем, русским или евреем и так далее. А множество людей по политическим или иным важным соображениям к подобным фальсификациям все же прибегали.

В моем рассказе фигурирует множество людей, причем обычно они появляются не однажды. Описывая какой-нибудь общий маршрут — например, выезд из Советского

Союза в годы Второй мировой, — я стараюсь приводить целый ряд отдельных примеров (обычно речь о русских, в итоге эмигрировавших в Австралию), чтобы показать разнообразие обстоятельств и мотивов, которые могли заставить советского гражданина пересечь границу. Кто-то ехал добровольно, другие против своей воли; одни уезжали из-за сильной неприязни к советскому коммунистическому режиму, другие — потому, что сотрудничали с немецкими оккупантами и опасались расплаты в случае возвращения советской власти. Такова сознательная стратегия историка, желающего показать, какие сложные обстоятельства скрываются обычно за обобщениями.

При публикации исследований вроде этого, где речь заходит о сложных жизненных маршрутах в пору войн и больших потрясений, встает трудный вопрос: приводить ли настоящие имена людей, чьи судьбы описываются? Я думала об этом долго и мучительно, долго спорила на эту тему с моими дорогими коллегами Рут Балинт, Джейн Першиан и Жюстин Гринвуд и моей аспиранткой Эбони Нильссон, потому что и перед ними вставал тот же самый вопрос. В одной из статей, которую я писала, опираясь на материалы из советских архивов, о деятельности одного внедренного агента, уговаривавшего бывших ди-пи в Австралии репатрироваться в СССР, я в последний момент решила использовать только имена и первые буквы фамилий: мне подумалось, что родственникам тех людей, кого советская агентура пыталась завлечь на родину, но кто отказался возвращаться, может быть неприятно увидеть эту историю выставленной на всеобщее обозрение. Однако здесь уже не статья, а целая книга, и обилие всех этих полуфантомных Лидий С. и Иванов П. превратило бы ее в сущий кошмар для читателя. Кроме того, многие из героев рассказывали о своей жизни открыто, не утаивая своих настоящих фамилий, и даже с явной гордостью. Могла ли я как социальный историк, к тому же с некоторой склонностью к обнаружению “скрытых голосов”, с чистой совестью вновь ввергнуть их в анонимность?

Возникал и другой вопрос: как быть с информацией, касавшейся сотрудничества с нацистами в Европе и с японцами в Китае и принадлежности иммигрантов к фашистской или коммунистической партиям, информацией, которая сохранилась в личных делах или в материалах, добытых разведкой, и хранилась в различных государственных и международных архивах? С одной стороны, подобная информация открыта для публичного ознакомления (пусть к ней и не всегда легко получить доступ), а с другой стороны, ее обнародование может огорчить родственников тех людей, о которых идет речь, пусть даже имена их уже предавались огласке ранее, причем в обвинительном ключе. Хотя моя книга не имеет обвинительного характера, все равно подобные упоминания могут кому-то сделать больно. Собственно, я ощутила все это на собственной шкуре, когда прочитала несколько рецензий на книгу «Мишкина война»: их авторам понравилась сама книга, но к ее герою, Мише, они отнеслись отрицательно.

Несмотря на этот опыт (а может быть, и благодаря ему), я решила все-таки оставить в тексте настоящие имена, за исключением нескольких случаев, когда люди, чьи биографии в целом так и остались для меня неизвестны, подвергались явно бездоказательным нападкам. Я пишу о реальных людях со сложными судьбами, о них говорят самые разные источники, а также повествуют их собственные рассказы, и, мне кажется, лишать их имен было бы попросту неуважением. Это моя история, поскольку я автор и потому распорядитель событий, но все-таки это еще история их жизней.

Часть I

**Перемещенные
лица в Европе**

Глава 1

Перемещение

В 1940-е годы в моде было слово “перемещение”, а беженцев называли “перемещенными лицами”. Однако “перемещенные лица” в Европе, которых с 1947 года опекала Международная организация по делам беженцев (IRO), были беженцами особого рода. Большинство из них не покидали родную страну по своему желанию, их оттуда вывезли насильно. Обычно речь шла об “остарбайтерах” — людях, угнанных в качестве рабочей силы в Германию во время войны с оккупированных немцами территорий, или о солдатах, попавших в плен и потому тоже оказавшихся в момент окончания войны в Германии. Сам термин “перемещенные лица”, который Международная организация по делам беженцев подхватила у Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA), применялся исключительно к тем, чье перемещение произошло в период с 1939 по 1945 год и стало результатом “войны и фашизма”. Многими из этих перемещенных лиц, или ди-пи, были советские военнопленные и угнанные на работы жители России и Украины. UNRRA нашла решение проблемы, которую представляли все эти люди, в их возвращении на родину, но и оно обернулось новой проблемой, когда выяснилось, что основной костяк ди-пи в Германии и Австрии отказывается репатрироваться в Советский Союз¹. В 1947 году на сцену вышла IRO и предложила новый выход из положения: переселить

перемещенных лиц в страны за пределами Европы, в том числе в Австралию.

Однако, помимо русских и советских ди-пи, имелась и другая категория русских беженцев, с которыми требовалось что-то делать: эмигранты первой волны, покинувшие Россию после большевистской революции 1917 года. UNRRA была левацкой организацией, и ее сотрудники нередко смотрели на старых эмигрантов как на пособников нацизма и вообще на людей вне зоны их ответственности; как лица без подданства, не являвшиеся до начала войны советскими гражданами, они в любом случае не подлежали репатриации в СССР. Круг компетенции и обязанностей IRO был шире, охватывая не только перемещенных лиц, но и просто беженцев, и по мере того, как холодная война разворачивалась, на эмигрантов первой волны все чаще смотрели благожелательнее — скорее как на антикоммунистов, чем на пособников нацизма. В результате изменившегося подхода и им суждено было стать частью того потока русских мигрантов, что хлынул после войны в Австралию.

Эмигранты первой волны

Считается, что после большевистской революции 1917 года и через несколько лет, по окончании Гражданской войны между красными и белыми, бывшую Российскую империю покинули около миллиона человек, причем среди них подавляющее большинство составляли представители высших сословий и образованные люди разных профессий. Одни выехали из России на запад или на юго-запад через Турцию и осели в Европе, где и прожили межвоенные годы; другие устремились на восток и обосновались в Китае. Их часто называли белыми русскими, лицами без подданства или обладателями нансеновских паспортов (удостоверений личности, которые выдавала Нансеновская международная организация по делам беженцев, учрежденная Лигой Наций). Согласно приво-

димым Лигой Наций данным, в 1927 году больше всего русских эмигрантов проживали во Франции (400 тысяч человек), за ней с изрядным отставанием следовали Польша (90 тысяч) и Китай (76 тысяч); еще меньше русских осело в Латвии (30 тысяч), Чехословакии и Югославии (по 25 тысяч)². Германия, не фигурировавшая в данных Лиги Наций, приняла в 1922 году от 230 до 250 тысяч беженцев, но многие потом уехали из-за гиперинфляции и политической нестабильности в стране, так что к 1930 году их количество упало приблизительно до 90 тысяч³.

Париж обычно считался творческим и культурным центром русской эмиграции, а Берлин — центром политическим, причем он притягивал и крайне левых, и крайне правых. Прага стала академическим центром, а Белград (столица Югославии, где правил тогда король-русофил, а большинство населения составляли православные сербы) получил известность как город, где поселилось больше всего белогвардейцев, сражавшихся во время Гражданской войны против красных⁴. В 1920–1930-е годы другим крупным центром русской эмиграции с бурной культурной и политической жизнью был китайский Харбин, хотя европейские эмигранты и считали его захолустьем. Наиболее важными источниками послевоенной первой волны иммиграции в Австралию предстояло стать Белграду и Харбину с небольшой примесью переселенцев из Латвии, артистического Парижа и ультраправого (но не ультралевого или даже левоцентристского) Берлина.

В 1919–1922 годах, по мере того как в боях Гражданской войны белые терпели поражение за поражением, целые воинские соединения белых спешно эвакуировались из России через Константинополь на запад и через Владивосток в противоположном направлении. Один из руководителей Белого движения, Петр Врангель, эмигрировал в Югославию и создал там Русский общевоинский союз (РОВС) для объединения бывших белых офицеров и подготовки к будущей войне против Советского Союза⁵. Среди русских, достигших после Второй мировой войны берегов Австралии, слишком многие

заявили, что происходят из семей белогвардейцев-аристократов, так что можно поставить под сомнение эти утверждения. Будущие австралийские иммигранты Константин и Ирина Халафовы, Николай Коваленко, Александр Мокрый, Наталия Баич и Георгий Некрасов родились в семьях белых русских офицеров и росли в Югославии в 1920–1930-е годы⁶.

Многие в белоэмигрантской среде относили себя не только к русским, но и к казакам. Два эти множества не тождественны, однако могут пересекаться. Можно было услышать: “Мы прежде всего русские, а затем казаки”⁷, а в некоторых случаях люди причисляли себя к казачеству прежде всего из романтических побуждений, желая ощущать себя одновременно русскими и воинами. Казаки в царские времена жили преимущественно на окраинах империи, занимались сельским хозяйством и несли военную службу, объединялись по территориальному принципу в “войска” — например, Донское, Кубанское и Терское на юго-западе Российской империи — и составляли отдельное сословие, имевшее особые права и особые обязанности по отношению к государству. Несмотря на крепкие связи с империей и защитой ее границ в поздние годы империи, западные казаки обладали еще и особой тягой к “воле” — неотъемлемой составляющей истории самого этого сословия. Ведь, по преданию, казачество образовалось из беглых крепостных, именно они и основали первые казачьи станицы на окраинах империи, а в начале XX века некоторые даже выступали с идеей создания своего независимого государства (Казакии)⁸. В то время, когда случилась революция, многие жившие на юге казаки были преуспевающими земледельцами, и в ходе Гражданской войны они вступали в ожесточенные бои с большевиками и в подавляющем большинстве вставали на сторону белых.

И в Европе, и в Китае русские эмигранты оставались, как правило, изолированными группами и больше занимались собственными делами, чем взаимодействовали со средой, в которой оказались. В случае Харбина, который в 1920-е годы все еще был не китайским, а русским городом, это, по-

жалуй, даже естественно. Но и в Европе русские эмигранты держались особняком, не спеша ассимилироваться в приютивших их странах. Не хотели они принимать и чужое гражданство, даже когда такую возможность им предоставляли, как было в Югославии. Им хотелось самим оставаться русскими и передавать эту идентичность своим детям в надежде на то, что власть большевиков когда-нибудь рухнет, и тогда они сразу же вернутся на родину. Во всех крупных центрах эмиграции создавались русские гимназии, хотя к 1930-м годам их стало существенно меньше. Если говорить о высшем образовании, то в Праге, Берлине и Белграде в первые годы училось столько русских (около 8 000 человек в начале 1920-х годов), что для них даже создали отдельные факультеты и программы обучения. К концу 1930-х, конечно, картина изменилась, и остались только два сугубо русских высших учебных заведения (Православный богословский институт и Русская консерватория в Париже), и большинство русских студентов, уже овладевших языком принявшей их страны, поступали в обычные университеты. К числу этих людей принадлежали Константин и Ирина Халафовы, постигавшие архитектуру в Белградском университете, Лидия Федоровская (позднее Храмцова) и Иван Николаюк, изучавшие в Варшавском университете археологию и инженерное дело соответственно⁹. Если бы не война, то, быть может, это поколение русских не сохранило бы такой обособленности, однако второе переселение, вызванное войной, лишь усилило ее.

Сложившаяся в довоенную пору русская диаспора, которую иногда называют Русским Зарубежьем, была прежде всего культурным явлением, и ее представители считали себя в первую очередь хранителями русской культуры и русского духа, которые новые правители России — временные, как хотелось тогда думать изгнанникам, — напрочь отвергли¹⁰. Однако русская эмигрантская среда, единая в этом самовосприятии, совершенно по-разному относилась к русской интеллигенции, традиционно критиковавшей русскую аристократию. Эмигранты из числа либералов и социалистов, осевших в Бер-

лине и Праге, как правило, считали себя продолжателями интеллигентской традиции и выпускали толстые журналы, где публицистика соседствовала с художественными произведениями таких авторов, как подававший надежды молодой Владимир Набоков (скрывавшийся под псевдонимом В. Сирин), который до 1937 года жил в Берлине и писал по-русски.

Между эмигрантскими артистическими кругами и русским Серебряным веком 1910-х годов просматривались явные связи. Модернисты, такие как композитор Игорь Стравинский и создатель Русского балета Сергей Дягилев, пользовались международным признанием и оказывали влияние на искусство других стран, особенно на авангардную культуру Германии в период Веймарской республики. Однако внутри самой эмигрантской среды модернизм как течение пользовался успехом лишь у меньшинства. Если говорить о русском литературном наследии, то среди эмигрантов все заметнее возрастала популярность Достоевского с его склонностью к мистицизму. В 1937 году вся русская диаспора в едином порыве отмечала годовщину гибели Пушкина; во французской концессии в Шанхае местные белые русские поставили ему памятник¹¹.

Однако ни в коем случае не следует полагать, что и читатели толстых журналов были такими же либералами, как их издатели: напротив, чаще всего они придерживались консервативных и монархических взглядов, типичных для эмигрантской среды в целом¹². По мнению среднестатистического эмигранта, именно русская интеллигенция, пораженная западническим и радикализмом, помогла приблизить катастрофу русской революции, и потому вызывала довольно сильную неприязнь. Подобные настроения только окрепли после того, как во второй половине 1930-х годов большинство либералов, социалистов и художников-модернистов уехали из Европы в США — подальше от нацистского режима. Среди уехавших в Америку были Владимир Набоков (жена — на русской еврейке), Игорь Стравинский и все заметные социалисты из числа русских эмигрантов, в том числе не-

сколько евреев. Их отъезд также привел к сужению представления о том, кто такие русские и что такое русская культура. Более широкое определение, вытекавшее из самих реалий имперской жизни и распространявшееся на русскоязычных людей всех национальностей и вероисповеданий (“российское”), понемногу уступало место понятию более узкому, привязанному только к русской национальности и русскому православию. Крупнейший историк, специалист по русской интеллигенции и русскому зарубежью Марк Раев, выросший в эмиграции в семье еврея и лютеранки, сталкивался с парадоксом: такие люди, как он и его семья, сами ощущали себя частью русской интеллигенции и русской эмиграции, однако с ними далеко не обязательно согласилось бы большинство их собратьев по изгнанию¹³.

По крайней мере, до начала XX века большинство представителей русских образованных (и ориентировавшихся на Запад) сословий относились к православной вере довольно прохладно. Но после революции все в корне переменялось: русские эмигранты вдруг бросились в лоно православия с таким же пылом, с каким советское правительство ниспровергало и топтало его. Произошло нечто вроде духовного возрождения. Религиозные философы Николай Бердяев и Георгий Федотов — бывшие марксисты, которые обратились к христианству уже после революции и прожили почти все межвоенные годы в эмиграции во Франции, — переосмысливали русскую культуру на новый лад, ставя православие в самый ее центр. В 1930-е годы упрощенный вариант этого интеллектуального направления пользовался большим спросом в белоэмигрантских кругах Белграда и Риги, где далеко не такой интеллектуальный консервативный монархизм, главными ценностями которого были воинская доблесть и антикоммунизм, распространился куда шире, чем утонченный модернизм, не говоря уж об антибольшевистском социализме, изредка еще встречавшемся среди русских в Париже.

На более приземленном уровне православная церковь и ее священнослужители играли важную роль в повседнев-

ной жизни русских эмигрантов в Европе, в равной мере благословляя патриотические, военные, монархические и антикоммунистические объединения, освободительные армии и движение русских скаутов. Для большинства православных священников в эмиграции вышестоящей церковной организацией была Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ), возникшая после революции в противовес подчинявшемуся советской власти Московскому патриархату¹⁴. Традиционно священниками становились потомки семей духовенства (сословие занимало довольно низкую ступень на общественной лестнице), но в межвоенную пору в эмигрантской среде в священники подались некоторые отпрыски знатных родов. Одним из них был Константин Ессенский, воспитанный в эмиграции в Латвии после того, как его отца, дворянина, убили во время революционной смуты большевики; позднее он станет епископом Брисбенским.

Алексей Годяев — выпускник Мюнхенской Политехнической школы, где он обучался сыроделию, и оперный певец, которому предлагали работу в театре Ла Скала, — родился в России в семье священника, но сам принял духовный сан довольно поздно: ему было тогда уже около пятидесяти лет, он находился в Вене в качестве перемещенного лица, а всего через несколько месяцев уже отправлял первую службу по православному обряду в Бонегилле — лагере для мигрантов в Австралии¹⁵.

До революции скаутское движение не успело стать привычной частью воспитания русских детей, но в эмиграции оно пережило взлет — и в Европе, и в Китае, а потом и в Австралии. “Движение бойскаутов, как полагали, развивало в детях именно те качества, которых так не хватало России в годы великих испытаний войной и революцией”, — физическую силу, практическую сметку и патриотизм, одновременно не давая пасть духом и утратить ощущение своей русскости. Почти все дети русских эмигрантов в Европе вступали в скаутские отряды: Константин Халафов и его будущая жена Ирина подростками состояли в русском скаут-

ском движении в Белграде, а Леониду Артемьеву в Вильно приходилось довольствоваться членством в польском скаутском отряде¹⁶.

Притом что “большинство эмигрантов были на уровне эмоций монархистами”, как пишет Марк Раев, “политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства”¹⁷. Однако главной твердой позицией, которой придерживались и меньшинство, и большинство, оставался антикоммунизм, и в обстановке 1930-х непропорционально заметными и влиятельными сделались активисты правого крыла. Белые русские в Мюнхене оказали некоторое влияние на нацистское движение в пору его становления¹⁸, а по мере того как в 1930-е годы немцы начали надвигаться на Восточную Европу, они создали Управление по делам русских эмигрантов, куда вошли некоторые представители русской эмигрантской диаспоры, правые по своим взглядам. Владимир Янковский — белый русский, выросший в Эстонии, — по-видимому, завязал какие-то связи с этим управлением, когда работал журналистом в Белграде в конце 1930-х, в 1940 году он переехал в Берлин и уже устроился на штатную работу в само ведомство. В 1950-е годы, пережив некую трансформацию, он оказался в Мельбурне уже православным приходским священником. Среди русских эмигрантов в Европе было сравнительно мало таких, кто одобрял и принимал нацистскую идеологию — вероятно потому, что в сконструированной нацистами расовой иерархии славянам отводилось место в самом низу. Впрочем, отдельные поклонники нацистов среди русских правых все же находились. Пожалуй, самым известным из них был получивший образование в Санкт-Петербурге Михаил Спасовский. Впоследствии он перебрался в Австралию через Тегеран и Шанхай¹⁹.

Самой энергичной антикоммунистической силой правого крыла в русской эмиграции был Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). Основанный в начале 1930-х, НТС быстро набирал популярность среди эмигрантской молодежи в Югославии, а затем его деятельность

распространилась на Париж, Прагу и далее. Сторонниками НТС становились поборники модернизации, которые разочаровались в демократии, тянулись к фашизму и ощущали усталость от устаревших взглядов своих родителей-эмигрантов. Под влиянием корпоративизма тогдашних итальянских и португальских фашистов они выработали идеологию “солидаризма”, который, по их представлениям, должен был заменить марксизм. Солидаристы мечтали о будущем органическом российском государстве, тесно связанном с русским православием; евреям и другим чуждым элементам места в нем не было. Однако главным, что привлекало молодежь к солидаристам, были их энергичный идеализм и обещание смелой конспиративной деятельности: в частности, они планировали нелегально пересекать границу Советского Союза и распространять там свои подрывные идеи. Некоторые молодые люди из русской эмигрантской среды встречали членов НТС в 1930-е годы или во время войны, но еще больше их было в лагерях перемещенных в лиц в Германии после войны. “Гимн «Бьет светлый час» звал на баррикады, — писала Ирина Халафова, вспоминая свою юность, прошедшую в Белграде в 1930-е годы. — Все вышеупомянутые события моей жизни происходили на фоне «нацмальчиков». Многим (хотя, наверное, не Халафовой) казалось, что это самое “нац” в “нацмальчиках” слишком уж отдаёт близостью к нацистам. Впрочем, НТС предпочитал довольно заносчиво считать себя независимой “третьей силой”, занимающей промежуточное положение между национал-социализмом и советским коммунизмом, и объявлял своей целью освобождение России²⁰.

Реваншистские устремления приводили некоторых русских, в том числе и лидеров НТС, в скользкий мир международной разведки. Родившийся в Австралии Чарльз (Дик) Эллис, с середины 1920-х работавший на британскую МИ6 и женатый на русской, завербовал нескольких белых русских в Париже, а некоторые из этих агентов оказались одновременно завербованы немецким абвером и/или советскими

спецслужбами. Одним из этих людей был князь Антон Туркул, работавший в 1920-е годы в Русском общевойсковом союзе и имевший обширные международные связи, в числе прочих со шпионской сетью Макса — Клатта абвера, с британской MI6 и, как выяснилось позже, с советской разведкой²¹. В довоенные годы готовность НТС проводить тайные операции побуждала его устанавливать контакты с французской, польской, японской, румынской и, вероятно, британской разведывательными службами²².

В годы войны

Первыми под власть нацистов попали русские эмигранты, жившие в Германии. В 1939 году, когда немцы оккупировали Польшу, все, кто там жил, в одночасье оказались в рейхе. В начале 1940 года та же участь постигла эмигрантов в Чехословакии, Болгарии и остальных странах Восточной Европы. Что касается эмигрантов, живших во Франции, то парижане (вероятно, большинство) очутились прямо под немецкой оккупацией, а остальные жили под властью коллаборационистского правительства Виши. В целом русские эмигранты поначалу не увидели в этих изменениях ничего страшного, ведь нацисты были врагами советских коммунистов.

Просоветские настроения наблюдались среди европейских эмигрантов крайне редко. Другое дело — Китай, где многие русские эмигранты, даже бывшие белогвардейцы, после вторжения немцев в Советский Союз сделались горячими патриотами и всей душой болели за победу СССР в войне. В Европе с животрепещущей остротой, похоже, вставал вопрос, одобрять или осуждать активное пособничество немцам. Среди бывших белых офицеров, особенно казаков, многие хотели пойти на войну добровольцами, чтобы «драться с большевиками»²³. По воспоминаниям Ирины Халафовой, значительная часть эмигрантов в Югославии «поддалась на приманку немцев — переброске на русский фронт... Со-

зданное немцами «Освободительное движение» очень затруднило положение той части эмиграции, которая не хотела коллаборации с немцами»²⁴.

Русский корпус возник как сплав старого антибольшевистского милитаризма европейской эмиграции с новым представлением о возможностях, которые открывал начавшийся поход немецкой армии на восток — *Drang nach Osten*. По крайней мере часть русского иммигрантского сообщества в Австралии вспоминала о нем с теплотой как о воплощении «белой идеи», продолжении славной традиции сопротивления большевизму, продолжавшейся со времен Гражданской войны. Безусловно, именно под таким углом удобнее всего было думать об этом в послевоенной Австралии, потому что к тому времени сам факт добровольного сотрудничества с Германией воспринимался всеми как нечто весьма неприятное. Идея создания Русского корпуса зародилась среди белых офицеров в Югославии в 1941 году, а немцы восприняли ее довольно сдержанно, так как относились к русским эмигрантам с долей презрения, а к их желанию независимо воевать против СССР — с осторожностью. Поначалу вермахт использовал Русский корпус в основном для охраны заводов и рудников, но в 1942 году ему доверили и более важные дела: вместе с усташами (хорватской фашистской группировкой) подавлять в Хорватии движение партизан-коммунистов. В 1944 году Корпусу наконец удалось схлестнуться в бою и с Красной армией. Это произошло в ходе Белградской стратегической наступательной операции советских войск. К тому времени Русский корпус — первоначально один полк, состоявший из четырех батальонов, — сильно изменился из-за притока большого количества казаков. Весной 1943 года Гитлер одобрил создание 1-й казачьей дивизии, а в июне 1944-го было уже шесть полков под командованием немецкого генерала, причем были представлены все основные казачьи войска (Донское, Кубанское, Терское, Сибирское), так что ранее набранный контингент Корпуса растворился в этой массе²⁵.

Несмотря на стремление НТС стать некой третьей силой, он всесторонне сотрудничал с немцами, и немецкая военная разведка даже выделяла его среди остальных эмигрантских групп; энтэсовцы наряду с военными активно участвовали в пропаганде и шпионаже на советских территориях, оккупированных немцами²⁶. Некоторые члены НТС — как, например, Николай Алферчик (гражданин СССР, завербованный одновременно НТС и СД во время немецкой оккупации Белорусской ССР и позднее обвиненный Советским Союзом в военных преступлениях), — принимали участие и в массовых расправах над евреями и партизанами. Однако в 1944 году стремление НТС к освобождению России привело к конфликту с нацистами. Многих активистов арестовали, и на оккупированных немцами территориях членам союза пришлось уйти в подполье. В ту пору к движению примкнул Юрий Амосов (будущий редактор австралийской газеты НТС “Единение”): в один из последних месяцев войны он приехал из Белграда в Берлин вместе с группой молодых энтэсовцев во главе с Александром Трушновичем (который ненадолго прославится в середине 1950-х, когда его похитят советские агенты)²⁷.

Несомненно, что в русской эмигрантской среде в Европе лишь меньшинство активно поддерживало политику стран Оси и желало им победы. С другой стороны, среди эмигрантов было довольно мало тех, кто подвергался гонениям со стороны нацистов, — по крайней мере до последних месяцев войны²⁸. Большинство, оказавшись под властью немцев, не слишком унывали и думали прежде всего о собственном выживании. Русских, принявших гражданство Германии (среди них был Игорь Сусемиль, выпускник русской гимназии в Берлине), могли наравне с прочими гражданами призвать в ряды вермахта. Ненатурализованным русским, жившим в Германии в пору начала войны, как правило, было легче: например, Алексей Кисляков, учившийся с середины 1930-х годов в Берлинском техническом университете, работал во время войны техническим переводчиком²⁹. Эмигранты,

обосновавшиеся в Прибалтике, во время войны часто перебирались в Германию, а осенью 1944 года, когда германская армия отступала под натиском советских войск, массово уезжали (точно так же поступили и многие их соседи — латыши, литовцы и эстонцы).

Намного важнее, чем эмигранты, были для немцев многие тысячи советских граждан, оказавшиеся в их руках в качестве военнопленных или подневольной рабочей силы. Войну пережили почти пять миллионов, около трети из них были русскими, вторую по величине группу составляли украинцы³⁰. Количество советских военнопленных, которых немцы удерживали в течение войны, было оценено приблизительно в два миллиона (хотя многие так и умерли в плену)³¹.

Поскольку в Красную армию призывали мужчин всех национальностей из всех социальных групп в возрасте от 16 до 50 лет*, а на первых этапах войны немцы захватили огромное количество людей, по-видимому, среди военнопленных присутствовали представители самых разных групп мужского населения СССР. Можно сказать, что большинство составляли люди крестьянского происхождения, и русские были самыми многочисленными среди них, но довольно хорошо были представлены и другие народности. Те, что помоложе, учились в советских школах и участвовали в массовых молодежных движениях, а значит, были воспитаны как социалисты и атеисты (хотя они тоже, как и их сверстники-эмигранты, любили Пушкина и других классиков русской литературы). Они верили в братство народов, населявших Советский Союз, гордились тем, что их страна первой в мире сбросила иго капиталистов-эксплуататоров. У тех, кто происходил из семей советской элиты, старшие родственники могли стать жертвами сталинских репрессий, но сами они в пору призыва, скорее всего, чувствовали солидарность с советским политическим строем и желали приблизить военную победу своей страны. Пленные старшего возраста, осо-

* Имеется в виду период всеобщей мобилизации во время ВОВ. (Прим. ред.)

бенно из глубинки, могли сохранять остатки религиозной веры своей юности и с неприязнью вспоминать о коллективизации; однако в пору призыва в армию и они, скорее всего, соглашались в душе с тем, что чужаков-захватчиков нужно прогнать с русской земли³².

Среди советских военнопленных были, например, Эрнест Шницер, студент Киевского университета, отправленный в стройбат из-за того, что его родители были арестованы как “враги народа” в пору Большого террора, и Леонид Артемьев — русский, уроженец приграничных земель, которые в XX веке отошли от России к Польше, затем ненадолго оказались территорией СССР (как раз тогда Артемьева и призвали в Красную армию), а во время войны были оккупированы немцами³³. В автобиографических рассказах двух этих людей, написанных много лет спустя в Австралии, не говорится о том, как они попали в плен к немцам — против своей воли или сдались сами. В первые месяцы после германского вторжения Красная армия терпела одно за другим жестокие поражения, и многие ожидали, что советская власть вот-вот падет. Поэтому (и еще благодаря немецким пропагандистским листовкам) в народе ожили старые слухи, в которых евреев приравнивали к большевикам и обвиняли в узурпации власти над Россией. Подсчитано, что около 5 % всех советских военнопленных были перебежчиками — это намного больше, чем обычно было в армиях других воюющих стран. В Красной армии был еще и необычайно высокий уровень дезертирства: за всю войну около 1,5 миллиона человек оставили свои боевые посты, хотя, как предполагается, не все дезертиры оказались в итоге за пределами Советского Союза. Иван Кононов, позднее эмигрировавший в Австралию под чужим именем и чужой национальностью (как Иван Горький, поляк), перешел на сторону немцев в августе 1941 года, уведя с собой многих бойцов из своего казачьего полка, после чего сражался вместе с немцами до конца войны³⁴.

Самым известным советским перебежчиком, сотрудничавшим с нацистской Германией, был Андрей Власов, воз-

главивший Русскую освободительную армию (РОА). Его имя стало синонимом предателя: советских солдат, воевавших на стороне немцев против СССР и союзников, стали называть власовцами. В отличие от Ивана Кононова Власов не переходил на сторону врага добровольно — он был захвачен в плен на Ленинградском фронте в июне 1942 года и лишь потом согласился пойти на службу к противнику. Находясь в тюрьме, он познакомился с прибалтийским немцем-эмигрантом, капитаном Вильфридом Штрик-Штрикфельдтом, который пытался убедить немцев поддержать русское освободительное движение и сформировать из его участников отдельную армию. Гитлер с большим подозрением отнесся к этому замыслу, но потом дал согласие на его осуществление, решив, что это послужит хорошей антибольшевистской пропагандой. Таким образом, Русская освободительная армия как идея возникла задолго до того, как ей было позволено обрести материальное воплощение³⁵.

Интерес немцев к использованию русских в вооруженных силах возрос, когда явилась потребность в личном составе войск, и тогда провели масштабный набор солдат в лагерях для военнопленных. В общей сложности, согласно проведенным подсчетам, во время войны немецкую форму надели около миллиона советских граждан, причем около половины из них были русскими (возможно, в их число входили и эмигранты). Многие военнопленные охотно шли в армию, потому что в лагерях были очень суровые бытовые условия и высокий уровень смертности. Некоторых русских добровольцев, записывавшихся в германскую армию, брали в качестве “добровольных помощников” (*Hilfswilliger*, или сокращенно *Hiwi*, хиви), хотя многим немецким солдатам и офицерам не нравилось иметь с ними дело. Других набирали в “восточные отряды” (*Osteinheiten*), которые поначалу отправляли на Западный фронт из-за неуверенности командования в том, что на русских можно будет положиться, если те встретятся в бою со своими соотечественниками. Деятельность РОА оставалась под контролем Германии до самого конца войны,

но в мае 1945 года, ко всеобщему замешательству, она вдруг предложила свою помощь чешским партизанам, боровшимся за освобождение Праги от немцев. “Нам не нужна помощь предателей”, — ответили чехи. Но к тому моменту было уже неважно, на чьей стороне воевать: важно было наиболее выгодным способом сдаться союзникам-антифашистам³⁶.

С идейной точки зрения, за решением воевать на стороне немцев могли стоять разные мотивы. Сигизмунд Дичбалис, родившийся в Петрограде в семье литовца-военного и русской (или польки), но воспитанный матерью и бабушкой как русский, был, по его собственным словам, настоящим юным советским патриотом. Он добровольцем ушел в Красную армию и попал в немецкий плен. Он оказался в немецком отряде, брошенном на борьбу с партизанами, там его взгляды постепенно начали меняться после того, как он встретил пропагандистов из РОА, которые убедили его в том, что “дело русских, их долг — бороться против Сталина, за мир, за Новую Россию”. Последние сомнения покинули его, когда его отряд промаршировал перед самым генералом Власовым³⁷. Другой военнопленный и будущий австралийский иммигрант, воевавший на стороне немцев, руководствовался иными мотивами. Лоренц Селенич был родом из Белостока и служил в Красной армии. Выполняя разведздание на Ленинградском фронте, он случайно наткнулся на немцев и сдался им (немецкий язык он немного знал); потом его послали воевать в составе вермахта во Францию. Никаких идейных соображений у него не было: он сдался в плен, чтобы выжить; позже, уже живя в Австралии, он был одним из очень немногих бывших ди-пи, голосовавших за лейбористов³⁸.

Попав в плен в годы войны, советские граждане могли оказаться в Германии, это был один из распространенных вариантов. Но еще более многочисленная группа попала в Германию в качестве остарбайтеров: таких насчитывалось примерно вдвое больше, чем военнопленных (4,8 миллиона человек)³⁹. Эта вторая группа в отличие от первой уже не представляла собой срез всего мужского населения СССР:

там явное большинство составляли украинцы и белорусы (потому что они жили ближе всего к западной границе), а также русские из оккупированных южных областей страны. Кроме того, в этой группе было много женщин.

Среди угнанных на работы в Германию преобладала молодежь обоих полов, многие были еще подростками. Галя Маркова (позднее, в Австралии — поэтесса Гали Плисовская) родилась в Белорусской ССР, но во время оккупации оказалась в Польше, откуда ее увезли в Германию; Иван Гончаров жил с дедом и бабушкой на юге России, в оккупированном Ростове, где его вместе с группой молодых людей заставили работать на заводе. Хотя немцы-оккупанты относились к религии терпимее, чем советская власть, некоторые приходские священники впоследствии рассказывали, что были угнаны немцами в качестве рабочей силы. Возможно, конечно, им было выгодно представлять дело именно так; в действительности людей на работы набирали вначале на добровольной основе, многих никто не заставлял. Люди часто рассказывали о случившемся с ними по-разному, а иногда, быть может, и нельзя было истолковать происходившее однозначно. В начале 1950-х годов, проходя собеседования с сотрудником ведомства, занимавшегося в Австралии подпольной репатриацией в СССР, Павел Комар один раз сказал, что его “увезли” в Германию на принудительные работы, а в другой — что его “заставили поехать за отступавшими немцами”, потому что во время оккупации он работал у них механиком⁴⁰.

В 1944 году, когда Красная армия наступала по советским территориям, ранее оккупированным немцами, множество людей пересекали западную границу страны добровольно — во всяком случае это не было результатом принуждения со стороны немцев. За границу побежало значительное количество жителей Прибалтики, а также Западной Украины и Западной Белоруссии, включенных в состав СССР в 1940 году, причем иногда эти люди прибегали к помощи немцев. Священника из Западной Белоруссии, Иоанна Лупича, против воли сделавшегося советским гражданином в 1939 году, спасло

от ареста советскими властями вторжение немцев в 1941 году, и когда стало понятно, что война близится к концу, он последовал за отступавшими немецкими войсками в Польшу, а затем в Баварию. Латыш Андрис Бичевскис вступил в Риге в ряды СС, но избежал участия в боевых действиях благодаря тому, что был способным баскетболистом; он отправился на запад вместе с отрядом, в котором у него имелся покровитель-немец, но покинул спутников, как только пересек границу. Борис Домогацкий, будущий активист Русского антикоммунистического центра в Австралии, в 1941 году работал в Риге журналистом, а когда советские войска оттуда отступили, он, по его словам, остался в Риге, а впоследствии раздобыл фальшивые документы белого русского и в 1944 году уехал в Германию⁴¹.

Все, кто занимал хоть какие-нибудь видные должности при немецкой оккупации, старались по возможности отбыть вместе с немцами. Белорус Афанасий Мартос, будущий австралийский архиепископ, служил при немцах епископом Витебска; в 1944 году он примкнул к их отступавшим частям и затем вступил в Казачий Стан в Италии⁴². Такой же путь проделал и другой будущий австралийский архиепископ, Феодор Рафальский. При немцах о. Феодор служил викарным епископом в Таганроге, а затем на Волыни. Белорусы Радослав Островский, Всеволод Радзевич и Николай Алферчик работали во время войны на немецкий оккупационный режим и потому при отступлении немцев присоединились к ним. Всех троих Советский Союз признал военными преступниками и тщетно добивался от Австралии их выдачи для суда. Филипп Марфутенко, коллаборационист более мелкого калибра, работал при оккупации в полиции, а ближе к концу войны добровольно уехал вместе с семьей в Германию, — во всяком случае, так об этом рассказывал его сын, который уже в Австралии, словно во искупление вины отца, сам придерживался левых взглядов⁴³.

Рассказы других людей о пересечении границы иллюстрируют всю пестроту и сложность того выбора, что вста-

вал перед советскими гражданами в военные годы. Сибиряк Александр Карасев, которому после войны предстояло создать казачий ансамбль песни и пляски в Мельбурне, уже создавал подобный коллектив в украинском Краматорске при немецкой оккупации, а когда немцы начали отступление, ансамбль распался. Потом Карасев “оказался” в Германии (это было любимое словечко в автобиографических рассказах эмигрантов первой волны) и успешно сформировал новый музыкально-танцевальный ансамбль уже в Баварии. Актрису Лилию Наталенко немцы взяли в развлекательную труппу, выступавшую на оккупированных территориях России, и впоследствии она уехала вслед за немцами в Берлин; незадолго до окончания войны они с мужем — бывшим советским военнопленным — нашли работу на радио при РОА. Евгений Ющенко жил в области, оккупированной немцами, и, не желая, чтобы его угнали в Германию остарбайтером, смог доехать до Одессы, которая находилась тогда под румынской оккупацией, и устроился там театральным режиссером. Ближе к концу войны он перебрался в Румынию, по-видимому, вместе с отступавшими войсками стран Оси, а оттуда через Венгрию попал в Германию в лагерь перемещенных лиц. Георгий Вирин (Езерский), который в свои двадцать с небольшим лет подавал надежды как скульптор и уже имел знакомства среди московской творческой интеллигенции, был призван в Красную армию, попал в плен, бежал из него и (по его собственному рассказу) сражался в отряде просоветских партизан в Белоруссии, а за два месяца до окончания войны пересек границу и добрался до Люксембурга, где поменял имя и слился с общиной русских эмигрантов⁴⁴.

Многочисленную группу (около 14 тысяч человек), оказавшуюся на Западе под защитой отступавших немцев, составляли кубанские казаки с юга России. Их одиссея началась осенью 1943 года, а к весне 1944-го их численность почти удвоилась: к ним продолжали прибиваться все новые беглецы. Среди них были те, кто воевал на стороне немцев, но было и много стариков, женщин и детей, и перемещались

они длинными эшелонами — на повозках, лошадях, с домашним скотом и даже с верблюдами. В июле 1944 года эсэсовцы решили оставить казаков в Италии, под Толмеццо, чтобы там они отражали нападения местных партизан. Но сами казаки решили двигаться дальше и устремились в Австрию. К Пасхе 1945 года они прибыли в долину Драу под Лиенцем (по их собственным оценкам, их отряд насчитывал 32 тысячи человек). Среди них были: полковник Михаил Протопопов, донской казак и кадровый военный, вместе с женой и маленькими сыновьями; Исидор Дереза, бывший приходской священник из Донбасса, служивший полковым капелланом⁴⁵; Иван, донской казак, возможно, дезертировавший из Красной армии, примкнувший к казачьему воинству где-то по пути; Настасья, новая жена Ивана (имена обоих вымышленные), намного моложе его, с ней он познакомился на Украине, куда ее, по-видимому, привезли для работ немцы из какой-то другой части Советского Союза⁴⁶.

После войны

Разгром немцев и победа союзников в мае 1945 года поставили в сложное положение тех русских, кто добровольно или против своей воли оказался с западной стороны границы. Около миллиона русских и других советских граждан в немецкой военной форме поняли, что им грозит большая беда, поскольку западные союзники с полным основанием могли увидеть в них врагов, а Советский Союз — изменников родины. Тревожно стало даже тем военнопленным, которые не соглашались воевать на стороне немцев, поскольку Сталин ранее объявил их всех предателями, независимо от обстоятельств, при которых они попали в плен. Несмотря на обнадеживающие заверения со стороны Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации, оставалось неясным, в какой мере это заявление вождя все еще оставалось в силе. Повод для беспокойства появился и у оstarбайтеров, потому что не-

которые из них поехали в Германию по своей воле, а советская власть с подозрением относилась ко всем, кто пересекал границу. Это не значило, что СССР не хотел возвращения этих людей — напротив, он настаивал на репатриации всех своих бывших граждан, включая жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. А среди перемещенных лиц большинство верили в то, что по возвращении в Советский Союз их ждут лагеря⁴⁷.

Красная армия наступала с востока, американцы и британцы — с запада, и все три встретились в мае 1945 года в Берлине, после чего Германия и Австрия оказались де-факто поделены на советскую и западную зоны оккупации. Со временем оформились четыре оккупационные зоны: британская, американская, французская и советская. Наименее защищенной категорией, которой грозил арест или уголовное преследование за военные преступления, были лица, действительно воевавшие против Советского Союза: власовцы, постаравшиеся сдаться не наступавшей Красной армии, а американцам, и остатки Русского корпуса (к тому времени находившегося под командованием полковника Анатолия Рогожина), сдавшегося британцам. Из всех подразделений вермахта, сдавшихся западным союзникам, советскими гражданами оказались от 5 до 10 % — это поразительно много⁴⁸. Казаки стояли огромным лагерем в долине Драу вместе с семьями, прикнувшими к ним людьми и домашним скотом и больше напоминали средневековое воинство, чем современное армейское подразделение. Все они перешли под опеку британцев. Теперь все думали только о том, как скрыть следы, выдававшие какие-либо связи с немцами. Андрис Бичевскис, перейдя границу, первым делом выбросил немецкую форму и начал пробираться через Германию в то место, где заранее условился встретиться с родней из Латвии. Лоренц Селенич, командовавший отрядом в вермахте, распустил солдат, закопал военную форму и документы и пошел пешком в Баварию; по пути он батрачил на фермах и в итоге оказался в Регенсбурге как перемещенное лицо. Сигизмунд Дичбалис, бывший власовец,

уговорил немца-бургомистра выдать ему фальшивую справку о работе на немецких фермеров⁴⁹.

Когда в Берлин вошла Красная армия, за которой следом тянулась молва об изнасилованиях и заражении венерическими болезнями, — а к тому времени в Германии уже находились толпы перемещенных советских граждан, — многим жителям Запада, наверное, показалось, что на Европу вновь нахлынули монгольские орды. Именно так описывал происходившее сэр Рафаэль Силенто — австралиец, известный на родине своей решительной поддержкой политики “Белая Австралия” и занимавший в ту пору важный пост в UNRRA⁵⁰. С присутствием Красной армии ничего нельзя было поделывать, так что союзникам оставалось надеяться разве что на быструю репатриацию советских военнопленных и остарбайтеров, которые заволокли пространство. Между Советским Союзом, США и Великобританией — тремя главными союзными державами антигитлеровской коалиции — еще в феврале 1945 года на Ялтинской конференции было достигнуто соглашение, суть которого сводилась к следующему: всех советских граждан, освобожденных американскими и британскими войсками, следует содержать в особых лагерях и обеспечивать надлежащей едой, жилищем и медицинской помощью до тех пор, пока не появится возможность — желательно без малейших проволочек — передать их советским властям. Соглашение было взаимно обязывающим: гражданам союзных стран полагалось точно такое же обращение в случае, если они попадут в руки советских представителей. Неудивительно, что в договоре ни словом не упоминалось о праве самих граждан отказаться от репатриации⁵¹. Советских военнопленных и остарбайтеров оказалось несметное множество. К концу 1945 года из западных оккупационных зон было репатриировано 2,3 миллиона человек; к 1 марта 1946 года количество возвращенных в СССР граждан перевалило за 4 миллиона, включая репатриированных из зоны советской оккупации⁵².

Но некоторые советские военнопленные, опасаясь последствий возвращения, сопротивлялись репатриации⁵³.

Среди казаков сопротивление было самым отчаянным. Полковник Протопопов, переданный советским представителям вместе с войском атамана Доманова, был разлучен с женой и сыновьями и сослан в лагерь⁵⁴. Кому-то удавалось сбежать: например, Ивану Кононову — казаку-дезертиру, который сражался на стороне немцев всю войну, и православным священникам Исидору Дерезе и будущему архиепископу Афанасию Мартосу (войну они заканчивали, будучи полковыми священниками в Казачьем Стане)⁵⁵. В Лиенце передача казаков в руки советских представителей в мае-июне 1945 года сопровождалась бурными протестами (британские солдаты избивали смутьянов, несколько человек покончили с собой), это обернулось крайне неприятным опытом для многих британцев, привлеченных к этому процессу.

Вначале командиров — в числе прочих и Протопопова — вызвали куда-то якобы для участия в однодневном “совещании”. После того, как никто из вызванных так и не вернулся, казаки устроили массовый молебен под открытым небом: собравшаяся четырехтысячная толпа (с 15–20 священниками) молилась и пела псалмы. К 7 июня 20 тысяч казаков из отрядов Доманова были переданы в советские руки. Иван и Настасья, находившиеся в Лиенце среди рядового состава, скрылись вместе с четырьмя тысячами других отчаянных. Парочка убежала в горы и пряталась там около трех месяцев; им повезло, их так и не нашли, 1300 других беглецов изловили в течение первого месяца, после чего охота постепенно прекратилась⁵⁶. Во всем мире среди казачьей диаспоры Лиенц сделался синонимом страданий, выпавших на казачью долю. Позднее в православных храмах Австралии начали отправлять особые ежегодные богослужения, чтобы молиться о душах казаков-мучеников, принявших смерть в “бойне при Лиенце”⁵⁷.

Сигизмунд Дичбалис оказался в группе людей, которых американцы передали советской стороне. “Громких протестов не было”, — вспоминал Дичбалис. Большинство в этой группе составляли остарбайтеры, угнанные в Германию насильно, и они хотели вернуться на родину. Даже сам Дичба-

лис — власовец, которому грозило наказание в случае возвращения, — по-видимому, оставался в нерешительности. Пережив всякие злоключения, он попал в советский фильтрационный лагерь Смерша — сеявшей ужас советской контрразведки, занимавшейся поиском военных преступников в Европе и возвращавшей их в СССР. Однако Дичбалис близко сошелся со смершевским начальством, снабжал его самогоном, добытым у местных немцев. Лишь после того, как женщина-майор Смерша, с которой у Дичбалиса была любовная связь, предупредила его о смертельной опасности, которая грозит ему на родине в случае возвращения, он наконец решился на побег. Скульптор-москвич Георгий Вирин, бывший красноармеец, попавший в плен к немцам и бежавший оттуда, тоже угодил в руки смершевцев и был помещен в лагерь, но ему удалось бежать. Бывшему военнопленному Ивану Богуту “удалось выскользнуть из рук английских солдат [собиравшихся выдать его советской стороне. — *Авт.*] и перейти в американскую зону”⁵⁸.

Поначалу союзники сотрудничали с советской стороной по вопросу о возвращении пленных и угнанных на работы — как они и должны были действовать, выполняя договоренности, достигнутые в Ялте, и повинаясь собственному здравому смыслу (ведь в руках советских представителей находились британские и американские военнопленные). Уже на раннем этапе исключения стали делаться для советских граждан из Прибалтики и — несколько реже — для западных украинцев и западных белорусов, до войны имевших польское гражданство, а затем из-за пакта Молотова — Риббентропа против своей воли оказавшихся в Советском Союзе и получивших советские паспорта. СССР утверждал, что и эти люди подлежат возвращению наряду с теми, кто имел советское гражданство задолго до начала войны, но союзники не соглашались с этими притязаниями. Советы не требовали возвращения довоенных эмигрантов — тех, кто никогда и не имел гражданства СССР, и американцы официально исключили их из списка репатриантов⁵⁹, хотя, как показывает

случай Протопопова, в общей неразберихе иногда допускались и ошибки.

Вскоре отношения между СССР и западными союзниками испортились, поскольку союзники все чаще отказывались удовлетворять требования о репатриации советских граждан даже в тех случаях, когда речь шла о выдаче конкретных, названных по именам военных преступников. И тогда Советский Союз стал прибегать к похищениям силами Смерша. Настасью и Ивана в конце концов поймала австрийская полиция, однако их не передали советской стороне, а отправили в лагерь перемещенных лиц в австрийском Капфенберге в британской зоне оккупации⁶⁰. Особенно несговорчивыми оказывались западные союзники, когда речь заходила о выдаче русских, имевших связи с западной разведкой. Американцы и британцы тайно освободили нескольких видных лидеров НТС из числа коллаборационистов, поскольку хотели, чтобы НТС продолжал проводить операции по внедрению агентов на территории СССР и в советском секторе Германии. Белорус Николай Алферчик, член НТС и нацистский пособник, встретил конец войны в качестве военнопленного в Австрии, попав в руки американцев, но к 1948 году ему удалось установить связи с американской контрразведкой, и там ему изготовили фальшивые документы на имя Николая Павлова и в 1951 году помогли пересечь в Австралию⁶¹.

В оккупационных зонах, где действовала администрация стран-союзниц, советских граждан и жителей стран Восточной Европы, насильственно привезенных в Германию и Австрию во время войны, регистрировали в качестве перемещенных лиц и размещали в лагерях ди-пи, обустроенных в более или менее подходящих для этой цели помещениях, которые удавалось подыскать. Лагерями совместно управляли UNRRA (а позднее IRO) и военная администрация соответствующей оккупационной зоны (британской, американской или французской). Первой непростой задачей каждого беженца было доказать, что он имеет право на статус перемещенного лица. Военные преступники и коллаборациони-

сты не могли претендовать на этот статус, как и этнические немцы, переселенные при Гитлере из Восточной Европы (так называемые фольксдойче), и довоенные русские эмигранты, натурализовавшиеся в каком-либо европейском государстве до войны⁶². Но эти правила не всегда строго соблюдались. Например, православный священник Игорь Сусемиль родился в 1919 году и вырос в Берлине, в немецкой культурной среде, хотя и учился в русской гимназии. Как гражданина Германии его призвали на службу в вермахт. Однако после войны, уже будучи духовным лицом, он сумел получить статус перемещенного лица и сделаться священником в лагере ди-пи в Констанце, после чего ему предоставили возможность эмигрировать в Австралию. Удалось попасть в лагеря перемещенных лиц и нескольким коллаборационистам, которых СССР впоследствии обвинил в военных преступлениях: так, украинец Филипп Капитула попал туда под видом поляка, а эстонец Эрвин (Эрвинг) Викс получил не только статус ди-пи, но и работу в штате UNRRA⁶³.

Ко времени окончания войны белые русские попали в непростое положение. По правилам UNRRA, они могли претендовать на статус ди-пи, если подверглись вторичному перемещению вследствие того, что Германия оккупировала те страны, где они нашли прибежище во время войны (это были Югославия, Польша, Чехословакия, Прибалтика), но только в этом случае. Впрочем, и это было в теории, а на практике случалось всякое. Как конфиденциально сообщал один британский чиновник, “спасительным шагом для этих белых русских было бы, наверное, просто затеряться в массе беженцев, а дальше уж UNRRA поможет им как-нибудь выкрутиться”⁶⁴. Можно не сомневаться, что многие пускались на всевозможные уловки, чтобы вот так “затеряться”. С приходом ИРО положение белых русских улучшилось и формально, поскольку в сферу ответственности ИРО попадали не только перемещенные лица, но и беженцы вообще, а главными беженцами оказывались в основном обладатели нансеновских паспортов из первой волны русской эмиграции. Так или иначе,

большинство из них в итоге или попали в лагеря ди-пи, или устроились где-то за пределами таких лагерей, но уже получив статус перемещенных лиц⁶⁵.

В обращении с белыми русскими требовалась особенная деликатность, ведь многие из них были в прошлом пособниками нацистской Германии. Председатель Комитета евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей, а впоследствии знаменитый “охотник за нацистами” Симон Визенталь из всех сил бил тревогу, заявлял, что бывшие коллаборационисты под видом перемещенных лиц получают помощь от IRO⁶⁶. Однако среди британских официальных лиц было немало тех, кто симпатизировал белым русским, хотя и было известно, что многие из них служили в Русском корпусе в составе вермахта. Чиновники, работавшие в зоне оккупации, отзывались об этих русских как о людях, которые “в силу своей высокой дисциплинированности, порядочности, способности вести достойную жизнь в обществе, несмотря на множество выпавших им превратностей, могли бы стать прекрасным приобретением... для любой страны”. Они характеризовали белых русских и так: “Бесспорно лучшая категория перемещенных лиц в нашей зоне”. Скорее всего, здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что как минимум один из британских служащих, работавших в администрации оккупационной зоны, сохранил добрые воспоминания о ветеранах Белой армии, которых он четверть века назад помогал эвакуировать из Константинополя⁶⁷. Но сказывалась на отношении западных союзников к белоэмигрантам и новая идеология холодной войны. Энергичная агитация Толстовского фонда*, созданного в США, способствовала тому, что белых русских начали заранее воспринимать как истинных демократов, борцов с коммунистическим режимом. “В своем героическом стремлении к свободе они смотрят на Запад, видя в нем единственную надежду всего мира на победу в этой решающей борьбе против всех форм

* Толстовский фонд был основан в 1939 году Александрой Толстой, младшей дочерью Льва Толстого.

тирании и политического террора”, — так утверждали представители фонда⁶⁸.

В 1947–1948 годах и в Британии, и в США возобладали сильные антикоммунистические настроения. Конгресс США, являвшийся крупным спонсором международных организаций по делам беженцев, считал, что UNRRA чересчур мягко обходится с коммунистами, и со временем эту организацию вытеснила IRO, которая еще больше зависела от американского попечительства и финансирования. Советский Союз был членом UNRRA, но в IRO не вступал⁶⁹. UNRRA считал своей задачей оказание помощи в репатриации не только в Советский Союз, но и в Польшу, Югославию и другие страны Восточной Европы, откуда беженцы были родом. С началом холодной войны в 1947 году, когда на смену UNRRA пришла новая организация, IRO, сменилась и цель миссии: теперь ею стало переселение беженцев за пределы Европы, и изменилась трактовка тех причин, по которым произошло само перемещение ди-пи.

Первоначально под перемещенными лицами подразумевались жертвы войны и фашизма, но мало-помалу появилось и новое — неофициальное — определение: теперь перемещенных лиц стали считать жертвами коммунизма⁷⁰. Рациональное объяснение, стоявшее за этой новой трактовкой, сводилось к тому, что, независимо от непосредственных причин вынужденных перемещений (войны и фашизма), подавляющее большинство ди-пи были родом из Советского Союза и Восточной Европы — то есть из стран, где утвердился коммунистический режим или нечто подобное ему, и что эти люди отказывались возвращаться на родину или из-за своих антикоммунистических взглядов, или из страха перед пагубными последствиями своего возвращения.

СССР неоднократно просил союзников предоставить списки перемещенных лиц советского происхождения, находящихся в их лагерях, и обеспечить доступ к самим этим лицам, но союзники, по сути, игнорировали эти просьбы, не пускали в свои лагеря советских официальных лиц, зани-

мавшихся репатриацией, и заявляли, что среди находящихся под их опекой ди-пи вообще нет советских граждан. Эти заведомо ложные утверждения, очень раздражавшие СССР, на деле подкреплялись тем, что при попустительстве союзников многие перемещенные лица советского происхождения прятались под чужими личинами и присваивали чужие национальности. Дичбалис вспоминал: "...многим из нас, русских, пришлось проглотить нашу национальную гордость и (благодаря тому, что поляки воевали в конце войны вместе с англичанами и американцами) превратиться то в украинцев — польских подданных, то в поляков, а то и в старых эмигрантов — «нансенцев» (то есть без подданства)". Сам Дичбалис выдал себя за поляка.

Скрыться под чужой личиной было нетрудно. "Всякие советские «комитеты по возвращению» требовали от УНРА [UNRRA. — *Ред.*] проверки всех жителей лагеря. Выполняя требования СССР, УНРА вынуждена была проводить «отцовскую руку» Сталина, правдами и неправдами пытались доказать, что они латыши, поляки — кто угодно, только не подсоветские. Наскоро стряпались липовые документы, справки, метрики, выдумывались биографии. И появились новые Непомнящие, Поплюйки, Яновские, Барановские..." — вспоминал Леонид Артемьев. Они с братом, хорошо знавшие Польшу, помогали другим русским "приобрести необходимые документы"⁷¹. Члены НТС помогали бывшим советским гражданам прикидываться югославами, изготавливали документы, где те значились довоенными русскими эмигрантами из Югославии, учили их элементарным фразам; меняли имена, печатали документы, выдумывали биографии, устно обучали, рассказывая о повседневной жизни и об истории стран, откуда те якобы происходили⁷². Когда Русская православная церковь за границей сделала о. Афанасия Мартоса (будущего архиепископа Мельбурна) епископом Гамбургским, в его обязанности входило изготовление "поддельных документов для бывших советских граждан, чтобы их не могли насильно репатриировать и отправить в советские лагеря"⁷³.

Исследовательница Анна Холиан, подробно изучив лагерь перемещенных лиц, пришла к выводу, что в первые дни существования лагерей и среди русских, и среди украинцев “большинство тех, кто желал вернуться, резко отличалось от меньшинства противников репатриации”⁷⁴. Это большинство вскоре рассеялось — или, по крайней мере, замолчало после отъезда желающих репатрироваться в Советский Союз. Лагерь ди-пи организовывались в основном по национальному признаку: отдельно группировались поляки, украинцы, югославы, латыши, евреи; в них имелись элементы самоуправления и саморегулирования. В выборное руководство лагеря попадали, как правило, пылкие антисоветчики и националисты, и во многих лагерях царила такая атмосфера, что даже те, кто был не против вернуться на родину, опасались заявлять об этом вслух. Широкий круг политических взглядов, ранее наблюдавшийся в лагерях среди белых русских — от “монархистов-самодержавников на правом фланге до меньшевиков и социалистов-революционеров на левом”, — сузился, и в политическом диапазоне мнений голоса центристов и левых вскоре практически затихли: радиоэфир монополизировали страстные антикоммунисты, имевшие связи с НТС, Русской православной церковью зарубежом и власовским движением. Власовское движение как “как порождение Советского Союза” считалось самым популярным среди советских перемещенных лиц, намного популярнее, “чем политические течения, связанные со старой эмиграцией”. Однако, по мнению Холиан, основная масса русских и украинцев, в отличие от лагерных вожakov и активистов, оставалась политически безучастной и противилась возвращению на родину не по идейным соображениям, а просто из страха перед возможными репрессиями⁷⁵.

Беженцы так часто прятались за чужими масками, что почти невозможно ни достоверно установить количество русских среди перемещенных лиц, ни уверенно реконструировать количественные соотношения бывших советских граждан и бывших эмигрантов⁷⁶. Большинство бывших совет-

ских русских оказалось в нерусских лагерях (польских, украинских, латышских), и если они еще не успели выдумать себе какую-нибудь другую национальную принадлежность, их побуждали примкнуть к национальной группе, которая преобладала в том лагере, куда их занесло. Впрочем, было несколько нетипичных русских лагерей — в частности, Фишбек (под Гамбургом, в британской зоне) и Мёнхегоф (под Касселем в американской зоне). Лагерь в Фишбеке, где нашли пристанище не только русские, но и западные украинцы-антикоммунисты, был основан в конце 1945 года при поддержке местного Комитета русских беженцев в Гамбурге и имел тесные связи с РПЦЗ и НТС. Руководителем лагеря был Александр Веремеев, белый русский, живший до войны в Югославии. Среди обитателей Фишбека были Леонид Артемьев, Евгений Ющенко и семья Тамары Щегловой* — дочери белого офицера, донского казака, и будущей управляющей модного дома в Австралии. Георгий Некрасов окончил в лагере русскую гимназию, а доктор Петр Калиновский, переведенный из польского лагеря, работал там врачом⁷⁷. Название ежедневной газеты, выходившей в лагере, — “Единение” — перешло затем к главной русскоязычной газете Австралии.

Мёнхегоф, лагерь под Касселем в американской зоне оккупации, был весьма примечательным учреждением. Стихийно созданный в июне 1945 года на территории заброшенного военного лагеря стараниями членов НТС из Югославии, впоследствии он был де-факто признан сотрудниками UNRRA/IRO и оккупационными властями. Изначально он представлял собой не лагерь беженцев, а строительное предприятие, и в него даже вошла ранее существовавшая строительная фирма — “Эрбауэр” из Бреста. Под конец войны работники “Эрбауэра”, бежавшие на запад, встретили где-то по пути Константина Болдырева, и тот взял инициативу в свои руки. Прирожденный лидер, Болдырев был белым рус-

* Тамара Щеглова (1937–2021), в замужестве Вентура-Ладуска, была активным деятелем и благотворителем русской мигрантской диаспоры в Сиднее. (Прим. ред.)

ским, выпускником кадетского училища в Югославии и членом НТС, он великолепно говорил по-немецки и, как потом выяснилось, не хуже владел английским. Приведя группу беженцев в американскую зону, Болдырев “проявил исключительные дипломатические и организаторские таланты, а также умение приспосабливаться к обстоятельствам. Очень скоро он сделался доверенным советником местного американского начальства. Как ему это удалось — остается тайной по сей день...”⁷⁸ Если лагерное руководство состояло главным образом из эмигрантов первой волны без подданства, имевших связи с НТС и коллаборационистское прошлое, то большинство рядовых жителей лагеря (около 65 %) составляли советские граждане, решившие не возвращаться на родину. Первая группа покровительствовала представителям второй, подбадривая их и помогая обзавестись новыми поддельными личностями и документами. И действовали они так ловко, что, пока бюрократический аппарат союзников проводил свои процедуры, официально зарегистрированная доля русских эмигрантов, не имевших гражданства, выросла с 35 % до 83 %⁷⁹.

По свидетельству одной обитательницы лагеря, благодаря подрядам на строительство и деятельности на черном рынке совместно с соседними немецкими фирмами Мёнхегоф быстро обзавелся “всем необходимым для цивилизованной жизни”⁸⁰. Русские отремонтировали имевшиеся там здания, построили церковь с куполом и звонницей, организовали церковный хор, основали начальную школу (директором в ней стал Николай Доннер, впоследствии возглавивший движение скаутов в Австралии), восьмилетнюю гимназию с государственной аккредитацией, обзавелись больницей, аптекой и зубоврачебной клиникой, скаутским отрядом, театром, хорошим симфоническим оркестром, клубом с лекторием, профессиональными курсами и обучением на английском, а также издательством “Посев”, которое со временем получило международную известность. По мере того как росла слава Мёнхегофа, туда добирались “группы отбившихся от своих энтээсовцев и бывших солдат власовской армии”.

Среди них был восемнадцатилетний Юрий Амосов, имевший контакты с НТС с осени 1944 года; ему удалось окончить старшие классы школы в Мёнхегофе. Ирина Халафова, дочь белых эмигрантов из Югославии, имевшая высшее образование, работала со скаутскими отрядами лагеря и преподавала в старших классах. Иван Николаюк, работавший в “Эрбауэр” в Бресте, тоже добрался до Мёнхегофа вместе с женой, ребенком, сестрой и ее мужем (Ключаревыми)⁸¹.

Идиллическая картина жизни в Мёнхегофе несколько контрастирует с рассказами о поведении русских в других лагерях, где, как сообщали, они жили в грязи и беспорядке, соревнуясь в этом с поляками, но значительно уступая “цивилизованным” латышам⁸². Безусловно, именно старые эмигранты, главным образом из дворян, задавали в Мёнхегофе более высокий уровень чистоты и порядка, нежели тот, что часто наблюдался среди военнопленных и оstarбайтеров. Они же часто становились для бывших советских перемещенных лиц неофициальными наставниками и внушали им антикоммунистические идеи. Эмигранты создали движение русских скаутов (давно запрещенное в Советском Союзе), которое обрело огромную популярность и в европейских лагерях ди-пи, и в русской диаспоре в Китае. На слете в Мёнхегофе зимой 1947 года было объявлено об учреждении Организации российских юных разведчиков (ОРЮР)⁸³.

Православная церковь — в официальной ипостаси Русской православной церкви за рубежом — во многих лагерях ди-пи была источником мощного антикоммунистического влияния. Среди священников, обнаруженных или рукоположенных РПЦЗ в зонах союзной оккупации в послевоенную пору и позднее попавших в Австралию, были советские граждане, граждане стран, оккупированных в 1939 году, и эмигранты первой волны. Многие из тех, кто служил священниками в лагерях ди-пи, сами имели такой же статус⁸⁴.

Некоторые из настоятелей получили высокий сан от РПЦЗ. Афанасий Мартос, уроженец Западной Белоруссии, служивший полковым священником в Казачьем Стане

в Италии, был назначен епископом Гамбургским и, будучи в этом сане, активно участвовал в изготовлении фальшивых документов для советских перемещенных лиц; будущий архиепископ Савва Раевский был приходским священником в Зальцбурге, а также работал с десятками тысяч русских беженцев в лагерях ди-пи в Парше и Хайльбрунне. В целом священники были настроены весьма антикоммунистически, особенно те, кто происходил из оккупированных областей Западной Украины и Западной Белоруссии, и те, кому довелось побывать в тюрьме, хотя, возможно, у некоторых эти настроения носили лишь мимолетный характер. Уже после войны в Аделаиде, где жил священник Владимир Янковский, ходили слухи, что когда он был священником в лагере ди-пи в Баварии, он донес на власовцев, которые прятались от советских органов, занимавшихся репатриацией⁸⁵.

Официально IRO исключала власовцев и других нацистских пособников, воевавших на стороне немцев, из перечня лиц, которым предоставлялся статус перемещенных лиц, на деле же она не слишком усердствовала в соблюдении собственных правил. Власовцы, бойцы Русского корпуса и казаки, оказавшиеся “чересчур гордыми”, чтобы скрывать свои подлинные биографии, отправлялись под Зальцбург в специальные лагеря IRO для “беженцев, которых IRO не берет под свою защиту” (иными словами, для беженцев, которые не могут претендовать на переселение под эгидой IRO). Двадцатисемилетний Юрий Доманский, бывший военный служащий Русского корпуса, находился в таком лагере до начала 1950-х годов, и будущее его оставалось неясным. Периодические проверки в обычных лагерях ди-пи приводили к тому, что некоторых лишали статуса перемещенных лиц на том основании, что они не имели на него права, — например, если обнаруживались доказательства, что в действительности они воевали на стороне немцев. В 1947 году чиновники из IRO перевели Ивана Богута из лагеря ди-пи, где он ранее находился, в один из таких лагерей для беженцев без статуса перемещенных лиц, а вместе с ним, по его утверждению, перевели еще

около 30 тысяч мужчин. Единственным выходом для них стала работа на бельгийских рудниках⁸⁶.

За кулисами в IRO возрастали симпатии к белым русским-антикоммунистам, причем они распространялись и на тех, кто сражался под немецким командованием в годы войны⁸⁷. Однако вставал сложный вопрос: может ли IRO предлагать переселение этим белым русским и в то же время не саморазоблачиться в поддержке коллаборационистов, вопреки своим собственным правилам? Поначалу верхушка IRO убеждала своих сотрудников, занимавшихся изучением личных дел беженцев, проявлять в отдельных случаях больше мягкости, но в конце концов она просто решила пойти на обман и тайно платила другим организациям, чтобы те занимались переселением белых русских⁸⁸. В 1952 году Дональд Кингсли, генеральный директор IRO, обосновал эти действия высокоморальными соображениями, назвав их “либерализацией” политики, больше соответствовавшей расширенному определению беженцев, которое постепенно сложилось в течение нескольких предыдущих лет (точнее говоря, оформилось за время холодной войны, когда антикоммунизм встал во главу угла)⁸⁹.

Довольно многие из тех, в чьих интересах проводилась эта политика либерализации IRO, оказались в итоге в Австралии. Юрий Доманский, томившийся в лагере для “неподходящих” кандидатов, в апреле 1951 года неожиданно получил удостоверение перемещенного лица и разрешение на переселение, а вместе с ним и его друзья Багенские. Иван Богут, проработавший два года на бельгийских рудниках, в 1949 году возвратился в Германию, а в начале 1950 года ему удалось попасть в списки перемещенных лиц и выехать в Австралию. Среди других иммигрантов, прибывших в том же году, были и группы из Мёнхенгофа, в том числе Юрий Амосов и Константин и Ирина Халафовы⁹⁰.

Жизнь перемещенных лиц в лагерях была довольно благоустроенной: их обеспечивали едой, необходимой одеждой, жильем, нередко там процветала общественная и культур-

ная жизнь; обратными же сторонами были скука и неопределенные перспективы. Некоторым ди-пи позволял выжить черный рынок, у многих женщин, замужних или одиноких, стали рождаться дети. Молодежь училась в старших классах школы или университетах: Георгий Марфутенко ходил в немецкую гимназию, а латыш Андрис Бичевскис изучал инженерное дело в Ганноверском университете. Алексей Кисляков, в годы войны работавший на немцев переводчиком, после войны нашел похожую работу у американцев. Евгений Шевелев, русский уроженец Казахстана, выдавший себя за поляка, тоже нашел работу у американских военных⁹¹. Мало кто из молодых ди-пи не женился в лагерях (де-юре или де-факто) — как правило, на таких же обитательницах лагерей, но бывало, и на немках (как, например, Сигизмунд Дичбалис). Женщины автоматически получали национальность мужей: так, Ольга Янович из Киева стала полькой (Нойман), Наталия Кашенко с Северного Кавказа — сербкой (Баич), а Лидия Янковская — чешкой (Мокрас)⁹².

В целом перемещенным лицам жилось в лагерях или за их пределами — “на воле” — очень неплохо. Но все хорошее когда-нибудь кончается, и о неминуемом закрытии ИРО всем было известно с конца 1940-х. К тому же страх возможной третьей мировой войны толкал некоторых на отъезд из Европы. Перед Дичбалисом и другими вставал главный вопрос: куда? Одной из самых отдаленных и наименее известных стран, которые разрешалось выбрать для переселения, была Австралия.

Глава 2

Австралийские методы отбора

В июле 1945 года первым министром иммиграции Австралии стал Артур Колуэлл. Принеся присягу, он вошел в лейбористское правительство Бена Чифли и приступил к выполнению задачи нарастить темпы иммиграции в Австралию, чтобы увеличить численность населения страны и компенсировать ожидаемую в послевоенную пору нехватку рабочей силы. Австралия, конечно же, мечтала о традиционном потоке иммигрантов — британцах, но было весьма маловероятно, что на сей раз Британия сможет удовлетворить спрос, намечавшийся в Австралии, и к тому же в послевоенный период по всему миру грузоперевозки затруднялись из-за катастрофической нехватки судов. Так что Австралии предстояло проявить изобретательность в своих поисках и, вероятно, подготовиться к приему мигрантов из не самой привлекательной для нее категории. Конечно, речь все равно шла только о европейцах, ведь этого требовала местная иммиграционная политика “Белая Австралия”, и, конечно, в стране было немало тех, кто предпочел бы, чтобы среди приезжих было как можно меньше евреев. Но, как отмечалось в докладе правительственной службы, потребность Австралии в рабочих руках была столь велика, что лучше было не слишком привередничать при отборе “желательных категорий потенциальных иммигрантов”¹.

В том же году, когда Колуэлл отправил своего старого друга Леса Хейлена в Европу, чтобы узнать там о возмож-

ностях привлечь в Австралию мигрантов, его критики предупреждали, что, скорее всего, “назад он привезет полчища комми”². В действительности же там отнюдь не наблюдалось ни коммунистов, ни даже старых добрых социалистов-тред-юнионистов из Северной Европы, на которых так надеялся Хейлен. Скорее наоборот. Массу потенциальных мигрантов составляли более миллиона перемещенных лиц, которые в годы войны были перевезены в Германию из оккупированных областей Советского Союза и стран Восточной Европы в качестве военнопленных (в основном из Красной армии) или подневольной рабочей силы. Эти люди, преимущественно славяне с вкраплением заметного меньшинства евреев, остались в Европе после отъезда гораздо более многочисленной группы ди-пи, в большинстве своем вернувшейся в родные края — Советский Союз, Польшу, Югославию и другие страны, оказавшиеся после окончания войны в зоне политического влияния СССР. Оставшиеся перемещенные лица отказались репатриироваться и продолжали жить главным образом в лагерях ди-пи, управлявшихся международными организациями по делам беженцев (UNRRA, а затем IRO) совместно с оккупационными режимами западных союзников в Германии и Австрии. Относительно прочих качеств этих потенциальных мигрантов можно было сделать самые разные выводы, но одно можно было утверждать уверенно: за исключением некоторых представителей еврейской группы, они были не только страстными антикоммунистами, но еще и антисоциалистами.

Перемещенные лица показались на австралийском иммиграционном горизонте лишь в июле 1947 года, когда премьер-министр Бен Чифли совершил поездку в Европу в поисках мигрантов, а Колуэлл посоветовал ему присмотреться к ди-пи. Годом ранее в Австралии даже не задумывались о таком варианте³. Австралия не вступала и не платила членские взносы в IRO — международную организацию, занимавшуюся проблемами беженцев и их переселением, — вплоть до мая 1947 года. Однако ситуация на австралийском рынке

труда складывалась весьма тяжелая: в декабре предыдущего года в штате Виктория зарегистрировалось в качестве безработных всего 123 человека, а департамент послевоенного восстановления докладывал, что в стране нет никаких трудовых резервов. Острая нехватка рабочих рук наблюдалась в таких сферах, как младший медицинский персонал, разработка месторождений полезных ископаемых, заготовка леса, строительство и гидроэнергетическая система Тасмании⁴. В июле, как только Колуэлл прибыл в Европу, представители IRO сообщили ему, что не только имеются “высококвалифицированные работники из числа перемещенных лиц, готовых к переселению, если только Австралия не станет мешкать”, но и что “IRO возьмет на себя их перевозку” за небольшую добровольную плату — всего по 10 фунтов за человека⁵. Главную роль здесь сыграл именно второй фактор, поскольку Австралия испытывала катастрофические трудности, пытаясь найти корабли для перевозки неважно каких мигрантов.

И Колуэлл дал себя убедить. “В лагерях для перемещенных лиц в Германии, — писал он в декабре 1949 года, — я нашел сотни тысяч замечательных людей, у которых больше нет родины”. Среди них были крестьяне, разнорабочие, ремесленники, мастера-техники — словом, работники всех мастей, в которых так срочно нуждалась Австралия. Он подписал с IRO соглашение о транспортировке в Австралию 12 тысяч этих “замечательных людей”⁶ — первой партии в рамках рассчитанной на три года программы массового переселения, предусматривавшей перевозку 170–182 тысяч ди-пи в Австралию. Были в числе этих людей и русские, хотя австралийские власти, похоже, не замечали их присутствия среди более многочисленных групп поляков, югославов и других народов⁷. Русские — и бывшие советские граждане, и эмигранты первой волны, часто имевшие при себе документы с указанием другой национальности, — проскользнули в страну незаметно и почти не попадали в поле зрения Канберры, пока в 1949 году не была создана Австралийская служба безопасности и разведки.

Русские, жившие в Австралии до войны

Если бы австралийские чиновники, отвечавшие за иммиграцию, вообще задумались о том, что среди перемещенных лиц могут быть и русские, то, вероятно, встревожились бы. Сравнительно небольшая русская диаспора, жившая в Австралии в начале XX века, прославилась шумным присутствием в ней радикалов, активно участвовавших в международном движении Индустриальных рабочих мира (ИРМ) и в основании Коммунистической партии Австралии сразу после окончания Первой мировой войны. Хотя многие из этих радикалов после Февральской революции 1917 года вернулись в Россию, их влияние на общество, особенно в Квинсленде, оказалось значительным и привело в 1919 году к так называемым беспорядкам под красным флагом в Брисбене, вылившимся затем в антирусский погром. Несмотря на то, что позже, уже в 1920-е годы, прибывавшие через Китай группы русских иммигрантов были безукоризненно “белыми” с точки зрения политической ориентации, “красные” русские оказались весьма живучим образом в общественном сознании и не исчезли из полицейских досье⁸.

Количество русских, живших в Австралии к началу Первой мировой войны, не превышало пяти тысяч человек, и на протяжении 1920–1930-х оно оставалось приблизительно на том же уровне, несмотря на многочисленные отъезды одних и приезды других⁹. Самые многочисленные группы осели в штатах Новый Южный Уэльс, Квинсленд и Виктория. Большинство тех, кто поселился в Квинсленде, прибыли тихоокеанским путем. Среди них, по имеющимся оценкам, примерно 400–500 человек были политическими беженцами, сосланными царским режимом после революции 1905 года в Сибирь и Дальний Восток и затем бежавшими оттуда за границу¹⁰. Союз русских эмигрантов, основанный в Брисбене в 1910 году для оказания новоприбывшим помощи в поиске работы и жилья, быстро радикализировался и поменял название

на Союз русских рабочих. К концу 1916 года в нем состояло почти 500 активных членов и еще около 2 000 сочувствующих¹¹. У лидеров этого союза имелся внушительный революционный опыт (что стало особенно понятно после 1917 года). Они поддерживали связь с вождем большевиков Владимиром Лениным (который в ту пору жил в эмиграции в Швейцарии), а один из них, Федор Сергеев (товарищ Артём), был настолько близким другом Иосифа Сталина, что тот после гибели Сергеева на Гражданской войне взял его сына к себе и воспитывал вместе с собственными детьми¹². Генеральный консул царской России в Австралии жаловался, что сотни русских иммигрантов “подпадают под пагубное влияние беглых русских политкаторжан” и из-за этого сами превращаются “из миролюбивых законопослушных переселенцев в ярых социалистов”¹³.

Успех большевистской революции в октябре 1917 года поднял престиж русских активистов, вроде Александра Зузенко, в австралийском рабочем движении, и резиденция Петра Симонова, назначенного в 1918 году генеральным консулом Советской России, на Роусон-плейс в Сиднее стала первым местом собраний людей, которые вскоре создали Коммунистическую партию Австралии. Многие из русских радикалов, живших в Австралии, хотели вернуться на родину, где уже победила революция, но поначалу правительство Австралии всячески препятствовало осуществлению их желания. Это стало одним из поводов для недовольства, вызвавших протестный марш 23 марта 1919 года, на котором русские размахивали запрещенными красными флагами (символами международного коммунистического движения). Это протестное шествие, в свою очередь, привело к вспышке стихийного насилия в отношении отдельных участников и принятию официальных карательных мер против русских. Начальник полиции Квинсленда докладывал министру внутренних дел, что “присутствие этих русских... ввиду их анархических идей и революционных настроений представляет угрозу для мира и благополучия нашего города”¹⁴. Русских увольняли с работы, выселяли из квартир, бойкотировали их магазины,

грозили им физической расправой на улицах. Несколько человек подвергли уголовному преследованию, а потом — после того как австралийское правительство сменило курс и решило, что внутри страны они опаснее, чем за границей, — Зузенко и другие вожаки были высланы из Австралии¹⁵.

Русские иммигранты, приезжавшие в Квинсленд с начала 1920-х годов до начала Второй мировой войны, придерживались совершенно иных политических взглядов: в основном это были люди, уехавшие из России в Китай после разгрома Белого движения, а затем решившие перебраться в Австралию. Из истории иммиграции в Квинсленд красные русские практически исчезли, хотя местная полиция и не забывала о том, что русские — народ подозрительный, о чем свидетельствует досье, заведенное в 1939 году на довольно аполитичную русскую девушку из Брисбена, Нину Максимову. (В 1946 году, уже сменив в замужестве фамилию, Нина Михайловна Кристесен возглавит кафедру русистики в Мельбурнском университете¹⁶.) И уж точно память о них стерлась из коллективной истории самой русской общины. В “Истории русских в Квинсленде”, состоявшей из семи частей и опубликованной в журнале русской диаспоры “Австралиада”, ни словом не упоминались ни радикалы-революционеры, ни те русские, которые иммигрировали еще до Первой мировой войны. В центре этой истории находились казаки — в том числе и отряд из пятидесяти семи уральцев, сражавшийся на Гражданской войне на стороне белых под началом атамана Владимира Толстова. В 1920-х годах они приехали в Квинсленд и занялись сельским хозяйством. В составлении истории местной общины важную роль играли священники — некоторые из них тоже прибыли сюда через Китай и основали первую православную церковь в Брисбене.

Поселенцы-казаки из этой группы сделали пионерами, осваивая отдаленные районы Квинсленда, где начали выращивать хлопок и рубить сахарный тростник; многие добрались до рудников в Маунт-Айзе, а некоторые и до Северной Территории¹⁷. В 1930-х годах в Кордальбе, Талли и Брисбене

появились три казачьи станицы (общины с самоуправлением). Впрочем, следует заметить, что в Австралии сам термин “казаки” употреблялся довольно широко — так называли и тех русских, кто в самой России не принадлежал к казачьему сословию, а просто прибил к нему, сражаясь в казачьих отрядах на фронтах Первой мировой, а потом и Гражданской войны¹⁸. До начала Второй мировой казаки из малочисленных квинслендских общин иногда ездили в Китай за русскими невестами¹⁹. А еще в 1930-е годы наблюдался небольшой отток в Австралию казаков-мигрантов, недовольных японским режимом в Маньчжурии²⁰.

Как и радикалы, русские евреи тоже не являлись частью той истории русской общины, которую излагали в “Австралиаде”. Между тем две эти группы не только существовали, но и частично пересекались, поскольку гонения, пережитые евреями в дореволюционной России, обусловили их склонность к политическим идеям левого толка. Иуда Уотен, приехавший вместе с семьей из Одессы в 1914 году в возрасте трех лет, стал впоследствии самым известным австралийским коммунистом российского происхождения²¹. В его автобиографическом романе “Чужой сын” (*Alien Son*), вышедшем в 1952 году, была впервые рассказана история именно этой группы австралийских иммигрантов. Другой еврейкой-эмигранткой, активно заявлявшей о себе в левых кругах, была Белла Вайнер, русскоязычная уроженка Польши, приехавшая в 1927 году из Лондона. Вскоре она вступила в Компартию Австралии и в 1940-е годы оставалась оплотом левого Русского общественного клуба²². Предприниматели Леонард Каневский и Соломон Косский были, пожалуй, более типичными представителями русского еврейства с симпатиями к левым или к СССР, чем активисты вроде Уотена и Вайнер. Каневский приехал в 1912 году из Англии, где он прожил некоторое время после отбывания тюремного срока по политическому делу в России; свою политическую позицию он определял как близкую позиции умеренных социалистов во главе с Александром Керенским, председателем россий-

ского Временного правительства, недолгое время просуществовавшего после свержения царя в марте 1917 года. Видный деятель небольшой русской общины Мельбурна в годы после Первой мировой войны, Каневский лично знал Петра Симонова (упоминавшегося выше генерального консула большевистской России) и выступал поручителем Александра Зузенко. Именно из-за этих контактов австралийские власти четыре года не желали рассматривать заявление Каневского о получении гражданства и как могли затягивали дело²³. Соломон Косский, подростком приехавший в Австралию в 1912 году, торговал мехами в Мельбурне. После Второй мировой войны он привлек к себе пристальное внимание, потому что обзавелся друзьями среди австралийских левых, выражал “замаскированные просоветские взгляды” и однажды съездил в Советский Союз на аукцион мехов в Ленинграде. Конечно, не все эмигранты из русских евреев придерживались левых взглядов. Сидни Майер, основатель сети универсамов *Myer*, приехал в Австралию через Англию в 1899 году в возрасте 21 года, создал одно предприятие в Бендиго, другое в Мельбурне и разбогател²⁴.

В межвоенный период большинство белых русских прибывало из Китая. Полковник Михаил Максимов, отец Нины, бывший военный и убежденный монархист, приехал через Китай из Петербурга и поселился в Брисбене; Юрий Давиденков, первый председатель (белого) Русского клуба в Сиднее, бывший царский офицер из Петербурга, женился на дочери бывшего губернатора Сахалина и в 1929 году приехал в Австралию через Харбин и Японию. Родившийся в России Иван Репин окончил Петербургский университет, стал горным инженером и управлял концессией по разработке полезных ископаемых во Владивостоке, когда произошла революция. Он уехал в Харбин, оттуда в Шанхай, а в 1925 году перебрался в Сидней. Там со временем он обзавелся магазином кофе, который стал пользоваться большим успехом: рассказывали, что эта лавка стала первым в Сиднее местом, где продавался настоящий кофе. В дальнейшем Репин расширил

торговлю и открыл семь кафе, где стали собираться русские посетители из самых разных общественных кругов. Его дочь вышла замуж за библиофила Константина Хотимского. Последний был сыном погибшего в Гражданскую войну белогвардейца, приехал в Австралию в 1939 году через Тяньцзинь и Шанхай²⁵.

Данила Васильев, когда приехал в Австралию в 1920-х годах, был похож на типичного белого русского. Он родился в 1886 году в казачьей семье на юге России, служил в Русской императорской армии, воевал в Первую мировую, а в Гражданскую — в Добровольческой армии Деникина. В 1923 году он уехал в Шанхай и оттуда подался в Австралию. Но затем он круто изменил свою жизнь: поселившись на окраине Мельбурна, в Уоррандайте, занялся авангардной живописью, затем преподавал изобразительное искусство в экспериментальной школе, сделался известным человеком в богемных левых кругах, а в 1940-х вступил в Компартию Австралии²⁶. Клодники, приехавшие в 1937 году, проделали приблизительно такой же путь влево. В 1917 году инженер Георгий (Клод) Клодницкий успел поработать на Временное правительство и как раз по его поручению приехал в США в качестве ассистента Российской железнодорожной комиссии, когда большевики свергли правительство Керенского. В начале 1920-х, уже живя в Лондоне, Клод явно перестраховывался, работая одновременно на ультрареспектабельный банк *Lloyds* и на советское торговое представительство АРКОС. После того как скандал, разразившийся вокруг советской торговой миссии, привел к разрыву дипломатических отношений между Великобританией и Советским Союзом, Клодники перебрались в Париж, а оттуда — в Австралию. Что было нетипично для русских иммигрантов в Австралии, они относили себя к русской интеллигенции и чтили ее традиционную склонность к радикализму. В 1940-х годах они проявили себя сторонниками СССР, Августа Клодницкая стала председательницей левацкого Русского общественного клуба²⁷.

Русские иммигранты (и этнические русские, и русские евреи), прибывавшие в страну в последние предвоенные годы, питали симпатии к левым гораздо чаще своих предшественников в 1920-е годы и довольно благосклонно относились к Советскому Союзу. Доктор Александр Джеймс (ранее Жемчужный) благополучно работал в области здравоохранения и при Временном правительстве, и при большевиках в первые годы советской власти, а в 1926 году получил должность в центральной больнице Харбина. Впоследствии он решил остаться в Китае. После японской оккупации Жемчужные переехали в Тяньцзинь, а оттуда в 1940 году — в Австралию, где, взяв новую фамилию, Александр стал практикующим терапевтом в Тирруле, на побережье к югу от Сиднея. Супруги Джеймс (Жемчужные), как и их друзья Клодники, считали себя представителями русской интеллигенции (Александр разбирался в китайской поэзии и сам писал стихи, его жена происходила из знатной семьи, получила хорошее образование) и не питали вражды к Советскому Союзу. Жители Тиррула хорошо относились к Джеймсу, хотя и подозревали в нем русского шпиона²⁸.

Русский еврей Натан Фицер, юрист и предприниматель, приехавший с литовским паспортом из Харбина в Сидней в 1939 году, подружился и с парой Джеймс, и с Клодниками. В 1930-е годы японские власти следили за Фицером в Харбине, подозревая его в симпатиях к СССР; однако в 1940 и 1942 годах, когда его допрашивала австралийская разведка, никаких политических обвинений предъявить ему не смогли: разве только то, что он был секретарем в обществе, оказывавшем медицинскую помощь России. Беседуя с агентами разведки в 1942 году, Фицер выразил недовольство теми белыми русскими в Австралии, которым было “безразлично, если Гитлер сможет победить Россию”²⁹.

Недолгое время в Австралии жил Александр Керенский — умеренный социалист, возглавлявший российское Временное правительство в 1917 году. Он приехал в Брисбен в 1945 году со второй женой, австралийкой Нелли Триттон, но после ее

скоропостижной кончины спустя год уехал. Русская община в Австралии встретила Керенского очень враждебно. Монархист полковник Максимов пришел в такое смятение оттого, что ему пришлось пожать Керенскому руку, что, по воспоминаниям дочери, потом “он долго мыл руки и просил, чтобы с ним никогда не заговаривали о случившемся”³⁰.

Хотя Фицер и еще некоторые из прибывших в Австралию в конце 1930-х и числились позднее в ASIO как лица, симпатизирующие левым, куда большей проблемой в начале 1940-х были русские фашисты. Ярый антикоммунизм порой заводил белых русских на край правого фланга, как произошло, например, с Василием Яценко, который иммигрировал в Австралию в 1920-х годах, завел сахарную плантацию в Квинсленде и вскоре вступил в НТС — воинственную антисоветскую организацию, основанную в 1930 году в Европе. Большинство русских фашистов, живших в Австралии, приехали из Китая и поддерживали контакты с сильным движением русских фашистов, которое возникло в Маньчжурии в 1930-е годы. Исключением была Елизавета Трикожус, русская эмигрантка (и по языку, и по самоидентификации), космополитка по происхождению с резко антикоммунистическими взглядами, приехавшая в Австралию в 1928 году. У Трикожус были родственники, обосновавшиеся в Германии и не испытывавшие трудностей после прихода к власти нацистов. Елизавета открыто высказывала прогерманские взгляды и симпатии к нацистам, чем навлекала в годы войны неприятности на голову своего мужа, видного ученого, профессора биохимии в Мельбурнском университете³¹. Австралийская служба безопасности была осведомлена о существовании этого фашистского крена внутри русской эмиграции — и в Китае, и в Европе, — и сознавала их опасность³².

Одиозный брисбенский священник Валентин Антоньев, покинувший Россию после разгрома Белого движения в 1922 году, прибыл в Австралию через Китай в 1923 году, а гражданство получил в 1939-м. Будучи настоятелем церкви Святого Николая, отец Валентин шокировал многих прихо-

жан своей открытой симпатией к фашизму. После того как он устроил сбор средств в пользу фашистов прямо в своей церкви, казачий атаман генерал Владимир Толстов разорвал всякие связи с этой церковью и велел поступить так же всему своему казачьему кругу. Работавший парикмахером Иван Рождественский, друг священника, сражался в Русской императорской армии в Первую мировую, а потом в рядах Белой армии в Сибири. В 1935 году на 3-м съезде русских фашистов в Харбине представлял Австралию³³. В 1941 году Рождественский и Антоньев были интернированы правительством Австралии наряду с несколькими другими русскими фашистами. После освобождения в 1944 году Антоньев вернулся в свой приход, хотя не все бывшие прихожане были рады его видеть. Рождественского выпустили годом позже, и он сразу же подал прошение о натурализации. Гражданство ему предоставили в 1946 году — вероятно, из-за того, что спецслужбы сочли, что он сможет приносить пользу как осведомитель, донося о влиянии коммунистов на русскую общину³⁴. Маховик политических подозрений снова раскрутился, и на протяжении следующих десяти — пятнадцати лет уже не белые, а красные русские сделались главным объектом внимания и тревоги австралийской разведки.

Отбор перемещенных лиц на практике

Для Австралии решение принять перемещенных лиц после Второй мировой войны стало значительным отступлением от курса, которого она придерживалась раньше. Для страны с населением всего семь миллионов человек иммиграция такого масштаба была ошеломительным явлением, даже если не учитывать фактор культурной новизны. Лига ветеранов приняла ряд постановлений, согласно которым в общественных местах следует разговаривать только по-английски, а все остальные языки запретить. Снова всколыхнулись опасения из-за возможного приезда евреев: эти страхи Ав-

стралия уже пережила, когда по итогам Эвианской конференции 1938 года ее вынудили принять определенное количество еврейских беженцев³⁵. Сомнения охватили даже местную еврейскую общину. Что касается русской диаспоры в Австралии, в 1940-х годах она была еще недостаточно организованной, чтобы хоть как-то влиять на решения правительства (в отличие от США, где шло активное лоббирование со стороны различных этнических групп, в том числе и русских). Русская православная церковь в тот момент еще не фигурировала в австралийской демографической статистике, но можно предположить, что она без особого восторга отнеслась бы к перспективе приезда бывших советских граждан, воспитанных в атеизме. Поляки и некоторые другие восточные европейцы были католиками, но католическая церковь в Австралии изначально не оказывала активной помощи в иммиграции своей потенциальной паствы.

Когда Австралия вступила в IRO и стала очередной страной, готовой принимать мигрантов под эгидой этой организации, она, среди прочего, взяла на себя обязательство относиться к перемещенным лицам и беженцам, придерживаясь принципов полного равенства, не делая различия между представителями разных рас и религий³⁶. Никаких явных огорок, касавшихся национальной принадлежности, не делалось, но очень скоро стало ясно, что у Австралии имеются ярко выраженные предпочтения. Когда Колуэлл побывал в лагерях ди-пи в Германии, из всех, кого он там увидел, наиболее привлекательными показались ему прибалты — бывшие (пусть и недолгое время) граждане СССР, при этом не славяне, а как будто представители “нордической расы”. И он настаивал на том, чтобы в первую партию иммигрантов включили только прибалтов, и никого больше³⁷. Считалось, что все прибалты — светловолосые и голубоглазые, одним словом — истинные арийцы. К тому же они слыли довольно культурными и “западными” в своих привычках.

В 1948 году, отвечая в парламенте на вопрос, имелись ли при отборе ди-пи для иммиграции в Австралию какие-либо

ограничения по национальному или религиозному признаку, Колуэлл заявил: “Мы заключили соглашение [с IRO. — *Авт.*], согласно которому мы готовы были отбирать людей без различия их расовой и религиозной принадлежности, и это условие договора мы выполняли”. Но затем он как бы в порядке утешения добавил, что до сих пор в Австралию из лагерей ди-пи не прибывали мигранты-евреи³⁸. И действительно, пока действовала эта программа массового переселения, австралийские чиновники последовательно придерживались своей линии: не принимать евреев³⁹. IRO высказывала недовольство этим курсом и всячески пыталась расстроить дискриминационные планы Австралии, однако не смогла заставить ее отклониться от выбранного пути⁴⁰. В конце концов, нужно же было избавиться хотя бы от части всех этих ди-пи, вывезти их куда-нибудь из Европы. И хотя Австралия, пожалуй, довольно необычным образом проявила свою крайнюю привередливость при выборе “желательных” национальностей, она отнюдь не была белой вороной среди стран, согласившихся принимать перемещенных лиц. Отдельные страны явным образом ограничивали или даже напрочь исключали некоторые национальности из списка приемлемых: первой это сделала Британия, открыв программу набора рабочей силы *Westward Ho!**, а Бразилия и Канада в разное время запрещали въезд евреям-мигрантам⁴¹.

Какое место отводилось различным национальным “типам” в иерархической структуре предпочтений Австралии, четко видно по внутриведомственной переписке, и именно на эту иерархию ориентировалась при отборе “кадров” отправленная в Европу миссия. В первые годы ее работы наиболее годными категориями были следующие⁴²:

* Выражение *Westward Ho!* (букв. “[курс] на запад!”), давнее название этой правительственной программе, имеет в английском языке богатую и давнюю литературную историю, восходя к названию сатирической пьесы 1604 года Бена Джонсона и Томаса Деккера, где речь шла о расширении Лондона к западу от Темзы. Такое же название имел исторический роман 1855 года Чарльза Кингсли — уже о британских корсарах, завоевателях Нового Света, а также несколько снятых по его мотивам фильмов. Кроме того, в честь романа Кингсли название *Westward Ho!* (*sic*, с восклицательным знаком) получила приморская деревушка на юго-западе Англии, в графстве Девон.

Июль 1947	эстонцы, латыши, литовцы
Сентябрь 1947	словенцы, украинцы
Январь 1948	югославы, чехи
Май 1948	поляки (только одиночки или бездетные трудоспособные семейные пары)
Июль 1948	венгры

Советские граждане нигде не упоминались, хотя в эту категорию вполне могли бы попадать некоторые из украинцев (те, что до войны жили в СССР, а не в Польше). Еще страннее то, что не фигурировали там и русские — во всяком случае, до августа 1948 года, когда вдруг появилась загадочная новая категория “белые русские”. До этого же по лагерям ди-пи ходили слухи, что русским нужно добывать поддельные бумаги, где они значились бы украинцами, поскольку “Австралия и Англия все еще не пускают русских иммигрантов”⁴³.

Как и другие подобные программы, австралийская программа массового переселения предлагала избранным мигрантам бесплатный проезд с ограниченным объемом багажа. Однако соглашение ИРО с Австралией отличалось от ее соглашений с другими странами в двух важных пунктах. Во-первых, это была государственная программа и потому (в отличие от американской) не предполагала, что добровольные организации будут подыскивать спонсоров для отдельных мигрантов. Во-вторых, в отличие от других стран, Австралия предоставляла мигрантам жилье в специальных лагерях и общежитиях, а также предъявляла им обязательное требование — отработать два года там, куда пошлет их правительство Австралии. Это делалось для того, чтобы вернуть в казну средства, затраченные на перевозку мигрантов, и обеспечить рабочими руками предприятия, нуждавшиеся в них в первую очередь: гидроэлектростанции на Тасмании и в Снежных горах, различные объекты строительства, железные дороги и тому подобное. Колуэлл очень гордился пунктом об обязательных отработках. “Это была моя идея”, — писал он позд-

нее и объяснял, что так можно было заодно решить проблему острой нехватки жилья, обозначившуюся в Австралии после войны. Новоприбывших просто заселяли в бывшие армейские лагеря. По мнению Колуэлла, это соглашение давало определенные преимущества и самим мигрантам: “На два года они получали гарантированное трудоустройство, на два года обеспечивались жильем и в течение этих двух лет могли изучать язык и обычаи принявшей их страны, и у них было время подумать о том, где бы поселиться потом”⁴⁴.

Однако пункт об обязательных отработках подорвал популярность вербовочной программы Австралии в лагерях ди-пи, где это условие восприняли как требование кабального труда. Вызвал он и суровую критику со стороны Советского Союза. По мере того как холодная война набирала обороты, советская сторона открыто стала называть это требование Австралии явным доказательством того, что вся затеянная западными союзниками программа переселения — просто способ украсть советских граждан (и заодно граждан восточноевропейских стран) и использовать их как рабскую силу в собственных колониях⁴⁵. Некоторые представители австралийского профсоюзного движения придерживались похожей точки зрения: независимый политик Джек Лэнг критиковал правительство лейбористов за то, что они ввезли в страну “массу рабов под видом иммигрантов” с явным намерением использовать их в дальнейшем, чтобы “раздавить профсоюзное движение”⁴⁶.

Поскольку у Австралии не было в послевоенной Германии своего гражданского представительства, было решено, что назначенная австралийским министерством иммиграции комиссия для отбора мигрантов будет действовать под общим надзором австралийской военной миссии в Берлине⁴⁷. Джордж Винсент Гринхалл, чиновник миграционной службы Британского Содружества в Берлине, возглавлял отборочную комиссию, которая поначалу состояла из двух сотрудников иммиграционной службы, одного военного врача и сотрудника армейской разведки и с октября 1947 года была

развернута в германском Бад-Пирмонте в британской зоне оккупации⁴⁸. Члены комиссии были новичками: они ничего не знали о Европе вообще и о перемещенных лицах в частности, и им приходилось всецело полагаться на помощь переводчиков (обычно из числа самих ди-пи)⁴⁹. Их опросник коряво перевели на немецкий. При принятии решений об отборе кандидатов комиссия уже зависела от IRO, которая предварительно отбирала заявки тех ди-пи, с кем предстояло провести беседы⁵⁰. Колуэлл рассказывал:

Австралия нуждалась в первую очередь в “тружениках с мозолистыми ладонями”. Спрос на людей свободных профессий был крайне ограничен, и возникали сложности с признанием университетских степеней и прочие подобные проблемы. Мы ни в коем случае не собирались брать торговцев и всяких лавочников⁵¹.

Очень распространено было предубеждение против “интеллектуалов, специалистов и студентов”. Генерал-майор Фредерик Галлеган, глава австралийской военной миссии, занял ту же позицию и предупредил ди-пи, что “здесь не будут предоставлять ни малейших привилегий” представителям этих групп⁵². Под словом “здесь” он, вероятно, подразумевал Германию, однако по-настоящему речь шла об Австралии. У профессионалов из числа ди-пи старались отбить желание переселиться в Австралию уже на этапе подачи заявок: ведь требовалось согласиться на отбывание двухлетней трудовой повинности по направлению австралийского правительства. Кроме того, Австралия выставляла повышенные требования к уровню физического здоровья будущих иммигрантов. Члены австралийской отборочной комиссии отвергли больше кандидатур по медицинским показаниям, чем комиссии других стран: более 50 % кандидатов, прошедших собеседование, получили отказ по причине выявленных небольших недостатков — таких, например, как “малый рост”. Отбраковывали и перемещенных лиц с протезами ног или

их дефектами, потерявших глаз. Не желала Австралия принимать людей с варикозным расширением вен, конъюнктивитом, дерматитом и испорченными зубами, потому что считалось, что мигранты часто используют подобные недуги как отговорки, чтобы бросить тяжелую работу и поскорее вернуться в город⁵³.

Оказалось, что найти достаточное количество мигрантов, пригодных для тяжелого ручного труда, намного сложнее, чем думали в Австралии поначалу. Это стало понятно, когда в конце 1947 года на борт парохода “Генерал Стюарт Хейнцельман” вошла первая группа из 844 мигрантов — латыши и прочие прибалты из числа ди-пи. Первая трудность состояла в том, что эти люди уже привычно лгали о своем происхождении, когда отвечали на вопросы отборочных комиссий; вторая заключалась в том, что и сами австралийцы пренебрегли рекомендованными правилами отбора и отдавали предпочтение тем кандидатам, кто хоть немного знал английский, — то есть тем самым образованным специалистам, которых Австралия как раз и не желала брать. Таким образом, среди пассажиров “Хейнцельмана” почти не видно было “тружеников и тружениц с мозолистыми руками”, о каких мечтал Колуэлл. А за время плавания многие из них претерпели удивительные метаморфозы и к моменту прибытия в порт назначения превратились из пролетариев в образованных представителей среднего класса.

Из мужчин, взошедших на борт парохода, 586 человек были записаны рабочими и 142 — крестьянами (более или менее в соответствии с изначальными рекомендациями), а среди женщин-мигранток насчитывалось 77 домашних работниц и официанток, 32 машинистки и 6 младших медсестер. Ни один мужчина, ни одна женщина не значились в списках как квалифицированные специалисты⁵⁴.

А вот по прибытии встречавших корабль сотрудников иммиграционной службы приятно удивило, что очень многие мигранты говорят по-английски и вообще, оказывается, “очень приличные” люди (то есть благопристойного

вида, с правильной речью, явно из среднего класса). У одной из “официанток”, как выяснилось, имелся диплом историка, она окончила Рижский университет и работала археологом в музее; другая изучала медицину в Гейдельбергском университете, а третья когда-то преподавала теологию. Мужчины тоже, как обнаружилось, были в прошлом юристами, дипломатами и оперными певцами⁵⁵.

Невидимые русские, нежеланные евреи

Отсутствие “русских” или “советских граждан” в номенклатуре австралийской отборочной комиссии отражало общую практику, которой придерживались и международные организации, занимавшиеся беженцами, и западные оккупационные режимы в Европе. В удостоверения перемещенных лиц редко вписывалась национальность “русский” или “гражданин СССР”, ведь Советский Союз требовал насильно репатриировать всех этих людей. Не вполне понятное обозначение “украинец / украинка” впервые начали вносить в удостоверения ди-пи в марте 1947 года, и то лишь после жарких споров среди западных союзников о том, можно ли такое писать, ведь нет же такого государства — Украина⁵⁶.

Однако украинское лобби в Северной Америке оказалось очень напористым, и к тому же имелся обнадеживающий прецедент: в США уже признали существование национальности “еврей”, хотя еврейское государство появилось на карте мира только в 1948 году. И между властями западных стран возникла рабочая договоренность: не различать украинцев польского (то есть западноукраинского) и советского происхождения. На практическом уровне это означало, что бывшие советские украинцы не подлежат репатриации — наравне с выходцами с Западной Украины. Неясно, хорошо ли разобрались австралийские иммиграционные чиновники в этих тонкостях и желали ли они вообще в них вникать; возможно, они просто думали, что все украинцы до войны были гражда-

нами Польши. В любом случае, если IRO направляла к ним кандидатов на переселение, которые в документах значились украинцами, никто не пытался это оспорить.

Однако к появлению еще менее понятного обозначения “белый русский” в качестве национальности IRO уже не имела отношения. По-видимому, оно возникло стараниями самих ди-пи — белорусов, которые осаждали австралийскую отборочную комиссию требованиями включить их в список предпочтительных национальностей. Белоруссия граничит с Украиной, и обе они прилегают к России у западной ее границы, история раздела Белоруссии между Советским Союзом и Польшей очень напоминала историю Украины. Само название Белоруссия, Белая Русь, вводило в заблуждение, потому иногда его переводили на английский буквально — как *White Russia*, и белорусов соответственно называли *White Russians* — белыми русскими. Эта закулисная борьба белорусов была частью их общего стремления добиться для себя такого же признания отдельным народом, какое украинцы, тоже не имевшие отдельного государства, уже получили в 1927 году. Галлеган передал требования белорусов в Канберру, добавив от себя, что это “очень хорошие ребята”, и посоветовал включить их в список приоритетных национальностей, хотя сам он и не вполне понял, кто они такие. “Эти самые белые русские, — писал он, — по-видимому, белые русины или белорусы”. (“Русины” здесь — просто подхваченное без понимания слово: его любили использовать сами белорусские националисты, стремившиеся к международному признанию белорусов как отдельной нации.) Канберра поддалась на уговоры и внесла в свой список “белых русских”. Но тут была одна загвоздка: так уже называли русских эмигрантов первой волны. Естественно, вскоре возникла путаница, а потом оказалось, что именно так чаще всего и трактуется это выражение. В июне 1949 года министерство иммиграции, говоря о белых русских без гражданства как о группе, внесенной в список приоритетных национальностей для массового переселения в Австралию в авгу-

сте 1948 года, имело в виду отнюдь не уроженцев Белоруссии, а именно довоенных эмигрантов⁵⁷.

Из-за того, что русские эмигранты первой волны покинули родину задолго до Второй мировой войны, международные организации по делам беженцев относили их именно к беженцам, а не к перемещенным лицам. И как таковые они официально не могли претендовать на опеку и содержание UNRRA и уж тем более на участие в программе переселения. И все-таки многим из них как-то удалось попасть в лагеря ди-пи, находившиеся в Германии и Австрии. Хотя у IRO полномочия были шире и ее забота распространялась не только на перемещенных лиц, но и на беженцев, Австралия, заключая соглашение с IRO, договаривалась о приеме мигрантов лишь из числа ди-пи⁵⁸. Несмотря на это, понятно, что русские эмигранты все-таки въезжали в Австралию в рамках программы массового переселения под эгидой IRO. Менее понятно другое: замечал ли это тогда кто-нибудь в Австралии? Русские обеих категорий — и бывшие советские граждане, и бывшие эмигранты — часто приезжали “под чужими флагами”, что делало их невидимками в официальных бюрократических реестрах. Конечно, их могли опознавать именно как русских сотрудники иммиграционной службы, которые сталкивались с ними лицом к лицу, но, вероятно, эти чиновники помнили о насильственной репатриации 1945 года и не имели никакого стимула разоблачать обманщиков. Один такой служащий, работавший в отборочной комиссии в Германии в 1949 году, позднее вспоминал:

В ту пору мы вытаскивали из-за железного занавеса людей почти всех национальностей... Очень многие заявляли, что они венгры или чехи, но вполне может быть, что их родиной была матушка-Россия, только дознаться до правды не было никакой возможности, и я думаю, никому особенно не хотелось в этом копаться. UNRRA представляла их... как семью или как группу такой или иной национальности. А мы просто принимали эти слова на веру⁵⁹.

Готовность Австралии закрывать глаза на въезд русских и советских граждан шла на пользу мигрантам еще и по другой причине, а именно потому, что далеко не все советские граждане (которых часто собирательно называют русскими) были славянами и вообще могли быть с уверенностью отнесены к европейцам. Советский Союз был многонациональным государством, где официально признавалось существование множества народов. В их числе были и многие мусульманские и азиатские народы — татары, калмыки, буряты и так далее. Сторонники иммиграционной политики “Белая Австралия” наверняка устроили бы переполох, если бы осознали, что возможен въезд в страну представителей всех этих народов. В этом смысле США оказались более подкованными, чем Австралия, и американские чиновники, встревожившись, провели ряд совещаний, чтобы решить: как быть с явными неевропейцами из числа советских граждан? В итоге они постановили, что просто всех их будут считать европейцами, чтобы не вносить лишние сложности в иммиграционный процесс⁶⁰.

Похожую проблему представляли и русские иммигранты из Китая, и именно они, наверное, натолкнули сотрудников австралийской иммиграционной службы на мысль, что дело тут нечисто. Среди забайкальских казаков, многие из которых приезжали в Австралию через Китай, было значительное количество бурятов — представителей монгольской этнической группы. Служащие, занимавшиеся иммигрантами, не могли не заметить, что это азиаты, их внешность сразу бросалась в глаза. Впрочем, в бюрократических документах это никак не отразилось — возможно, как раз потому, что кандидатам в иммигранты с азиатскими чертами лица просто сходу отказывали без объяснения причин.

Предварительное условие, требовавшее, чтобы австралийские иммигранты принадлежали к “чистой европейской расе”, принималось за аксиому⁶¹. Однако официальным заявлениям о том, как надлежит на деле применять эту политику, недоставало ясности и последовательности, и обычно

они выпускались в ответ на конкретное обращение, а не в порядке формулирования общих правил. Согласно резолюции 1947 года об иммиграции в Австралию из стран Ближнего Востока, армяне (многие из которых были выходцами из СССР) были отнесены к неоднозначной категории неевропейцев (нецветных), однако их разрешалось впускать при условии, что они найдут себе поручителей-австралийцев и будут обладать профессиональными навыками, востребованными в Австралии. Приняла Австралия и нескольких крымских татар (советских мусульман), оказавшихся в Египте, — “по доброте сердечной”, несмотря на их “довольно темный цвет кожи”. Отдельные обрусевшие татары тоже въезжали в Австралию без особых помех, а вот кочевникам калмыкам (чья принадлежность к европейцам стала предметом споров и в американской комиссии по иммиграции) попасть в Австралию не посчастливилось, хотя они и проявляли интерес к такой возможности. По-видимому, результат во многом зависел от капризов конкретных чиновников в конкретный момент. Например, сотрудник австралийской иммиграционной службы, работавший в Берлине в 1950 году, был “настроен против беженцев испанского происхождения, мусульман и — на тот момент — армян”⁶².

Сотрудникам австралийской иммиграционной службы в Европе было затруднительно определить, можно ли считать того или иного кандидата европейцем. Изначально, как вспоминал один сотрудник, они нацеливались брать только “чистокровных европейцев”, затем критерии были смягчены: годились уже соискатели “с преобладанием европейской крови” (75 %), а позже отбор велся уже почти по принципу паб-теста: “Если этот человек пройдет по улицам Канберры, или Мельбурна, или Сиднея, за кого его примут местные — за европейца или неевропейца?” Таким образом, решение часто принималось исходя из субъективных соображений, и сотрудники иммиграционной службы оказывались в незавидном положении, отчего сами испытывали явную неловкость.

[Был] один молодой человек, очень хорошо сложенный, симпатичный, очень темный... Этот парень был очень темнокожим цыганом с курчавыми черными волосами, и хотя он вызывал у меня симпатию, я просто на секунду представил, как он идет по Мартин-плейс и все на него пялятся... Я часто думал: “Ну, почему бы не рискнуть?” Но тут — ради Австралии и ради него самого — я отказал⁶³.

В отношении евреев позиция Австралии была гораздо тверже, хотя формулировалась она закулисно: чем меньше евреев приедет в Австралию в рамках программы массового переселения, тем лучше. Удручающая история попыток Австралии не пускать к себе евреев из числа перемещенных лиц после Второй мировой войны рассказывалась уже не раз, и все-таки обойти ее стороной мы не можем⁶⁴. Министр иммиграции Артур Колуэлл сам не был антисемитом и как мог старался помочь еврейским беженцам. Но очень скоро выяснилось, что австралийское общество ожидает вовсе не этого. Прибытие в декабре 1946 года корабля “Хуа Лянь” из Шанхая с 300 беженцами-евреями, за провоз которых заплатил Американский еврейский объединенный распределительный комитет (нью-йоркская благотворительная организация, больше известная как “Джойнт”), вызвало бурные протесты и в австралийской печати, и в парламенте. “Мы не собираемся принимать людей, которых не желают видеть нигде в мире, ни по ооновской, ни по чьей-либо еще указке”, — бушевал отставной военный Генри (Джо) Галлетт⁶⁵.

Позднее Колуэлл писал: “Я не сознавал, что в нашем обществе так много озлобленных людей, страдающих ксенофобией”. В то же время он чувствовал, что на него оказывают чрезмерное давление международные еврейские организации-спонсоры, которые желали, чтобы все места на зафрахтованных ими пароходах были зарезервированы исключительно для пассажиров-евреев. А Колуэлл опасался, что если пойдет навстречу этим настойчивым просьбам, то это “вызовет огромную волну антисемитизма, а для лейбористов

обернется катастрофой на следующих выборах”⁶⁶. Поэтому он оговорил, что на последующих рейсах, в том числе при отправке мигрантов в рамках программы IRO, евреи должны составлять не более 25 % от общего количества пассажиров на борту каждого судна⁶⁷. (При этом “еврейство” явным образом определялось как расовая, а не религиозная категория⁶⁸.) И это было лишь начало, затем последовало целое множество новых ограничений. В июле 1947 года Колуэлл сообщил британским сотрудникам Союзнического контрольного совета в Берлине, что “хотя ранее он и говорил о 25 % мест для евреев на каждом отдельно взятом корабле, он хотел бы, чтобы в первых двух партиях перемещенных лиц евреев не было вовсе”⁶⁹. В ноябре того же года из Франции пришел пароход “Дерна” с таким количеством евреев на борту, которое значительно превышало оговоренную квоту в 25 %; австралийские чиновники выразили недовольство, последовали публичные разбирательства, выставившие их в весьма неприглядном свете⁷⁰. Несмотря на то, что пассажиры-евреи прибыли в Австралию под эгидой IRO, они не были участниками программы массового переселения, а явились как “мигранты с правом на высадку”, что означало, что их перевозка не была бесплатной и что каждому такому мигранту был заранее найден гарант, ручавшийся за его дальнейшее обустройство в стране. Очевидно, реагируя на это нарушение, австралийские власти потребовали, чтобы “никакие — повторяем, никакие — средства из фондов IRO не тратились на иммиграцию в Австралию отдельных лиц с правом высадки”⁷¹.

В ноябре 1948 года министерство иммиграции сообщило, что евреев допустимо включить в программу массового переселения при одном условии, что они согласятся отправиться на тяжелые работы в отдаленные районы; и хотя в июне 1949 года это ограничение было снято, многие работники иммиграционной службы не знали об изменении еще несколько месяцев⁷². Ноэля У. Ламидея, главного представителя австралийской миграционной службы в Лондоне, часто консультировавшего австралийскую военную миссию

в Берлине, раздражало, что IRO постоянно настаивала на том, чтобы мигрантов для массового переселения отбирали “без какой-либо дискриминации по расовому и религиозному принципу”, и высказывал подозрения, что в ряды этой организации “внедрились евреи”. Секретарь министерства иммиграции Тасман Хейс был более осмотрителен, хотя тоже считал, что иммиграцию евреев следует ограничивать. “Следите за тем, чтобы запреты на въезд евреев в страну получали как можно меньше огласки”, — такое конфиденциальное замечание оставил он на одном документе⁷³.

Намерение Австралии ограничивать въезд евреев совершенно ясно; не столь ясно, как именно это намерение претворялось в жизнь. Австралия постоянно наталкивалась на сопротивление Общества помощи еврейским иммигрантам (*Hebrew Immigrant Aid Society*) и Джойнта, а также — за кулисами — IRO⁷⁴. Если в одних отчетах указывается, что количество евреев, въехавших в Австралию в рамках программы массового переселения, составляло всего несколько сотен, то Колуэллу специалист по статистике из министерства иммиграции сообщил, что в действительности их было 6260 человек и вдобавок вдвое или втрое больше было евреев-беженцев, прибывших в Австралию в качестве мигрантов с правом высадки. Опираясь на эти данные, можно заключить, что в период с 1945 по 1951 год общее количество прибывших в страну евреев составляло от 22 до 23 тысяч человек — и это не считая тех мигрантов, которые въезжали в Австралию как представители других национальностей, не раскрывая своего еврейства (а таких, вероятно, тоже было немало). Эти показатели означали, что доля евреев среди перемещенных лиц, достигших берегов Австралии (возможно, около 10–12 %), все равно была существенно ниже, чем доля евреев в общей массе ди-пи, оказавшихся в Европе (составлявшая, как считается, около 22–24 %)⁷⁵. С другой стороны, подавляющее большинство евреев из числа ди-пи хотели уехать в Израиль — страну, куда с 1948 года было довольно легко въехать евреям, зато нельзя было въехать ди-пи других национальностей; потому

логично было бы ожидать, что доля евреев в миграционных потоках, направлявшихся в другие страны, соответственно уменьшится⁷⁶. В случае Австралии это уменьшение было настолько незначительным, что можно предположить, что тайные, но чрезвычайно энергичные попытки австралийцев отбить у евреев всякое желание иммигрировать в их страну в послевоенные годы в итоге оказались почти бесплодными. Несмотря на все введенные ограничения, считается, что Австралия заняла второе место в списке стран, принявших наибольшее (в расчете на душу населения) количество евреев, переживших холокост. Возглавлял этот список, конечно, Израиль, зато Австралия обогнала США и Канаду⁷⁷.

Притом что многие иммигранты-евреи из Восточной Европы наверняка хотя бы немного говорили по-русски, большинство происходили из Польши, а уроженцев России (и довоенных эмигрантов, и бывших советских граждан) было относительно мало. Родившиеся в России Иосиф и Фаня Фаундиллер, жившие когда-то по соседству с моей семьей в мельбурнской многоэтажке, где прошло мое детство, были эмигрантами первой волны и в межвоенные годы находились во Франции и Польше, затем перебрались в Палестину, где обменяли нансеновские паспорта на палестинские, а потом, в мае 1947 года, уехали в Австралию. Григорий Сальников — один из немногих советских евреев, за чьей судьбой мне удалось проследить, иммигрировал в Австралию вскоре после окончания войны и почти всю свою взрослую жизнь считался там русским. После службы во французском Иностранном легионе и периода, проведенного в европейских лагерях перемещенных лиц, он прибыл в 1948 году в Мельбурн, но через год опять уехал: сначала в Британию (остается непонятным, как ему это удалось), а затем добровольно репатриировался в Советский Союз⁷⁸. Как ни странно, из всех иммигрантов-евреев, что приезжали в Австралию, наиболее крепкую связь с СССР чаще всего сохраняли польские евреи, которым выпало провести военные годы в Советском Союзе в качестве эвакуированных или депортированных лиц или

воевать в рядах Красной армии. Среди этой примечательной группы переживших холокост, лишь сравнительно недавно привлекавшей внимание историков, было много таких людей, кто имел возможность покинуть СССР после войны и затем попасть в Австралию через лагеря ди-пи в Германии и Австрии. Уроженцы Польши Сэм Фишман и Северин Пейсачович оказались в Австралии после того, как бежали во время войны из родных мест на восток и отслужили в Красной армии. В 1948 году двадцатидвухлетний Фишман пугал других пассажиров, находившихся на борту “Дерны”, тем, что дерзко носил гимнастерку и распевал советские песни⁷⁹.

Проблемы безопасности

Я спросил сотрудника службы безопасности, пытаются ли коммунисты внедряться в лагеря перемещенных лиц. “Кое-кто пытался, — ответил тот, — но это очень рискованное дело. Обитатели лагерей сами сильно настроены против коммунизма”. Недавно один псевдополяк проник за железный занавес, явился в Гамбург и подал заявку на получение статуса ди-пи. Сотрудники допросили его, проверили правдивость его рассказов и выяснили, что он лжет. Тогда тот человек сознался, что он русский и что его подослали шпионить. Но сам он не хотел быть шпионом! Он хотел эмигрировать в Америку, Австралию или еще куда-нибудь. “И как, взяли его?” — спросил я. — “Да боже упаси!”⁸⁰

Это одна из историй, рассказанных австралийским автором путевых очерков Фрэнком Клуном о его коротком визите в транзитный лагерь ди-пи в декабре 1949 года. Конечно, было и много других “псевдополяков”, и, разумеется, не все они были советскими шпионами. Большинство из них так никто и не вывел на чистую воду, они оставались в лагерях перемещенных лиц и могли стать австралийскими иммигрантами. Двое настоящих шпионов, поставлявших сведения

на Лубянку, после войны перешли из советской зоны оккупации в британскую и объявили себя беженцами. Получив статус перемещенных лиц, они оказались в лагере украинских ди-ди, где всем заправляли ярые украинские националисты-эмигранты. Без ведома местного представителя UNRRA они проводили собрания, где чтили память “павших борцов с большевизмом” и предлагали помочь шпионам избежать репатриации, для чего тем следовало назваться вымышленными именами и объявить себя западными украинцами, имевшими до войны польское гражданство⁸¹.

Австралия заявляла, что ее служба безопасности проводит безупречный досмотр, “настолько тщательный и настолько строгий, что не возникает практически никакого риска, что в Австралию смогут проникнуть подрывные элементы”. Она откомандировывала сотрудников разведслужб в австралийскую военную миссию в Берлине, где они работали сообща с британской и американской разведкой в оккупационных зонах. Но на деле, конечно же, все ее проверки и досмотры были несерьезными и “бессильными против козней подрывных элементов в той хаотической обстановке, которая все еще сохранялась во время операции по переселению ди-пи”, — как отмечал в 1949 году один критик и бывший сотрудник службы безопасности в Европе⁸². Ди-пи не составляло большой трудности ввести в заблуждение членов отборочных комиссий, а тем, напротив, было слишком сложно проверять правдивость всех деталей биографий отдельных людей, если только не шла речь о членах нацистской партии в Германии (каковых среди ди-пи, скорее всего, было совсем мало), или о действующих агентах разведслужб, с которыми имели дело британская и американская разведки. На практике австралийская отборочная комиссия во многом просто полагалась на IRO, которая предварительно проверяла биографии подателей заявок, однако и IRO находилась в таком же невыигрышном положении — и к тому же была сильно заинтересована в том, чтобы выпроводить ди-пи из Европы и сделать так, чтобы их приняли другие страны. Отказы по соображениям безопасности

давались довольно редко: из 12 тысяч кандидатов, чьи заявки рассмотрели австралийцы в Германии, на этих основаниях были отклонены всего 500 кандидатур⁸³.

Казалось бы, можно было ожидать, что главным предметом беспокойств и подозрений для международных организаций по делам беженцев и для стран, готовившихся к приему перемещенных лиц, станет возможная иммиграция нацистов, коллаборационистов и военных преступников. На деле же все обстояло не так. В первые послевоенные годы UNRRA как организация, до некоторой степени симпатизировавшая левым, помнила о том, что коллаборационистам помогать нельзя. Но к тому времени, когда на сцену вышла IRO с ее негласными задачами — противодействовать СССР и по возможности быстрее выдворять беженцев из Европы, — холодная война уже шла полным ходом, и главным пугалом в западной пропаганде, потеснив нацистов, сделались коммунисты. О том, что приоритеты резко поменялись, свидетельствовали и слова генерал-майора Галлегана из австралийской военной миссии в Берлине, которые он произнес, когда предложил включить венгров в список “предпочтительных национальностей”: он с одобрением добавил, что “в политическом отношении они на 99 % антикоммунисты”⁸⁴.

В целом перемещенные лица явно и горячо выражали антикоммунистические настроения, как того и следовало ожидать от представителей группы, которая отказывалась возвращаться в свои родные страны, находившиеся под властью коммунистов. Конечно же, бывали и исключения, но довольно редко⁸⁵. Однако все ди-пи понимали, что в любом случае не стоит выражать симпатии к коммунизму ни в беседах с чиновниками из отборочной комиссии, ни даже в обычных разговорах с соседями по лагерю, потому что в управлявших лагерями комитетах преобладали непримиримые антикоммунисты. Лишь евреи из числа ди-пи изредка могли упоминать социализм как одно из возможных политических предпочтений. Словом, сами ди-пи бдительнее всех и следили за тем, чтобы никуда не пролезли коммунисты: они доно-

сили и на своих товарищей по лагерю, и на подозрительных лиц уже по пути в Австралию, да и потом, по прибытии туда.

В самой Австралии евреев и коммунистов часто отождествляли. Пока продолжалась шумиха в прессе из-за того, что на борту “Дерны” в ноябре 1948 года оказалось слишком много евреев, в разных изданиях появлялись публикации о том, что на пароходе якобы были “агитаторы-коммунисты”, а пассажиры-евреи распевали “русские песни” — подразумевалось, что песни были советские и коммунистические. (Здесь главным “преступником” был Сэм Фишер⁸⁶.) Несколько месяцев спустя, когда прибыл корабль “Фейрси”, ходили слухи, что некоторые пассажиры, находясь на борту, проявляли “явные симпатии к коммунизму”, и об этом даже задавали вопросы в парламенте⁸⁷. Похожие стычки — с обвинениями в коммунистических взглядах и контробвинениях в пособничестве фашистам — происходили и на кораблях с русскими и еврейскими беженцами, отправлявшихся в Австралию из Китая, и в этих случаях тоже “злодеями-коммунистами” оказывались, как правило, евреи.

Главными мишенями обвинений в коллаборационизме стали мигранты-прибалты — отчасти потому, что многие из них служили в добровольческих отрядах вроде Латышского легиона СС, сформированного при покровительстве немцев в качестве якобы независимого воинского соединения почти сразу же после того, как Германия оккупировала Латвию (в середине 1941 года), однако уже вскоре брошенного на линию фронта под немецким командованием. Воевали латыши и непосредственно в немецких войсках СС — сначала как добровольцы, а потом и как призывники.

Эта проблема не давала покоя чиновникам UNRRA, а потом и IRO. Изначально UNRRA объявила, что никто из перемещенных лиц, служивших в прошлом в Латышском добровольческом легионе и в войсках СС, не может претендовать на получение помощи от нее, хотя это и вызывало возражения у некоторых американских военных, находившихся в Европе: они полагали, будто латышей насильно загоняли в эти

отряды⁸⁸. IRO, пришедшая на смену UNRRA, поначалу придерживалась той же политики, но, подобно другим тогдашним антиколлорабационистским курсам, и эта политика вскоре начала ослабевать. В марте 1948 года бывшие солдаты Латышского легиона и немецких войск СС, чьи заявки ранее уже отвергались IRO, снова обращались туда, и теперь их уже без возражений рассматривали, ссылаясь при этом на “изменение в политике IRO в отношении прибалтов, воевавших в немецких военных формированиях”, которое, впрочем, нигде не афишировалось. В сентябре 1950 года американская комиссия по делам перемещенных лиц начала одобрять заявки на переселение от бывших латышских легионеров после того, как Госдепартамент выпустил постановление, где говорилось, что, хотя Латышский легион и сражался на стороне немцев, его “цели, идеология и деятельность” все-таки отличались самостоятельностью⁸⁹.

В глазах австралийских властей служба в Латышском легионе или в войсках СС, похоже, никогда не представлялась страшным грехом, хотя, как правило, и они считали такую деталь биографии нежелательной. Набирая латышей для первой партии иммигрантов, которым предстояло отправиться к берегам Австралии в 1947 году, австралийское правительство “просило, чтобы предпочтение отдавалось тем, кто никогда не служил в немецких войсках, даже если речь идет о принудительной службе”. О перемещенных лицах, служивших в Латышском легионе, отдельного упоминания не было ни в этом документе, ни в каком-либо другом из папок, имевших отношение к политике отбора перемещенных лиц⁹⁰, но можно предположить, что в 1948 году политика Австралии все-таки заключалась в том, чтобы не брать бывших легионеров.

Эта политика пришлась не по душе по меньшей мере одному сотруднику австралийской отборочной комиссии: он предупредил, что из-за нее Австралия лишается “превосходных кандидатов” и что эти ди-пи пойдут нарасхват у американцев и канадцев. Он подкреплял свое мнение тем, что действия этих людей отражали “более или менее естественное

желание воевать не столько за нацистский режим, сколько за собственную свободу”. Возможно, Австралия продолжала и дальше придерживаться этого запрета, поскольку один латыш, бывший эсэсовец (о чем сообщала даже татуировка, сделанная в 1944 году), получил отказ от австралийской отборочной комиссии в марте 1951 года, хотя к тому моменту его вторично поданная заявка успешно прошла через фильтр IRO (и в ноябре того же года его приняли США). Впрочем, возможно, этот случай стоял особняком и не свидетельствовал о последовательном применении прежней политики. Служившие в другом добровольческом воинском формировании — Русском корпусе — и при этом “слишком гордые, чтобы скрывать свое прошлое”, до 1951 года не могли ни получить статус перемещенного лица, ни стать участниками программы массового переселения под эгидой IRO. Между ними и латышскими легионерами была разница: Русский корпус до самого конца оставался добровольческим отрядом, а Латышский легион перестал быть добровольческим, и солдат туда набирали по призыву. Но в 1951 году IRO сняла ограничения и для бывших бойцов Русского корпуса, и некоторые из них смогли уехать в Австралию по программе массового переселения⁹¹.

Конечно, Колуэлл всегда готов был огрызнуться на любую “клевету” в адрес его “прекрасных прибалтов” и вообще отмахнуться от неудобного вопроса о коллаборационизме латышей. Когда стало известно о том, что представитель IRO, побывавший в лагере ди-пи, раскритиковал прибалтов за то, что они “чересчур громко обеляют своих нацистских пособников”, и заметил, что им вообще довольно неплохо жилось под немецкой оккупацией, Колуэлл не смолчал и гневно ответил, что все это “грубый поклеп на прекрасных людей” со стороны “озлобленного ирошника, которому, похоже, непременно хочется умалить отличную работу, проделанную Австралией, когда мы уже привлекли сюда тысячи трудолюбивых, смывленных европейцев, в которых мы так нуждаемся”. Просто “немыслимо”, возмущался Колуэлл, чтобы бдитель-

ные сотрудники службы безопасности Австралии “отобрали для въезда в страну хоть одного человека, даже отдаленно заподозренного в пособничестве нашим врагам”⁹². Скорее всего, Колуэлл был очень плохо осведомлен о том, что творилось в Латвии. В том же выступлении он заявил, будто “практически все” мигранты-прибалты побывали в “рабстве”. Это было явной неправдой: немцы крайне редко угоняли на принудительные работы жителей Прибалтики (в отличие от жителей Польши, Украины, Белоруссии и юга России), и большинство прибалтов, оказавшихся впоследствии перемещенными лицами, покинули родные края более или менее добровольно осенью 1944 года, когда немцы отступали, а советские войска наступали на запад. Хотя это и можно назвать благоразумным выбором, его никак нельзя приравнять к судьбе людей, насильно увезенных на принудительные работы на чужбине⁹³. Однако все эти сложности и тонкости, касавшиеся прибалтов, Колуэлла мало беспокоили. Вполне возможно, что о существовании Латышского легиона он даже не слышал.

Как мы увидим в одной из дальнейших глав, оптимизм Колуэлла в отношении бдительности австралийской службы безопасности не оправдался: со временем Австралия признала, что позволила въехать ряду пособников нацистов, иногда прекрасно зная, кто они такие — в том числе нескольким обвинявшимся в военных преступлениях⁹⁴. Мы располагаем рассказом из первых рук о том, как это происходило. Свидетель — не военный преступник, а русский, добровольно сотрудничавший с немцами в период оккупации и добровольно уехавший вместе с ними, когда началось отступление. Беседа с Константином Гавриловым состоялась в австралийском консульстве в Германии в 1949 году после того, как его заявку на переселение отвергли США, Марокко, Чили и Аргентина. Собеседование проводилось на немецком. Гаврилов вспоминал:

Он поглядел на мои документы, потом посмотрел мне в глаза и сказал: “Вы — коллаборационист... Вы, инженер, помогали немцам воевать против нас”.

Гаврилов, уверенный в том, что визу ему не получить, отрывисто ответил: “Все зависит от точки зрения и от позиции говорящего”. Интервью получилось коротким и напряженным, но под конец сотрудник просто сказал: “Езжайте в Австралию”⁹⁵.

Австралийцы так плохо ориентировались в проблеме коллаборационизма прибалтов, что в августе 1949 года в прессе появились фотографии семилетней Майры Калныныш, светло-волосой латышки, 50-тысячной иммигрантки из перемещенных лиц, прибывших в Австралию, — несмотря на то, что ее отец, инженер, работал на немцев в Риге, а потом, в 1944 году, вместе с ними эвакуировался в Германию⁹⁶.

Лес Хейлен, который когда-то надеялся заманить в Австралию в качестве иммигрантов хороших социалистов из Северной Европы, позже написал в своих мемуарах: “История горько подшутила над нами — к нам приехали наши бывшие враги”⁹⁷. Он мог бы заметить и еще один парадокс: те ди-пи, которых завезло в Австралию лейбористское правительство, как правило, совсем не симпатизировали лейбористам и десятилетиями — пусть и исподволь — способствовали выдавливанию этой партии из власти. Из-за послевоенной программы массового переселения и шедшей параллельно миграции отдельных лиц с правом высадки в Австралии оказалась немалая группа восточных европейцев и бывших советских граждан, чья ненависть к коммунизму (а заодно и к социализму), считавшаяся весомым плюсом в момент их приезда, была куда сильнее, чем их антипатия к немцам и к нацистскому режиму (если эта антипатия вообще была).

Часть II

Русские в Китае

Глава 3

Маньчжурия

Из всех центров русской эмиграции единственным городом, который мог претендовать на название второй родины, кусочка настоящей России за пределами России, был Харбин. Конечно, в этом представлении о Харбине всегда был элемент самообмана, и он возрастал по мере увеличения доли китайцев в городском населении и укрепления китайского административного контроля после революции в России. Но был в нем и элемент правды. В самом начале XX века Харбин действительно был русским городом, порождением российского колониализма конца XIX века и железнодорожного строительства.

Русские начали массово приезжать в Маньчжурию в 1890-х годах, после того как Китай подписал соглашение, разрешавшее Российской империи строить Китайско-Восточную железную дорогу*, которой предстояло ответить в Чите от недавно построенной Транссибирской магистрали и далее идти на юго-восток через Маньчжурию (китайскую территорию), чтобы закончиться во Владивостоке — русском портовом городе на берегу Тихого океана. Так возникла экстерриториальная зона шириной около восьми километров, и вдоль новой железнодорожной линии возле разных станций быстро появились русские поселения, в том числе Хайлар (между Харбином и западной границей) и Гродеково (ближе

* До 1917 года она называлась Маньчжурской дорогой.

к Владивостоку, у восточного конца железнодорожной ветки). Но самым крупным населенным пунктом стал Харбин, выросший на месте китайской деревни на берегу реки Сунгари (по-китайски — Сунхуа). Он сделался столицей всей железнодорожной зоны, и языком международного общения там был русский¹.

Если китайцы оказались оттеснены на окраины нового города, то сам Харбин всегда оставался местом многонациональным, как и сама Российская империя. Самой многочисленной группой были этнические русские, но не только они приехали из России в Маньчжурию. Администрация зоны, окружавшей КВЖД, славилась относительной либеральностью: управляло ею из далекого Санкт-Петербурга министерство финансов (а не реакционное министерство внутренних дел). Сюда съезжались русские евреи, спасаясь от погромов, от которых страдали западные губернии. Приезжали и татары-мусульмане, и поляки (до Первой мировой войны многие из них были подданными Российской империи).

Сложности с определением национальной принадлежности многих переселенцев возникали такие, что в 1913 году, когда в Харбине проводилась перепись населения, жителей просили указать сразу несколько определяющих факторов: подданство, национальность, вероисповедание, язык, на котором говорят в семье, и другие языки, которыми владеет респондент. Две трети харбинцев (в общей сложности около 45 тысяч человек) оказались подданными Российской империи, более 34 тысяч — русскими по национальности, и почти 37 тысяч человек назвали русский своим родным языком. После русских наиболее многочисленными из представителей 53 национальностей, проживавших в Харбине, оказались евреи (5 032 человека) и поляки (2 556). Русские евреи — торговцы, предприниматели и финансисты — играли важную роль в местной экономике².

Харбин манил многих, хоть и находился далеко. В первые годы ехали туда прежде всего те, кто работал на строительстве самой железной дороги или в управлении зоной. Во время

Русско-японской войны (1904–1905) там было расквартировано большое количество российских военных, и некоторые из них впоследствии там же и остались. Другие бежали от слишком тяжелых условий в родных краях, мечтали о новой жизни³. Некоторые из тех, кто приехал туда до войны, спустя пятьдесят лет переберутся в Австралию.

Семьи Матвея Зарецкого и Гиты Оникул (деда и бабушки Мары Мустафиной по материнской линии) приехали в Харбин и Хайлар в 1907 и 1908 годах из еврейских местечек в Белоруссии. Зарецкий начал торговать мясом и скотом и преуспел в этом деле. Владимир Гантимуров — потомок князя Ган-Тимура (вождя из древнего тунгусского племени Забайкалья, поступившего на военную службу к российскому государю в 1625 году) — приехал в Харбин вместе с отцом-военным и матерью в 1909 году, в возрасте трех лет. Вдовая мать Казимира Савицкого вместе с тремя маленькими детьми и няней перебралась в Маньчжурию из центральной России в 1904 году. Нина Володченко, десятью годами позже проделавшая тот же путь вместе с мужем-дипломатом, прямо в поезде родила близнецов, один из которых много лет спустя, уже в Австралии, станет философом-йогом. Лукьян Ермолаев приехал в Харбин в 1905 году, чтобы работать на железной дороге, и в 1908 году у него там родился сын Сергей — будущий джазовый музыкант, который через Шанхай переберется в Австралию. Отец Лидии Шамшуриной Дмитрий, приехавший после Русско-японской войны, устроился шофером к одному китайскому торговцу опиумом⁴.

А потом, в 1917 году, в России произошла революция. Царский режим рухнул, власть захватили большевики и вспыхнула Гражданская война. К началу 1920-х годов красные уверенно одолели противников — белых — в столицах и в центральной России, чьи плохо организованные, разрозненные войска продолжали сражаться на окраинах страны под началом бывших офицеров Русской императорской армии. Последними оплотами белых стали Сибирь и Дальний Восток. Среди полководцев, воевавших там, был и Григорий Семе-

нов, атаман забайкальских казаков. Точных данных уже никто не узнает, но было подсчитано, что в 1920–1921 годах в Маньчжурию с русского Дальнего Востока бежали около 200 тысяч человек, и в их числе примерно 20 тысяч — бывшие офицеры белых армий⁵. (Можно не сомневаться, что среди пересекших границу были и рядовые, но в новой жизни чуть ли не каждый белый объявлял себя бывшим офицером.) Белые офицеры часто добирались до Маньчжурии в одиночку, и лишь потом после рискованных приключений вслед за ними приезжали из России жены и дети⁶.

Русскую революцию называли “началом процесса, благодаря которому Харбин из русского города превратился в китайский”. Но совсем не так это сохранилось в памяти русских, несмотря на то, что китайцы действительно поспешили ввести одно символическое изменение: сделали уличное движение правосторонним (как в Китае), отказавшись от левостороннего (как в России и остальных странах Европы)⁷.

Восстановление работы Китайско-Восточной железной дороги в 1921 году и подписание в 1924 году соглашения между советским и китайским правительствами о совместном управлении железнодорожной зоной ознаменовали возвращение к нормальной жизни, а для русских жителей Харбина нормальная жизнь означала, что русские и дальше будут оставаться здесь на первых ролях. Хотя русских в городе и стало больше, доля китайцев увеличивалась еще быстрее, и в 1923 году русские составляли уже менее 50 % от общей численности населения (см. Таблицу 1). И все-таки для русских Харбин, куда сознательно устремлялись многие белые беглецы, по-прежнему оставался русским городом, и главное изменение в нем состояло в том, что теперь железной дорогой управляли не царские чиновники, а советские.

Белые беженцы, хлынувшие после поражения в Гражданской войне в начале 1920-х годов в Харбин, делились красочными рассказами о своих приключениях — порой, несомненно, приукрашенными. Князь Федор Капитонович Ухтомский, отец Георгия Ухтомского, во время Гражданской

Таблица 1. Национальный состав / гражданство населения Харбина, 1913–1940 годы

год	китайцы	японцы	другие	Русские			доля русских в %	Всего
				эмигранты	советские гр-не	Всего русских		
1913	23 639	757	462	нп	нп	43,691*	64	68,549
1923	60 725	2344	998	нд	нд	58,754	48	122,821
1929	97 776†	2683	2770	30,682	26,759	57,121	36	160,670
1933	312 232	9096	4461	29,346	24,908	54,254	13	413,386
1937	393 157	26 347	3147	25,751	9578	35,329	8	457,980
1940	549 536	51 448	11 716	31,346	1845	33,191	5	645,531

Источники: OLGA BAKICH. *Russian Émigrés in Harbin's National Past*. 2014. Pp. 86–96.

Данные за 1933–1934 гг. взяты из переписей Маньчжоу-го; более ранние данные — из переписей Харбинского городского совета (1913) и Харбинского полицейского департамента (1923, 1929).

нп=данные не применяются

нд= данные недоступны

* подданные Российской империи

† включая русских эмигрантов с китайскими паспортами

войны был одним из офицеров в личной охране великого князя Николая Николаевича, вместе с другими деятелями белого движения эвакуировался в Турцию, потом перебрался в Маньчжурию и за время скитаний потерял из виду жену и сына-младенца. Через несколько лет его жене удалось, получив помощь от казака-контрабандиста, перебраться вместе с сыном (тогда уже пятилетним) через всю Россию и пересечь границу, чтобы воссоединиться с мужем. Позже отца семейства схватили китайские партизаны и передали советским вла-

стям — в 1934 году его расстреляли. Но Георгий и его младшая сестра Ольга (родилась в 1925 году, в замужестве Винокурова) выросли в Харбине.

Дед Наташи Нил по материнской линии, обрусевший украинец Иван Шевченко, увез семью из Гатчины под Петербургом, и Гражданскую войну они пересидели в Грузии и на Украине, и в конце концов оказались в Маньчжурии. Особенно захватывающую историю рассказывал Николай Меди, молодой выпускник Хабаровского кадетского корпуса: в 1918 году он служил в свите царевича, находившегося вместе с семьей в ссылке в Тобольске, и вслед за ним отправился в Екатеринбург, где большевики непременно расстреляли бы его со всей царской семьей, если бы он вовремя не сбежал, приняв помощь от подпольной белой организации, действовавшей в городе. В Харбине он оказался примерно через год⁸.

Хотя сам атаман Семенов не остался в Харбине, там осели многие из воевавших под его началом офицеров, среди прочих Аркадий Пикар, обрусевший француз, до вступления в Белую армию служивший начальником полиции во Владивостоке, и Всеволод Бароцци де Эльс, сын атамана Забайкальской казачьей дивизии⁹. Среди русских, оказавшихся в Маньчжурии под конец Гражданской войны, было немало казаков, особенно из Забайкальской и других восточных дивизий, причем многие из них, как и сам атаман Семенов, имели смешанное — русско-бурятское — происхождение¹⁰.

Офицеры разгромленной Белой армии были не единственными, кто счел благоразумным покинуть Советскую Россию. Дед Мары Мустафиной, татарин Мухамеджан Мустафин, приехал в Харбин в 1920 году после того, как “повоевал на Гражданской войне на обеих сторонах, не будучи настоящим приверженцем ни той, ни другой”, и захотел поскорее “убежать от драки подальше”. Русская бабушка Мары со стороны матери, Антонина Шеламанова, приехала в 1922 году, прожив до этого несколько лет на русском Дальнем Востоке, куда ее семья бежала из Поволжья вместе с отступавшими белогвардейцами¹¹.

Представители бывших привилегированных сословий (дворян, купечества) и образованные специалисты уезжали потому, что в Советской России их как классовых врагов ожидало поражение в правах; православные священники и староверы бежали, боясь гонений со стороны пришедших к власти безбожников. Елена Бухвостова, овдовев (ее муж, врач, умер от тифа в Гражданскую войну), приехала в Харбин вместе с четырьмя детьми, и там старшая дочь, семнадцатилетняя Валерия, чтобы прокормить семью, устроилась работать журналисткой. Николай Прокопович, сын купца из Углича, был откомандирован Советами в Китай для закупки тканей, но решил не возвращаться и осел в Харбине, где и родилась его дочь Наталья, будущая гражданка Австралии¹².

Часто русские поселялись вначале на несколько лет у какой-нибудь станции поменьше вдоль КВЖД и только потом перебирались в большой город. Белый офицер Миней Кривилев, отец двух будущих австралийских иммигрантов, Святослава и Софии (позже — Софии Кравис), в 1921 году привез свою семью из самой восточной области России на станцию Гродеково, а в Харбин они переехали в 1923 году. Игнатий Волегов, бывший офицер сначала Русской императорской, а затем и Белой армии, перебрался с Урала вначале во Владивосток, а потом в Маньчжурию. В конце 1920-х он осел в Хайларе и перебивался там случайными заработками, пока не обзавелся собственной небольшой кожевенной фабрикой. Его дочь Галина (позже — Галина Кучина) в юности уехала из Хайлара, чтобы учиться в Харбине, и позднее там же вышла замуж¹³.

Притягивал Харбин и русских евреев: в 1920-е годы он превратился в “крупнейший и самый организованный центр русского еврейства на Дальнем Востоке”. Семья Мошинских покинула Владивосток, где у них была своя мануфактура, в 1920-е, когда стало понятно, что заниматься коммерческой деятельностью как раньше уже не получится. Родители Эллы Масловой, евреи, уехавшие в начале того же десятилетия из родных сибирских городов — Омска и Иркутска, — познакомились и поженились в Харбине¹⁴.

Харбин в 1920-е годы

В ноябре 1922 года, когда семья Тарасовых после долгих приключений добралась до Харбина, им показалось, что они вернулись в Россию — только мирную, без Гражданской войны. Для них стало приятной неожиданностью, что все здесь напоминало русский город и повсюду звучала русская речь¹⁵. Русским в облике Харбина было все: “купола-луковки, ампирные фасады, широкие бульвары, вкрапления стиля модерн”, гораздо больше напоминавшие Москву и Петербург, чем какой-нибудь заштатный провинциальный город. По-русски “говорили на улицах, в магазинах и театрах”, а еще русский “господствовал в сферах управления, торговли и образования”. Многие русские харбинцы, которые впоследствии переехали в Австралию, вспоминали Харбин с большой теплотой: в их памяти он остался не русским кварталом в большом городе на чужбине, а самым настоящим русским городом, который просто в силу исторической случайности оказался за пределами России¹⁶. Несмотря на продолжавшийся рост численности китайского населения, этот поразительно русский облик не претерпел существенных изменений в первые послереволюционные десятилетия¹⁷.

Хотя русские мемуаристы часто утверждают, что китайцы в Харбине жили обособленно, где-то на окраинах города, историки отмечали, что (вопреки эмигрантским представлениям) к началу 1920-х годов во многих районах города китайцы в действительности уже сделали самой многочисленной национальной группой. Тот факт, что китайцы продолжали оставаться для русских “невидимками” (по крайней мере, в воспоминаниях), подчеркивает колониальное положение Харбина, пусть и весьма необычное, ведь колонизаторы всегда смотрят на колонизованные народы свысока. И в самом деле, русские редко учили китайский язык — разве что десяток-другой слов, чтобы суметь объясниться с торговцами на базаре и отдать распоряжения извозчику или шоферу. Даже в сельской местно-

сти у границы, где не были редкостью браки между русскими и китайцами, именно китайцы учили русский и перенимали у русских обычаи, а не наоборот. Даже самые нищие русские считали ниже своего достоинства браться за работу, которую обычно выполняли китайцы. Многие наблюдатели полагали, что русские вообще “не считали китайцев за людей”¹⁸.

Особенность русского Харбина в 1920-х годах состояла в том, что это был одновременно красный (советский) и белый город. Белых было очень много, они играли главную культурную роль, но не были представлены в администрации. А советское присутствие в администрации стало очень заметным после 1924 года, когда СССР заключил соглашение о КВЖД. Советское правительство предлагало советские паспорта — точнее, удостоверения личности, поскольку эти документы не давали права въезда и проживания в СССР, — всем харбинцам, которые в царское время были российскими подданными, и к 1934 году их получили более половины из 100 тысяч русских, живших в Маньчжурии¹⁹.

Другая половина русского населения значилась эмигрантами без подданства, не считая небольшой группы эмигрантов, которые получили китайские паспорта, предложенные им местным военным правителем Чжаном Цзолинем (к их числу принадлежал Николай Меди, рассказывавший о том, как в 1918 году чудом избежал в Екатеринбурге участи расстрелянной царской семьи). Среди богатых предпринимателей многие нашли способы обзавестись гражданством других государств — Франции, Швейцарии, Португалии, Британии. У русских евреев большим спросом пользовалось литовское гражданство (его получил, например, скрипач Дмитрий Трахтенберг). Принято считать, что бывшие белые офицеры чаще всего предпочитали сохранять статус русских эмигрантов, то есть лиц без подданства, однако далеко не всегда за выбором гражданства стояли политические мотивы. Сотрудники КВЖД просто обязаны были получать советские паспорта, иначе им грозила потеря работы. Семья дедушки Мары Мустафиной по материнской линии (того, что приехал в приграничные земли как скототорговец),

взяла советские паспорта “не по политическим, а по практическим соображениям. Они просто не хотели оставаться совсем без гражданства в те беспокойные времена”²⁰.

О том, как уживались, близко соседствуя в Маньчжурии, белоэмигранты и советские русские, высказывались разные мнения. Если верить одному источнику, “большинство красных и белых русских жили бок о бок, мирно общаясь и ведя дела как ни в чем не бывало”. В другом же утверждается, что “люди жили в двух взаимно враждебных мирах — советском и эмигрантском, и в каждом были свои школы, клубы, организации, праздники, газеты, журналы и так далее”, и что “между советским и белым лагерями царила вражда, они устраивали всякие провокации, демонстрации и жаловались друг на друга китайским властям”, а те обычно принимали сторону белых²¹. Все это, безусловно, говорит о том, что опыт множества людей, живших в Харбине в 1920-е годы, был весьма разным. Несмотря на то что в городе в ту пору все громче и настойчивее заявляли о себе китайские националисты, в русских источниках редко обсуждается вопрос взаимоотношений с китайцами.

Те же противоречия можно обнаружить и в отношениях между этническими русскими и русскими евреями; хотя это противопоставление и нельзя приравнять к противоборству белых с красными, между ними безусловно было нечто общее. Евреи в Харбине — преуспевающие, образованные и культурные люди — “продолжали ощущать себя русскими”, говорили по-русски и учили этому языку своих детей. Однако, в отличие от большинства этнических русских, они редко поминали добрым словом павший царский режим, от которого не видели в прошлом ничего, кроме дискриминации и гонений²². В 1920-е годы русские хулиганы и начинающие фашисты уже чинили пакости евреям-предпринимателям в Харбине. Между православными русскими и евреями иногда заключались браки, но в таких случаях часто возникали препятствия со стороны родни. Когда одна из трех дочерей русской вдовы Елены Бухвостовой, с трудом сводившей концы с концами, пожелала выйти замуж за еврея-ювелира из извест-

ной в Харбине семьи предпринимателей, на пути у молодых встали родственники жениха, и молодым пришлось ограничиться гражданской регистрацией брака. Дмитрий Шамшурин, освободившись из тисков китайского торговца опиумом, на которого работал его отец, когда семья только приехала в Харбин, устроился инженером в приморский город Циндао и влюбился в студентку-еврейку, изучавшую музыку, из купеческой семьи. Свадебную церемонию пришлось провести в лютеранской церкви, потому что и от православного священника, и от раввина они получили отказ²³.

Поскольку в эмиграции оказалось большое количество бывших военных, одним из способов заработать на жизнь стала для них служба в китайской армии. В середине 1920-х годов Чжан Цзолинь, тогдашний фактический правитель Маньчжурии, начал массово набирать в свою армию белых русских офицеров, да и в нескольких других китайских войсках имелись отдельные русские отряды, чаще всего состоявшие из имевших боевой опыт белогвардейцев, причем наиболее многочисленную группу составляли казаки²⁴. Кое-кто считал, что вот так идти в наемники унижительно, но для некоторых русских офицеров служба в китайской армии становилась “продолжением [русской] гражданской войны”; они воображали свои отряды “ядром сплоченных русских эмигрантских сил на Дальнем Востоке”, которые в дальнейшем могут быть брошены на борьбу с большевизмом. Иногда им даже удавалось участвовать в приграничных столкновениях с советскими войсками. Белый офицер и профессиональный военный Леонид Тарасов получил должность командира 105-го полка китайской армии Чжана Цзолиня. Позже он перебрался в Шанхай и служил в Шанхайском добровольческом корпусе, как и его сын Лен (впрочем, Лен считал, что порядки там чересчур строгие, и устроился телохранителем к одному богачу-китайцу)²⁵.

Новые советские власти с подозрением относились к казакам, видя в них военных прислужников царей и давних эксплуататоров крестьян (не принадлежавших к казачьему сословию), живших в тех же землях²⁶. Поэтому после революции

казаки — как дворянство и духовенство — часто эмигрировали. Казачество, к которому принадлежало, по некоторым оценкам, около 70 тысяч человек, было “самой большой и самой организованной социальной группой во всей русской эмиграции”, и примерно треть этой массы обосновалась в Маньчжурии и на тех северо-восточных китайских территориях, что граничили с Россией. В конце 1930-х годов в Маньчжурии насчитывалось уже 27 казачьих общин, 9 из них — в Харбине. Среди казаков, осевших в Харбине, были Яков Ивлев и его семья, крестьяне, раньше жившие на Дону, и семья будущего инженера Федора Коренева — уссурийские казаки, перебравшиеся с советского Дальнего Востока в Маньчжурию в 1923 году, а в Харбин — в 1931-м²⁷.

В Маньчжурии казаки пополнили сельское население, большие города их не привлекали. Очень многие из бывших семеновцев в 1920-е годы занялись земледелием. После того как в России было официально ликвидировано Забайкальское войско, около 15 % состоявших в нем казаков вместе с семьями перебрались в Маньчжурию и поселились в плодородном месте — Трехречье²⁸, а в 1930-е годы их численность существенно возросла из-за нового наплыва казаков, бежавших за границу от коллективизации. В 1945 году казаки составляли уже 90 % всего населения Трехречья²⁹.

До войны в этом районе существовало около двадцати казачьих станиц (поселений с самоуправлением), жители в основном возделывали землю и разводили скот, и почти в каждой станице была своя церковь. Некоторым людям, случайно попадавшим в эти края, казалось, будто время обратилось вспять и они каким-то чудом оказались в дореволюционном российском захолустье. У мемуаристов тоже можно найти идиллические описания дружных общин, где старейшины следили за неукоснительным соблюдением вековых традиций, а когда в положенное время являлись китайские сборщики податей, их радушно потчевали всякими разносолами³⁰. Историк же, более трезво оценивавший ситуацию, отмечал, что в 1920-е годы китайские (как позже — японские)

власти устанавливали все более жесткий административный контроль и вводили все более высокие налоги, не говоря уж о карательных набегах советских отрядов 1929 года, унесших жизни сотен казаков, и о том, как в начале 1930-х годов местное население терроризировали вооруженные китайские банды. Впрочем, после 1934 года, когда власть над Маньчжурией захватили японцы, стало несколько спокойнее: они установили более жесткий административный контроль, но позволили казачьим поселениям сохранить хотя бы видимость самоуправления, и казачий атаман считался главой территориального органа управления Трехречья³¹.

Относительное благоденствие казаков-земледельцев было исключением. Русским, приезжавшим в Маньчжурию после Гражданской войны, обычно жилось очень тяжело, и многие так и не смогли найти работу по профессии. Дед Гэри Нэша, Леонид Тарасов, и в 1936 году указывал, что по роду занятий он военный, но без всяких оправданий констатировал: “Я живу иждивенцем при взрослых детях”. (Ему было тогда пятьдесят четыре года.) Другим бывшим военным, оставшимся без гражданской профессии, был Игнатий Волегов: приехав в Китай, он поначалу чистил свинарники, потом работал в пекарне и на кожевенной фабрике, и лишь потом, освоив кожевенное ремесло, обзавелся собственной фабрикой в Хайларе. Бывший офицер Иван Гартунг работал приказчиком, а потом обучился аптечному делу и стал провизором. Некоторым повезло устроиться на железную дорогу — например, Лукьяну Ермолаеву. Старовер Миней Кривилев, имевший начальное образование и воевавший на Гражданской вместе с казаками, научился водить автомобиль и потом работал шофером, причем сумел накопить денег на покупку собственного автомобиля³².

Особенно тяжело приходилось семьям, лишившимся мужчины-кормильца. Мать Казимира Савицкого стала учительницей, Нина Володченко (мать близнецов) работала кассиром, мать Евгении Казанской давала уроки, а мать князя Георгия Ухтомского после похищения ее мужа в 1931 году устроилась в кинотеатр “Азия”³³. Не всем удавалось найти

достойные способы заработка. В проведенном Лигой Наций расследовании отмечалось существование в начале 1920-х годов торговли “живым товаром из русских девушек и женщин, которых отправляли на юг Китая”³⁴.

Как и в других местах, где обосновались русские эмигранты (хотя, пожалуй, в меньшей степени, чем в европейских странах), важную роль в сплочении общины играла религия. Но все-таки Харбин — не Сербия, и потому православная церковь была не единственным вариантом. Помимо множества русских православных церквей, в городе имелись синагоги, мечеть для татар, католические церкви для поляков, лютеранские церкви для протестантов, а также православные церкви, где богослужение проводилось по армянскому, грузинскому и униатскому обрядам.

В 1897 году в Харбине была основана Русская духовная миссия, что знаменовало официальное начало работ по строительству Маньчжурской (Китайско-Восточной) железной дороги. Деревянный собор Святой Софии, выстроенный в 1907 году, с 1923 по 1932 год перестраивался уже из камня в неовизантийском стиле как памятник русскому православию³⁵. После революции Харбинская епархия, возглавляемая архиепископом Мефодием (настоятелем собора Святого Николая), перешла в юрисдикцию Русской православной церкви за границей и предоставила места многим священникам, бежавшим из России³⁶. В самую благополучную для православия пору в Харбине действовала двадцать одна православная церковь, а под началом Харбинского и Маньчжурского епископата находились шестьдесят приходских церквей, включая монастыри с сотней монахов. Когда наступал праздник Крещения Господня, совершался крестный ход “с хоругвями, пением, колокольным звоном и иконами в золотых ризах” и освящались воды реки Сунгари, символизировавшей реку Иордан, а затем “во льду прорубалась прорубь, и многие смельчаки окунались в ледяную крещенскую купель”³⁷.

У русской молодежи Харбина было и много других возможностей проявить отвагу, помимо купания в ледяных про-

рубях. Существовали всевозможные военизированные и скаутские организации. В 1920-е годы самым многочисленным неформальным объединением русской эмигрантской молодежи в Харбине был Союз мушкетеров, созданный в 1924 году 18-летним Владимиром Гантимуровым, белым русским из старинного рода. Вдохновил его на это романтический фильм “Три мушкетера”, который шел в тот год на экранах харбинских кинотеатров*. Этот союз называли “подобием подросткового рыцарского ордена, готового двинуться крестовым походом за Свободную Россию и православную веру. Уставной формой служили черные рубашки, черные пояса с кистями, черные брюки с расклешенными штанинами и символические серебряные мальтийские кресты в виде подвесок на нарукавных повязках”. Гантимуров вместе с группой других молодых “мушкетеров” со временем уехали и вступили в русский отряд генерала Нечаева в составе китайской шаньдунской армии, чтобы принять участие в походе на большевиков. (За это критики обвинили его в том, что он “бросает в мясорубку” русскую молодежь, действуя в интересах китайских генералов.) Эта организация плотно сотрудничала с зарождавшейся в ту пору Русской фашистской партией, и позже многие юные “мушкетеры” примкнули к фашистам³⁸.

Христианский союз молодых людей (YMCA) создал менее воинственную скаутскую организацию — “Костровые братья”, целью которой было воспитание “гармонично развитых, независимых, социально активных личностей, наделенных тремя высокими морально-этическими качествами: духом христианского долга, разумным пониманием мира и физическим здоровьем”. (А через несколько лет появилось и “Костровые сестры”.) Однако директору коммерческого училища КВЖД Н. В. Борзову показалось, что идеология молодых христиан подозрительно отдает масонством, и он создал собственный скаутский отряд, предлагавший молодежи все те же спортивные состязания, костры и лет-

* Имеется в виду американский немой фильм 1921 года Фреда Набло с Дугласом Фэрбенксом в роли д’Артаньяна.

ние лагеря, только с русским колоритом и под покровительством Святого Георгия Победоносца. (Этого же святого считали “своим” и черносотенцы, устраивавшие еврейские погромы в России в первые десятилетия XX века.) В 1924 году в день Святого Георгия скауты Борзова устроили рукопашную с местными советскими пионерами и отрядами просоветской молодежи, организованными на манер комсомольских³⁹.

В 1921 году в Харбине была создана еврейская спортивная организация для молодых людей “Маккаби”, а в конце 1920-х у нее появился соперник в лице “Бейтара” — молодежного подразделения Новой сионистской организации, основанного в 1923 году в Риге Владимиром (Зеевом) Жаботинским. В 1930-е именно “Бейтар” стал главной организацией, куда устремлялись юные харбинские евреи. Один участник этого движения впоследствии вспоминал:

В основном мы занимались тем же, чем бойскауты, в центре внимания были спорт и самооборона. Последнее было необходимо, потому что банды русских антисемитов часто подстерегали еврейских ребят и избивали их. Иногда наши парни постарше мстили им — устраивали засады на русские банды. Любимым видом спорта в самообороне был бокс⁴⁰.

Русским эмигрантам, жившим в Европе, Харбин, возможно, и казался каким-то культурным захолустьем⁴¹, но, скорее всего, это означало, что европейские эмигранты почти ничего о нем не знали. Сама по себе русская культурная сцена в Харбине была на удивление живой и разнообразной (она и была главной культурной сценой в городе, тогда как в европейских городах русской культуре отводилось место где-то на обочине). Там действовали симфонический оркестр, два оперных театра, театральная труппа Василия Томского (который позже перебрался в Австралию), балет, хоровые коллективы, ансамбли камерной музыки, литературные кружки и салоны, библиотеки, музыкальные и танцевальные школы, книжные и музыкальные магазины. Туда приезжали на гастроли самые

знаменитые русские певцы — Федор Шаляпин и Александр Вертинский. Процветала и поэзия — в основном меланхолическая, ностальгическая. Литературное объединение “Чураевка”, созданное поэтом Алексеем Ачаиром и продолжавшее традиции акмеизма и вообще Серебряного века, завоевало себе скромное место в истории русской литературы⁴². Еще до революции в Харбине выходили две русскоязычные газеты, а в период с 1918 по 1945 год там было основано не меньше 110 русскоязычных газет, наряду с 200 периодическими изданиями. Долше всего просуществовали “Заря” и “Рупор” (обе белогвардейские). С 1933 по 1938 год русские фашисты издавали “Наш путь”, а в начале 1930-х несколько лет выходила даже просоветская галета “Герольд Харбина”⁴³.

Влиятельным интеллектуалом в начале 1920-х годов был философ Николай Устрялов, декан и преподаватель Высших экономико-юридических курсов (позже — юридического факультета Харбинского университета) в 1920–1924 годах и советник КВЖД. На Гражданской войне Устрялов воевал на стороне белых, но потом решил, что в будущее Россию поведут большевики. Оставаясь в Харбине, он начал вместе с коллегами выпускать в Праге журнал “Смена вех”, и со временем движение “сменовеховцев” стало оказывать значительное влияние не только на русских эмигрантов в Европе, но и отзываться эхом (неблагоприятным) в Москве. Среди представителей московской партийной верхушки 1920-х годов “устряловщина” стала предметом жаркого обсуждения (конечно же, часто выливавшегося в осуждение). Опрометчиво вернувшись в Советский Союз в 1935 году, Устрялов два года спустя пал жертвой политического террора⁴⁴.

Школы и университеты, о которых их выпускники, уже живя в Австралии после Второй мировой войны, вспоминали с большой любовью, были настоящей гордостью Харбина. Многие будущие русские австралийки учились в частной женской гимназии Оксаковской, в том числе княгиня Ольга Ухтомская. Брат Ольги, Георгий, а также будущий географ Владимир Жернаков учились в коммерческом училище,

прикрепленном к гимназии Оксаковской. Многие юноши-евреи, наряду с русскими, татарами, армянами, грузинами, украинцами и китайцами, посещали Харбинское общественное коммерческое училище (ХОКУ), основанное при участии Устрялова, где среди прочих учебных дисциплин преподавались еврейская история и еврейская литература. Католический лицей Святого Николая, основанный конгрегацией мариан*, оставил глубокий след в памяти учившихся там молодых людей (в большинстве своем православных), среди которых были, например, будущие инженеры — Владимир Сухов (будущий муж Галины Кучиной) и двое кузенов Гэри Нэша⁴⁵.

Наибольшей любовью среди бывших харбинцев пользовалась гимназия YMCA — объединения ее выпускников действовали в 1960-е годы и в Брисбене, и в Сиднее⁴⁶. Финансировали это учреждение американцы, и работали там прекрасные учителя, имелись спортивный зал и большая библиотека. Гимназическое образование можно было продолжить трехгодичным обучением в колледже, где преподавание велось полностью на английском языке. Туда отправляли учиться детей состоятельные люди, в том числе русские и многие евреи (евреи составляли четверть всех учеников). Хотя православие в этой христианской гимназии на словах и признавалось, на деле в ее стенах царил экуменический дух, и недоброжелатели ворчали, что заправляют заведением евреи и масоны⁴⁷.

Гордостью русского высшего образования в Маньчжурии был Харбинский политехнический институт, основанный в 1920 году как Русско-китайская школа для подготовки специалистов-железнодорожников. Преподавание велось на русском языке. Получавший мощную финансовую поддержку от КВЖД Политехнический институт был единственным в Харбине высшим учебным заведением, имевшим собственные здания, лаборатории, стипендии, общежития для иностранных студентов. Летом студентам устраивались оплачиваемые стажировки на железной дороге. Но плата за обуче-

* Конгрегация *мариан* основана в XVII веке в Польше; название “мариане” происходит от имени Девы Марии.

ние была высокой, и с 1924 года учиться в Политехническом институте имели право только дети граждан СССР и Китая (хотя вероятно, что иногда за определенную плату делались и исключения). В этих величественных зданиях получили профессию многие русские (а также меньшее количество китайцев и китайнок), и выданные им дипломы признавались во всем мире. Уже в Австралии окончившие это учреждение специалисты создали союз выпускников, в котором в середине 1960-х годов состояло одних только сиднейцев 120 человек⁴⁸.

Среди других высших учебных заведений Харбина славились также юридический факультет Университета и Высшая музыкальная школа. Среди профессоров юридического факультета были некоторые известные люди, преподававшие в прошлом в российских университетах, например, Николай Устрялов и Валентин Рязановский — знаток китайского и монгольского права. В 1920-е годы там учился будущий лидер Русской фашистской партии Константин Родзаевский, принадлежавший к группе студентов, разделявшей фашистские идеи. Там же учились Николай Меди (в дальнейшем эмигрировавший в Австралию и тоже ненадолго примыкавший к фашистам) и будущий географ Владимир Жернаков⁴⁹. В Харбинской высшей музыкальной школе скрипичные классы вел Владимир Трахтенберг, учившийся в Петербургской консерватории у великого Леопольда Ауэра. Трахтенберг был крупным музыкантом и педагогом не только местного масштаба, он пользовался международной известностью и воспитал нескольких скрипачей, позже переехавших в Австралию (как и он сам), а также играл в квартетах и трио с другими музыкантами⁵⁰.

Харбин при японцах

Хотя историки пишут, что в январе 1932 года русские “восторженно приветствовали” взятие Харбина японцами, русские мемуаристы ничего такого не упоминают, как и не объясняют

свою неприязнь к китайцам тем, что их националистические (а в харбинском случае, антирусские) настроения проявлялись со временем все ярче⁵¹. И все же в белоэмигрантском сообществе появилась некоторая надежда на то, что японцы приструнят китайцев, а также покончат с неустойчивым положением, в котором находилась Маньчжурия в течение предыдущего десятилетия, и займут твердую антисоветскую позицию. Горный инженер и монархист Анатолий Грачев (отец Натальи Мельниковой, будущей издательницы “Австралиады”) считал, что в Маньчжоу-го у русских были “[принципы] равноправия и покровительство, лучше которых сейчас не найти во всем мире”, и проводил сравнения между японцами и американцами не в пользу последних (ведь США предали белую идею, установив в 1934 году дипломатические отношения с СССР). К Советскому же Союзу, как он полагал, русские могут быть “враждебны и непримиримы”, однако, по его мнению, это отношение не следовало демонстрировать открытой антисоветской деятельностью на территории Маньчжурии, чтобы не поставить в неловкое положение режим, который “оказал нам свое гостеприимство” и рассчитывает на “выдержку и такт русских эмигрантов”⁵². Не было и речи о том, чтобы сообщество белоэмигрантов оказывало вооруженное или просто активное сопротивление японской оккупации⁵³. Большинство русских просто сочло, что сосуществование неизбежно, а некоторые, в частности, набиравшие все больший вес русские фашисты и некоторые другие группы даже рассчитывали на улучшение своего положения.

Как оказалось, в пору японской оккупации, длившейся с 1931 по 1945 год, русским в Маньчжурии жилось все тяжелее и тяжелее. За это время население Харбина почти удвоилось. В 1940 году его численность значительно превысила 600 тысяч человек, это был уже второй по величине город в Маньчжурии. Он уступал первенство Мукдену (на юге), но опережал столицу Маньчжоу-го Синьцзин (сейчас город известен под названием Чанчунь). Однако этот быстрый рост объяснялся главным образом мощным притоком японцев, ко-

рейцев и китайцев, а вот русское население города, напротив, неуклонно убывало. После того как советское правительство продало КВЖД Японии, в СССР уехали 30 тысяч семей. К концу 1930-х годов русских в Харбине оставалось немногим больше 30 тысяч человек — менее половины от того количества, что насчитывалось десятилетием ранее (см. Таблицу 1), тогда как численность китайцев росла колоссальными темпами, да и японцев становилось все больше и больше. Западные авторы, наблюдавшие город в 1930-е годы, называли его «замученной, деградировавшей, почти отчаявшейся, но все еще необъяснимо чарующей красавицей, которая продолжает цепляться за свою былую репутацию «дальневосточного Парижа», но шаг за шагом отдается во власть своих новых хозяев японцев»⁵⁴.

В новом марионеточном государстве Маньчжоу-го японцы следовали корпоратистской модели управления, и русские являлись одной из пяти основных национальных групп (наряду с японцами, китайцами, маньчжурами и корейцами), имевших свои отдельные административные учреждения и собственные продуктовые карточки. Один мемуарист вспоминает ранний период японского правления как довольно благоприятное время с точки зрения распределения продовольствия: для русских были введены карточки на хлеб, тогда как японцы по своим получали рис, а прочим приходилось довольствоваться маисом⁵⁵. Административным органом белых русских стало основанное в 1934 году Бюро по делам русских эмигрантов (БРЭМ). Но в начале 1930-х почти половина русских, живших в Харбине, не попадала в категорию русских эмигрантов, так как имела советские удостоверения личности (см. Таблицу 1). Для представителей этой группы жизнь усложнилась, и на них оказывали все большее давление, убеждая отказаться от советского гражданства. К концу 1930-х большинство так и поступило.

Русские находились не в том положении, чтобы относиться к японцам с тем же расовым высокомерием, с каким они привычно смотрели на китайцев, однако между двумя

этими группами сохранялось заметное социальное отчуждение. Сближение изредка происходило, но, пожалуй, только в высших кругах. Одна (неродная) тетя Гэри Нэша в 1936 году в Харбине вышла замуж за высокопоставленного японца из военного ведомства (он говорил по-русски и, женившись, перешел в православие). Она “уверяла, что шла за него по любви”, хотя, безусловно, в пору японской оккупации этот брак обернулся выгодой для семьи; ее муж совершил несколько безуспешных попыток завербовать шурина, чтобы тот шпионил за русской общиной. Межгосударственный шпионаж активизировался и с японской, и с советской стороны, и белые русские оказались особенно полезны японцам в этом качестве и из-за владения языком, и из-за их антикоммунистических убеждений⁵⁶.

Вопреки надеждам некоторых лидеров русского сообщества, во второй половине 1930-х годов условия жизни русских в Маньчжурии существенно ухудшились. Японцы ужесточили контроль в экономике и прибрали к рукам значительную долю предприятий, принадлежавших китайцам, русским, евреям и другим иностранцам. Особенно наглому вымогательству и иным притеснениям подвергались магазины и предприятия, которыми владели евреи. Сократилось количество рабочих мест для русских: в середине 1930-х годов в Харбине и городах, располагавшихся вдоль КВЖД, около 25 % русских оставались безработными, причем среди них было несоразмерно много молодежи. Сообщалось о резком росте уровня преступности, и если в городе все обстояло плохо, то еще хуже было в тех пригородах, что попали под контроль бандитов; зато расплодилось и процветали игорные, публичные и опиумные дома (самим японцам-оккупантам запрещалось употреблять опиум, но позволялось торговать им). Уровень смертности в русской общине подскочил “из-за абортот, вооруженных нападений и алкоголизма”⁵⁷.

И все же, несмотря на неблагоприятную обстановку, на протяжении 1930-х годов продолжала работать одна из крупнейших в Харбине торговых фирм, принадлежавших

русским, — “И. Я. Чуринов и К^о” с большим универсальным магазином в центре города. Туда устроился на работу Вениамин Кокшаров, когда получил диплом инженера, и там же некоторое время работал Геннадий Погодин, выпускник Харбинского политехнического института, игравший к тому же на скрипке в Харбинском симфоническом оркестре вместе с братом Алексеем, виолончелистом. Зинаида Скорнякова, работавшая в фирме машинисткой, познакомилась там со своим будущим мужем, тоже “чуринцем”. Там же работала бухгалтером выпускница гимназии YMCA София Кравис (урожденная Кривилева)⁵⁸.

Судя по личным делам, которые заводили в БРЭМе на русских эмигрантов, хотя безработица и была серьезной проблемой, особенно в конце 1930-х годов, будущим австралийским иммигрантам все же как-то удавалось сводить концы с концами. Тамара Джура пела в опере и оперетте в Харбине. Параскева Щукина, потомственная казачка, с отличием окончила Правительственную гимназию для российских эмигрантов⁵⁹, потом выучилась зубоврачебному делу, ведению бизнеса и на всякий случай еще получила аттестат сестры милосердия, а в свободные часы работала вожатой в скаутских отрядах. Клавдия Муценко, новая переселенка с Сахалина, училась косметологии и парикмахерскому делу, а Николай Покровский открыл парикмахерский салон для мужчин под названием “Прогресс”.

Некоторые профессионалы, похоже, даже преуспевали: Владимир Жернаков (его личное дело было заверено сотрудником БРЭМа Михаилом Матковским, одним из создателей Русской фашистской партии) стал уважаемым специалистом по географии и природе Маньчжурии, он работал в музее, подчинявшемся Совету министров Маньчжоу-го, и проводил научные исследования. Горный инженер Анатолий Грачев работал на угольных шахтах в Мули в провинции Цинхай

⁵⁸ Именно так учебное заведение обозначено в источнике (Д. Ивачев. Памяти Параскевы Философовой Григор, урожд. Щукиной, тети Паны (1.11.1919–24.09.2010) // *Австралиада*. 2011. № 66. С. 36). (Прим. ред.)

на северо-западе Китая. В 1937 году он женился там на Марианне Бухвостовой (из Харбина в Мули она приехала в сопровождении молодого князя Ухтомского, который проходил практику на тех же шахтах). Там же в 1938 году у них родилась дочь Наталья (в замужестве Мельникова). Вероятно, у Грачева не появлялось поводов изменить свое мнение о том, что под защитой японцев можно вполне плодотворно работать⁵⁹.

Еврей Борис Ициксон, недавно вернувшийся в Харбин после учебы в Шанхае, работал в отцовской мастерской по ремонту часов и собирался открыть собственный магазин часов. Его жена Галина была русской дворянкой, православной, и вечерами посещала курсы бухгалтерского дела, а также пела на сцене (у нее было колоратурное сопрано). Похоже, БРЭМ считало чету Ициксон вполне благонадежными: в личном деле Галины, датированном 1944 годом, была сделана пометка, что Борис, несмотря на свою фамилию, еврей *только наполовину*, ведь мать у него русская, православная, и сам он состоит на учете как русский эмигрант (то есть он не получал советский паспорт)⁶⁰.

Не всем евреям жилось так спокойно, и связи между русскими евреями и этническими русскими мало-помалу ослабевали и рвались. Один из самых состоятельных (и даже вызывающе богатых) харбинских евреев Иосиф Каспе приехал в Харбин на рубеже веков, держал несколько ювелирных магазинов и затем расширил свое дело, обзавелся театрами и гостиницами. Однако он подвергался нападкам на страницах русской фашистской газеты: там его называли евреем-кровапийцей и агентом международного коммунизма. В 1933 году произошло событие, потрясшее весь Харбин: младший сын магната Семен (Симон), молодой пианист, готовившийся к сольной карьере, был похищен с требованиями выкупа и в конце концов убит. В 1936-м обвинение в убийстве Семена было предъявлено шестерым белым русским, но через полгода после вынесения приговора их всех выпустили из тюрьмы, и расследователь, нанятый французским консулом, пришел к заключению, что подобные случаи вымогательства являлись

частью тайного японского плана “организовывать в банды белых русских, терроризировать красных русских и русских евреев и набивать казну Маньчжоу-го”.

Скрипач и педагог Владимир Трахтенберг навлек на себя подозрения и японцев, и БРЭМа из-за доносов со стороны коллег по Высшей музыкальной школе и из-за необоснованных обвинений в том, что в музыкальном магазине “Кантилена”, которым Трахтенберг владел совместно с родственниками, происходят какие-то финансовые махинации. Доносчики, не забывая упомянуть о еврействе Трахтенберга (несмотря на его православную веру), предполагали, что он политически неблагонадежен, так как имеет знакомства в советских кругах, а его музыкальный магазин имеет деловые связи с советским консульством (вероятно, он получал музыкальные пластинки и ноты из СССР)⁶¹. Несмотря на все эти связи, паспорт у Трахтенберга был не советский, а литовский.

Для обладателей советских паспортов жизнь в Маньчжурии все больше осложнялась. В 1934 году Советский Союз продал свои права на пользование КВЖД японцам. Для СССР это была невыгодная сделка: он получил меньше четверти запрошенной цены. Чтобы стимулировать сделку, японцы пускали в ход различные средства давления на русских, живших в Маньчжурии. Советским гражданам — в первую очередь тем, кто работал на железной дороге, — предоставили возможность репатрироваться в Советский Союз с неограниченным количеством багажа и без взимания таможенных пошлин.

Летом 1935 года из Харбина уехали более 20 тысяч человек (и этнических русских, и русских евреев — вернуться предлагали всем без исключений), из других частей Маньчжурии еще 10 тысяч; позже за ними потянулись и другие. Отъезды проходили торжественно, разворачивались транспаранты “Матушка Россия, прими своих детей!”. Репатрианты обосновывались чаще всего в Сибири и на Дальнем Востоке и устраивались работать на железную дорогу.

Потом в СССР начались репрессии и охота на всех, кто имел хоть какие-то связи с заграницей, и все репатрианты ока-

зались в зоне риска. Девятого августа 1937 года нарком путей сообщения и член Политбюро Лазарь Каганович издал постановление, в котором все харбинцы, работавшие на железной дороге, объявлялись вредителями. Последовали аресты, приговоры к расстрелу и к ссылке в лагеря. Двадцатого сентября 1937 года вышло еще одно постановление, уже комиссара государственной безопасности, согласно которому аресту подлежали все харбинцы без исключения. В ходе последовавшей за этим “Харбинской операции” были арестованы 48 тысяч человек, из которых затем 31 тысячу расстреляли, а остальных сослали в лагеря⁶².

Многие русские и русские евреи, оставшиеся в Маньчжурии, расстались с родственниками, решившими репатриироваться, и многие сами всерьез задумались о репатриации. В еврейской семье Оникулов, где росла Гита Оникул (будущая бабушка Мары Мустафиной со стороны матери), все получили в свое время советские паспорта. В середине 1930-х годов родители Гиты, Гирш и Чесна, отбыли из Хайлара в Советский Союз, куда уже уехали несколько их детей. До 1937–1938 года все было хорошо, но в ходе “Харбинской операции” всю семью Оникулов арестовали как японских шпионов, выжили только Гита и ее младший брат Яша⁶³.

У русских музыкантов Алексея и Геннадия Погодиных были дядя и тетя, которые вернулись в Советский Союз в 1935 году, и в 1937 году связь с ними навсегда оборвалась. Отец музыкантов, бухгалтер Иван, хотя и работал на железной дороге, сделал иной выбор, чем его брат и сестра, и остался в Харбине. Отец Лидии Саввы тоже работал на железной дороге, и в их кругу после продажи КВЖД японцам “все уехали в Россию”. Ее родители ссорились, споря о том, ехать им или нет, но потом мучительный вопрос разрешился сам собой: СССР перестал принимать репатриантов⁶⁴.

Хотя возглавляли БРЭМ генералы-казаки из близкого окружения атамана Семенова, его 2-м и 3-м отделениями, занимавшимися вопросами культуры и выдачей различных разрешений, управляли лидеры русских фашистов в Харбине —

Константин Родзаевский и Михаил Матковский⁶⁵. БРЭМ выдавало удостоверения личности, а также визы для междугородних поездок, а еще старательно собирало информацию о русских эмигрантах, состоявших на учете в этой организации, и даже следило за некоторыми из них. Впрочем, в основном эти досье состояли из обширных анкет (заполненных по-русски) с такими вопросами, как, например, дата приезда в Маньчжурию, социальный статус семьи в России, образование, профессия и семейное положение, политические убеждения и принадлежность к партиям.

В моей выборке из 52 досье, составленных в БРЭМе на русских, которые впоследствии уехали в Австралию, почти все ответившие на вопрос о своем дореволюционном статусе в России указали “дворянин/дворянка”⁶⁶. Графу о политических взглядах заполнили гораздо больше опрошенных, вероятно, потому, что оставлять пустоту напротив такого вопроса казалось им опасным. Варианты на выбор предлагались такие: либерал, социалист, демократ, республиканец, легитимист, фашист или монархист⁶⁷. Впрочем, русским эмигрантам не пригодился ни один из этих вариантов, кроме последнего. За исключением совсем немногих, кто отнес себя к фашистам, и еще нескольких, написавших “аполитичен”, респонденты называли себя “монархистами”. Ни одного либерала, социалиста или демократа среди них не обнаружилось.

Ближайшим к левым оказался инженер Сергей Буровников, выпускник Харбинского политехнического института: он отважно назвал себя “конституционным монархистом”. Синолог Алексей Хионин отрекомендовался “антисоциалистом” (вероятно, подразумевая, что он не монархист), а русский немец, выпускник Харбинского политехнического института Ростислав Ган, которому вскоре предстояло переменить призвание и сделаться священником, хоть и назвал свои взгляды “монархистскими”, признался, что до 1931 года состоял в Крестьянской партии (не уточнив, какая именно это была организация)⁶⁸. Понятно, что отнести себя к монархистам было безопаснее всего, ведь любовь к самодержавию почти авто-

матически приравнивалась к старомодному, традиционному русскому патриотизму.

Русские, имевшие советские паспорта, состояли на учете не в БРЭМе, а в советском консульстве в Харбине, а взаимодействие с властями Маньчжоу-го осуществляли через Общество советских граждан. На них оказывалось давление, чтобы они становились на учет в БРЭМ как русские эмигранты, и давление это усилилось в 1940-е годы, когда русским эмигрантам начали выдавать особые значки, и потому советские граждане, не носившие таких значков, легко опознавались по их отсутствию⁶⁹. В брэмовских досье можно найти свидетельства того, что эта организация с подозрением относилась к тем, кто не торопился встать в ней на учет.

Одной из подозрительных личностей была сочтена Лидия Хитрова. Ее отец, уроженец Харбина и шофер по профессии, вместе с ее матерью и старшим братом Николаем жили по советским паспортам до 1938 года, после чего встали на учет в БРЭМе, а вот 19-летняя Лидия еще долгое время не отказывалась от советского гражданства и до февраля 1940 года не подавала заявку о получении статуса эмигрантки.

Другим “уклонистом” был Николай Новиков, бывший сотрудник КВЖД в Харбине, сохранявший советское гражданство на протяжении всех 1930-х годов. Его жена-англичанка Элеонора была британской подданной, как и двое их детей, и, возможно, поэтому на него не очень сильно давили, понуждая зарегистрироваться в качестве русского эмигранта. В конце 1930-х за ним велось наблюдение, хотя в результате ничего компрометирующего не обнаружилось. Возможно, именно из-за слежки он решил продать дом и уехал в марте 1939 года в Австралию. (Однако и в Австралии у него возникли проблемы с органами госбезопасности уже из-за того, что в его сиднейском фотоателье бывал советский дипломат и будущий перебежчик Владимир Петров⁷⁰.)

Натан Фицер, еврей-нотариус, работавший в юридическом отделе КВЖД, сохранял советский паспорт до 1934 года, после чего отказался от него и перешел в литовское граждан-

ство. (В отличие от Трахтенберга, у Фицера, по-видимому, не было близких родом из Литвы.) В его досье, составленном на основе донесений соглядатаев, отмечалось, что он выпустил на английский язык книгу о Маньчжурии, бывал в Японии и Корее и, “по слухам, работал на советскую разведку”. Эти сведения происходят из донесения разведки, датированного 3 августа 1938 года. Если верить тому, что сам Фицер рассказывал позднее друзьям в Австралии, его однажды ненадолго “арестовали японцы в Харбине как советского шпиона”, и он поспешил уехать оттуда. В конце 1938 года он уже прибыл в Австралию как мигрант⁷¹.

Новиковы и Фицеры стали частью того потока русских мигрантов, что хлынул из Маньчжурии за границу — в Австралию, США, а также в прибрежные области Китая, которые японцы оккупировали позже и где они никогда не устанавливали столь жесткого контроля, как в Маньчжурии. С 1933 по 1937 год из Харбина уехали 20 тысяч русских (см. Таблицу 1). Особенно торопились уехать русские евреи: одни из-за того, что их подозревали в политической неблагонадежности, другие потому, что еврейские магазины и предприятия подвергались нападениям вымогателей — как белых русских фашистов, так и японцев. К 1935 году из Харбина уехали 8 000 евреев из 13 тысяч, а к 1945-му количество оставшихся в городе сократилось приблизительно до 2 000 человек.

Уезжали и молодые русские, хотя чаще всего не по политическим мотивам, а по карьерным соображениям. В конце 1920-х годов Сергей Ермолаев перебрался в Шанхай и стал там преуспевающим джазменом, и туда же отправились его харбинские друзья-джазисты Евгений Гломб и Дмитрий Киреевский. Василий Томский в 1933 году уже руководил театром в Шанхае. Генерал Цуманенко переехал в Шанхай в 1932 году и стал заметным деятелем-антикоммунистом местной русской общины; туда же уехал в 1933 году и князь Ухтомский. В конце 1935 года в Шанхай уехал Николай Меди, в ту пору ему было уже около 35 лет, и в кармане у него лежал харбинский диплом правоведа. Михаил Володченко (Волин) уехал

в 1937-м (вместе с русской женой чешского дипломата он открыл в Шанхае первую школу йоги). Семья Гэри Нэша переселялась на восток постепенно, и к концу 1930-х годов одни родственники осели в Тяньцзине, другие — в Шанхае⁷².

Былая слава русского образования в Маньчжурии быстро померкла. Юридический факультет был упразднен, а в 1937 году японцы запретили русским учиться в Харбинском политехническом институте. К концу 1930-х единственным в Маньчжурии высшим учебным заведением, где русские могли обучаться на русском языке, оказался Северный Маньчжурский университет, созданный в 1938 году на основе уже существовавших харбинских заведений и имевший коммерческий и технический факультеты. Все русские средние образовательные учреждения стали государственными, и в начале 1938 года правительство Маньчжоу-го постановило, что отныне все русские школы обязаны следовать той же учебной программе, какая была принята в китайских и японских школах. Несколько школ после этого просто закрылись, в том числе две английские школы, две католические монастырские школы, лицей Святого Николая, два коммерческих училища и несколько гимназий, в том числе заведение Оксаковской. Когда закрылась та советская школа, где училась будущая мать Мары Мустафиной, девочке пришлось перейти на домашнее обучение, поскольку в 1940 году детям тех родителей, которые получили советские паспорта, уже не позволялось поступать в школы для русских эмигрантов⁷³.

Русские фашисты

Свой политический пыл эмигранты, особенно из молодого поколения, все чаще проявляли в постепенно крепнувшем фашистском движении. Лидером его был Константин Родзаевский, родившийся в 1907 году в Благовещенске в семье нотариуса и приехавший в начале 1920-х годов в Харбин, где он поступил на юридический факультет. Его сторонником и за-

местителем в деятельности русской фашистской организации в Харбине стал товарищ по факультету Михаил Матковский, сын белого генерала. Родзаевский был харизматичен, в выступлениях подражал театральным ораторским манерам Муссолини. Матковский слыл более проницательным и уравновешенным. Именно он при японцах возглавил всесильное Третье отделение БРЭМа (ведавшее выдачей виз и паспортов), где Родзаевский тоже занимал важную должность⁷⁴.

С начала 1930-х годов русские фашисты в Харбине с энтузиазмом сотрудничали с японцами и — уже с меньшей охотой и под давлением японцев — с атаманом Семеновым, в котором молодой Родзаевский видел ходячий анахронизм⁷⁵. Важной харбинской организацией был и основанный в 1929 году Русский клуб, который возглавлял бывший царский генерал, со временем ставший фашистом. Вскоре фашисты получили привилегии при поступлении на службу в полицию и гвардейские части, потому что там уже служило немало сочувствующих; интеллектуального веса нарождавшемуся движению прибавило и то, что на юридическом факультете собралась целая группа студентов-фашистов. Русская фашистская партия (РФП), основанная в 1931 году, на пике своего существования в середине 1930-х насчитывала — по крайней мере, по распространявшимся ею самым сведениям, — 20 тысяч членов; впрочем, другие скептически полагали, что эта величина сильно раздута. Председателем партии стал белый генерал-лейтенант Владимир Косьмин, который в 1920-е годы возглавлял террористическую организацию, совершавшую вооруженные налеты на границу и вылазки на советскую территорию⁷⁶.

Фашисты придумали себе лозунг “Бог, нация, труд!”, однако своей истинной целью они считали борьбу за правое дело. В одном фашистском манифесте говорилось, что, хоть в эмигрантской жизни хватает распрей и расколов, “для тех, кто любит Россию не только на словах, но и на деле, кто готов нести жертвы ради патриотизма и по-настоящему хочет бороться, есть только один путь — вступить в ряды рус-

ских фашистов-чернорубашечников”. Русские фашисты, как и итальянские, были корпоратистами, но в отличие от итальянцев, негативно относившихся к католической церкви, были вполне лояльны к Русской православной церкви, да и намного терпимее к идее монархии. Генерал Косьмин и другие идеологи русского фашизма любили подчеркивать, что вдохновляются не столько иностранными, сколько отечественными примерами. Впрочем, возможно, в силу многонационального характера Харбина, а также в силу давних российских имперских традиций, русские фашисты готовы были предоставить в своем будущем русском фашистском государстве равные права и нерусским по крови подданным (кроме евреев). Они надеялись также, что латыши, поляки и прочие народы, чьи земли входили прежде в состав России, добровольно пожелают строить возрожденную Евразийскую российскую империю. Легкое советское влияние можно уловить в том, что фашисты использовали термин “советы”, называя так ячейки своей корпоратистской модели власти. Но партийцы, в отличие от коммунистов, не называли друг друга “товарищами”, пользуясь более воинственным словом — “соратник”⁷⁷.

Квазивоенная форма была едва ли не обязательным атрибутом в уличной политике межвоенного периода, и форма, которую придумали себе русские фашисты, состояла из помятой черной фуражки с черным козырьком, черной рубашки с наглухо застегнутым воротом, черных брюк-галифе и черных сапог до колена. А чтобы члена РФП не приняли за простого шофера, он носил еще и офицерскую портупею (обхватывавшую не только талию, но и плечо) и нарукавную повязку, на которой виднелась черная свастика на фоне ярко-оранжевого кружка с тонким белым ободком. Черно-желто-белые нашивки повторяли цвета имперского стяга Романовых.

Подобно итальянским фашистам и германским нацистам, их русские единомышленники впервые привлекли к себе внимание физическим насилием в отношении политических врагов и евреев. Позднее дали о себе знать несколько различные представления о том, насколько важная роль в партийной док-

трине должна отводиться антисемитизму: Родзаевский оставался ярким антисемитом, а Матковский предпочитал не заострять на этой теме внимание⁷⁸.

В середине 1930-х некоторые русские эмигранты, заполняя анкету БРЭМа, в графе о политических взглядах уже называли себя “фашистами”. Из тех, кому позже предстояло уехать в Австралию, наибольшей известностью в фашистских кругах пользовался журналист Сергей Ражев. В первом опроснике, подшитом к его личному делу, он написал: “Я хочу, чтобы Россией правили националисты, — это мое единственное политическое убеждение”, а в 1936 году, отвечая на соответствующий вопрос, он уже отрекомендовался “фашистом”, приписал, что с 1932 года состоит в рядах Русской фашистской партии, и отмечал, что рекомендации ему может дать Родзаевский. Ражев был сыном кондитера и приехал в Харбин в начале 1920-х годов. Он успел неудачно поучиться в Льеже (в Бельгии), затем недолгое время в Харбинском политехническом институте, после чего целиком отдался политической деятельности и журналистике. В 1930-е годы он работал в редакции фашистского ежедневника “Наш путь”, а с 1936 по 1944 год — у Матковского в Третьем отделении БРЭМа. Его жена, Ираида Рожнатовская, была дочерью священника и имела за плечами гимназическое образование; в анкете БРЭМа, заполненной в 1935 году, она тоже упомянула о своем членстве в Русской фашистской партии⁷⁹.

Казимир Савицкий — выпускник Харбинского политехнического института, назвавший себя в анкете 1935 года дворянином, русским по национальности, гражданином Китая и католиком по вероисповеданию, — в графе о политических убеждениях отрекомендовался монархистом, полностью разделяющим идеологию РФП, и указал, что в 1933 году подавал заявку на вступление в Русскую фашистскую партию. Юрист Николай Меди, работавший в 1933 году в католической миссии, в графе с вопросом о политических взглядах назвал себя “фашистом”, однако отметил, что в середине 1933 года его членство в Русской фашистской партии прекра-

тилось. (Его жена Нина, имевшая диплом юриста, охарактеризовала себя как “аполитичную”.) И молодому князю Георгию Ухтомскому, и его сестре довелось соприкоснуться с молодежными фашистскими организациями, причем брату этот опыт, по-видимому, понравился больше. Князь Георгий указал, что состоял в фашистской молодежной антисемитской организации, которую возглавлял Родзаевский, и поручителем назвал Михаила Матковского, а 17-летняя княгиня Ольга призналась, что в детстве состояла в “Союзе фашистских крошек”, но в анкете 1942 года назвалась “аполитичной”⁸⁰.

Харбинские русские фашисты обрели некоторую международную известность и даже финансовую поддержку благодаря кратковременной связи с жившим в Америке Анастасием Вонсяцким, лидером Всероссийской фашистской организации и довольно незаурядной личностью. Их союз был скреплен в 1934 году в Токио, где состоялась личная встреча Вонсяцкого и Родзаевского. (Главная заслуга Вонсяцкого состояла в том, что он был женат на богатой американке, которая охотно жертвовала средства на фашистское движение.) Но не прошло и года, как этот союз распался. Третий съезд русских фашистов в Харбине, куда со всего мира съехались 200 делегатов, ознаменовал триумф Родзаевского и полное поражение (не явившегося) Вонсяцкого. Среди делегатов съезда был и русский австралиец Иван Рождественский из Квинсленда⁸¹.

Согласно донесению британской разведки в начале 1940-х годов, Родзаевский “при попустительстве японцев опутал Маньчжоу-го целой сетью своих агентов-белогвардейцев”, которые зачастую работали в охране железной дороги или общественных зданий. В том же донесении Родзаевский характеризовался как “белый русский политический авантюрист, который, чтобы раздобыть деньги для самого себя или своей организации, не гнушается шантажа и угроз”. Опутали фашисты своими сетями и БРЭМ, добившись тем самым господствующего положения (несмотря на подчинение японцам) в управлении делами русской общины в Маньчжурii⁸².

Если в годы Второй мировой войны среди живших в Германии русских эмигрантов наблюдался большой энтузиазм и многие записывались добровольцами в военные формирования под иностранным командованием, чтобы идти сражаться против большевиков, то в Маньчжурии все обстояло иначе. Во-первых, в 1941 году был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией, и хотя Япония и являлась союзницей Германии и других держав Оси, сама она не находилась в состоянии войны с Советским Союзом (если не считать нескольких месяцев в самом конце войны, когда СССР нарушил пакт). Во время Второй мировой Япония воевала на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий, где ее главным противником были США, а также оккупировала Маньчжурию и, осуществляя экспансию, постепенно подминала под себя другие регионы Китая, однако все это не вызывало раздражения у русских. Тем не менее риск начала войны между СССР и Японией оставался, и положение на границе было напряженным. Это и давало повод (пусть небольшой) для сотрудничества между антисоветски настроенными русскими и японскими военными ведомствами. Казаки и другие белые русские поступали на службу в японскую военную миссию и полицию; другие проходили обучение, готовясь к саботажу и к заброске для сбора разведданных через советскую границу близ поселка Гродеково* в Маньчжурии, где также располагалась одна из баз русского скаутского движения, которое в конце 1930-х — начале 1940-х испытало сильное милитаристское и фашистское влияние⁸³.

Главным деятелем русской эмиграции, с которым имела дело Япония, был атаман Семенов. Сам он жил в северном портовом городе Далянь (в ту пору — Дальний по-русски и Дайрен — по-японски), но продолжал пользоваться авторитетом среди харбинцев. Он и другие лидеры казачьих и белогвардейских объединений надеялись на то, что в случае поражения СССР во Второй мировой войне японцы по-

* С 1958 года — поселок Пограничный и станция «Пограничная».

могут белым создать сепаратистское государство на русском Дальнем Востоке. Пуская в ход полученные от японцев средства, Семенов набрал из русских маньчжурцев небольшой отряд и занимался его подготовкой, дожидаясь случая вступить в сражение — бок о бок с японской армией — за освобождение родной земли⁸⁴. В 1938 году русский отряд, известный как бригада Асано (по имени его командира-японца*), был включен в состав армии Маньчжоу-го; в его задачи входили трансграничные шпионские вылазки и диверсии на советской территории. Участвовал отряд Асано и в боях на Халхин-Голе (в 1939 году), ставших кульминацией необъявленной войны между СССР и Японией на маньчжурско-монгольской границе и закончившихся сокрушительным разгромом японцев. (Русского офицера Михаила Натарова, погибшего в ходе этих боев от осколков советской авиабомбы, стали чтить в фашистских и других националистических кругах как мученика и рыцаря белой идеи.) Ряды отряда Асано пополнялись главным образом благодаря вербовке казаков. Был среди них и сын Всеволода Бароцци де Эльса (носивший невероятное имя Ор). Если поначалу служба в армии Маньчжоу-го была добровольной и даже не афишировалась, то с 1941 года она стала обязательной для всех мужчин в возрасте с 17 до 45 лет, состоявших на учете как русские эмигранты, а под конец даже женщины были обязаны проходить подготовку как резервисты⁸⁵.

Несомненно, русские фашисты, работавшие в БРЭМе, ощущали некоторое идеологическое родство с японцами (хотя и неясно, в какой мере японцы отвечали им взаимностью⁸⁶), но в отношениях с ними не все шло гладко. Японцы совсем не желали втягиваться в войну с Советским Союзом и опасались, как бы ее начало не спровоцировал кто-нибудь из белых русских. В 1937 году японцы закрыли ежедневную газету харбинских фашистов “Наш путь”, хотя в 1941 году она продолжила выходить в Шанхае уже как еженедельная⁸⁷. Более крутые меры были впереди: в июле 1943 года японская

* Асано Макото (1899–1945) — полковник Квантунской армии.

военная миссия в Харбине внезапно постановила, что РФП следует распустить, а фашистские собрания и ношение фашистской формы — запретить. Впрочем, Родзаевский и Матковский остались на свободе и продолжали возглавлять те же отделения БРЭМа, что и раньше, а Матковский даже получил повышение до заместителя начальника⁸⁸.

Приблизительно в то же время новые трещины в отношениях между русскими фашистами и японцами наметились уже с русской стороны. В начале 1943 года ход европейской войны изменился: советские войска начали одолевать и теснить немцев, успевших в 1941–1942 годах оккупировать чуть ли не половину страны. И стало казаться вполне правдоподобным, что державы Оси могут проиграть эту войну. Вот тогда успехи Советского Союза впервые вызвали прилив патриотизма среди националистически настроенных белых русских в Маньчжурии, а среди эмигрантов, живших в прибрежных регионах Китая, и подавно. В Харбине русские стали собираться у радиоприемников и слушать передачи новой подпольной радиостанции “Отчизна”, которая ежедневно вещала откуда-то из Маньчжурии и сообщала о победах СССР, которые японская цензура предпочитала замалчивать: “Никто не знал, кто за этим стоял, но ходили слухи, что Матковский”. Как выяснилось уже после окончания войны, этот русский фашист, заместитель начальника БРЭМа, с самого начала был советским агентом⁸⁹.

Глава 4

Шанхай

Маньчжурия была не единственным (хотя и самым обширным) местом в Китае, куда устремлялись русские беженцы¹. На восточном побережье Китая их привлекали чаще всего два города с большими интернациональными диаспорами, где жили главным образом британцы и французы: Шанхай на юге и Тяньцзинь на севере. Здесь политическая ситуация отличалась от Харбина. В Маньчжурии, примыкавшей к Советскому Союзу, в 1920-е годы развернулось прямое столкновение между СССР и Японией, а с начала 1930-х до 1945 года регион находился под японской оккупацией. Приморские провинции Китая, достаточно удаленные от советской границы и ориентированные скорее на западные державы, чем на Россию, в 1920–1930-е годы номинально находились под властью слабого националистического правительства, но существовала реальная угроза захвата власти коммунистами (практически отсутствовавшая в Маньчжурии). В 1937 году эти области захватили японцы, но даже после этого поселения иностранцев в той или иной степени сохраняли самоуправление вплоть до начала 1940-х. Если Харбин был русским городом и русские являлись преобладающим и самым значительным иностранным элементом во всей Маньчжурии, то в космополитических приморских городах, какими были Шанхай и Тяньцзинь, русские жили главным образом в иностранных поселениях — во Французской кон-

цессии и управлявшемся британцами Международном поселении — и занимали в местной иерархии более низкую ступень, чем остальные представители западного мира.

Русские в Шанхае были и до Первой мировой войны, но в 1920-е годы, с притоком разгромленных белых, их количество резко увеличилось. Прибытие белых выглядело символично: в начале 1920-х годов из Владивостока через Корею в Шанхай пришла Сибирская эскадра из пятнадцати судов под командованием адмирала Старка. Ни международные власти, ни китайское правительство, ни даже русская община, давно обосновавшаяся в Шанхае, не спешили оказать эскадре Старка теплый прием: некоторым белым офицерам пришлось провести на кораблях нескольких томительных лет, прежде чем националистическое правительство Чан Кайши разрешило им высадиться. Среди прибывших с этой эскадрой были морской офицер Николай Фомин, позже ставший лидером русского монархического и антикоммунистического движений в Шанхае и Австралии, и Леонид Сейфуллин, служивший когда-то (по некоторым сведениям) личным телохранителем атамана Семенова². В сентябре 1923 года прибыли еще пять выдавших виды судов эскадры под флагами Российской империи. На них находились казаки под командованием генерала Фаддея (Федора) Глебова. Вооруженным казакам было запрещено высаживаться, но многие украдкой, в ночной темноте, все-таки улизнули и смешались с местным русским населением. Сергей Татаринов, родившийся в 1907 году во Владивостоке в офицерской семье, эвакуировался вместе со своим корпусом в Шанхай, и там ему удалось окончить военное учебное заведение³.

Русские беженцы продолжали прибывать в Шанхай на протяжении всех 1920-х годов, и каждый год их приезжало более тысячи. А затем нахлынула новая волна: это бежали русские из Маньчжурии после приграничных столкновений с советской стороной и японской оккупации. Если в 1932 году русских в Шанхае насчитывалось от 16 до 18 тысяч, то в 1941-м их было уже около 30 тысяч, и в основном они жили в между-

народных поселениях⁴. Во Французской концессии, где проживало большинство русских, их было больше, чем французов. Если говорить о Шанхае в целом, то в середине 1930-х годов численность русской общины превосходила численность британской, американской и французской общин вместе взятых, а среди проживавших в городе групп иностранцев они уступали первенство только японцам⁵.

Но интегрирование в иностранное сообщество зачастую проходило тяжело. На русских (в отличие от британцев, французов и американцев) не распространялся статус экстерриториальности, даже если жили в одном из международных поселений. Не имевшие гражданства, подчинявшиеся китайским законам бедные русские «были лишены надежного европейского статуса и... воспринимались как азиаты»⁶. Русские эмигранты конкурировали с китайцами из-за непрестижной, неквалифицированной работы, занимались проституцией, что било по их репутации, а потому их «часто обдавали презрением и китайцы, и местный западный бомонд за то, что они «уронили образ Белого Человека» в глазах азиатов. Для того чтобы выжить, русские цеплялись за собственные культурные и религиозные традиции и держались от чужаков подальше»⁷.

Конечно, пропасть эта была не настолько велика, и изредка между русскими и шанхайцами-западноевропейцами все-таки заключались смешанные браки. Одна из тетушек Гэри Нэша вышла замуж за пожилого англичанина в Тяньцзине и таким образом приобрела британское подданство. Согласно одному британскому источнику, в консульском районе Шанхая за период с 1925 по 1939 год за британских подданных вышли замуж 305 русских женщин⁸. (О браках между британками и русскими мужчинами упоминаний не нашлось.) Однако британцы, работавшие в муниципальной полиции Шанхая, чаще не вступали в брак с русскими, а имели с ними любовные связи: в иностранной общине русских женщин постоянно обвиняли в безнравственности, обзывали «охотницами за кошельками и паспортами». В «иерар-

хии сексуальной пригодности” они занимали более высокое место, чем китайки и японки, но ненамного выше, а японки к тому же слыли более чистоплотными⁹.

В экономическом отношении русским в Шанхае жилось тяжело, особенно в первые годы, и их затруднительное положение не раз обсуждалось в Верховной комиссии по делам русских беженцев Лиги Наций. Высказывалось даже предложение, чтобы их как своего рода нарушителей общественного порядка (только международного уровня) переселили в Аргентину¹⁰. Русские мужчины, не владевшие английским (языком международного общения в Шанхае) и чаще всего имевшие за плечами только опыт военной службы, были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом: становились складскими рабочими, сторожами, охранниками банков или телохранителями богатых китайцев. Женщинам — даже из бывшей аристократии — тоже часто приходилось трудиться из-за неустроенности мужей или отцов: они становились портнихами, мастерами маникюра, экономками в состоятельных семьях (в том числе в семьях преуспевающих предпринимателей из русских евреев, к каким относился, например, отец Сэма Мошинского), профессиональными танцовщицами в дансингах или проститутками¹¹. В семье Сейфуллиных глава семьи Леонид (служивший в прошлом у атамана Семенова) зарабатывал на жизнь, преподавая рисование во французской школе, а его жена вначале работала мастером маникюра, а потом закончила курсы сестер милосердия и устроилась в Британский военный госпиталь в Шанхае. Один его брат уехал в Сербию, где поступил в уцелевший Русский кадетский корпус, а другой брат, тоже бывший кадет, остался в Шанхае и играл в городском духовом оркестре. Владимир Жиганов (позднее — автор книги “Русские в Шанхае”, а еще позже — энергичный полемист, критиковавший других членов русской общины в Австралии) воевал на фронтах Первой мировой, а затем Гражданской войны (на стороне белых). Приехав в Шанхай, он работал охранником в британской фирме *Jardine, Matheson*¹².

Для бывших офицеров самым привлекательным вариантом было вступить в какое-нибудь военное подразделение или устроиться в полицию. Драматические события 1927 года, когда националисты Чан Кайши набросились в Шанхае на своих прежних союзников коммунистов, дали этой категории русских возможность выказать свое мужество и антикоммунистическое рвение, хотя это и не принесло им всеобщей симпатии.

Седьмого ноября, в десятую годовщину большевистской революции, белые русские приняли заметное и беспорядочное участие в нападении на советское консульство в Шанхае. Казаки во главе с генералом Глебовым объединились в особый отряд в Шанхайском добровольческом корпусе — изначально британской организации, созданной для защиты местных иностранных анклавов. Впоследствии этот отряд приобрел статус постоянного, в 1929 году в него входили 150 бойцов, а в первые месяцы им командовал капитан Николай Фомин. У казачьего отряда была своя форма, а также православная часовня, музей, библиотека, столовая, спортивная организация и оркестр. Хотя офицерам даже в ранге полковника приходилось служить там рядовыми, это, по крайней мере, была постоянная работа с окладом и правами. Отряд часто выполнял полицейские обязанности, и некоторые служившие в нем позднее поступили на работу в британскую или французскую муниципальную полицию¹³. Князь Георгий Ухтомский, приехавший в Шанхай из Харбина в 1933 году, стал одним из счастливицов, которым удалось получить место в русском отряде французской муниципальной полиции. Туда же попал и “непримиримый антикоммунист” Аркадий Пикар (бывший семеновец, как и Леонид Сейфуллин). Некоторым русским повезло найти работу в Шанхайском городском совете, который предоставлял своим сотрудникам оплачиваемые отпуска и потом назначал пенсии¹⁴.

Шанхай был важным центром международного революционного движения, воплощением которого был созданный в СССР Коминтерн, и важнейшим видом деятельности в го-

роде была купля-продажа разведданных. В этой международной игре в шпионаж и контршпионаж участвовали многие русские, больше всех из них прославился Евгений Кожевников (известный также как Хованс, а еще как Юджин Пик)¹⁵. В Тяньцзине на британскую разведку работал Георгий Бинецкий; в Шанхае на французов работали Валентин Федуленко, приближенный генерала Глебова, и Григорий Бологов из Шанхайского комитета по делам русских эмигрантов¹⁶. Советские разведывательные службы размещались при советском консульстве (которое закрылось в 1927 году, но снова открылось в 1932 году, когда дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены), и одна из стратегий советской разведки заключалась в том, чтобы переманивать белых русских и затем внедрять их в ряды Шанхайской муниципальной полиции. И это ведомство, в свою очередь, всю занималось контршпионажем — как отмечали некоторые, в ущерб своим прямым обязанностям, то есть борьбе с преступностью¹⁷.

Преступность — бандитизм, торговля наркотиками, проституция, похищения людей, убийства — были такой же неотъемлемой частью жизни Шанхая, как и шпионаж, и порой первое было тесно связано со вторым. В 1920-е годы уровень преступности в городе заметно вырос, и в этом была “заслуга” в том числе и русских, особенно в том, что касалось торговли сексом. Шанхай манил молодых женщин из Харбина. Многие ехали туда, заключив контракт с агентами, которые сулили им блестящую карьеру, но в итоге на месте все сводилось к банальной проституции. Ситуация складывалась довольно тревожная, и она получила настолько широкую огласку, что в 1930 году в Шанхай явилась комиссия Лиги Наций по расследованию торговли женщинами и детьми на Востоке и начала расследовать случаи торговли “белыми рабынями”. В отчете комиссии, выпущенном в 1935 году, сообщалось, что в Шанхае работают 755 русских профессиональных проституток, главным образом в районе Хункоу и во Французской концессии, и еще 890 женщин занимаются этим ремеслом

время от времени, что в общей сложности составляло около 22,5 % от общего количества проживавших в Шанхае русских женщин в возрасте от 16 до 45 лет¹⁸.

В 1930-е годы положение русских в Шанхае несколько улучшилось: люди понемногу освоились. Иван Гартунг, переехавший в Шанхай в начале 1930-х, сумел получить профессию инженера во французском колледже и устроился на работу архитектором во Французской концессии. Некоторые эмигранты нашли работу в Шанхайской энергетической компании. Обычно туда брали инженеров, иногда бывших военных, чаще всего тех, кто получил специальность в Харбине. Среди тех, кто устроился в Шанхайскую энергетическую компанию, было и несколько лидеров русской общины — например, капитан Николай Фомин и барон Алексей Медем, бывший морской офицер русского флота, живший в Шанхае с середины 1920-х годов¹⁹.

По-настоящему разбогатеть в Шанхае удавалось чаще всего русским евреям, которые, как вспоминал Сэм Мошинский, “охотно хватались за любые возможности, какие только представлялись в этом невероятном экономическом климате с полной свободой конкуренции, и в итоге обычно преуспевали”. Среди богатейших и самых уважаемых граждан Шанхая были багдадские евреи — например, семьи Сассун и Хардун. Хотя русским евреям (в большинстве своем эмигрантам, бежавшим из России после революции, как и белые русские) до тех богачей было очень далеко, Шлёма (Соломон) Мошинский, дед Сэма Мошинского, завел фабрику по изготовлению картонных коробок и со временем, нажив капиталы, стал покупать землю и недвижимость. (Экономкой в их семье работала обедневшая дворянка из белых русских.) Преуспевал и отец Гарри Тригубова, застройщик; впоследствии его сын, уже переселившись в Австралию, будет жить припеваючи и держать китайскую прислугу²⁰.

В Тяньцзине к 1930-м годам сложился средний класс, состоявший из русских и русских евреев. Отец Георгия Натинга был врачом с обширной практикой; отец Ларри Сиц-

кого работал в компании *British American Tobacco* и жил как обеспеченный человек в тяньцзиньской Французской концессии. Некоторые русские работали даже в Нанкине, в правительстве Чан Кайши, или в Китайской академии. Генерал Петр Бурлин на протяжении почти двадцати лет преподавал военную науку в Китайской военной академии в Нанкине, Чанше и Чунцине. Сам факт, что в 1932 году его взяли на работу в нанкинское правительство, сочли настолько важным, что Шанхайская военная полиция упомянула об этом в своем разведдонесении. После того как коммунисты нанесли поражение Гоминьдану в 1949 году, Бурлин ненадолго уехал вместе с гоминьдановскими войсками на Тайвань, а потом эмигрировал в Австралию. Иван Гапанович, видный ученый, уехавший в 1920-е годы из Владивостока, стал профессором и в 1931 году преподавал российскую историю в Национальном университете Цинхуа в Пекине²¹.

Хотя во многих известиях того времени сообщается о том, что русские выполняли ту же черную и низкооплачиваемую работу, что и китайцы (по-видимому, работая вместе с ними), мемуаристы редко упоминают о таких тесных контактах. Один тяньцзиньский мемуарист считал, что русские общались с китайцами даже реже, чем британцы, французы или американцы, потому что не имели с ними дел в качестве дипломатов, миссионеров или работодателей, и что еще реже вступали с ними в браки, чем иностранцы, имевшие более высокий статус. Из дальней родни Тарасовых по меньшей мере один родственник (работавший в китайской полиции в Тяньцзине) бегло говорил по-японски и по-китайски, но сам Гэри Нэш и его друзья знали по-китайски лишь несколько десятков слов, только чтобы суметь объясниться с возчиками рикш и лавочниками:

Хотя мы жили в Китае и, наверное, думали прожить там всю оставшуюся жизнь, большинство из нас, иностранцев, не говорили по-китайски и, что самое интересное, вовсе не считали нужным учить этот язык... Мы, иностранцы, жили

и вращались в своих иностранных общинах и концессиях, не смешиваясь с китайцами. Все наши друзья были иностранцами, мои однокашники были иностранцами (в колледже училось совсем мало китайцев), а большинство китайских лавочников в любом случае говорили или по-русски, или по-английски... Безусловно, самих себя мы считали важными персонами, а в китайцах видели людей второго сорта²².

Жизнь русской общины в Шанхае

Шанхайские русские создали сложную систему организаций, пересекавшихся и порой конкурировавших между собой. Их ядром служил Русский эмигрантский комитет, возглавлявшийся бывшим консулом Российской империи Виктором Федоровичем Гроссе. В 1931 году, после смерти Гроссе, в борьбу за освободившуюся должность главы комитета вступили капитан Николай Фомин, представлявший сильную группу бывших белогвардейцев, и Карл Эдуардович Мецлер, который в царские времена занимал должность вице-консула и был, как и Гроссе, правоведом и лютеранином. Победу одержал Мецлер, но разочарование проигравшей группы военных, вероятно, стало причиной того, что годом позже возникла другая организация — формально более высокого уровня, чем комитет, но в действительности ставшая его соперницей. Это был Совет объединенных русских организаций (СОРО), и его вице-президентом стал Фомин. Через несколько лет председателем СОРО сделался генерал Глебов, которого недоброжелатели именовали “самодельным Муссолини”²³.

В 1920 году был создан (изначально — при российском консульстве) Союз военнослужащих для оказания материальной помощи множеству ветеранов Белой армии, хлынувших в ту пору в Шанхай. Помимо материальной поддержки, в задачи совета входило “сохранение русских традиций” (а позже добавился и суд чести). В 1925 году он стал частью Русского общевоинского союза, основанного в Западной Европе од-

ним из лидеров Белого движения и участником Гражданской войны генералом Врангелем, и примкнул к антибольшевистской борьбе. На 1 января 1929 года в совете насчитывалось 640 членов, в правление входил капитан Фомин, в ревизионную комиссию — подполковник Леонид Сейфуллин. Была у русской общины и еще одна важная организация — Офицерское собрание в Шанхае. Оно было основано в 1926 году группой офицеров, среди которых были адмирал Старк, генерал Глебов (представлявший казаков) и капитан Николай Фомин (представлявший флот). Дом Офицерского собрания находился во Французской концессии²⁴. Для многих старых военных это место стало вторым домом вдали от родины, где можно было вместе вспомнить былое, но со временем там полюбила собираться и молодежь²⁵.

Казачий союз, основанный в середине 1920-х годов, охватывал все казачьи войска, представленные в Китае, — прежде всего те, что существовали в восточных землях Российской империи (Амурское, Уссурийское, Забайкальское, Иркутское, Сибирское, Семиреченское, Уральское и Енисейское войска), но входили туда и кубанские, и донские казаки, так что вскоре в союзе насчитывалось уже более 700 членов. В начале 1930-х годов, и снова с 1944-го, возглавлял союз енисейский казак Григорий Бологов, ставший заметным деятелем русской общины в Шанхае. В 1929 году на авеню Жоффр во Французской концессии открылся Казачий дом, со временем при нем появились обеденный зал, кинотеатр, радиостанция и детская площадка, там проводились самые разные мероприятия — от собраний и занятий английским (для безработных казаков в поиске работы) до балов²⁶.

Были и русские благотворительные организации, в том числе Лига русских женщин, а в 1935 году на авеню Фош открылся Русский клуб. В 1941 году на Клуб русских эмигрантов на Вейхайвей-роуд, 147, который возглавлял генерал Глебов, обрушились неприятности из-за того, что в его помещении позволили устроить игорный притон. В конце 1938 года в Хункоу открылся другой клуб, им управлял генерал Цума-

ненко. Клуб был связан с харбинскими фашистскими организациями и пользовался поддержкой японских военных. На улице Мареска, 260–262 Русское православное братство открыло русскую больницу, куда набрали исключительно русских врачей и медсестер (один из работавших там врачей, Анатолий Оглезнев, в дальнейшем эмигрирует в Австралию). Была в Шанхае и русско-еврейская больница²⁷.

В книге-альбоме Жиганова “Русские в Шанхае” почти соток страниц отведены перечислению русских предприятий — галантерейных, ювелирных магазинов, аптек, парикмахерских, салонов красоты, ресторанов и кафе, пекарен, кондитерских, обувных лавок, магазинов, торговавших электротоварами, нотными тетрадями, хирургическими инструментами, а также большого количества роскошных меховых бутиков.

Община русских евреев (насчитывавшая в середине 1930-х 6000 человек по сравнению с 15 тысячами белых русских) жила своей отдельной жизнью, не пересекавшейся с жизнью русских. В отличие от Харбина, в Шанхае задолго до появления русских существовала хорошо укоренившаяся еврейская община. Правда, преобладали в ней не ашкеназы (восточноевропейские евреи, к которым относились и евреи из России), а багдадские евреи и сефарды. Удалось преуспеть в Шанхае и некоторым русским евреям, и это вслило в анти-семитов опасение, что богатые еврейские предприниматели пускают свои деньги в ход, “чтобы обрести влияние на русскую общину”. У евреев были синагоги, скаутские организации и даже имелся еврейский отряд в Шанхайской муниципальной полиции, не имевший никакого отношения к русскому отряду и состоявший в основном из евреев-скаутов. Евреи-полицейские носили особую форму: коричневые рубашки с высокими воротниками и военные фуражки. С начала 1920-х годов и сефарды, и ашкеназы проводили коллективные мероприятия в еврейском клубе “Ахдут”^{*} на Симорруд, хотя для русских евреев расположение клуба и было

* Единство (ивр.)

неудобным, поскольку они жили в основном в районе Хункоу; и в 1932 году купцы из русских евреев основали свое заведение — Шанхайский еврейский клуб²⁸. В Тяньцзине, где тоже жила довольно многочисленная ашкеназская община, “евреи ходили в основном в еврейские бакалейные лавки, гастрономы, пекарни, мясные и молочные лавки, рестораны, жили в еврейских меблированных комнатах, обращались к еврейским врачам, дантистам, аптекарям, учителям музыки, настройщикам пианино, портным, парикмахерам и ювелирам. Словом, они жили в своем мире”. Но все это тем не менее имело сугубо русский культурный колорит: даже в Молодежной еврейской ассоциации (УМНА) сотрудники говорили по-русски²⁹.

При всей обособленности еврейской общины между евреями и общиной белых русских все-таки существовали связи, в том числе и финансовые. Многие евреи-предприниматели обратились в христианство, по крайней мере, номинально, “большую поддержку [церкви. — *Ред.*] оказывали бывшие владельцы чайных компаний в Ханькоу, где еще проживали некоторые крупные часторговцы... Заработанные в прошлом капиталы и доходы от сдачи внаем недвижимости они щедро направляли на благотворительность”³⁰. Вопрос о еврейском финансировании скрывается в недрах досье Шанхайской муниципальной полиции, собранного на Русский эмигрантский комитет, и изредка ненадолго всплывает на поверхность. Русским евреям в Шанхае нужно было становиться на учет в Русский эмигрантский комитет для получения некоторых необходимых документов, например, характеристики³¹. Но до 1941 года ни одна еврейская организация, по-видимому, не была явным образом представлена ни в одной из белых русских организаций, в отличие от другой русскоязычной группы выходцев из Российской империи — тюрко-татарской³². В 1937 году Шанхайская ассоциация ашкеназской еврейской общины получила признание и хартию от нанкинского правительства, что поставило ее в один ряд с Русским эмигрантским комитетом и СОРО. Но все равно ев-

реям нужно было получать свои характеристики в эмигрантском комитете³³.

В общине белых русских ощущалось сильное влияние православия, а также наклонность к антисемитизму, хотя в Шанхае, пожалуй, это проявлялось меньше, чем в Харбине, благодаря смягчающему воздействию более многочисленного интернационального сообщества с преобладанием британцев, французов и американцев. «Религия — это то, что поддерживало людей в те далекие годы, — замечает современный российский историк. — Разлученные со своей Родиной люди искали утешение в молитве, тщательно соблюдали все церковные правила и приучали к ним с раннего детства детей»³⁴. Пожалуй, это попытка взглянуть на Шанхай межвоенного периода сквозь линзу постсоветской ностальгии по старой России. В этом космополитическом и светском большом городе людям было чем заняться и чем развлечься, и в мемуарах русских, выросших в Шанхае, гораздо реже рассказывается о важной роли религии, чем в мемуарах тех, чье детство прошло в Маньчжурии. Впрочем, церковь оставалась для русских важным институтом. И, как обычно, внутри нее царили раздоры.

Если в Маньчжурии православная церковь, можно считать, находилась в прямом подчинении у РПЦЗ, то в Шанхае и в прибрежных областях Китая вообще дело обстояло весьма непросто. Исторически сложилось, что деятельность православной церкви в Китае осуществлялась Русской духовной миссией в Пекине, основанной еще в XVII веке. После революции патриарх Московский Тихон, резко осудивший политику большевиков, временно перевел Русскую миссию в Пекине под юрисдикцию РПЦЗ и одновременно создал две новые епархии — Шанхайскую и Тяньцзиньскую. Они более или менее подчинялись власти миссии, а не напрямую РПЦЗ (в отличие от Маньчжурской епархии). Главой Шанхайской епархии миссия поставила одного из своих иерархов — епископа Симеона (позже он стал архиепископом)³⁵. Однако власть Русской миссии была слабой, и белые русские, обосновавшиеся в Шанхае, часто действовали независимо от нее.

Новоприбывшие русские офицеры Союза военнослужащих российских армии и флота во главе с генералом Глебовым основали домовую военно-приходскую церковь во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца (освящена в декабре 1924 года), в январе 1927 года церковь была перенесена в другое, более просторное помещение на первом этаже особняка, в котором прочие помещения занимали Союз военнослужащих и благотворительные организации эмигрантов. В церкви были киоты-памятники императорам российским Александру II и Николаю II. Храм изначально имел благоговение Русской миссии в Пекине, но в этом же году возник конфликт с епископом Шанхайским Симеоном, и в 1927 году тот распорядился закрыть храм³⁶. Позже ссора закончилась замирением, но она наводит на мысли, что церковные отношения между Шанхаем и Пекином едва ли складывались гладко*.

В 1934 году в Шанхае появился новый иерарх — епископ (позднее архиепископ) Иоанн (Максимович), русский сербского происхождения, родившийся в 1896 году в Харьковской губернии. До того, как стать священником, епископ Иоанн, энергичный и харизматический деятель, которого РПЦЗ впоследствии канонизировала под именем Святого Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, получил военное образование и диплом юриста; в пору, когда его назначили епископом Шанхайским, он служил в Югославии в монастыре.

* Следует уточнить, что современник событий В. Д. Жиганов пишет, что церковь стала Харбинским подворьем после того, как митрополит Харбинский Мефодий (Герасимов) согласился принять храм в свою юрисдикцию. В храме, еще находившемся под запретом, продолжались службы, которые проводил заштатный протоиерей Пекинской епархии о. Александр Пиняев, посчитавший, что запрет был наложен необоснованно. В 1932 году, после смерти Мефодия, храм принял митрополит Западноевропейских русских православных церквей Евлогий (Георгиевский) (В. Д. Жиганов. *Русские в Шанхае*. Шанхай, 1936. С. 41–42). Священник Дионисий Поздняев считает, что фактически был оформлен классический церковный раскол (Дионисий Поздняев. *Православие в Китае. 1900–1997*. М., 1998. С. 53–54). Однако действительно, именно приход этого храма инициировал строительство нового Свято-Николаевского храма-памятника императору Николаю II и его семье во Французской концессии. В его строительстве активное участие принимали те же генерал-лейтенант Ф. Л. Глебов и епископ Симон (Виноградов), который запретил службы в первом храме Св. Николая. (Прим. ред.)

Это повышение в сане примечательно тем, что назначение сделала непосредственно РПЦЗ, выбрав своего человека, не имевшего никаких связей с пекинской миссией. Приезд Иоанна оживил православную церковь в Шанхае, несмотря на его непрестанные конфликты с епископом Виктором и пекинской миссией. Он отправлял ежедневные богослужения и энергично руководил строительством нового большого Богородицкого собора, который возводили на рю Поль Анри во Французской концессии³⁷.

Большинство русских эмигрантов в Шанхае жили во Французской концессии, и многие дети из шанхайских и тяньцзиньских русских семей росли полиглотами, “частично англоязычными или американизированными” из-за посещения английских, французских или американских школ. Игорь Нестеров (будущий председатель Русского клуба в Сиднее) ходил в английскую школу, а Наташа Сейфуллина (дочь Леонида) с пяти лет ходила во Французский муниципальный колледж, где в середине 1930-х годов учились 100 русских детей. В другой французской школе, Эколь Реми, был целиком русский состав учащихся (всего 350 человек), а преподавательский коллектив полностью состоял из французов. Сэм Мошинский учился сначала во французской школе, потом в британской, и после того, как в конце 1940-х она закрылась, в Шанхайской еврейской школе, основанной сефардом-миллионером³⁸. Но были русские родители, которые не желали, чтобы их дети говорили по-английски лучше, чем по-русски, своих детей они отправляли учиться в русские школы — например, в Реальное училище на Юлинь-роуд или в гимназию для девочек Лиги русских женщин³⁹. Эти же школы посещало небольшое количество китайцев, и Ларри Сицкий, учившийся в русской школе в Тяньцзине, подружился с несколькими из них. Другие русские в Тяньцзине, в том числе Гэри Нэш, ходили в марианский колледж Святого Людовика, где обучение велось на французском и английском языках⁴⁰.

По-видимому, шанхайские русские дети знали друг друга независимо от того, в какие школы ходили. Наталья Сейфул-

лина вспоминала: “Мы все чувствовали себя русскими, несмотря на то, что учились в разных иностранных школах”. Когда приходило время поступать в университеты, выбирать приходилось между англоязычными и франкоязычными заведениями. Многие останавливали выбор на шанхайском Французском университете “Аврора”, которым управляли иезуиты: там учились Наталья Сейфуллина и Игорь Нестеров. Другие русские студенты получали образование в американском протестантском университете Святого Иоанна. В Тяньцзине был даже престижный китайский университет, где преподавание велось на китайском языке, и там училась небольшая часть русской молодежи. Это был Государственный университет политических наук, главной задачей которого была подготовка кадров для Гоминьдана; среди студентов этого заведения были Михаил Чуркин (позднее сменивший Нестерова на посту председателя Русского клуба в Сиднее) и по меньшей мере семь других русских, впоследствии эмигрировавших в Австралию⁴¹.

В 1930-е годы в прибрежном Китае было очень популярно скаутское движение. Отряды скаутов набирались по принципу национальной принадлежности и несли на себе печать воинственного национализма организаторов. В начале 1934 года под влиянием фашизма развивался китайский национализм, Гоминьдан начал “движение за новую жизнь”, в школах и колледжах развернули деятельность активисты-синерубашечники, стали формироваться скаутские отряды с упором на физическую подготовку и повиновение, появилась особая скаутская форма⁴². Русские и русско-еврейские скауты не имели сколько-нибудь явных связей с китайским националистическим движением (если у них и были какие-либо иностранные связи, то чаще всего с британцами), однако между ними обнаруживалось поразительное сходство и духа, и видов деятельности. В начале 1920-х годов в Шанхае уже действовали две русские скаутские организации, которые давали детям физическую подготовку, а еще “внушали им чувство патриотизма и любви к родине”. Национальная органи-

зация русских разведчиков (НОРР) была учреждена в Шанхае в начале 1937 года, к этому событию приурочили богослужение в русском соборе, вывесили знамя со словами “С нами на битву за Россию”. Соперницей НОРР была НОРС — Национальная организация русских скаутов. Шанхайский Казачий союз настоятельно рекомендовал всем родителям-казакам отдавать детей в одну из двух этих организаций⁴³.

Наталья Сейфуллина знала множество своих сверстников из русских скаутских отрядов, хотя они ходили в разные школы. Михаил Плеханов, будущий лидер русских скаутов в Австралии, стал скаутмастером в НОРС после прибытия в Шанхай в 1927 году. В Тяньцзине Анатолий Коновец, учившийся в марианской школе, вступил в НОРС. Скаутмастером его отряда был Володя Верстак (чья дочь Таня в будущем станет первой мигранткой, которая победит в конкурсе “Мисс Австралия”), и один из скаутских вожатых познакомил Анатолия с подпольным антикоммунистическим движением НТС, который в дальнейшем во многом определит его жизненный путь⁴⁴.

Еврейским аналогом русских скаутских объединений был “Бейтар” — международная организация, причем некоторым она запомнилась просто как еврейская молодежная группа в Китае, другие же вспоминали о ее воинственной сионистской идеологии. Члены “Бейтара”, как и участники всех прочих национальных молодежных объединений, носили особую форму и вырабатывали в себе физическую выносливость и дисциплинированность. После 1943 года, чтобы избежать неприятностей со стороны новых японских властей, от военной подготовки (которая прежде была важной частью деятельности “Бейтара”) пришлось отказаться, но футбол, баскетбол, бокс, теннис, плавание, танцы, концерты камерной музыки и театр на идиш остались в программе юных бейтаровцев. (Два последних вида деятельности свидетельствуют о том, что сходство еврейской молодежной организации с русской было не полным.) Шанхайское отделение “Бейтара”, членом которого был Сэм Мошинский, внушало воспитанникам

крепкую солидарность с “Иргун” — подпольной военизированной группой еврейского сопротивления, которая действовала в Палестине в период британского мандата. Ларри Сицкий тоже состоял в “Бейтаре” — сначала в Тяньцзине, потом в Сиднее, и поддерживал связи с другими бывшими членами организации, уехавшими затем из Австралии в Израиль⁴⁵.

Летом русские, где бы они ни находились, любят жить на даче, и шанхайская община не была исключением. В 1936 году 2000 шанхайских русских проводили летние отпуска в Циндао, в 500 километрах к северу от Шанхая, на побережье Желтого моря. В энциклопедии довоенного русского Шанхая, составленной Жигановым, четыре страницы были отведены фотографиям довольных русских купальщиков, резвившихся на пляжах Циндао. Другие (как, например, семья Гэри Нэша) предпочитали пляж Петайхо в 250 километрах к северо-востоку от Тяньцзиня. Были и другие курорты, куда ездили представители русской общины, или “русской колонии”, как предпочитал выражаться один автор, публиковавший дневниковые заметки в *North-China Daily News*, таким образом вводя русских в ту квазиимперскую орбиту, по которой вращались британцы и американцы в Китае. Юная Елена Слуцкая, выпускница харбинской гимназии, чей отец был директором оперного театра, стала победительницей первого конкурса красоты, проведенного в Шанхае, обойдя всех остальных участниц (вероятно, уроженок западных стран), и получила в качестве приза автомобиль “Бьюик”. Русский Шанхай славился и своей бурной культурной жизнью: там было общество любителей водевиля, балетная труппа и музыкальное общество. На русском языке издавались шесть газет, в том числе “Шанхайская заря”. Работали русские книжные магазины, а еще книги на дом можно было брать из библиотеки А. П. Малыка и В. П. Камкина; позже, уже после войны этот библиотечный фонд переместился в Вашингтон, округ Колумбия, и под названием “Магазин русской книги Виктора Камкина” верой и правдой прослужил не одному поколению советологов, в том числе и мне⁴⁶.

В Шанхае наступила эпоха джаза, и в центре джазового бума находились русские музыканты. Европейские рестораны и гостиницы нанимали почти исключительно русских музыкантов. Русские, жившие в Шанхае, считали, что их город во многом превосходит Харбин, особенно в 1930-е годы, потому что там было “больше развлечений, больше жизненных удобств”. Среди русских джазистов, прославившихся в 1930-е и 1940-е годы в Шанхае, было много бывших харбинцев. Сергей Ермолаев заключил контракт с танцевальным залом *Paramount*, а позже выступал с джазовым октетом в отеле “Мажестик”. Вместе с Мики Кэем (еще одним харбинцем) Ермолаев выступал в отеле “Катя”, а после войны — в Клубе американских офицеров. Мики Кэй (настоящее его имя — Дмитрий Киреевский) был женат на дочери казака-антикоммуниста Аркадия Пикара. Это наглядный пример того, как пересекались два мира — джазовых ночных клубов и русского военного патриотизма, — что за пределами Шанхая выглядело бы весьма необычно. В отеле “Астор Хаус” в квинтете Авеля Бершадского играл на контрабасе Борис Усыскин (который позже успешно преодолеет ограничения австралийского Союза музыкантов, куда обычно не принимали мигрантов). В Шанхае был даже еврейский джаз-клуб, которым заведовал В. Марголинский⁴⁷.

Если говорить о классической музыке, русские музыканты блистали в Китайской национальной консерватории, созданной в 1927 году на базе Шанхайской национальной консерватории⁴⁸. В 1933 году из Харбина приехал Василий Томский со своей театральной труппой, и в книге-альбоме Жиганова “Русские в Шанхае” его фото занимает целую страницу: режиссер и “лучший артист” Русского драматического театра Томский (его настоящее имя Василий Москвитин) красуется там в заливчатски надетой шляпе. Среди ведущих актеров труппы Томского был скандально знаменитый русский шпион, работавший сразу на несколько спецслужб, — Евгений Кожевников, выступавший на сцене под псевдонимом Юджин Хованс. Многоликий агент разведки, он был

столь же многолик и в Шанхайском театре, где его знали как “помощника режиссера, артиста, оперного певца и балетного танцовщика”⁴⁹.

Книга-альбом “Русские в Шанхае” объемом около трехсот страниц, красиво оформленная, с роскошными иллюстрациями и в кожаном переплете, прославляла русский Шанхай в пору его наивысшего расцвета и со временем превратилась в своего рода книгу-мемориал. Хотя первоначально сам Жиганов замыслил это издание как коммерческое предприятие, вскоре он задумался о необходимости создать исторический памятник русской диаспоре, рассказать об “исходе русских из коммунистической России и об их извилистом пути в Шанхай, об их борьбе за выживание, их недюжинной уверенности в собственных силах и стойкости перед лицом бесправия и бедности”. Написанная местами своеобразным и одновременно выпяченным слогом, эта книга дает представление о выдающихся достижениях русских эмигрантов в области торговли и искусства, но даже вскользь не упоминает ни о множестве проблем русской общины в Шанхае (например, о нищете, преступности и алкоголизме), ни о раздиравших диаспору политических распрях⁵⁰.

Война и японская оккупация

В 1937 году началась Японо-китайская война. Японцы оккупировали Шанхай, Тяньцзинь, Пекин и Нанкин, столицу правительства Чан Кайши. Партия Гоминьдан перенесла свою столицу в Чунцин, вглубь страны, а Мао повел коммунистическое войско на Яньань. Не успев установить контроль над всей страной, японцы вступили во Вторую мировую войну, атаковав в декабре 1941 года Пёрл-Харбор. С того момента все китайские дела отошли для Японии на второй план, и можно сказать, что конфликт с Китаем зашел в тупик и оставался на мертвой точке до самого конца Второй мировой войны.

Битва при Шанхае, начавшаяся в августе 1937 года, длилась три месяца, и в ней китайские войска, защищавшие город, потеряли 300 тысяч человек. Русские в этом сражении не участвовали, но война была кровавой и страшной и сопровождалась масштабными разрушениями городской инфраструктуры и жилых домов, особенно в китайских районах; в итоге международные поселения оказались наводнены беженцами⁵¹.

Последовавшая японская оккупация многое изменила, хотя поначалу эти изменения были не столь заметными, как ожидалось, и намного менее заметными, чем в Маньчжурии. Международное поселение как юридический субъект было ликвидировано (хотя благоразумные японцы позволили и дальше функционировать некоторым элементам прежней администрации, включая полицию), а вслед за ней в июле 1943 года прекратила существовать и Французская концессия. Но захват японцами административных структур происходил “медленно, с соблюдением юридических формальностей и подobaющих приличий”, и белые русские в Шанхайской муниципальной полиции даже выиграли от происходивших перемен, так как их присутствие “впервые получило должное признание”, и, вероятно, это признание сопровождалось соответствующими повышениями по службе⁵². Коллаборационизм был в приморских городах самым обычным делом: с японскими оккупантами сотрудничали и китайцы, и члены международного сообщества. Жившие в Шанхае иностранцы чаще всего относились к японо-китайскому конфликту с безразличием, да и война в Европе казалась им чем-то очень далеким, несмотря на приезд тысяч еврейских беженцев из Центральной Европы. Странная изоляция Шанхая от Второй мировой войны длилась и после того, как военные действия перекинулись на Азию и Тихоокеанский регион. По (неодобрительному) мнению французского историка Мари-Клер Бержер, белые русские относились к тем иностранцам, которые “вообще не испытывали никаких патриотических чувств” и придерживались “приспособленческой стратегии, которая гибко менялась день ото дня, в зависимости от обстоятельств”⁵³.

Хотя после смены власти перед некоторыми русскими в Шанхае открылись новые экономические и даже профессиональные возможности, при японцах качество жизни в городе резко снизилось из-за стремительного роста преступности. Участились вооруженные нападения на улицах, заказные убийства, случаи всевозможного вымогательства, расплодились игорные дома и опиумные притоны. Перестрелки между бандитами среди бела дня перестали быть чем-то диковинным, и бывало, что в автобус заходили грабители с пистолетами наготове и заставляли пассажиров выворачивать карманы. Как писал старейший иностранный корреспондент Перси Финч, то была “эпоха вооруженных телохранителей, бронированных автомобилей, пуленепробиваемых жилетов и уличных долговременных огневых сооружений”. Частные армии, где служили “тысячи китайцев, белых русских и чалмоносных сикхов... обрели колоссальную важность, потому что полиция никак не справлялась с ситуацией”. Другой журналист описывал Шанхай военной поры как “стихию, где царили порок и насилие, где крикливая роскошь резко контрастировала с невероятной нищетой, где крутились рулетки, звучали выстрелы и разносились жалобные голоса попрошайек”. В пору, когда люди жили в “состоянии непрекращающейся тревоги и перемещений”, Шанхай превратился в “неуютный город, полный беженцев и преступников”⁵⁴.

Белым русским жилось при японцах сравнительно благополучно. В отличие от британцев, французов и американцев они не были гражданами страны, находившейся в состоянии войны с державами Оси, и даже их родина, звавшаяся теперь Советским Союзом, не вступала в войну с Японией вплоть до 1945 года⁵⁵. Всем приходилось так или иначе сосуществовать с японцами, которые с самого начала не столько отдавали предпочтение иностранцам, сколько приучали к дисциплине китайцев, но для кого-то оккупационный режим и создавал новые возможности. Некоторые предприниматели из числа русских евреев (как, например, отец Гарри Тригубова) наживались благодаря махинациям на черном рынке и сложным

связям с японскими властями (впоследствии австралийские иммиграционные службы будут называть эту деятельность “подозрительной”). Не менее подозрительный мир сотрудников спецслужб переориентировался на связи с японской разведкой: теперь Евгений Кожевников работал не только на СССР, но и на японцев, а может быть, еще и на немцев; он не только собирал и передавал данные о русской общине, но и занимался политической деятельностью по распоряжению своих кураторов внутри нее (или по собственному желанию), а также имел связи с теми, кто занимался шантажом и вымогательством. В 1943 году вместе с одним харбинским журналистом из Русского фашистского союза Кожевников основал прояпонский антисемитский русскоязычный журнал “Накануне”, где публиковал свои работы под псевдонимом Пик. Особое отделение Шанхайской муниципальной полиции в Международном поселении, продолжавшей работать в течение всего периода японской оккупации, вело наблюдение за русской диаспорой: их информатором был главный инспектор А. Прокофьев, которого британцы и американцы очень уважали за порядочность и способность к посредничеству⁵⁶.

Русским приходилось учиться жить вместе с японцами, но не все делали это с одинаковым энтузиазмом. Художник из белых Николай Кощевский, живший в 1937 году в Тяньцзине, когда туда пришли японцы, а позже в Даляне, решил увековечить русско-японскую дружбу и написал картину “Самурай и богатырь”. Это полотно изображало русского богатыря, простиравшего руку в сторону целого войска самураев, которое приставало к берегу на корабле, а на дальнем плане виднелось восходящее солнце. Художник лично отправил свое произведение императору Хирохито, и его выставили в Токио. Однако Кощевский сам положил пределы этой дружбе: когда один японский генерал устроил встречу с ним наедине и попросил его шпионить за местными русской, английской и немецкой общинами, художник в панике бежал в Харбин. Оставив жену и дочь в Даляне на попечение ата-

мана Семенова, он прожил целый год в одиночестве, прежде чем семья смогла приехать к нему⁵⁷. Другим русским, оказавшимся в похожей неприятной ситуации, был муж одной из многочисленных тетушек Гэри Нэша, полиглот, владевший японским и китайским и работавший в Тяньцзине в китайской полиции. Когда японцы стали давить на него, требуя, чтобы он шпионил за другими русскими, он тоже предпочел бегство и уехал в Шанхай. Старший сын Семенова Вячеслав, бегло говоривший по-японски и по-французски, был отобран японцами для службы в отделе иностранных дел Шанхайской муниципальной полиции и работал там до 1944 года, докладывая о французской общине в Шанхае⁵⁸. По-видимому, такие предложения японцы делали довольно часто, и далеко не все отказывались от сотрудничества.

Притом что в русской общине в Шанхае всегда кипела внутренняя политическая жизнь, отмеченная яростным фракционным и личным соперничеством, партийная политика была выражена слабо, хотя в целом все участники разделяли идеологию антикоммунизма. Все изменилось, когда при японской оккупации произошел заметный взлет Русской фашистской партии⁵⁹. Если верить одному источнику, в 1930-е годы русская политическая жизнь оставалась несколько ограниченной из-за давления со стороны советского посла, Дмитрия Богомолова, который “требовал, чтобы администрация Французской концессии пресекала любую политическую деятельность белых русских в Шанхае”. Эти требования явно выполнялись, так как в 1933–1934 годах во Французской концессии, где и жило большинство русских, принимались соответствующие меры⁶⁰. Однако после прихода японцев положение менялось, причем в целом в пользу русских фашистов, поскольку на горизонте попросту не было никакой другой организованной русской политической силы.

Но появился и новый фактор, который влиял на политические взгляды общины. Русские в Шанхае имели возможность следить за ходом войны в Европе, и это привело к росту патриотических настроений среди шанхайских русских

и к росту поддержки СССР. Японцы не поощряли эту тенденцию, но и не предпринимали ничего такого, что могло бы ей препятствовать. Прежнее засилье ностальгического монархизма, которому было привержено старое поколение эмигрантов, уступило место неугасающему конфликту между фашистами (сторонниками держав Оси), занявшими роль лидеров антикоммунистического движения, и теми русскими, кто с недавних пор стал симпатизировать Советскому Союзу (а некоторые представители этого лагеря даже подумывали о возвращении на родину). Считалось, что во второй группе преобладали русские евреи, и потому в белом антикоммунизме нового толка прорезались более резкие антисемитские ноты.

Русская фашистская партия существовала в Харбине с начала 1930-х годов, но наиболее заметной ее деятельность стала в Шанхае в период японской оккупации. Фашисты обзавелись штаб-квартирой на авеню Жоффр во Французской концессии и действовали на протяжении всей Второй мировой войны, всячески выражая солидарность с державами Оси. Руководство партии находилось в теплых отношениях с японскими военными, и эти их связи, вероятно, уменьшали популярность фашистов в Шанхае, где “белые русские, менее одержимые контрреволюцией, чем их соотечественники в Харбине, различали за спиной этой организации твердую руку японских военных”. Но, конечно, фашисты умели мутить воду и всячески обозначать свое присутствие в белом русском сообществе, о чем и свидетельствуют донесения в архиве Шанхайской муниципальной полиции⁶¹.

Поначалу Тяньцзинь оказался более благодатным местом для фашистов, чем Шанхай. После того как в августе 1937 года город оккупировали японцы, жизнь русской общины регулировалась Антикоммунистическим комитетом, в точности повторявшим маньчжурское Бюро по делам русских эмигрантов (БРЭМ). Председатель комитета, казак Е. Н. Пастухин вместе с Ушаковым, лидером тяньцзиньской ячейки Русской фашистской партии, выпускал

прояпонскую газету “Возрождение Азии”. Поскольку для получения удостоверений личности требовалось одобрение комитета, “возникло обширное поле для запугивания людей и вымогательства взяток”. Солидаристская идеология фашистов сближала их с воинственной антисоветской организацией НТС, также имевшей своих представителей в Тяньцзине. (В 1938 году молодой русский антикоммунист Анатолий Коновец из Тяньцзиня получил от НТС первое задание: доставить чемоданы с агитационными материалами с восточного побережья Китая в Харбин для дальнейшей контрабандной переправки в СССР⁶².)

Тем не менее Шанхай был центром, куда стекались харбинские фашисты вроде генерала Ивана Цуманенко и генерал-лейтенанта Владимира Косьмина. Туда переехала и редакция харбинского фашистского ежедневника “Наш путь” — начиная с 1941 года газета выходила в Шанхае как еженедельник⁶³. Это издание стало рупором нового примечательного деятеля, появившегося на русской фашистской сцене, — Михаила Спасовского, который после войны эмигрирует в Австралию. Спасовский, родившийся в 1890 году в Петербурге, стал видным идеологом русского фашизма и перевел на русский язык книгу Гитлера “Майн кампф”. До отъезда в Китай в 1940 году он жил в Тегеране и работал архитектором. В Шанхай он приехал под протекцией японцев и занял должность начальника Главного управления Всероссийского фашистского союза, то есть формально встал выше Родзаевского на иерархической лестнице фашистского движения, хотя понятно, что так или иначе они взаимно согласовывали свою работу⁶⁴. В 1935 году, когда в Русский эмигрантский комитет избрали недавно приехавшего из Харбина Косьмина, там уже присутствовали фашисты, но их влияние значительно возросло с июля 1941 года, когда при комитете был создан Идеологический центр для противодействия советской пропаганде и “сплочения и переориентации националистических идей в русской общине”. Возглавлял новый центр Спасовский⁶⁵.

Еженедельные собрания фашистов по вечерам в понедельник на Вейхайвей-роуд, проходившие под внимательным взглядом Прокофьева из Шанхайской муниципальной полиции, внешне выглядели вполне безобидно. Проводились беседы о фашистской идеологии (выступал часто Спасовский), концерты, устраивались танцы, однажды даже была разыграна пьеса в четырех действиях “Затмение красной звезды”, в которой представлялось свержение советского режима⁶⁶. Демонстрировались немецкие документальные ленты о сражениях на Восточном фронте. Эти мероприятия собирали до 300 человек, иногда приходил с благословением епископ Иоанн. Все это происходило и с одобрения японцев, хотя они и не предоставляли русским фашистам полную свободу действий, и те из всех сил стремились не утратить расположения оккупационных властей. На банкете, который состоялся в 1942 году в здании Казачьего союза, присутствовали японские официальные лица, представители нацистов и итальянских фашистов и епископ Иоанн. Выступавшие выражали благодарность японским властям “за неизменно дружеское отношение к русскому фашистскому движению”, а также “солидарность с державами Оси в их борьбе против коммунизма”. Фашисты были не единственными на этом мероприятии, кто рассыпался в похвалах японцам: присутствовали там и видные деятели русской общины из белых, например, капитан Николай Фомин и генерал Глебов — они произносили тосты в честь императорской армии Японии⁶⁷.

Пока русские правые смотрели документальные фильмы, показывавшие европейскую войну глазами немцев, в шанхайском Советском клубе регулярно демонстрировали советские документальные ленты. Появление внутри белой русской диаспоры в Китае хотя бы некоторой левизны стало чем-то совершенно новым на политической сцене. Конечно, это была левизна не социалистическая, а просоветская. В 1932 году Китай восстановил дипломатические отношения с СССР (после разрыва в 1927 году), в Шанхае открылось советское консульство, а в 1937 году оно инициировало создание Клуба совет-

ских граждан (позже его называли просто Советским клубом), который пользовался огромным успехом и продолжал расширять свое влияние даже на тех, кто не придерживался левых взглядов. Среди тех, кто присутствовал на торжественном открытии клуба в марте, был и советский консул, а в концертной программе выступал один из самых знаменитых артистов белой эмиграции — Александр Вертинский, живший в Шанхае с середины 1930-х годов⁶⁸. Несмотря на название клуба, посещать его могли не только советские граждане, но и те, кто подумывал о получении гражданства СССР, и просто все, кому нравились проходившие там мероприятия.

Если верить одному китайскому историку, даже в 1930-е годы в Шанхае присутствовало небольшое количество красных русских, а с 1933 года советское консульство в Шанхае принимало заявления на получение советских паспортов от русских, заинтересованных в репатриации. Интерес к возвращению на родину рос, хотя с ноября 1937 года Советский Союз перестал работать с такими запросами — очевидно, из-за закрытия консульства после оккупации Шанхая японцами. В 1937 году был создан Союз возвращенцев, объединивший тех русских, кто подал заявки на получение советских паспортов, но пока не мог репатрироваться. В 1940 году в союзе состояло около 500 человек, а одним из инициаторов его создания был поэт Николай Светлов, ранее входивший в харбинский литературный кружок “Чураевка”⁶⁹.

Празднование годовщины революции (7 ноября) просоветски настроенными русскими вызывало враждебную реакцию белых, которые завели обычаем проводить в этот день панихиды в церкви, скорбя об утрате родной страны. В годы войны — и когда Германия только напала на СССР, и позже, начиная с 1943 года, когда начали приходить известия о переломе на фронте и первых победах СССР, — среди эмигрантов начался подъем патриотического духа, и многие всей душой встали на сторону советских воинов. Даже белые русские внутренне разрывались, и в Шанхае начиная с 1941 года велись жаркие споры о том, кто же враг России. Шанхайские

русские потянулись к Советскому клубу, где можно было почитать газеты и посмотреть фильмы из СССР. Особенно часто в стан тех, кто радел за победу СССР в войне, переходила эмигрантская молодежь⁷⁰. Рассказывали, что сотни белых русских, стоявших на учете в Русском эмигрантском комитете, уже в 1941 году обратились в советское посольство в Токио с заявками на получение советского гражданства, а за период с 1941 по 1945 год в Шанхае получить гражданство СССР выразили желание около 2 000 русских⁷¹.

Со временем становилось все яснее, что главной идейной альтернативой и соперницей фашизма в русской диаспоре становится ориентация на СССР. Одна мемуаристка из среды белых русских вспоминала, что в годы войны в Шанхае сильно ощущалось советское влияние и что она и ее родственники ходили в Советский клуб поиграть в футбол. Элла Маслова, чьи родители, русские евреи, получили гражданство СССР, вспоминала, что “в годы войны между Германией и Россией среди русских царил сильнейший патриотический дух”. Некоторые люди, которым не нравилась эта новая тенденция, заявляли, будто в Советский клуб ходят одни евреи — думается, таким образом они просто выплескивали свой антисемитизм. В любом случае, в клуб ходили не только те, кто симпатизировал Советскому Союзу. Его завсегдатаем был и Сэм Мошинский: вместе с русским другом, Алексом Виноградовым, они ходили туда каждое воскресенье смотреть советские кинохроники о боях на фронте: “Эти фильмы, конечно, не заменили «Тарзана» [которого больше не показывали на шанхайских киноэкранах], но походы в Советский клуб давали возможность заводить новых друзей и хоть как-то развлекаться”⁷².

Был даже один перебежчик в Советский клуб из числа лидеров русского эмигрантского сообщества. Лейтенант Алексей Чибуновский, выпускник Московского инженерного института, перебравшийся в Шанхай из Харбина в 1930 году, основал там строительную фирму и вполне преуспевал. Он казался воплощением белой русской респектабельности: ак-

тивный член Русского эмигрантского комитета, вхожий в круг генерала Глебова, националист с документами “лица без гражданства”, председатель Общества русских коммерсантов и промышленников, член Офицерского собрания в 1930-е годы. В 1936 году его биография с фотопортретом удостоилась целой страницы в книге-альбоме Жиганова “Русские в Шанхае”. Как один из видных деятелей белой эмиграции, приглашенных на банкет для японцев в Казачьем союзе в 1942 году, Чибуновский был председателем Русского клуба по адресу авеню Фош, 1053. В этом заведении собирались преимущественно предприниматели, в начале 1940-х членов клуба насчитывалось более пятисот, но даже там явно зарождался патриотизм с просоветским уклоном. Клуб подвергся резкой критике со стороны фашистской газеты за то, что позволял ставить в своем помещении пьесы “китайского Пролеткульта”. Это случилось примерно тогда, когда над клубом нависла угроза: его хотел прибрать к рукам алчный до денег Русский эмигрантский комитет, так что можно не сомневаться, что эти нападки стали частью очернительной кампании, направленной против Чибуновского. В числе прочего его обвиняли в недостатке добросовестности в делах, а еще называли одним из русских “любителей еврейства” и уличали в регулярных посещениях шанхайского Еврейского клуба⁷³. Однако Чибуновский выдержал этот шквал нападков, и в течение военных лет и он, и Русский клуб (куда изредка заходил неугомонный епископ Иоанн) оставались частью белоэмигрантской общины. И все же представляется, что сомнения в лояльности Чибуновского белой идее не были совсем уж беспочвенными. В 1945 году Чибуновский переметнулся в Советский клуб и стал его председателем, а спустя несколько лет выразил желание репатриироваться в СССР⁷⁴.

Столкновения между белыми и красными порой выливались в насилие. В ноябре 1939 года бомбометатели (вероятно, фашисты) атаковали учреждения и людей, имевших связи с СССР: в том числе Клуб советских граждан на авеню Фош, его вице-председателя Дж. Дж. Друри в его частном

доме по адресу авеню дю Руа Альбер, 343, агентство по прокату советских фильмов на Бабблинг-Уэлл-роуд и Союз репатриации в СССР на Лав-лейн. А в январе предыдущего года были брошены пять бомб “в советские и коминтерновские гнезда” в Шанхае. Одним из получателей этого “новогоднего подарка” стал Николай Светлов — организатор Союза возвращенцев, который работал журналистом в русской газете, пользовавшейся поддержкой советской стороны, и, по словам его противников, “продался большевикам”⁷⁵.

В Шанхае в конце 1930-х и в 1940-х годах насилие служило “главным способом действия” политических групп, сотрудничавших с японцами: это был контртерроризм, направленный против терроризма, к которому прибегали подпольные националистические и коммунистические сети⁷⁶. Частью этой политической практики стали политические убийства, и Русский эмигрантский комитет потрясли два убийства, произошедшие одно за другим: в августе 1940 года террористы расправились с председателем комитета Карлом Мецлером, а уже в следующем году — с его преемником Николаем Ивановым. Мецлер погиб от рук китайца-наемника, заказчики так и остались неизвестными. Однако подозрения падали на группу “мысливших о благе нации” правых деятелей, к которым принадлежали генерал-лейтенант Косьмин, недавно приехавший из Харбина, и другой бывший харбинец, генерал Иван Цуманенко, “старый русский военачальник с репутацией рыцаря”, который, по мнению многих, мог бы взять на себя роль лидера⁷⁷. Иванов, до того как пасть очередной жертвой террористов, побуждал Шанхайскую муниципальную полицию выяснить, не стоял ли за убийством Мецлера кто-либо из русской общины, и можно уверенно предположить, что главным подозреваемым в его глазах был именно Косьмин⁷⁸.

В 1942 году британских, американских и французских резидентов интернировали, и это улучшило положение русских: жили они в основном во Французской концессии и Международном селтльменте, и теперь они остались там практически одни. Семья Эллы Масловой получила самую ощу-

тимую выгоду: предложение от шанхайских властей временно пожить в доме с садом, принадлежавшем интернированным иностранцам⁷⁹. Однако экономическое положение Шанхая в годы войны ухудшилось. Город сталкивался с серьезными проблемами из-за торговой блокады, введенной американцами, и активных реквизиций, проводившихся японцами. Были урезаны бюджетные расходы на общественный транспорт, случались перебои с электричеством, росла безработица. Ввели продуктовые карточки, хотя система распределения буксовала и потому процветал черный рынок⁸⁰. Дефицит и спекуляции на черном рынке всегда кого-то обогащают, и в данном случае в выигрыше оказались некоторые предприниматели из числа русских евреев. Как вспоминал Сэм Мошинский, даже когда японцы захватили компанию *American Hazelwood*, производившую мороженое, для которого делала картонные коробки шанхайская фабрика его деда, финансовым делам Мошинских это не нанесло ни малейшего ущерба. В Тяньцзине, “как только британцы и американцы остались не у дел, Тригубовы и другие русские воспользовались удобным случаем и заняли освободившуюся нишу в торговле и внутри Китая, и за его пределами. Моше [отец Гарри] открыл четыре новых магазина и вложил изрядную часть имевшихся у него денег в строительство... Тригубовы купили новый дом попросторнее, где у каждого из детей появилась отдельная комната, и автомобиль”. Это был период, когда русские евреи временно оказались в лучшем положении, чем более богатые и давно уже обжившиеся в Шанхае сефарды, потому что у многих сефардов были британские паспорта и потому их интернировали вместе с прочими британцами⁸¹.

Положение шанхайских евреев осложнилось с прибытием почти 20 тысяч еврейских беженцев из Центральной Европы, чей приезд объяснялся тем, что Шанхай был одним из очень немногих мест в мире, куда разрешалось свободно въезжать лицам без гражданства. В 1941 году большинство новоприбывших жили в бедности в районе Хункоу, лишь меньшинство поселилось во Французской концессии и в Между-

народном сеттельменте, где обитало большинство русских евреев. Шанхайские миллионеры из числа багдадских евреев, вроде Горация Кадури, оказывали новичкам щедрую помощь, а вот русские евреи относились к ним демонстративно прохладно — во всяком случае к беженцам из Германии, которые, как считалось, были о себе более высокого мнения, чем о восточноевропейских евреях. Раввины немецких евреев придерживались более либеральной веры, чем консервативные выходцы из России (главный русский раввин даже пытался запретить либеральным раввинам проводить службы в синагогах). Более дружелюбный прием русские евреи оказали своим собратям из Польши, но в целом их финансовая помощь беженцам была незначительной, и основное бремя заботы о них легло на американский Джойнт⁸².

Приезд беженцев обострил антисемитские настроения среди белых русских из-за возросшей экономической конкуренции, и отношения между ними и местными евреями день ото дня становились все хуже. Фашистская газета “Наш путь” опубликовала анонимное письмо, адресованное главному редактору, с подстрекательским заголовком “Нельзя ли обойтись без жидов?” Его автор возмущался тем, что ново-прибывшие еврейские беженцы без очереди лезут в русскую общественную столовую. В другом письме — уже не анонимном, а подписанном одним из ближайших товарищей Спасовского, — автор сожалел о том, что в амбулаторной клинике при русской больнице на улице Мареска позволено работать врачам-евреям — Е. Левину и И. Н. Витенсону. Однако этому антисемитскому залпу вскоре ответил встречный выстрел: в газете “Новое время”, редакция которой была близка к руководству Русского эмигрантского комитета, отнеслись к такому выпадку резко негативно и отметили, что доктор Витенсон успешно вылечил горло великому русскому певцу Федору Шаляпину, когда тот приезжал на гастроли в Шанхай⁸³. По словам одного историка, после этого эпизода русская община подвергла Спасовского своего рода остракизму: он сделался изгоем и для Русского эмигрантского комитета, и даже

для епископа Иоанна, а потом под давлением японцев ему пришлось значительно ослабить свою антисемитскую риторику. Впрочем, по-видимому, это все равно не защитило Левина и Витенсона: в составленном в августе 1943 года списке врачей, работавших в русской больнице, их фамилии уже не значились⁸⁴.

В конце 1941 года украинские и еврейские организации в Шанхае были приведены в подчинение Русскому эмигрантскому комитету⁸⁵. В том же году комитет, ссылаясь на финансовые затруднения, обложил русских эмигрантов еврейского происхождения “добровольным налогом”. Разумеется, еврейская община оспорила этот шаг и добилась компромисса, по условиям которого лишь 40 % от суммы введенного налога шло на нужды эмигрантского комитета, а остальным могла распоряжаться сама еврейская община. Новый налог удостоился неблагосклонного внимания одной русской газеты, выходившей в Нью-Йорке: о приблизительно 8–10 тысячах долларов, которые предстояло получить эмигрантскому комитету, там саркастически говорилось, что комитет “неплохо наживется на этом предприятии”. У комитета имелся мощный инструмент воздействия на шанхайских евреев (да и на всех шанхайских русских): если кто-то не вставал на учет или не уплачивал требуемых налогов, строптивцам просто не выдавали удостоверения личности, которые были необходимы в дальнейшем для получения паспортов и виз⁸⁶.

Фашисты и казаки пытались противиться ползучему советскому влиянию на русскую диаспору. Помимо участия в развернутой в октябре 1941 года кампании, агитировавшей русских родителей отдавать детей в скаутские отряды, они также предприняли попытку изгнать из Русского эмигрантского комитета “элементы, симпатизирующие советскому правительству или принадлежащие к тайным обществам”. Под “симпатизированием” подразумевалось посещение Советского клуба, благотворительных концертов, выручка от которых шла на помощь Красной армии, публикация материалов в просоветской прессе или пожертвования в советский

военный фонд (последний пункт явно всерьез тревожил Русский эмигрантский комитет, усматривавший в нем причину уменьшения собственных доходов). Под “тайными обществами” разумелось главным образом масонство, всегда бывшее мишенью для русских правых, но весьма популярное в Шанхае (масоном был, например, Мецлер, убитый председатель Русского эмигрантского комитета)⁸⁷.

Несмотря на эти угрозы, Русский эмигрантский комитет, по-видимому, все же не решился на систематическое исключение из рядов тех, кто состоял в нем на учете, всех людей, кто сочувствовал СССР, а в 1943 году по русским фашистам был нанесен удар: японцы, опасаясь спровоцировать СССР, чтобы тот не разорвал подписанный в 1941 году пакт о нейтралитете, запретили фашистской партии проводить собрания и закрыли все выпускавшиеся партией газеты, включая “Наш путь”⁸⁸. Сообщалось, что белые организации в Шанхае в годы войны теряли членов (их переманивала советская фракция), а некоторым пришлось и вовсе закрыться⁸⁹. Невозможно точно определить, каково было соотношение политических симпатий к концу войны, но, согласно проведенной 31 августа 1946 года муниципальной переписи, среди жителей Шанхая было 7 017 белых русских и 8 834 владельцев советских паспортов⁹⁰. Это наводит на мысль о серьезном расколе внутри русской диаспоры, где количество идейных противников распределилось приблизительно поровну.

Но окончание Второй мировой войны — с поражением японцев, прибытием американцев и перспективой возобновления в Китае гражданской войны между националистами и коммунистами — принесло шанхайским русским множество новых проблем, хотя и благоприятных возможностей тоже. В этой новой ситуации репатриация в Советский Союз стала не единственным выходом для тех, кто хотел уехать. Вновь открылись пути эмиграции в США, Латинскую Америку и Австралию.

Глава 5

Отъезд

В мае 1945 года Германия капитулировала, но в Китае война закончилась позже, чем в Европе. В конце лета события шли бурной чередой: в августе 1945 года Советский Союз объявил войну Японии и быстро оккупировал Маньчжурию, а США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Через несколько недель Япония сдалась, и ее капитуляция означала конец Второй мировой войны в Тихоокеанском регионе. Но перед Китаем простиралось неопределенное будущее: националисты и коммунисты собирались с силами, чтобы возобновить прерванную несколькими годами ранее гражданскую войну. Будущее, ожидавшее русских в Китае, тоже было туманным. Маньчжурию стремительно оккупировали советские войска — русские! В Шанхае и Тяньцзине водворились американцы, международные организации и шаткое китайское националистическое правительство. Уже позднее стало понятно, что так четко обрисовалось начало новой главы в истории русской эмиграции. Снова наступила пора уезжать, но не все это осознали сразу: на это требовалось время. В ту пору еще теплилась надежда, что жизнь русских в Китае снова как-нибудь наладится.

Харбин, 1945–1949

В августе 1945-го, когда в Харбин входили советские войска, им практически не оказывали сопротивления, обошлось без боев и без бомбежек. Глава православной церкви в Маньчжурии, архиепископ Харбинский Нестор, некогда (как рассказывали) почетный соратник фашистов, приветствовал советских солдат как освободителей и провел в соборе богослужение, на котором присутствовали офицеры и рядовые Красной армии¹.

Русские, охваченные патриотическим воодушевлением, выходили встречать Красную армию с цветами: ведь советские солдаты “были русскими — своими — и они принесли ощущение победы, которую харбинцы уже давно хотели отпраздновать”. По воспоминаниям Мары Мустафиной, ее мать до глубины души тронули патриотические песни, которые исполнял красноармейский ансамбль на концерте, прошедшем на харбинском стадионе. Люди заговаривали с советскими солдатами, и мало-помалу завязывались дружбы и романы. Галина Кучина, вовсе не симпатизировавшая коммунистам, вспоминала позднее о том, как это было в Хайларе: “Как только мы впервые увидели русских солдат, нас охватила невероятная радость. Тогда у меня даже в голове не промелькнуло, что это ведь та самая Красная армия, против которой воевал мой отец и боролось все Белое движение... В моих глазах это были не советские войска — а просто русские”. Отчасти эта радость объяснялась тем, что харбинцы слышали русскую речь, и русский оказался языком победы: “Хотя мы изучали русский в школе, да и дома говорили по-русски... все равно удивительно было услышать русскую речь, русские песни вот так, отовсюду”².

Русские в Харбине и Хайларе приглашали советских офицеров к себе в гости и, судя по всему, находили их близкими по духу и даже весьма культурными и обходительными людьми; пятнадцатилетней Галине особенно понравился го-

лубоглазый капитан Панченко, с которым ей довелось поговорить “о литературе и о жизни”. “Харбинцы провели немало прекрасных вечеров с советскими офицерами на концертах, в танцевальных залах или в хороших ресторанах”, — вспоминал Виктор Винокуров. Некоторые из этих офицеров — как, например, тот, что подружился со священником Ростиславом Ганом в Хайларе, — не только оказались культурными, они еще и интересовались религией. Конечно, среди рядовых солдат встречались и неотесанные мужланы, представлявшие угрозу для прохожих, но офицеры приходили на выручку своим новым харбинским друзьям³.

Для тех, кто застал первую половину 1920-х годов, когда Китайско-Восточной железной дорогой еще управлял СССР, советская власть в Харбине не была чем-то совсем новым. То были еще досталинские годы, но и сталинское лицо советской власти, показавшееся в Харбине в 1945 году, оказалось довольно добродушным. Конечно, случались аресты: первым делом схватили деятелей Русской фашистской партии и коллаборационистов, в том числе русских, записанных в отряд Асано вооруженных сил Японии. Известно, что за первый месяц пребывания в Маньчжурии Смерш арестовал 2 249 человек, в том числе 305 фашистских деятелей, 75 деятелей БРЭМа и 162 русских “изменника родины”, а также большое количество японцев из Военной миссии и полиции⁴. Среди арестованных были церковные деятели и другие религиозные лидеры⁵.

Успеху операции Смерша способствовала помощь Михаила Матковского — фашиста, хранившего регистрационные записи БРЭМа и, как теперь выяснилось, бывшего еще и советским агентом. Несмотря на тайную работу на СССР, Матковский был арестован, осужден и приговорен к десяти годам лагерей⁶. Та же участь постигла его друга Сергея Ражева (Ряжева), выпускавшего в 1930-х годах в Харбине фашистскую газету “Наш путь”: он провел почти десять лет в лагерях в Узбекистане и Мордовии, а потом работал электриком в Поволжье. (Тем временем его жена уехала

в Австралию, а сам он смог воссоединиться с ней только в середине 1970-х⁷.)

Среди немногочисленных харбинских фашистов, которые бежали вместе с японцами, когда к городу подступали советские войска, был Родзаевский. Он укрылся в Тяньцзине, прятался там несколько недель, а потом написал примечательное письмо Сталину, в котором раскаивался в том, что впустую потратил последние двадцать лет жизни на борьбу с Советским Союзом, потому что теперь он осознал, что «сталинизм — это именно то, что мы ошибочно называли «русским фашизмом»». (Можно представить себе, как это «обрадовало» Сталина!) Родзаевского, наряду с другими фашистскими лидерами, заманили в СССР, он добровольно вернулся туда и был арестован. Атаман Семенов не стал бежать при наступлении Красной армии и был вскоре арестован вместе с сыновьями и отправлен в Москву. На суде, состоявшемся в Москве 26 августа 1946 года, Семенова, Родзаевского и других приговорили к смертной казни за шпионаж в пользу Японии (фактически за пособничество японцам) и вооруженную борьбу против советского государства. Родственники Семенова попали в лагеря, хотя его младшей дочери Елизавете (которой в момент ареста отца было 11 лет*) позднее все-таки удалось уехать в Австралию, где она жила вместе с мужем, Николаем Михайловичем Явцевым⁸.

По советским меркам, аресты, прокатившиеся волной по Харбину с началом советской оккупации, были адресными и относительно мягкими, их никак нельзя было сравнивать с массовыми арестами и расстрелами вернувшихся харбинцев в СССР в 1937 году. Эмигрантов, не занимавших официальных должностей, чаще не арестовывали, а вызывали в Смерш для беседы, а потом отпускали⁹, и большинство ме-

* Неточность у автора: Елизавете Семеновой (29.11.1929–27.03.2012) на момент ареста отца было 15 лет. Об этом же упоминает сам Семенов (см. И. В. Чапыгин. *Казачья эмиграция в Китае*. Иркутск, 2015. С. 134–135). В СССР Елизавета отсидела срок в лагере, жила в Новороссийске, в Австралию с мужем выехала только в 1990 году. (Прим. ред.)

муаристов, похоже, ставят смершевцев в один ряд, а своих друзей из числа советских офицеров и других знакомых — совсем в другой. И все же наряду с важными персонами порой страдали и простые люди. В 1945 году Смерш схватил Николая Покровского, харбинского парикмахера, который ничего не знал и ничем не интересовался, кроме своего ремесла, и даже не имел советского паспорта. Хотя его вскоре выпустили, этот арест бросил тень на его родственников, и им пришлось очень долго, до 1959 года, дожидаться визы в Австралию. В Даляне арестовали мужа Нины Черепановой, забайкальского казака, вместе с двумя его братьями и отцом. Его увезли в Советский Союз, от него очень долго не было вестей; а когда в 1953 году его выпустили из лагеря, его жена успела повторно выйти замуж и уже готовилась к отъезду в Австралию¹⁰.

Советская оккупация как таковая продлилась недолго: советские войска вошли в Харбин в августе 1945 года, а в конце апреля 1946-го они уже передали контроль над Маньчжурией войскам китайских коммунистов. Однако это официальное положение вещей дает неверное представление о степени влияния, которое Советский Союз продолжал оказывать на жизнь Маньчжурии в первые послевоенные годы, когда китайская власть была еще слаба, а исход гражданской войны между националистами и коммунистами оставался нерешенным. В 1946 году уходившие советские войска передали власть над Маньчжурией армии китайских коммунистов под командованием Линь Бяо¹¹, но окончательную победу на всей территории Китая коммунисты одержали лишь в 1949 году. Советское консульство осталось на месте, и на русских эмигрантов советское влияние продолжало оказываться посредством Общества советских граждан, которое тесно сотрудничало с консульством СССР в Харбине, а также через сеть русских школ и молодежных организаций, созданных по модели советских и соответствующим образом воспитывавших юное поколение. В Маньчжурии Советский Союз оставался добрым “старшим братом”, он регистрировал русских жителей

региона и заведовал их делами — по сути, точно так же, как при японской оккупации это делал БРЭМ. Большинство русских теперь имели возможность встать на учет как “советские граждане” (хотя сам этот статус автоматически не давал права на жительство в СССР)¹².

Одной из важных задач, которую СССР стремился решить, был перевод Русской православной церкви в Маньчжурии в юрисдикцию Московского патриархата, который уже тесно сотрудничал с Советским государством и рассматривался властями как удобный инструмент. В Маньчжурии с этой задачей удалось справиться сравнительно легко: к концу 1945 года духовенство признало над собой власть Московского патриархата и затем передало церковное имущество в его собственность. Маньчжурские епископы не стали исключением¹³. Конечно, не все проходило так уж безмятежно, потому что китайские коммунисты относились к религии (точнее, к чужеземным религиям) еще более настороженно, чем советская власть, и в середине 1948 года они арестовали Нестора Камчатского* — митрополита, который радушно встречал вступавшие в Харбин советские войска, а ранее сотрудничал с русскими фашистами; они обвинили его в шпионаже в пользу японцев и отослали в СССР¹⁴. Но религиозную жизнь Галины Кучиной советское присутствие никак не затронуло, и советские официальные лица (у которых ей пришлось зарегистрировать свой брак) ни словом не возражали против ее венчания в православном соборе Харбина с соблюдением всех церковных обрядов¹⁵.

Судя по всему, жизнь в Харбине казалась его русским жителям более или менее нормальной, во всяком случае, более нормальной, чем при японцах. И в самом деле, в мемуарах тех, кто уехал потом на Запад, а также в Советский Союз, сильно ощущается ностальгия по послевоенному Харбину. В конце 1940-х годов в Харбине жили около 25 тысяч русских¹⁶, и культурная жизнь там была ключом. “Были заново

* Митрополит *Нестор* (Анисимов, 1885–1962), с начала 1900-х годов — миссионер на Камчатке.

отстроены клуб и театр железнодорожников”, — вспоминала Галина Кучина. Симфонический оркестр, драмтеатр, хор, оперетта, опера и балетная труппа — все активно выступали, были ангажементы для таких исполнителей, как артистка оперетты Нина Гайдарова, пианистка Людмила Раменская и скрипач Геннадий Погодин. Конечно, некоторым ревнителям русского Серебряного века и более высоких достижений харбинской довоенной литературной атмосферы все это, быть может, казалось невыносимо заурядным и прискорбно “советским”; к тому же возрожденный при советской оккупации симфонический оркестр (переименованный в оркестр Дома Красной армии) был расформирован при отводе советских войск в середине 1945 года. Но многие харбинцы, в том числе Кучина, окунались в “прекрасные образцы русского зрелищного искусства”¹⁷.

У Виктора Винокурова, в первые послевоенные годы получавшего профессию инженера в Харбинском политехническом институте, о том времени остались почти столь же светлые воспоминания, что и у Кучиной, несмотря на устрашающую беседу со Смершем в 1945 году. (Княжну Ольгу Ухтомскую, будущую жену Винокурова, тоже вызывали на такую беседу и приветствовали насмешливым вопросом: “Ну, княжна, где держишь корону?” Впрочем, ее быстро отпустили.) “Несмотря на тяжелое время, харбинцы после 1945 года продолжали жить, работать, учиться и развлекаться”, — заключал Винокуров¹⁸.

Первые годы Китайской Народной Республики были хорошим временем для русских инженеров в Харбине. Возник повышенный спрос на специалистов, получивших дипломы инженеров в довоенные годы, им предлагали даже высокие должности¹⁹. В 1937 году японцы закрыли Харбинский политех — эту гордость русского Харбина, но в 1945 году он вновь открылся, и Виктор Винокуров смог поступить туда через три года после окончания школы²⁰. Целое поколение будущих австралийских инженеров оттачивало свои навыки на хорошей работе: Вениамин Кокшаров работал в ми-

нистерстве тяжелой промышленности Китая, строя сахарные заводы; Валерий Гунько трудился в Харбинском институте планирования; Мстислав Носар, получивший диплом в 1948 году, уже в 1952 году получил должность главного инженера в техническом бюро китайского министерства легкой промышленности²¹.

Преуспевали русские и в других профессиональных областях. Владимир Жернаков, до и во время войны проявивший себя как выдающийся географ, стал заместителем декана в Харбинском политехническом институте. Родители Мары Мустафиной, выпускники факультета востоковедения Политеха, работали техническими переводчиками в конструкторском бюро сахарорафинадного завода. Художник Николай Кощевский, к которому в 1939 году в Харбин приехали жена и дочь, после войны получил возможность выставлять свои произведения. Принадлежавшая отцу Галины Кучиной фабрика в Хайларе отошла в собственность СССР и превратилась в кооператив, но потом ее отец стал директором этого предприятия и купил себе новый дом. Сама Галина с удовольствием работала в больнице под руководством “выдающегося и чудесного врача” Николая Павловича Голубева, который, как и она, впоследствии переехал в Австралию²².

Русские образовательные учреждения в Харбине, по-видимому, появились и возобновили работу очень быстро: открылись две советские десятилетние школы, и будущая мать Мары смогла продолжить обучение, вынужденно прерванное при японцах²³. Подростки вступали в молодежный союз, созданный по образцу комсомола, и некоторые, как Наташа Кощевская, охотно перенимали советские ценности²⁴. У целого поколения русских харбинцев было время получить хорошее советское образование, прежде чем им пришлось уехать за океан, когда после победы Коммунистической партии Китая в 1949 году политический климат в стране резко ухудшился. Из 56 выпускников Харбинской средней школы 1956 года 36 человек позднее обосновались в Австралии²⁵. Некий Саша, эмигрировавший в Австралию против своей воли вместе с семьей,

через полвека стал публиковаться в “Австралиаде”. Предпочитая скрываться под псевдонимом, он писал, что сохранил ностальгические воспоминания о своей “счастливой жизни в Харбине”, о школе и советской молодежной организации²⁶. Редакторы журнала и другие авторы, наверное, хорошо понимали его чувства: ведь многие из них, включая главного редактора Наталью Мельникову, до переезда в Австралию прошли ту же школу, да и сами восторженно писали о преданных своему делу учителях и о своих школьных годах, запомнившихся яркими и радостными событиями²⁷.

Конечно, не все воспоминания были такими уж радужными. Бытовые условия в послевоенном Харбине были суровыми: перебои с электричеством, дефицит топлива для обогрева жилья. Отчасти это было вызвано тем, что Советский Союз вывозил из Маньчжурии большое количество угля, зерна и другого продовольствия в качестве репараций²⁸. В большой семье Тарасовых (хроникером которой стал потом Гэри Нэш) свекор одной из дочерей Тарасовых, бывший белогвардейский офицер, был депортирован в СССР и приговорен к двадцати годам лагерей за “сотрудничество с японцами: он работал учителем английского языка в японском военном министерстве”. Возникли трудности и у Натальи Прокопович: ей отказали в выдаче советского паспорта на том основании, что ее отец, бывший советский чиновник, еще в 1920-х годах стал перебежчиком во время командировки в Китай. Для Натальи лишение права на паспорт стало источником больших неприятностей: “В ту пору все мои друзья вступили в Союз советской молодежи, а меня туда не взяли, потому что у меня не было советского паспорта”. В Харбинском политехническом институте она получила диплом химика, но, приехав в Далянь устраиваться на работу, узнала, что, не имея советского паспорта, не сможет “работать в китайском учреждении, поехать в Россию, выйти замуж даже в церкви, потому что [советское] консульство не регистрирует брак”. Людмила Панская, дочь русского дворянина, работавшего на КВЖД, имела в 1930-е годы, при японцах, хорошую работу

(она была стенографисткой), но с началом советской оккупации в Далайе у нее возникли неприятности. Она полюбила советского офицера, они хотели пожениться. Но в советском консульстве отказались регистрировать брак между гражданином СССР и эмигранткой, даже после того как она получила советский паспорт, в конце концов пара рассталась. Людмила уехала в Австралию, а ее возлюбленный, скорее всего, вернулся в Советский Союз²⁹.

К началу 1950-х годов уровень жизни в Харбине был восстановлен, но политический климат и там, и в других областях Китая ухудшался из-за возраставшей подозрительности по отношению к иностранцам, из-за ряда кампаний “самокритики”, сбивавших с толку и терроризировавших китайских коллег русских специалистов, и из-за неминуемой угрозы полной национализации промышленности. Первыми уехали некоторые из высокооплачиваемых русских инженеров: в 1952 году в Австралию эмигрировал Мстислав Носар, а в 1953-м — Вениамин Кокшаров³⁰.

Многие русские харбинцы задумывались и об отъезде в Советский Союз. Первым шагом в этом направлении было получение советских паспортов. Однако, в отличие от ситуации, сложившейся в Шанхае, из Харбина в первые послевоенные годы репатриация оказалась практически невозможной: советские власти были, в принципе, за репатриацию, но на деле их беспокоило то, что среди живших в Маньчжурии белых русских есть бывшие пособники японских оккупационных властей. В 1950 году 15-летняя Наташа Кощевская пришла в советское консульство в Харбине в надежде репатрироваться, но консул сказал ей, что пока это невозможно, и посоветовал для начала переехать в Австралию. Известно, что из Маньчжурии попасть в Советский Союз можно было лишь нелегально. Например, юный Коля Дьяконов, сын одной из сестер Тарасовых, завел “множество друзей среди русских военных” и, часто разговаривая с ними, загорелся мечтой отправиться в Россию. В 1947 году вместе с несколькими товарищами он нелегально перешел границу, но на советской

стороне был арестован и осужден на три года лагерей. Это называлось “пролезть под проволокой”, и случай Коли был не единичен³¹.

Легальная репатриация, проходившая в малом масштабе, началась в 1952 году (разрешался провоз багажа неограниченного объема без уплаты таможенной пошлины, предоставлялся установленный заем, предъявлялось требование прожить пять лет в месте переселения под административным надзором), но по-настоящему она набрала силу только в 1954 году. В том году СССР широко распахнул двери для репатриантов и даже всячески поощрял их, потому что стране требовались трудовые ресурсы для освоения целинных земель в Казахстане. Русских в Маньчжурии активно агитировали присоединиться к этой программе, но при этом многие и сами испытывали подлинный интерес к репатриации³². В 1954 году из Харбина на целину уехали 8 100 русских, а в 1955-м еще 8 961, что в целом составило более двух третей всего русского населения Харбина³³.

В мемуарах, написанных позже теми русскими, которые сделали другой выбор и уехали в Австралию, часто упоминаются друзья и родственники, репатриировавшиеся в ту пору. Так, бабушка Мары Мустафиной со стороны отца, вначале собиравшаяся уехать вместе с остальной родней в Австралию, в итоге решила все-таки репатриироваться. Друзья семьи Галины Кучиной, работавшие в местной епархии (подчинявшейся теперь Московской патриархии), уехали в 1956 году вместе со своим епископом после того, как ему предоставили кафедру где-то в Советском Союзе. Срабатывало нечто вроде стадного инстинкта: у людей появилось ощущение, что все уезжают в СССР и им лучше тоже не отставать. По рассказу Кучиной, в Хайларе о том, чтобы откликнуться на зов исторической родины и поехать на целину, задумывались даже сыновья некоторых местных русских миллионеров. Она сама и ее муж, работавшие в Харбине, тоже решили поехать в Советский Союз и надеялись, что вместе с ними отправятся их родители, но отец Галины воспроти-

вился. “Я — офицер Белой армии. Я присягал на верность государю императору. Я не могу жить в Советской России. Я никогда не изменю присяге”, — так он объяснял свою позицию. И потому, чтобы не разлучаться с родными, Галина и ее муж изменили планы³⁴.

Даже многие из тех, кто в итоге решил не репатриироваться, ранее всерьез задумывались о таком шаге. Наталья Прокопович, в 1954 году наконец получившая советский паспорт, долгое время колебалась, а потом они с мужем все-таки решили эмигрировать в Австралию, куда их звала его старшая сестра. Дед Мары Мустафиной со стороны отца задумался о репатриации в 1954 году, и вся семья вернулась к этому вопросу спустя три года, когда в Харбин приехала близкая родственница из семьи Оникулов, репатриировавшаяся в СССР еще в середине 1930-х и жившая теперь в Риге: она уговаривала родню последовать ее примеру. Однако ее уговоры оказались безрезультатными, так как семья получила известие совсем иного характера от подруги, недавно уже репатриировавшейся. Жизнь в Советском Союзе, писала она оттуда, “такая хорошая, что вам всем нужно обязательно приехать — как только Марочка закончит университет”. Марочке в ту пору было два года³⁵.

Независимо от того, хотели харбинцы возвращаться в Советский Союз или нет, с каждым днем становилось все яснее, что оставаться в Китае крайне нежелательно. В 1956 году под давлением СССР китайские государственные учреждения стали грозить увольнением тем русским сотрудникам, которые не пожелали участвовать в освоении целины. Иными словами, им предстояло лишиться и работы, и всяких дальнейших перспектив. Как вспоминала Галина Кучина, русские просто оказались “больше не нужны китайцам”³⁶. Положение осложнялось национализацией торговых предприятий, что создавало огромные бытовые трудности (в Харбине на 10 тысяч жителей теперь приходилось всего по одному торговому предприятию), а также другими негативными последствиями Большого скачка — экономи-

ческой кампании, развернутой в Китае во второй половине 1950-х годов.

Притом что волна репатриации 1954 года уже уменьшила численность русского населения Харбина до 17 тысяч человек, согласно одному советскому отчету, в придачу к тем, кто все еще думал о репатриации, 7000 наиболее преуспевающих горожан — врачи, инженеры, священники, торговцы — всюю готовились эмигрировать в капиталистические страны, добывали визы и пытались перевести свои капиталы за границу. Большинство русских массово уехали в 1955–1959 годах, хотя некоторые — как, например, географ Владимир Жернаков, — продержались до начала 1960-х. Но в итоге их все равно вынудила уехать китайская Культурная революция. К 1964 году в Харбине осталось менее 500 русских³⁷.

Перед теми, кто не хотел ехать в СССР, вставал вопрос: куда же тогда? Многие выбирали США, Австралию (в Харбине больше, чем в Шанхае, потому что у харбинских русских еще с прежних времен часто оставались контакты с представителями более ранней волны эмиграции), а также разные страны Латинской Америки. Свекровь Галины Кучиной хотела поехать в Чили, но на окончательное решение семьи повлиял положительный пример священника, который когда-то давно учился с ее мужем в одном классе лицея, а теперь жил в Австралии. Ее родственники уехали все вместе, а другие семьи (как, например, Тарасовы) уезжали по частям.

Многие семьи в итоге разделились: одни родственники уезжали на капиталистический Запад, а другие — в Советский Союз. Так распалась семья Скорняковых: отец и старший сын в 1954 году уехали в СССР осваивать целину, а мать с младшим сыном, оставшиеся в Харбине, в 1957 году эмигрировали в Австралию. Ираида Рожнатовская, жена арестованного фашиста Сергея Ражева, уехала в Австралию после ссылки мужа в лагеря, откуда он не подавал о себе никаких вестей. Людмила Раменская, жена концертмейстера Харбинского симфонического оркестра, работала после войны при советской оккупации в харбинском хоровом ансамбле, а в 1951 году, по-

сле смерти мужа, перебралась в Австралию, где жил ее брат. Шесть других участников ее ансамбля тоже оказались в Австралии, а остальные репатриировались в СССР и устроились там в театры. Даже в семье Тарасовых был один репатриант — молодой Коля, который после освобождения из лагеря устроился в советский торговый флот, ходил в плавания и не виделся с родными еще много лет³⁸.

Шанхай и Тяньцзинь, 1945–1949

В Шанхае все было совсем иначе, чем в Маньчжурии. После разгрома японцев Шанхай номинально попал под контроль китайских националистов, а точнее — нанкинского правительства Чан Кайши. Но присутствовали там и американцы, поддерживавшие Чан Кайши, и они помогали организовывать разоружение и эвакуацию японских военных и гражданских из города; не приход войск Гоминьдана, а именно их появление и ознаменовало “освобождение Шанхая” и “зримое воплощение перемен”³⁹. К 1948 году стало понятно, что националисты, скорее всего, потерпят поражение в гражданской войне, которую они вели с коммунистами Мао Цзедуна в глубинных областях страны. Во время войны те отступили в Яньань, но к концу года упрочили свою власть на севере и уже двигались на юг. Коммунисты взяли Тяньцзинь в январе 1949 года, а Шанхай — в мае. Их победа означала уход американцев.

Однако еще несколько лет после капитуляции японцев в августе 1945 года американцы продолжали заметно присутствовать в приморских городах Китая и оставались крупными работодателями. Князь Георгий Ухтомский работал у американцев — занимался городским водоснабжением, а Владимир Гантимуров работал механиком и электриком⁴⁰. “Для нас, детей, американцы были отличными оккупантами — общительными и щедрыми”, — вспоминал один юный в ту пору житель Шанхая. “Мы уже соскучились по шоколаду, а они,

не скупясь, угощали нас... Они разъезжали на джипах, которых мы до этого никогда не видели, и предлагали покатать”⁴¹. У Гэри Нэша сохранились столь же приятные воспоминания об американских военных, вошедших в Тяньцзинь в конце 1945 года, хотя он заметил одну странность: американцы ездили на своих джипах по правой стороне, как у себя на родине, невзирая на то, что в Китае — как и в Британии и Японии — дорожное движение было левосторонним. Австрийская фирма, на которую работала его мать Нина, была экспроприирована китайским правительством (поскольку Австрия была союзницей проигравших Вторую мировую войну держав Оси), но “фирма продолжала работать под прежним названием «Кисслинг», и Нина и другие девушки-продавщицы сохранили свои рабочие места. Новые китайские начальники были очень добры и вежливы в общении с сотрудниками, и жизнь в «Кисслинге» продолжалась почти без изменений”⁴².

Международные селттельменты не стали возрождать, но интернированных британцев и американцев освободили. Впрочем, их ждало неопределенное будущее, ведь теперь они лишились привилегированного статуса экстерриториальности. К их числу принадлежала русская тетушка Гэри Нэша со стороны Ивашковых, Лена, вышедшая замуж за британца заметно старше ее (Нэш знал его лишь как мистера Хоуэлла)⁴³. Шанхайская муниципальная полиция продолжала существовать на протяжении всей войны и в послевоенный период, но британцы, раньше работавшие там, после выхода из лагерей для интернированных не смогли снова устроиться на прежние должности — их заняли русские. Среди них был Михаил Новиков, проработавший там до своего отъезда в Австралию в 1950 году⁴⁴.

Одной из новых особенностей (причем такой, которая отличала в глазах иностранных резидентов приморские города Китая от Маньчжурии) стало присутствие в городе международных (главным образом американских) организаций, оказывавших помощь беженцам и перемещенным лицам: IRO,

Джойнта, ХИАСа и даже основанного в США Толстовского фонда⁴⁵. Главным объектом их внимания и заботы были еврейские беженцы из Европы, прибывшие в Шанхай в начале 1940-х годов: у них не было ни опоры в местной общине, ни каких-либо средств к существованию, а давно укоренившиеся в Шанхае общины русских и багдадских евреев поначалу отнеслись к их приезду в целом прохладно. Один из этих укоренившихся вспоминал:

Нас, русских евреев, окончание войны практически никак не затронуло. До войны мы не участвовали ни в каких политических движениях. Жить ли под властью французского генерального консула во Французской концессии или же под новой китайской администрацией — нам было все равно, по сути это ничего не меняло... При японской оккупации на наше замкнутое общинное существование никто не посягал, вот и теперь мы тоже думали, что наша жизнь будет течь точно так же, как и раньше⁴⁶.

Послевоенный Шанхай изо всех сил старался вернуть себе прежнюю, довоенную сущность — кипучую, порочную, пропитанную предпринимательским духом. Поначалу экономическое положение выглядело многообещающе. После снятия морской блокады шанхайский порт обрел былую важность, и текстильная промышленность снова ожила. Но все это сопровождалось чудовищными хищениями и коррупцией, чистками и конфискациями собственности у китайцев, а вскоре дала о себе знать гиперинфляция⁴⁷. Была проведена денежная реформа, ее инициатором стал Цзян (Чан) Цзинго, сын главы Гоминьдана Чан Кайши, который (в силу причудливого выверта истории) не только был резко настроен против частного предпринимательства, но и сам сформировался под влиянием коммунистической идеологии, так как одиннадцать лет проучился в СССР. Цзян приступил к осуществлению реформы “с жестокостью, которую обостряла его ненависть к капиталистам и эксплуататорам”, и задействовал

“верные ему лично военизированные организации” для обуздания “больших тигров”⁴⁸. Как это было и в годы войны, некоторые русские сумели разбогатеть и в этих непростых обстоятельствах, однако было принято считать, что в подобных условиях благополучие могло держаться лишь на теневых махинациях, и потому позже, когда Австралия получала запросы на иммиграцию от таких дельцов, к их заявкам относились с крайней осторожностью (к тому же среди этих людей было много евреев, что обостряло подозрительность австралийских чиновников)⁴⁹.

Русские, как обычно, участвовали в гибридных теневых операциях шанхайского черного рынка, где продавалось и покупалось все что угодно, в том числе разведанные. Освободившиеся после интернирования британцы жаловались, что “по Нанкин-роуд и по Бабблинг-Уэлл-роуд до сих пор безнаказанно расхаживают сотни коллаборационистов разных национальностей с карманами, набитыми деньгами, и заходят в заново открывшиеся отели и ночные клубы”. Несмотря на то, что в прошлом многие русские не таясь сотрудничали с японцами, мало кто понес за это какое-либо наказание. В августе 1945 года Евгений Кожевников в последний раз поужинал с военно-морским атташе Японии в отеле “Катэй”, а затем покинул Шанхай, после чего ненадолго объявился на Тайване и предложил американцам свои услуги как осведомителя. Один из его изворотливых русских товарищей был арестован американцами как вероятный военный преступник, но вскоре его отпустили за недостатком улик; спустя недолгое время он “разъезжал по городу в большом автомобиле под советским флагом” и, по слухам, торговал на черном рынке крадеными американскими шинами и мотоциклами⁵⁰.

Лидер фашистов Михаил Спасовский тоже уехал из Шанхая. Неизвестно, где он провел первые несколько лет после 1945 года, но в 1949-м он объявился на Тайване, а оттуда в середине 1950-х эмигрировал в Австралию⁵¹. Внутри русской общины продолжались политические интриги и махина-

ции. После того как в первые годы войны от рук наемных убийц погибли два председателя Русского эмигрантского комитета, в начале 1943 года его главой был избран уже знакомый нам деятель, генерал Глебов, но еще до его смерти (в октябре 1945-го) его, по-видимому, вытеснил с этого поста казачий лидер Григорий Бологов⁵². Одним из странных побочных результатов этой смены руководства стало нечто вроде слияния в Шанхае русского самосознания с казачьим: мало того что эмигрантский комитет возглавил казак, еще и “почти половина всех русских эмигрантов” вступила в Казачий союз. Тем не менее, если раньше в шанхайской русской общине решительно преобладали правые, теперь над ними нависла серьезная угроза растущего притяжения Советского Союза. Особенно притягивал он молодое поколение, и летом 1946 года это вынужден был признать сам Бологов⁵³.

Если в Маньчжурии в 1945 году церковные иерархи признали юрисдикцию Московского патриархата, что сопровождалось передачей церковной собственности под контроль СССР, то в приморских городах Китая все складывалось не так просто. Там православная церковь раскололась между сторонниками Русской православной церкви за границей и Московского патриархата. Епископ Шанхайский Иоанн встал на сторону РПЦЗ — из всех церковных деятелей в Китае он один сделал такой выбор. Заручившись поддержкой мэра Шанхая, епископ Иоанн сохранил за собой право распоряжаться собором, за что РПЦЗ повысила его до сана архиепископа, но в 1949 году он все же вынужден был оставить Китай и перебраться на остров Тубабао на Филиппинах. Промосковскую “партию” возглавлял архиепископ Пекинский Виктор (Святин). Он провел переговоры с китайским правительством в Нанкине о передаче церковной собственности Московскому патриархату, и в 1948 году его “партия” взяла верх: несмотря на энергичное сопротивление архиепископа Иоанна, Москва завладела львиной долей церковной собственности даже в Шанхае, где соотношение промосковских прихожан и тех, кто остался в лоне РПЦЗ, было, как со-

общали, два к одному⁵⁴. В 1956 году владыка Виктор (Святин) репатриировался в СССР.

Как и в Маньчжурии, в русской диаспоре Шанхая в годы войны резко возросла популярность всего советского, и многие русские — включая тех, кто не симпатизировал СССР идейно, — получили советские паспорта. По оценке убежденного антикоммуниста Бологова, главы Русского эмигрантского комитета в Шанхае, а позже лидера русской общины на Тубабао, 50 % русских эмигрантов в Китае получили советские паспорта, объясняя этот шаг неуверенностью после ликвидации международных поселений и желанием иметь консульскую защиту, а также патриотизмом военного времени и притягательностью заявлений советской стороны, что “в СССР все изменилось”. (Советская пропаганда перечисляла эти перемены: восстановление воинских званий, возрождение русского патриотизма и заключенное во время войны соглашение с Православной церковью.) Репатрироваться хотели не все, кто получил советский паспорт, но некоторые все же хотели. Уже накопился значительный неудовлетворенный запрос на репатриацию, и в январе 1946 года, когда советское консульство в Шанхае объявило о начале приема заявок, за 17 дней туда явились 6 000 человек. Пришлось усилить меры безопасности, и у советских чиновников ушло довольно много времени на обработку заявлений, но уже в августе 1947 года на пароходе “Ильич” из Шанхая во Владивосток отправилась первая группа репатриантов.

Всего за 1947 и 1948 годы на родину вернулись от четырех до пяти тысяч шанхайских эмигрантов, наряду с небольшими группами из Тяньцзиня и Пекина⁵⁵. Репатрианты обособывались чаще всего на Урале, а селиться западнее Казани им было запрещено. Среди приехавших были квалифицированные специалисты, джазовые музыканты (в частности, Олег Лундстрем, известный джазист, харбинец, чей оркестр в 1956 году получил разрешение переехать из Казани в Москву) и как минимум один бывший фашист (хотя после войны он и сделался вице-председателем Шанхайского

объединения советских граждан, по прибытии в Советский Союз его арестовали)⁵⁶.

Члены русско-еврейской семьи Эллы Масловой имели на руках советские паспорта (сама Элла состояла в Союзе советской молодежи в Шанхае), а ее дядя и тетя после войны репатриировались в СССР. Родители Эллы тоже подумывали о возвращении, но благоразумно решили дождаться известий о том, как устроились родственники. И пока выжидали, упустили свой шанс: в 1948 году, после отплытия третьего корабля с репатриантами, советское консульство в Шанхае прекратило выдавать разрешения на возвращение и возобновило их выдачу лишь в 1954 году. К тому времени Масловы уже собиравались в Австралию.

В большой семье Тарасовых непререкаемым авторитетом была бабушка Аида. Ее дочь Надежда с мужем Борисом Козловским (инженером, уже некоторое время сидевшим без работы) тоже задумались о возвращении, несмотря на то (а может быть, и по причине того), что после войны отец Бориса был выслан из Харбина в Советский Союз и там оказался в лагере. У Козловских уже были визы, они готовились к отплытию на родину на пароходе “Тоголь”, который отходил с 830 пассажирами на борту (эмигрантами из Тяньцзиня и Пекина) одновременно с “Ильичом”. Но бабушка Аида, “будучи женой белогвардейского полковника, страдавшего в Гражданскую войну”, была категорически против советского гражданства. Она выкрала паспорта Козловских и велела “попытать счастья в Шанхае”, сказав, что если через полгода молодые не передумают репатриироваться, она вернет документы. Через полгода у Бориса уже была работа в Шанхае, и в итоге супруги так и не поехали в Советский Союз, а позже все вместе перебрались в Австралию⁵⁷.

Хотя поначалу многие возлагали надежды на возвращение нормальной жизни, уже довольно скоро русские и русские евреи в Шанхае принялись искать себе более надежное пристанище. Одни (прежде всего состоятельные люди с полезными знакомствами) переехали в Гонконг, а другие при-

сма тривались к более дальним странам, в том числе к Австралии. Присутствие в городе международных организаций вроде Джойнта одновременно и способствовало отъезду, и внушало мысль о том, что уезжать необходимо или как минимум благоразумно. Среди тех, кто уезжал рано, в 1946–1947 годах, в целом преобладали люди, имевшие и деньги, и нужные связи за границей. В конце 1940-х, когда китайские коммунисты уже добивали последних националистов и всю строили Китайскую Народную Республику, американцы стремительно уходили из страны и международные организации готовились к закрытию, эмигрировать собирались уже почти все без исключения.

Этот процесс миграции переживался совсем иначе, чем тот, через который проходили русские в Европе: поскольку большинство уезжало из Китая, находя себе поручителей, IRO была задействована лишь эпизодически (в переселении европейских евреев в Шанхай непосредственно после войны и в программе переселения на Тубабао, о чем еще пойдет речь в конце этой главы), и потенциальным иммигрантам приходилось самостоятельно подавать заявления на получение визы, они проходили собеседования с местными консульскими сотрудниками и добывали у китайцев разрешения на выезд. Но это еще не означает, что все шло как по маслу. У Елены Жиряковой (известной впоследствии как Елена Чупрова) возникли неприятности из-за ее тесных связей с американцами. До 1949 года она работала в клубе американского Красного креста, пока всех гражданских сотрудников клуба не распустили, а ее муж работал в Шанхайской муниципальной полиции в Международном сеттльменте. В 1949 году он был арестован коммунистами (неясно, советскими или китайскими) за “связи с американцами” и сгинул в советских лагерях. Затем Елена устроилась секретарем директора американской фирмы, занимавшейся экспортом и импортом, но в 1951 году, когда коммунисты наложили арест на всю американскую собственность в Китае, фирма закрылась. В 1952 году Елена уехала в Австралию, все еще ничего не зная о судьбе мужа

(он, как выяснилось впоследствии, умер в Сибири в том же году). В Австралии ей предстояло играть важную роль, помогая в переселении новых иммигрантов. У Лидии Саввы возникли проблемы другого рода — возможно, они объяснялись недоверием австралийцев, заподозривших ее в симпатиях к СССР. После того как ее брак распался, она попыталась уехать в Австралию по приглашению сестры, эмигрировавшей туда в 1933 году, однако получила отказ (вероятно, от австралийской иммиграционной службы). Тогда она уехала в Советский Союз и работала на целине. Ее сестра вновь подала заявление от ее имени, и наконец было получено разрешение. Так в 1961 году Лидия стала австралийской иммигранткой, приехав туда из СССР⁵⁸.

Как всегда, очень многие предпочли бы переехать в США, но и Австралия была желанной перспективой, особенно для тех, у кого там уже жили родные или имелись деловые связи. Поначалу австралийцы без восторга отнеслись к идее приезда иммигрантов из Шанхая: они еще помнили о враждебной реакции общества на прибытие в Австралию русских и беженцев русско-еврейского происхождения в 1946–1947 годах. Многие консульские работники не собирались различать евреев и русских: в их глазах все они были замешаны в какие-то темные дела и причастны к махинациям на черном рынке. В Австралии всерьез задумались над вопросом, как относиться к обладателям советских паспортов, и всегда ли наличие этих паспортов автоматически означает симпатии к СССР⁵⁹. Возможной проблемой было и сотрудничество многих русских с японцами в военные годы, хотя на деле австралийские иммиграционные службы в большинстве случаев просто не желали ничего об этом знать⁶⁰.

Однако все эти волнующие вопросы отпали, как только Австралия согласилась принять большое количество шанхайских русских, эвакуированных в 1949 году на Тубабао, и даже тем, кто остался в Шанхае, часто удавалось получить визу на основании личного поручительства — чаще всего от родственников и друзей, перебравшихся в Австралию ранее.

Русско-еврейские родственники Дмитрия Шамшурина несколько лет подыскивали место, куда можно уехать, и в конце концов нашли в Брисбене семью, которая вызвалась за них поручиться, и отбыли туда в 1950 году. Сэм Мошинский уехал в октябре 1951 года благодаря поручительству друзей семьи в Мельбурне, а остальная родня последовала за ним в марте 1952-го. Нина Черепанова, чей первый муж, казак, был арестован и сгинул в лагерях, смогла приехать в Брисбен с новым мужем по приглашению своей сестры, которая въехала туда в 1952 году. Лидия Ястребова была так привязана к прославленной харбинской балерине и балетмейстеру Елизавете Квятковской, что выступила поручительницей и организатором ее эмиграции в Австралию. Квятковская представляла собой довольно диковинное зрелище: она вышла из женского монастыря, где прожила некоторое время, но продолжала носить черные монашеские одеяния. Последние годы жизни Квятковская провела в доме престарелых для русских в Сиднее и была погребена на русском кладбище⁶¹.

Тубабао

Тубабао — неосвоенный тропический остров Филиппинского архипелага — стал для русских шанхайцев неожиданным местом пребывания, да и участие IRO в организации их переселения туда оказалось несколько неожиданным, поскольку ее деятельность в Азии заключалась главным образом в помощи европейским евреям, вынужденным бежать от Гитлера. Решение IRO эвакуировать тысячи русских из Шанхая было принято под воздействием почти панического страха: в ту пору китайские коммунисты уже приближались к Шанхаю, и его падение (последовавшее в мае 1949 года) казалось неизбежным. К тому же на это решение наверняка повлияло успешное давление со стороны неуравновешенного казака Григория Бологова, председателя Объединения русских эмигрантов: в какой-то момент переговоров он вынул пистолет

и грозил застрелиться на месте, если его требования эвакуировать русских не будут выполнены. Возможно, в IRO сочли, что для русских близкий приход коммунистов представляет особую опасность, потому что некоторые из них имели обширные связи с различными иностранными разведслужбами. Как бы то ни было, IRO дала убедить себя в том, что эвакуация необходима и начать ее нужно как можно скорее⁶².

Поскольку найти долговременное пристанище в кратчайшие сроки было невозможно, правительство Филиппин уговорили принять шесть тысяч русских из Шанхая самое большее на четыре месяца, пока IRO будет вести переговоры с разными странами о возможности их дальнейшего переселения. Отбор кандидатов проводило Объединение русских эмигрантов под руководством Бологова при минимальном участии IRO⁶³. Из 5 500 белых русских, эвакуированных на Тубабао, некоторые были давними шанхайскими жителями, а иные перебрались в Шанхай лишь недавно из других центров русской эмиграции вроде Харбина и Тяньцзиня. Подавляющее большинство (87% группы) составляли этнические русские, остальная же часть складывалась из представителей других национальностей бывшей Российской империи: украинцев, поляков, татар, латышей и прочих, лишь с одним заметным исключением — евреев там не было почти ни одного⁶⁴. А так как в шанхайской русской общине насчитывалось немало евреев, желавших эмигрировать (в остальных случаях и являвшихся главными объектами опеки IRO), то легко предположить, что процесс отбора кандидатов держали в своих твердых руках люди Бологова.

Для первой партии русских, прибывших из Шанхая, Тубабао приготовил весьма неприятный сюрприз: остров оказался совершенно непригодным для жизни, к тому же дождь лил как из ведра. Руководитель группы, генерал Константин Клуге, бывший полковник Императорского генерального штаба, счел это за издевательство и отказался высаживать на берег женщин. Клуге отослали в Манилу, и оттуда он уже не вернулся, на смену ему вскоре приехал задержавшийся

в Шанхае Бологов⁶⁵. По счастью, среди переселенцев было несколько умельцев-инженеров, выпускников Харбинского политеха, и они быстро построили хижины, а потом возвели и две церкви, школу и больницу⁶⁶. Молодежи все это показалось первоклассным приключением (наверное, с годами впечатления стали только ярче): Гэри Нэш вспоминал, что остров “походил на большой летний лагерь”. Спустя много лет мемуаристы с восторгом описывали, как ставили палатки в джунглях, как любовались экзотической флорой и фауной, плавали в теплом море, смотрели фильмы, предоставленные IRO. А еще танцевали по вечерам под музыку бывшего полицейского оркестра шанхайской Французской концессии, сорок пять участников которого вместе с дирижером оказались среди беженцев и жили в “Квартале музыкантов” нового поселения на острове. В составе группы, приплывшей на Тубабао, были и члены многочисленных русских скаутских организаций Шанхая (они поселились в “Скаутском квартале”), скаутские игры стали главным развлечением молодежи: в итоге в отряды записалось около 400 мальчиков и девочек, а среди скаутмастеров были Михаил Плеханов и Анатолий Коновец (оба со временем станут видными деятелями русского скаутского движения в Австралии)⁶⁷.

Но не все 5 500 русских, вывезенных из Шанхая на Тубабао в первые месяцы 1949 года, были молоды. Напротив, в составе группы оказалось куда больше людей старше сорока лет, чем IRO и национальные отборочные комиссии были готовы принять для переселения в Европу. Индексы трудоспособности тоже оказались значительно ниже того уровня, которого ожидали от потенциальных иммигрантов австралийские отборочные комиссии, а еще среди беженцев были проститутки, наркоманы и алкоголики. Из старшего поколения многие в прошлом были “белыми воротничками” и не желали заниматься тяжелым физическим трудом, хотя готовность к нему не только считалась желательной с точки зрения вероятности получить статус мигранта, но и была чрезвычайно востребована для обустройства лагеря на острове. “Эта группа

из-за ее состава и из-за прошлого ее участников стала одной из самых трудных для IRO, — так писал официальный историк этой международной организации. — Пожилые члены группы все еще лелеяли надежду на победное возвращение в Россию; и очень многие держались за идею, что, раз они раньше всех бежали от большевиков, значит, весь мир перед ними в долгу»⁶⁸.

В группу каким-то образом просочилось несколько человек с просоветскими взглядами⁶⁹, но в целом в русской общине на Тубабао подавляющее большинство придерживалось антикоммунистических убеждений, чего и следовало ожидать, учитывая, что отбором кандидатов занимался Русский эмигрантский комитет. Что характерно, антикоммунисты разбились на политические фракции — главным образом, на монархистов и солидаристов, то есть сторонников эмигрантской организации НТС (антисоветской, но не монархической). У НТС был на острове свой официальный представитель — Анатолий Коновец из Тяньцзиня, по подписке можно было получать энтээсовский журнал “Посев”. В дальневосточной прессе иногда писали, что Тубабао сделался средоточием “интриг и махинаций Ватикана и американских разведслужб”, а Бологова и его сотоварищей называли “агентами гоминьдановской разведки”. Независимо от того, был ли связан Бологов с какой-либо разведкой или нет, он сделался постоянным раздражителем для IRO из-за стремления всюду насаждать свои порядки и из-за упорной привычки писать иностранным правительствам и международным организациям петиции и обличительные доносы. Он “постоянно пытался управлять лагерем по своему усмотрению и всячески противодействовать начальнику лагеря, капитану Кумзу”, — жаловался один сотрудник IRO⁷⁰. Другим источником постоянного беспокойства был архиепископ Иоанн. Он прибыл на остров в апреле 1949 года с группой русско-китайских сирот без каких-либо документов, а в июле просто бросил их одних, уехав с Тубабао, чтобы убеждать США принять русских иммигрантов⁷¹.

Поскольку Тубабао был лишь промежуточным пунктом, IRO нужно было найти для русских какую-то страну, которая дала бы им постоянное пристанище как иммигрантам. Австралия поначалу не проявляла к ним никакого интереса, тем более что в министерстве иммиграции были большие сомнения относительно моральной устойчивости шанхайских русских. Вплоть до середины января 1949 года официальная политика страны не разрешала прием русских или русскоязычных евреев из Шанхая сверх символического количества; и потому Австралия наотрез отказалась предоставлять шанхайским русским даже временное убежище. Однако во внутренней политике произошел внезапный поворот, ставший потрясением для министерства иммиграции, и 15 февраля 1949 года в Канберре было объявлено о решении принять неопределенное количество русских шанхайцев в качестве постоянных иммигрантов⁷². Так Австралия стала первой — а на некоторое время и единственной — страной, которая сделала этим беженцам заманчивое предложение⁷³. Притом что причины, стоявшие за изменением иммиграционной политики, остались неизвестными, вероятными факторами перемен могло стать давление со стороны США и IRO. Безусловно, сильной рекомендацией оказались твердые антикоммунистические убеждения беженцев; а учитывая известное нежелание Австралии принимать мигрантов-евреев, легко догадаться, что отсутствие евреев в составе собравшейся на Тубабао группы тоже было встречено молчаливым одобрением австралийцев.

После того как Австралии так успешно выкрутили руки, в марте 1949 года она отправила на Тубабао отборочную комиссию, которую возглавлял Б. К. Лори, представитель министерства иммиграции. Комиссия получила четкие указания: набирать одиноких мужчин моложе 45 лет (позже возрастной порог подняли до 50 лет), одиноких женщин моложе 35 лет и бездетные супружеские пары не старше 45 лет при условии, что они согласятся работать порознь. Избранники должны были принадлежать к европейской расе, евреи не приветствовались. (“Ввиду того, что эвакуированным евреям пре-

доставляет убежище Израиль, — докладывал Лори, — евреи не подлежали отбору, за исключением тех случаев, когда они с высокой степенью вероятности могли бы принести особую пользу экономике Австралии”). Как и мигранты, прибывавшие в Австралию в рамках европейской программы массового переселения, прошедшие отбор шанхайские беженцы с Тубабао должны были отработать два года там, куда их пошлет правительство Австралии, в качестве неквалифицированной рабочей силы⁷⁴.

Первые впечатления, которые произвела на Лори русская группа, оказались неблагоприятными. Он был осведомлен о том, что за несколько лет до 1949 года в министерстве иммиграции и в австралийском консульстве в Шанхае о русских шанхайцах высказывались весьма нелестно, считая их людьми аморальными и политически неблагонадежными, и потому глядел на Бологова, вожака русской группы, с большой подозрительностью, отмечал у многих русских отсутствие интереса к физическому труду. Лори также беспокоило враждебное отношение казаков к Британской империи (из-за того что Британия сыграла заметную роль в насильственной репатриации казаков, сражавшихся в годы Второй мировой войны на стороне немцев), а следовательно, и к Австралии. Но, проведя на острове несколько месяцев, Лори постепенно менял свое мнение в лучшую сторону. Он не заметил в лагере “распространенной аморальности”, доложил он в июне, и “хотя в группе определенно имелись отдельные нежелательные элементы, они составляли лишь малую долю от общего числа, и остальные члены сообщества лагеря относились к этим элементам с презрением”. Кроме того, в пользу русских говорили их твердые антикоммунистические взгляды и крепкая (православная) вера, а еще тот факт, что молодежь из Шанхая хорошо владела английским языком⁷⁵.

На скептицизм Лори русские отвечали полной взаимностью. Для русских Австралия была почти совершенно неизвестной страной: они знали лишь то, что она очень далеко, что там скорее всего жарко, а еще что там живут в основ-

ном кенгуру. Почти все они хотели эмигрировать в Америку. Но США распахнули свои двери лишь в 1950 году, уже после того, как многие махнули рукой на бесплодные мечты и подали заявки на переселение в Австралию — практически единственную страну, куда могли законно перебраться беженцы, оказавшиеся на Тубабао. (Среди других стран, присылавших вербовщиков, были, по воспоминаниям одного австралийского иммигранта, Парагвай, Суринам, Сан-Доминго (Доминиканская Республика) и Франция — но только для переселения на Мадагаскар.) Чаще всего Австралия становилась просто выбором по умолчанию. Понькины изначально хотели уехать в Северную Америку, но в итоге выбрали Австралию просто потому, что оттуда первой приехала отборочная комиссия. Подросток Лукас Амбросайтис, брошенный своей матерью-одиночкой и еще не достигший возраста, с которого можно было репатрироваться в СССР или самостоятельно переселиться куда-либо под эгидой IRO, оказался на Тубабао после того, как кто-то в IRO додумался объединить его с бездетной русской парой (47-летним поэтом Павлом Сухатиным и его женой), которые считались бы слишком пожилыми для переселения в случае, если бы при них не было близкого родственника помоложе. Наталья Татаринова (урожденная Сейфуллина) очутилась на Тубабао, а потом в Австралии в силу ряда случайностей. Как и все ее друзья в Шанхае, она хотела получить визу в Америку, но из этого ничего не вышло. Наталья вышла замуж очень рано (после развода родителей), и она уже собралась уехать вместе с семьей мужа в Аргентину, как вдруг осознала, что тогда ей придется жить там вместе со свекровью, — и передумала. В итоге она развелась с мужем и эвакуировалась на Тубабао вместе с бабушкой и трехлетним сыном Павлом. Решение ехать в Австралию она приняла уже на Тубабао в последний момент, пропустив до этого два шанса подать заявление. Бабушку ей пришлось оставить, потому что для Австралии та была слишком старой (а в Нью-Йорке нашелся дядюшка, готовый оплатить проезд бабушки в Америку, и там она поступила в женский монастырь)⁷⁶.

Поначалу беженцы были не в восторге от австралийской отборочной комиссии. Как заметил местный представитель IRO, отчасти это объяснялось тем, что ни один из “четырёх прекрасных и добросердечных членов комиссии” ранее не имел дела с беженцами и ничего не знал ни о Китае, ни о русских. По острову начали ходить мрачные слухи о двух-летнем трудовом контракте и о том, что работать придется бесплатно. К тому же пошла молва, что готовится поправка к американскому закону о перемещенных лицах, после принятия которой будет разрешен въезд в США белым русским; большинство беженцев — в том числе имевшие статус “весьма желанных кандидатов” — решили никуда не двигаться и дожидаться этой благоприятной перемены⁷⁷. Однако конгресс США мешкал⁷⁸, и Бологов получил от Александры Толстой из Толстовского фонда настоятельный совет для русских на Тубабао “ни в коем случае не отвергать предложение о переселении в Австралию”. Она указывала на то, что в Австралии прекрасный климат, местное население готово оказать “достойный прием беженцам”, а экономика страны развивается небывалыми темпами, и “в последние несколько дней приходит информация, согласно которой перемещенные лица [из Европы], перебравшиеся туда, уже стали землевладельцами”. Ее слова о том, что Австралия — “земля изобилия”, подкрепляло и другое письмо, полученное Бологовым от одного шанхайского русского, иммигрировавшего в Австралию: тот сообщал, что через полгода после приезда уже купил себе автомобиль⁷⁹.

Родственники Гэри Нэша обратились за визами США, но, томясь в ожидании ответа, постепенно теряли терпение. Наконец, они передумали ехать в Америку после того, как внимательно прочитали газету *The Sydney Morning Herald*, которую дали им в австралийской отборочной комиссии. Позже они рассказывали об этом так:

Мы были поражены, когда увидели, сколько объявлений о работе помещено в разделе “Требуются”. Сравнив предлагаемый уровень заработной платы и стоимость машин и до-

мов в разделе “Продается”, мы подсчитали, сколько денег мы сможем заработать и через какое время сможем купить машину и дом. Сделанные выводы нас очень обрадовали, а английский мы знали. Так Австралия внезапно стала для нас весьма желанным пунктом назначения⁸⁰.

Для австралийской комиссии большую трудность представляла проверка политической благонадежности кандидатов. По всей видимости, в отношении тех, кто приплыл на Тубабао на пароходе из Шанхая (а таких было подавляющее большинство), никакие предварительные проверки не производились, а вот тех, кто прилетел позже самолетом через Манилу, — должна была подвергнуть проверке филиппинская разведка, чтобы “отсеять агентов коммунистов”⁸¹. Прибыв на Тубабао, австралийцы были вынуждены полагаться на шанхайские досье, но после того как Шанхай в конце мая захватили коммунисты, эти архивы сделались недоступны, и австралийцы волей-неволей “согласились... опираться при проверке благонадежности на записи, сделанные в лагере”⁸². Таким образом, жизненный путь русских до их приезда на Тубабао, по сути, остался для австралийских чиновников закрытой книгой, поскольку они не имели никакой возможности проверить те сведения, которые сообщали им сами русские.

Не меньшую важность для австралийцев имели и результаты медицинского осмотра: в Европе австралийские врачи обрели недобрую славу из-за того, что забраковывали перемещенных лиц, у которых недоставало одного пальца на руке или было легкое косоглазие. Наряду с неподходящим возрастом самой частой причиной отказа беженцам на Тубабао, желавшим переселиться в Австралию, был туберкулез⁸³. Медицинский работник, присланный ИРО, чтобы сделать прибывшим на Тубабао беженцам рентгеновские снимки, обнаружил признаки туберкулеза у 500 человек, то есть у 10,5 % всей группы, находившейся в тот момент на острове. Разумеется, беженцы пришли в ярость, ведь отказ одному из членов семьи означал отказ всему семейству. Положение только осложнилось, когда этот

медицинский работник — доктор Л. М. Хань, этнический китаец, — назвал собравшихся на Тубабао колониалистами, расистами и “самой несговорчивой группой людей, с которыми ему когда-либо доводилось иметь дело”, и для полноты картины прибавил, что неопределенная жизненная ситуация сделала их, ко всему прочему, душевнобольными⁸⁴. Среди беженцев ходили слухи, что доктор Хань берет взятки и за плату готов заменить нехороший рентгеновский снимок на хороший, и что он или кто-то из его подчиненных искусственно завысил количество больных, чтобы получить побольше стрептомицина — главного препарата для лечения туберкулеза — и потом продавать излишки на черном рынке⁸⁵.

После протестов русских доктора Ханя заменили другим врачом, человеком более доброжелательным. После второго раунда рентгенографии были получены более приемлемые результаты, и безвыходная ситуация разрешилась благоприятным образом⁸⁶. Чиновник из Всемирной организации здравоохранения написал руководителю IRO, что Австралию следует убедить принять тех людей, у которых туберкулез находится в стадии ремиссии, возможно, с выплатой небольшой субсидии — чтобы “подсластить пилюлю”. “Ввиду всего того, что IRO уже сделала для Австралии, — заметил он, — полагаю, у вас вполне выигрышная позиция для заключения такой сделки”⁸⁷. Была ли такая сделка в итоге заключена, остается неизвестным. Известно лишь то, что по крайней мере двое русских, у которых в личном деле в октябре 1949 года была сделана запись “туберкулез в стадии ремиссии”, все же попали в Австралию. В ноябре 49-летняя Алла Горбунова-Полянская смогла уехать вместе с мужем и сыном на борту “Генерала Грили”. Игорю и Калерии Вржосек удалось отбыть на том же корабле вместе с двумя маленькими детьми, но родителей им пришлось оставить, в том числе 49-летнюю Валентину Вржосек, чье имя тоже значилось в списке лиц с туберкулезом в неактивной стадии. Впрочем, через несколько лет родственникам удалось добиться для нее разрешения въехать в качестве иммигрантки⁸⁸.

Большой проблемой при отборе мигрантов с Тубабао стал возраст, так как у многих беженцев трудоспособного возраста имелись родители преклонных лет. Одним из кандидатов, отвергнутых Австралией на основании неподходящего возраста, стал лидер общины Григорий Бологов, которому почти наверняка уже исполнилось пятьдесят, хотя, как и многие другие беженцы, он убавил себе десяток лет⁸⁹. Как и архиепископ Иоанн, он уехал в итоге в США, когда те наконец распахнули двери для мигрантов, и со временем оставил заметный след в американской русской общине (хотя, в отличие от архиепископа, и не удостоился быть причисленным к лику святых).

Всего в 1949 году в Австралию были переселены 1372 беженца с Тубабао. Двадцать второго июня на пароходе “Хейвен” из Самара (филиппинского порта отбытия) в Сидней отправился 341 беженец; затем 9 октября от острова отчалил “Мэрайн Джампер” с 834 пассажирами, из них кандидатуры 391 были одобрены Австралией для иммиграции; наконец, “Генерал Грили”, прибывший 9 ноября, доставил еще 574 мигранта. Оставшиеся 56 тубабаоских русских прилетели самолетом из Манилы в начале декабря⁹⁰. К декабрю 1951 года, согласно данным IRO, Австралия приняла с Филиппин уже 1669 беженцев⁹¹.

Учитывая желание Австралии принять прежде всего одиноких мужчин и женщин трудоспособного возраста, готовых выполнять физическую работу, прибывшая с Тубабао группа была далеко не идеальной. Из пассажиров “Хейвен” 47 человек указали, что им 50 лет или больше, а еще 46 человек признали, что им больше 40 лет (можно не сомневаться, что они убавили себе годы, так как это была та возрастная группа, в которой ложные заявления были самым обычным делом)⁹². Таким образом, как минимум 27 % пассажиров были старше сорока лет, а еще 14 % не достигли 16 лет: иными словами, менее 60 % попадали в предпочтительную категорию лиц от 16 до 39 лет. На борту “Генерала Грили”, прибывшего в Австралию последним из трех пароходов, эта доля оказа-

лась еще ниже — 53 %. Многие пассажиры приезжали семьями из двух или трех поколений, и лишь половина членов семьи были холостыми или незамужними. Пожалуй, можно усмотреть постепенное снижение моральных требований Австралии (или же возросшее понимание сущности старого Шанхая, откуда прибывали беженцы) в прибытии немалого количества пассажиров, назвавших себя разведенными или расставшимися с супругами: на борту “Генерала Грили” были почти исключительно женщины таких профессий, как мастер маникюра, массажистка, портниха и домработница⁹³.

Подавляющее большинство пассажиров всех трех пароходов записались русскими по национальности, и были еще довольно малочисленные группы тех, кто назвался поляками, украинцами, татарами и прибалтами (почти все они родились в Российской империи и говорили по-русски). Однако этот факт министр иммиграции Колуэлл предпочел обойти молчанием, когда в парламенте затронули вечно болезненный вопрос о советских паспортах. “Ни один из этих людей не имел русского [sic! — *Авт.*] паспорта”, — заявил он в парламенте, отвечая на заданный враждебным тоном вопрос Лэнга после прибытия “Хейвен”. Это не соответствовало истине, ведь сам Бологов признавал, что у половины русских шанхайцев имелись советские паспорта. На вопрос о национальной принадлежности прибывших мигрантов Колуэлл дал, мягко говоря, вводящий в заблуждение ответ. По его словам, среди пассажиров парохода были “бывшие жители Венгрии, Литвы, Эстонии, России, Польши, Латвии, Чехословакии и Румынии”. На деле же, как показывает анализ списка пассажиров, 81 % были записаны русскими⁹⁴.

Хотя у русских, оказавшихся на Тубабао и затем прибывших в Австралию, имелся некий общий жизненный опыт, в целом состав этой группы был весьма разнородным. С одной стороны, там были совсем маленькие дети: например, трехлетний Павлик Ауманн, сын молодой разведенной Натальи Сейфуллиной, двухлетний Николай Ухтомский, сын и наследник князя Георгия, и крохотная Лариса Трескина, дочь бу-

душего председателя сиднейского Русского клуба и первый ребенок, родившийся у русских беженцев на Тубабао. Семи-летний Никита Гилев приехал вместе с матерью-вдовой, шестилетняя Катя Соловьева тоже вместе с матерью Валерией (подругой Наталии Сейфуллиной), записавшейся как не состоящая в браке женщина-музыкант. На другом конце возрастной шкалы находился, например, старейший иммигрант с Тубабао — 82-летний Николай Добровидов, приехавший в составе семьи из трех поколений: 41-летним радиооператором Александром и 15-летней Мариной⁹⁵.

Алекс и Ольга Пронины — первая пара, поженившаяся на Тубабао, — приехали на борту “Генерала Грили” одни, без родственников; другой бездетной парой, иммигрировавшей без родителей, были шанхайские врачи Анатолий Оглезнев и его жена Евгения Шаревич-Оглезнева (они были на борту “Мэрайн Джампер”). Однако более типичными семейными группами были молодые супружеские пары лет двадцати или тридцати с небольшим, ехавшие с ребенком (детьми) и по крайней мере одним пожилым родителем. Джазовый музыкант Дмитрий Киреевский приехал не только с молодой женой и годовалой дочерью, но и с тещей и тестем — Валентиной и Аркадием Пикар, которые были активными антикоммунистами в Шанхае. Близнецы Володченко, родившиеся по дороге в Маньчжурию на КВЖД в 1914 году, прибыли на “Генерала Грили” с 36-летней матерью Ниной. Родившийся в Китае шофер Ибрагим Муратов, один из немногих в группе татар, приехал вместе с матерью-вдовой, поденной работницей, родившейся в России в 1906 году. Брат и сестра Гартунг, 20-летняя Ирина и 18-летний Игорь, приехали вместе с родителями, 53-летним Иваном и 39-летней Людмилой⁹⁶.

Неподходящий возраст иногда задерживал людей на Тубабао, хотя часто эта задержка оказывалась не слишком продолжительной. Николаю Харькову был 51 год, его жене — 48 лет, матери — 75 лет, в октябре 1949 года Харьковым и еще двум их родственникам не удалось отплыть на “Мэрайн

Джампер”, но уже через месяц им разрешили отбыть на пароходе “Генерал Грили”. Когда взрослым детям приходилось уезжать без пожилых родителей, исключенных по причине преклонного возраста или слабого здоровья, они все-таки вызывали их к себе спустя год или чуть позже. Так, Наталия Сейфулина вызвала обоих своих разведенных родителей (причем с их новыми спутниками жизни). Братья Коновцы, Анатолий и Валентин, были вынуждены оставить мать, о чем они с грустью сообщили журналистам на пристани, когда “Мэрайн Джампер” вошел в порт назначения, но вероятнее всего она все-таки позднее приехала к ним в Сидней. Игорь и Ирина Ваулины, прибывшие на том же пароходе, приехали без отца Ирины, Михаила Спасовского (которому, как можно догадаться, не разрешили въехать по политическим соображениям ввиду его репутации самого известного шанхайского фашиста), однако спустя год им удалось стать его поручителями и добиться для него разрешения на иммиграцию в Австралию⁹⁷.

Между тем в Китае русская община таяла на глазах: в начале 1951 года в Шанхае оставалось около тысячи русских — в 20 раз меньше, чем десятью годами ранее. В 1951 году Джойнт закрыл свое представительство в Шанхае, а через пять лет численность шанхайской еврейской общины уменьшилась до 171 человека (87 были советскими гражданами, остальные 84 имели паспорта других государств)⁹⁸. “Отставшие” продолжали постепенно эмигрировать, одним из последних уехал Владимир Жиганов: он прожил в Шанхае до 1964 года. К тому времени тот город, который он обессмертил в 1936 году в своем альбоме “Русский Шанхай”, уже не существовал и жил лишь в памяти людей, когда-то населявших его.

За период с 1947 по 1951 год под эгидой IRO в Австралию из Китая прибыли почти 3000 русских. Среди них основное ядро составляла группа из 1669 русских, приплывших с Тубабао, и они еще много лет сохраняли ощущение “тубабаоской” общности. Вслед за первыми партиями мигрантов в 1952–1964 годах последовали новые волны: из Китая при-

ехали еще 9–11 тысяч русских, причем эти волны заключали в себе цепные миграции, чаще всего для воссоединения семей. Таким образом, общее количество русских, перебравшихся в Австралию из Китая за двадцать лет после окончания Второй мировой войны, составляет 12–13 тысяч человек, хотя из-за начавшихся в середине 1950-х отъездов русских из Австралии в другие страны из чистого количества иммигрантов следует вычесть приблизительно 3–4 тысячи от общего числа прибывших⁹⁹.

Приехавшие в Австралию через Тубабао бывшие шанхайцы и харбинцы, покинувшие Китай в рамках программы массового переселения ИРО и громко заявлявшие о своих антикоммунистических взглядах, преимущественно этнические русские (почти без евреев), обнаруживали большое сходство с массами русских, которых в то же самое время вывозили из лагерей перемещенных лиц в Европе. Некоторые из них действительно были такими же белыми русскими, бежавшими из России после революции тридцать лет назад. Но обретенный жизненный опыт и самосознание двух этих потоков русских эмигрантов сильно различались, как различались между собой и имевшиеся в обоих советские элементы. В европейской группе бывшие советские граждане чаще всего были людьми, покинувшими СССР против своей воли (в качестве военнопленных или оstarбайтеров), и в европейских лагерях ди-пи они научились скрывать свою советскую сущность. Среди китайских русских почти никто из старшего поколения никогда не бывал в Советском Союзе, зато молодое поколение харбинцев в послевоенные годы успело получить хорошее образование в школах советского образца. Оба потока представляли собой любопытное сочетание белых и красных, но в каждом случае состав этой смеси был особым. Эти различия сказались позже, когда переселенцы из обеих групп достигли берегов Австралии и со-обща сделались новыми австралийцами.

Часть III
**Переселение
в Австралию**

Глава 6

Прибытие

Очень трудно найти мигрантов, участвовавших в европейской программе массового переселения, которые изначально испытывали бы сильное и отчетливое желание уехать именно в Австралию. Один за другим они рассказывали о более или менее случайных обстоятельствах, определивших их выбор. Леонид Верцинский, владевший французским, вполне благополучно жил в Германии в зоне французской оккупации (он даже успел купить автомобиль), но “страх перед коммунистами” заставил его стремительно бежать из Европы. Как и большинство ди-пи, он поначалу хотел эмигрировать в США, однако эта страна оказалась временно закрыта для перемещенных лиц. “Но объявление о приеме иммигрантов в Австралию все изменило, — вспоминал он. — Мы поехали туда”. Иван Богут выбрал Аргентину, когда же эта дверь захлопнулась, выбором по умолчанию стала Австралия. У Нины и Леонида Дерновых уже были чилийские визы, но когда в Чили случилось землетрясение, они передумали туда ехать. В 1950 году им наконец предложили визу австралийцы, они согласились. Ирина Халафова и ее муж уже находились в Буцбахском транзитном лагере и ждали направления на переселение. Тут случился Берлинский кризис 1948 года, и они испугались, что вот-вот начнется третья мировая война: “Стали собирать рюкзаки, а затем сели и задали себе вопрос — куда идти? Муж работал [переводчиком] с ав-

стралийской [отборочной] комиссией и это решило нашу дальнейшую судьбу”¹.

Австралия стала “случайным местом назначения” для Наталии Баич и ее мужа. Для Сигизмунда Дичбалиса выбор оказался случайным в самом буквальном смысле. Он хотел уехать в Канаду, и у него имелись все необходимые для этого (фальшивые польские) документы, но они с женой “ошиблись адресом”, случайно зайдя не в тот кабинет (из-за плохого знания английского) и оказались у представителей Австралии. Об этой стране он не знал почти ничего, почему-то думал, что там растут лимоны и бананы, но в итоге решил туда поехать. Юрий Иванов, узнав о предложении отправиться в Австралию, принял его: “Не скажу, что мы были очень рады, но уезжать было надо и все равно куда”. Рекламные материалы, выпускавшиеся самой Австралией и показывавшие ее в выгодном свете, похоже, прошли мимо перемещенных лиц, хотя один ди-пи позже вспоминал, что заинтересовался этой страной после того, как увидел фильм 1946 года “Перегонщики скота” с Чипсом Рафферти².

Несколько иначе дело обстояло с китайскими русскими, чей отъезд оказался более растянутым во времени, так что у многих уже жили в Австралии друзья и родственники. И все равно, как мы уже видели на примере общины Тубабао, русские из Китая поначалу так же прохладно отнеслись к идее переселения в Австралию, как и их бывшие соотечественники из Европы, и они тоже впоследствии часто объясняли свое решение случайностью. Георгий (Юрий) Натинг жил в Тяньцзине, в январе 1949 года, когда город захватили войска китайских коммунистов, ему было 11 лет. Школа, где учился Юра, закрылась, его мать мать бежала с подругой в Австралию, а остальные члены семьи подумывали о Бразилии и даже получили бразильские визы, но вдруг получили телеграмму от матери Юры, в которой она сообщала, что Австралия согласна принять их в качестве иммигрантов. Всеволод Бароцци де Эльс (сын атамана Забайкальского казачьего войска) работал в начале 1950-х торговым представителем

фирмы “Чурин и К°” и случайно увидел на улице объявление, адресованное русским в Китае; он попросил сестру, жившую в Америке, прислать приглашение. Он уже плыл с семьей на корабле в Сан-Франциско через Сидней, но в пути один из детей заболел, и родители передумали ехать в США, высадились в Австралии и остались там навсегда. Даже редкие заявления о сознательном желании поехать именно в Австралию звучат несколько необычно: например, Владимир Гантимуров (инженер!) решил ехать не в США, а в Австралию, после того как в Америку уехал его брат и написал оттуда, что эта страна чересчур механизирована³.

Плавание и первые впечатления

Плавание из Европы, длившееся около месяца, часто оказывалось ужасным. Суда, заказанные IRO для перевозки мигрантов, были или переоборудованными американскими судами для перевозки войск, или старыми посудинами вроде “Дерны” (ее владельцем был грек, а зарегистрировано судно было в Панаме), которые “давно следовало разобрать на металлолом”⁴. Ди-пи редко получали в свое распоряжение каюты; чаще всего их размещали в двух больших трюмах без окон (один — для мужчин, второй — для женщин), где до потолка в три уровня размещались нары. Один пассажир вспоминал, что мужской трюм был особенно неудобным, потому что находился в самом низу. Корабль мотало по волнам, и внизу, в трюме, “болтало, как в лифте в высотном здании”⁵. Суда набивались под завязку, а гигиенические условия там были самые примитивные. Бывалые беженцы отмечали, что среди пассажиров отсутствовали взаимопомощь и доброжелательность, особенно в женском трюме, где все беспрестанно ссорилось из-за территории и шума, который поднимали дети. На “Дерне” однажды случился скандал с политическими обвинениями, отчасти спровоцированный женщиной, которая надолго оккупировала единственный кран с водой в женском

помещении. Часто люди жаловались на еду: иногда просто потому, что их кормили чем-то непривычным (восточные европейцы плохо переносили маслины и спагетти с томатным соусом, которые подавали на кораблях с итальянскими экипажами, набранными в Неаполе), но было и такое, что в середине вояжа испортилось мясо из-за поломки корабельных холодильников⁶.

Существенной причиной недовольства было разлучение жен (с детьми) и мужей, часто рассказывали о тайных любовных встречах по ночам в спасательных шлюпках⁷. Наталия Баич, по натуре не любительница жаловаться, вспоминала плавание как нечто ужасное: у нее на руках было двое девятимесячных близнецов, причем оба болели. Они вместе находились в женском помещении, а муж — отдельно, в мужском, так что он никак не мог помочь жене. На молоко в бутылках у близнецов была аллергия, а поскольку медики на борту корабля не одобряли кормление грудью, кормить детей приходилось уткой. Когда судно наконец пристало к берегам Австралии, малыши уже походили на “скелетиков”⁸. В начале сентября 1949 года разразился громкий скандал из-за смерти девятнадцати младенцев во время плавания (больше всего случаев было зафиксировано на пароходах “Протея”, “Нелли” и “Фейрси”) и по прибытии в Бонегиллу: эту историю подхватили австралийские газеты, и по настоятельной просьбе Колуэлла представитель IRO Кингсли выпустил заявление, в котором говорилось, что Австралия никоим образом не виновна в этих смертях; это заявление сам Колуэлл зачитал в парламенте⁹.

Не на всех судах все обстояло так плохо. Николаю Ключареву, отбывшему в Австралию на пароходе “Нелли” в 1950 году, поначалу понравились чистота и порядок на борту; кроме того, там выпускалась корабельная газета, проводились уроки английского, устраивались концерты, танцевальные вечера, кинопоказы — все это он расписывал в самых радужных красках. Правда, с десяти вечера действовал комендантский час (для недопущения непристойного поведения), и хо-

дили слухи, что, если парочку застукают за сексом на палубе, обоих нарушителей приличий отошлют обратно в Германию. С семи утра и до десяти вечера в громкоговорители безостановочно зачитывались всевозможные инструкции и советы. Зато в ту первую неделю пассажирам даже подавали свежие фрукты. Обстановка резко переменялась, как только судно попало в первый шторм. Большинство пассажиров сразила морская болезнь. На борту царило железное правило: с восьми до одиннадцати часов утра все пассажиры должны были находиться на палубе, пока происходила уборка спальных помещений и совершались ежедневные медицинские и полицейские обходы; на это время запирались все уборные, кроме одной. Поэтому маявшие морской болезнью пассажиры кое-как выползали на палубу и бессильно лежали там, мучаясь неудержимой тошнотой¹⁰.

Но, несмотря на все неприятности, во время этих долгих плаваний молодые эмигранты часто развлекались как могли. Так, во всяком случае, можно подумать, рассматривая фотографии, на которых они позируют на палубе в шортах и летних платьях, и читая их воспоминания о танцах под джазовую музыку по вечерам, не говоря уж о сексе в спасательных шлюпках. Однако, поскольку на борту собрались пассажиры разных национальностей, нередко вспыхивали конфликты, особенно между евреями (которых часто подозревали в симпатиях к коммунизму или к СССР) и мигрантами из Прибалтики или Восточной Европы (которых подозревали в пособничестве нацистам). На борту “Фейрси”, прибывшего в Австралию в июне 1949 года, было много русских (хотя “многие были записаны украинцами, белорусами, поляками, латышами и т.д.”), среди которых затесались власовцы и “большая группа энтэсовцев”. Как вспоминал один молодой энтузиаст, “еще находясь на теплоходе, они начали устраивать собрания членов союза для ознакомления и совместных планов работы в Австралии”¹¹.

Мигранты из Европы, ехавшие по программе массового переселения IRO, везли с собой относительно мало ба-

гажа (несколько чемоданов с личными вещами, профессиональными инструментами — по 50–100 килограммов, больше не разрешалось правилами) и еще меньше денег (из Германии запрещалось вывозить свыше 40 марок на человека)¹². Иммигранты из Китая, которым предстояло более короткое и часто более приятное плавание, встречались с меньшими ограничениями, хотя семье Натана Мошинского, переселявшейся из Шанхая, пришлось прятать кое-что из ценностей (на руки, под одежду, нанизывали часы, а статуэтки Будды набивали американскими долларами). Большое семейство Галины Кучиной, покидавшее в 1957 году Хайлар и Харбин по программе, организованной Всемирным советом церквей, везло с собой все, что могло бы пригодиться на первых порах в Австралии: костюмы и пальто, сшитые на заказ в ателье, обувь и нижнее белье, стеганые одеяла, а также большой, на несколько лет, запас одежды на вырост для маленькой дочери¹³.

Высадка на берег, конечно, приносила долгожданное облегчение, но первые впечатления далеко не всегда оказывались утешительными. “*Mein Gott*, — только и выдохнул один мигрант из Европы, когда увидел вблизи побережье Западной Австралии, — голый, бесплодный скалистый мыс с одиноким мертвым деревом”. Да и порт Фримантл оказался ненамного лучше: “Особенного восторга от серых построек-складов мы не ощутили”. Конечно, те, кому повезло высадиться в Сиднейской гавани, часто дивились ее красоте, и некоторые потом с благодарностью вспоминали о терпении и доброте сотрудников австралийской иммиграционной службы, которые поднялись на борт кораблей во Фримантле, чтобы проделать последний отрезок пути через Большой Австралийский залив к восточному побережью вместе с мигрантами. Но русский скульптор Георгий Вирин вспоминал свой приезд туда из Парижа в 1952 году как безрадостное событие: “Сидней встретил нас плохо: в первую же ночь меня обокрали”.

Это стало лишь последней каплей: его и так угнетали мрачные мысли, потому что, кроме русского, он хорошо владел французским и немецким языками, но совсем не знал ан-

глийского и потому после высадки ощутил себя все равно что глухонемым¹⁴.

В те дни репортеры и даже просто любопытные люди приходили на пристань встречать корабли с мигрантами, и пассажиры, давая интервью, часто старались выказывать оптимизм — конечно, кроме тех случаев, когда они явно осуждали других пассажиров за их политические взгляды или жаловались на негодную пищу и ужасные бытовые условия на борту парохода. Княжна Надежда Мещерская, прибывшая на “Дерне” и собиравшаяся остановиться у сестры в Чатсвуде, объявила, что у нее нет ни гроша за душой, так как революция отняла у нее все: “У меня осталась только я сама и то, что на мне надето”. Однако, представляясь, она перевела свое имя на английский — *Норе*. Роман и Алексей Мусины-Пушкины, отец и сын, назвались родственниками великого русского поэта Пушкина. Петр Бурлин, 71-летний генерал и бывший советник при Генштабе китайской армии Чан Кайши, а затем профессор военного дела в китайской Военной академии, сообщил журналистам, которые приветствовали по прибытии в Австралию в 1950 году, что ищет “тишины и покоя”. Латыш Андрис Фриденбергс (которому впоследствии навредит огласка в деле Петрова), высадившись в сентябре 1949 года с парохода “Генерал Лангфитт”, приветствовал журналистов на эсперанто, хотя сопровождавшая его “стройная, светловолосая, привлекательная” дочь возразила, что эсперанто, этот искусственный язык, “не подходит для объяснений в любви”¹⁵.

Первые два года

Как правило, австралийские власти направляли въезжавших по программам массового переселения в лагеря для мигрантов, где им полагалось провести месяц или два, после чего мужчин и одиноких женщин посылали на работу по контрактам в заранее определенные места¹⁶. Первым открыли ла-

герь под Бонегиллой, на окраине штата Виктория вблизи границы с Новым Южным Уэльсом. От рассказов тех, кому довелось попасть туда в то время, веет тоской и мраком. В годы Второй мировой войны там располагался армейский лагерь с казармами для военнопленных, “обстановка была, мягко говоря, спартанская, строения простояли несколько лет в запустении, и все разваливалось”. По периметру лагерь был обнесен оградой из сетки-рабицы, а до ближайшего города, Уодонги, было километров тринадцать, да и сам этот город ничуть не походил на космополитичный мегаполис¹⁷. С непривычки окружающий суровый пейзаж казался мигрантам чрезвычайно унылым. “Не видно было ни деревца, ни цветочка, одни только пустые армейские казармы посреди жаркой, пыльной пустыни, — вспоминала одна мигрантка из Латвии. — Все было обнесено колючей проволокой, как в немецком концлагере... Мы жили с жутким и все нараставшим ощущением полной изоляции. Мы не понимали, где находимся, понимали только, что пути назад нет”¹⁸. Молодым латышам Андрису и Анне Бичевскис, прибывшим в 1949 году на борту “Фейрси”, необычайно повезло в том, что им разрешили ехать с обеими матерями. Однако первые впечатления старших женщин от лагеря Грета оказались удручающими: “С вершины холма возле лагеря они поглядели на расстилавшийся дальше бесплодный, безрадостный пейзаж, где торчали только три пня, оставшиеся после пожара в буше. И обе чуть не расплакались от мысли: куда же мы приехали коротать остаток своего века?”¹⁹

Многих русских/советских ди-пи разместили в лагерях для мигрантов Батерст и Грета в глубинных районах Нового Южного Уэльса; оба были переоборудованы из бывших армейских лагерей²⁰. В лагере Батерст, по воспоминаниям одного мигранта, молодые пары, соскучившиеся после разлуки, поселили вместе, но в “огромных бараках, без каких-либо перегородок”, и “по ночам [когда все они занимались любовью] барак трясло, как во время землетрясения”²¹. В Бонегилле все обстояло еще хуже: мужчин и женщин поселили в отдель-

ных помещениях, разлучив даже супружеские пары. В этих помещениях “не было перегородок, а за внешними стенами зиял ров в полметра шириной, вдоль которого тянулась колючая проволока”²². Но не все воспоминания о лагерях для мигрантов были мрачными. Андрис Бичевскис, хотя он всю оставшуюся жизнь критиковал австралийскую партию лейбористов, с благодарностью вспоминал, что мигранты получили от правительства Австралии комплект одежды: “Куртка, брюки, хорошие крепкие ботинки и шляпа — все от мистера Чифли. Жалко, ничего не сохранилось!” Павла Химины, прибывшего в страну в 1949 году, приятно удивили вазочки с цветами на столах в кафе, фрукты и изобилие белого хлеба. У него остались светлые воспоминания о театральных спектаклях русских трупп в Бонегилле и даже о костюмированном бале (сам он нарядился Котом в сапогах)²³.

Некоторым мигрантам Австралия показалась невыносимо жаркой страной. “Ни клочка тени”, — такой запомнил Бонегиллу Анатолий Карел. А вот другие, особенно те, кто приехал в Бонегиллу или в Мельбурн, наоборот, мерзли: они слышали, что Австралия находится в тропиках, и поэтому оставили свою теплую одежду в Европе²⁴. Еще одной проблемой стала еда: теперь уже не макароны, а баранина и вездесущий запах еды, которую готовили на говяжьей смальце (вместо свиного сала, к которому привыкли восточные европейцы). Однако даже по поводу баранины мнения расходились. “Хорошая питательная еда из лагерной кухни, без лишних изысков, — вспоминал Бичевскис. — Помню наш первый обед: тушенная жирная баранина, большая порция, так вкусно нас еще не кормили!”²⁵

Снова оказавшись в лагере, отрезанном от окружающего мира людей, многие невольно вспоминали концентрационные лагеря в Европе. В сиднейской газете *Worker* приводились жалобы мигрантов, и репортер замечал: “Похоже, с приблудами там обращаются не как с иммигрантами, приехавшими в Австралию в поисках лучшей доли, а как с военнопленными”. Мигранты жаловались, что бытовые условия в их ла-

гере “хуже, чем в лагерях перемещенных лиц в Германии”²⁶. Вполне возможно, так оно и было: лагерь ди-пи в Европе часто бывали довольно благоустроенными, они не шли ни в какое сравнение с концлагерями.

Еще мигрантов очень раздражала австралийская практика разлучать семьи: мужчин отправляли на работу куда-нибудь далеко (и женщин тоже, если они считались главными добытчицами в семье), а их родные оставались в мигрантском лагере. Многим труднее всего было переносить даже не самую тяжелую работу, а внезапную разлуку с семьей, ведь им приходилось на время разрывать единственную живую связь, которая сохранилась у них после отъезда из Европы. Жены с маленькими детьми оставались сами по себе, часто в пересыльных центрах, оборудованных в “изолированных бывших лагерях для солдат или летчиков, вроде Гаулера и Вудсайда в Южной Австралии. За сомнительную привилегию этой разлуки беженец обязан был еще и платить по три фунта в неделю”. Например, Леонид Верцинский не мог понять, почему ему нужно разлучаться с женой и маленькой дочерью, когда его отправляли на работу на стекольный завод²⁷.

Спустя примерно год жены с детьми обычно воссоединялись с главой семьи или где-нибудь в глубине Австралии, в сельской глуши, или (уже после истечения срока контракта) в городе. Юного Николая Коваленко отправили в Мельбурн чинить дороги, его младшую сестру — в Канберру, работать в государственной типографии, а отца — в Южную Австралию, где он работал механиком на военной базе. Его мачеха и 11-летний брат оставались в лагере для мигрантов в Новом Южном Уэльсе, пока не появилась возможность переехать в Аделаиду к отцу семейства. Отца Наташи Нил (урожденной Гинч) отправили на работу в Мангалор (в штате Виктория), а Наташа и ее мать оставались в мигрантском лагере Грета в Новом Южном Уэльсе. Через некоторое время они переехали из Греты в Нагамби (километрах в двадцати от Мангалора), чтобы оказаться поближе к отцу Наташи. Там они жили в гостинице, куда мать устроилась горничной, а отец на вело-

сипеде приезжал к семье на выходные. Отца Алекса Селенича отправили сельскохозяйственным рабочим в Джилонг (работодателем была компания *International Harvester*), Алекс и его мать переезжали из одного мигрантского лагеря в другой, побывали, в числе прочих, в Бонегилле и Коуре, а потом перебрались в Джилонг, где его мать нашла работу в гостинице, и отец, когда мог, приезжал к жене и сыну на такси²⁸.

По условиям двухгодичных контрактов, мужчин отправляли рабочими на угольные шахты и в каменоломни, на лесозаготовки, строительство железных и автомобильных дорог, гидроэлектростанцию в Снежных горах, а позже и на сахарные плантации в Квинсленде. Последние, по воспоминаниям крестьянина с Украины Василия Гвоздецкого, были страшным местом: ему казалась невыносимой жизнь в палатке и постоянные укусы moskitov. На размещение в палатках жаловались многие. Группа мигрантов из Прибалтики — в основном инженеры, школьные учителя и студенты университетов — пришли в ужас, когда их поселили в лесозаготовительном лагере в палатках, хотя представитель местного профсоюза и сказал им, что рабочие-австралийцы живут точно в таких же условиях, да и палаточное размещение “отвечало принятым стандартам: по два человека в палатке, полы из твердой древесины, возможность принимать душ (три душевые кабины)”. После того как мигранты пожаловались на палатки, с ними согласились поменяться несколько австралийских рабочих, занимавших полуразвалившийся сарай из четырех помещений, где не было кухни, уборной и мест для хранения вещей, и сочли, что остались в выигрыше. Прибалты скромно не признавались, что хотят жить в лучших условиях, чем их сотоварищи-австралийцы, но потом демонстрировали свое культурное превосходство, выступая с хоровым пением в передаче местного радио²⁹.

Работа в Снежных горах тоже была сопряжена с трудностями, но, во всяком случае, спустя годы многие мигранты вспоминали это место добрыми словами. Там работали многие русские — позже журнал-летопись “Австралиада” соста-

вит далеко не полный список, в котором будут указаны имена 100 бывших рабочих гидроэлектростанции. Впрочем, не все русские сознавались в том, что они русские (Александр Соломс, уроженец Орла, превратился в латыша, а другой хорошо известный русский взял себе еврейскую фамилию Абрамович). Бывшая русская эмигрантка Тамара Макеева, которой предстояло прожить 16 лет вместе с мужем-строителем в городе Джиндабайне неподалеку, в один из первых дней в Снежных горах повстречала друга детства — Николая Доннера, с которым познакомилась в 1944 году в русском скаутском лагере в Германии (она приехала туда из Польши, а он из Югославии)³⁰.

Другой проблемой стало членство в профсоюзах. Лейбористское правительство заявляло, что вступление в профсоюз — “важнейшее условие приема в австралийское общество”, и даже сделало этот пункт одним из основных принципов австралийской иммиграционной политики. Неудивительно, что либералы, возглавившие кабинет министров в начале 1950 года и относившиеся к профсоюзному движению несколько прохладнее, смотрели на этот вопрос не столь однозначно. Министр иммиграции, либерал Гарольд Холт, заявил, что, по мнению правительства, “профсоюзное движение в Австралии следует поддерживать, и что людям, принадлежащим к той или иной профессии, в целом следует вступать в соответствующие союзы”, но подчеркнул, что правительство нисколько не одобряет попытки затаскивать туда людей насильно, и добавил, что написал в журнале *New Australian* статью, в которой разъясняет специально для иммигрантов обе стороны такой позиции³¹.

Но иммигранты далеко не всегда желали вступать в профсоюзы, да и профсоюзы не всегда хотели их принимать. В глазах иммигрантов-антикоммунистов австралийские профсоюзы выглядели непривлекательно, особенно союзы “синих воротничков”, имевшие крепкие связи с коммунистической партией Австралии. С другой стороны, и в профсоюзах, особенно близких к компартии, склонны были видеть

во всех перемещенных лицах своих потенциальных ненавистников и протофашистов³². Взаимное недоверие иммигрантов и профсоюзов очень беспокоило лейбористскую партию, и эта проблема стала предметом своего рода политического футбола. Колуэлл тревожило враждебное отношение профсоюзов к его любимым прибалтам, в его личном архиве сохранилось множество газетных вырезок с материалами, посвященными этой теме³³. Когда Федерация горняков, в которой задавала тон коммунистическая партия, вынесла резолюцию против найма мигрантов из Прибалтики и Польши на все угольные и сланцевые рудники Австралии, Колуэлл назвал это решение весьма прискорбным; сбитый с толку австралийский Совет профсоюзов вынужденно дистанцировался от данной резолюции³⁴. В палате представителей парламента, зачастую с ясным намерением смутить лейбористов, не раз поднимали вопрос, почему ди-пи не хотят вступать в профсоюзы. Например, представитель либералов из Виктории, напористый антикоммунист Джо Галлетт адресовал министру Холту риторический вопрос, не объясняется ли их нежелание вступать в профсоюзы или поддерживать лейбористскую партию Австралии тем, что ряд профсоюзов контролируются коммунистами и что в лейбористской партии Австралии, которую поддерживают профсоюзы, немало тех, кто симпатизирует коммунистам³⁵. На деле же, по-видимому, никто не оспаривал право профсоюзов оказывать на иммигрантов давление, чтобы те вступали в них во время действия двухгодичного рабочего контракта, разве что сами иммигранты иногда сопротивлялись.

Перемещенных лиц, работавших по двухгодичным контрактам, часто приводили в недоумение политические взгляды их товарищей по работе, особенно тех, кто считал Советский Союз страной, где революция положила конец эксплуатации труда. С такими взглядами столкнулся Сигизмунд Дичбалис, когда работал в глуши Нового Южного Уэльса в бригаде, ремонтировавшей железнодорожные рельсы: «[Австралийцы] считали нас абсолютными дура-

ками за то, что мы оставили позади «рабоче-крестьянский рай» и отдали себя во власть капиталистов, для которых надо работать, как лошадь, без надежды на похвалу, орден или доску почета — только за деньги!» Он же в ответ, желая убедить их в том, что коммунизм — зло, пускал в ход «физические аргументы», то есть кулаки³⁶. Но бывали и случаи другого взаимонепонимания из-за культурных различий. Некоторых ди-пи ставили в тупик просьбы бригадиров воздержаться от слишком усердной работы, чтобы побереечь товарищей по бригаде. Можно не сомневаться, что эти ди-пи приобрели свои трудовые привычки где угодно, только не в Советском Союзе, где стахановцам влетало от напарников. С другой стороны, выросший в СССР Дичбалис чувствовал, что на работе из него высасывают все силы, и замечал, что капиталисты умеют это делать. Но даже Дичбалису, который был физически вынослив и справлялся с тяжелой работой в разгар лета в перегретом помещении фабрики, было очень трудно приспособиться к другой привычке австралийцев — непременно зайти с новыми приятелями по работе в паб и присидеть там с ними за выпивкой час-другой³⁷.

Мигранты обживаются

В начальной школе, куда ходила Наташа Гинч, местные дети швыряли камни в детей иммигрантов, обзывали их грязными свиньями и кричали, что «в Китае живут одни черти» (китайских русских воспринимали не как русских, а как китайцев, — во всяком случае, в той сельской глуши штата Виктория, где она жила). Один сотрудник австралийской службы иммиграции, оглядываясь на послевоенный опыт своей страны, вспоминал, как трудно приходилось в те годы ди-пи: «В газетах их уже заранее хорошенько полили грязью, и мы, австралийцы, были не готовы принять их. Все ругали и их самих, и практически всех, кто был хоть как-то причастен к их приезде сюда». В 1953 году, когда социолог Джин Мартин при-

ехала в маленький захолустный городок, чтобы изучить жизнь иммигрантов-ди-пи, оказалось, что в общении с австралийцами (в том числе и с нею) они испытывают неловкость и проявляют недоверчивость, однако у двух этих групп имеются общие интересы или общие занятия. Она истолковала это так: «Австралийцы оказались в роли дающих, а перемещенные лица — в роли принимающих, и обеим группам эти навязанные им роли не нравились»³⁸.

У взрослых же иммигрантов возникало ощущение, что австралийцы относятся к ним пусть и не враждебно, но, по существу, совершенно равнодушно. Юрий Иванов, выходец из СССР, иммигрировавший один, без семьи, и направленный в лагерь Грейлендз в Западной Австралии, вспоминал, что в провинциальных городах на мигрантов не обращали особенного внимания: если кто-то разговаривал на иностранном языке, «местные просто бранились и оралы: «Говорите по-английски!»» Перт запомнился ему как более культурное место: «Там, когда мы говорили по-русски, на нас только молча искоса поглядывали». И, пожалуй, если сравнивать с другими, австралийцы оказали чужакам еще довольно теплый прием. В Великобритании, например, в редакционной статье, опубликованной в *Daily Mirror* в 1948 году и озаглавленной «Кому есть до них дело?», говорилось, что, «принимая скопом перемещенных лиц, [британцы] совершили невыгодную сделку», потому что иммигранты совершают преступления и промышляют махинациями на черном рынке, и «пора их всех переловить и отправить назад». Однако больно ранило даже равнодушие. Глебу Гинчу, Наташиному отцу, надолго запомнился добрый поступок одного австралийца просто потому, что кто-то наконец увидел в нем человека³⁹.

Иммигранты, в прошлом имевшие собственную прислугу (а таких среди прибывших из Китая было немало), удивлялись, когда австралийцы давали им понять, что все должны брать на себя часть работы по дому. Семнадцатилетний Сэм Мошинский, приехавший из Шанхая, где его семья жила в достатке, очень удивился тому, что его поручители в Камберуэлле, при-

городе Мельбурна, не только сами готовят еду, но и просят его помыть посуду, покосить траву и вынести мусор: “Первая неделя оказалась очень утомительной, полной совершенно новых личных впечатлений... Гриша [Шкловский, его поручитель. — *Авт.*] вознамерился устроить мне ускоренный курс обучения тому, как встроиться в австралийскую жизнь. Наверное, его ужаснуло, что я ничего не умею делать”⁴⁰.

Особенно тяжело приходилось женам иммигрантов, привязанным к домашнему быту. Если они не знали английского и не имели работы, где можно было бы общаться с австралийцами, порой проходило много лет, прежде чем они обзаводились новыми знакомыми и тем более друзьями за пределами собственно иммигрантской среды. Наталия Баич вспоминала, как трудно ей было знакомиться с австралийцами, пока она сидела дома с маленькими детьми. В других семьях работали и муж, и жена, но и в этой ситуации были, помимо очевидных плюсов, свои минусы. Иван Николаюк, прибывший в Мельбурн через Марокко из германского лагеря Мёнхегоф, впервые в жизни оказался в роли домохозяйки, когда его жена Ядвига устроилась работать на фабрику. “С переездом в Австралию... престиж европейского мужа катастрофически падает, — грустно писал он другу за границу. — Из кормильца семьи он превращается в подпорку”. Они с сыном мыли посуду, пылесосили и даже ходили по субботам за покупками, потому что и в эти дни жена была занята: работала в церковной русской школе. Ядвига соглашалась с тем, что он сделался “настоящим австралийским мужем”⁴¹.

Для молодых переезд в город становился по-своему радостным событием. Юрий Доманский, закончив работать по контракту летом 1933 года, сразу же поехал в Сидней и обнаружил, что русские мигранты ведут там “бурную жизнь”: строился православный собор, устраивались русские балы и концерты, можно было попасть на выступления таких шанхайских джазовых знаменитостей, как Мики Кэй и Серж Ермолл. Доманский был ди-пи из Европы, но в Сиднее он нашел своих родственников из Шанхая и через них проник в сид-

нейские круги бывших шанхайцев, внутри которых в ту пору и происходило все самое интересное. (Позже он узнал о том, что шанхайцы были не единственными русскими из Китая — были еще и переселенцы из Харбина и Тяньцзиня.) К тому времени в Сиднее уже появились все элементы русской социальной жизни: можно было зайти в *Basil's* на углу Питт-стрит-молл и Парк-стрит, где подавали кофе и русские пирожки, а в магазине *Zorin's* на Виктория-стрит в Дарлингхерсте можно было купить колбасу, икру, селедку, квашеную капусту, соленые огурцы и черный хлеб. Была и водка, точнее, два вида водки, “Сабиновка” и “Собиновка”, которые делали два завода-конкурента. “И вся российская эмиграция разделилась еще на две партии. Одни пили только «Сабиновку», а другие — «Собиновку», — вспоминал Доманский (впрочем, это больше похоже на выдумку)⁴².

Семья Николаюков приехала поздно, потому что задержалась в Марокко; кроме того, они не участвовали в программе массового переселения IRO, а прибыли в индивидуальном порядке, найдя себе поручителей. Те, кто приезжал в Австралию раньше, под эгидой IRO, проводили первые годы или на обязательных работах, или в мигрантских лагерях, а потом часто снимали комнаты в пансионатах где-нибудь на рабочих окраинах Сиднея, вроде Редферна или Фицроя. Сигизмунд Дичбалис, устроившийся теперь на завод “Данлоп”, производивший шины, жил вместе с женой в съемной комнате в подвальном помещении. Николай Харьков вместе с женой и тещей ютились в съемной квартире над мастерской в Редферне, на Риджент-стрит, 126. В воспоминаниях Джой Дамузи, которая росла в Фицрое в греческой семье, иммигрировавшей в послевоенную пору, живо передана тогдашняя атмосфера: “...убогие, обветшалые пансионаты, пьянчуги на улицах, вековые викторианские дома, отчаянно нуждавшиеся в свете и ремонте”⁴³. Это были труппобные районы старого Мельбурна, с “рядами жилых домов под боком у заводов с вредным производством”, приговоренные к сносу незадолго до войны, но потом за неимением средств на реконструкцию так и стоявшие годами. Дома,

что побольше, “пришедшие в запустение, были поделены фанерными или джутовыми перегородками на комнатухи для пересдачи внаем”; в большинстве не было кухонь, в трети домов не было уборных, а в четверти — газа или электричества⁴⁴.

Многие русские вынуждены были жить в страшной тесноте. Гэри Нэш и его родня — мать, отчим и мать отчима — приехали с Тубабао как мигранты, нашедшие поручителей, и поначалу разместились в двух комнатах в ветхом домишке за городской чертой Сиднея, где находилась птицеферма пригласившего их поручителя, а позже снимали три комнаты в доме, принадлежавшем одному русскому, ближе к городу. Но вскоре после того, как они перебрались в эти три комнаты, к ним из Китая приехали другие родственники (супружеская пара с сыном одиннадцати лет). Большая семья Галины Кучиной из шести человек, считая маленького ребенка, ютилась в маленьком доме в Кобурге, да еще вместе с хозяйкой, у которой был трудный характер⁴⁵.

Некоторые снимали жилье вскладчину и обустроивали более или менее коммунальный быт. Юрий Иванов и еще несколько новоприбывших молодых ди-пи, в большинстве уроженцев СССР, сняли в Перте дом с общей ванной и кухней, так что в каждой комнате разместилось по семье. Пожалуй, это походило на типичную советскую коммуналку, только здесь, в Перте, бывший офицер Русского корпуса выпускал антикоммунистический журнал “Посев”, выпускавшийся НТС. Другая группа русских — три семьи и двое холостяков, все пламенные антикоммунисты, — снимали вместе дом в Мельбурне, в районе Миддл-парк, и иронично называли его “колхозом”⁴⁶.

На Тубабао будущие иммигранты соблазнялись известиями о том, что переселенцы, попавшие в Австралию раньше, уже через два года обзавелись собственными домами. Эти заманчивые обещания оказались на удивление правдивыми: земля на городских окраинах стоила довольно дешево. Но было и одно “но”: дом часто предстояло строить своими руками. Послевоенный жилищный кризис был настолько су-

ровым, что многие старые австралийцы годами ждали, когда же у строителей освободятся руки и очередь дойдет до них. Некоторым из иммигрантов, вознамерившихся справиться с этой задачей своими силами, приходилось самим доставлять стройматериалы к себе на участки — обычно на велосипеде. Кое-кто (как, например, муж Галины Кучиной) уже научился водить и купил автофургон⁴⁷. Лоренц Селенич в начале 1950-х купил большой участок земли в Джилонге и построил дом, наняв в помощники строителя, своего бывшего соседа по квартире; Глеб Гинч несколько лет копил деньги на участок земли в Резервуаре (под Мельбурном), а потом построил на нем дом из фибролита, почти целиком собственноручно. Латыши Андрис и Анна Бичевскис сумели накопить 250 фунтов, пока работали в лагере Скайвил, купили землю в Панании к юго-западу от Сиднея и построили дом из фибролита. Вселившись в свой “замок” в марте 1952 года, они ощутили “неописуемую радость”: к тому моменту они прожили в Австралии меньше трех лет, а до этого восемь лет скитались по разным лагерям для беженцев.

Иван Николаюк, привыкший за долгие беспокойные годы ждать только новых потрясений, поначалу отнесся скептически к самой идее стать домовладельцем. “Из-за горького опыта наших отцов мы тоже не чувствовали большого желания приобретать недвижимость, — писал он друзьям в Америку. — Но здесь это очень модно и даже необходимо экономически. Квартиры страшно дорогие, а дома стоят относительно дешево”. Через два года — и через четыре года после приезда — он уже сообщил, что строительство его собственного дома завершено⁴⁸.

Работа

В первые годы после истечения срока обязательных рабочих контрактов уделом очень многих бывших ди-пи, и мужчин, и женщин, стала работа на фабриках. Для многих это

был огромный регресс в жизни. Генерал Михаил Георгиевич, в конце 1950-х вышедший на пенсию после десяти лет неквалифицированного труда в Австралии, был некогда героем войны и в межвоенные годы служил в военном министерстве в Сербии⁴⁹. Другие же не видели ничего странного в том, что в Австралии им приходится заниматься тяжелой работой. Множество русских и украинцев начинали свою трудовую жизнь в СССР простыми рабочими и крестьянами, а потом пришли немцы и угнали их в Германию для тяжелой работы на заводах и на фермах. Но независимо от прошлого опыта работа в полях мало привлекала бывших перемещенных лиц. Согласно переписи 1961 года, лишь 3 % бывших ди-пи занимались тогда сельскохозяйственным трудом — по сравнению с 12 % австралийцев, родившихся в стране, и 6 % других иммигрантов.

Как показывает исследование Эгона Кунца, подавляющее большинство перемещенных лиц (включая тех, кто занимался крестьянским трудом до того, как стать ди-пи) в итоге осело в городах, но занималось там ручным трудом. Спустя лет десять после приезда в страну более 60 % иммигрантов все еще оставались неквалифицированными рабочими, тогда как среди уроженцев Австралии доля таких тружеников составляла 40 %, а среди иммигрантов в целом — 55 %⁵⁰.

Те, для кого работа на фабрике была всего лишь эпизодом, особенно женщины, часто вспоминали этот период добрыми словами. Ядвига Николаюк даже нравилось работать на лимонадной фабрике, тем более что этому сопутствовали не только уважение и быстрый карьерный рост на работе, но и повышение статуса в семье. Лидия Савва и Нина Дернова очень тепло вспоминали место своей первой работы в Австралии — швейную мастерскую, где хозяева говорили по-русски и работницами были сплошь русские женщины из Китая. Вероятно, это была фабрика женской одежды в Стратфилде, которую завела Клавдия Муценко через три года после переезда из Харбина и которой управляла двадцать лет, нанимая на работу русских⁵¹.

У приехавших из Китая были преимущества перед перемещенными лицами из Европы: перед приездом в Австралию у них было больше ценного имущества, и им разрешалось привезти с собой намного больше багажа. В 1950-е годы в пригородах Сиднея — вроде Бервуда и Стратфилда, где жило много русских, — начали появляться предприятия, основанные русскими иммигрантами и обслуживавшие преимущественно русских клиентов. В 1953 году в Сиднее открыл магазин мебели Михаил Чуркин, получивший в Китае диплом политолога. Лидия Ястребова из Харбина, приехавшая в Австралию в 1957 году, открыла фотостудию “Лидия”, которая начала пользоваться большим успехом⁵². Некоторые новые сиднейские предприятия, созданные в конце 1950-х, стали продолжением семейных предприятий, существовавших ранее в Харбине или Шанхае — например, магазин часов и ювелирных изделий семьи Ициксон в Стратфилде, конфетное производство “шоколадного короля” Уолтера Пулковника⁵³.

Некоторые русские занялись сделками с недвижимостью: например, в 1959-м риэлтором стал князь Ухтомский, после приезда в Австралию в 1949 году (в возрасте 30 лет) проработавший несколько лет простым рабочим. Сергей Ростенко, учившийся в театральном училище, после приезда в 1949 году начал работать агентом и переводчиком в фирме по торговле недвижимостью в Аделаиде, помогал другим иммигрантам покупать землю для постройки домов, а со временем открыл собственную фирму. Владимир Мазюк из Харбина, долгое время возглавлявший Русский дом престарелых и Русский общественный центр в Брисбене, тоже занимался операциями с недвижимостью, а еще заведовал прачечными самообслуживания⁵⁴.

Среди этнических русских, массово иммигрировавших в Австралию после войны, не появилось миллионеров. Большого успеха в бизнесе и финансах добивались в основном китайские русские — в частности, предприниматели-евреи, которые успели обрести деловой опыт в Шанхае с его бур-

ной коммерцией и потому, приехав в Австралию в 1950-х, удачно применили там свои умения. Застройщик Гарри Тригубов, в 2016 году ставший первым в списке самых богатых людей по версии *Financial Review*, попадал в список 200 богатейших людей Австралии каждый год, начиная с 1984 года, когда такие списки начал публиковать еженедельник *Business Review Weekly*. Гарри родился в 1934 году в семье Моисея Тригубова, который разбогател в Тяньцзине на торговле тканями, но в конце войны был арестован за сотрудничество с японцами. Австралия отказала в выдаче виз родителям Гарри Тригубова после того, как генеральный консул в Шанхае Осмонд Фурман сообщил, что в прошлом Моисей занимался “подозрительными махинациями”, но Гарри и его брат смогли обосноваться в Сиднее и добились больших успехов⁵⁵. Исидор Магид, родившийся в Харбине в 1913 году, во время войны финансово преуспевал в Шанхае, — австралийские чиновники и его сочли “типичным подозрительным махинатором”, но в 1948 году ему удалось иммигрировать в Мельбурн, где он быстро разбогател и, подобно Тригубову, стал одним из крупнейших в Австралии застройщиков. Ну и, конечно же, был еще Рене Ривкин. Ему было всего семь лет, когда в Австралию из Шанхая приехала его русско-еврейская семья (связанная родственными узами с Магидами). Впоследствии Ривкин заработает миллионы, торгуя ценными бумагами на бирже. В 2003 году по обвинению в торговле с использованием инсайдерской информации он был приговорен к тюремному заключению⁵⁶.

Пусть русская диаспора не породила будущих миллионеров, зато она была богата аристократическими родословными. Среди переселенцев из Европы были носители таких знаменитых княжеских фамилий, как Долгоруковы и Мещерские, а еще приехали два графа — Роман и Алексей Мусины-Пушкины. В 1949 году из Китая прибыл князь Георгий Ухтомский, за которым спустя три года последовала его сестра. Из Шанхая в 1952 году приехал князь Владимир Гантимуров, основатель харбинского Общества мушкетеров. В пору япон-

ской оккупации Маньчжурии живших там русских просили в анкете указать свой социальный статус в дореволюционной России, и многие из отвечавших на этот вопрос назвали себя “дворянами”⁵⁷. Конечно, это не значит, что все без исключения подобные заявления, делавшиеся и в Китае, и в Австралии, были правдивы. Но независимо от этого ностальгическая тоска по “прошлому, которое мы потеряли”, являлась важной эмоциональной частью русской жизни в Австралии — точно так же, как это было и в Харбине, Шанхае, Белграде, Париже и Берлине межвоенной поры.

Роман Владимирович Мусин-Пушкин был уже немолод, когда приехал в Австралию, и жил там довольно неприметно, если не считать того, что в начале 1950-х он стал членом Русского антикоммунистического центра в Сиднее. В этом качестве он и еще восемь человек и фигурировали в 1954 году в статье в журнале *People* вскоре после бегства советского дипломата Владимира Петрова. Они прожили в Австралии уже лет пять или больше, когда репортер из *People* сфотографировал их в обшарпанной комнате в Редферне: там они собирались и строили планы, как спасти мир от коммунизма. Репортеру не пришлось ничего специально делать, чтобы подчеркнуть контраст между прошлым и настоящим этих людей: достаточно было перечислить их былые достижения и должности и сообщить, чем они зарабатывают на жизнь теперь. Председатель группы, Георгий Алексеев, белый офицер в годы Гражданской войны, воевавший на Второй мировой в армии Власова, устроился относительно достойно — он управлял фабрикой в Сиднее, производившей керамические изделия; Мусин-Пушкин, тоже воевавший в Первую мировую и Гражданскую, работал в электрической компании, вероятно, клерком; но остальные — бывшие офицеры Белой армии, выпускники инженерных факультетов — трудились на заводах и фабриках простыми рабочими⁵⁸.

Профессионалам зачастую очень трудно было найти в Австралии работу по своей специальности. По словам Эгона Кунца,

Среди прибывших в Австралию ди-пи, имевших за плечами от 15 до 18 лет учения и диплом, только одному мужчине из четырех в итоге удавалось подтвердить свой профессиональный статус... Даже у тех, кто добивался успеха, продвижение происходило чаще всего очень медленно: многие лет десять или дольше трудились простыми рабочими, или же теряли много лет, осваивая свою специальность заново, и лишь после этого достигали профессиональных целей.

Говоря о группе ди-пи в целом, Эгон Кунц в своей работе показывает, что вернуться к работе по специальности удалось менее чем половине ди-пи с высшим образованием⁵⁹. Учитывая, что среди охваченных его исследованием переселенцев были венгры и чехи, часто высокообразованные, можно сделать вывод, что уровень профессиональной успешности среди русских был даже ниже среднего. А значит, еще больше было таких людей, чья жизнь, по словам одного ди-пи из Прибалтики, “скукожилась до убогого существования, сводившегося к физической усталости, мелким обидам и постоянному чувству раздражения и унижения”⁶⁰.

Однако детей русских иммигрантов ожидала совсем другая участь: после приезда они довольно скоро могли поступить в университеты. Юрий Николаюк окончил школу и поступил в Мельбурнский университет через четыре года после приезда его семьи в страну, как будто в их жизни вовсе не было никакого перерыва. В Тяньцзине молодой Игорь Ивашков собирался стать пианистом, но после переезда в Австралию родные убедили его выбрать более основательную специальность — он стал инженером, во время учебы получал стипендию от департамента железных дорог. Получив диплом, он нашел работу в компании IBM и изменил имя на Гэри Нэш — чтобы его проще было выговаривать австралийским коллегам и партнерам по игре в теннис. В упомянутом выше доме-“колхозе” в Миддл-Парке жила очень энергичная бабушка, по-видимому, во многом способствовавшая

жизненному успеху троих сыновей Киры Черновой, сестры Олега Перекрестова (о нем будет сказано ниже), которые, как и он, с самого начала участвовали в выпуске газеты НТС “Единение”: Алексей, позднее ставший губернатором штата Виктория, получил диплом юриста, Владимир изучал архитектуру, а Михаил (Майкл) получил медицинское образование, но потом стал профессиональным балетным танцовщиком и мужем Гелси Киркланд, знаменитой артистки нью-йоркского балета.

В университет иногда попадали и молодые мигранты, приезжавшие в одиночку. Николай Коваленко изучал историю искусств в Мельбурне; он предпочел бы медицину, но медицинский факультет не признавал аттестат, полученный им в русской гимназии в Белграде. Юрий Амосов, приехавший в 1950 году из лагеря Мёнхегоф, активный член НТС, стал специалистом по торговой деятельности⁶¹.

Из профессионалов хуже всего приходилось русским врачам, которые, как и врачи-евреи, приезжавшие до войны, сталкивались с очень неприветливым отношением австралийской Ассоциации медицинских работников, не желавшей признавать заграничные дипломы. Учившиеся в Европе и Китае русские врачи еще могли получить место медика в мигрантских лагерях или выполнять схожую работу в больницах за их пределами, но им очень трудно было добиться получения полноценного признания. Одним из немногочисленных способов пробиться в дальнейшем было поехать для начала на практику в Австралийскую антарктическую территорию или в Папуа — Новую Гвинею, однако и по возвращении оттуда врач продолжал считаться неквалифицированным, пока не получал австралийскую медицинскую степень⁶². В 1966 году, согласно подсчетам Кунца, основанным на данных переписи, менее 100 врачей из ди-пи работали по специальности, причем русские, считавшиеся менее квалифицированными, чем венгры и некоторые другие восточные европейцы, составляли, вероятно, лишь малую долю от этого количества⁶³.

Петр Калиновский, до войны получивший медицинское образование в СССР, практиковал в Фишбеке, лагере рус-

ских ди-пи, до 1948 года, но в Австралии его врачебный опыт не признали; он работал на уборке фруктов и на железной дороге, а потом смог поступить в медицинскую школу в Аделаиде и закончил ее в 1952 году, в возрасте 45 лет. Николаю Голубеву, приехавшему в 1962 году в Сидней из Харбина, где он был очень востребован, удалось получить практику и лечить многих своих бывших пациентов из Харбина, но остается неясным, как именно он это устроил⁶⁴. Другому врачу из Китая повезло меньше: Анатолий Оглезнев, родившийся в 1911 году, в 1940-х годах работал в русской больнице в Шанхае, а в 1949 году через Тубабао уехал в Австралию, но смог найти там лишь место медбрата в психиатрической лечебнице в Лидкомбе. Его тяжелое положение осложнилось подозрениями со стороны ASIO в прокоммунистических взглядах и мучительной разлукой с женой — она тоже была врачом, ее квалификацию тоже не признали, и она, оставив мужа и Австралию, уехала работать в США. В январе 1956 года Оглезнев до смерти забил свою мать и покончил с собой⁶⁵.

Больше всего с работой в новой стране повезло инженерам. В отличие от местных профессиональных объединений врачей, архитекторов и музыкантов, Австралийский институт инженеров охотно признавал дипломы, полученные за рубежом, и даже создал для этой цели особый Комитет по иностранным дипломам. Андрис Бичевскис впоследствии с благодарностью вспоминал, что там быстро признали его полученный в Германии диплом. Уже через год после приезда Бичевскис зарабатывал 500 фунтов в год на должности младшего инженера в Электрической комиссии Нового Южного Уэльса (по его словам, он без труда освободился от обязательств по навязанному правительством рабочему контракту). Алексей Кисляков, получивший образование в Берлине, добился признания своей квалификации через два года после приезда (в 1950 году) и получил место инженера на гидроэлектростанции в Снежных горах. Учившийся в Белграде Константин Халафов устроился работать инженером вскоре после прибытия (тоже в 1950 году), а вот его жене Ирине при-

шлось довольствоваться работой чертежницы⁶⁶. Многочисленные русские инженеры, приехавшие из Китая (а их было больше 200 из одного только Харбина, и около 80 % из них — выпускники Харбинского политехнического института), чаще всего находили работу по специальности⁶⁷.

Но не все было так радужно. Иван Николаюк, ставший инженером в довоенной Варшаве, получил работу в Австралии вскоре после приезда (в 1956 году). Работа оказалась легкой, не изнурительной, но Иван почувствовал, что используют не все его знания и умения: “По-настоящему, мне не доверяют ничего сложнее обязанностей техника — по польским меркам”. Зять генерала Георгиевича Иван Петунин потерял свой диплом инженера, полученный во время войны в Белградском университете, и ему пришлось трудиться простым рабочим, пока наконец из Югославии не прислали копию диплома. Первому мужу Галины Кучиной удалось подтвердить свой харбинский диплом, но прошло некоторое время, прежде чем он нашел работу инженера, а пока он работал на стройке чернорабочим⁶⁸. Инженерам, получившим образование в СССР, вероятно, приходилось труднее, чем белым русским из Китая. Леонид Коломойцев до войны приобрел опыт, работая на знаменитом Днепрогэсе, в Австралии он не мог найти работу по специальности и вынужден был устроиться чертежником⁶⁹.

В 1966 году из общего числа 30 тысяч иммигрировавших в Австралию перемещенных лиц более тысячи человек всех национальностей работали архитекторами, инженерами или землемерами, так что в этих областях деятельности ди-пи были представлены хорошо — и здесь еще не посчитаны представители многочисленных русских из Китая. Но вдвое большее количество ди-пи — около 2 000 человек — работали простыми чертежниками. По сравнению с уроженцами Австралии (и, в меньшей степени, с уроженцами других стран) ди-пи были чрезмерно представлены в смешанной категории инженеров, архитекторов и землемеров и еще больше — в категории чертежников и техников. Неудивительно, что они были недостаточно представлены в медицинской профессии⁷⁰.

Культурная жизнь

Когда прибывали первые корабли с ди-пи и журналисты мчались к причалам брать интервью у каждого, кто, на первый взгляд, мог бы рассказать что-то интересное, часто выбор падал не только на аристократов, но и на музыкантов. В большинстве случаев такую рекламу получали певцы из Прибалтики, но оказался в центре внимания и украинский пианист Анатолий Мирошник — особенно после того, как Юджин Гуссенс, родившийся в Британии дирижер Сиднейского симфонического оркестра, объявил его гением (как он нередко делал в подобных обстоятельствах). Во время войны Мирошника угнали остабайтером в Германию, а после приезда в Австралию он трудился санитаром в больнице. На призывы досрочно освободить иммигрантов-музыкантов от обязательств по рабочим контрактам Колуэлл (как после него и Холт) отвечал мягкими возражениями⁷¹.

Даже после истечения срока обязательных контрактов музыканты, желавшие работать по специальности, наталкивались на препятствия со стороны чрезвычайно неотзывчивого австралийского Профсоюза музыкантов, который отказывался принимать в свои ряды неграждан и высказывался против того, чтобы государственные симфонические оркестры (которые в ту пору формировала Австралийская радиовещательная корпорация) брали на работу иммигрантов. Это очень огорчало музыкантов-классиков, которые в 1950-е годы приезжали из Харбина в заметных количествах, хотя Гуссенс всячески поддерживал иностранных музыкантов, и некоторым из них в конце концов удалось получить работу в симфонических оркестрах⁷².

Судя по прохладной реакции Колуэлла на выраженное в прессе беспокойство из-за того, что музыкальные гении калечат свои драгоценные руки, занимаясь физическим трудом, отработка по обязательному двухгодичному контракту *музыкантом* явно не рассматривалась как приемлемый выход из по-

ложения. Музыкальный антрепренер Эвальд Тонди, эстонец, проживший двадцать лет в Австралии и натурализовавшийся в конце 1930-х годов, в 1950-е попытался помочь переселенцам: он объявил набор в эстрадный оркестр из 30 или более музыкантов для мигрантов, обязанных отработать по контракту. Газета, сообщавшая об этом, приводила также предостережение “эксперта по социальной политике в отношении мигрантов”: он предупреждал о вреде (не уточняя, каком именно), который могут нанести “предприятия, якобы выступающие за социальную реабилитацию мигрантов творческих профессий”. Из публикации неясно, удалось ли в итоге создать такой оркестр. Но Тонди, привозивший музыкальные ансамбли в Русский общественный клуб еще до войны, продолжал заниматься этим и в конце 1940-х и в 1950-е годы, и можно не сомневаться, что среди ангажированных им музыкантов были и иммигранты, недавно приехавшие в страну⁷³.

Особым успехом на австралийской сцене пользовались джазовые музыканты. Даже президент Профсоюза музыкантов указывал на то, что главную угрозу для австралийских музыкантов представляют “мигранты, исполняющие современную или джазовую музыку”, так как они отбивают у местных кусок хлеба; под конкурентами он имел в виду прежде всего русских музыкантов, приехавших из Шанхая⁷⁴. Поскольку им отказали в приеме в союз, они играли на свадьбах, в клубах и кафе, в том числе в кафе Ивана Репина у станции “Виньярд”. А еще они играли на различных мероприятиях русской общины, например, на русском Весеннем балу 1951 года в Фицрое*, со сбором средств для беженцев в Европе, а также с балетным представлением, русским буфетом и конкурсом на звание русской “мисс Мельбурн”⁷⁵.

Среди тех, кто получал ангажементы уже вскоре после приезда в Сидней, был уже упоминавшийся Дмитрий Киреевский (Мики Кэй), приехавший в 1949 году из Шанхая через Тубабао вместе с женой и ее родителями. Благодаря этим

* *Фицрой* — богемный пригород Мельбурна. (Прим. ред.)

надежным семейным связям Киреевский вскоре стал членом правления Русского клуба (известного также как Русский дом) по адресу Джордж-стрит, 800 (Клуб белых русских), а также завсегдатаем кафе Репина. В 1951 году, когда приехал Сергей Ермолов (Серж Ермолл), старый знакомый из Харбина и постоянный исполнитель на шанхайской танцевальной сцене послевоенных лет, Киреевский пригласил его к себе в трио, и по выходным музыканты стали выступать вместе в Русском клубе, а также в различных гостиницах и клубах народных танцев⁷⁶. Кларнетист Евгений Данилов, раньше выступавший в Шанхайском городском оркестре, приехал с 1951 году с женой — новозеландской певицей, и вскоре он уже разъезжал с джазовыми концертами по всей Австралии. Позже Данилов стал одним из бунтарей, оспоривших право Профсоюза музыкантов не принимать чужаков, а к 1970-м годам он сменил поле деятельности, взявшись за классическую музыку, и начал играть в Мельбурнском симфоническом оркестре. Другим бунтарем, выступившим против ограничительных правил Профсоюза музыкантов, был басист Борис Усыкин, недавно приехавший из Шанхая⁷⁷.

Что касается ди-пи из Европы, то Мария Стефани, до войны выступавшая вместе с великим джазменом Леонидом Утесовым, прибыв после войны в Австралию, основала театральную студию в Сиднее и выступала, в числе прочих мест, в Русском клубе на празднике монархистов и на благотворительном концерте для сбора средств на строительство православного собора⁷⁸. Василий Томский, прославившийся в Харбине театральным актером, прибыл в 1957 году в Сидней и сразу же начал объединять вокруг себя труппу, но пять лет спустя неожиданно умер (“Тяжелая физическая работа, на которую была обречена вся эмиграция в первые годы своего существования, подорвала его силы, и сердце В. И. не выдержало”, — так написали об этом в “Австралиаде”)⁷⁹. В 1952 году на сцене Русского клуба в Сиднее была восемь раз показана русскоязычная комическая оперетта, посвященная жизни перемещенных лиц в европейском лагере. Музыка к ней сочи-

нил зять генерала Георгиевича Иван Петунин, декорации создала его дочь Мария, а внучка сыграла в оперетте роль мальчика и исполнила восточный танец⁸⁰.

Неотъемлемым элементом развлечений в русской диаспоре вообще и в Австралии в частности были ансамбли казачьих песен и плясок. Подобно цыганской музыке, очень популярной в русских ночных клубах и кабаре на рубеже веков, казачьи песни и танцы имели лишь опосредованное отношение к настоящим казакам. Предтечей всех подобных ансамблей в межвоенные годы был, по-видимому, хор донских казаков, созданный Сергеем Яровым на греческом острове Лемнос в Эгейском море, где в 1921 году были интернированы солдаты разгромленной Белой армии. Сам Яров не был казаком (его отец был костромским купцом), но до войны пел в Московском синодальном хоре, а во время Первой мировой был призван на фронт и попал в казачий отряд. В 1920-е годы его хор приезжал с гастролями в Австралию, и один из участников коллектива, уроженец Болгарии Савва Камаралли, решил остаться здесь и заняться птицеводством. Позже, поняв, что дело не ладится, он вернулся к пению, собрал вокруг себя русских, недавно приехавших из Маньчжурии, и основал в Сиднее собственный хор «донских казаков»⁸¹. В Мельбурне создателем подобного коллектива стал сибиряк Александр Карасев. Вероятно, сам он не был казаком, но в юности в Китае занимался в экспериментальной театральной труппе. В 1930-е годы Карасев организовал на Украине ансамбль песни и пляски, который продолжал выступать в годы войны при немецкой оккупации, а еще позже — под патронажем UNRRA в лагерях ди-пи в послевоенной Германии. Иммигрировав в начале 1950-х в Австралию в рамках программы массового переселения, Карасев немедленно по прибытии создал в Мельбурне новый казачий ансамбль⁸².

Среди русских иммигрантов, нахлынувших в Австралию после войны, интеллектуалы были редкостью, хотя в 1950-х годах в Аделаиде было целых два конкурирующих литературных кружка: один создала Валентина Соболич, приехавшая

из Ташкента через Таллин и лагеря ди-пи в Европе, а второй — Николай Меди, юрист, получивший образование в Харбине (и в 1930-е годы недолгое время состоявший в Русской фашистской партии) и сделавшийся учеником русского эмигрантского философа Николая Бердяева⁸³. В 1950-е годы русское сообщество в Австралии не породило толстых журналов (где художественная литература соседствовала бы с публицистикой), какие в изобилии выходили и в Советском Союзе, и в европейских центрах русской эмиграции в межвоенный период. С редким публичным выражением общности с русской интеллигенцией выступил Борис Домогацкий, выпускник Московского университета и активный антикоммунист: в 1954 году он бросил клич в русскоязычной газете “Единение” к выпускникам Московского, Казанского и Харьковского университетов, призывая их отпраздновать приближающийся юбилей их родных учебных заведений⁸⁴. Домогацкий, театральный критик, печатавшийся в “Единении”, и объект подозрений разведорганов, был, по словам благожелательно настроенного наблюдателя, “еврей, масон и февралист” (сторонник буржуазной Февральской революции), симпатизировавший НТС, но сам не состоявший в этой организации⁸⁵. Очевидно, что Домогацкий был яркой личностью и не вписывался ни в какие шаблонные рамки. Однако для русской интеллектуальной жизни в послевоенной Австралии был характерен (в отличие от радикальных традиций старой русской интеллигенции) политический крен в сторону воинственного антикоммунизма.

Газета “Единение”, зародившаяся в Мельбурне, но весьма востребованная среди читателей и в Сиднее, похоже, пользовалась самой большой популярностью из русскоязычных периодических изданий (в начале 1960-х тираж каждого выпуска составлял около 1500 экземпляров)⁸⁶. Один дружески настроенный обозреватель называл политическую ориентацию газеты “либеральной, антисоветской”, но отмечал, что антисоветский элемент выражен сильнее⁸⁷. Газету основала группа активистов НТС, в основном недавно приехавших из Ев-

ропы, хотя среди них было и несколько переселенцев из Китая и даже один иммигрант, обосновавшийся в Австралии еще до войны, — Василий Яценко. В прошлом Яценко был летчиком, воевал на стороне белых, иммигрировал в Квинсленд в 1927 году, купил сахарную плантацию и через десять лет создал ячейку НТС. В июле 1949 года на пароходе “Фейрси” в Мельбурн прибыла большая группа членов НТС из европейских лагерей ди-пи. Вскоре после прибытия, взяв за образец европейский журнал НТС “Посев”, они решили выпускать газету. Финансовую помощь в ее издании оказывали Яценко и Елизавета Трикожус (жена профессора биохимии Виктора Трикожуса)⁸⁸.

Первым главным редактором “Единения” был Олег Перекрестов, родившийся в 1914 году в Москве, но выросший в Литве, где он в 1935 году и вступил в НТС. В 1949 году он прибыл в Австралию из Германии в качестве перемещенного лица, а через двадцать лет на некоторое время вернулся в Европу, чтобы возглавить издательство “Посев”⁸⁹. Перекрестов во многом опирался на помощь Владимира Комарова, который работал на “Посев” в Германии после войны, и белградца Георгия (Юрия) Амосова, который подростком вступил в НТС в Германии, а позже приехал в Австралию из Мёнхенгофа и со временем сменил Перекрестова на посту главного редактора. Сам журнал называл себя силой, противодействующей советской пропаганде и усилиям по репатриации, а свою цель определял как сплочение белой эмиграции в Австралии⁹⁰. Как можно догадаться, редакторов и авторов этого журнала политика интересовала гораздо больше, чем культура, и в фокусе их внимания находились скорее международные события, чем происходившее в Австралии. Широко освещалась деятельность НТС в Европе, а также деятельность местных русских общин, особенно церковной и антикоммунистической, чего, конечно, и следовало ожидать от общинной газеты.

“Вот и Австралия... А как к ней привыкнуть?!” — жалобно вопрошала недавно приехавшая из Харбина 18-летняя Ната-

ля Мельникова, будущий редактор журнала “Австралиада”. Позже она вспоминала: “Австралия конца 1950-х оказалась для нас совершенно чуждой, скучной и отсталой в культурном отношении страной”. Даже русские австралийцы при знакомстве очень разочаровывали после того космополитического, культурного мира, что окружал Наталью в Харбине: например, ее выросшие на ферме неподалеку от Дарвина кузины (дети казака, отправившегося когда-то за невестой в Китай, и харбинки, получившей хорошее воспитание, Натальиной тети по линии Бухвостовых), говорили на ломаном русском и косо глядели на Наталью в цветастой юбке и с косами⁹¹.

Австралия с ее политикой и культурой оставались пока странным и чуждым миром, на который русские смотрели (если вообще желали на него смотреть) со стороны. “Единение” же почти полностью игнорировало его, хотя его более скромный сиднейский конкурент — издание монархистов “Русский в Австралии” — изредка предлагал своему (вероятно, совсем крошечному) кругу читателей довольно грамотные и справедливые обзоры австралийской политической сцены, которые писал Василий Карпов, иммигрировавший в Австралию еще до войны⁹². Русские воспринимали как нечто чуждое не только австралийскую политику, но и местную природу, и здешнюю общественную среду. Живя в глуши Нового Южного Уэльса, Николай Ключарев любовался австралийским пейзажем, даже видел в его блеклости “мистическое” и “первобытное”, но ощущал пропасть между этой первобытной природой и человеческой цивилизацией. Он писал своему другу Ивану Николаюку, что в захолустном городке, где он живет, русских немного, зато осело множество других иностранцев, и сообщал о них некоторые сведения. Можно предположить, что жили там и старые австралийцы, но Ключареву, очевидно, совсем нечего было рассказать о них⁹³.

Глава 7

Белые русские

Когда русские съехались в Австралию из двух концов света, сформировавшаяся в итоге диаспора с типичным для нее национализмом (в том числе и в его наиболее энергичной форме, выражавшейся в скаутском движении), антикоммунизмом и крепкой приверженностью православной церкви стала смотреться обнадеживающе белой. В целом так оно и было, но все же имелись некоторые тонкости. Во-первых, многие из этих белых изначально воспитывались как красные — иными словами, они были когда-то советскими гражданами. Во-вторых (о чем пойдет речь в следующей главе), в австралийской русской общине в некотором количестве все же были представлены идеологические красные элементы, и пусть с точки зрения историка они и оставались относительно незаметными, в глазах доминантной белой группы они были раздражающим явлением.

Демонстрировать и поддерживать антикоммунистическое мировоззрение русскому иммигрантскому сообществу особенно помогали два института. Одним была Русская православная церковь в Австралии, опиравшаяся на множество священников, уроженцев Западной Украины, из среды которых именно они придавали ее антикоммунистической и антисоветской деятельности особенную ожесточенность. Вторым институтом была воинственно антикоммунистическая организация НТС, лидеры которой лишь недавно участво-

вали в волнующей жизни послевоенной Германии, где все было опутано сетями разведки эпохи начавшейся холодной войны, и многим кружили голову надежды на неминуемое освобождение от советского ига. Однако если некое отдельное и четко политически ориентированное меньшинство задавало антикоммунистический тон и доминировало в различных институтах и печатных изданиях сообщества, это еще не значит, что антикоммунизм был главной идеей, которую безоговорочно разделяли все русские иммигранты послевоенной волны. Большинство было слишком занято поисками работы, строительством дома и обустройством новой жизни в незнакомой стране, чтобы вообще интересоваться хоть какой-нибудь политикой. И все же диаспора в целом принимала этот навязываемый ей тон и ту идеологическую позицию, которую он выражал, пусть интерес и энтузиазм отдельных людей и проявлялись в весьма разной степени. Если бы представителей молчаливого большинства спросили, кем они себя ощущают, они бы наверняка назвали православными русскими патриотами-антикоммунистами.

Русские иммигранты из Европы прибыли первыми (в 1949–1951 годах), а за ними последовали китайские русские, и их приезд растянулся на все 1950-е. Это дало “европейцам” преимущество во времени, они раньше начали обживать в Австралии, несмотря на то, что многим из них поначалу пришлось в течение двух лет заниматься физическим трудом по направлениям от правительства и лишь после этого искать себе работу самостоятельно. В массе своей они были, пожалуй, менее образованны и культурны, чем русские мигранты из Китая. Поэтому и антикоммунизм НТС, и Православная церковь имели в начале 1950-х не китайскую, а европейскую окраску: в церковной среде преобладали священники, подвергавшиеся гонениям в СССР или воспитанные на Западной Украине с ее крепким антисоветским духом, а в НТС на первых ролях были довоенные эмигранты. Но русским из обоих миграционных потоков была близка белоэмигрантская традиция, высоко ценившая прошлый военный опыт,

неважно, был ли он получен в боях на Гражданской войне на стороне белых (которые после разгрома бежали врассыпную и на запад, и на восток), или же в составе Русского корпуса или других воинских формирований, сражавшихся под немецким командованием против Красной армии на фронтах Второй мировой. “Старикам” это облегчало общение, как заметил один молодой русский иммигрант: “Старикам было лучше, все они были людьми одного круга — все связаны с Белым движением. Куда бы они ни приехали, везде находили соратника либо по Белому движению, либо по Русскому общевойсковому союзу, и быстро входили в местное общество”¹. Ветераны армии Власова, РОА, набранной в основном из военнопленных, содержавшихся в германских лагерях, но имевшей в своих рядах и некоторое количество добровольцев из бывших белогвардейцев, похоже, устроились вполне уютно под белым прикрытием в Австралии (в отличие от послевоенной Германии или США, где ситуация складывалась не в их пользу)².

Общим знаменателем было, как правило, участие в жизни православной церкви, несмотря на то, что выросшие в СССР ди-пи воспитывались в безбожии. Это отчасти объясняет наметившийся через некоторое время после приезда разрыв между этническими русскими и русскоязычными евреями, большинство которых приехали в Австралию через Китай. У русских евреев зачастую имелись белые политические симпатии, и в местах вроде Шанхая они спокойно общались с этническими русскими, но после переезда в Австралию эти связи часто обрывались, поскольку русские выстраивали свою социальную жизнь вокруг православной церкви³.

Несмотря на общие традиции и жизненный опыт, объединявшие “европейцев” с “китайцами”, существовали значительные расхождения в том, что касалось привезенного каждой из групп политического и культурного багажа. Приехавшие из Европы переселенцы — как бывшие советские граждане, так и довоенные эмигранты — имели за плечами опыт пережитой войны, жизни под властью немцев и, на-

конец, разгрома Германии и союзной оккупации. Те же мигранты, что приехали из Китая, избежали прямого участия в войне, хотя им и довелось пожить при японской оккупации, а некоторым (в Маньчжурии) и при советской. Пусть обе волны довоенной эмиграции объединяли православие, национализм и антикоммунизм, по-разному проведенные в разных концах света годы придали всем этим понятиям разную окраску. Для европейских русских православие обычно означало Русскую православную церковь заграницей, а для китайских — Московский патриархат, который в 1945 году подчинил своей юрисдикции церковь в Китае. Для старшего поколения белых русских национализм часто выливался в ностальгию по утраченному прошлому, по рухнувшему царскому режиму, а вот для более молодого поколения из Китая, тянувшегося к Русской фашистской партии, он, напротив, предполагал движение к чему-то новому и более современному. Что же касается антикоммунизма, европейские русские не только отказывались репатриироваться в Советский Союз, но и очень боялись, что их вернут туда насильно, а вот у большинства китайских русских имелись друзья или родственники, которые после 1945 года добровольно вернулись в СССР, да многие и сами задумывались о возвращении.

Если говорить об общественных организациях, то европейские и китайские общины привезли с собой собственные, хотя порой и пересекавшиеся традиции. В результате в Австралии возникла довольно богатая общественная жизнь, хотя сами организации по отдельности были, как правило, маленькими, чрезвычайно подверженными внутренней фракционной борьбе и порой существовали только на бумаге. Перед бывшими белогвардейскими офицерами открывался широкий выбор ветеранских объединений, а маленькие, конкурировавшие между собой группы монархистов вели друг с другом бесконечные войны. За множеством сбивавших с толку аббревиатур — всех этих РОВ, РОД, СБОНР, СВОД — стояли разнообразные зонтичные организации, соревновав-

шиеся за первенство в русской диаспоре и на территории Австралии, и на международной арене; но были и более специфические группы, созданные, например, для бывших членов Русского корпуса, основанного в Сербии, или власовской армии (РОА). Некоторые организации, например Союз служивших в российской армии и флоте, процветали еще в Шанхае, а затем были перенесены в Австралию⁴. В целом многие сообщества и ассоциации были просто перенесены в Австралию из Шанхая, Тяньцзиня и особенно Харбина, чьи бывшие жители и после переезда продолжали ощущать себя харбинцами. Ди-пи же, напротив, приезжали из Европы, как правило, не имея какой-либо социальной опоры, не считая разве что немногочисленных счастливиц, которым повезло завязать тесные дружеские узы с соотечественниками в тех или иных лагерях перемещенных лиц в Германии и Австрии, особенно в Мёнхенгофе.

В австралийской диаспоре понятия “казаки” и “русские” не сливались до такой степени, как это происходило в Шанхае в 1940-е годы или на Тубабао при Григории Бологове. Внутри более обширной русской общности казаки сохраняли свою особую идентичность. Или, быть может, правильнее было бы говорить о разных идентичностях, ведь казаки, приехавшие из Европы, принадлежали к одной группе казачьих войск (Донскому, Кубанскому и Терскому), а казаки из Китая — к другой (Уральскому, Забайкальскому, Амурскому и Уссурийскому войскам). В Мельбурне и Сиднее, а также в Квинсленде возникли казачьи станицы с выборными атаманами, причем часто население одной станицы составляли семьи из одного войска. В Сиднее и Брисбене преобладала китайская ветвь с представителями Уральского, Сибирского и Дальневосточного войск; в Мельбурне осели выходцы из юго-западных областей бывшей Российской империи. Для западных казаков трагедия в Лиенце (насилованная выдача британцами казаков для репатриации в СССР в 1945 году) ознаменовала важнейший момент в истории страданий, принятых от рук советских солдат или коммунистов⁵.

Церковь

Для многих русских иммигрантов послевоенной волны церковь служила главной опорой, костяком русской общины в Австралии. Вместе с тем эту церковь во многом создавали собственными усилиями сами иммигранты, и прежде всего — священники РПЦЗ, прибывшие в конце 1940-х из лагерей ди-пи. В Брисбене у настоятеля Валентина Антоњева имелся приход из девяноста семей, но он служил в обычном домике до тех пор, пока за несколько лет до начала войны в Кенгуру-Пойнт не построили церковь Святого Николая. Приход раздирали внутренние склоки, некоторые прихожане ушли в греческую православную церковь, самого отца Валентина в годы войны интернировали вместе с некоторыми его прихожанами за распространение фашистской пропаганды и выступления с прогерманскими проповедями⁶. В 1942 году в Сиднее, в Столетнем парке, при поддержке сербской и греческой общин открылась маленькая русская православная церковь. В Мельбурне русские молились в сирийской православной церкви на улице Виктория-Парейд, потому что служивший там священник, отец Антоний, был большим русофилом, до революции окончил Московскую богословскую академию и проводил богослужения не только на арабском, но и на церковнославянском языке. Еще в 1948 году в Австралии было всего два русских православных прихода, в которых служили четыре православных священника⁷. Присутствие православной церкви в стране было столь ничтожным, что в опросниках при переписях населения в довоенные годы она даже не включалась в перечни возможных вероисповеданий, и лишь 15 декабря 1949 года обрела статус религиозной конфессии “для совершения бракосочетания”⁸.

После войны прошло еще несколько лет, прежде чем стало заметно влияние, оказанное перемещенными лицами на православную церковь в Австралии. Фундамент был заложен еще в Германии, где РПЦЗ посвящала в сан священно-

служителей из числа ди-пи и учреждала приходы в лагерях. По большей части эти священники были родом с Украины, чаще всего из западной ее части, находившейся в период между мировыми войнами под властью Польши, и потому верующие сталкивались с трудностями, хотя, конечно, они не шли ни в какое сравнение с теми смертельными опасностями, какие угрожали духовенству в Советском Союзе. Пережитые гонения, аресты, депортации превратили многих из них в воинственных антикоммунистов. Во время войны, когда немцы оккупировали Украину, православные священники часто получали возможность возобновить богослужения, прерванные при советской власти, и потому их отношение к нацистам, как правило, было в целом положительным. При этом нельзя сказать, что немцы как-то особенно берегли православное духовенство: нередко священников угоняли вместе с семьями в Германию в качестве остарбайтеров — именно таким путем они и оказывались после войны в германских лагерях ди-пи, где активно организовывали сопротивление репатриации в СССР и старались обратить в веру перемещенных лиц из числа советских атеистов⁹.

Русская православная церковь за границей стремилась расширять свое влияние, отправляя своих священников в Австралию и Новую Зеландию, а вскоре после окончания войны назначила своего епископа — Феодора (Рафальского). Ему было в ту пору чуть за пятьдесят, у него была вполне типичная биография и хорошее образование. Будущий владыка родился на Волыни, изучал богословие в Варшаве, физику и математику в Киевском университете. В 1939 году, когда Западную Украину поглотил СССР, он служил там приходским священником. В 1941 году, с началом немецкой оккупации, отец Феодор сделался викарным епископом Таганрогским, а затем Волынским, а в 1944-м ушел на Запад вместе с отступавшими немцами. Когда РПЦЗ обнаружила его в лагере ди-пи, его назначили епископом в Австралию (это было примерно в 1946 году), но австралийские иммиграционные власти так опасались его и его церкви, что визу ему выдали только два

года спустя¹⁰. В Австралию он отправился в 1948 году в сопровождении другого духовного лица, являя собой внушительное зрелище — в священническом облачении, с длинной бородой. Он оказался на борту парохода “Дерна”, где большинство пассажиров составляли евреи. Однако отец Феодор дистанцировался от антисемитизма, который выказывали многие мигранты-прибалты и даже британский представитель IRO, находившийся на борту, и предложил дать положительную характеристику молодому польскому еврею, когда у того по прибытии возникли неприятности с сотрудниками безопасности из-за подозрений в симпатиях к СССР. Этот молодой человек, Сэм Фишман, вспоминал отца Феодора как “благочестивого человека, мудрого и терпимого”¹¹.

Его спутником по плаванию был диакон Петр Гришаев, бывший крестьянин и гражданин СССР, увезенный во время войны на работы в Германию и рукоположенный в диаконы в лагере ди-пи в Мюнхене в 1946 году¹². Оба священника вызывали большие подозрения у органов безопасности Австралии. Дело было не столько в политических взглядах самих церковнослужителей, сколько в политической позиции их поручителя, священника Валентина Антоньева, которого один сотрудник управления по контролю над иностранцами охарактеризовал как “сторонника русских фашистских организаций... готового примкнуть к любой политической деятельности, нацеленной на свержение советского правительства”. Припомнив эту характеристику, ответственный работник иммиграционной службы Б. К. Лори высказался против выдачи им разрешения на въезд. Он отмечал, что заявление поручителя духовных лиц о том, что они являются образцовыми антикоммунистами, безусловно, правдиво, “однако они, скорее всего, настроены настолько антисоветски, что их присутствие здесь будет, без сомнения, оказывать слишком возмущающее влияние на тот сегмент русской общины, что придерживается умеренных взглядов”¹³.

В отношении лично владыки Феодора опасения Лори были, возможно, напрасными. Тот, тяжело проболев не-

сколько лет, умер в 1955 году, а основным результатом его деятельности стало создание системы приходов, которые возглавляли священники из бывших перемещенных лиц, причем создавались они изначально в мигрантских лагерях. И можно не сомневаться, что эти священники с их прошлым и резко антикоммунистическими убеждениями сыграли примерно ту роль, которой так опасался Лори. Хотя правительство Австралии, с давних пор с недоверием относившееся к политическим пристрастиям Русской православной церкви, не предоставило православным священникам из числа ди-пи тех прав, которыми оно наделило католических и лютеранских священников-иммигрантов, и потребовало от них отработок по контрактам наравне с другими мигрантами, оно тем не менее разрешило им проводить богослужения и выделило помещения для их проведения на территории лагерей. В 1950 году министерство иммиграции договорилось с владыкой Феодором о том, чтобы “священников, официально назначенных им на пасторские должности в мигрантских лагерях, обеспечивали жильем и питанием в качестве признательности за служение во благо жителей лагерей”¹⁴.

В мае того года архиепископ Иоанн Шанхайский прислал с Тубабао архиепископу Феодору письмо, в котором сообщал, что “некоторые из священников, находящиеся ныне на острове Тубабао, могли бы послужить в Вашей епархии, если получат от Вас назначение и вызов”¹⁵, но владыка Феодор, похоже, не воспользовался этой информацией: священники, которых он назначал, были в большинстве своем уроженцами Западной Украины и Белоруссии, служившими при немецкой оккупации и в дальнейшем получившими от РПЦЗ приходы в германских и австрийских лагерях ди-пи.

Процесс организации богослужения по православному обряду в лагерях начался задолго до заключения формального соглашения с правительством в 1950 году. Священник Алексей Годяев прибыл в 1949 году на пароходе “Фейрси” и вскоре уже проводил богослужения в Бонегилле, а другие священники из перемещенных лиц служили в Батерсте, Коуре, Грете

и других лагерях. Поскольку священникам ди-пи на первых порах приходилось отрабатывать по контрактам, обязательным для всех иммигрантов, приезжавших по программе массового переселения, в первые годы свободного времени у них почти не было. Священник Владимир Янковский, возглавлявший приход в Мельбурне, одновременно работал на местном заводе компании *General Motors*. Священнику Алексею Годяеву еще повезло с работой, потому что, помимо духовного сана, по профессии он был инженером-химиком, а именно — специалистом по сыроделию, и потому смог устроиться в министерство молочной промышленности (позже он целиком посвятил себя церковной работе в Аделаиде)¹⁶.

В 1952 году в Австралии уже насчитывалось более двадцати русских православных приходов: в Мельбурне, Аделаиде, Ньюкасле, Хобарте, Перте, Канберре, Уоллонгонге, Джилонге и в мигрантских лагерях, и служили там двадцать четыре священника¹⁷. Владыка Феодор вначале жил в Брисбене, но вскоре перебрался в Сидней, а в ноябре 1949 года он был рукоположен в сан архиепископа. Началась кампания по сбору средств на строительство собора в Стратфилде, и к маю 1953 года удалось собрать 15 тысяч фунтов. Центр притяжения русского поселения в Сиднее смещался к западу, от городских районов вокруг Паддингтона, Бонди и Столетнего парка ближе к Хоумбушу, Бervуду и большому Стратфилду. Местные историки называли Стратфилд “оазисом на Западе” — там было много зелени и больших домов, где в послевоенные годы начали селиться арендаторы жилья, и к тому же он привлекал удобным расположением у главной железнодорожной ветки¹⁸. Первый камень в основании нового собора был заложен в октябре 1951 года, причем на церемонии его закладки, что было довольно неожиданно, присутствовал министр иностранных дел доктор Эватт¹⁹.

Другие группы русской общины — будь то скаутские отряды, антикоммунистические клубы или казачьи организации — старались действовать с благословения Православной церкви и в тесном сотрудничестве с ней. В начале 1950-х

годов, когда освящали русскую церковь в Кабраматте, западном пригороде Сиднея с большой долей русских, украинцев и белорусов в составе населения, среди явившихся на церемонии присутствовала большая группа казаков вместе со своим атаманом, генерал-лейтенантом П. Бурлиным, недавно прибывшим из Китая. В Брисбене 6 мая 1951 года оренбургские казаки отмечали свой праздник — день Святого Георгия, праздничными церемониями руководил епископ Афанасий. Сибирские казаки, возводившие свою родословную к войску Ермака, казачьего атамана XVI века, покорившего Сибирь для русского государства, в декабре отметили в Брисбене собственный праздник после литургии, которую отслужил епископ Афанасий²⁰.

Православная церковь брала на себя и главную роль в приеме русских иммигрантов в Австралии. В 1945 году для помощи русским в Китае и в Европе было создано Русское благотворительное общество имени преподобного Сергия Радонежского, а с середины 1950-х годов, когда главная ответственность за переселение русских из Китая перешла от ИРО к Всемирному совету церквей, Православная церковь взаимодействовала с австралийским Советом церквей, принимая новоприбывших и помогая им обустроиваться²¹. В 1956 году министерство иммиграции признало официальным спонсором таких мигрантов епископальный комитет во главе с архиепископом Саввой. Среди тех, кто активно участвовал в деятельности этого комитета, были священник Ростислав Ган из Маньчжурии и Юрий Давиденков из довоенной русской общины, а также несколько русско-австралийских предпринимателей, помогавших финансовыми пожертвованиями²².

До середины 1950-х годов большие силы русской общины уходили на строительство церквей в недавно учрежденных приходах. Во второй половине 1950-х годов возведение новой церкви в районе Блэктаун западного Сиднея сделалось главным занятием Наталии Баич и ее мужа Федора, серба-инженера. С 1954 года богослужения в Блэктауне проводились в случайных помещениях, служил там священник Алексей

Филатов, родом из СССР, в прошлом ди-пи, тайно рукоположенный в Соловецком лагере, а позже угнанный в Германию на работы. Но прихожанам хотелось иметь собственную полноценную церковь, они сами спроектировали ее и начали строительство, руководил работами Федор Баич²³.

Православные церкви служили опорой для целого ряда предприятий и начинаний, среди которых были мужской и женский хоры, субботние русские школы для детей и благотворительные организации, в которых главную роль зачастую играли женщины. По словам Галины Кучиной, “русская жизнь сосредоточивалась вокруг церкви”. Для Анны Ивлевой, казачки из Харбина, Австралия стала местом, “где можно было свободно молиться Богу, петь и читать в церкви”. Ядвига Николаюк, воспитанная как полька в католичестве, а потом вышедшая замуж за православного русского, по прибытии в Мельбурн с головой окунулась в жизнь православной церкви, хотя, по словам ее сына, до этого не отличалась глубокой религиозностью²⁴. Среди других заведений, учрежденных при участии церкви в первые послевоенные годы, были женский монастырь в Кентлине (куда со временем уйдут Анна Ивлева и Ядвига Николаюк) и дом престарелых в Кабраматте²⁵.

Безусловно, история удивительной привязанности русских к Православной церкви нуждается в небольшом уточнении. Значительную долю европейского контингента ди-пи составляли люди, получившие воспитание и образование в СССР и, следовательно, значительно менее знакомые с православными обрядами и порядками. При всем показном единодушии общины в июле 1952 года епископ Брисбенский Афанасий жаловался, что “печально лишь то, что среди новой эмиграции, особенно из Германии, есть много безбожников”. Вполне возможно, он намекал на воспитанных в безбожии перемещенных лиц, выросших в СССР, так как употребил слово из советского обихода. Однако Афанасий явно говорил о более широком явлении, так как добавлял, что “почти вся солидаристическая группа (члены Народно-трудового

союза российских солидаристов) не ходит в церковь”²⁶. Под солидаристами он имел в виду сторонников НТС и, пожалуй, еще бывших русских фашистов из Китая. НТС, оказывавший сильное влияние на австралийскую русскую общину в послевоенные годы, не имел ничего против православия, и все же энтээсовцы относились к нему куда прохладнее, чем монархисты-традиционалисты из старшего поколения. Анатолий Коновец, активист НТС, выступавший уже как ученый в работе по социологии, написанной в конце 1960-х годов, отмечал, что хотя “большинство русских эмигрантов, особенно активно участвовавших в церковных делах... находятся под впечатлением, что официальная религия имеет первостепенное значение в жизни русских эмигрантов”, проведенное им исследование не позволяет целиком подтвердить это представление. Когда в некоторых кругах предложенный им опросник был встречен враждебно, он объяснил это опасениями, что так “может вскрыться нежелательная правда” о русской общине в Австралии, в частности, об “ослаблении приверженности русской православной церкви”. Деятель НТС Глеб Бердников в конфиденциальной переписке с американским коллегой отмечал необходимость энергичных действий “перед лицом Великого Неизменного нашего русского общества — нашей церкви”²⁷. Но несмотря на это, в 1950-е годы выпускавшаяся энтээсовцами газета “Единение” исправно освещала различные церковные события, и трудно представить, как бы она могла манкировать этим и сохранять свои большие тиражи.

Внутри РПЦ всегда происходила фракционная борьба, часто сопровождавшаяся обвинениями противников в просоветских симпатиях, в шпионаже на Советы или наоборот — в излишне воинственном антикоммунизме. Эти взаимные обвинения проистекали из воспоминаний о поведении сторон в прошлые годы в Европе и Китае, а также из новых ссор, начавшихся уже в Австралии. Конфликты осложнялись еще и тем, что прихожане и духовные лица имели возможность переходить под крыло других православных властей. РПЦЗ

в Австралии враждовала с Константинопольской православной церковью (Вселенским патриархатом) с 1945 года, когда последняя официально признала Московский патриархат, а в середине 1950-х эту вражду только обострила история вокруг священника Игоря Сусемилья (Зуземиля)²⁸.

Священник Игорь Сусемиль приехал из Германии в 1949 году и создал свой приход в Мельбурне. Родился он в 1919 году и воспитывался в Берлине среде высшего общества Германии (но ходил в русскую гимназию), учился на медицинском факультете в Берлине, был призван на службу в вермахт. Был рукоположен Русской православной церковью за границей, служил священником в лагере ди-пи в Констанце, хотя получение им статуса перемещенного лица вызывает сомнения, так как он давно жил в Германии и вовсе не был беженцем. В энтээсовских кругах его подозревали (по не вполне понятным причинам) в излишней близости к представителям СССР. Во время плавания на борту парохода “Скаурум” некоторые православные пассажиры были потрясены, когда “на виду у 1700 пассажиров он ходил по пароходу в одних купальных трусах”. В Австралии произошел скандал из-за его вероятной любовной связи с женой одного из прихожан. Кончилось дело тем, что РПЦЗ лишила Сусемилья духовного сана, после чего он перешел в греческую юрисдикцию Вселенского патриарха и увел за собой часть своей паствы (после неудачной попытки примкнуть к Антиохийской церкви). Впоследствии он вернулся в Германию, где получил приход уже от Московского патриархата. В 1955 году вслед за ним в лоно греческой епархии Константинопольского патриархата переметнулся отец Иоанн Березовский, едва не вызвав раскол в Свято-Николаевском приходе в Аделаиде²⁹.

Другим осложняющим фактором стал приток русских из Китая с их особенными общинными традициями. Архиепископ Феодор (Рафальский) отличался миролюбием по отношению к священникам из Китая, но его преемник, архиепископ Савва (Раевский) — русский, до войны живший в Сербии, — вознамерился непременно вернуть их в “общий

строй". Поставив перед собой такую цель, он явно надеялся привести епархию к новой устойчивости, и шаги в эту сторону стали характерными чертами его пребывания в должности в конце 1950-х³⁰. Тем не менее иммигранты из Европы — и священники, и миряне — упорно подозревали русских священников из Китая в связях с Московским патриархатом и даже в недостаточно жестком отношении к коммунизму, невзирая на то, что в прошлом те сами часто подвергались преследованию со стороны китайского коммунистического правительства. Хуже того, священники, служившие на тех территориях Китая, которые в 1945 году оказались оккупированы советскими войсками, были вынуждены выйти из РПЦЗ и официально перейти в Московский патриархат, в юрисдикции которого и были рукоположены новые священники.

Первый *casus belli* произошел в Австралии в 1953 году, когда из Китая приехал назначенный настоятелем церкви Святого Владимира в Сиднее отец Николай Голубев — один из тех священников, которые уступили давлению СССР и признали над собой власть Московского патриархата. Его встретили обвинениями в том, что он предал Русскую православную церковь за границей. После жарких споров был достигнут компромисс. Священникам, изначально рукоположенным РПЦЗ, но продолжавшим служить после перехода под власть Московского патриархата, предлагали принести покаяние. В эту категорию попадали священники вроде Николая Голубева и Ростислава Гана (приехавшего в 1953 году и очень любимого китайскими русскими за его работу в Тяньцзине, Хайларе и Харбине). А вот священники, изначально рукоположенные в Московском патриархате, могли снять с себя скверну лишь публичным отречением и периодом покаяния. Однако даже после достижения этого компромисса под внешне спокойной поверхностью продолжало бурлить взаимное недовольство. На архиепископа Феодора, принявшего покаяние Голубева, воинственные антикоммунисты смотрели косо просто за попытки его защитить³¹.

Молодежные организации

До Второй мировой войны в Брисбене существовала русская скаутская организация, а в Сиднее в 1939 году была основана еще одна, названная в честь великой княжны Анастасии Николаевны. Но когда началась война, австралийские власти стали с подозрением относиться к русским организациям, представлявшим, по их мнению, потенциальную угрозу для страны, и объединение сиднейских скаутов было официально ликвидировано³².

Движение русских скаутов возродилось уже после войны с прибытием перемещенных лиц из Германии, особенно многочисленных групп ди-пи из лагерей Мёнхегоф и Фишбек, а также китайских русских, в частности, группы, приехавшей в Австралию через Тубабао. Среди бывших мёнхегофцев были Халафовы, впервые вступившие в отряды скаутов в довоенной Югославии; Николай Доннер, еще один ди-пи из югославской диаспоры, и Ромил Жуков, после войны возглавлявший организацию русских скаутов в Германии, а позже ставший лидером движения русских скаутов в Мельбурне и написавший много воспитательно-методических брошюр для скаутов, в том числе «Россия — не СССР, русские — не коммунисты»³³. В 1949 году в Брисбен приехала многочисленная группа скаутов (мальчиков и девочек) из лагеря ди-пи Фишбек под началом Леонида Артемьева³⁴. Активист-антикоммунист Анатолий Коновец, через скаутов в Китае завербованный в ряды НТС, приехал в Австралию с Тубабао; ходила история о том, как он, будучи новоприбывшим иммигрантом, в Батерстском центре для мигрантов совершил символическое действие: повел группу скаутов в поход в Голубые горы и водрузил на вершине русский флаг³⁵.

Почти вся скаутская группа с Тубабао (а изначально из Шанхая) под началом скаутмастера Михаила Плеханова обосновалась в Сиднее, а сам Плеханов возглавлял Национальную организацию русских скаутов (НОРС) вплоть

до своего отъезда в США в 1958 году. В Сиднее НОРС поддерживала тесные связи и с Православной церковью (первый скаутский отряд был назван в честь Святого Александра Невского), и с Русским домом (находившимся сначала на Джордж-стрит, а позже в Стратфилде). После отъезда Плеханова стали более заметны связи организации с антикоммунистическим движением: преемником Плеханова был основатель и председатель Ассоциации стран железного занавеса (позже — Австралийская ассоциация скаутов в изгнании)³⁶.

В Мельбурне самым заметным деятелем русского скаутского движения был Ромил Жуков из европейской группы ди-пи. Международная организация, в которую входили скауты Жукова, носила другое название — Организация российских юных разведчиков (ОРИОР). Она была основана в 1945 году в Мюнхене, отколовшись от основной организации, НОРС, “потому что в то время в Европе союзники во всех зонах очень косо смотрели на любое объединение, называющееся национальным”. Центром ОРИОР был лагерь Мёнхегоф, и в 1947 году лидеры скаутов провели там съезд. Хотя у двух движений был один и тот же девиз (“Будь готов! — Всегда готов! За Россию!”) и их трудно было различить — настолько они были похожи по целям и по духу, — они все равно существовали по раздельности и в международных масштабах, в том числе в Австралии, до тех пор, пока в 1979 году не произошло объединение; но даже после этого сиднейская и парижская ветви НОРС отказались сливаться. В Австралии главное различие между отрядами сводилось к вопросу о том, откуда приехали самые заметные в том или ином городе деятели движения — из Европы или из Китая. Сидней стал “китайской” территорией, если говорить о скаутах (за исключением Коновца, связанного с ОРИОР), а Мельбурн, Брисбен и Аделаида (где создали свой отряд Николай и Андрей Доннеры) принадлежали “европейцам”³⁷. Когда Алекс Ильин примкнул к скаутам в Мельбурне, белые русские из числа европейских ди-пи прозвали его и его товарищей, китайских русских, “розовиками”³⁸.

Связи между скаутами и Православной церковью были очень тесными, особенно в Сиднее. Отряд, созданный Плехановым, считал своей небесной покровительницей Святую Ольгу и праздновал день ее памяти; мельбурнский отряд Жукова носил имя Святого Георгия. В 1956 году группа НОРС провела встречу на территории собора в Стратфилде, архиепископ Савва посетил празднование 50-летия лагеря русских скаутов и благословил собравшихся³⁹.

Влияние православия и национализма было еще более явным в молодежных союзах, основанных в Австралии русским уроженцем Украины Анатолием Закрочимским после приезда из Франции в 1951 году. Бывший военнопленный из СССР и ди-пи, Закрочимский (родился в 1923 году) успел после войны в течение шести лет “повоевать во французской армии” (вероятно, в составе французского Иностранного легиона). Он работал под началом архиепископа Саввы библиотекарем при соборе, когда Савва поручил ему создать и возглавить группу православной молодежи, назвав ее именем Святого Владимира. Целью нового движения было воспитание русской молодежи в духе православия и служения (под девизом “За Русь! За веру!”). Элементами этого воспитания стали хоровые коллективы, литературные кружки, театральные спектакли, вечеринки и летние лагеря с пешими походами, спортивными соревнованиями и песнями, а также более серьезные занятия⁴⁰. Все это вполне отвечало и духу “Витязя” — ультраправославного и националистического молодежного союза, основанного в 1934 году в Париже и официально ликвидированного после окончания Второй мировой войны, но возродившегося потом в различных центрах русской эмиграции с заметным количеством крайних правых, например, в Аргентине, Марокко и Сиднее⁴¹.

Как инструменты сохранения русского самосознания у юных поколений намного больше ценились субботные школы, в которых преподавались русский язык и русская культура, хотя мнения по поводу эффективности их работы именно в этом отношении разнились. Большинство таких

школ создавалось при приходах, и в их учебную программу входил закон божий, что наверняка отталкивало те русскоязычные семьи, которым православие было чуждо. Учителями были представители русской общины, иногда из церковной среды. В Сиднее первая субботняя школа открылась в 1953 году при соборе Святого Владимира в Столетнем парке — центре довоенной русской общины, вблизи которого поселились и недавно приехавшие Грачевы, Мельниковы и Домогацкие. Когда русское население Сиднея переместилось к западу, новые субботние школы открылись в 1957 году при соборе в Стратфилде и при церкви Святого Николая в Фэрфилде неподалеку. Вдохновителем создания субботней школы при Покровской церкви в Кабраматте стал Ростислав Ган из Китая. Независимо от того, насколько успешно удавалось этим школам внушить юным ученикам идею принадлежности к русскому народу, они часто становились важными местами общения для взрослых членов русской общины, тянувшихся к культуре. Единственной школой, учрежденной родителями учеников, а не церковью, стала школа в южном Сиднее, обслуживавшая русское население пригородов — Карлтона, Рокдейла и Херствилла, где обитали в основном китайские русские. Кроме православных в этой школе учились и дети из семей русских евреев; среди них была Мара Мустафина. Именно здесь учителям — в том числе Наталии Мельниковой и Анатолию Закрочимскому — пришла в голову мысль выпускать журнал истории местной русской общины. Так родилась “Австралиада”⁴².

Белые русские клубы

Главным белым русским клубом в Сиднее был Русский дом, основанный в 1924 году в арендованной комнате на Питт-стрит, а позже переехавший на Джордж-стрит, 800. Уроженка Иркутска Ирина Давиденкова, дочь бывшего губернатора Сахалина, вспоминала Русский дом как скромное заве-

дение, где можно было отведать блюда русской кухни и взять книги на русском языке, а в 1940 году по одному памятному случаю там был устроен бал-маскарад. Ирина и ее муж, бывший офицер Юрий Давиденков, архитектор по профессии и многолетний председатель Русского дома, приехали в Сидней в 1929 году (по отдельности, он из Европы, а она из Харбина), но быстро обжились в маленькой русской общине Сиднея. Яркими событиями в довоенной жизни клуба были гастроли эмигрантского хора донских казаков Сержа Ярова в 1926 году (особенно примечательные тем, что десять участников этого хорового коллектива решили остаться в Австралии навсегда) и русской балерины Анны Павловой.

В первые послевоенные годы клубом заведовал Николай Хохлов, сменивший Давиденкова в 1941 году. Хохлов родился в Тяньцзине, в Австралию прибыл в 1939 году и сделался преуспевающим владельцем магазина радиоприемников в Бэнкстауне⁴³. Клуб служил местом встреч для ветеранов Белой армии, монархистов, скаутских отрядов, молодежных союзов и так далее и имел ярко выраженную православную, националистическую и антикоммунистическую ориентацию. На повторном торжественном открытии клуба после пожара в 1951 году присутствовал архиепископ Феодор⁴⁴. Анатолий Коновец руководил группой православной молодежи, собиравшей деньги на помощь перемещенным лицам в Берлине, а деятель НТС Глеб Бердников выступал с лекциями, в которых ругал коммунистическую партию СССР. Антикоммунистическая тема усилилась в послевоенные годы из-за соперничества с идейным противником — красным Русским общественным клубом, расположившимся неподалеку на Джордж-стрит, 727. Сообщали об уличных потасовках между членами этих двух клубов, и завсегдатаев Русского дома очень строго предупреждали (под страхом исключения), чтобы они ни в коем случае не заходили в подвал Русского общественного клуба (или в “дыру”, как ее презрительно называли противники). Русские, которым были близки левые идеи, тоже смотрели на Русский дом с недоверием: для них

это было место, где “делают пропаганду против Советского Союза”, как выразился в 1952 году один репатриант из Австралии в беседе с сотрудником советских спецслужб⁴⁵.

Конечно, русская диаспора была по-настоящему немислима без внутренних распрей, и в 1952 году меньшинство членов клуба, среди которых был Борис Домогацкий, восстала против “замкнутого характера” клуба, “отсутствия твердой национальной линии, неумения представить русских антибольшевиков перед австралийскими народом и властями”, а также затягивания ремонта после пожара, случившегося в 1951 году. Вернули на работу “опытного и энергичного заведующего” Хохлова, многолетнего председателя клуба (который, по-видимому, ранее сложил с себя обязанности)⁴⁶. Другой конфликт произошел в 1953 году, когда контроль над клубом безуспешно попытался захватить Русский антикоммунистический центр⁴⁷.

Клуб продолжал проводить различные культурные мероприятия и встречи: занятия для молодежной группы, уроки русского языка для детей, концерты балалаечников и домристов, выступления казачьих хоров, джазовые концерты и театральные постановки. В 1949 году молодежную группу возглавил Василий Куликов, бывший студент университета, растрившего кадры для Гоминьдана в Китае. Выступала в клубе театральная труппа Василия Томского, созданная еще в Харбине. Один молодой ди-пи, приехавший в Сидней в 1953 году, попал в клуб на концерт, на котором выступали Мики Кэй (Дмитрий Киреевский) и “большой меланхоличный Серж Ермолл пел свои романсы, написанные им когда-то для известного Александра Вертинского”⁴⁸. Игорь Смолянинов, бывший военнопленный и перемещенное лицо, который приехал в Австралию в 1950 году в возрасте тридцати лет, вспоминал клуб как место, где можно было “забить козла» (широко известное название игры домино), попивая пиво, послушать какой-нибудь доклад на родном языке. С некрасовским пониманием оценить достоинства солидных русских дам и фривольно помечтать, послушать последние свеженькие сплетни”.

Как докладывал в 1952 году в Москве один тайный советский агент (агитировавший за репатриацию), подавляющее большинство завсегдатаев “белогвардейского русского клуба” в Сиднее составляли бывшие перемещенные лица, но перемещенные лица вроде Смолянинова посещали не только белый клуб, но и конкурировавший с ним красный. Пока клуб находился на Джордж-стрит, он не имел разрешения на торговлю спиртным, но выпивку можно было купить в ирландском пабе по соседству. Субботними вечерами в клубе устраивались танцы: Гэри Нэш, встретивший там в начале 1950-х годов свою будущую жену Марину, вспоминал “маленький зал с лампами под абажурами, на которых были нарисованы [императорские] гербы с двуглавым орлом”⁴⁹.

К началу 1950-х годов помещение клуба на Джордж-стрит стало слишком тесным, к тому же пострадало от пожара, так что необходимо было перенести его в какое-нибудь другое место. Выбор пал на Стратфилд — и не случайно, ведь там строился новый православный собор, и многие русские переселялись поближе к нему — снимали комнаты и квартиры. Николай Хохлов и другие заведующие решили купить поблизости здание под будущий клуб и нашли подходящий объект по адресу Альберт-роуд, 3. У Хохлова был магазин в Бэнкстауне, милях в пяти, но в 1957 году он купил себе дом в Стратфилде и в том же году открылся клуб на Альберт-роуд. К 1960-м годам руководство клубом перешло к группе китайских русских. На протяжении почти всех 1960–1970-х и отчасти 1980-х годов председателем клуба был уроженец Шанхая Игорь Нестеров, сын бывшего белого офицера флота, ставшего затем предпринимателем, а исполнительными секретарями клуба в 1960–1970-е годы были (по очереди) Михаил Чуркин и Никифор Трескин. Чуркин, очередной бывший студент китайского университета, готовившего кадры для Гоминьдана, держал в Сиднее мебельный магазин. Трескин, приехавший в Австралию из Урумчи через Шанхай, был известен тем, что взял банковскую ссуду и добился для клуба устойчивого финансового положения приблизительно в пору переезда клуба

в Стратфилд, а еще приобрел лицензию на торговлю спиртным и установил в помещении клуба игровые автоматы⁵⁰.

В столичных городах других австралийских штатов тоже работали свои русские клубы. Старейшим был клуб в Брисбене, основанный еще в 1920-х годах. В 1930-е его возглавлял полковник Иван Попов, о котором отзывались как о пламенном антикоммунисте и монархисте. В ту пору некоторые завсегдатаи клуба возражали против его политизации, но в послевоенные годы политика сама отступила на дальний план — люди “сходились в клубе, чтобы поболтать, поспорить, попеть русские песни и вспомнить прошедшее”, что же касается идеологии, то, по словам члена НТС Сергея Зезина, это был ностальгирующий по прошлому антизападный монархизм. Зезин, новоприбывший ди-пи из Мёнхегофа, видел в этом клубе подходящий объект для обработки. Вместе с друзьями-единомышленниками они решили вступить в клуб и начать там культурно-просветительскую работу, а через нее — изложить свои солидаристические идеи. “Через некоторое время клуб был в наших руках”, — вспоминал Зезин⁵¹.

В Мельбурне был собственный Русский дом, основанный в конце 1940-х годов недавно прибывшими переселенцами из Европы и Китая, и там, как и в сиднейском клубе, господствовали антикоммунистические настроения. В 1960-е годы клубом руководил Ефим Мокрый, который сражался в Белой армии в Гражданскую, межвоенные годы провел в Югославии, а в Австралию приехал в 1949 году из европейского лагеря перемещенных лиц. В Аделаиде, как в начале 1950-х годов сообщали советские источники, существовал “белогвардейский клуб”, который “вел активную антисоветскую и антирепатриационную пропаганду” среди ди-пи, но лишь в 1960-е годы прочно обосновался Русский общественный центр в пригороде Аделаиды Норвуде; секретарем этого центра стал Николай Доннер (приехавший из лагеря ди-пи Мёнхегоф)⁵². В 1950 году Русский дом — с библиотекой и драмкружком — появился в Перте: его основала в центре города группа молодых ди-пи, приехавших туда после отработок по правитель-

ственным контрактам на рудниках, лесозаготовках и железных дорогах. Там выступали струнный оркестр, аккордеонист и кубанский казак, исполнявший популярный танец с шашками. Пертский клуб посещали не только русские, но и украинцы, белорусы, поляки и литовцы⁵³.

Антикоммунистическая политика

Политический диапазон белой русской общины включал разные взгляды — от старомодного монархизма до современного воинствующего антикоммунизма. Монархисты были антикоммунистами, но как противники всяких реформ и сторонники сохранения русской аристократии в точности такой, какой она была в прошлом, они часто не любили в современном мире и многое другое, помимо коммунизма. Один сиднейский деятель НТС жаловался коллеге в Германии, что с монархистами попросту невозможно иметь дело: они по-прежнему считают, что враг общества номер один — это Александр Керенский. Старики упорно цеплялись за свои старые убеждения (“можно только восхищаться их стойкостью”), и следует признать, что, несмотря на отсутствие какой-либо организации, монархисты по-прежнему составляли подавляющее большинство в русской диаспоре⁵⁴.

Николай Фомин из Шанхая, человек, пользовавшийся значительным авторитетом в общине, остался монархистом⁵⁵. Относительно поздно к этому стану примкнул Михаил Спассовский, один из вожаков Русской фашистской партии в Шанхае в 1940-е годы: тихо въехав в Австралию в начале 1950-х, он через некоторое время сделался верующим христианином и монархистом. Не привлекая к себе лишнего общественного внимания, он работал официальным распространителем газеты русских монархистов, выходившей в Буэнос-Айресе, а в 1960-х годах писал в австралийскую монархистскую газету “Русская правда”, которую малым тиражом выпускал Георгий Коринфский. Бывший советский военнопленный и ди-пи,

он был сыном капиталиста, потерявшего всю собственность из-за революции, некоторое время учился на историческом факультете Московского университета⁵⁶. Другим видным фашистским деятелем из Китая, приехавшим в Австралию, был Сергей Ражев. В 1945 году его арестовали в Харбине представители советской власти, после суда он почти десять лет провел в лагерях, потом работал в СССР электриком. Наконец, когда его выпустили за границу, ему удалось воссоединиться с женой, Ираидой Рожнатовской (тоже состоявшей в 1930-е годы в Русской фашистской партии в Харбине), приехавшей в начале 1950-х в Брисбен. Живя в Австралии, Ражев, по-видимому, избегал политической деятельности, но остался убежденным антикоммунистом и сделался писателем. Писал он главным образом о Советском Союзе и печатался под псевдонимом Сергей Яворский. В сочувственном очерке, помещенном в “Австралиаде”, отмечался его неожиданно колкий юмор, но ни словом не упоминалось его фашистское прошлое⁵⁷.

Важной частью общественно-политической жизни общины были мероприятия, связанные с поминовением новомучеников (царской семьи), проводившиеся в первое десятилетие почти исключительно на русском языке и адресованные только русской публике. В организации этих событий самым активным образом участвовала Православная церковь. В годовщину расстрела царской семьи проводились молебны в Мельбурне и Сиднее, в исторических анналах мельком упоминался некий Фонд ревнителей священной памяти царя-мученика Николая II⁵⁸. В учрежденный антикоммунистами День непримиримости протопресвитер Тихон Киричук отслужил в русской православной часовне на углу Ла-Троб-стрит и Спенсер-стрит панихиду по жертвам, павшим в борьбе с большевиками. Особенно усердно поминали своих мучеников казаки. В марте 1951 года в Сиднее владыка Феодор отслужил панихиду по казакам, “погибшим в борьбе за Россию”; в числе мучеников поминались цесаревич Алексей и атаман Григорий Семенов, важный деятель китайской русской общины, расстрелянный после суда в СССР в конце

войны*. Важнейшим эпизодом, спланировавшим казачью общину, была трагедия в Лиенце в 1945 году, и собирались средства на возведение памятника на месте событий. Священник Исидор Дереза, сам находившийся тогда в Лиенце вместе с казачьим отрядом, но избежавший репатриации, отслужил в церкви Христа Спасителя в Мельбурне службу в память невинных жертв и призвал казаков и владимирцев поставить памятник, увековечивающий это событие, как уже сделали в Аделаиде. В 1952 году такой монумент поставили на кладбище Фокнер в Мельбурне⁵⁹.

Почетное место рядом с мучениками делили в коллективной памяти иммигрантов герои вооруженной борьбы с коммунизмом. Что примечательно, люди, которые воевали под немецким командованием на фронтах Второй мировой, свободно рекламировали и проводили подобные мероприятия в Австралии — это при том что Германия во время войны была противником Австралии. Правда, все это происходило главным образом в русскоязычной прессе, но изредка в связи с антикоммунизмом эта тема всплывала и при взаимодействии русских с правительством Австралии. Так, когда казачий офицер Константин Дульшерс обратился к правительству от имени генерала Ивана Кононова, предлагая услуги последнего в борьбе против коммунизма, Дульшерс без тени смущения представился как офицер русской казачьей армии, которая «воевала против СССР с 1941 по 1945 год», — иными словами, воевала на стороне немцев против стран антигитлеровской коалиции, к числу которых принадлежала и Австралия⁶⁰.

Австралийское отделение Союза воинов освободительного движения привлекало белых русских эмигрантов из Югославии и Болгарии, а также бывших офицеров Красной армии и казаков. (Единственным признаком обеспокоенности властей Австралии стало нежелание регистрировать этот союз под таким названием: им было предложено добавить перед словом «воинов» слово «бывших».) Один горя-

* О Григории Семенове см. главу 5. (*Прим. ред.*)

чий сторонник Власова объявил, что ведет перепись власовцев, чтобы объединить их, и что уже переписал восемьдесят семь человек. С похожим заявлением — только о бывших бойцах Русского корпуса — выступил Николай Доннер⁶¹.

Русская пресса отметила годовщину образования Русского корпуса (добровольческого формирования, предложившего свои услуги немцам во время войны), а также осветила встречи бывших власовцев, чтивших память Андрея Власова, “вождя русского освободительного движения”, в день его смерти. В Мельбурне панихиду по Власову отслужили в церкви Святой Марии, и Александр, сын священника Исихора Дерезы, выступил с заключительной речью, в которой говорил о грядущем освобождении России как о главной цели русского народа. В Сиднее в декабре 1951 года прошел вечер памяти Власова, среди присутствующих были сторонник НТС Борис Домогацкий и лидер антикоммунистического движения генерал Георгий Алексеев. В 1952 году на страницах “Единения” поздравления с Пасхой поместили власовцы и “воины Освободительного движения” [белого] ⁶². Притом что чаще всего отмечались памятные даты, связанные со Второй мировой войной, о Гражданской войне тоже не забывали, особенно казаки, назвавшие несколько своих станиц в честь героев Белой армии⁶³.

Естественно, белые русские не отмечали советский праздник 7 ноября — годовщину Октябрьской революции. Зато в тот же самый день они отмечали, подхватив традицию, сложившуюся в межвоенный период в русской диаспоре Европы и Китая, так называемый День непримиримости (имелась в виду непримиримость народов России с советским режимом). Первое празднование этого дня в Австралии состоялось в 1950 году в сиднейском отделении Христианской ассоциации молодых женщин на Ливерпуль-стрит, и потом эти мероприятия проходили там ежегодно; отмечали этот день также в Мельбурне и Брисбене. В Сиднее на собраниях по случаю Дня непримиримости с речами регулярно выступал генерал Михаил Георгиевич, герой Первой мировой

и Гражданской войн. Эти мероприятия могли приобретать весьма провокационный характер, если их пикетировали левые из сиднейского Русского общественного клуба, где “друзей Советского Союза”, праздновавших годовщину революции, потчевали докладами о достижениях СССР. В результате происходили уличные потасовки. В Брисбене 7 ноября 1952 года полиция остановила антикоммунистическую демонстрацию в центре города⁶⁴.

В списке действовавших в Сиднее с 1950-х годов “активных антисоветских организаций”, с гордостью опубликованном в хрониках местной общины, фигурировали: Совет русской общины, Австралийский корпус императорской армии и флота, Русский монархистский союз в Австралии, Союз хранителей священной памяти императора Николая II, Союз бывших офицеров императорского флота, Союз бывших кадров императорских военных училищ и Русский дом⁶⁵. За исключением флотского союза и Русского дома (возглавлявшихся китайскими русскими), всеми этими организациями руководили белые русские из Европы, хотя, следует заметить, большинство из них существовали лишь номинально.

Поскольку в белом русском сообществе почти все были антикоммунистами, попытки сплотить движение предпринимались непрерывно, но без особого успеха. В ноябре 1952 года монархист Николай Фомин, бывший шанхаец, которому в ту пору уже перевалило за шестьдесят, призвал русских, живших в Сиднее, сплотиться вокруг Русского антикоммунистического центра. Задачи этого центра формулировались так: “Контрагитационная работа, воспитание наших молодых кадров в духе религиозно-нравственном, представительство интересов россиян перед местным властями”, а также “защита доброго имени России”. Последовали предварительные собрания в Брисбене и Сиднее, а вот в Мельбурне дело явно застопорилось: лишь в декабре 1954 года удалось провести собрание с целью избрания членов правления будущего центра, да и то на него явилось всего шесть человек, хотя, по некоторым данным, одним из них был архиепископ Савва⁶⁶.

Кроме Фомина другими заметными организаторами центра стали генерал Георгий Алексеев, видимо, представлявший европейскую часть диаспоры (он сам был родом из Риги и воевал в армии Власова), и Николай Харьков из Китая. Центр находился по адресу Редферн, Риджент-стрит, 126 — по соседству с домом Харькова. Более известный китайский русский, генерал-лейтенант Петр Бурлин (он по прибытии в Австралию сообщил репортерам, что приехал за тишиной и покоем), тоже упоминался как один из основателей центра; в ASIO его участие — возможно, лишь номинальное — объясняли его “авторитетом среди иммигрантов”⁶⁷. Притом что ввиду присутствия китайских русских данная Марком Ааронсом характеристика Русского антикоммунистического центра как “группы нацистских пособников” является не вполне точной⁶⁸, можно не сомневаться в том, что большинство присоединившихся одобряли борьбу против большевиков в рядах власовской армии, Русского корпуса или казачьих отрядов под командованием немцев. Объединительные усилия центра были прямо направлены на власовцев, энтэсовцев и казаков, которые, прежде чем сплотиться с центром, создали собственный Общеказачий антикоммунистический центр, почетным председателем которого стал перебежчик из СССР генерал Иван Кононов⁶⁹.

Возможно, Русский антикоммунистический центр смущал австралийские власти не столько пособничеством с нацистами в прошлом, сколько возможными антибританскими настроениями в настоящем. Фомин, один из самых активных организаторов центра, считал нужным уверить общественность в том, что “Белые россияне в Австралии являются убежденными антикоммунистами, вполне лояльными по отношению Британской Короне”⁷⁰. Но некоторые из австралийских правых все равно остались при своих подозрениях. В начале 1953 года член парламента и антикоммунист Билл Уэнтуорт передал Ричарду Кейси, министру иностранных дел из правительства Мензиса, посвященную этому вопросу докладную записку из конфиденциального источника. Осведомитель

Уэнтурта — представитель русской общины Сиднея, почти наверняка не из тех, кто прибыл в Австралию после войны, — выражал надежду, что, “если Русским центром будут осматривать руководить люди, которые прожили в Австралии уже много лет и верны Британской империи, они смогут направить деятельность центра в более благоразумное русло”. Фомин и его соратники явно не относились к указанной категории: они прибыли в страну недавно, за плечами у них был военный опыт, в том числе участие в боевых действиях под немецким командованием во время Второй мировой войны. Кандидатом в “благоразумные” лидеры, которого предлагал осведомитель Уэнтурта, был доктор Николай Протопопов, глава антикоммунистического комитета русской общины в Стратфилде и один из первоначальных организаторов Русского антикоммунистического центра. Протопопов прожил в Австралии уже 26 лет, его сын служил в Корее в рядах вооруженных сил Австралии. Кроме того, о нем очень похвально отзывался один оперативный работник ASIO, характеризовавший его как “лояльного подданного Великобритании”, и сообщал, что последовавший отказ Протопопова войти в президиум центра значительно снизил вероятность того, что центр получит поддержку местной общины⁷¹.

Сотрудник ASIO докладывал, что, хотя поначалу реакция русской общины на создание центра была положительной, теперь общее мнение представителей Русского дома таково, что центр “выродился в чисто политическую организацию, которая, на их взгляд, не имеет права на участие в делах общины”. Это “общее мнение” совпадало и с мнением его источника, уважаемого члена общины (возможно, самого Протопопова?), который почтительно отмечал, что в Австралии имеются собственные “должным образом учрежденные органы власти”, способные противостоять влиянию коммунизма, и что всякий, кто располагает важной информацией, должен обращаться именно туда, “а не в организацию, не пользующуюся официальным признанием”⁷². Впрочем, другие, напротив, считали, что центр слишком мало зани-

мается политической или пропагандистской деятельностью. Борис Домогацкий, один из первых членов комитета центра, впоследствии возглавил австралийское бюро новой международной организации, пытавшейся координировать антикоммунистическую деятельность русской диаспоры во всем мире, то есть, по сути, конкурировать с центром, ориентированным на работу с НТС⁷³. Отделение, которое возглавил Домогацкий, просуществовало, по-видимому, недолго, но и центр закрылся уже через несколько лет⁷⁴.

НТС

Для НТС как для международной организации Австралия представляла большой интерес, и после окончания Второй мировой войны там обосновалось 85 членов союза, в том числе значительный контингент из Мёнхенгофа — немецкого лагеря ди-пи, находившегося под сильным влиянием НТС⁷⁵. С международной точки зрения, Австралия была одним из наиболее активных бастионов НТС за пределами Европы и США⁷⁶ — настолько важным, что после поездки на Тайвань туда приезжал глава международной организации Владимир Поремский и выступал в Мельбурне, Брисбене и Сиднее, где его принимал архиепископ Савва⁷⁷. Внутри самой русской общины в Австралии присутствие НТС имело еще большее значение, отчасти из-за того, что представители этого союза контролировали главную в стране русскоязычную газету, а отчасти потому, что другие потенциальные источники политического объединения (какой была Русская фашистская партия в Китае) не пережили послевоенных потрясений и переезда в Австралию.

Все это звучит довольно внушительно, но на деле — и в международном масштабе, и в Австралии — после лихорадочного возбуждения в первые послевоенные годы в Германии для НТС наступал период разочарования и расхолаживания. Донесения, которые присылали австралийские активисты

НТС Виктору Байдалакову, главному деятелю НТС (жившему в Германии, а позже в США), как правило, источали уныние. Австралийские агенты сомневались в том, что могут оказывать влияние и на австралийскую публику, и на местную русскую общину, страдали оттого, что находятся вдали от настоящего поля битвы с коммунизмом (Европы), и чувствовали, что головной офис в Берлине уделяет им слишком мало внимания. “Вы не представляете, как мы сейчас далеко здесь, среди пингвинов”, — писал Глеб Бердников из Сиднея и добавлял, что они чувствуют себя безнадежно отрезанными от остального мира, находясь на этом континенте, со всех сторон окруженном океанами. Активистов вечно не доставало, а имевшиеся часто были “обременены семьями” и потому не очень-то годились для революционной борьбы. Люди постоянно ссорились или впадали в уныние, а если и не впадали, то только потому, что их начинала интересовать покупка автомобилей, они собирались жениться и вообще пытались как-то обустроить свою частную жизнь “среди пингвинов”. Возможно, со стороны и казалось, будто НТС в Австралии процветает, ведь все больше людей подписывалось на “Посев” и читало “Единение”, однако со стороны нельзя было увидеть “внутреннюю слабость”⁷⁸.

Неясно, насколько успешны были попытки австралийского НТС склонить на свою сторону другие антикоммунистические группировки внутри местной русской общины. В различных стычках из-за желания получить контроль над русскими клубами НТС, похоже, вел себя как грубоватый новичок, которого старые монархисты сразу начинали подозревать в неуважении к себе и в отсутствовавшей у старшего поколения тяге к разным левацким порядкам, перенятым у врагов-коммунистов, — например, к созданию подставных организаций с целью дальнейшего ведения подрывной работы изнутри.

Несмотря на внутреннюю фракционную борьбу, НТС был заметно представлен в Мельбурне, Сиднее и Брисбене. Больше всего членов НТС насчитывалось в Мельбурне (где

издавалось “Единение”» и где осела значительная часть бывших обитателей Мёнхегофа), хотя редакционная группа “Единения”, возглавлявшаяся Олегом Перекрестовым, по-видимому, постоянно конфликтовала с другими — очевидно, из-за того, что идейная чистота заботила их больше, чем коммерческий успех газеты⁷⁹. В Сиднее “прекрасным организатором” был меланхоличный Бердников, а молодой Коновец из Китая, которому не терпелось уехать в Европу, чтобы поскорее окунуться в борьбу, был способен, энергичен и готов к самопожертвованию, хотя, пожалуй, ему недоставало дисциплинированности. И все же к концу 1952 года количество активных членов союза катастрофически упало: их осталось всего пятеро. Старейшая в Австралии ячейка НТС находилась в Квинсленде, там жили активист Сергей Зезин, а также А.Б. Веремеев (бывший ди-пи) и финансовый покровитель организации Василий Явцев (иммигрант, приехавший в страну еще до войны)⁸⁰. Притом что в организации явно преобладали эмигранты первой волны из Европы, известно, что в Австралии в ее ряды вступали и ди-пи из числа бывших советских граждан: они составляли около 8% от общего числа австралийских членов союза и приносили в него более современное понимание советской действительности⁸¹.

Сергей Зезин, член брисбенской ячейки НТС, родился в Москве в 1919 году, а в 1935 году ему вместе с братом каким-то образом удалось уехать из СССР в Германию. После окончания Мюнхенской академии художеств он работал на киностудии UFA под Берлином и входил в группу молодых русских, которые создали там ячейку НТС. В 1939 году он женился на немке-аристократке — Вере фон Редлих. Чем он занимался в годы войны, неизвестно, но высказывалось предположение, что он подпольно работал на НТС. После войны он оказался в лагере Мёнхегоф, контролировавшемся НТС, а потом приехал в Австралию, где работал в государственной электрической комиссии, на досуге писал иконы и продолжал участвовать в деятельности НТС, которая была “второй половиной его жизни”. Первым достижением на этом поприще стало по-

лучение контроля над Русским клубом в Брисбене. В конце 1950-х, после переезда в Мельбурн, Зезин сделался председателем австралийского отделения НТС⁸².

В переписке с лидерами НТС Зезин сетовал на недостаток воинствующих активистов в австралийской организации, как ранее на это жаловался его коллега Бердников. Конечно, в Австралии представлялось мало возможностей для разных сомнительных акций — ведь советских граждан там было слишком мало, а сам Советский Союз (обращение которого в антикоммунистическую веру изнутри и являлось целью деятельности НТС) был слишком далеко. Но, несмотря на это, некоторым коллегам Зезина удавалось продолжать оперативную работу. Олег Перекрестов, первый редактор “Единения”, приехавший в Австралию в 1949 году, вернулся в 1957-м в Европу, чтобы тайно работать на НТС в Берлине; позже, с 1969 по 1974 год, он руководил издательством “Посев”, а с 1974 по 1980 год — его типографией. В 1980-х он вернулся в Австралию, чтобы возглавить русскую радиостанцию в Мельбурне. После распада СССР НТС развернул деятельность на его бывшей территории, и Зезин, которому в ту пору было уже около 80 лет, решил отправиться в Россию и принять участие в начавшейся там работе НТС, но по дороге умер⁸³.

Еще одним ревностным активистом НТС был Анатолий Коновец, ставший приверженцем организации еще в юности, в Китае⁸⁴. На Тубабао в 1949 году он был уполномоченным агентом НТС и корреспондентом “Посева”. В 1952 году в Сиднее он собрал группу молодых русских антикоммунистов, и они раздавали отпечатанные редакцией “Единения” листовки на (левом) Молодежном карнавале за мир и дружбу, проходившем в Фэрфилде, и учинили там потасовку, о которой написали в австралийской прессе и за которую их похвалили в “Единении”⁸⁵. Возможно, в том же году он ездил по заданию НТС на Тайвань⁸⁶. В 1956 году ему пришлось бросить обучение на факультете искусств в Сиднейском университете на втором курсе, когда руководство НТС вызвало его в Ев-

ропу для подпольной работы. Там, на конференции “Посева” во Франкфурте, он познакомился со своей будущей женой, активисткой Верой Филатьевой, дочерью белоэмигрантов. Она приехала в Париж в начале 1930-х годов и стала соосновательницей антикоммунистического объединения “Молодая Россия”, а потом вступила в НТС. Позже молодых супругов послали в Италию для продолжения подпольной работы, которая заключалась главным образом в том, чтобы завязывать контакты с советскими туристами и вручать им пропагандистские брошюры НТС. В Австралию Коновец вернулся вместе с женой в начале 1960-х⁸⁷.

Между антикоммунистическими организациями вроде НТС и ASIO если и не царилло полное доверие, то уж точно существовал взаимный интерес. Николай Алферчик, завербованный в НТС в 1940-е годы в Европе, работал в годы войны и на НТС, и на немцев, а после войны, уже живя в Австралии, продолжал состоять в НТС и заодно докладывал о деятельности этого союза в органы безопасности Австралии⁸⁸. В начале 1950-х члены НТС контактировали с агентом ASIO в Сиднее, предлагая свою помощь в борьбе с коммунизмом. Одним из этих инициативщиков был Владимир Диффердинг, агент по продаже недвижимости, выступавший одновременно администратором редакции “Единения” и руководителем отдела русской “борьбы” либеральной партии (точнее, ее отделения в штате Виктория). Диффердинг познакомил Алферчика со своим контактом из ASIO, Роупером, и заявил, что НТС разработал маршруты для передачи антисоветской пропаганды в СССР. Его предложение о сотрудничестве с некоторой осторожностью приняли, хотя в ASIO и опасались того, что в НТС, вероятно, успели внедриться советские агенты⁸⁹.

До 1953 года НТС официально оставался законспирированной организацией, его агенты в Австралии нигде публично не фигурировали, а входили в контакт исключительно с русскоязычными⁹⁰. Но в 1953 году союз начал открыто проводить собрания, и на первом из них, состоявшемся в Мельбурне, Сергей Зезин выступил с докладом о “фронтовом бое”

НТС с Советским Союзом, а Перекрестов зачитал приветственное обращение редакции “Единения”. За этим последовали собрания НТС в Мельбурне в кинотеатре “Савой”⁹¹.

Одной стороной деятельности НТС, которая делала ее заметной для публики, была привычка пикетировать просоветские мероприятия и раздавать прохожим листовки, что порой сопровождалось стычками и драками с австралийскими коммунистами — так произошла например потасовка с участием Коновца в Фэрфилде в 1952 году. В том же году, позже, сиднейская ячейка НТС похожим образом пикетировала Русский общественный клуб, где в тот день отмечалась годовщина революции. “Когда появились первые группы членов НТС, несущих плакаты с английскими и русскими надписями, вскрывающими истинную природу большевизма, многие прохожие останавливались и брали листовки на английском языке, которые раздавались пикетирующими”, — рассказывал Домогацкий в “Единении”. Он не сомневался в успехе этой акции, “столь нужной в такой день”, хотя “стоящая у двери этого осинового гнезда группа австралийских коммунистов посмела остановить пикетирование, осуществленное мужественными людьми”⁹².

Задача законспирированной, или “закрытой”, части НТС состояла в том, чтобы “облегчить контакты и установить отношения с советскими гражданами для засылки антисоветской литературы в Советский Союз”. Под упомянутыми советскими гражданами подразумевались выезжавшие за границу советские артисты, музыканты, спортсмены, туристы и моряки дальнего плавания. Когда в 1956 году в Мельбурн на Олимпиаду прибыла команда советских спортсменов, члены НТС, подрядившиеся работать переводчиками, всеми доступными способами налаживали с ними связи. В 1960-е годы, с появлением культурных обменов, за границу стало выезжать больше советских граждан, и НТС, конечно, не терял времени даром: “Поразительно, сколько экземпляров Солженицына и Пастернака нам удавалось запихнуть в футляры от контрабасов”. (Возможно, это и был один из тех но-

вых каналов для передачи антисоветских материалов, разработкой которых Диффердинг хвастался ASIO.) Специалистами в этой области были Николай Коваленко и Георгий Петропуло, причем последний даже додумался свести знакомство с портовыми рабочими, чтобы через них добраться до моряков с советских судов. Желая завоевать доверие и получить возможность легко заводить новые связи, члены НТС внедрялись в просоветские объединения вроде Русского общественного клуба и предлагали свои услуги переводчиков Обществу австралийско-советской дружбы⁹³. Одним из таких энтээсовцев-внедренцев был Глеб Бердников, хотя его коллеги по НТС и не всегда одобряли его близкое общение с идейными противниками. Впрочем, трудно поверить в то, что Бердникову удавалось по-настоящему обмануть левых, ведь его антикоммунистические убеждения были известны любому читателю “Единения”: среди прочего, как рассказывали, он председательствовал на первом открытом заседании НТС в Сиднее в 1953 году⁹⁴.

Глава 8

Красные русские

В сознании австралийцев понятия “русский” и “красный” были связаны между собой давно — еще с 1919 года, когда в Брисбене произошли “беспорядки под красным флагом”. Но многие из живших в Австралии по-настоящему красных русских вернулись в Россию после Октябрьской революции 1917 года, а среди русских иммигрантов, приезжавших на континент в 1920-е и 1930-е годы, преобладали белые — противники революции. После войны, когда хлынула новая волна иммигрантов, к берегам Австралии прибыло еще больше белых русских из Европы и Китая — твердых и даже яростных в своих антикоммунистических убеждениях. Но все равно и в народе, и среди официальных лиц многие продолжали подозревать, что внутри каждого русского скрыта хоть крупница красного¹. В самом деле, в какой-то степени эти подозрения были оправданны, но не в том смысле, что все русские могли оказаться тайными социалистами, а в том смысле, что при определенных обстоятельствах их русский национализм мог преобразиться в советский патриотизм. Так уже происходило в русской эмиграции в Китае в годы Второй мировой войны, когда многие белые русские осознали, что они рады победам СССР над немецкими захватчиками. Легко было представить, что такое повторится, если начнется третья мировая война, в которой Советский Союз (Россия) вновь окажется в противостоянии с другими странами, и уж в ASIO прекрасно

это понимали. Понимала это и русская диаспора в Австралии — во всяком случае, в лице Анатолия Коновца, который замечал в общине озабоченность тем, что его социологический опросник о политических убеждениях, возможно, выявил “более сильные просоветские настроения, чем можно было бы ожидать”².

Ключевое слово здесь, по-видимому, — “просоветские”, а не “просоциалистические”. СССР был по определению социалистическим государством, но объединить эмигрантов могла бы не тяга к социализму как таковому, а любовь русских к покинутой далекой родине. Впрочем, нельзя было закрывать глаза и на тот факт, что многие ди-пи и русская молодежь из Харбина воспитывались и получали образование или в Советском Союзе, или в советских школах и молодежных организациях в Китае. Генри Г. Эртс, раньше работавший в Китае, считал, что бывшие ди-пи в Австралии “находятся под сильным влиянием своего воспитания, полученного при коммунистическом режиме”³. При интервьюировании бывших ди-пи в Европе в рамках послевоенного Гарвардского проекта по изучению советского общественного строя обнаружилось, что, хотя чаще всего люди высказывались о советском политическом строе неприязненно, многие тем не менее одобряли “социальную ориентированность” СССР (бесплатное образование, льготы для трудящихся, государственную систему здравоохранения)⁴. Перебравшись в США и Австралию, они вряд ли придерживались прежних ценностей (иначе родители Алекса Селенича были бы не единственными в Джилонге бывшими ди-пи, поддерживавшими лейбористов)⁵, но их прошлый опыт, несомненно, был одной из причин, в силу которых белые русские не могли вполне поверить в глубину и искренность антикоммунистических взглядов ди-пи.

В обоих потоках мигрантов, среди ди-пи из Европы и русских из Китая, были люди, которых ASIO подозревала в симпатиях к СССР и держала под наблюдением. Хотя случаи вступления китайских русских в Коммунистическую пар-

тию Австралии были неизвестны, все равно ко многим из них, в том числе к некоторым русским евреям, в ASIO относились с недоверием. Мы уже встречали Натана Фицера, русского еврея и предпринимателя, который прибыл в Австралию из Китая в 1939 году. После войны Фицер стал вице-председателем Русского общественного клуба и другом Клодницких, заведовавших этим клубом; и в 1948 году служба безопасности стран Содружества проявила к нему такой интерес, что записала у него дома разговор с участием его жены и зятя (как именно была сделана эта запись, неясно), а также отслеживала его телефонные звонки. В записанной беседе затрагивались политические темы, но замечания самого Фицера носили сугубо практический характер: у него был “близкий друг” в советском посольстве, и он был уверен, что добьется выгодных цен в одной торговой сделке, “потому что он русский”⁶. С самого начала объектом интереса спецслужб стал и брат Натана — Исаак: он приехал из Шанхая 3 октября 1946 года на пароходе “Неллор”. Судовой казначей заявил, что Исаак пытался распространять среди пассажиров коммунистическую пропаганду, а еще общался с другим пассажиром с немецкой фамилией, якобы “рьяным нацистом” (на самом деле это был еврей, бывший узник нацистского концлагеря). Исаака немедленно опознали как брата Натана, уже известного сотрудником службы безопасности⁷.

Исаак Фицер попал в составленный в 1957 году в Новом Южном Уэльсе список подозрительных иностранцев (в “категорию С”), наряду с другими китайскими русскими — Борисом Бинецким, сменившим Августу Клодницкую на посту председателя Русского общественного клуба, и Всеволодом Черепановым, который прибыл в 1949 году с Тубабао на борту “Мэрайн Джампер”. (Возможно, это был тот самый Черепанов, которого в 1951 году осведомитель ASIO охарактеризовал как “политически неустойчивого, сочувствующего советскому режиму” и высмеивавшего “образ жизни австралийцев”⁸.) Бинецкий, родившийся в Харбине в 1902 году, до переселения в Австралию (в 1950 году) жил в Тяньцзине, работал в тор-

говле и проявлял живейший интерес к искусству, особенно к театру. Как и многие другие русские, жившие в Китае, он получил в 1946 году советское гражданство, но, что менее типично, он сохранил его и в дальнейшем и не подавал заявления на натурализацию в Австралии, даже прожив там много лет. Он явно ощущал себя “советским гражданином... настоящим русским”, хотя за всю жизнь провел в СССР всего сутки (в 1919 году во Владивостоке, где он, по-видимому, пытался поступить во флот)⁹.

Как это было и с китайскими русскими, никто из иммигрантов из Европы, приехавших в страну после войны, не вступал в Компартию Австралии. Но ASIO все равно бдительно следила за ними, высматривая малейшие признаки симпатии к Советам, и особенно пристально наблюдала за теми, кто посещал Русский общественный клуб в Сиднее или имел связи с посольством СССР в Канберре или с другими советскими официальными лицами. В категорию С списка, составленного в 1957 году в Новом Южном Уэльсе, попали также Елена Деркач, Александр Дукин, Лидия Мокрас, Ольга Нойман и Анатолий Арсененков. Первые трое были завсегдатаями Русского общественного клуба. Деркач была украинкой из ди-пи, вдовой около сорока лет с медицинским образованием, которое не было признано в Австралии; на переквалификацию у нее ушло несколько лет. Александр Дукин рассказывал о своем прошлом по-разному (возможно, он был советским инженером или, что также вероятно, был вовсе не ди-пи, а перебежчиком, на что сам позднее намекал), но достоверно о нем было известно, что это молодой, энергичный человек, вероятно, русский (хотя и прибыл с документами, в которых значился украинцем), и что он часто посещал Русский общественный клуб и в начале 1950-х общался там с будущим советским перебежчиком Владимиром Петровым¹⁰.

Лидия Мокрас, с которой мы еще встретимся в следующей главе, была подругой и любовницей Михаила Бялогуского, двойного агента, который курировал Петрова, и ее ча-

сто видели в Русском общественном клубе в компании Бялогуского и Петрова. Ей нравились мистификации, она любила рассказывать разные небылицы о собственном прошлом, о своих знакомых и своих настоящих убеждениях. Согласно истории, которую она преподнесла сотрудникам ASIO, она родилась в 1919 году в семье польских ссыльных в Сибири, а когда началась война, училась в медицинском на Украине. Во время войны ее будто бы отправили в Германию (как она уверяла, по заданию советской разведки), после войны она стала ди-пи, вышла замуж за другого ди-пи и вместе с ним в ноябре 1949 года эмигрировала в Сидней¹¹. Сам Бялогуский тоже был человеком многоликим, даже если не принимать в расчет его роль двойного агента: родившийся в России в семье польских евреев, он стал не только врачом, но еще и профессиональным скрипачом (а позже и дирижером оркестра), и в Австралию в 1941 году приехал из Вильнюса по Транссибу, через Владивосток и Токио¹². Легкость, с которой его приняли в Русском общественном клубе, говорит о том, насколько клуб был открыт всем русскоязычным независимо от их национальной принадлежности.

В категорию С списка опасных иностранцев был включен и польский еврей Северин Пейсахович, русскоязычный иммигрант, который провел военные годы в Советском Союзе, где находили убежище многие польские евреи, бежавшие на восток от немцев. Судя по его раннему приезду (12 июня 1947 года, на борту парохода “Марелла”), он был мигрантом с правом высадки, имевшим в Австралии поручителя, а не участником программы массового переселения (к этим программам евреев старались не допускать, особенно к первым рейсам). В Сиднее он иногда посещал Русский общественный клуб и, как докладывали в ASIO, водил дружбу с Беллой Вайнер (членом Компартии Австралии, приехавшей еще до войны польской еврейкой), а также был знаком с корреспондентом ТАСС Федором Носовым и его женой. Хотя до войны в Варшаве Пейсахович был коммунистом-активистом, о чем он рассказывал интервьюеру в 1990-е годы,

в ASIO об этом явно не знали, но смотрели на него с подозрением, потому что он состоял в организациях, считавшихся советскими “ширмами”: в сиднейском Еврейском совете по борьбе с фашизмом и антисемитизмом и в Еврейском движении за мир. “По этой причине, — говорилось в заключении донесения службы безопасности, — он должен относиться к коммунизму по меньшей мере сочувственно, а следовательно, он неблагонадежен. Рекомендуются интернирование [в случае начала третьей мировой войны]”¹³.

Двое русских оказались включены в категорию С, вероятно, из-за своих связей с негласным советским агентом (вербовавшим потенциальных репатриантов) Анатолием Гордеевым, о деятельности которого еще пойдет речь в этой главе. Помимо того, что они охотно беседовали с Гордеевым, имевшим для прикрытия дипломатическую должность, и по крайней мере один из них всерьез задумывался о репатриации в СССР, не было абсолютно никаких указаний на то, что они придерживались социалистических или хотя бы отчетливо просоветских взглядов. Анатолий Арсененков попал во время войны в Германию: его отца, машиниста локомотива, увезли туда из Смоленской области в качестве рабочей силы. В конце войны Анатолий (тогда ему было 19 лет) хотел вернуться в Советский Союз (так, во всяком случае, он говорил Гордееву), но отец пригрозил ему покончить с собой, если он уедет. В 1949 году Анатолий решил уехать один в Австралию, выдав себя за украинца, хотя в действительности был русским, и оставить на время отца с матерью в Германии (вначале они хотели эмигрировать в Аргентину — при Пероне там благосклонно относились к правым русским). Две его сестры уехали в 1950 году в Америку. Через несколько лет он обратился в советское посольство в Канберре с вопросами о репатриации, но потом уже не объявлялся¹⁴.

Если у Арсененкова, по крайней мере, были когда-то настолько сильные просоветские настроения, что он поспорил с родными из-за желания вернуться на родину

в 1945 году, то другая ди-пи из категории С, вступавшая в контакт с Гордеевым, по-видимому, занимала не столь однозначную политическую позицию. Ольга Нойман (урожденная Янович), русская, родившаяся в Киеве, училась на медицинском факультете, когда началась война, и была угнана в Германию на принудительные работы. Оказавшись после войны в лагере для перемещенных лиц, она вышла замуж за поляка Бронислава Ноймана, с которым в марте 1950 года приехала в Австралию. Когда Гордеев познакомился с Ольгой, она с мужем жила в Кабраматте. В донесении Гордеева, отправленном в Москву, говорилось, что Нойман работает уборщицей на фабрике и очень этим недовольна, так как эта работа не соответствует ни ее образованию, ни прежнему социальному статусу. Она «сильно желает вернуться на Родину, однако поехать без мужа отказалась...». В беседе она выражала обеспокоенность тем, что ее могут наказать или конфисковать собственность, если она вернется в СССР, а также проявляла чрезмерный интерес к сравнению уровня жизни в обеих странах, спрашивала, дорого ли стоят в Советском Союзе хорошие туфли. Можно предположить, что сравнение было явно не в пользу СССР (страна после войны испытывала большие экономические трудности, купить хорошие туфли было почти невозможно ни за какие деньги). Как бы ни скучала Ольга по родной стране, ее, похоже, не удалось убедить в том, что при социализме жизнь налажена лучше. Она «высказывала недовольство некоторыми порядками в СССР (например, заявила о том, что «ей всегда не нравились пятилетки» и т. п.)». Поскольку Ольга сказала, что любит мужа (не имевшего права на репатриацию и присутствовавшего при разговоре), ее возвращение в Советский Союз было явно неосуществимой идеей, как бы Гордеев ни пытался убедить себя в обратном (под давлением Москвы, требовавшей от него результатов)¹⁵.

В некоторых русских семьях, иммигрировавших после войны, второе поколение, выросшее уже в Австралии, оказалось радикальнее родителей. По крайней мере две дочери

из иммигрантских семей выбрали себе в мужья людей с левыми взглядами — из тех, кто работал в профсоюзах и симпатизировал социалистам (или лейбористам). Дочь Натана Фицера Нора была подростком, когда родители привезли ее из Китая в Австралию (в 1939 году); в 1947 году она окончила Сиднейский университет и получила диплом юриста. Замуж она вышла за Джима Макклелланда, тоже начинающего юриста; в ту пору он был троцкистом, имел тесные связи с профсоюзами, а позже, в 1970-е годы, стал министром в правительстве Уитлэма. В беседе, которая происходила в доме отца Норы (и запись которой попала в ASIO, о чем уже упоминалось выше), именно Нора, а не ее отец или муж, в назидательной манере выразила свои левацкие убеждения и отчетливо антиамериканское отношение к холодной войне:

[Она предположительно] заявила, что чем больше времени будет у России до возможной войны с Америкой, тем лучше будет для России, потому что Америка боится не столько России, сколько рабочего класса всего мира. Она говорила, что рабочий класс Австралии более передовой, чем в Америке, но и в США рабочие постепенно получают образование и начинают мыслить здраво. Далее она сказала, что здесь у России авангард.

К сожалению, тайный осведомитель, оказавшийся дома у Фицеров, не объяснил, какой смысл могло иметь последнее довольно загадочное замечание Норы¹⁶.

Другой сторонницей левых из второго поколения иммигрантов, только уже с европейским прошлым, была Женни Джордж, урожденная Евгения Синичкина, родившаяся в русской семье в лагере ди-пи в Италии в 1947 году. По ее словам, веру в ценность образования ей внушила мать, которой пришлось прервать учебу в университете из-за войны. (Идея важности образования занимала центральное место в советской социалистической идеологии, хотя, конечно, нельзя утверждать, что она была популярна только в Советском Союзе.)

Получив профессию педагога (так как социальная стипендия педагогического колледжа открывала наименее затратный путь в университет), в конце 1960-х годов Женни вышла замуж за австралийского коммуниста Падди Джорджа. Сама она успела побывать членом связанного с партией молодежного союза “Эврика” (хотя и не в самой партии), активно участвовала в жизни Учительской федерации Нового Южного Уэльса. После смерти мужа Женни сделала успешную карьеру в профсоюзном движении и в 1996 году стала первой женщиной, занявшей должность председателя Совета профсоюзов Австралии¹⁷.

Однако такие люди были исключениями. В целом группа русских иммигрантов, прибывших в страну после войны, произвела заметно меньше левых активистов, чем послевоенные же волны иммигрантов из Греции или Италии, — возможно потому, что в политической культуре этих двух стран социализм и коммунизм занимали место наравне с другими позициями и представляли общественно приемлемый выбор¹⁸. Совсем иначе обстояло дело среди бывших белых русских, для которых и социализм, и коммунизм были чем-то вроде табу, и среди бывших красных русских, для которых коммунизм был вовсе не выбором, а идейно навязанной данностью. Положение осложнялось тем, что центр мирового коммунизма — Россия — для русских был еще и родной страной и потому таил для них особую притягательность, никак не связанную с коммунизмом. Просоветские русские иммигранты оказывались в меньшинстве как бы в квадрате: и внутри русской общины, и внутри Австралии, причем в условиях набравшей силу холодной войны это меньшинство двойной степени выглядело потенциально опасным. Они оказывались в особенно уязвимом положении, потому что навлекали на себя не только подозрения австралийцев в лояльности приютившей их стране, но и критику, с которой на них часто обрушивались соперники из белого лагеря: если в Советском Союзе все так прекрасно, почему же они, его сторонники, там не живут?

Русский общественный клуб

Русские иммигранты, придерживавшиеся левых взглядов или симпатизировавшие Советскому Союзу, собирались в Русском общественном клубе в Сиднее, по адресу Джордж-стрит, 727. Сидней был уникален тем, что там в непосредственной близости друг от друга находились “красный” и “белый” клубы. “Пожалуй, символично, — писал один из завсегдатаев (белого) Русского клуба на Джордж-стрит, 800, — что антикоммунисты из своего клуба на третьем этаже могут глядеть свысока на красных, чей клуб находится под землей, в тускло освещенном подвале”¹⁹.

Пусть этот клуб и правда размещался в подвальном этаже, зато там был просторный зал на 200 человек, где устраивались танцевальные вечера и проводились кинопоказы, а еще была комната для карточной игры и библиотека. Клуб возник еще в начале 1930-х годов, предположительно, отпочковавшись от Общества друзей Советского Союза, — в ту пору он занимал угол в здании штаб-квартиры лейбористской партии на Оксфорд-стрит в центре Сиднея. Позже клуб переехал в помещение получше, подходившее и для танцев, и для проведения собраний, но в 1939 году, когда между СССР и нацистской Германией был заключен пакт о ненападении, австралиец, владевший помещением, выгнал клуб вместе с его завсегдатаями. После этого им некоторое время приходилось собираться или в частных домах, или в кафе, которое держала председательница клуба П. И. Горская.

В 1941 году, когда Германия напала на Советский Союз, политическая ситуация снова изменилась, и члены “красного” клуба снова оказались при деле: вместе с левой активисткой Джесси Стрит они отправляли в СССР дубленные овечьи шкуры и медикаменты, чтобы поддержать Красную армию. Именно тогда, в 1943 году, клуб и был официально зарегистрирован как таковой, и секретарем его стала Мария Нестор. Сообщали, что на нужды клуба пожертвовал 500 фунтов Иван

Репин, владелец кофейни. Клуб расположился по новому адресу на Джордж-стрит, 727 в подвальном этаже левого Итало-австралийского клуба, связи которого с Коммунистической партией Италии тоже представляли интерес для ASIO²⁰.

Как и у Русского дома, находившегося через дорогу, у Русского общественного клуба не было лицензии на торговлю спиртным, хотя, как рассказывали, совместная выпивка была в нем одним из главных способов скоротать время. Можно предположить, что члены обоих клубов покупали алкоголь в одном ирландском пабе, находившемся неподалеку на той же улице. В обоих клубах по субботам устраивались танцевальные вечера, причем в Русском общественном клубе танцплощадка была просторнее, чем в заведении-сопернике²¹. Там выступало трио балалаечников, а тенор Сеня Чостяков (член Русского общественного клуба, иммигрировавший еще до войны) исполнял песни о Красной армии²². Регулярно демонстрировались советские фильмы — кинопоказы привлекали особенно много русскоязычных. У Русского общественного клуба было большое преимущество: он получал советские фильмы непосредственно из посольства СССР, и посмотреть кино туда приходили даже антисоветски настроенные русские. Посмотрев советский фильм «Падение Берлина» в Нью-Йорке, антикоммунист Ростислав Полчанинов писал своим друзьям Николаюкам в Мельбурн, как бы немного оправдываясь: «Мы не ходим на глупые американские фильмы. Мы ходили на советские фильмы, чтобы увидеть, пусть в щелочном растворе, наши родные города, услышать с экрана русскую речь и русские песни»²³.

Руководство Русского дома раздражало, что его всегда и иногда ходят на кинопоказы в Русский общественный клуб, вопреки правилу, гласившему, что «как только кого-то из наших [белых русских] увидят входящим в тот клуб или выходящим из него, его навсегда исключат из нашего общества»²⁴. Агент ASIO, присутствовавший на показе одного советского фильма, на который пришло около 250 человек, отметил, что, несмотря на неприязнь, существовавшую

между Русским общественным клубом и Белым русским клубом на той же улице, на кинопоказ все же пришли некоторые из завсегдатаев последнего, хотя, возможно, они, как и сам агент, явились туда для сбора разведанных: “Там был один видный представитель русской церкви, и потом, когда я разговаривал с ним, он сказал, что пришел туда впервые, для того чтобы понаблюдать за публикой и посмотреть, не ходит ли на эти мероприятия кто-то из его паствы”²⁵.

С 1946 года председательницей Русского общественного клуба была Августа Клодницкая, приехавшая в Сидней из Европы сравнительно недавно, только в 1937 году. Августа и ее муж Георгий, инженер, пользовались авторитетом в обществе, ей нравилась публичность. Поскольку Георгий в прошлом был связан с Временным правительством, община белых, скорее всего, оказала супругам прохладный прием. Близких по духу людей они наверняка встретили в лице маргиналов вроде Александра Джеймса (Жемчужного) и его жены, которые смотрелись среди русских иммигрантов в Австралии белыми воронами, так как превыше всего ставили “служение народу — этот идеал дореволюционной русской интеллигенции”^{26*}. Неясно, насколько радикальными были политические убеждения Клодницких до войны, или же их откровенно просоветские взгляды в 1940-х годах просто отражали то патриотическое воодушевление, вызванное мужеством советских солдат на войне, которое ощущали тогда многие китайские русские. На общем собрании Русского общественного клуба в июле 1951 года Августа Клодницкая говорила о разногласиях в руководстве по поводу того, насколько твердо клубу следует выказывать солидарность с Советским Союзом. Правительство Мензиса, похоже, вознамерилось объявить вне закона Коммунистическую партию Австралии (хотя в действительности проведенный в сентябре 1951 года референдум по этому вопросу заставил правительство отказаться от этой идеи), и были опасения, что если это произойдет, то и Рус-

* О дружбе Клодницких и семьи Джеймс см. главу 2. (*Прим. ред.*)

ский общественный клуб окажется под угрозой закрытия. Секретарь клуба Мария Нестор выступала за то, чтобы вернуться на прежние позиции, когда просоветские настроения не декларировались столь открыто. Такого же мнения придерживался Сеня Чостяков (хотя он и любил исполнять песни красноармейцев). Но Клодницкая получила поддержку зала — в числе прочих от постоянной посетительницы клуба и члена Компартии Австралии Беллы Вайнер. В итоге фракция Клодницкой одержала верх в этом споре, и Августа Клодницкая продолжала возглавлять левый, просоветский комитет до тех пор, пока не сложила председательские полномочия в 1952 году²⁷.

В первые послевоенные годы клуб открыто поддерживал связи с посольством СССР, и в нем сохранялся дух солидарности с советскими союзниками, заявивший о себе в военные годы. В октябре 1946 года почетными гостями на обеде, устроенном в Русском общественном клубе русской общиной, были советский посол Николай Лифанов и его жена. Среди лиц, сопровождавших посла, была женщина-дипломат Джесси Стрит, самый известный в Австралии друг Советского Союза. Августа Клодницкая, представляя посла всем собравшимся, произнесла на двух языках речь, “полную пропаганды и похвал Советскому Союзу”. Агент отдела Бюро расследований стран Содружества, присутствовавший на приеме, с неодобрением докладывал: “Весь раут был примечателен тем, что национальный гимн на его открытии не исполнялся, а вместо него пели «Интернационал» и *Advance Australia Fair*”; “несомненно, разжигался ультранационализм [видимо, он имел в виду советский национализм. — Авт.]” В 1947 году, в годовщину революции 1917 года, клуб “украшили советскими флагами и цветами”; Гэри Нэш (явившийся туда на субботние танцы) вспоминал, что частью постоянного убранства клуба служили “портреты Ленина и Сталина и другие коммунистические символы”. В замеча-

* В 1974 году *Advance Australia Fair* стал национальным гимном Австралии, сменив британский гимн “Боже, храни короля / королеву”.

нии к донесению от заместителя директора Бюро расследований стран Содружества в Новом Южном Уэльсе говорилось, что “Русский общественный клуб быстро превращается в пропагандистское орудие России”²⁸.

Хотя в ноябре 1949 года клуб уже смирился с необходимостью исполнять в конце собраний, по австралийскому обычаю, гимн “Боже, храни короля”, официальное советское присутствие оставалось заметным еще несколько лет. В ноябре 1949 года в клубе выступил консул Садовников; постоянными посетителями были корреспонденты ТАСС Федор Носов и его преемник Иван Пахомов. Атташе по культуре Владимир Петров часто бывал там вместе со своим русскоязычным другом Михаилом Бялогуским, а в 1951 году даже устроил в клубе вечеринку, на которую пригласил 21 гостя. Связи между руководителями клуба и сотрудниками советских учреждений были не только официальными, но зачастую и дружескими. Многих Клодникии приглашали к себе домой, в Розвилл. Как они сами позже рассказывали ASIO, они были знакомы и общались со многими сотрудниками советского посольства, в том числе с Семеном Макаровым и Виктором Зайцевым (оба были сотрудниками спецслужб под дипломатическим прикрытием), Валентином Садовниковым (консулом, сотрудником разведки), Владимиром Михеевым (корреспондентом агентства ТАСС), тремя другими корреспондентами ТАСС, имевшими погоны (Федором Носовым, Виктором Антоновым и Иваном Пахомовым) и, конечно же, Владимиром Петровым²⁹.

Завсегдатай клуба Дукин подружился с Петровым и установил хорошие отношения с представителем ТАСС Пахомовым, так что даже попросил его о помощи, когда в посольстве слишком затянули с оформлением документов на репатриацию для другого завсегдатая клуба, Василия Гвоздецкого. Разумеется, присутствие в клубе сотрудников советских учреждений вызывало повышенный интерес службы безопасности и придавало правдоподобие обвинениям вроде тех, с которыми выступал Георгий Алексеев, глава местного

Русского антикоммунистического центра. Он заявлял, что в клуб “ходят только сторонники советского режима, это заведение превратилось в филиал посольства СССР, оно существует на советские деньги”. Через некоторое время Владимир Петров сказал Бялогускому, что им обоим следует держаться подальше от этого места, потому что оно “наверняка кишит чекистами”³⁰.

Однако для завсегдатаев Русского общественного клуба политика была не единственным и даже не главным, что их туда привлекало. Там можно было просто пообщаться с друзьями, говорившими по-русски, поесть пирожков, выпить квасу, поиграть в шахматы, посмотреть кино и послушать русские народные песни под аккомпанемент балалайки. Все эти удовольствия были доступны и в Русском доме, но там ощущалось давление православия, что, скорее всего, отпугивало евреев и других далеких от веры русскоязычных. Русский общественный клуб был открыт для евреев, и это отличало его от Русского дома, где к евреям всегда относились с молчаливой враждебностью; политический противник (Коновец) даже называл общественный клуб наполовину русским, наполовину еврейским заведением, созданным “отдельными представителями русской и еврейской общин на пике просоветских и прорусских симпатий” во время войны (хотя в действительности клуб возник еще до войны)³¹. Но это было не единственное в Сиднее общественное объединение, которое привлекало недавно приехавших в страну русскоязычных евреев: существовал еще клуб “Ха-Коах”* в Бонди, основанный иммигрантами-евреями и прославившийся позднее своей футбольной командой. Некоторые — как, например, Северин Пейсахович — посещали оба клуба. Постоянными гостями Русского общественного клуба были русскоязычные Михаил Бялогуский и Вайнер, в начале 1950-х клуб посещали и участники польской балетной труппы. Появлялись там и украинцы, белорусы и латыши (в основном бывшие гра-

* “Сила” (*ивр.*)

ждане СССР). Как и Советский Союз (а до него — Российская империя), клуб был местом, где господство русской культуры ни в коем случае не подразумевало этнической исключительности³².

В 1952 году Августу Клодницкую сменил на посту председателя клуба недавно прибывший из Китая Борис Бинецкий, заядлый театрал и, вероятно, человек, куда меньше интересовавшийся политикой³³. Коновец воспринял это отчасти как смену власти: по его мнению, русские, а конкретнее, китайские русские перехватили контроль над клубом у евреев — впрочем, никакого подтверждения его гипотезы не существует³⁴. Хотя Коновец и сам был китайским русским (он приехал в 1949 году через Тубабао), он неодобрительно высказывался о “новоприбывших” (под которыми разумел, вероятно, многочисленную группу, приехавшую в Австралию в 1957 году и в последующие годы в основном из Харбина) как о людях, приехавших из “коммунистического Китая, где они получили советское гражданство, но предпочли уехать не в СССР, а в Австралию”. (Возможно, это замечание и проливает какой-то свет на роль китайских русских в Русском общественном клубе после 1952 года, но оно совершенно точно свидетельствует о глубоких политических разногласиях, расколовших русское иммигрантское сообщество в Австралии на враждебные друг другу части.) Примерно в то же время надзор ASIO за клубом ослаб — вероятно, из-за того, что главный осведомитель ASIO, Бялогуский, перестал регулярно посещать клуб³⁵.

Среди новых иммигрантов из волны начала 1960-х была Лидия Савва из Харбина (родившаяся в 1902 году). В Австралию она прибыла окольным путем через Советский Союз, куда репатриировалась после окончания войны со своим тогдашним мужем и другими родственниками. В 1953 году ей прислала приглашение сестра, переселившаяся ранее в Австралию, но Лидии отказали в визе, и только в 1961 году, после второго приглашения, ей и ее сыновьям удалось приехать в Австралию. В Сиднее Лидия активно искала общества дру-

гих русскоязычных: “Я пошла в Русский дом в Стратфилде, но там мне вежливо указали на дверь — нам не нужны красные. Ладно, тогда я пошла в Русский общественный клуб на Джордж-стрит, в городе. Его называли «дырой», он был в подвале. И что же? Нас там приняли. Началась новая жизнь”. Лидия поддерживала связь с Русским общественным клубом еще много лет, а во второй половине 1960-х была председателем его женской группы³⁶.

В Мельбурне не было аналогов сиднейского Русского общественного клуба, которые существовали бы так же долго, хотя в разное время подобные заведения появлялись и исчезали. Сообщали, что в 1952 году в южном Мельбурне открылся свой Русский общественный клуб в помещении, которым владел иммигрировавший еще до войны Аркадий Васильев, привлечший к себе внимание австралийской службы безопасности своими связями с советскими дипломатами. Но, по-видимому, это начинание не продержалось долго. Евреи, возможно, могли встречаться еще и на территории активного отделения Еврейского совета по борьбе с фашизмом и антисемитизмом в штате Виктория³⁷. Однако главным очагом, вокруг которого собирались левые русские активисты в Мельбурне, было Общество “Австралия — Россия”.

Сразу после окончания войны, когда для левых наступили лучшие времена, общество “Австралия — Россия” являлось гордым хозяином одноименного здания (бывшего *Metro House*) на Флиндерс-лейн в Мельбурне. Но с началом холодной войны положение изменилось. Бюро расследования стран Содружества признало общество “Австралия — Россия” нежелательной организацией, и поэтому представитель Лейбористской партии от штата Новый Южный Уэльс объявил, что членство в этом обществе несовместимо с членством в Лейбористской партии. Федеральные представители лейбористов не согласились с этим запретом, и в 1948 году Колуэлл выступил в парламенте с речью в защиту общества “Австралия — Россия”. Он заявил, что ему неизвестно о существовании каких-либо связей между этим обществом и Компартией

Австралии, зато, насколько он знает, “среди его членов имеются представители других организаций и духовные особы высокого сана”³⁸. Тем не менее в марте 1950 года опальное общество заставили продать дом, которым оно владело (причем частному лицу, несмотря на то, что интерес к приобретению этого здания выражали Объединение рабочих-металлистов и Союз моряков), а в 1953 году организация стала называться Обществом австралийско-советской дружбы³⁹.

Посредником при совершении этой сделки был Джон Роджерс, руководивший домом, а позже ставший председателем Общества австралийско-советской дружбы. В 1948 году Роджерс побывал в Советском Союзе в качестве почетного гостя советского Общества по культурным связям с заграницей (ВОКС), и его личное дело в ASIO начиналось с заявления об оформлении паспорта, где он указал свою должность как “руководящий работник (директор)”. Осведомитель ASIO, передававший информацию о Роджерсе, очевидно, по совместительству еще и марксист, о его происхождении писал так: “из буржуазии”, имел связи со “скваттократией Западного района” (он был сыном фермера, агента по торговле скотом Артура Станислава Роджерса, который был одно время депутатом парламента от Либеральной партии). До войны Роджерс работал в рекламном отделе газеты *The Age*, по некоторым сообщениям, был дамским угодником, его часто видели на ипподроме. В ASIO пришли к выводу, что Роджерс не состоял в Коммунистической партии Австралии, хотя его часто в этом подозревали, в частности, на Королевской комиссии штата Виктория по коммунизму в 1949 году. Сам Роджерс отрицал свое членство в Компартии и, судя по его разговорам с советскими официальными лицами, принимавшими его в Москве, не лгал: мало того что во внутренних советских документах ни слова не говорится о каких-либо контактах с КПА, так Роджерс еще и разочаровал своих собеседников, когда попросил их (не как директор Австралийско-Советского дома, подчеркнул он сам, а просто как любознательный человек) растолковать ему, как устроена Коммунисти-

ческая партия Советского Союза и как она связана с государственными органами. Еще он озадачил принимавших его сотрудников навязчивыми разговорами о футболе⁴⁰. Позже Роджерс, по-видимому, попытался извлечь какую-то коммерческую пользу из своих контактов с Советским Союзом, организовав гастроли советских артистов в Австралии, но эта затея не имела большого успеха. В 1950-х годах Роджерса сменил на посту председателя Общества австралийско-советской дружбы бывший ди-пи Аркадий Вольф, иммигрировавший после войны из Австрии (позднее его дочь, Алла Вольф-Таскер, стала знаменитым кулинаром). Но под конец Роджерс вернулся на прежнюю работу — именно он устраивал пышный прием в честь приехавшего на гастроли советского скрипача Давида Ойстраха⁴¹.

В мельбурнском кинотеатре “Карлтон” на Фарадей-стрит по субботам во второй половине дня регулярно демонстрировали советские фильмы. Как было отмечено в ASIO, в июне 1952 года на одном кинопоказе присутствовали корреспондент ТАСС Пахомов и тайный агент по репатриации Гордеев⁴². Там часто бывал молодой китайский русский Алекс Ильин, не относивший себя к левым. Как он обнаружил позже, эти невинные походы в кино заставили ASIO завести на него дело, потому что на ASIO работал фотограф, сидевший в итальянском ресторане напротив и тайно снимавший всех, кто входил в кинотеатр⁴³. Григорий Сальников, ди-пи из Европы, вспоминал, что смотрел “Золушку” — пользовавшийся огромной популярностью художественный фильм, вышедший в 1947 году, перед которым демонстрировали документальную ленту о параде физкультурников в Москве. Организатором этого показа в 1949 году выступило Общество австралийско-советской дружбы, но для просмотра использовалась большая аудитория Мельбурнского университета. Аудитория вмещала около 400 человек, но народу пришлось столько, что многим не досталось сидячих мест. По мнению Сальникова, около 40 % зрителей составляли ди-пи, остальные были австралийцами⁴⁴.

Эти советские киноленты, наряду с газетами и журналами, распространяло советское посольство через Общество австралийско-советской дружбы, которое в Мельбурне служило главным центром притяжения просоветски настроенных русских. Крупнейшим бенефициаром был сиднейский Русский общественный клуб: в октябре 1952 года он получал от советского посольства в Канберре советские газеты и журналы двадцати четырех наименований. Хотя это была в основном периодика на русском языке, в списке также значились издания на украинском, латышском, армянском и татарском языках. В других штатах газеты и журналы рассылались по местным отделениям Общества австралийско-советской дружбы; Брисбен получал тринадцать наименований, Перт — десять. Мельбурн занимал второе место по количеству получаемой советской прессы: ему полагалось девятнадцать наименований⁴⁵.

Попытки Гордеева залучить новых репатриантов

Просоветски настроенные русские интересовали не только ASIO, но и советских агентов. Советский Союз негодовал из-за проводимой IRO политики переселения ди-пи, выходцев из СССР, которых, по мнению советских властей, следовало вместо этого репатриировать, и не оставлял попыток вернуть своих граждан даже после того, как их переселили на другой край света. Австралия была одной из тех стран, где такие попытки предпринимались наиболее активно. Поначалу этим занимались в свободное от основной работы время Петров и консул Садовников, а позже — Анатолий Гордеев и Дмитрий Павлов (и в этом заключались их основные обязанности). Гордеев, приехавший в Австралию в конце 1951 года, был переведен из советской военной разведки в комиссию по репатриации, имевшую дипломатическое прикрытие, но единственной его задачей была, похоже, агитация

за репатриацию⁴⁶. За тот год, что он провел в Австралии, убеждая русских иммигрантов вернуться на родину, он не добился больших успехов, но по счастью его донесения об этой миссии с подробными описаниями состоявшихся встреч и бесед сохранились в российском архиве. Уникальность этого источника в том, что он дает совершенно иное представление об иммигрантах, чем доступные австралийские источники, и, в частности, фокусируется на объекте, в иных случаях остающемся практически неуловимым: на тех бывших ди-пи, переселившихся в Австралию, кто симпатизировал Советскому Союзу. Работа сотрудников бюро по репатриации состояла в том, чтобы выяснить, как живет перемещенным лицам в новой для них стране и насколько легко их убедить вернуться на родину⁴⁷.

Анатолию Гордееву был 31 год, ему выпала незавидная роль: нередко на него сыпались довольно колкие замечания со стороны людей, которых он пытался обрабатывать (муж одной из его собеседниц, насмехаясь над доводами Гордеева в пользу возвращения в СССР, заявил ему, что тот вообще не знает советской жизни, поскольку всегда жил в Москве)⁴⁸. Даже его приезд в Австралию сопровождался комическим эпизодом. В ту пору прибытие океанского лайнера все еще вызывало живейший интерес, но в декабре 1951 года, когда к порту Мельбурна причалил “Оронсей”, Гордеев попытался уклониться от расспросов журналистов и даже притворился, будто не говорит по-английски (но, как написали в *The Age*, его выдало с головой “почти безупречное произношение”). “Нервно теребя сигарету”, он попытался улыбнуться в объектив фотокамеры, хотя для советского дипломата это выглядело неестественно. Как отметил журналист (возможно, не без иронии), Гордеев не потерял самообладания, “даже когда зажженная сигарета упала ему за шиворот пальто”⁴⁹.

С самого начала Гордеев, официально имевший должность атташе советского посольства в Канберре, столкнулся на работе с большими трудностями. В последние годы вследствие роста напряжения в СССР крайне ухудшилась атмос-

сфера внутри советских органов безопасности и в дипломатической среде, и, по идее, Петров и Гордеев не должны были по-свойски общаться друг с другом, ведь, хотя они и жили совсем рядом (в домиках на территории советского посольства на Бодлин-стрит, 6 в Форресте, пригороде Канберры), но работали на соперничавшие между собой ведомства. Отношения с австралийцами отравляла взаимная подозрительность: любые воспоминания о союзнической солидарности военных лет были нещадно стерты. С точки зрения правительства Австралии, СССР был врагом; в СССР считали так же. В переписке с Москвой сотрудники посольства иногда отмечали, что в пору холодной войны Австралия сделалась по отношению к ним даже более враждебной средой, чем США.

Одним из немногих в Австралии сообществ, где радушно принимали сотрудников советских учреждений, был Русский общественный клуб в Сиднее. Но даже там Гордееву не повезло: когда он появился, золотая пора контактов с Петровым и другими представителями посольства закончилась, и, похоже, ему намекнули, чтобы он держался от клуба подальше. Можно предположить, что приходил он туда относительно нечасто, обычно поздним вечером, и не вступал в общение ни с Клодницкими, ни с другими клубными знаменитостями вроде Бялогуского или Лидии Мокрас, которых хорошо знали Петров и консул Садовников. В отчетах, которые Гордеев посылал в Москву, он никогда не упоминал их имен, Августа Клодницкая, в свою очередь, не вносила его в список тех сотрудников советского посольства, с которыми ей доводилось общаться. Не было его и в списке Бориса Бинецкого, сменившего Клодницкую на посту председателя общественного клуба (хотя он встречался с Дмитрием Павловым, коллегой Гордеева, и с Янисом Платкайсом, со временем сменившим Гордеева)⁵⁰. Так же было и в Мельбурне: хотя Гордеев не раз приезжал в этот город и искал там контактов с ди-пи, ему, в отличие от Петрова, не довелось пообщаться с наиболее известными деятелями русской общины, включая ее левое крыло (например, с Аркадием Васильевым и Джоном Роджер-

сом). Практически единственным контактом, который зафиксировали в ASIO, стало его посещение магазина братьев Косских (*Kosky Bros.*) в южном Мельбурне незадолго до отъезда, но, как оказалось, он заходил туда по сугубо личному делу — покупал шубы в подарок родным в России⁵¹.

И все же, несмотря на ограниченный доступ, Русский общественный клуб был для Гордеева важным местом. Не будь этого клуба, ему пришлось бы разве что выслеживать тех иммигрантов, кто получал (перлюстрированные) письма от родственников из СССР, его личные контакты сводились бы к тем отчаявшимся одиночкам, которые сами приходили в посольство. Москва же хотела, чтобы Гордеев ездил в поисках перемещенных лиц по мигрантским лагерям и общежитиям в глубине страны (явно подозревая, что он предпочитал ходить по злачным местам и притонам Сиднея). Но он опасался ездить туда из страха перед провокациями (и вообще неясно, позволяли ли австралийцы ему как сотруднику посольства посещать лагеря мигрантов), а еще ему мешало отсутствие средств на поездки⁵².

Тот мир перемещенных лиц, который Гордеев увидел в Австралии, очень отличался от мира, который позже нашел отражение на страницах “Австралиады” и других хроник русской общины. Гордеев встречал неприкаянных молодых людей, которым очень трудно жилось в Австралии, а до этого трудно жилось в Европе. Часто это были одиночки, или же их связывали мучительные узы с родными, вместе с которыми они приехали в Австралию, и они не были уверены в своем благополучном будущем⁵³. В Русском общественном клубе Гордеев беседовал с несколькими молодыми людьми, жившими в разладе с родителями, которых винили в том, что те добровольно покинули СССР и (или) потом не захотели репатриироваться из Европы. Двадцатилетний Георгий Марфутенко с Украины познакомился с Гордеевым случайно, когда оба провожали репатрианта из Сиднея, Якова Зеленского. По словам Марфутенко, его отец в период оккупации сотрудничал с немцами, а потом добровольно увез свою семью

в Германию. Георгий окончил школу в Германии, а 22 января 1951 года вместе с родными прибыл в Мельбурн на пароходе “Фейрси”. Никого из его родных, кроме него самого, не привлекала репатриация, и никому из них он не говорил о своих намерениях⁵⁴.

Марфутенко познакомил с Гордеевым своего друга Вячеслава Шинкевича (ему не было в ту пору и двадцати лет). Отец Шинкевича дезертировал из Красной армии, сотрудничал с немцами, а потом, пока война еще длилась, добровольно увез свою семью в Германию. После войны он уклонился от репатриации, “боясь ответственности за сотрудничество с немцами” (по словам сына). Когда мать Вячеслава умерла, отец снова женился, и у них с новой женой родились двое детей. Семья решила переехать в Австралию в рамках программы массового переселения и прибыла в страну в середине 1949 года на пароходе “Гойя”. Спустя три года Вячеслав жил отдельно от семьи в лагере мигрантов под Сиднеем и работал на железной дороге. Как и Марфутенко, он не говорил родным о своем желании репатриироваться (которое, впрочем, так никогда и не осуществил) и не хотел, чтобы они об этом знали⁵⁵.

Еще один приятель Марфутенко, Яша Зеленский, один из наиболее энергичных членов Русского общественного клуба, действительно репатриировался в 1952 году в возрасте 23 лет. Зеленский родился на Украине, в 1944 году его увезли в Германию в качестве оstarбайтера, а в Австралию он приехал довольно рано (в 1948 году) по программе массового переселения. Вместе с Марфутенко они присутствовали на вечеринке в клубе, устроенной в 1951 году Петровым. К тому времени Зеленский уже подал документы на репатриацию. В разговоре с Петровым, изображая большого патриота, он заявил:

Когда я вернусь, я могу помочь России. Я знаю аэродромы в Мельбурне и еще на Тасмании. Когда я вернусь в Россию, пойду в Красную армию и отправлюсь в Корею, буду убивать янки и чертовых австралийцев.

Петров похлопал его по плечу и сказал: “Хорошо. Ты уже хороший советский гражданин”⁵⁶.

У других знакомых Гордеева все было сложно с национальностью или гражданством, что приводило к внутренним или юридическим конфликтам, связанным с вопросами об их принадлежности к той или иной группе. Два молодых человека, проявивших интерес к репатриации, оказались бывшими советскими гражданами, выдававшими себя за поляков, пока находились в Европе, и потом, когда иммигрировали. Таким образом они утратили свой статус граждан СССР⁵⁷. Серж Володар (еще не достигший 20 лет), сын русских эмигрантов, родившийся в Югославии, поведал весьма нетипичную семейную историю: отец его сторонился политики и после Первой мировой войны остался в Югославии, а мать вступила в Компартию, воевала вместе с партизанами против нацистов, а после войны, вероятно (сын не был в этом полностью уверен), уехала в СССР или оказалась в советской оккупационной зоне Германии. Проблема Володара, желавшего репатриироваться, заключалась в том, что формально он не имел на это права, так как ни он сам, ни даже его родители никогда не были советскими гражданами (если только гражданкой СССР не стала его мать).

Еще более сложная история происхождения была у 18-летнего Кузмы Муратиди: он родился в семье греков, живших в Симферополе. Но в 1944 году крымских греков, как и крымских татар, армян, итальянцев, немцев и болгар, депортировали в Среднюю Азию. В 1947 году, когда советским грекам разрешили репатриироваться, семья Муратиди уехала в Грецию, а оттуда в 1950 году они эмигрировали в Австралию. У Кузмы тоже не было гражданства СССР — семья лишилась его, уехав в Грецию; он тоже скрывал от родных свое желание вернуться в СССР. (Его отец, пять лет отсидевший после ареста в 1937 году, скорее всего, очень возражал бы против такого шага.)⁵⁸

Советская точка зрения, которую отчасти разделяли обшавшиеся с Гордеевым ди-пи, состояла в том, что в Австра-

лии перемещенные лица эксплуатируются как удобная дешевая рабочая сила для австралийских капиталистов.

Их используют на черновых и физических трудных работах, в частности, на ремонте дорог, уборке улиц, садов, на сахарных плантациях и т. п. При этом труд их, как правило, оплачивается ниже, чем труд австралийцев. Проживают перемещенные люди в специальных лагерях и вдали от проживания основной массы населения городов — на окраинах Мельбурна, Сиднея, Канберры, вблизи сахарных плантаций. Семьи этих лиц из-за якобы недостатка жилищ вынуждены жить на расстоянии нескольких десятков миль и тоже в специальных лагерях. В этих лагерях перемещенным лицам предоставляются очень часто в железных бараках маленькие комнаты (6–8 кв. м) безо всяких удобств и без необходимых санитарных условий⁵⁹.

Замечания, на которых основывался этот краткий обзор, относились в основном к первым двум годам жизни ди-пи, когда они работали по контрактам, и тогда, конечно, им приходилось жить в самых суровых условиях. Василий Гвоздецкий — украинский крестьянин, угнанный в Германию, — оказался совершенно не готов к работе на сахарной плантации, где ему предлагалось ночевать в палатке и где свирепствовали москиты. Он заболел туберкулезом, у него развилась язва желудка, когда он работал в школе, где “испытывал издевательство от детей местной буржуазии”. Он был готов покончить с собой и отчаянно желал репатрироваться (что в итоге и сделал). Георгия Марфутенко раздражало, что его заставили подписать трудовой контракт, хотя он был тогда еще несовершеннолетним, и что ему предстояло служить в армии Австралии. Николай Безуглого, украинца лет двадцати пяти, фабричного рабочего, направили на работу на лесозаготовки, но этот труд оказался для него невыносим. Он без разрешения вернулся к жене и трем маленьким детям, оставшимся в лагере Беналла, и обратился в советское посольство с просьбой о репатриации⁶⁰.

Даже когда срок работы по контракту истекал, для многих иммигрантов жизнь оставалась трудной. Иван Иванов еще долгое время после отработок по контракту оставался безработным, а Павел Комар нашел работу, но начальник не хотел ему платить и в придачу кормил кашей с подмешанным гипсом, от которой ему делалось плохо. Йонас Шаулинскас жаловался Гордееву, что австралийцы враждебно относятся к перемещенным лицам и платят им меньше, чем рабочим-австралийцам. Эстонец Зейзиг, приехавший в страну в 1949 году, в 1952-м сообщил в советском посольстве, что давно сидит без работы и проклинает Австралию и австралийцев⁶¹.

Часто труднее всего примириться с положением в Австралии было людям образованным. Родившаяся в России Елена Нестеровская (посетительница Русского общественного клуба) и ее муж Мстислав Хлопов, русско-польского происхождения, родившийся в Югославии, были молодыми образованными космополитами, владевшими несколькими языками. Они очень тяжело переносили навязанную им работу по контракту, особенно Хлопов, который так часто нарушал правила и дисциплину, что в конце концов его депортировали за нарушение условий контракта⁶². Супругов Углицких — оба окончили в СССР университет и работали по специальности — полностью деморализовала жизнь в мигрантском лагере Бродмедоуз. Павел Капустин, защитивший кандидатскую диссертацию в Киевском университете (его жена была химиком-технологом), находил невыносимыми и навязанную ему работу столяра, и жизнь в “большом неиспользуемом сарае для хранения комбикорма для домашней птицы”: “Я не могу всю жизнь жить на бетонном полу. Я не могу всю жизнь быть простым работягой”⁶³. Даже Борис Наталенко, который придерживался резко антисоветских взглядов и уж точно никогда не стал бы посещать Русский общественный клуб или общаться с Гордеевым, пришел к выводу, что Австралия — жуткая культурная пустыня, и всерьез задумался о возвращении в Советский Союз⁶⁴.

Некоторые переселенцы из числа ди-пи не справлялись с трудностями, которые обрушились на них в новой стране, после нервного срыва они попадали в психиатрические лечебницы. Такое происходило не только в Австралии, но и в Европе, так что кое у кого в СССР возникали подозрения, что страны-союзницы удерживают советских граждан от репатриации якобы по политическим соображениям, а в действительности просто хотят эксплуатировать их. Особенно оскорбительным советским чиновникам казалось то, что врачи расценивают само желание вернуться в СССР как признак сумасшествия⁶⁵. Латыш Владимир Кнагис, родившийся в 1911 году в Петербурге и окончивший Ленинградский университет, в мае 1952 года, воспользовавшись помощью Гордеева, репатриировался, но до этого в течение нескольких месяцев его преследовал страх, что австралийцы помешают ему — объявят сумасшедшим и упекут в больницу⁶⁶. Другой состоявшийся репатриант, литовец из СССР Альфонсас Станкус, рассказывал, что, когда стало известно о его желании репатриироваться, его поместили в психиатрическую клинику в Сиднее и там “давали особые лекарства, так что вскоре [он] действительно лишился рассудка”⁶⁷. Что именно происходило в таких случаях, неясно, но Гордеев, сам очень опасавшийся карательных намерений австралийского правительства по отношению к советским гражданам, явно считал, что австралийские власти разыгрывают психиатрическую карту, чтобы воспрепятствовать репатриации в СССР.

Николая Безуглого, и без того недовольного жизнью в Австралии (и нелюбимой работой, и вынужденной разлукой с семьей), постигла новая беда: он попал в лечебницу для душевнобольных⁶⁸. В начале 1950-х эта история стала довольно громким делом: в “Известиях” случай Безуглого упоминался в статье, посвященной “современной работорговле”⁶⁹. Затем советское посольство в Канберре адресовало вопрос об этом деле премьер-министру Мензису, и тот получил от министерства здравоохранения штата Виктория сообщение о том, что в феврале 1951 года некий больной, обозна-

ченный как Николай Морган, поступил в психиатрическую лечебницу Роял-Парк в Мельбурне и проходит лечение от параноидальной шизофрении. Сообщали также, что у него бред преследования, ему мерещится, будто какие-то люди хотят его убить, и желает вернуться в Советский Союз. Врачи полагали, что выздоровление маловероятно⁷⁰.

Советские дипломаты тоже сталкивались с трудностями, общаясь с ди-пи с явными психическими расстройствами. К Петрову в советское консульство пришел некий литовец, бывший ди-пи, и объявил себя польским генералом, а в следующий раз уже рассказывал о заговоре латышей в Австралии и о том, что ему самому грозит опасность попасть в концлагерь. Гордеев, поговорив с этим человеком, пришел к выводу, что перед ним сумасшедший; тем не менее он доброжелательно поинтересовался, не желает ли тот репатриироваться. Чудак ответил, что нет, так как ему нечем оплатить дорогу, а за счет советского государства он ехать не желает⁷¹. Один живший в Брисбене ди-пи, бывший белорусский крестьянин, написал в советское посольство полное самообличений письмо: он сообщал, что должен быть судим как военный преступник, и просил отправить его с этой целью в Советский Союз или в советскую оккупационную зону Германии. Когда-то он был комсомольцем, а преступление его заключалось в том, что он сотрудничал с немцами, когда те оккупировали его родную деревню, и потом, когда немцы отступали, он вместе с ними покинул СССР, а позже, под Берлином, убежал из советского сборного пункта для репатриантов. Он накопил 300 фунтов на дорогу, сообщил он Гордееву в последовавшей личной беседе. Это был тот редкий случай, когда советские чиновники в разговоре с ди-пи предпочли не затрагивать тему репатриации. Отметив подавленный вид белоруса, явно потерявшего всякую надежду на лучшее, Гордеев попытался помочь ему — порекомендовал посетить доктора, у которого лечились сотрудники посольства, но тот отклонил предложение. Он сказал, что в Германии у него расстроилась нервная система и что врачам он не доверяет⁷².

На противоположном конце спектра от перемещенных лиц, которые не справлялись с трудностями иммигрантской жизни, находились люди совсем иного склада — авантюристы или аферисты, умудрявшиеся превращать свое “перемещение” в удачную возможность свободно путешествовать. Иван Гладышев, прибывший в Австралию по подложным документам, был угнан на работы в Германию в возрасте двадцати лет, после войны репатриировался, а затем был призван в Советскую армию. Служить его отправили в советскую оккупационную зону в Германии, где он каким-то образом отделился от своего отряда (так он рассказывал советским допросчикам) и проник в британскую зону, намереваясь “немного попутешествовать”. Этим он и занимался в последующие годы: побывал в Германии (где наведалься в редакцию журнала НТС “Посев”), Швейцарии, Люксембурге, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии и — в составе французского Иностранного легиона — в Северной Африке. Вернувшись в Европу, Гладышев каким-то образом вернул себе статус перемещенного лица и в 1951 году, примкнув к программе массового переселения под эгидой IRO, приехал в Австралию. Проведя там год и успев за это время посидеть в тюрьме в Аделаиде и лишиться работы, Гладышев решил, что путешествий с него хватит, и стал узнавать о возможности вернуться на родину, но попутно желал знать, какое наказание может ждать его как дезертира. Даже Гордееву — с его стремлением всегда надеяться на лучшее — пришлось признать, что, когда речь идет “о таком человеке, трудно сразу поверить в искренность его намерений”. И все же он полагал, что Гладышев, уже испытывавший на себе худшие стороны капитализма, зашел в тупик и понял, что ему остается “преодолеть колебания и страх перед необходимостью ответить за преступление”. Впрочем, непохоже, что Гладышев в итоге решился на репатриацию⁷³.

Похожий полный приключений путь проделал Григорий Сальников, молодой еврей с Украины (ему было в ту пору чуть за двадцать), только в конце пути он оказался не в Ав-

стралии, а в Советском Союзе. Он пережил оккупацию, выдав себя за русского, а в конце войны оказался в качестве перемещенного лица в Германии, но ему удалось побывать в Польше, Венгрии, Франции, Алжире и Марокко, а в сентябре 1948 года он прибыл в Австралию (возможно, по той же программе массового переселения). Но через несколько месяцев он каким-то образом отправился обратно и через полгода побывал в Англии, на Канарских островах и в Западной Африке (по пути отсидев несколько сроков по тюрьмам), после чего обратился в советское посольство в Лондоне и там успешно добился репатриации с бесплатным проездом на родину. На борту корабля, направлявшегося в Ленинград, Сальников уже писал автобиографию высокопарным советским слогом, описывая свою радость от мысли, что капиталистический мир со всеми его пороками остался позади⁷⁴.

Гордеев относился к потенциальным репатриантам сочувственно, старался вникнуть в их проблемы и не пытался судить их за совершенные в прошлом проступки, похоже, он даже пытался немного изменить правила в их пользу. В отличие от коллег, отправленных с той же миссией в Венесуэлу, Гордеев никогда не характеризовал возможных возвращенцев как “буржуев” и не использовал в своих отчетах хулительные слова или обвинения (вроде “служил в гестапо”, “избивал евреев” или “спекулянт”)⁷⁵. И все равно многие русские ди-пи благоразумно избегали контактов с ним или с другими советскими официальными лицами из опасения навлечь на себя какие-нибудь неприятности. Как сказала ему одна ди-пи, считалось, что ходить в советское посольство опасно: “Люди думают, что, если туда пойти, то уже не вернешься, тебя посадят в тюрьму и оттуда уже не выпустят из-за дипломатической неприкосновенности” [так!] ⁷⁶. Несмотря на свой доброжелательный подход, Гордеев уговорил репатрироваться лишь горстку перемещенных лиц. Конечно, на то были веские причины, и результаты работы Гордеева были ненамного хуже тех, которых добились его коллеги в Латинской Америке и других частях света⁷⁷. Проблема заключалась в том, что какие бы

соблазны ни манили ди-пи обратно на родину, они хорошо понимали, что в СССР сам факт, что они прожили какое-то время за границей, лег бы на их биографию несмываемым черным пятном.

Всего за 1951–1952 годы советское ведомство, занимавшееся репатриацией, зарегистрировало возвращение двадцати одного гражданина из Австралии, их них девять были иждивенцами⁷⁸. С некоторыми из них мы уже встречались в этой главе: это Яков Зеленский (знакомый Петрова по Русскому общественному клубу, его еще провожали на пристани Гордеев и Марфутенко), Василий Гвоздецкий (которого заедали москиты на сахарной плантации), Иван Иванов (злившийся на свою безработность), Шаулинскас (отмечавший враждебность австралийцев к русским), Кнагис (боявшийся, что австралийцы запишут его в сумасшедшие), Капустин (вынужденный спать на бетонном полу в бывшем курятнике); Комар (которого работодатель кормил кашей с примесью гипса) и Елена Нестеровская (мужа которой, полуполяка-полурусского, ранее выслали в Германию).

Павел Комар — украинец из крестьян, механик по профессии, против своей воли работавший на немцев и затем, когда они отступали, “вынужденный поехать за ними” в Германию. Позже он оказался в зоне американской оккупации и лишился возможности репатрироваться как перемещенное лицо. Он стал одним из двух мигрантов, репатриировавшихся вместе с семьями; вместе с Комаром в СССР отправились четверо сыновей в возрасте от 11 до 16 лет (жена его умерла от воспаления легких в Германии в 1944 году)⁷⁹. Со всем другое социальное происхождение было у семьи Капустиных, состоявшей из Павла, его жены, матери, 11-летней дочери и 9-летнего сына; супруги были образованными профессионалами, но не могли найти в Австралии работу по специальности. Они очень надеялись, что в СССР их и особенно их детей ждет лучшая жизнь⁸⁰.

Евгений Шевелев был молодым русским с некоторыми чертами авантюризма, роднившими его с Гладышевым

и Сальниковым. В 1943 году он покинул оккупированную немцами Украину по польским документами, после войны служил в пограничном отряде под американским командованием, а затем под вымышленным именем приехал в Австралию по программе массового переселения. Похоже, такая биография несколько не смутила советских чиновников, когда Шевелев подал заявку на репатриацию, и 26 сентября 1952 года он отплыл от берегов Австралии на пароходе “Орион”, направлявшемся в СССР через Лондон. Вместе с Шевелевым ехал другой репатриант, литовец Альфонсас Станкус, за плечами у которого был неприятный опыт пребывания в австралийской психиатрической лечебнице. Вскоре после прибытия в Лондон Станкус куда-то исчез из гостиницы (и больше не объявлялся ни в СССР, ни в Австралии), а Шевелев продолжил путешествие через Прагу и 20 ноября 1952 года прибыл в Ленинград⁸¹.

Шестнадцатого декабря 1952 года из Мельбурна вместе отбыли Надежда Берилко и Петр Бронский, молодые украинцы, уже знавшие друг друга, потому что оба были направлены на работу в лечебницу для душевнобольных в Кью. На пристани их провожали Гордеев и Павлов, а также агент ASIO, доложивший потом, что оба репатрианта выглядели “довольными и оживленными”. Это была приятная новость, поскольку ранее сообщалось, что Берилко страдает “бредом преследования из-за матери, воображая, будто ее преследуют из-за бегства из России”, а Бронский, согласно донесению в ASIO, “очень нервничал и явно был напуган” в ходе состоявшейся в июле встречи с Гордеевым (под надзором спецслужб)⁸².

Репатриантами были в основном мужчины, фактически одинокие, хотя за их одиночеством обычно скрывалась более сложная реальность. У Кнагиса осталась жена в СССР, а Иванов признавался, что у него есть жена в Германии. Берилко была замужем, но муж ее оставался в Австралии — как поляк, он не имел права на репатриацию в СССР. Нестеровская тоже была замужем; более того, у нее, по-видимому, было два

мужа одновременно: депортированный русский поляк и австралиец или австралийский резидент, о котором не известно ничего, кроме его фамилии (Мауэрс). Если говорить о национальной принадлежности репатриантов, то большинство были русскими (десятеро, из них пятеро — Капустины), но с этой “русскостью” все обстояло так же непросто, как с семейным положением этих людей. Берилко в разных бумагах значилась или русской, или украинкой; то же раздвоение наблюдалось и у Бронского (который в Европе называл себя поляком). Капустины приехали в Австралию по поддельным польским документам, как и Шевелев, родившийся в Казахстане, а трудовую жизнь начавший на Украине. Нестеровская тоже ранее выдавала себя за польку. Иванов родился в Риге (Латвия), отец у него был русский, а мать — украинка. Следующую по величине этническую группу (семь человек) составляли украинцы (в том числе четверо Комаров), а остальные были прибалтами (но один из них, латыш Кнагис, родился в Петербурге)⁸³.

Если бы в список Гордеева были включены китайские русские, у многих из которых были родственники, репатриировавшиеся еще из Китая, то количество завербованных им репатриантов, наверное, увеличилось бы. Особенно часто обнаруживались симпатии к СССР и даже к социализму у молодежи, успевшей пожить в Харбине в первые послевоенные годы. Одной из представительниц этой молодежи была Наташа Кощевская, дочь художника Николая Кощевского — того, чья картина “Самурай и богатырь” висела в императорском дворце в Токио. Семья Кощевских прибыла в Австралию из Китая в 1951 году на пароходе “Чан Тэ”. Родители никогда не были настроены просоветски (так рассказывают их потомки, живущие теперь в России), но их привлекательная и целеустремленная шестнадцатилетняя дочь, в ту пору только что закончившая советскую школу в Харбине, была и просоветски настроенной, и убежденной социалисткой. Во время плаванья она оказалась в центре внимания австралийских военнослужащих, возвращавшихся из Кореи, флир-

товала с ними, в разговорах “допускала явно прокоммунистические высказывания”, внушала членам экипажа, что они подвергаются эксплуатации. В результате военные (“один из них так разозлился, что хотел сбросить ее за борт”) донесли на нее в ASIO. Кошчевским все-таки разрешили высадиться после того, как министр иммиграции Холт разобрался, что Наташа — просто беспечная девушка, еще слишком юная, а родители не представляют ни малейшей опасности. Но ASIO все равно взяла их под наблюдение. Между тем Наташа пошла учиться искусствоведению, параллельно устроилась работать на фабрику по пошиву носовых платков, но вскоре ее оттуда уволили за то, что она подбивала других работниц протестовать против капиталистической эксплуатации. Ей очень хотелось репатриироваться в Советский Союз (где она, конечно, никогда не бывала), и в конце концов родители, поборов сомнения, поддались на уговоры дочери. Наверняка на их решение повлияло и то обстоятельство, что выставка картин Кошчевского, состоявшаяся в январе 1953 года в галерее Дэвида Джонса, не имела успеха. В конце 1954 года вся семья репатриировалась в СССР⁸⁴.

В 1950-е годы красные русские в Австралии, как правило, старались держаться тише воды ниже травы. Хотя попытки правительства Мензиса объявить Компартию Австралии вне закона провалились (из-за результатов референдума, проведенного по этому вопросу в 1951 году), политическая атмосфера в Австралии начала 1950-х годов была такова, что ни у кого, кроме самых отчаянных смельчаков, не возникало желания афишировать свои связи с какими-либо левыми, просоветскими организациями. Немного удивительно, что в те годы продолжал существовать Русский общественный клуб: например, сиднейскому Дому Маркса, которым заведовал коммунист Сэм Мостин, бывший муж Беллы Вайнер, пришлось закрыться, и Австралийско-советскому дому в Мельбурне тоже⁸⁵. Поговаривали, что в то время Русский общественный клуб приготовился уйти на подпольное положение⁸⁶, но в итоге прибегать к таким радикальным ме-

рам не понадобилось. Во второй половине 1950-х в клубе наступило затишье; даже в ASIO к нему теряли интерес⁸⁷. После дела Петрова советское посольство было закрыто на пять лет, хотя были сделаны распоряжения, благодаря которым клуб по-прежнему мог показывать советские фильмы. Теперь среди членов клуба преобладали молодые китайские русские, и многие из них политикой не интересовались — просто немного бунтовали против родителей; кроме того, туда начали наведываться греки. Несмотря на общую тенденцию к аполитичности, клуб обзавелся внутренней “фракцией” коммунистов (что, в общем, было обычным делом для организаций-ширм, однако в клубе такого ранее не наблюдалось), и эта фракция анонсировала свои мероприятия в партийной газете *Tribune*⁸⁸. Бывший председатель клуба Борис Бинецкий, которого в ASIO называли “прокоммунистом”, по-прежнему входил в клубный комитет. Кое-кто из других старых знаменосцев, например, Августа Клодницкая⁸⁹ и Мария Нестор⁹⁰, по-видимому, полевели, взяв курс на Компартию Австралии.

Из числа оставшихся в Австралии собеседников Гордеева — ди-пи, подумывавших о репатриации, — Кузьма Муратиди (с его сложным русско-греческим наследием) сделался в итоге греком Муратидисом, но в начале 1960-х время от времени по старой памяти заходил в Русский общественный клуб. Его называли “просоветским”, но отмечали, что он не особенно интересуется политикой, а его отец настроен решительно антикоммунистически. Завсегдатаем клуба оставался и Георгий Марфутенко, он приходил туда вместе с первой женой Лидией; в ASIO его относили к категории прокоммунистов. Как ни мечтал он когда-то о Советском Союзе, теперь он жил в Бэнкстауне и работал машинистом на железной дороге. В 1973 году, уже разведясь с первой женой и женившись на Марии, тоже из советских ди-пи, он наконец получил австралийское гражданство⁹¹.

Глава 9

ASIO и холодная война

А SIO и ее предтечу, Бюро расследований стран Содружества (*Commonwealth Investigation Service, CIS*), тревожило возможное внедрение в страну и левых, и правых элементов из-за послевоенной программы иммиграции. Но через несколько лет после окончания Второй мировой войны стало очевидно, что страх перед коммунистами (возможными советскими шпионами) куда сильнее страха перед пособниками нацистов или японцев. Разумеется, в контексте холодной войны это было понятно: новым врагом стал коммунистический Советский Союз, а старые враги — нацистская Германия и Япония — были уже разгромлены, так что пособничество немцам или японцам стало восприниматься как дело прошлое, не имевшее отношения к настоящему. Кроме того, коммунисты (и евреи) всегда пугали австралийскую публику гораздо больше, чем нацисты.

Среди русских иммигрантов, прибывавших в Австралию после войны, почти наверняка было больше бывших пособников нацистов, чем тех, кто симпатизировал коммунистам. Однако внутри самой этой группы на раннем этапе холодной войны люди гораздо больше боялись быть заподозренными в симпатиях к коммунизму, чем в коллаборационизме. В конце 1950-х годов социолог Ежи Зубжицкий, пытавшийся побеседовать с одним русским рабочим средних лет, бывшим перемещенным лицом, почти ничего не смог от него

добиться, кроме единственного заявления, что он антикоммунист: “Он просто заикнулся на ненависти к коммунизму и требовал, чтобы я обязательно записал его слова”¹. Люди, которых опрашивал Зубжицкий, почти наверняка принимали его за агента правительства, собиравшего информацию с тем, чтобы потом использовать ее против них. Возможно, тот человек и в самом деле был страстным антикоммунистом, но мы этого никогда не узнаем. Единственное, в чем можно не сомневаться, это то, что он очень хотел, чтобы таковым его считали австралийские власти.

Несмотря на распускавшиеся в годы холодной войны страшилки о повсеместно затаившихся красных (*Reds under beds* — “красные под кроватями”), большинство старых австралийцев (за исключением коммунистов и других, которых мазали одной с коммунистами краской) продолжали жить в мире, где меры по обеспечению безопасности почти не нарушали повседневную жизнь, “надзор” был понятием из шпионских романов, а слово “шпионаж” так и вовсе отдавало заморской экзотикой. Совсем иначе дело обстояло с русскими иммигрантами: у многих из них за плечами был длительный опыт жизни в полицейских государствах (будь то зоны немецкой или японской оккупации или же СССР). Даже в Австралии они жили не только в воображаемом, но и в реальном мире, в котором и надзор, и шпионаж хоть и внушали страх, но были явлениями вполне знакомыми и будничными. Просто этот мир последовал за ними в Австралию.

Коммунистическая угроза

Спецслужбы и раньше не спускали глаз с некоторых русских иммигрантов довоенной поры, подозревавшихся в 1940-е годы в симпатиях к СССР или к коммунизму, и список подозрительных лиц перешел от них к ASIО. В Мельбурне среди людей, находившихся под наблюдением, были: Авраам Френкель, еврей, приехавший в страну в 1938 году; Арка-

дий Васильев, давно живший в Австралии, “лет пятидесяти с небольшим, хорошо одетый, по-видимому, состоятельный” и, по мнению некоторых осведомителей спецслужб, имевший связи с коммунистами; Василий Трунов из балетной труппы Борованского, “подозреваемый в симпатии к коммунистам”; и живший в Австралии с 1912 года уроженец Российской империи Соломон Косский, торговец мехами, будто бы “завещавший свое состояние Коммунистической партии Австралии” (правда это или нет, неизвестно, а несомненно лишь то, что перед отъездом на родину у него покупал шубы Гордеев, о котором было подробно сказано выше)². В Сиднее наблюдение велось за Александром Любимовым, “обладавшим значительными средствами” и владевшим тремя многоквартирными домами и летней резиденцией; за Майклом Винном (ранее носившим имя Мойше Вайнтрауб), родившимся в Польше в семье русских евреев, жившим в Австралии с 1937 года и подозревавшимся в каких-то связях с одним из участников джазового коллектива *Weintraub Syncopators*, состоявшего из немецких евреев, которых в годы войны интернировали; и за Джоном Болотом (ранее носившим фамилию Болотов), учителем танцев, “подозревавшимся в принадлежности к коммунистам”. Под наблюдение попали Августа Клодницкая (председательница Русского общественного клуба), ее муж и сын, а также Анатолий Витали-Иванов, который выступил поручителем и организатором их иммиграции в 1937 году; велось наблюдение и за доктором Александром Джеймсом (Жемчужным), жившим на побережье, в Тирруле³.

Страхи, которые внушали австралийским спецслужбам русские иммигранты, были глубоко укорененными. Бывший сотрудник органов безопасности, ранее работавший в австралийской военной миссии в Берлине, предупреждал министерство иммиграции о том, что заявления русских перемещенных лиц нельзя принимать за чистую монету, поскольку “много раз люди, громче всех кричавшие о своей ненависти к русским, затем добровольно возвращались в Россию, и те-

перь они пишут для своих газет пространные статьи против англо-американцев”⁴. Что касалось русских из Китая, австралийский чиновник в Гонконге предупреждал, что китайские коммунисты, находившиеся теперь у власти, с радостью выдают выездные визы “белым русским, которые или уже коммунисты, или проходят идеологическую обработку”, хотя среди них, возможно, и есть искренне настроенные против коммунизма русские, скрывающие свои истинные убеждения⁵. Затем, в 1954 году, Владимир Петров поведал Королевской комиссии по шпионажу, что среди русских иммигрантов в Австралии имеются “засланные Советским Союзом антикоммунисты”, чей антикоммунизм — не более чем притворство, и, кроме того, порученное ему особое задание состояло как раз в том, чтобы вербовать таких новых агентов в различных русских, латышских и эстонских антикоммунистических организациях⁶.

Главное, что тревожило ASIO, когда она присматривалась к сообществу русских иммигрантов, была возможная инфильтрация советских шпионов. Такие шпионы наверняка были, пусть даже Петров сообщал о своих неудачных попытках их вербовки (у него практически не было контактов в организациях белых русских), и пусть сотрудники ASIO тоже или не находили их в большом количестве, или скрывали от общества свои находки⁷. Безусловно, советские шпионы имелись в лагерях перемещенных лиц в Европе, и кажется маловероятным, что советские спецслужбы не внедрились своих людей в гущу ди-пи, переселившихся в Австралию. В автобиографическом романе бывшего ди-пи чеха Владимира Борина о присутствии советских шпионов говорится как о некоей данности, и почти наверняка он не понаслышке знал об их существовании⁸.

С 1948 по 1950 год в страну въехало больше всего ди-пи по программе массового переселения: это время начала холодной войны в Австралии и в остальном западном мире, когда и в политических кругах, и в народе усилился страх перед коммунизмом. Прежде всего боялись нежелательных на-

строений среди собственного населения, но затрагивало все это и сферу иммиграции. Русские переселенцы были не единственными и даже не главными объектами подозрений. Тревогу вызывали и мигранты из Средиземноморья — и это понятно, поскольку в Италии и Греции коммунисты были весьма мощной политической силой⁹. Были коммунисты и среди британцев, иммигрировавших в Австралию, и некоторые считали, что не следует пускать их в страну, или потом нужно отказывать им в натурализации¹⁰. У одного из этих британских иммигрантов имелись связи с русскими. После войны, находясь в качестве британского солдата на службе в Германии, Сэм Нельсон познакомился с девушкой Марией и женился на ней. Мария, ди-пи и медсестра, имела многонациональное наследие, типичное для выходцев из СССР: русскоязычная эстонка, она родилась в Советском Закавказье, в Баку. После переселения в Австралию Нельсон вступил в Компартию Австралии, но это привело к конфликтам с родственниками, которые ранее выступили организаторами его приезда, и он вернулся в Британию. Оказавшись там, Сэм и его жена решили уехать в Советский Союз. Мария подала заявление на репатриацию и получила разрешение вернуться на родину вместе с двумя детьми. Неизвестно, позволили ли Сэму приехать вместе с семьей: советская власть, стремившаяся завлечь в СССР бывших граждан, как правило, весьма прохладно относилась к их супругам-иностранцам, обретенным где-то за рубежом, даже если те были коммунистами¹¹.

В отличие от перемещенных лиц, мигрантов из средиземноморских стран и из Британии не подвергали систематическим политическим проверкам; и о существовании таких проверок часто сообщалось для того, чтобы унять в австралийском обществе страхи перед русскими и восточноевропейскими иммигрантами. Тем не менее эти страхи не исчезали, особенно среди австралийских спецслужбистов, которые помнили, что русские в Австралии еще до войны питали симпатию к социализму и к СССР. В придачу, как только ди-пи стали прибывать по морю, на этих людей посыпались

обвинения в коммунизме и нацизме со стороны других пассажиров, пливших с ними на кораблях¹².

Первыми жертвами стали русские, в особенности русские евреи, приехавшие в 1946 году из Шанхая, и в их числе — Исаак Фицер, на которого донес судовой казначей парохода “Неллор”. А в ноябре 1948 года из Европы прибыло панамское судно “Дерна”, среди его 545 пассажиров было некоторое количество евреев, на которых оказалось написано множество доносов. На Сэма Фишмана, молодого польского еврея, щеголявшего в гимнастерке и задиравшего пассажиров-прибалтов, которых он считал пособниками нацистов, донесли как на коммуниста сразу двое попутчиков — эстонец Вернер Пууранд, бывший капитан, и представитель IRO на борту корабля, полковник Огден Хершо. Когда пароход пришел в порт Фримантл, на борт взошли два полицейских вместе с сотрудниками иммиграционной службы и несколько часов продержали пассажиров в ожидании, не давая высадиться. Разумеется, мигрантов эта проволочка очень встревожила. Молодая полька, косвенно вовлеченная в эту историю, боялась, что ее будущее омрачит темное пятно, тем более что по судну распространялись слухи о том, что австралийские спецслужбы “беспощадны... если уж начнут охотиться на жертву, так не отстанут”¹³.

Газетчики, встречавшие пароход с иммигрантами в порту, сразу же ухватились за эту историю, и вскоре публикации в прессе стали разбирать в парламенте. Преподобный Генри (Джо) Галлетт, представитель Либеральной партии из Хенти, задал министру иммиграции вопрос о сообщениях, что “во время плавания молодые евреи устраивали митинги, распевали советские песни и предпринимали систематические попытки познакомить мигрантов с коммунистическим учением”. Колуэлл отреагировал на вопрос весьма резко: он решительно отрицал, что на борту корабля происходило что-либо неподобающее, и не упустил возможность нанести противнику ответный удар, отметив, что у одного из обличителей, подполковника Хершо, “сомнительная ре-

путация” — “похоже, он из фашиствующих типов”¹⁴. (Что любопытно, Колуэлл не стал выдвигать аналогичное обвинение против эстонца Пууранда, хотя вполне мог бы это сделать, учитывая прошлое Пууранда, но Колуэлл столь же болезненно относился к любым намекам на то, что его любимые мигранты-прибалты — бывшие нацистские пособники, как и к огульным обвинениям ди-пи в связях с коммунистами.)

Похожую тревогу били в прессе и в парламенте из-за сообщений о том, что пассажиры на борту “Фейрси”, прибывшего в Австралию в середине 1952 года, выражали во время плавания “несомненные симпатии к коммунизму”, и это наводило на мысль, что в отношении этих людей “политическая проверка была не такой тщательной, как следовало бы”. В отличие от пассажиров “Дерны”, прибывавших с правом на высадку (проезд пассажиров-евреев оплачивала американская еврейская благотворительная организация Общество помощи еврейским иммигрантам), на борту “Фейрси” находились участники программы массового переселения из лагерей перемещенных лиц, то есть за их переезд отвечали ИРО и правительство стран Содружества¹⁵. В 1950 году министерство иммиграции получало анонимные письма, в которых утверждалось, что среди пассажиров “Скаугума” находятся “150–200 евреев с фальшивыми бумагами и документами и заявленными профессиями. Это коммунисты — преступники и шпионы”. Проведенное расследование показало, что эти утверждения “не были беспочвенными”, поскольку среди пассажиров действительно были пятьдесят три мигранта из Венгрии, которые, хотя и были отнесены к католикам, протестантам, православным или даже мусульманам, вероятно, на самом деле были евреями (вопрос о том, были ли они к тому же коммунистами, явно не изучался)¹⁶. В сентябре 1951 года, когда из Китая на борту “Чан Тэ” прибыли Кошчевские, на берег уже поступило донесение о коммунистических взглядах Натанши, на борт парохода сразу же взошли сотрудники иммиграционной и таможенной служб и учинили в каюте Кошчевских обыск. Ничего обличительного найдено не было. Тогда

с Кошевскими провели продолжительную беседу на борту, затем отвели для дальнейших расспросов в министерство иммиграции и, наконец, выдали им разрешение на высадку¹⁷.

Если суда становились центрами изготовления политических доносов, то и с мигрантскими лагерями дело обстояло не лучше. Там тоже нередко вспыхивали конфликты на национальной и религиозной почве, и — как это случалось и на пароходах — евреев чаще всего обвиняли в приверженности коммунизму, а прибалтов — в пособничестве нацистам. Некоторые из этих обвинений были идеологически мотивированными, в других же случаях люди просто сводили личные счеты. Один член НТС в лагере Бонегилла объявил коммунистами других мигрантов, проживавших в том же лагере¹⁸. Один поляк, католический священник, живший в центре для мигрантов в Батерсте, уличил другого мигранта в том, что тот является евреем, хотя и выдает себя за католика, а также в распространении просоветской пропаганды¹⁹. Мигрант-украинец, “рьяный антикоммунист, на грани фанатизма”, пытавшийся сформировать в лагере Батерст группу власовцев, обличил другого ди-пи, тоже выходца из СССР, в просоветских настроениях и в продаже контрабандного спиртного. В беседе с австралийскими властями объект его обличений, приехавший в Австралию под видом поляка под вымышленным именем, поведал сложную, запутанную историю своей жизни, полной злоключений. Этот человек признал, что, как и большинство советских детей, состоял когда-то в советских молодежных организациях (пионерской и комсомольской), однако заявил, что уже не является коммунистом и даже “хочет участвовать в новой войне, на этот раз против красных”. Сотрудник, проводивший с ним беседу, передал его слова следующим образом: “признает, что являлся коммунистом с восьмилетнего возраста”²⁰.

Мигрантский лагерь в Нортеме в Западной Австралии называли “центром коммунистической деятельности”: сообщали, что одна русская женщина — “прокоммунистка”, а другая когда-то работала учительницей в Советском Союзе, что,

очевидно, расценивалось ровно так же. Доктор Петр Барановский — русский, работавший санитаром в Нортеме, — как доносили, “распевал в своей лачуге советские песни”²¹. Осведомители ASIO в лагерях исправно передавали все обличительные слухи и, вероятно, часто сами же их распускали. В доносе 1951 года о русских в Уоллангарре, поданном осведомителем (тоже с русским именем), назывались имена людей, возможно, симпатизировавших СССР и коммунистам; среди них фигурировал Константин Бенерацкий, прибывший в Австралию через Тубабао и выдававший себя за поляка, но, как сообщалось, ранее имевший советский паспорт. Информатор указывал, что Бенерацкий занимал “активно просоветскую” позицию и придерживался нежелательных взглядов на австралийскую политику (например, он будто бы говорил, что “за либералов могут голосовать одни только дураки”)²².

В парламенте регулярно звучали вопросы о том, насколько проводимая проверка политической благонадежности предотвращает въезд в Австралию коммунистов вместе с потоком людей, прибывающих по программе массового переселения. Самым беспощадным критиком был политик Джек Лэнг, в прошлом лейборист, особенно донимавший и зливший Колуэлла своими вопросами. В октябре 1948 года Лэнг затронул тему опасности со стороны “подрывных элементов”, прибывающих из Шанхая с правом на высадку; подразумевалось, что эти элементы — русские евреи и лица, симпатизирующие коммунистам²³. В июне 1949 года Лэнг снова выразил беспокойство из-за иммигрантов из Шанхая, но на сей раз речь шла о группе русских, отправленных на Тубабао в рамках организованной IRO программы массового переселения и теперь начавших прибывать в Австралию; Лэнг заявлял, что у всех у них есть советские паспорта. (Заявление это вполне соответствовало действительности, но Колуэлл напрочь отмел его как лживое, а также всеми силами стремился утаить тот факт, что подавляющее большинство в этой группе составляли русские²⁴.) В том же месяце Лэнг представил обзор форм проникновения коммунизма в массы иммигрантов. Первым ис-

точником опасности был Шанхай, но теперь угроза исходила и из Европы — в первую очередь из Италии, где Коммунистическая партия была настоящей силой, но еще и со стороны “замаскированных коммунистов... въезжающих в Австралию под видом прибалтов — эстонцев, латышей и представителей других национальностей, живущих по соседству с Россией”²⁵.

Русские вообще были для ASIO подозрительной категорией с точки зрения госбезопасности. С 1951 года ASIO требовала от государственных учреждений, занимавшихся вопросами миграции (Отдела D), вести специальный индекс, куда следовало заносить данные “иностранцев, чье задержание в военное время было бы желательно по соображениям безопасности” — иными словами, бывших граждан тех стран, в которых у власти теперь находились коммунисты. Возглавляли этот список русские²⁶. В категорию А попадали “лица, прибывшие в Австралию с 1 января 1948 года и имевшие паспорта, выданные или продленные правительствами враждебных стран или их представительствами, начиная с указанной даты”; категория С существовала для лиц, представлявших “особый интерес с точки зрения госбезопасности”. В 1957 году в специальном индексе Нового Южного Уэльса русские составляли самую многочисленную группу и в категории А, и в категории С. Так, в категории А из общего числа 1721 имен русских было 751. В категории С они занимали 38 строк в перечне из 194 имен. В это число, конечно, не входили те русские иммигранты, которые в своих въездных документах значились поляками, украинцами, югославами или лицами без гражданства. К категории С принадлежало по меньшей мере четверо таких людей (Лидия Мокрас, записанная чешкой, Ольга Нойман, записанная полькой, и записанные украинцами Анатолий Арсененков и Александр Дукин), так что, если считать и их, всего русских в этой категории было как минимум 42 человека²⁷.

В категорию “русские” в ASIO “не включались белые русские, являющиеся антикоммунистами”²⁸. Из такой формулировки остается неясно, имелась ли в виду вся категория белых

русских, или же только те из них, кто заведомо являлись антикоммунистами. Некоторый интерес к белым русским явно сохранился, и в октябре 1951 года для наведения более точных справок о них в Сидней специально ездил представитель ASIO, поскольку возникли опасения, не происходит ли “массовое финансирование белых русских отдельными лицами [предположительно, из Китая]”. (Был получен ответ, что никакой подобной деятельности не выявлено.) Однако после этого визита миграционная служба Нового Южного Уэльса сообщила, что, вопреки заявленной цели визита, представитель ASIO не пожелал говорить о белых русских в связи с особыми данными, а стал интересоваться только лицами, прибывшими с индивидуальными разрешениями на высадку. (В большинстве своем эти лица с правом на высадку были евреями, хотя среди них были и отдельные белые русские с сомнительным прошлым — обычно нацистские пособники²⁹.)

Впрочем, нельзя сказать, что белые русские обязательно оставались вне подозрений. В конце 1950 года в конфиденциальной докладной записке, адресованной Тасману Хейсу из министерства иммиграции, среди угроз для безопасности страны, которые должны осознавать сотрудники службы безопасности, проверяющие благонадежность мигрантов, глава ASIO полковник Спрай указывал, наряду с коммунистами, переселенцами из коммунистических стран и бывших деятелей нацистской партии, и белых русских³⁰.

Явными объектами подозрений были, разумеется, перемещенные лица — выходцы из СССР. В 1952 году Спрай осторожно поднял в министерстве иммиграции вопрос о постановке на учет всех бывших советских граждан, проживающих теперь в Австралии. Но Хейс отмечал, что будет трудно “уделять особое внимание отдельному классу людей, учитывая нашу ответственность в целом за ассимиляцию 700 тысяч послевоенных иммигрантов”³¹, и предпринимать подобные меры не стали. Хейс наверняка сознавал колоссальную сложность такой задачи, ведь пришлось бы поднимать все записи, ранее сделанные австралийскими властями и IRO,

да к тому же иммигранты, прибывавшие из Советского Союза через европейские лагеря перемещенных лиц, часто сообщали о себе заведомо ложные сведения.

Наибольшую тревогу службам безопасности внушали евреи, особенно те, кто родился в Советском Союзе или бывшей Российской империи и говорил по-русски. Подозрения не снимались даже с самых безобидных людей вроде мельбурнского предпринимателя Бертрама Липтона (Бориса Лифшица, родившегося в России в 1899 году, покинувшего страну в 1918 году, между мировыми войнами жившего в Бельгии и прибывшего в Австралию в 1940 году). В 1954 году, когда он и его жена подали заявления на натурализацию, выяснилось, что они значились в списке подлежащих проверке на благонадежность людей, и в личном деле Липтона была пометка: “Явных возражений с точки зрения безопасности нет, однако заявление поставлено на учет, потому что эти люди — выходцы из России”³². А вот против Северина Пейсаховича у АСИО возражения были: он был объектом внимания с 1948 года из-за своей деятельности в Еврейском движении за мир и Еврейском совете по борьбе с фашизмом и антисемитизмом, и его первое заявление на натурализацию было отклонено, хотя позже, в 1957 году, он все же получил гражданство Австралии³³.

Верным способом привлечь к себе внимание спецслужб (вначале CIS, а затем, с 1949 года, АСИО) было регулярное посещение Русского общественного клуба. В 1946 году Галлеган (тогда работавший в CIS, а позже возглавлявший австралийскую военную миссию в Берлине) докладывал, что, согласно “информации, полученной из надежного источника”, вице-председатель клуба, Натан Фицер, выступил с речью на собрании в клубе в годовщину революции, 7 ноября, и публика в количестве 80–100 человек прослушала праздничную программу, открывшуюся исполнением нового государственного гимна СССР³⁴. Братья Александр и Исаак Фицеры, приехавшие из Китая в 1947 году, тоже оказались “под колпаком”. Исаак, как мы уже упоминали, стал объектом обвинений уже на борту корабля, а Александр по донесению сотрудника CIS уже вскоре после прибытия при-

думал программу концерта для Русского общественного клуба и затем выступил его конферансье³⁵.

Сотрудники ASIO взяли заведение под постоянный присмотр в 1950–1951 годах, когда клуб часто посещал советский дипломат и будущий перебежчик Владимир Петров. Обычно он приходил туда вместе со своим другом (и осведомителем ASIO), доктором Михаилом Бялогуским³⁶. Часто они появлялись в клубе даже не вдвоем, а троим — в компании подруги Бялогуского Лидии Мокрас, бывшей советской гражданки и ди-пи, имевшей в прошлом, по ее собственному утверждению, связи с НКВД; и Петров, и глава ASIO подозревали, что она работает на “другую сторону”. (Бялогуский, сам работавший на обе стороны, так и не смог понять, кому она поставляет сведения, если вообще поставляет³⁷.) Притом что слежку ASIO за посещениями клуба Петровым можно назвать образцовой (наверное, благодаря Бялогускому), от внимания спецслужбистов полностью ускользнули визиты Гордеева и его попытки завязать там контакты с бывшими ди-пи, возможно, желавшими репатриироваться. Единственное содержательное донесение о Гордееве поступило в ASIO от отделения в штате Виктория — там рассказывалось о его попытках установить контакты с ди-пи во время посещений Мельбурна³⁸.

Обычной мерой, какую применяли в ASIO в отношении нежелательных лиц, было установление надзора. Теоретически была возможна и депортация, но к этой мере почти не прибегали — лишь в особых политических случаях, и еще более осмотрительно в отношении мигрантов-ди-пи, которых нельзя было выслать на родину — только обратно в те лагерь перемещенных лиц, откуда они и приехали в Австралию. Использованию такой крайней меры упорно противились и IRO, и власти Германии, а после закрытия IRO в 1951 году депортация стала практически невозможна³⁹. В 1951 году Гарольд Холт заявил, что единственным мигрантом, высланным обратно в Европу по политическим причинам, был один коммунист-организатор⁴⁰. Возможно, он имел в виду Грегора Лаха, депортированного в марте 1950 года, хотя определение

“коммунист-организатор” как-то плохо вяжется с выдвинутыми против него обвинениями. Лах — русский, чье настоящее имя было Михаил Колосов, бывший офицер Красной армии — был депортирован на основании негативной информации, содержащейся в донесении Кита Тербеяна, сотрудника спецслужб Австралии, который находился в американской зоне оккупации Германии. Это донесение основывалось на данных, поступивших от разведки США, что Лах, будучи ди-пи и заведующим русским книжным магазином в Германии, продавал из-под прилавка советские книги и принимал подозрительных посетителей, что, вероятно, изобличало в нем советского агента. Иными словами, поводом для высылки послужило его поведение не в Австралии, а в Германии.

По прибытии в Австралию в августе 1949 года Лах (по документам — польский украинец) объявил властям, что, желая быть до конца честным, должен сообщить: он — бывший советский офицер и член ВКП(б). Мотивы его остаются неясны, но, возможно, таким образом он как бы подавал знак ASIO, рассчитывая, что его сигнал заметят и завербуют в агенты. Результат этого поступка оказался непредвиденным: после семи месяцев в лагере Бонегилла Лаха выслали обратно в Европу под опеку ИРО. Удивительно, но горячий антикоммунизм Лаха засвидетельствовало множество представителей русской общины в США, в числе которых были скандально знаменитый перебежчик конца 1940-х Виктор Кравченко, бывший глава Временного правительства Александр Керенский и нью-йоркский эмигрантский журнал “Новое русское слово” — все они тщетно протестовали против высылки Лаха из Австралии⁴¹.

Нацисты и военные преступники

Как утверждал Марк Ааронс, ASIO и министерство иммиграции возможность въезда в страну нацистов тревожила намного меньше, чем возможность въезда коммунистов⁴².

И все же, начиная с прибытия первых пароходов с мигрантами-прибалтами в 1947 году, проникновение нацистов в Австралию вызывало определенное беспокойство и в правительстве, и в отдельных частях общества. Еврейский совет бил тревогу из-за “антисемитизма и склонности к фашизму” мигрантов-латышей, прибывавших на этих судах⁴³. После того как в 1948 году прибыла “Дерна” с большой группой евреев на борту и разразился скандал из-за приезда евреев-коммунистов, незамедлительно последовали ответные обвинения в адрес прибалтов-нацистов. Евреи и критики, ратовавшие за гражданские права и свободы, неустанно жаловались на то, что в Австралию въезжают нацисты. В 1948 году постоянно сообщалось о том, что среди мигрантов, прибывавших по программе массового переселения, особенно среди прибалтов, есть бывшие эсэсовцы, которые перед поездкой удалили нацистские татуировки. Это стало “нежелательной новостью” для Колуэлла, он отмахивался от подобных утверждений как от “полнейшей чепухи”, да и Тасман Хейс из министерства иммиграции, когда его попытался предостеречь глава CIS, оказался столь же непоколебим⁴⁴. В письме, написанном в ноябре 1949 года и адресованном министру иммиграции Колуэллу, Джулиан Роуз из сиднейского Еврейского совета по борьбе с фашизмом и антисемитизмом приводил выдержки из “заявлений членов экипажей и пассажиров кораблей с мигрантами, из которых следовало, что в Австралию под видом перемещенных лиц в действительности въезжают нераскаявшиеся нацисты”⁴⁵. Били тревогу также коммунисты и левые профсоюзные активисты, глава регионального отделения Федерации рабочих-строителей штата Виктория выражал обеспокоенность тем, что “некоторые из перемещенных лиц оказались беглыми военными преступниками, и под влиянием своего пронацистского прошлого они могут выступить как штурмовики и разрушить профсоюзное движение”⁴⁶.

О чрезвычайно болезненной реакции Колуэлла на любые нападки на иммигрантов-прибалтов уже говорилось выше. Так же отреагировал он и после того, как в августе 1949 года

еврейское издание *The New Citizen* опубликовало редакционную статью, в которой выражалась обеспокоенность тем, что за безобидными декорациями вроде народных танцев в лагерях мигрантов в страну “проскальзывают, минуя крупнейшие сети проверок, нацисты и фашисты”, и высказывалось предположение, что проверки могли бы стать намного эффективнее, если бы к ним привлекли натурализованных австралийцев, которые “владеют языками и разбираются в политике”. В ответ Колуэлл запальчиво вступился за сотрудников, осуществлявших проверку мигрантов на благонадежность, но полностью проигнорировал вопрос о въезде в Австралию нацистов, попутно отпустив странное замечание о том, что “крикливое меньшинство” вроде Лэнга, по любому поводу критикующее иммиграционную программу правительства, в действительности движимо антисемитскими мотивами⁴⁷.

В 1949–1950 годах уровень тревоги поднялся, и проблему подхватили ведущие печатные издания. Информация о бывших нацистских пособниках поступала от других пассажиров, которых репортеры опрашивали прямо в порту. Генерал-майор Ч. Э. М. Ллойд, представитель IRO в Австралии, так испугался негативного освещения этой темы в прессе, что запретил журналистам из нескольких газет встречать суда в порту. Два репортера, нарушившие запрет и ненадолго пробравшиеся на борт парохода “Амарapura”, который только что прибыл из Неаполя и привез более 600 мигрантов, услышали от членов экипажа (британцев) и пассажиров, что среди ди-пи находится “много бывших нацистов и солдат, воевавших за Германию”, и, разумеется, опубликовали полученную информацию⁴⁸.

В первые послевоенные годы IRO и австралийское правительство придерживались единого мнения, что люди, служившие в воинских подразделениях под немецким командованием во время Второй мировой войны, не имеют права на статус перемещенных лиц и на переселение в Австралию. Это затронуло большое количество русских ди-пи и эмигрантов первой волны в Европе, которые в прошлом служили

в Русском корпусе, в армии Власова и в казачьих отрядах, воевавших в составе вермахта. В первые годы у этих людей возникали трудности с переселением, потому что, согласно постановлениям ИРО, они приравнялись к другим коллаборационистам и военным преступникам и не могли рассчитывать на помощь этой организации. Правительство Чифли поначалу следовало той же линии, и Колуэлл объявил в 1947 году, что “никто из воевавших против нас на той войне” не будет допущен в страну⁴⁹.

Колуэлл пришел в большое замешательство, когда выяснилось, что несколько мигрантов с правом на высадку, чей приезд был спонсирован еврейскими организациями, оказались в действительности немцами, служившими во время войны в вермахте. Поручителем одного из них, Герберта Бандмана, выступил муж его сестры, еврей, очевидно, сам иммигрировавший в Австралию до войны⁵⁰. Другим был Эгон Карл Лерх, приехавший, как и Бандман, на пароходе “Ян де Витт” в марте 1947 года вместе с многочисленной группой пассажиров-евреев, переселявшихся под эгидой международных еврейских организаций — ХИАС и Джойнта. Лерх спешно развелся с женой-немкой и женился на женщине, чья мать, жившая в Мельбурне, выступила ее поручителем. По еврейским законам, эта женщина была еврейкой по матери, но ее отец (он развелся с ее матерью, успел жениться заново, но его местопребывание было неизвестно) евреем не был. И Лерх, и его жена-блондинка попали под подозрение еще на борту корабля. Другие пассажиры усомнились в том, что она настоящая еврейка, а про ее мужа разлетелся слух, будто он — нацист-эсэсовец, работавший охранником в одном из германских концлагерей. Когда пароход достиг мельбурнского порта, на Лерха уже поступили доносы от других пассажиров и ему запретили высадку. При дальнейшем расследовании выяснилось, что он все-таки никогда не состоял в нацистской партии, но в прошлом служил во флоте и утаил это обстоятельство, когда заполнял анкету при подаче документов на иммиграцию. Лерх получил статус нежелательного иммигранта, ему

устроили скандально знаменитое испытание диктантом (которое правительство Австралии с давних пор использовало для отсева нежелательных мигрантов). Диктант Лерх провалил (текст ему дали на румынском языке), и его, как и положено, депортировали. Жене его разрешили остаться в стране (ее еврейство не стали оспаривать), и через некоторое время ее завалили письмами поклонники, предлагавшие ей руку и сердце — как только она оформит развод с “этим ужасным человеком, комендантом концлагеря”⁵¹.

Случай Лерха несколько раз обсуждался в парламенте, отчего Колуэлл впадал в глубочайшее замешательство, и не только потому, что вразрез с принятыми правилами в страну позволили въехать бывшему германскому комбатанту, но и потому, что это произошло в рамках крайне непопулярной политики, а именно, политики допуска в страну еврейских беженцев, имевших в Австралии поручителей. В 1947 году, во время визита в Париж, в ходе которого Колуэлл делал “рекогносцировку” (благодаря которой в итоге было заключено соглашение о массовом переселении), Колуэлл в горячих спорах с представителем Джойнта говорил, что из-за этого злополучного случая на него “напустились сразу несколько газет” и вынудили его установить квоту для иммигрантов-евреев, так чтобы на борту каждого корабля их было не более 25 % от общего числа пассажиров. Еще он заявил министру Розену, что еврейский народ подвел его, протастив в Австралию Бандмана и Лерха⁵².

Дела Бандмана и Лерха лишь усилили уже возраставшее недовольство Колуэлла давлением еврейских организаций в вопросе приема иммигрантов-евреев. Как ни странно, в результате вместо того, чтобы ужесточить меры, направленные против возможного въезда в страну других бывших германских комбатантов, правительство стало с большей опаской относиться к въезду евреев-иммигрантов, имевших поручителей в Австралии. В своем последнем публичном заявлении о деле Лерха Колуэлл вновь напомнил о том, что австралийская политика не позволяет въезжать в страну лицам, ранее

воевавшим на стороне врага, но в то же время подчеркнул, что это правило не высечено в камне. “Будет ли эта политика изменена, и если да, то когда, будет решено после ратификации мирных договоров с теми странами, с которыми мы воевали и до сих пор воюем”, — сказал он в сентябре 1947 года. Но он полагал, что для любых перемен подобного рода потребуется некоторое время, поскольку большинство австралийцев, как и его самого, отнюдь не радовала перспектива приезда таких людей⁵³.

Но прошло всего несколько месяцев, и сомнения по этому поводу удалось развеять. Уже в начале 1948 года министерство иммиграции выпустило новые инструкции, касавшиеся данного вопроса: “Беженцев, насильно призванных в вермахт, теперь предписано впускать, но без обсуждения и огласки”⁵⁴. Удивительно, но с этим смирилась даже Лига ветеранов. Ее председатель, юрист из Южной Австралии Эрик Миллхаус, был горячим антикоммунистом, и под его наблюдением организация провела чистку своих рядов от коммунистов. Миллхаус полностью поддержал новую иммиграционную программу правительства, несмотря на то, что ранее выступал за въезд мигрантов из Британии. Он обосновал это тем, что Британия не могла предоставить мигрантов, необходимых для обороны Австралии, и потому следовало обращаться к другим источникам. В октябре 1949 года в ходе визита в лагеря перемещенных лиц в Германии Миллхаус заявил, что приятно удивлен “высоким качеством человеческого материала”, увиденного здесь и доступного для ввоза в Австралию⁵⁵.

А в июне 1949 года Колуэлл объявил об изменении политики.

До недавнего времени служба в вооруженных силах Германии, Австрии или Италии сама по себе являлась препятствием для въезда в нашу страну. В связи с пересмотром общей политики Совещательного совета стран Содружества по иммиграции, куда входят представители организаций бывших военнослужащих, я одобрил рекомендацию, из ко-

торой, по сути, следует, что служба в вооруженных силах бывшего врага не обязательно лишает человека прав на иммиграцию в будущем⁵⁶.

Колуэлл высказал предположение, что в любом случае “лишь малое количество” бывших комбатантов, сражавшихся на стороне врага, успело въехать в страну в качестве мигрантов с правом высадки (правда, он ни слова не сказал о бывших вражеских комбатантах, въехавших по программе массового переселения). Спустя несколько месяцев он вновь подчеркнул (совершенно верно), что за снятием запрета на въезд бывших комбатантов стоит именно Лига ветеранов⁵⁷.

Членство в нацистской партии оставалось препятствием для въезда в Австралию как для мигрантов с правом высадки, так и для ди-пи, приезжавших по программе массового переселения. Одно из условий въезда в Австралию в качестве мигранта с поручительством (с правом на высадку), оставшееся в силе, гласило, что “заявитель в прошлом не состоял в партии нацистов”⁵⁸. Когда заходила речь об обеспокоенности некоторой части общества (в том числе среди его однопартийцев), Колуэлл демонстрировал полную невозмутимость, лишь замечая, что “жалобы на некоторых мигрантов из-за их склонности к нацизму или фашизму будут неизбежно поступать”⁵⁹. По другому случаю он сказал: “Некоторых людей, преследующих этих несчастных прибалтов, как будто обуяло дьявольское остервенение. Среди них нет ни бывших охранников лагерей смерти, ни бывших охранников-нацистов, любые подобные утверждения — просто злобная ложь”⁶⁰.

Но обвинения не прекращались. В марте 1949 года, когда из Неаполя пришел пароход “Мозафари” с 900 ди-пи на борту, сотрудник IRO, сопровождавший мигрантов, предположил, что некоторые из них участвовали в войне на стороне германской армии, “но на русском фронте, и не против британцев и американцев”. Прибыло на этом корабле и некоторое количество русских, хотя многие из них были записаны поля-

ками, латышами, украинцами и югославами⁶¹. В одном из пассажиров, бывшем советском гражданине, позднее опознали крупного военного преступника, выдачи которого требовал СССР: это был латыш Карлис Озольтс (Озолиньш), приехавший в Австралию вместе с женой и маленькой дочерью; род его занятий был обозначен скромно — “рабочий”⁶².

При Гарольде Холте, сменившем Колуэлла на посту министра иммиграции в декабре 1949 года (после того как на выборах победили либералы), и в прессе, и в парламенте продолжили критиковать иммиграционную политику, которая допускает въезд в страну нацистов. В лагерях мигрантов среди вещей, привезенных новыми переселенцами, будто бы обнаруживали нацистскую атрибутику, а газета Коммунистической партии Австралии *Tribune* утверждала, что прибалты, работающие на ракетном полигоне Вумера, ходят в нацистской форме⁶³.

Лес Хейлен — важная фигура в Лейбористской партии, совершивший ранний “разведывательный” визит в Европу по заданию Колуэлла, в палате представителей стал голосом партии. Однажды добродушный Холт поблагодарил Хейлена за то, что тот передал в министерство иммиграции список имен возможных коммунистов среди людей, работавших на гидроэлектростанции в Снежных горах, “вместо того чтобы публично обвинять людей, чье прошлое невозможно официально проверить”. Со стороны Хейлена передача этого списка была неожиданным поступком, так как у него имелись связи с левыми, а левые возражали против доносов на коммунистов, так что замечание Холта, возможно, не было лишено колкости⁶⁴. Как бы то ни было, Хейлен последовательно и принципиально поднимал в парламенте вопрос о въезде в страну нацистов. В декабре 1950 года в длинной и тщательно подготовленной речи об иммиграции Хейлен призывал правительство обратить внимание на то, что среди мигрантов, недавно прибывших из Европы, есть и нацисты. Он заявил, что, по оценке “одного авторитетного эксперта”, около 10 % ди-пи, находившихся в лагерях под опекой

IRO, “являются или были в прошлом нацистами”, и потому перед Австралией стоит весьма сложная задача проверки прошлого этих людей⁶⁵.

Проблема углубилась в 1950 году, когда новое правительство Мензиса решило — впервые после окончания войны — разрешить въезд мигрантам-немцам. В Совете по иммиграции стран Содружества (совещательном органе, связанном с министерством иммиграции) и в других вышестоящих инстанциях мнения все больше клонились к тому, чтобы разрешить въезд мигрантам-немцам по причине присущей им великолепной трудовой этики и культурной совместимости с местным населением. Этот вопрос был поднят на заседании совета в декабре 1950 года, и на нем отмечалось “изменение общественного мнения в пользу решения принять для переселения тщательно отобранный контингент немцев”, а также обсуждались планы по ввозу фольксдойче (этнических немцев, изгнанных после войны из тех мест за пределами Германии, в Восточной Европе, где они жили ранее)⁶⁶.

Правительство Мензиса инициировало такую программу в 1950 году, но сделало это на фоне резкой критики со стороны левых и еврейских организаций и призывов к правительству “не санкционировать массовую иммиграцию немцев и фольксдойче в Австралию” на том основании, что “политика денацификации Германии провалилась и проведение адекватной проверки политической благонадежности в 1950—1951 годах невозможно”⁶⁷. Когда иммиграция немцев началась, левые продолжали поднимать тревогу, как было в ноябре 1951 года: тогда из порта Гамбурга вышел пароход и взял курс на Австралию. На его борту были “5400 неженатых и незамужних немцев и немок, большинство которых открыто признаются, что состояли в молодежной организации гитлерюгенд”. Поскольку к концу войны в этой организации обязаны были состоять все без исключения представители определенной возрастной группы, это утверждение одновременно и формально соответствовало истине (хотя Холт и напрочь опроверг его) и вводило в заблуждение⁶⁸.

В ноябре 1950 года сэр Джон Стори, председатель Совета по иммиграции стран Содружества, выразил мнение, что “бывших членов нацистской партии необязательно исключать при отборе немцев-мигрантов”. Это вызвало резкие возражения в парламенте со стороны Эдди Уорда, представителя левого крыла лейбористов, и Холт пошел на попятный, заявив, что Стори просто высказал личную точку зрения⁶⁹. Однако лейбористы ступали на скользкий путь: если бы правительству Мензиса в итоге поставили в вину эту политику, лейбористы тоже оказались бы под ударом, поскольку, как Холт напомнил Уорду, “предыдущее правительство [как и нынешнее] не считало, что членство в нацистской партии автоматически служит препятствием для въезда в нашу страну”⁷⁰. То, что Холт не пожелал волноваться из-за того, что некоторые мигранты-немцы в прошлом состояли в гитлерюгенде, хорошо согласовывалось с его терпимостью к русским мигрантам из Китая, имевшим в прошлом советские паспорта⁷¹. И все же, увиливая от неудобных вопросов о немцах, Холт становился уязвим для подозрений в том, что слишком беспечно относится к въезду некоторого количества нацистов, даже самых настоящих.

Вероятно, то же самое можно было сказать и об ASIO, несмотря на то, что в составленный в 1950 году полковником Спраем список угроз для безопасности входили “люди, ранее занимавшие посты в нацистской партии или подобных организациях в других странах”, и лица, “добровольно сотрудничавшие с представителями любого тоталитарного государства” а также коммунисты⁷². В специальном индексе “мигранты-немцы, состоявшие в прошлом в нацистской партии”, были выделены в особую категорию (категорию D), и в 1953 году директор ASIO просил, чтобы его информировали о перемещении некоторых из них. Если только немцы не меняли имен, было относительно нетрудно выяснить, состояли ли они в нацистской партии в Германии, так как в распоряжении разведки стран-союзниц имелся полный список всех членов партии, и он служил главным ресурсом для проводившейся союзниками послевоенной программы

денацификации. Приезд мигрантов-немцев, ранее состоявших в нацистской партии, исправно отмечался (таких оказалось пять на борту “Анны Сейлен”, прибывшей 20 декабря 1953 года; семь на “Фейрси”, прибывшем 10 января 1954 года). К 1956 году в категории D (нацисты) специального индекса значилось 101 имя, хотя сделанная от руки запись на папке (“300 бывших нацистов”) наводит на мысль о том, что в этот список были внесены не все прибывшие мигранты-нацисты. И все равно это количество несопоставимо с почти восьмью сотнями русских, попавших в категорию A и категорию C того же индекса⁷³.

В соответствии с принципами, принятыми Спраем, в индекс можно было включить и русских фашистов, и пособников японцев из Китая, но вряд ли этим кто-то занимался. Во время войны австралийские спецслужбы волновал тот факт, что в русской общине Австралии есть фашисты, и в первые послевоенные годы память об этой потенциальной угрозе для безопасности страны еще частично сохранялась. В 1946 году один британский гражданин из Шанхая написал Колуэллу письмо, в котором напоминал, что “в Северном Китае белые русские добровольно подписали бумагу, где констатировалось, что они находятся в состоянии войны со странами-союзницами”, и предупреждал, что “многие русские, промышлявшие шпионажем в пользу японцев, сейчас точно так же шпионят на китайских коммунистов и на Советскую Россию”; и в ноябре 1946 года секретарь министерства иммиграции Хейс все еще мог рекомендовать не спонсировать фашистов, которые, если окажутся мигрантами, “будут стараться возбуждать неприязнь к нынешнему российскому режиму”⁷⁴. Но эта стеснительность, вызванная нежеланием огорчить СССР, вскоре (с началом холодной войны) рассеялась, и ни Хейс, ни Спрай уже ничем не показывали, что считают въезд русских фашистов проблемой для безопасности Австралии. В отчете Леса Хейлена министру иммиграции после поездки в Шанхай в 1948 году вопрос о том, как быть с русскими, сотрудничавшими с японским режимом,

просто не затрагивался: политическую озабоченность вызывали только коммунизм и тот факт, что многие из китайских русских (включая антикоммунистов) имели советские паспорта⁷⁵. Пособничество японцам было не просто делом прошлого, но и делом, лишенным значимости в свете холодной войны. Оно утратило всякую политическую злободневность.

А вот сотрудничество с нацистами, напротив, в контексте холодной войны вызывало самый живой интерес. В Европе вопрос о пособниках нацистов и военных преступниках быстро стал частью политической игры в перетягивание каната между Советским Союзом, пытавшимся найти и покарать людей, которых он считал военными преступниками, и оккупационными режимами стран-союзниц, всячески сопротивлявшихся усилиям СССР. Конечно, у союзников имелись и собственные опасения, связанные с военными преступниками, но они не доверяли критериям, выдвинутым Советским Союзом, и не собирались работать с советскими списками. И поэтому, даже когда советская сторона требовала выдачи конкретных перемещенных лиц или мигрантов с тем, чтобы судить их за военные преступления, и предоставляла соответствующие документы, союзники все равно постоянно отказывались кого-либо выдавать. В 1961 году, отзываясь на требование СССР выдать ди-пи эстонца Эрвина Вика (он был заместителем начальника особого отдела Тартуского концлагеря и должен понести ответственность за массовое истребление евреев, цыган и антифашистов), исполняющий обязанности министра иностранных дел Гарфилд Барвик заявил, что ввиду отсутствия договора об экстрадиции с Советским Союзом Австралия не обязана предпринимать никаких действий, и заодно заметил, что Австралия не признает вхождение в Советский Союз территории, где были совершены предполагаемые преступления, — Эстонии. Конечно, правительство Австралии не оправдывает подобные деяния, добавил он, и австралийцам “внушают отвращение... эти преступления против человечества”. Но, “с другой стороны, есть право нашей нации принимать лю-

дей в нашей стране, позволять им преодолеть горькое прошлое и начать новую жизнь — и им, и их семьям в более благополучном сообществе”. В некоторых обстоятельствах это решение можно было бы назвать трудным, но в нынешних обстоятельствах “правительство пришло к четкому выводу, что (оставляя за скобками все вопросы юридических обязательств), если бы для разрешения проблемы был необходим такой выбор, то право на убежище одержало бы верх”. В конце концов, “Австралия создала основательную, хотя, конечно, не безупречную, систему отсева и проверки сотен тысяч мигрантов, которые сделали богаче жизнь нашей нации” после войны. Каковы бы ни были грехи прошлого, “мы считаем, что пришла пора закрыть эту главу”⁷⁶.

Именно это отношение Марк Ааронс назвал “добро пожаловать, военные преступники”. Сам Ааронс соприкоснулся с этим явлением еще в 1980-х годах, когда снимал для телекомпании ABC документальные фильмы о беглецах-нацистах в Австралии. Особая следственная группа, созданная в 1987 году правительством Хока на основе этих данных, установила, что люди, чьей экстрадиции требовал в 1960-е годы Советский Союз, почти наверняка были виновны в тех преступлениях, в которых их обвиняли, хотя за давностью лет и из-за удаленного местонахождения от свидетелей привлечь их к ответственности по закону было почти невозможно⁷⁷.

Среди тех, чьей выдачи тщетно добивался Советский Союз, помимо Викаса, были латыши Карлис Озолс (виновный в организации расстрелов под открытым небом и операции с газвагенами в Минске) и Арвидс Упмалис (виновный в массовых убийствах евреев и цыган в его бытность начальником полиции в Бауском крае Латвии), украинцы Филип Капитула (виновный в массовых убийствах евреев в Ровенской области) и Петро Грушевский (виновный в массовых убийствах евреев, украинцев и казаков, когда он был начальником нацистской полиции Ровно) и русский или белорус Николай Алферчик (виновный в массовых убийствах евреев, цыган и партизан в Минске и Смоленске)⁷⁸.

Можно установить некоторые факты из той новой жизни, которую они обустроили себе в “более благополучном сообществе”, как выразился Барвик. Озолс в первые годы после приезда в Австралию работал на кирпичном заводе, проживал в Карлтоне, рабочем районе Мельбурна, и участвовал в деятельности “Даугавас Ванаги” — латышской общественной организации правого толка. В 1990-х годах власти Австралии предприняли серьезную, хоть и запоздалую попытку привлечь его к суду за военные преступления, но она провалилась. Упмалис стал владельцем станции техобслуживания в Резервуаре, на окраине Мельбурна, и участвовал в жизни местной латышской общины, в том числе в деятельности “Даугавас Ванаги”. Грушевский поселился в Мельбурне и, согласно одному сообщению, сделался священником. Капитула после приезда сменил в официальных бумагах национальность с поляка (кем был изначально записан) на украинца и обосновался в Аделаиде, как и Вискс⁷⁹.

Особенно интересен случай Алферчика, потому что он был одним из тех перемещенных лиц, о чьих военных преступлениях было кое-что известно еще в Европе, но в то же время у него имелись связи с разведслужбами стран-союзниц. Союзники взяли за обыкновение тайно переселять таких людей в отдаленные места, и именно это произошло с Алферчиком: IRO, действуя по приказу западных разведслужб в Германии, отправила его в Мельбурн в качестве мигранта (под подложным именем Николай Павлов). Алферчик/Павлов был одним из немногих людей, чье дело было таким образом неофициально улажено на раннем этапе. В 1950 году британское правительство официально (хотя и не публично) попросило Австралию принимать под эгидой IRO “русских беженцев (с иждивенцами, имеющими юридический статус или нет), которые не отвечают стандартным иммиграционным требованиям, если их поручителями выступают органы разведки”. Иными словами, IRO решили использовать в качестве канала для “отмывания” людей с сомнительной репутацией. Кроме того, Австралии предстояло при-

нять “ограниченное количество русских беженцев в качестве пассажиров, полностью оплативших проезд. Ожидается от 20 до 50 человек плюс иждивенцы в год, их проезд и содержание оплатит MI”⁸⁰.

После приезда в 1950 году Алферчик/Павлов нашел работу в государственной электрической комиссии, как и многие другие мигранты из числа перемещенных лиц; после развода с первой женой он женился на белой русской из Харбина; наконец, он стал постоянным осведомителем ASIO. В 1960-е годы НТС, в котором он ранее состоял, будто бы исключил его из своих рядов после получения информации о его военных преступлениях в Смоленске⁸¹.

Шпионы

Разумно было бы предположить, что среди иммигрировавших в Австралию перемещенных лиц были всевозможные агенты, в частности, советские. Глава ASIO, полковник Спрай, тревожился и из-за них, и из-за русских иммигрантов, приехавших из Китая, особенно тех, кто ранее жил на территориях, находившихся под властью коммунистов⁸². По-видимому, первоначально в ASIO полагали, что такие агенты будут входить в контакт с местными коммунистами, так что для них стало сюрпризом то, что въезжавшие в страну советские шпионы, сколько бы их ни было, похоже, действовали самостоятельно, не имея каких-либо контактов с Коммунистической партией Австралии. В одной докладной записке ASIO, где разбирались возможные причины этого явления, высказывалась мысль, что партия опасается внедрения агентов (вероятно, британской разведки или ASIO), но, скорее всего, дело в попытке “гарантировать безопасность агентов из Москвы, действующих под контролем бывших австралийцев и проникших под видом перемещенных лиц, а именно — гарантировать, что ни при каких обстоятельствах они не будут контактировать с членами Компартии Австралии”⁸³. Можно

не сомневаться, независимо от любой официальной партийной политики здесь сыграла свою роль и та неприязнь, которую левые профсоюзные деятели испытывали по отношению к ди-пи.

Что касается советских агентов, то удивительно, как мало их было выявлено даже после бегства Петрова. Владимир Петров был сотрудником МГБ и работал под дипломатическим прикрытием в советском посольстве в Канберре с 1951 года до своего бегства, которое помог устроить в 1954 году его друг Михаил Бялогуский, связанный с ASIO. Петров не известил о своих планах жену Евдокию, которая также служила в разведке, и сразу после бегства поставил ее перед мучительным выбором: вернуться в СССР, где ее ожидало бы неопределенное будущее, или же остаться с ним в Австралии. Уже в аэропорту Дарвина, в последний момент, она решила остаться и попросила убежища у властей Австралии. Бегство Петрова привело к созданию Королевской комиссии по шпионажу, где он, выступая свидетелем, рассказал о своих контактах в Австралии, и сильно способствовало росту страхов перед коммунистами в обществе⁸⁴.

Задание Петрова, по его словам, заключалось в вербовке агентов среди русских мигрантов-антикоммунистов, но на деле в этой среде он практически ни с кем не установил контактов. Лучшим местом для вербовки агентов был Русский общественный клуб, но, свидетельствуя перед Королевской комиссией, он не упомянул о каких-либо успехах, достигнутых там. “Печальная правда заключалась в том, что полковник Владимир Петров просто не соответствовал должности, на которую его назначили, — заключает один историк разведки в недавно написанной работе. — За три с лишним года, до самого окончания [своего пребывания в Канберре] в апреле 1954 года ему не удалось завербовать ни одного агента”⁸⁵.

Советский перебежчик Игорь Гузенко ранее сообщал, что в Канаде советские агенты использовали репатриацию как прикрытия для создания “коммунистически настроенных групп”, или пятой колонны, поэтому разумно было предпо-

ложить, что и Гордеев (по свидетельству Петрова, подполковник ГРУ) мог заниматься чем-то подобным⁸⁶. Но в действительности его рапорты, отсылавшиеся в Москву, наводят на мысль, что репатриация была его единственной настоящей миссией, и его успех определялся не подготовкой какой-то пятой колонны, а количеством репатриировавшихся граждан. Что касается вербовки агентов среди ди-пи, похоже, этим он тоже не занимался. Когда Гордеев ездил в Мельбурн, за его перемещениями внимательно наблюдал сотрудник ASIO из штата Виктория и пришел к выводу, что его в самом деле интересовал поиск не агентов, а потенциальных репатриантов. В распорядке его дня (запрошенном Москвой, вероятно оттого, что результаты его работы были столь ничтожны) просто не оставалось свободного времени для вербовки агентов, и (на что он сам жаловался) у него в кабинете не было даже сейфа⁸⁷.

Бывали случаи, когда иммигранты сами обращались к советским чиновникам и вызывались стать осведомителями. В эту категорию попадает Бялогуский, сблизившийся с Петровым (хотя это и была провокация, так как свой выбор он уже сделал ранее, решив работать на австралийские спецслужбы)⁸⁸. И по меньшей мере однажды иммигрант, бывший советский гражданин, явился в советское посольство, “проклиная Австралию и австралийцев”, и предложил свои услуги “для выполнения какой-нибудь секретной работы”. Но этот человек был явно психически ненормальным, поэтому его инициатива была отклонена⁸⁹.

Каждая из сторон, участвовавших в холодной войне, опасалась того, что противник будет использовать репатриацию в СССР в собственных нежелательных целях. С австралийской стороны полковник Спрай боялся, что СССР под прикрытием репатриации будет вызывать своих секотов, замаскированных под ди-пи, после того как те раздобудут из первых рук полезную информацию о западных обычаях и жизни⁹⁰. (Следует помнить о том, что отъезд из Австралии в те дни из-за острого недостатка морских судов

был делом нелегким и сопряженным со множеством бюрократических формальностей, а потому чреватым разоблачением.) В ASIO ни одного такого агента, по-видимому, так и не поймали, хотя если присмотреться, то среди репатриантов, уехавших благодаря посредничеству Гордеева, один вероятный кандидат все же имеется. Этот человек, Николай Ялынычев, был не перемещенным лицом, а советским моряком, который дезертировал на Ближнем Востоке, заявив о своих политических расхождениях с советским режимом, а позднее приехал в Австралию как пассажир, самостоятельно оплативший проезд. Его имя значилось в списке Гордеева среди успешно репатриировавшихся граждан, но, что нетипично, его делом занимался Петров (предполагалось, что после приезда Гордеева он уже не имел отношения к вопросам репатриации), а когда Ялынычев вернулся в Советский Союз, то его — в отличие от других репатриантов из бывших перемещенных лиц — не вызывали в ведомство, курировавшее репатриантов. Но если Ялынычев действительно был агентом, возвращавшимся на базу, то в ASIO этого не заметили. Перед отъездом с ним провели беседу в ASIO, как это обычно делали с репатриировавшимися иммигрантами, но никаких сигналов не последовало; сотрудник, проводивший беседу, скорее всего, принял его за обыкновенного ди-пи и просто записал услышанные от него сплетни о просоветски настроенных русских в Мельбурне⁹¹.

В СССР, как и в Австралии, опасались того, что враг использует репатриацию для перемещения своих агентов. В распоряжении ASIO оказалась инструкция, составленная в 1952 году в МВД (его сотрудником был Петров), предупреждавшая о том, что репатрианты, возможно, “специально готовятся [местными разведслужбами] к пересылке в Россию”⁹². Однако ничто не указывает (во всяком случае, в тех архивных документах, к которым есть доступ) на то, что ASIO пыталась завербовать кого-то из репатриировавшихся советских граждан для шпионажа в пользу Австралии.

Спецслужбам не давала покоя мысль о том, что среди переселяемых ди-пи могут находиться внедренные агенты коммунистов. В 1949 году австралийская служба безопасности получила тайное предупреждение о том, что двое недавно прибывших мигрантов, Ян (Иван) Делагер и Владимир Адамсон, — подозрительные личности. Информация эта исходила от Олега Перекрестова, будущего основателя и издателя “Единения”, но в то время он был новоприбывшим переселенцем и все еще жил в лагере Бонегилла. По его словам, он сам получил эти сведения от НТС (впрочем, это уточнение вряд ли что-то значило для сотрудников службы безопасности, которые без каких-либо пояснений передали это название по-английски как “национальный рабочий союз”). Эти заявления подтверждались другим русским ди-пи из Бонегиллы — священником Алексеем Годяевым (мы с ним уже встречались — он был специалистом по сыроделию и одно время — оперным певцом). Те двое, попавшие под подозрение, были друзьями (лет двадцати с небольшим), бывшими оstarбайтерами, насильно угнанными в Германию, и вместе прибыли из австрийского лагеря ди-пи на пароходе “Генерал Стюарт Хейнцельман”. Делагер, предположительно представлявший большую опасность, был русским, родившимся в Югославии и учившимся там в университете, Адамсон был рабочим из Белоруссии. На основе хороших рекомендаций от работодателей этих мигрантов и проведенных с ними бесед заместитель директора CIS заключил, что они не похожи на агентов коммунистов⁹³. Но Делагер еще несколько лет оставался объектом внимания ASIO как подозрительное лицо. В одном отчете 1956 года говорилось, что, возможно, он курирует агентов коммунизма в русской общине Мельбурна, наряду с украинцем Александром Островским (тоже из ди-пи) — тем самым, который несколько лет назад регулярно посещал Русский общественный клуб в Сиднее⁹⁴. Но несмотря на сохранявшиеся подозрения, ASIO так и не нашла никакого убедительного компромата ни на Делагера, ни на Адамсона.

Безуспешные попытки ASIO выявить реальные случаи внедрения советских шпионов в среду ди-пи еще не означают, что их там вообще никогда не было. Косвенные свидетельства в пользу того, что они все же были, неожиданно можно обнаружить в среде православных священников из русских перемещенных лиц. Представителям Православной церкви в Австралии, которые были настроены резко антикоммунистически, то и дело приходилось обороняться от обвинений в том, что тот или иной священник — советский агент, и в некоторых случаях (речь шла о бывших ди-пи), возможно, эти обвинения были небеспочвенными. О священнике Владимире Янковском* говорили, что он был осведомителем еще с тех времен, когда служил в баварском лагере ди-пи. Слухи эти не прекратились и в Австралии, где он возглавлял приход в Аделаиде, и привели в итоге к тому, что Янковский лишился прихода и уехал в США, но и там репутация у него была сомнительная. В 1956 году Янковский репатриировался в Москву, и позже, уже после открытия советских архивов, подозрения, что он давно являлся советским агентом, подтвердились⁹⁵. Игорь (Ириней) Сусемиль**, служивший в Австралии с 1949 по 1957 год, вернулся в 1957-м в Европу и в Западной Германии снова объявился в качестве священника, а позже и епископа, но уже в подчинении Московского патриархата. В 2001 году раскрылась правда о том, что он был агентом КГБ⁹⁶.

ASIO и сама занималась вербовкой среди русских ди-пи. Явно завербован ASIO был Алферчик, которого в СССР обвиняли в военных преступлениях, а журналист-расследователь Марк Ааронс считает, что были и другие⁹⁷. Вербовку Алферчика устроил Владимир Диффердинг, уже работавший на ASIO. Диффердинг был энергичным агентом по продаже недвижимости в Мельбурне, активистом антикоммунистического движения, посредником в контактах с отделением Либеральной партии в штате Виктория и коммерческим дирек-

* Об о. Владимире Янковском см. также главу 1. (*Прим. ред.*)

** Об о. Игоре (Иринее) Сусемиле см. также главу 7. (*Прим. ред.*)

тором редакции “Единения”⁹⁸. Из архивных записей АСИО ясно, что среди ди-пи в лагерях мигрантов у них были свои постоянные осведомители, в том числе некий Серж Белов (судя по имени, русский) в Квинсленде и латыш Валентинс Заугра в Западной Австралии⁹⁹.

Конечно, не было недостатка в антикоммунистически настроенных русских, которые предлагали свои услуги АСИО. Например, Олег Перекрестов, в 1949 году передавший австралийцам информацию от НТС о Яне Делагере в Бонегилле, вполне возможно, желал установить со спецслужбами долговременные отношения. Даже если отвлечься от идеологических мотивов, и бывшие советские граждане, и русские беженцы, приехавшие в страну в межвоенный период, в силу своего прошлого опыта, обретенного в Советском Союзе и в Европе, скорее всего, видели в сотрудничестве с органами безопасности Австралии благоразумный шаг, который мог бы обеспечить им хорошее отношение и безбедное существование на новой родине. Однако в ряде случаев такие предложения не принимались.

Именно так произошло с Иваном Кононовым — казаком, переметнувшимся на сторону немцев в августе 1941 года. После окончания войны Кононов, уклонившийся от репатриации и, очевидно, не выявленный союзниками как бывший нацистский пособник, выдал себя за поляка и под вымышленной фамилией (Торки) эмигрировал в Австралию, куда прибыл в феврале 1950 года на пароходе “Элленик Принс”. Спустя год он попытался установить контакт с австралийскими властями через посредника Константина Дульшерса: предложил свои услуги (назвавшись Кононовым) по организации антикоммунистического блока из иммигрантов (“у него уже есть собственный блок антикоммунистов”). Разыгрывая казачью карту, Дульшерс постарался выставить Кононова в наилучшем свете: не только отрекомендовал его атаманом, но и пояснил, что “казак значит свободный человек, [который] ненавидит тоталитаризм” и готов к борьбе. Предложение, сделанное 15 сентября 1950 года, вежливо отклонил

Джозайя Фрэнсис, министр обороны правительства Мензиса, 10 июля 1951 года¹⁰⁰.

Другим разочарованным ди-пи, получившим отказ, был Николай Харьков, который — ненадолго прославившись в пору скандала из-за дела Петрова — сообщил прессе: “Я предложил свои услуги спецслужбам, но они не пошли на контакт, поэтому я решил действовать в одиночку”. В 1950 году свои услуги морской разведке Австралии предлагал и эстонец Вернер Пууранд, бывший морской офицер (о его столкновениях с просоветски настроенными беженцами-евреями на пароходе “Дерна” в 1948 году мы уже рассказывали). О нем дал неблагоприятный отзыв Кит Тербейн, сотрудник безопасности ASIO, работавший в австралийской военной миссии в Германии: а именно, сообщил, что в 1940-е годы Пууранд стал осведомителем чекистов в Эстонии, а затем был германским агентом. В последнем качестве он обучал радистов для германской военной разведки и изготавливал фальшивые документы германским агентам для их дальнейшей заброски в Советский Союз. Мало того что предложение Пууранда о сотрудничестве было отклонено, позже в ASIO задержали его заявление о получении гражданства и не позволили ему получить лицензию коммерческого радиооператора¹⁰¹.

Шпионский мир — это всегда сплетение заговоров и контрзаговоров, обманных ходов и подстав, и отдельные участники этой игры обычно глубоко убеждены в том, что их деятельность имеет огромное значение, а вовлеченные в них правительства и общество уверены в том, что шпионаж со стороны противника на их территории представляет большую угрозу. При ближайшем рассмотрении эти представления не всегда оказываются верными. Чем бы ни занимались в послевоенной Австралии русские иммигранты-шпионы (неважно, шпионили ли они на СССР или на Австралию), их деятельность не обогатила их кураторов сколько-нибудь ценными сведениями — разве что отдельными биографическими данными, которые в некоторых случаях могли оказаться полезными для шантажа. Неоспоримо другое: шпио-

наж способствует созданию весьма запутанных сетей — и реальных, и воображаемых. И соприкасаться с этими сетями довелось многим русским, иммигрировавшим после войны в Австралию.

Создательницей подобных сетей — и политических, и личных (хотя их трудно разделить друг от друга) была русская ди-пи Лидия Мокрас*. Ее муж-чех, за которого она вышла, когда они оба были перемещенными лицами (с ним она она приехала в Австралию), к этому времени пропал с горизонта. До дела Петрова ее любовником был двойной агент Бялогуский; а после ее любовником или очень близким другом стал Алан Дэлзиел, бывший одно время личным секретарем лидера оппозиции доктора Эватта и после бегства Петрова вызвавший большой интерес у Королевской комиссии по шпионажу. Благодаря Бялогускому она подружилась с Петровым; еще она утверждала, что в Сиднее ее несколько раз навещал советский посол Лифанов (не входивший в круг общения даже Клодницких, не говоря уж о Бялогуском), пытаясь выудить у нее какие-то сведения о Петрове, которого он, что вполне понятно, считал человеком некомпетентным и ненадежным. Через Дэлзиела Мокрас подружилась с Лесом Хейленом, о котором мы уже не раз упоминали как о важной фигуре в партии лейбористов, — это он поднимал в парламенте вопросы, связанные с иммиграцией. Когда Мокрас выходила замуж (не за Дэлзиела), Хейлен был одним из гостей на ее свадьбе, а Августа Клодницкая, бывшая председательница Русского общественного клуба, была свидетельницей со стороны невесты. Обо всем этом подробно сообщается в многотомном досье, заведенном на Мокрас в ASIO.

Нет никаких сомнений в том, что Мокрас, или Янковская, как она стала именоваться в 1950-х годах, вернув себе девичью фамилию, была близка к представителям более чем одной разведслужбы. Но на какую из них она работала — если вообще работала, — так и остается тайной. В длин-

* О ней также см. главу 8. (*Прим. ред.*)

ном автобиографическом очерке, составленном для ASIO, Мокрас утверждала, что в Германии в годы войны работала на НКВД, но после войны ей удалось избежать дальнейшего сотрудничества с этим ведомством. Петров (до бегства) подозревал ее в работе на австралийские спецслужбы, но полковник Спрай заявил в 1959 году, что Лидия, хоть и была “в некотором роде авантюристкой”, которая, пожалуй, примеряла на себя роль двойного агента, “не была агентом ASIO”. В ASIO же считали, что Мокрас, возможно, советский агент — до тех пор, пока переметнувшийся Петров не сообщил им, что это не так¹⁰².

Заключение

Подавляющее большинство наших русских иммигрантов, как и других иммигрантов того поколения, прибыли в Австралию морем. Доки во Фримантле, Мельбурне и Сиднее были первым, что они видели после безотрадных пейзажей, неделями сопровождавших их в открытом океане. Правда, иногда и первые виды нового континента оказывались для новых переселенцев столь же безрадостными. Зато в порту обычно кипела бурная деятельность (если только прибытие парохода с мигрантами не совпадало по времени с очередной забастовкой, организованной Федерацией портовых рабочих под началом коммунистов, что в те годы происходило нередко). В 1950-е годы люди все еще регулярно приходили к причалам, провожая отъезжающих и встречая прибывающих друзей и родственников. Журналисты ходили туда, высматривая среди пассажиров интересных людей. Таможенники следили за тем, чтобы в страну не попадала контрабанда, угрожающая австралийскому образу жизни (досмотры все еще служили основным инструментом цензуры), и обыскивали некоторых русских — тех, что становились фигурантами политических доносов. Чиновники из министерства иммиграции часто приходили встречать большие суда, задействованные в программе массового переселения, иногда их сопровождали и представители спецслужб. Сами же мигранты волновались, встретят ли их. Если из-за каких-нибудь недора-

зумений новоприбывшего никто не ждал, ему могли запретить высадку.

Журналистов особенно интересовали аристократы, попавшие в сложное положение, а также жертвы коммунистических зверств в Европе. Некоторые мигранты признавались, что они — пианисты или оперные певцы и надеются сделать здесь карьеру, такие рассказы тоже годились для колонок новостей. Попадались те, кто обличал других пассажиров как коммунистов или нацистов, и кто жаловался на дурное питание на борту. Рассказывали о своем побеге от коммунистического режима, о потере родных и всего нажитого имущества. Одни делились романтическими планами — например, познакомиться с хорошей девушкой-австралийкой и жениться на ней; другие просто выражали надежду на то, что больше не нужно будет скитаться по чужим странам. “Надеемся, отсюда нам уже никуда не придется уезжать, — сказал репортерам один белый русский, прибывший в 1952 году из Китая на пароходе «Чан Тэ». — За тридцать лет мы уже устали от того, что нигде не можем прочно пустить корни”¹.

Поток русских из Европы практически иссяк к 1951 году, а вот из Китая русские все еще прибывали, и этот процесс продолжался вплоть до начала 1960-х. Но это не означало, что деятельность с участием наших русских мигрантов в портах совсем прекратилась. Иногда тот же корабль, что привез мигрантов из Европы или Китая, увозил некоторых из них обратно. Такое происходило довольно редко — в тех случаях, когда отдельным лицам отказывали в высадке или же депортировали их спустя некоторое время. Кроме того, кто-то репатриировался, а кто-то уезжал в другие страны. Когда небольшое количество мигрантов из бывших перемещенных лиц репатриировалось в Советский Союз, в порту их провожал Анатолий Гордеев, тайный сотрудник Управления по репатриации, и за этим прощанием наблюдал стоявший неподалеку агент ASIO. После бегства Владимира Петрова, когда представители западной разведки беседовали с ним на различные темы, поднимался и вопрос о советском протоколе: кому

полагалось провожать в порту отъезжавших из различных социальных категорий? (Что характерно, Петров не мог ответить на этот вопрос. Зато жена Петрова знала².)

Были еще и те, кто не репатриировался, а уезжал в другую страну — чаще всего в США. Прибывавшие в Австралию русские были частью большой диаспоры, у многих родственники и друзья жили в Соединенных Штатах, Канаде, Латинской Америке и Израиле. Они обменивались письмами, в 1950-е годы это чаще всего были аэрограммы — облегченные отправления на особо тонкой авиапочтовой бумаге. У русских из Китая часто имелись друзья и родственники, вернувшиеся в Советский Союз, и они осторожно поддерживали с ними переписку. У русских, приехавших в Австралию через Европу, вероятно, тоже оставалась родня в Советском Союзе, но они, как правило, или прекратили попытки общения, опасаясь подставить тех под удар, или же не хотели возобновлять контакты. Было некоторое (не поддающееся учету, но довольно значительное) количество русских, в основном мужчин, у кого в СССР остались супруги и дети; со временем они успели жениться (выйти замуж) заново и предположили забыть о прежней семье. Для перемещенных лиц из этой категории, кто желал узнать о судьбе оставшихся на родине близких, главным каналом информации и связи служил Красный Крест. Но если запрос поступал от покинутой в Советском Союзе жены, разыскивавшей мужа, который успел обзавестись новой семьей, то разыскиваемый чаще всего не желал возобновлять с ней общение, и тогда сотрудник Красного Креста, проявляя понимание, просто сообщал его прежней супруге, что поиски не увенчались успехом³.

Многие из русских, приехавших из Европы, были обязаны отработать два года по контрактам и только после этого могли самостоятельно строить новую жизнь в Австралии; другие — те, кто приезжал, заранее найдя себе поручителей (будь то частное лицо или организация), — в период адаптации во многом зависели от них. Некоторые институты русской общины уже существовали — отдельные русские клубы

в крупных городах, несколько русских православных церквей, но по-настоящему за работу по созданию русской общины иммигранты принялись в начале 1950-х годов. Началось строительство новых церквей в тех районах, где компактно селились русские мигранты, и поначалу служили в них священники из числа перемещенных лиц, приехавших из Европы, хотя со временем в страну прибыли вместе со своими прихожанами и священники из Китая. Для издания газет и журналов на иностранных языках требовалось официальное разрешение из Канберры, причем часть материалов полагалось публиковать на английском⁴, но к началу 1950-х годов в Мельбурне уже появилась русскоязычная газета (резко антикоммунистической направленности, с преобладанием членов НТС в редколлегии), тираж которой распространялся по разным штатам Австралии.

Мигранты поначалу обычно размещались в общежитиях в небольших городках, потом снимали квартиры в рабочих кварталах крупных городов, со временем приобретали участки земли и строили на них дома. Это были вложения денег в австралийские пригороды, но внутри своих новых домов переселенцы продолжили говорить по-русски, а такие неизменные атрибуты русской жизни, как блины, пирожки, колбаса и водка, продавались в специализированных магазинах, открывавшихся в тех районах, где компактно жили русские. На танцевальных и просто праздничных вечеринках выступали русские музыканты из Харбина и Шанхая, а шанхайские джазовые музыканты пользовались известностью и за пределами русской общины. Инженеры, особенно выпускники Харбинского политехнического института, находили работу довольно быстро, пусть даже простыми чертежниками, а вот музыкантам приходилось непросто — им портил жизнь местный Профсоюз музыкантов. Труднее всего было врачам: им чинила препятствия Ассоциация медиков Австралии. Большинство мигрантов оставалось “синими воротничками” не один год, а некоторые так и застревают на этом уровне на всю жизнь, даже если в прошлом занимали более высо-

кое положение на социальной лестнице. Наглядным примером была судьба княгини Веры Долгорукой, которая по какой-то причине привлекла внимание прессы в июле 1950 года (впрочем, непонятно, какова была доля вымысла в ее рассказе о себе). Вера, чье детство прошло “во дворце в Риге”, вышла замуж за князя Долгорукого — “представителя одного из самых знатных русских родов”, который в 1930-е годы был интернирован нацистами, а потом сбежал в Румынию (в Германии оба они были перемещенными лицами). Княгиня, косметолог по профессии, не смогла работать по специальности в штате Виктория, потому что в Австралии не признавали диплом, полученный ею в Европе; она жила в Саут-Ярре, пригороде Мельбурна, и трудилась на фабрике щеточных изделий, а ее муж, князь, работал надзирателем в мигрантском лагере Рашуорт в Новом Южном Уэльсе⁵.

Большинство австралийцев едва ли осознавали присутствие русских — настолько ошеломил их в послевоенные годы приток мигрантов, среди которых были не только ди-пи из Европы (в большинстве своем — поляки и югославы), но еще греки и итальянцы. Что же отличало русских от остальных мигрантов в этом небывало обильном потоке переселенцев, нахлынувшем на берега Австралии?

Первой отличительной чертой было русское православие. До войны в Австралии проживало настолько мало православных — греков, русских, сербов и прочих, — что они даже не имели своей коллективной идентичности, заметной новоприбывшим. После войны, с притоком греков, югославов и русских, ситуация изменилась, но все эти группы были по отдельности заняты выживанием и потому не смогли дружной православной общиной оказать радушный прием новым иммигрантам. Иначе обстояло с поляками и другими восточноевропейскими католиками: для них католическая церковь стала всеохватным, объединяющим институтом. (Как ни странно, некоторым китайским русским предложил убежище маленький католический приход в Мельбурне, возглавлявшийся русским священником из Китая⁶.)

Поскольку в первые годы жизни в новой стране значительная часть энергии русских уходила на создание приходов, строительство церквей, домов престарелых и учреждение благотворительных обществ при церквях, эти духовные центры, как правило, и становились очагами русской иммигрантской общины. А это неизбежно отталкивало от них русских евреев, которые соответственно начинали прибиваться к уже существовавшим синагогам и местным еврейским общинам. Так, во всяком случае, рассказывали Натан и Сэм Мошинские и Элла Маслова (все трое обосновались в Мельбурне).

Элла Маслова в Шанхае была прежде всего русской; в Австралии ее еврейство сделалось более осознанным. Постепенно, отчасти неохотно она обрывала свои связи с нееврейскими русскими кругами, в которых когда-то вращалась. И вышла замуж она не за русского, а за румына, и тот разделил с ней ее еврейское наследие.

В Сиднее некоторые семьи русских евреев продолжали считать себя не только евреями, но и русскими и, как бы желая закрепить это единство, отправляли своих детей в субботние русские школы⁷.

Вторая отличительная особенность русских иммигрантов, особенно ди-пи из Европы, заключалась в том, что многим из них было что скрывать. В какой-то степени это относилось ко всем ди-пи вообще, и все же русские стояли особняком, ведь многим из них, чтобы избежать насильственной репатриации в Советский Союз, при попустительстве IRO и западных оккупационных режимов приходилось утаивать свою истинную национальную принадлежность (а зачастую еще и настоящее имя, место рождения и семейное положение). Русские довоенные эмигранты изо всех сил старались слиться с советским контингентом, чтобы получить заветный статус ди-пи и попасть в благоустроенные лагеря ди-пи, тоже часто сочиняли себе биографии. Бывшие советские граждане, угнанные в Германию в качестве подневольной рабочей силы или военнопленных, еще чаще выдавали себя за по-

ляков, югославов, западных украинцев и русских эмигрантов без гражданства.

Другим фактом, который скрывали многие русские, было пособничество врагу в годы войны. Большинству русских иммигрантов послевоенной волны довелось пожить или под немецкой, или под японской оккупацией: в первом случае речь шла о военнопленных или остарбайтерах, вывезенных в Германию из Советского Союза, или просто о гражданах стран, на время войны ставших частью Третьего рейха, а во втором — о тех, кто жил в Маньчжурии с начала 1930-х годов и в прибрежных областях Китая с конца 1930-х до 1945 года. Среди этих иммигрантов меньшинство в прошлом были в той или иной степени коллаборационистами. В Европе значительная по численности подгруппа русских активно сотрудничала с нацистами в добровольческих воинских подразделениях под немецким командованием (пусть даже руководствуясь надеждами свергнуть власть большевиков). Этим власовцам, казакам и бывшим бойцам Русского корпуса пришлось томиться в неопределенном положении несколько лет, прежде чем в ИРО — вопреки собственному уставу — решили предоставить им право на переселение. Для китайских же русских бывшее сотрудничество с японцами оказалось не столь большой проблемой — отчасти потому, что им не довелось с оружием в руках воевать против армий стран-союзниц. Тем не менее Русская фашистская партия в Маньчжурии находилась в предосудительно близких отношениях с японскими оккупантами, и лидеров этой партии считали военными преступниками не только в СССР, но и (поначалу) в США.

Бывшие коллаборационисты из Европы, переселившись в Австралию, и там часто поддерживали между собой связи и сохраняли групповое самосознание. Власовцы, казаки и бойцы Русского корпуса — все они к началу 1950-х годов объявили о своем воссоединении в Мельбурне и Сиднее, пусть даже только на страницах газеты, выходившей на русском языке. Возможно, спустя десятилетие они пожалели об этом: в начале 1960-х Советский Союз начал поименно

называть военных преступников из числа переселившихся за океан ди-пи, перечислять совершенные ими преступления, указывать адреса, по которым они теперь жили, и новые имена, под которыми их знали в Австралии, и требовать их выдачи в СССР для преследования в судебном порядке. (Правительство Австралии отвечало на эти требования отказом.) А вот экстрадиции русских фашистов Советский Союз не требовал (хотя советские власти арестовали и покарали тех лидеров русских фашистов, которых обнаружили в 1945 году в Китае), да и австралийские органы безопасности не проявляли к ним заметного интереса. Те фашисты, которые приехали в Австралию, сделали это без лишнего шума и в дальнейшем не предпринимали попыток возродить здесь русское фашистское движение.

Скрытность характеризовала не одних только белых русских. Справедливо предположить, что бывшие советские граждане, приезжавшие в Австралию в качестве перемещенных лиц, если они придерживались тех представлений, которые удалось выявить участникам уже упоминавшегося послевоенного Гарвардского проекта, относились к Советскому Союзу не столь однозначно, хотя при общении с соседями или другими иммигрантами ничем не желали обнаруживать свое истинное отношение. А именно — они, скорее всего, положительно оценивали некоторые стороны жизни в СССР (например, систему бесплатного здравоохранения и образования). Некоторые из них даже успели побыть членами патриотических молодежных организаций (пионерской или комсомола) до того, как их призвали на фронт или угнали в Германию, где у них началась совсем другая жизнь. У меньшинства красных русских среди иммигрантов — у тех, кто продолжал относиться к Советскому Союзу с симпатией и тяготел к левым, представленным в политическом диапазоне Австралии, — в 1950-е годы были собственные причины не высказывать свои истинные убеждения. Русский общественный клуб в Сиднее был, похоже, настолько напуган антикоммунистическим натиском начала 1950-х годов в стране,

что сжег собственные архивы и постарался держаться тише воды ниже травы, как и австралийцы, которые на время холодной войны предпочли не афишировать свои бывшие левые взгляды или просоветские настроения. Удивляет скудость дошедших до нас мемуаров и исторических свидетельств — объясняется она, наверное, не только тем, что историки местной общины вроде тех, кто издавал “Австралиаду” (главным образом, харбинцы), были не особенно заинтересованы в рассказах бывших красных, но и тем, что сами красные опасались откровенничать.

Третьей примечательной чертой, характерной для русских иммигрантов, была склонность публично заявлять о своих антикоммунистических убеждениях. Впрочем, это роднило их с ди-пи других национальностей (поляками, украинцами, латышами, сербами, хорватами и прочими), зато заметно отличало от новоприбывших иммигрантов из Греции и Италии — стран, где у власти находились не коммунисты, но где тем не менее к коммунистам или социалистам относились вполне нормально. Даже на фоне антикоммунизма восточноевропейских ди-пи антикоммунизм русских явно выделялся в особую категорию, поскольку не был связан с национализмом, направленным против оккупантов (как, например, у украинцев), а существовал в самой чистой форме идеологической позиции. Для русских из Европы и Китая, которые встретились в Австралии как иммигранты послевоенной волны, антикоммунизм служил и связующим звеном, и опознавательным знаком. Ведь они узнали, что такое коммунизм, не понаслышке, а на собственной шкуре, и — если воспользоваться шаблонным оборотом времен холодной войны — “выбрали свободу” (или после русской революции, или после окончания Второй мировой войны). Самих себя они считали “живыми книгами о коммунизме” и рассказывали о нем австралийцам, опираясь на личный опыт пережитого⁸.

Как община русские в Австралии преподносили себя как исключительно белых, хотя еще относительно недавно родная страна многих из них была еще и рассадником “красной

угрозы". Для русской иммигрантской общины это имело особенно большое значение, среди прочих причин, еще и из-за привычки рядовых австралийцев ставить знак равенства между русскими и красными, в силу чего они становились в их глазах еще более подозрительными, чем другие неанглоязычные иностранцы (за исключением, разумеется, евреев, однако в некоторых случаях различий между русскими и евреями все равно не делали). Возможно, в зону повышенного риска русские иммигранты попадали еще и из-за яростных взаимных обвинений, но об этом трудно судить, поскольку исследователи не уделяли внимания теме взаимных обвинений внутри других иммигрантских групп. Среди пассажиров, прибывших в Мельбурн в июне 1949 года на пароходе "Фейрси", было много русских с поддельными документами, в частности, группа членов НТС — иными словами, воинствующих антикоммунистов. Однако один пассажир-венгр, назвавшийся графом Францишем Понграцем, донес, будто половина из почти 1 100 пассажиров во время плавания выказывала "сильные коммунистические настроения", и сообщил, что из них 900 человек на самом деле русские, которые "во время поездки напивались и тогда-то выказали свой истинный характер и политические пристрастия"⁹.

В некоторой степени эту подозрительность разделяли и австралийские органы безопасности. Хотя другие иммигрантские группы, например, греки и итальянцы, были почти наверняка более склонны к коммунистической идеологии, чем русские, все равно именно русские (и в том числе русскоязычные евреи) занимали почетные первые места в официальном списке опасных иностранцев, которых следовало интернировать в случае начала третьей мировой войны (в которой Австралия, выступая союзницей Великобритании и США, как ожидалось, будет сражаться против Советского Союза). В ASIO всегда подозревали, что СССР внедрил своих агентов в лагеря ди-пи, которые впоследствии прибыли в Австралию в качестве иммигрантов по программе массового переселения, и можно не сомневаться, что эти подозрения были справед-

ливы, однако неясно, многих ли из этих агентов ASIO удалось выявить. Русские иммигранты тоже опасались внедрения советских агентов в их гущу, что приводило к взаимной подозрительности и периодически выливалось в громкие скандалы. Такие скандалы происходили даже (или, наоборот, особенно) внутри русской церкви, поскольку некоторые православные священники были советскими агентами; эта вечная подозрительность придавала жизни русской диаспоры особый горький привкус вражды и недоверия.

Антикоммунистически настроенные русские много раз подступали к ASIO, предлагая свою помощь в борьбе с коммунизмом, иногда успешно. Пытались они и привлечь внимание австралийской публики к своим антикоммунистическим убеждениям и предупредить австралийцев о “красной угрозе”. В 1951 году русская община Аделаиды призвала народ Австралии дать отпор коммунизму: “Не обманывайте себя, не думайте, что здесь этого не случится”. В том же году в Сиднее шел сбор подписей за монархистское движение капитана Николая Фомина, которое уже заявляло о своей связи с Либеральной партией и собиралось в ее штаб-квартире. (Об этом сообщило “Единение” вместе с коротким разъяснением для тех русских, кого, быть может, отпугивало слово “либеральная”, что Либеральная партия Австралии “является активнейшим борцом против коммунизма”). В апреле 1952 года членов той же организации пригласили послушать доклад “Ложь марксизма в истории”. В 1952 году в Аделаиде День непримиримости отмечался (пусть и с выступлениями на русском языке) в штаб-квартире Либеральной партии¹⁰.

В конце 1953 года Владимир Диффердинг (один из тех белых русских, которые успешно предложили свои услуги ASIO)¹¹ и его сотоварищ по НТС Георгий Петропуло прислали в *The Argus* письмо о “великой опасности нашего времени — коммунизме”. Они писали: “Это опасность для демократии, цивилизации и вашего образа жизни” (здесь слово “вашего” выдает, насколько чужой Австралия продолжала оставаться для русских). Диффердинг и Петропуло, подпи-

савшиеся под письмом как председатель и почетный секретарь Русского антикоммунистического центра, предлагали “объединиться с группами и с отдельными лицами” в борьбе против общего врага¹². Вызвал ли этот клич какой-либо отклик у широкой австралийской публики, неизвестно, зато он по-настоящему разозлил Захарвуса Бржытрчинского [sic!] из Эйлдона, который резко ответил, что “незачем терпеть в Австралии иностранные политические организации. Новоявленным австралийцам следовало оставить свою политическую деятельность на родине”¹³.

Напряженность, сопровождавшая споры о коммунистах и советских шпионах в Австралии, только усилилась после бегства русского дипломата и тайного сотрудника советской разведки Владимира Петрова в 1954 году и учреждения вслед за этим Королевской комиссии по шпионажу. Поступок Петрова, одно время регулярно посещавшего Русский общественный клуб в Сиднее, ознаменовал своего рода водораздел для русского иммигрантского сообщества в Австралии. Когда в аэропорту Кингсфорд Смит собралась шумная толпа русских, протестовавших против отъезда жены Петрова в Советский Союз (как они считали, ее к этому принуждали), в глазах австралийской публики это стало дебютом — первым антикоммунистическим выступлением русских¹⁴.

Одним из вожаков той демонстрации протеста был Николай Харьков, китайский русский лет пятидесяти с небольшим, прибывший в Австралию через Тубабао в 1949 году. Очерк, напечатанный в июне 1954 года в журнале *People*, красочно рассказывал о мечте Харькова “разгромить международный коммунизм во всем мире”. Он поведал журналистам о “разработках долгосрочной программы коммунистов — завоевать Австралию и поселить здесь 100 миллионов человек излишнего населения Азии”. Такие планы якобы совместно вынашивали правительство СССР и китайский вождь Мао Цзэдун. Если коммунистам удастся осуществить эту программу, австралийцев будут использовать как рабскую силу для строительства плотин и дорог, а остальное население

быстро истребят или сошлют в далекие края вроде Мадагаскара или Родезии. Очерк сопровождал мутный снимок деятелей Русского антикоммунистического центра, заседавших с заговорщическим видом в съемной комнате Харькова в Редферне. Заголовок сообщал: “Эти девять человек ненавидят Кремль”¹⁵.

После такого многообещающего начала русские продолжили попытки вступить в общенародную дискуссию об антикоммунизме. Георгий Петропуло и некоторые члены семьи Диффердинга собрались на улице напротив здания, где заседала Королевская комиссия по шпионажу, и кричали слова поддержки Петрову. В отличие от жены, которая, похоже, испугалась и смутилась при виде самозванной группы поддержки, сам Петров нисколько не растерялся, увидев демонстрантов, а напротив, как передавали, “широко улыбнулся и поднял руку в знак приветствия”, прежде чем войти в здание. Отвечая на вопросы прессы, Петр Диффердинг назвал себя бывшим военнопленным из Германии (однако не стал уточнять, на чей стороне воевал), а Петропуло сообщил, что бежал из Советского Союза¹⁶.

Через несколько дней, когда перед Королевской комиссией должна была свидетельствовать Евдокия Петрова, русские демонстранты вновь вышли на улицу. На этот раз их пришло больше, и Владимир Диффердинг (в прессе его называли вожаком группы) держал большой плакат с надписью: “Мы, русские, знаем коммунизм и ненавидим его”¹⁷. О том, насколько беззаботно относились в 1950-е годы австралийские власти к мерам безопасности, можно судить по тому, что они никак не стали препятствовать проведению демонстрации, несмотря на то, что 2 июля в редакцию *The Age* позвонил какой-то человек с сильным иностранным акцентом и сообщил, что собирается застрелить Петрова¹⁸.

Белые русские активисты быстро указывали на подозрительных лиц внутри большого русского сообщества в Австралии. Георгий Алексеев, говоривший от имени Русского антикоммунистического центра в Сиднее, характеризовал

Русский общественный центр как логово сторонников советского режима и “филиал советского посольства, существующий на советские деньги”, и выражал мнение (или надежду), что клубу предстоит “серьезно отвечать” перед Королевской комиссией. Белые русские и сами бы охотно выступили перед этой комиссией; например, Харьков заявил, что у него и у многих других новых австралийцев имеются доказательства того, что в Австралии орудуют шпионы-коммунисты, и они с радостью предъявят их¹⁹. Но, к их разочарованию, их туда не вызвали. Удивительно, но в целом Королевская комиссия уделила мало внимания жившим в Австралии русским иммигрантам, что красным, что белым, несмотря на то, что Петров в прошлом часто посещал Русский общественный клуб, а под присягой заявил, что его миссия в качестве агента советской разведки заключалась в создании агентуры внутри политических организаций белых русских. Такое же равнодушие выказали и различные разведывательные ведомства, допрашивавшие супругов Петровых в течение нескольких месяцев после их бегства²⁰.

Единственным ди-пи, который был назван агентом перед Королевской комиссией, оказался русскоязычный латыш, Андрис Фриденбергс, бывший юрист и боец Латышского легиона, ставший, как сообщалось, агентом МГБ еще 1940 году в Европе и приехавший в Австралию в 1949 году. (Мы с ним уже встречались: это он щеголял знанием эсперанто перед журналистами в порту, когда только сошел на австралийский берег.) Очевидно, советская разведка установила новое местонахождение Фриденбергса благодаря письму, которое он прислал сестре в Латвию, и в феврале 1951 года Петров вновь задействовал его как агента, а затем передал его в подчинение Яниса Платкайса, агента МГБ под дипломатическим прикрытием, с которым Фриденбергс познакомился в Русском общественном клубе. Еще до обличений со стороны Петрова и Королевской комиссии деятельность Фриденбергса вызывала подозрения у латышской общины, и он жаловался, что его бойкотируют. Хотя комиссия и заключила, что он являлся

ранее советским агентом, по-видимому, никаких действий против него власти Австралии не предпринимали²¹.

Петров в показаниях упомянул (как человека, который, по полученным Петровым сведениям, мог бы оказаться полезным контактом) Николая Дугяна — портового рабочего, родившегося в Армении и прибывшего в Австралию в 1949 году, возможно, в качестве перемещенного лица. Роль “камео” досталась и Николаю Новикову из Харбина: в его фотомастерской в Сиднее Петров обычно встречался со своими осведомителями (без ведома самого фотографа). Новиков и его сын состояли в Русском общественном клубе, там и познакомились с Петровым и советским консулом Садовниковым. Петров даже получил инструкции из Москвы обрабатывать Новикова с целью сделать его тоже осведомителем, но (как обычно) он ничего не добился и, давая показания, сообщил, что ему неизвестно о том, чтобы Новиков выполнял какие-либо задания советских спецслужб²².

Отсутствие белых русских на заседаниях Королевской комиссии можно отчасти объяснить тем, что, несмотря на полученные Петровым инструкции, его контакты с представителями этой группы были практически ничтожными. Однако, если вспомнить о готовности Харькова и других выступить свидетелями, можно предположить, что ASIO оценивала их как источник информации весьма невысоко. Пожалуй, здесь намного больше озадачивает то, что на заседаниях комиссии совсем мало говорили о Русском общественном клубе. В ASIO клуб рассматривали как угрозу для безопасности, которую следует держать под наблюдением. Кроме того, красные или симпатизировавшие СССР русские, посещавшие клуб, были как раз в числе тех немногочисленных людей, кого Петров действительно знал за пределами советского посольства, и потому можно было ожидать, что уж о них-то он даст подробные показания. Петров же упорно заявлял, что, насколько ему известно, никто из этих красных русских не является ни агентами, ни даже постоянными осведомителями советской разведки, что выглядит более чем странно. Можно

заподозрить, что Петров просто выгораживал друзей или же давал ответы, устраивавшие тех, кто его допрашивал. Последним, в свою очередь, было выгодно верить доводам, согласно которым правительство Мензиса, создав Королевскую комиссию, преследовало собственные политические цели. Если сотрудники британской разведки не имели претензий к местным политическим организациям или органам безопасности и стремились получить сведения о внутренней структуре и работе советских дипломатических ведомств и разведывательных служб, то членов комиссии интересовали почти исключительно контакты Петрова среди австралийцев, особенно в оппозиционной Лейбористской партии и подчиненных ее лидера доктора Эватта²³.

Антикоммунистически настроенные русские так и не получили ту политическую выгоду, которую надеялись извлечь из работы Королевской комиссии — напротив, она повлекла даже некоторые негативные последствия для русской иммигрантской общины, в частности, был усилен надзор за всеми. (По словам одного участника-наблюдателя тех событий, австралийские органы безопасности “начали перебирать, кто откуда, следить за тем, кто куда ходит и в каких организациях состоит”). Но в конечном итоге все это дало положительные результаты: по словам того же комментатора, “русская колония в целом была до такой степени политически «белой», и русские патриотически настроенные организации были известны как настолько ярые антикоммунисты, что австралийское правительство начало поощрять и помогать русским иммигрантам, видя в них большую антикоммунистическую опору”²⁴.

Вскоре после нашумевшего дела Петрова русские добились некоторых успехов в попытках достучаться до австралийской публики и примкнуть к антикоммунистическим группам внутри Либеральной и Лейбористской партий. В мае 1954 года Харьков выступил с двумя речами — на русском и английском (в том числе перед публикой в Трокадеро, насчитывавшей сотни человек): он рассказывал о том, как “мы выхватили Евдокию Петрову из бандитских лап чекистов”.

Спустя месяц он выступал в Катумбе на собрании антикоммунистов, на котором председательствовала миссис Ф. Престон Стэнли от имени (связанного с Либеральной партией) Движения австралийских женщин против социализации*. Русские антикоммунисты уже установили контакт с сенатором-либералом Биллом Уэнтуортом (он передавал полученную от них информацию Ричарду Кейси, министру иностранных дел и Гарольду Холту, министру иммиграции). Кроме того, Уэнтуорту заранее сообщили о демонстрации русских антикоммунистов в аэропорту, и он лично там присутствовал вместе со своим “связным” в сношениях с русскими Ричардом Кригером из австралийского филиала Ассоциации за культурную свободу²⁵.

Однако в последующие годы русские антикоммунисты растеряли те политические преимущества, которые они получили среди других мигрантов-антикоммунистов благодаря делу Петрова. После этого скандала раскол Лейбористской партии породил новую католическую антикоммунистическую формацию — Демократическую лейбористскую партию, которая принялась устанавливать связи с мигрантами-антикоммунистами, но не с русскими в первую очередь. Безусловно, отчасти это объяснялось тем, что русские были не католиками, а православными, в отличие от поляков и других восточных европейцев, которые тоже могли свидетельствовать о преступлениях коммунистов.

Через несколько лет возник Антибольшевистский блок народов, и в нем преобладали украинцы, ненавидевшие русских. Со временем они выработали свой, гораздо более мощный нарратив, в котором антикоммунизм и антисоветизм были крепко увязаны с Голодомором, как они называли голод

* Это касается каждой: *Движение австралийских женщин против социализации* (*Every woman! this is your business: the Australian Women's Movement Against Socialisation*) — общественная организация в Австралии, была образована в 1947 году в ответ на решение правительства лейбористов о национализации частных банков, в течение тринадцати лет своего существования выступала против Лейбористской партии, профсоюзов и коммунистов/социалистов. (Прим. ред.)

на Украине в начале 1930-х годов. Трагедия была представлена как результат сознательной стратегии Сталина, направленной на геноцид украинцев. Когда в политическом движении мигрантов-антикоммунистов — и в Австралии, и в международных масштабах — начала доминировать тема угнетенных наций, русские оказались неугодными, потому что другие настроились видеть в них не угнетенных, а скорее угнетателей (и сторонников старого режима — то есть Российской империи)²⁶. Поскольку в 1960–1970-е годы на первый план вышли “угнетенные нации”, а русских фактически оттолкнули, им больше никогда не удавалось возглавить общее движение мигрантов-антикоммунистов.

Однако нам следует быть осторожными и не делать поспешных выводов, будто антикоммунизм или любая другая идеология, которую поддерживало меньшинство активистов, контролировавшее единственную выходившую много лет подряд русскоязычную газету, действительно являлись для большинства русских иммигрантов делом первостепенной важности. Воинствующие антикоммунисты утверждали, будто говорят от имени большинства, и вместе с тем дело, за которое они взялись, сводилось к тому, чтобы “присматривать здесь за нашими людьми, которые настроены не очень антикоммунистически” — иными словами, бороться с вялым равнодушием к данному вопросу большинства членов общины. Вероятно, очень многие русские иммигранты в Австралии не желали иметь ничего общего ни с какими политическими движениями, и это нежелание значительно перевешивало любую неприязнь к коммунизму. Именно с такой позицией широкая публика познакомилась благодаря интервью с бывшими ди-пи, проведенным социологом Джин Мартин в 1950-х годах²⁷.

Для большинства людей главным было совсем другое — попытки приспособиться к жизни в Австралии и примириться с ней. Они думали прежде всего о работе и жилье, занимались воспитанием детей, учились уживаться с коллегами и соседями. Давлению забот, обычных для жителей приго-

родов, не в силах были сопротивляться даже воинствующие члены НТС: из донесений, поступавших их куратору в НТС Виктору Байдалакову, явствует, что они начинали подумывать о покупке автомобилей, об уходе за садом и понемногу забывали о своем важном деле. Международная борьба против коммунизма, которая в Европе была для них смыслом жизни, мало-помалу делалась чем-то далеким.

О жизни в Австралии им предстояло узнать очень многое. Разница между пригородным или сельским бытом в Австралии 1950-х годов и той жизнью, которую русские вели во время и после войны, оказалась разительной. Иммигрантам приходилось привыкать к пейзажам, казавшимся им почти безжизненной пустыней, к городкам, где единственными местами развлечений были пабы, да и те закрывались в шесть вечера, и к большим городам, где местные раздражались, когда слышали в общественном транспорте иноязычную речь. Местная политика была малопонятной и примитивной, австралийцы держались вежливо, но непроницаемо и отстраненно. Они придерживались очень строгой морали — вплоть до того, что мужчины и женщины на общественных мероприятиях не общались и уж тем более не флиртовали. Иммигрантам — а большинство из них раньше жили в городских квартирах или в сельской местности — здесь пришлось самим кропотливо возводить простенькие домики на маленьких участках за чертой города. У белых русских практически вся социальная жизнь протекала в местных церквах, возведение которых руками самих прихожан часто растягивалось на долгие годы и становилось средоточием общинной жизни. Те, кому повезло жить в крупных городах (что красные, что белые), могли поесть по выходным борща и пирожков в Русском клубе, а еще в клубе иногда устраивались концерты с казачьими танцами, балалаечниками и джаз-бандом, когда-то выступавшим в Шанхае.

Австралия, какой бы скучной и чужой она ни была²⁸, стала для переселенцев тихой гаванью, надежным прибежищем. Но что значило быть русским, живя в Австралии, еще пред-

стояло понять. Харбинцы с ностальгией вспоминали прошлое и отправляли детей в субботние русские школы, чтобы те не забывали родной язык. А вот ди-пи из Европы — особенно родившиеся в СССР — напротив, часто вовсе не обучали своих детей русскому, даже когда взрослые дома продолжали говорить друг с другом по-русски.

Чтобы стать настоящим австралийцем, лучше всего было о многом забыть напрочь. Это правило касалось всех иммигрантов, но в особенности европейского контингента ди-пи. О навыках, полученных за время жизни в полицейских государствах, о привычках изворачиваться, чтобы выжить в трудных условиях военного времени, доставать продукты на черном рынке или самим заниматься мутными махинациями в теневой сфере, где пересекались эмигрантские сообщества и международные сети разведслужб, — обо всем этом лучше было забыть как можно скорее. Те, кто переменял имя и национальную принадлежность, желали навсегда похоронить свое прошлое; те, кто воевал под германскими знаменами или когда-то восхищался нацистами, хотели, чтобы и эти эпизоды были надежно погребены — или, по крайней мере, чтобы в Австралии о них никто не знал. Приехавшие из Европы русские иммигранты держались тише воды ниже травы и почти ничего не рассказывали о своем прошлом — часто даже собственным детям, так что те, уже повзрослев, всерьез задумывались о происхождении своих родителей и не могли ответить на многие мучившие их вопросы²⁹. Тем же, кто оставил за океаном жен и детей, а позже вступил в новый брак и снова имел детей, приходилось изо всех сил забывать и эти личные драмы; иногда они упорствовали в этом нарочитом беспамятстве, хотя жены, покинутые ими в СССР, отчаянно силились узнать, живы ли их мужья. Приезжавшие в Австралию русские из европейских лагерей ди-пи часто были или молодыми одиночками, или супружескими парами, которые познакомились и поженились в лагерях ди-пи и не имели родственных связей за пределами новоиспеченной семьи, как и общей истории, и порой даже сами партнеры знали друг о друге далеко

не все. Совершенно иначе обстояло дело у китайских русских, особенно у харбинцев: те обычно приезжали большими сплоченными семьями, и происхождение каждого было уже хорошо (пусть и не всегда абсолютно точно) известно остальным членам группы.

Был и еще один специфический фактор, ограничивавший свободу воспоминаний у послевоенного поколения иммигрантов: дело в том, что сексуальные и социальные нормы поведения в европейских лагерях ди-пи, да и в русском Шанхае, очень отличались от таковых норм, принятых в 1950-е годы в Австралии. В Европе молодые ди-пи, как правило, без лишних раздумий вступали в интимные связи, причем часто руководствовались не только влечением, но и расчетом; временные браки, аборт и рождение внебрачных детей были среди них самым обычным делом. В Германии молодые и (фактически) одинокие перемещенные лица мужского пола пользовались большим спросом как половые партнеры, в том числе у немок, чьи мужья и любовники погибли на войне. Одинокие женщины, угнанные в Германию в качестве рабочей силы, нередко имели вереницу партнеров-покровителей: начиналось обычно с немца (во время войны), заканчивалось (у самых удачливых) американцем из оккупационных войск, а между ними они встречались с ди-пи самых разных национальностей. Такими эпизодами биографии обычно не делятся с потомками, не выпячивают их в мемуарах, хотя не раз бывало, что кто-то из детей бывших ди-пи рассказывал близким, как случайно наткнулся на чудом сохранившийся фотоснимок и опешил, увидев на нем свою мать в ее бытность ди-пи: элегантно одетую, с макияжем, флиртующую за бокалом шампанского с американцами в их офицерском клубе³⁰. Подобные сцены часто выпадают и из картин эпохи, воссоздаваемых историками. Редкое исключение представляет книга Атины Гроссман о евреях ди-пи в Германии³¹, но ни в коем случае не следует думать, будто подобное происходило только с евреями. Это был феномен, характерный для всех ди-пи за исключением лишь тех немногих (в основном латышских) лаге-

рей ди-пи, где существовала строгая самодисциплина и преобладали семьи, а не одинокие молодые мужчины и женщины.

У китайских русских не было опыта жизни в лагерях ди-пи (за одним аномальным исключением той группы, что была перевезена в 1949 году из Шанхая в джунгли на Тубабао), но в 1930—1940-е многим из них довелось стать частью известного своей скандальной вседозволенностью шанхайского общества. Распущенные нравы, пьянство и наркомания, махинации на черном рынке, рыщущие агенты разведки, похищения людей и даже убийства — из всего этого складывался образ Шанхая. В глазах других иностранцев русские женщины, сколь бы знатного происхождения они ни были, выглядели чуть ли не проститутками, а их мужья, бывшие офицеры, — пьяницами и бездельниками. Конечно же, это были карикатурные образы, но, можно не сомневаться, многие русские шанхайцы предпочитали, чтобы их новые соседи по Окли* или Хоумбушу не знали об их прошлом во всех подробностях. Русским в Австралии иногда нравилось ностальгировать по миру, который они потеряли, — по императорской России с ее воинской доблестью, державным могуществом и православной верой, то есть по всему тому, что потонуло в водовороте войны и революции. Но этот мир, со временем даже в воспоминаниях старшего поколения покрывшийся туманом вымысла и украшения, молодым поколениям был вообще незнаком. Чаще всего им была знакома только шаткая, ненадежная, полная финансовых невзгод жизнь в эмиграции, в съемных комнатах с недружелюбными квартирными хозяйками, пусть даже в экзотических странах, космополитических городах с бурной ночной жизнью, откуда можно было добраться и до живописных загородных мест.

Но не все подлежало забвению — было и такое, что вспоминали с удовольствием. Для харбинцев это была жизнь, навсегда оставшаяся в прошлом, в Маньчжурии. Конечно, то были первые годы изгнания, но непостижимым образом

* Окли — пригород Мельбурна. (Прим. ред.)

русским удалось создать столь своеобразную среду обитания, что в итоге посреди Китая возник настоящий русский город. Все эмигранты — и русские ди-пи, и китайские русские — охотно ходили на советские фильмы, чтобы хоть мельком, с неизбежными для кино искажениями, но увидеть некогда знакомый мир, в котором люди говорят на родном языке. Даже те, кто ненавидел советский режим, ходили на концерты советских скрипачей и пианистов, начавших в 1960-е годы активно гастролировать по Австралии, на выступления советских балетных трупп или казачьих хоровых коллективов. А после представлений артистов часто приглашали в Русский общественный клуб (и со временем, возможно, и в Русский клуб в Стратфилде).

Пожалуй, самым странным проявлением ностальгического желания ощутить себя русскими стали прогулки в гавань с целью поговорить с русскими моряками, когда в австралийские порты начали заходить советские суда. Это происходило достаточно регулярно после того, как между СССР и Австралией возобновилась торговля, и в декабре 1950 года “Дмитрий Донской” привез 4 000 тонн сульфита аммония (для производства удобрений) из Восточной Германии и взял на борт 5 000 тонн пшеницы для Египта. Это было первое советское судно, которое вошло в гавань Сиднея после многолетнего перерыва с 1943 года. По всей стране газеты сообщали об этом событии со смесью любопытства и осуждения, и многие попытались взять интервью у капитана Драбкина и (с меньшим успехом) у сорока шести членов его экипажа (“сплошь коммунисты”). Репортаж о Драбкине получился живым и эмоционально окрашенным: капитан приручил самку кенгуру-валаби, которую назвал Микки, и к тому времени, когда судно пришло из Кэрнса в Сидней, она “повсюду ходила за ним” и “уже понимала по-русски”. (Позднее Драбкина отстранили от командования за слишком вольные беседы с австралийскими журналистами³².) Русский общественный клуб устроил прием для двадцати пяти моряков с “Дмитрия Донского” в доме Клюдницких в Розвилле³³. Для клуба

это стало традицией, и на его представительницу Беллу Вайнер, коммунистку, возложили особую обязанность приходить в порт и лично приглашать советских моряков. То же самое делали в Мельбурне люди из Общества австралийско-советской дружбы.

Но встречать советские корабли, приходившие в Сидней и Мельбурн, приходили не только те, кто симпатизировал СССР. Являлись туда и активисты НТС, чтобы вручить морякам запрещенную литературу и тем самым подорвать их верность коммунистическому строю. Ходили в порт и обычные русские — просто чтобы услышать русскую речь и, быть может, узнать что-нибудь о жизни в Советском Союзе. Родители Наташи Нил, русские из давних китайских эмигрантов, были в целом аполитичны, “к коммунизму относились неоднозначно”. Они сами никогда не жили в Советском Союзе, но все равно чувствовали, что там их родина. Они готовы были критиковать СССР в разговорах друг с другом, но когда его ругали чужие, тут же принимались его защищать. Когда стали приходить русские корабли, Наташин папа отправлялся в порт, приглашал моряков к себе домой и потом расспрашивал их о том, как дела на родине³⁴. Когда столько пластов прошлого оказалось предано забвению, очень важно было помнить хоть что-то о далекой русской/советской родной стране, пусть даже многим она была знакома лишь понаслышке.

Статистические замечания

Масштабы послевоенной миграции русских трудно оценить точно. Когда речь идет о перемещенных лицах из Европы, историк на каждом шагу оказывается в тупике из-за носившего массовый характер феномена — ложных показаний о собственной национальной принадлежности. Как выразился Эндрю Джанко, “попытки советских беженцев укрыться от внимания сотрудников репатриационных служб привели к тому, что они не оставили следа и в исторических анналах”¹. Но есть и другие сложности, проистекающие из свойств самих исторических записей и тех статистических данных, которые регистрировались.

В IRO вели свой счет беженцев, отправлявшихся в Австралию по программе массового переселения, а министерство иммиграции Австралии считало количество въехавших в страну беженцев по-своему (Таблица 2). Свои подсчеты велись даже в СССР, и согласно им, на 1 января 1952 года Австралия из всех стран мира была самым популярным направлением для перемещенных лиц — выходцев из СССР (Таблица 2) и лидировала, опережая США и Канаду как желанное место для переселения в глазах всех перемещенных советских граждан, включая украинцев и прибалтов: общее количество переехавших туда лиц превышало 50 тысяч². В СССР данные поступали от советского ведомства, занимавшегося репатриацией (его задачей было помешать переселению советских граждан в другие страны и добиться их возвращения на родину), и на чем они основывались, неясно. Что касается IRO и ав-

стралийского министерства иммиграции, их классификация людей по национальному признаку опиралась на показания — текущие или зафиксированные ранее — самих людей, желавших переселиться. Таким образом, ни одну из этих учетных систем нельзя считать ни надежной, ни определяющей.

Значимыми для IRO и Австралии категориями, которые они использовали для классификации перемещенных лиц и вносили в карточки, служившие затем удостоверениями личности, были: “русский”, “украинец” и “лицо без гражданства”. (Советские чиновники не использовали категорию “лицо без гражданства” в своих отчетных данных, поскольку, даже если бывшие советские граждане со временем получали документы, в которых числились лицами без гражданства, это не меняло их статуса в глазах советского государства, а учетом русских эмигрантов довоенной волны, которые никогда не были советскими гражданами, в СССР вообще не занимались.) Как уже говорилось в начале этой книги³, понятие “украинец” как отдельная национальная категория оставалось весьма неоднозначным, и в лучшем случае тех, кто оказался записан украинцами, трудно отделить от русских. В обстановке лагерей ди-пи люди часто предпочитали называть себя украинцами, потому что для тех, кто желал избежать репатриации в Советский Союз, это было безопаснее, чем назваться русскими (ведь жители Западной Украины до войны были гражданами Польши, а не СССР). Путаницу усугубляло еще и то, что в австралийских статистических материалах украинцы как особая национальная категория не фигурировали вплоть до середины 1947 года; впервые в переписи населения Австралии они появились в 1954 году, а в 1966-м снова исчезли; до и после этих дат всех украинцев просто записывали русскими. Категория “русские” тоже была лишена однозначности, поскольку в нее часто попадали любые советские граждане: белорусы, татары, армяне и казахи, не говоря уж о советских украинцах. Лицами без гражданства в IRO записывали главным образом русских эмигрантов довоенной волны, имевших нансеновские паспорта. В австралийских записях этому понятию бо-

лее или менее соответствует категория “назвавшиеся лицами без гражданства”, использовавшаяся в 1950-е годы.

Согласно данным IRO (Таблица 2), по программе массового переселения в Австралию въехали почти 9 000 русских (советских граждан и лиц без гражданства)⁴. Но важно по-

Таблица 2. Русские, украинцы и лица без гражданства среди мигрантов, прибывших в Австралию по программе массового переселения в 1947–1951 гг.

	IRO	Kunz/DOI	СССР*
Русские	4 944	3 393	5 700
Украинцы	19 607	14 436	12 881
Лица без гражданства	3 986**	4 163	не прим.
Всего	28 537	21 992	21 495***
Всего в % от общего количества мигрантов, прибывших в Австралию по программе массового переселения	15,7	12,9	(11–12)

IRO: LOUISE W. HOLBORN. The International Refugee Organization, 1956, Annex 41, Resettlement: Country of Destination and Country of Citizenship. Pp. 437–439. Примечание: в это количество включены 2 908 русских, переселенных стараниями IRO с Дальнего Востока, в том числе с Тубабао (Р. 433), а также, возможно, неизвестное количество мигрантов, ехавших под эгидой IRO, но имевших разрешение на высадку. Kunz/DOI: Непубликованные данные из документов министерства иммиграции Австралии, которые приводятся в: EGON F. KUNZ. *Displaced Persons*, 1988, получены из таблицы 4.1 (Nationalities of Displaced Persons Arriving in Australia under the Mass Resettlement Scheme. Р. 43). СССР: В. Н. ЗЕМСКОВ. Вторая эмиграция и отношение к ней руководства СССР 1947–1955 // *История российского зарубежья: Эмиграция из СССР — России*. М., 2007. С. 71–72. С использованием данных комиссии по репатриации при Совете Министров СССР, 1 января 1952 года

не прим. = не применялось

* Эти данные относятся к переселенным ди-пи, которые являлись советскими гражданами до начала Второй мировой войны. Эмигранты довоенной волны здесь не учтены.

** 1 513 лиц без гражданства + 2 383 мигранта с нансеновскими паспортами.

*** Включая 1 062 белоруса и 852 других советских гражданина (исключая уроженцев Прибалтики).

нимать, что не все русские перемещенные лица, приехавшие в те годы в Австралию, прибывали туда по программе массового переселения. Многие приезжали, имея разрешения на высадку, или как мигранты, опирающиеся на чье-то содействие (за пределами программы для ди-пи, но с поддержкой какой-либо организации), или как мигранты самостоятельные, без содействия (то есть без поддержки какой-либо организации). Хотя чаще всего способ прибытия с одним только разрешением на высадку практиковали евреи из числа ди-пи (в силу того, что правительство Австралии всеми силами старалось не допускать их до участия в программах массового переселения), прибегали к этому каналу и русские эмигранты, особенно те, кому не позволяли участвовать в программе массового переселения из-за подозрений в коллаборационизме)⁵.

Если прибавить сюда ежегодные данные о въехавших в Австралию за период с 1947 по 1951 год (включающие и мигрантов с правом высадки, и тех, кто приезжал по программе массового переселения), то мы получим общее число — почти 20 тысяч русских и украинцев, плюс еще 13 тысяч человек, записанных лицами без гражданства⁶. В работе Кунца, впрочем, фигурирует количество почти вдвое меньшее (с опорой на те же данные австралийского министерства иммиграции), но учтены только прибывшие по программе массового переселения. Но, как заключил сам Кунц, его данными, относящимися к массовому переселению, картина послевоенной русской иммиграции отнюдь не исчерпывается. Наряду с 3526 иммигрантами, зарегистрированными как русские и приехавшими по программе массового переселения за период с 1947 по 1954 год, он обнаружил еще 3532 русских из категории “мигрант с содействием” и еще 3000 человек — “без содействия”. Это не считая украинцев, или почти 11 тысяч мигрантов, записанных лицами без гражданства или обладателями нансеновских паспортов, из которых многие наверняка были русскими⁷. Хотя эти данные и относятся к более протяженному периоду, чем те, что приведены в Таблице 2, они тем не менее дают ясное представление о том, что коли-

чество мигрантов, объявлявших себя русскими и прибывавшими вне программы массового переселения, было весьма значительным.

Однако не все русские объявляли себя таковыми. Невверное указание своей национальной принадлежности было в европейских лагерях ди-пи массовым явлением, и оно продолжало существовать в процессе иммиграции в Австралию и другие страны, куда переселялись перемещенные лица. Особенно склонны были утаивать свое истинное происхождение те советские русские, которые боялись репатриации: чаще всего они выдавали себя за поляков, за русских эмигрантов довоенной волны и за украинцев (поскольку выходцы с Западной Украины не подлежали репатриации). В разных главах этой книги приводилось множество примеров таких подлогов. Но, конечно, это означает, что к статистическим данным, собранным международными организациями и австралийскими властями, следует относиться с большой осторожностью. Показательным случаем является разделение иммигрантов на русских и украинцев. В статистических данных, собранных ИРО и австралийцами (Таблица 2), соотношение между въехавшими в страну русскими (включая лиц без гражданства) и украинцами — 1:2, но в советских данных оно ближе к 1:1, и это притом что в советскую категорию русских не включены эмигранты довоенной волны. Можно почти не сомневаться, что соотношение, вычисленное в СССР, ближе к истине. В лагерях ди-пи русским было выгодно называться украинцами, а вот у украинцев не было ни малейших оснований выдавать себя за русских, и в итоге количество украинцев, фигурирующее и в международной, и в австралийской статистике, скорее всего, сильно завышено, а количество русских — сильно занижено. Как мы увидим позже, когда речь пойдет о данных переписи населения, некоторые из этих “украинцев” после прибытия в Австралию вновь сделались “русскими”.

И русским, и советским украинцам было выгодно (в частности, чтобы избежать репатриации) выдавать себя за поля-

ков или за представителей других несоветских славянских народов, а у западных украинцев, родившихся в Польше, даже имелось на это почти законное право (хотя в СССР их и считали советскими гражданами, в послевоенной Польше, напротив, никто их не ждал). Согласно одному обзору лагерей ди-пи в послевоенной Германии, доля официально признанных поляками ди-пи, которые в действительности являлись советскими гражданами (русскими и украинцами по национальности), в разных лагерях составляла от 3 до 30 %⁸. Среди мигрантов, прибывших после войны в Австралию по программе массового переселения, согласно статистике IRO, более 60 тысяч человек были записаны поляками⁹. Вероятно, в их число были включены тысячи русских и украинцев, приехавших по польским документам¹⁰.

В лагерях ди-пи советские русские могли также выдать себя за эмигрантов довоенной волны. В 1946 году у 83 % ди-пи в лагере Мёнхегоф в Германии имелись документы лиц без гражданства (полученные стараниями русских эмигрантов, управлявших этим лагерем), хотя, судя по материалам одного исследования, 72 % всех находившихся в лагере были в действительности советскими гражданами¹¹. Те, кто надевал эту маску, чтобы избежать обнаружения, с высокой степенью вероятности продолжали носить ее и в дальнейшем и из опасения, что их разоблачат представители советских ведомств, и потому что в Австралии периода холодной войны жить под такой эмигрантской личиной было удобнее, чем слыть выходцем из СССР. В Таблице 2, где категория “русские” соответствует и русским советского происхождения, и русским эмигрантам без гражданства, соотношение между этими двумя группами составляет приблизительно 1:1 (в статистике IRO советских русских насчитывается больше, а в статистике австралийского министерства иммиграции крен, наоборот, наблюдается в сторону эмигрантов). Но очень трудно поверить, что в послевоенной Германии и Австрии на самом деле находилось столько же настоящих русских эмигрантов, сколько и русских перемещенных лиц, попавших туда помимо своей

воли в качестве военнопленных или оstarбайтеров, так что остается лишь предположить, что в действительности доля советского контингента значительно превышала 50 %.

Среди украинцев было гораздо меньше эмигрантов довоенной поры, но с ними возникало дополнительное затруднение: категория “украинцы” распадалась на две группы — восточных украинцев, которые являлись советскими гражданами с 1920-х годов, и западных, которые получили советское гражданство только в 1939 году. (СССР причислял к своим гражданам обе группы, но лишь представители первой были воспитаны как советские граждане, а большинство представителей второй группы были настроены решительно против присоединения их региона к Советскому Союзу.) По подсчетам российского историка В. Н. Земскова, около трех четвертей ди-пи, записанных украинцами, были родом из недавно присоединенных областей Западной Украины, и лишь одна четверть — из тех областей Украины, что входили в состав СССР еще до войны; согласно же статистике IRO и министерства иммиграции Австралии, это соотношение составляло примерно 70:30¹².

До сих пор наше внимание было сосредоточено на послевоенной волне русских иммигрантов, прибывших в Австралию из Европы. Но к общему количеству иммигрантов следует прибавить и тех русских, что приехали из Китая. Все они были белыми, среди них практически не попадалось бывших советских граждан¹³, и не было сколько-нибудь заметного украинского компонента. За 1945–1946 годы в Австралию приехало всего несколько сотен русских, вероятно, большинство из Китая¹⁴. В шанхайском консульстве записали, что 766 перемещенных лиц были отправлены в этот период из Шанхая в Австралию, и в их числе были русские и русскоязычные евреи, но большинство, вероятно, составляли германские и австрийские евреи, которые провели годы войны в Шанхае и теперь были главным объектом заботы международных благотворительных организаций¹⁵. За 1947–1951 годы, согласно IRO, Австралия приняла почти 3 000 европейских беженцев из Ки-

тая, многие из них были русскими или русскоязычными евреями¹⁶. В эту группу входили русские, прибывшие из Шанхая через Тубабао (1699 человек) и включенные в статистику ИРО в общее количество иммигрантов, въехавших по программе массового переселения (см. Таблицу 2).

Вплоть до 1951 года (последнего года, в течение которого действовала программа массового переселения ИРО), европейский поток русских иммигрантов в Австралию был намного шире, чем аналогичный поток из Китая. Однако с 1952 года поток беженцев, остававшихся под опекой ИРО, истончился до скудного ручейка, зато из Китая стало приезжать намного больше людей. В 1950-е годы из Китая прибыли около 5000 русских (см. Таблицу 3), наиболее “урожайными” годами стали 1957-й и 1959-й. Русские продолжали приезжать из Китая в значительных количествах и в начале 1960-х (в 1961–1962 годах — по 1200 человек ежегодно), а потом их количество снизилось до двузначных и, наконец, с 1966 года, — до однозначных чисел¹⁷. Главной организацией, занимавшейся этими миграционными потоками, был Всемирный совет церквей¹⁸, и в ту пору многие семьи воссоединялись: китайские русские, обосновавшиеся в Австралии раньше, выступали поручителями тех родных и близких, кто еще оставался за границей. За период между переписями населения в 1954 и 1961 годах увеличившееся число людей, указавших своим вероисповеданием православие, а местом рождения страны Азии (на 5236 человек — по сравнению с 7440 в 1951 году)¹⁹, соответствует (с небольшим превышением) количеству белых русских, за те же годы приехавших в Австралию из Китая (Таблица 3). За 1952–1953 годы, согласно данным от Верховной комиссии по делам беженцев ООН, Австралия приняла 8746 беженцев с Дальнего Востока²⁰, большинство которых составляли русские из Китая.

Дополнительным источником информации о количестве иммигрантов, въехавших в страну, служат данные переписей населения Австралии, проводившихся в 1933, 1947, 1954 и 1961 годах (см. Таблицу 4), хотя здесь дело осложня-

Таблица 3. Русские иммигранты из Китая, 1951–1960 годы

Год	Все иммигранты из Китая	Все русские иммигранты	Белые русские, приехавшие из Китая
1951	1 219	1 267	258**
1952	877	682	
1953	691	523	398
1954	416	283	241
1955	267	105	90
1956	661	934*	342
1957	1 695	1 423	1 440
1958	895	583	692
1959	1 420	996	1 259
1960	666	606	536
Всего	8 807	7 402	5 256

Источники: Количество всех иммигрантов из Китая и всех русских иммигрантов подсчитано Австралийским бюро статистики (*Demography Bulletin*. № 69–78, 1951–60. *Overseas Arrivals and Departures: Country of Last Permanent Residence, Nationality*). Количество прибывших из Китая белых русских выявлено в: NICHOLAS PITT. *White Russians from Red China, Resettling in Australia, 1957–1959*, MA thesis, ANU, 2018. P. 151. Table 5 (на основании неопубликованных данных, собранных Всемирным советом церквей).

* В 1950-е годы из страны ежегодно уезжало в среднем по 100 русских, за необъяснимым исключением 1956 года, когда уехали 638 русских.

** Данные за 1951–1952 годы

ется терминологическими сдвигами, поскольку в переписи 1947 года в качестве значимой категории “место рождения” приводилась только Россия, а в 1954 году уже предоставлялся выбор из двух вариантов: СССР и Украина. Если исходить из приблизительного соответствия между данными для России в 1947 году и совокупными данными для СССР и Украины в 1954 году, то получается, что прирост составил

почти 23 тысячи человек²¹. Если же ориентироваться на национальность — категорию, применявшуюся только к иностранцам, или ненатурализованным жителям страны, то выходит, что количество русских и украинцев увеличилось почти на 21 тысячу человек. Эти количественные оценки сопоставимы с теми, что относятся к послевоенной миграции и приводятся в Таблице 2 (хотя количество украинцев относительно русских оказывается выше более чем вдвое), и в них наблюдается тот же фактор искажения из-за ложной информации, которую давали новые иммигранты о месте своего рождения и о своей национальной принадлежности.

За период между переписями 1954 и 1961 годов доля родившихся в Европе жителей Австралии, указывавших местом своего рождения Украину, снизилась почти на 6 %, тогда как доля тех, кто указывал местом своего рождения СССР, увеличилась почти на 20 %²². Трудно предположить иную причину такого скачка, кроме того явления, которое Эгон Кунц назвал “перепрыгиванием из одной категории в другую” со стороны респондентов, участвовавших в переписи²³. Это не единственная аномалия в данных переписей, которая связана с Украиной: когда в 1954 году была впервые введена категория “украинцы”, обособленная от остальных уроженцев России/СССР, количество ненатурализованных иммигрантов, называвших себя украинцами, резко возросло по сравнению с теми, кто называл себя русскими (Таблица 4). С точки зрения обычной статистики такой результат попросту необъясним, учитывая, что к моменту переписи 1961 года соотношение русских и украинцев среди ненатурализованных и натурализованных иммигрантов вновь вернулось к приблизительному паритету²⁴. Наверное, именно эта аномалия побудила австралийских статистиков ввести некоторые новые разграничения при проведении переписи 1961 года: в частности, между “национальностью в соответствии с местом рождения” и “национальностью, не являющейся титульной для страны рождения”. Притом что 74 % представителей группы ненатурализованных выходцев из Европы в целом (за вычетом ро-

Таблица 4. Данные из переписей населения Австралии: люди, родившиеся в России (СССР) и на Украине или назвавшие себя русскими или украинцами, 1933–1961 годы*

Год	Место рождения			Национальность	
	СССР	Украина	Россия***	Русские	Украинцы
1933	—	—	4 890	2 055	—
1947	—	—	4 976	543	—
1954	13 091	14 757	(27 848)	4 251	17 239
1961	15 623**	13 866**	(29 489)	4 586	5 035

Источники: Данные Бюро переписей населения и статистики стран Содружества, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1933*. P. 844, *Nationality of Persons Recorded in Each State and Territory [Foreign]*; 30th June 1947, p. 787, *Australia — Nationality [i.e. Allegiance]*; 30th June 1954. Pp. 175–176: *Nationality of Population [Foreign]*; 30th June 1961, p. 153, *European-Born Population of Australia according to Countries of Birth*. Pp. 178–179, *Nationality of Population in Urban and Rural etc. Divisions of Australia, 30th June, 1961 [Foreign-born]*.

* Все данные, кроме помеченных значком **, относятся только к ненатурализованным иммигрантам.

О статистических данных по натурализации см. ниже, прим. 23.

** Включая натурализованных (9 882 — СССР и 9 207 — Украина)

*** Россией в переписях населения Австралии до 1947 года обозначали Российскую империю, включавшую в себя Украину.

дившихся в СССР и на Украине) указали свою национальность в соответствии с заявленным местом рождения, лишь 25 % тех, кто указал местом своего рождения Украину, назвали себя украинцами, и лишь 48 % тех, кто указал местом своего рождения СССР, назвали себя русскими²⁵.

Подавляющее большинство русских, как и многие украинцы, скорее всего, могли указывать своим вероисповеданием православие. К сожалению, это не очень-то помогает выявить вероятное количество русских среди посчитанных при опросе людей, поскольку до 1954 года австралийские статистики не признавали греческое или русское православие

как отдельные религиозные конфессии. Когда новую категорию наконец добавили, она называлась “греческое православие” (хотя в нее явно включили и русскую, и другие ветви православия), и в стране уже находилось 74 745 человек, относивших себя к этой конфессии²⁶. Количество православных продолжало неуклонно расти — к 1961 году их насчитывалось уже 154 924 человека, но на эти годы пришелся пик иммиграции из Греции, не говоря уже о Сербии, и потому долю русских в этом потоке вычленить нелегко. В 1961 году среди жителей Австралии насчитывалось 77 022 человека, родившихся в Греции²⁷, а значит, примерное такое количество православных верующих следует распределить по разным другим категориям, включая детей тех, кто родился в Греции, и сербов (почти 50 тысяч человек указали местом своего рождения Югославию, но к их числу относились также хорваты-католики и мусульмане), а также русских. Из информации, собранной при переписи 1961 года, можно почерпнуть лишь приблизительные сведения о китайских русских: из респондентов, назвавших своим вероисповеданием греческое православие, 12 642 человека указали местом своего рождения страны Азии. Из данных той же переписи можно узнать, что 67 244 православных родились в Греции, 2 404 — в Германии, 2 248 — в Польше, а 26 695 — в других странах Европы (включая Россию и Югославию, количество уроженцев отдельных стран не уточняется)²⁸.

Поскольку правительство Австралии всячески пыталось воспрепятствовать въезду в страну евреев, считается, что эти попытки оказались удачными. На деле же вклад Австралии в дело переселения еврейских беженцев оказался в итоге весьма значительным (независимо от воли ее руководителей). В 1951 году один статистик из министерства иммиграции, в частном порядке отвечая на вопросы Артура Колуэлла, сообщил, что по программе массового переселения в страну въехали 6260 евреев-мигрантов, плюс еще 13 650 евреев из всех стран, кроме Британии, прибыли с разрешениями на высадку за период с 1945 по 1950 год; таким обра-

зом, лишь за эти годы в Австралию въехали почти 20 тысяч евреев²⁹. В австралийской переписи 1954 года было зафиксировано, что с 1947 года число людей, исповадавших иудаизм, выросло на 16 417 (с 32 019 до 48 436), а перепись 1961 года показала дальнейшее увеличение их количества до 59 329; таким образом, видно, что за период с 1947 по 1961 год общий прирост еврейского населения Австралии, вызванный иммиграцией и естественным ростом, составил 27 310 человек³⁰.

Вероятно, 2 963 еврея, прибывшие из стран Азии, были главным образом русскоязычными переселенцами из Китая³¹, а вот по данным, относящимся к выходцам из Европы, уже намного труднее угадать, сколько же среди них могло быть иммигрантов российского происхождения или преимущественно русскоязычных³². По всей вероятности, количество родившихся в России/СССР было относительно невелико, особенно по сравнению с многочисленными контингентами уроженцев Польши и других восточноевропейских стран, не говоря уж о тысячах евреев, уехавших в Австралию из Венгрии в 1956 году. В еврейских лагерях ди-пи в Европе лишь 1–2 % признавали, что ранее жили в России или имели советское гражданство³³. Среди тех евреев ди-пи, кто после войны получил разрешение на высадку в Австралии, количество тех, кто называл себя русскими, было совсем маленьким (177 человек, тогда как поляками себя называли 9 497 человек), хотя более многочисленная группа (2 640 человек) записалась лицами без гражданства³⁴. В этой польско-еврейской группе, без сомнения, было множество родившихся в Польше русскоязычных евреев, которые прожили военные годы в СССР (и в некоторых случаях получили советское гражданство), покинули СССР в 1945–1946 годах и некоторое время провели в лагерях перемещенных лиц на территории Германии и Австрии, после чего перебрались в Австралию³⁵. С некоторыми из них мы уже встречались — они посещали левацкий Русский общественный клуб в Сиднее³⁶.

Поскольку осмысление данных, собранных о русских иммигрантах в Австралии, чрезвычайно затруднено, мы

никогда не сможем установить точно, сколько же их было. С 1947 по 1954 год, согласно данным переписей, количество живших в Австралии иностранцев, указавших местом своего рождения Россию/СССР и Украину (Таблица 4), увеличилось примерно на 23 тысячи человек, и к ним следует прибавить еще 1 000 человек, натурализовавшихся за этот же период³⁷, так что общее количество приближается к 24 тысячам. Однако в это число не вошли те русские, что родились за пределами России/СССР, — иными словами, многие из эмигрантов довоенной волны. Некоторое представление об их количестве можно получить благодаря чистому миграционному показателю (разнице между количеством въехавших и выехавших) за тот же период, полученному министерством иммиграции Австралии, а он составил около 28 тысяч русских, украинцев и лиц без гражданства³⁸. В статистических данных за первые послевоенные годы не делалось различия между русскими и украинцами, но в 1950 году, когда это разграничение было проведено, соотношение между русскими — вместе с лицами без гражданства — и украинцами оказалось почти 1:1. Таким образом, за период между переписями 1947 и 1954 года количество въехавших и оставшихся в стране русских/лиц без гражданства превысило 14 тысяч, причем русских оказалось больше на 2–3 тысячи человек. Если предположить, что помимо них еще около трех тысяч (по самым скромным оценкам) русских въехали по подложным документам, где была вписана другая национальность, то получится, что с 1947 по 1954 год в Австралию въехали около 20 тысяч русских.

Что касается европейских русских, то в те годы послевоенный поток иммигрантов в Австралию из Европы уже почти иссяк. Зато китайские русские продолжали прибывать, и за следующий промежуток времени между переписями (1954–1960) в страну въехали около пяти тысяч русских (см. Таблицу 3), за счет чего общее количество русских, въехавших в Австралию за период с 1945 по 1960 год, приблизилось к 25 тысячам, тогда как чистое количество иммигрантов оказалось на 3–4 тысячи ниже.

Это согласуется с данными эксперта, сообщавшего в начале 1970-х годов, что численность русской общины в Австралии составляет, “по всеобщему мнению”, около 25 тысяч человек³⁹. По его оценкам, около половины этих русских приехали из Европы, а вторая половина — из Китая. Это кажется вполне правдоподобным, учитывая, что из Китая русские продолжали приезжать и в 1960-х годах⁴⁰. Однако не следует забывать, что перемещенные лица из Европы, особенно выходцы из СССР, очень часто неверно указывали свою национальную принадлежность, а вот среди китайских русских этого явления не наблюдалось, поэтому количество китайских русских, в отличие от европейских, не подлежит систематическому занижению.

Библиография

Архивы

Архив Ивана Николаюка, частный архив, принадлежащий Георгию (Юре) Николаюку, Бинак, штат Виктория.

Archives nationales, Paris (AN), *IRO archives*, AJ/43 — Национальный архив, Париж, Франция.

Бюро по делам российских эмигрантов в Манчжурской империи (БРЭМ),

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Хабаровск.

Georgetown University (USA), *Special Collections*, *Victor Baydalakoff Papers* — Джорджтаунский университет, США, особые коллекции, архив Виктора Байдалакова

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Москва, Фонд 9526 (Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации).

International Tracing Service (ITS), *Arolsen Archives*, *Bad Arolsen, Germany* — Международная служба розыска, архив Арользена, Бад-Арользен, Германия.

London School of Economics and Political Science (LSE) *Special Collections*, *NTS materials* — Лондонская школа экономики и политических наук, Особые коллекции, материал НТС.

National Archives of Australia (NAA), *Canberra and New South Wales branches* — Национальный архив Австралии, филиалы в Канберре и Новом Южном Уэльсе.

National Archives, United Kingdom (NAUK) — Британский национальный архив

National Library of Australia (NLA), *for Calwell Papers*, MS 4738 —

Национальный архив Австралии, архив Колуэлла, MS 4738

Shanghai Municipal Police Archives (SMPA), *online* — Архив муниципальной полиции Шанхая, онлайн

University of Queensland, Fryer Library, Archives (UQFL), Raphael Cilento Papers — Университет Квинсленда, Библиотека Фрайер, Архив (архив сэра Рафаэля Силенто)

United Nations Relief and Rehabilitation Administration Archives (UNRRA), part of United Nations Archive, New York — Архив ООН, Нью-Йорк, Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций

Базы данных

China Route Database — составлена Жюстин Гринвуд для *ARC Discovery project*.

Russian European Database — составлена Джейн Першнан и Жюстин Гринвуд для *ARC Discovery project*.

Интервью

Данные Шейле Фицпатрик

Маргаритой Адам (урожденной Сивартс), Мельбурн, 7 июля 2018 г.

Эндрю Андерсоном, Сидней, 20 августа 2017 г.

Покойным Ларри Бэггом, Мельбурн, 7 марта 2016 г.

Покойной Наталией Баич, Пламpton, штат Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.

Покойным Андрисом Бичевским, Брисбен, 30 июля и 1 августа 2007 г.

Алексом Ильиным, Гринсборо, штат Виктория, 8 июля 2018 г.

Кристианом Айрлендом, Берлин, Германия, 3 ноября 2015 г.

Анастасией Кощевской, Санкт-Петербург, Россия, 9 июня 2019 г.

Галиной Кучиной, Хитмонт, штат Виктория, 27 октября 2018 г.

Натаном Мошинским, Мельбурн, 27 апреля 2016 г.

Сэмом Мошинским, Мельбурн, 7 марта 2016 г.

Гэри и Мариной Нэш, Сидней, 24 мая 2015 г.

Наташей Нил (урожденной Гинч), Гисборн, штат Виктория, 26 октября 2018 г.

Тамарой Нил, Сидней, 21 сентября 2017 г.

Георгием Николаюком, Бинак, штат Виктория, 26–27 августа 2019 г.

Алексом Селеничем, Мельбурн, 8 марта 2016 г.

Татьяной Торлиной, Сидней, 4 августа 2019 г.

Данное Шейле Фицпатрик и Рут Балинт

Ларри Сицким, Канберра, 9 февраля 2017 г.

Данное Екатерине Хит

Игорем и Аллой Савицкими, Сидней, 2 мая 2019 г.

Неопубликованные рукописи, электронные письма

- А. В. Антошин. *НТС в Австралии в 1950 гг.* Неопубликованная рукопись.
- В. А. Возчиков. *Михаил Спасовский — архитектор и художник.* Неопубликованная рукопись (от Маркуса Джеймса).
- VIČEVSKIS, ANDREJS. *DPs and Deconstruction*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 12 января 2008 г.
- VIČEVSKIS, ANDREJS. *Family History*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 6 мая 2008 г.
- FEDOULENKO, VALENTIN V. *Russian Émigré Life in Shanghai*, интервью Борису Реймонду Беркли (библиотека Банкрофт), 1967 г. (<https://archive.org/details/russianemigrbeshanooofedorich/page/n9/mode/zup?view=theater>)
- FOUNDYLLER, CHARLES. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 2 июня 2019 г.
- KNYAZEVA, KATYA. *Russian/Soviet Consulate Timeline*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 8 ноября 2019 г.
- NIKOLAJUK, IVAN. *Memoirs*. Архив Ивана Николаюка, частный архив во владении Георгия (Юры) Николаюка, Бинак, штат Виктория.
- PERSIAN, JAYNE. "The Reverend Fascist": *Harbin, Brisbane and Post-War Immigration to Australia*. Unpublished paper delivered at conference on *Russians from China in Australia*, University of Sydney, 7–8 November 2019.
- ROMANOVA, VIKTORIA. *The Tiny Island of Russian Jews: The Jewish Community of Harbin from the Late XIX Century to the 1920s* (Jewish Communities of China website, <http://jewsofchina.org/the-tiny-island-of-russian-jews>).
- WATERS, JULIE. *From Nation Building to Cultural Enrichment: The Australian Press Portrayal of Post-War Immigrant Musicians, 1947–1953*. Unpublished manuscript.
- WOLFF, DAVID. *Russian Collective Biography on the Way from China to Australia*. Unpublished paper presented at conference on *Russians from China in Australia*, Sydney, 7–8 November 2019.

Диссертации

- HUTCHIN (NILSSON), EBONY. *An Invisible People? Russian Displaced Persons in Australia, 1947–1955*. BA Hons thesis, University of Newcastle, May 2017.
- JANCO, ANDREW. "Displaced Persons" in Europe, 1941–1951. PhD diss., University of Chicago, 2012.

- KAISER, MAX ELLIOT. *Between Nationalism and Assimilation: Jewish Antifascism in Australia in the Late 1940s and Early 1950s*. PhD thesis, University of Melbourne, 2018.
- KONOVETS, ANATOLE. *The Role and Function of Conflicts in the Life of the Russian Community in Sydney*. MA thesis, University of New South Wales, 1968.
- KUEN, ALFRED BENEDICT. *THE DISOWNED REVOLUTION: THE RECONSTRUCTION OF AUSTRALIAN IMMIGRATION 1945–1952*. PhD diss., Monash University, 1997.
- NILSSON, EBONY. *The “Enemy Within”: Left-Wing Soviet Displaced Persons in Australia*. PhD diss., University of Sydney, 2021.
- PITT, NICHOLAS. *White Russians from Red China: Resettling in Australia, 1957–1959*. MA thesis, ANU, 2018.
- ПРОТОПОВ, МИХАИЛ АЛЕКС. *The Russian Orthodox Presence in Australia: The History of a Church Told from Recently Opened Archives and Previously Unpublished Sources*. PhD diss., Australian Catholic University, 2005.
- RUTLAND, SUZANNE D. *The History of Australian Jewry, 1945–1960*. PhD diss., University of Sydney, 1990.

Журналы и газеты

- Австралиада* (1994–2014)
- Дружба* (печатный орган Русского общественного клуба, Сидней, 1965–1977?)
- Единение* (издается с 1951 г.)
- Картины прошлого* (Мельбурн, 1967–1975)
- The New Citizen* (печатный орган Ассоциации новых граждан, Сидней, 1948–1954)
- Русская Атлантида* (Челябинск, издается с 1998 г.)
- Русский в Австралии* (*Russian Central Welfare Committee*, 1950–1961)

Официальные и справочные издания

- Australian Dictionary of Biography*. National Centre of Biography, Australian National University, 1966–2012, 18 vols. (<https://adb.anu.edu.au/>)
- Commonwealth of Australia, *Parliamentary Debates*. House of Representatives, Official Hansard.
- Commonwealth of Australia, *Parliamentary Debates*, Senate, Official Hansard.
- Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1933*, Canberra, 1938.

- Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1947*, part XVI, Canberra, 1950.
- Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1954*, vol. VII, Canberra, 1962.
- Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1961*, vol. VIII, Canberra, 1968.

Воспоминания, семейные истории, автобиографические романы

Многие прочие автобиографические очерки, которые публиковались в журнале “Австралнада” и четырехтомной “Истории русских в Австралии”, перечисляются в примечаниях.

- ВАН, ЧЖИЧЭН. *История русской эмиграции в Шанхае*. М., 2008.
- ДИЧБАЛИС СИГИЗМУНД (А. ДУБОВ). *Детство, отрочество, юность*. СПб., 1995.
- ДИЧБАЛИС СИГИЗМУНД. *Зигзаги судьбы. Воспоминания*. М., 2003.
- ЖИГАНОВ В. Д. *Русские в Шанхае / Russians in Shanghai*. Шанхай, 1936.
- ЗЕМСКОВ В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба // *Социологические исследования*. 1995. № 5.
- ЗЕМСКОВ В. Н. “Вторая эмиграция” и отношение к ней руководства, 1947–1955 // *История российского зарубежья: эмиграция из СССР — России, 1941–2001* / Ред. Ю. Поляков и др. М., 2007.
- ЗЕМСКОВ В. Н. *Возвращение советских перемещенных лиц в СССР, 1944–195*. М.; СПб., 2016.
- НЭШ, ГЭРИ. *Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых*. СПб., 2011.
- ПОНЬКИН ЮРИЙ. *Путь отца*. Сидней, 1997.
- ПРОТОПОПОВ МИХАИЛ. *Живых проглотим их: путь от Георгиевского креста к Голгофе*. Мельбурн, 2000.
- Русский Харбин* / Сост. Е. П. Таскина. М., 2005.
- СМЕРШ. *Исторические очерки и архивные документы* / Под ред. А. Г. Безверхнего. М., 2003.
- СМИРНОВ С. В. *Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации)*. Екатеринбург, 2007.
- ТАВОЛИНА Т. В. *Русский дом на Тубабао*. М., 2016.
- ТАРЛЕ Г. *История российской эмиграции. Эмиграция из СССР — России 1941–2001 гг.* М., 2007.
- ХАЛАФОВА ИРИНА. *Свидетель истории*. Melbourne: University of Melbourne, 1988.
- ШАРОНОВА ВИКТОРИЯ. *История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века*. М.; СПб., 2015.

- BIALOGUSKI, MICHAEL. *The Petrov Story*. Melbourne: Mandarin Australia, 1989, reprint of 1955 edition.
- BORIN, V. L. *The Uprooted Survive: A Tale of Two Continents*. London, Melbourne: Heinemann, 1959.
- CALWELL, A. A. *Be Just and Fear Not*. Hawthorn, Vic.: Lloyd O'Neil, 1972.
- HAYLEN, LESLIE. *Twenty Years' Hard Labor*. Melbourne: Macmillan, 1969.
- KOVAL, RAMONA. *Bloodhound: Searching for My Father*. Melbourne: Text Publishing Company, 2015.
- KUCHINA, GALINA. *Memoirs of Galina*. Melbourne: Brolga Publishing, 2016.
- LAMIDEY, NOEL. *Diary of a Difficult Year: 1948*. Canberra: Noel W. Lamidey, 1981.
- LAMIDEY, NOEL. *Partial Success: My Years as a Public Servant*. Canberra: ANU, 1971.
- MACKEY-CRUISE, BARBARA. *Immigrants and Spies: My Father, My Memories: Noel W. Lamidey and the Birth of Australian Immigration*. Sydney: Xoum Publishing, 2017.
- MARTIN, HARRY. *Angels and Arrogant Gods*. Canberra: AGPS, 1989.
- MCCLELLAND, JAMES. *Stirring the Possum: A Political Autobiography*. Sydney: Penguin, 1988.
- MOSHINSKY, SAM. *Goodbye Shanghai: A Memoir*. Melbourne: Mind, 2009.
- NATALENKO, KSANA AND BOHDAN NATALENKO. *Lilya's Journey: A Russian Memoir*. Sydney: Simon & Schuster, 2004.
- NIKOLAJUK, IVAN. *Deda's Memoirs: For the Grandchildren*, trans. Yura Nikolajuk, selfpublished. Melbourne, 2020.
- SARANIN, ALEX. *Child of the Kulaks*. St Lucia: University of Queensland Press, 2004.
- SCHLUSSER, EUGENE. *Escape from the Sun: Surviving the Tyrannies of Lenin, Hitler and Stalin*. Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2017.
- SITSKY, BOB. *Growing Up in Tientsin: Family Migration from Russia to China, Memories from My Childhood and Background Information on Russian-Jewish Life in Northeast China*. Sydney, 2015.

Избранные монографии и статьи

- АБЛАЖЕЙ Н. Н. *С востока на восток: российская эмиграция в Китае*. Новосибирск, 2007.
- АУРИЛЕНЕ Е. Е. *Российская диаспора в Китае (1920–1950 гг.)*. Хабаровск, 2008.
- БИРШТЕЙН В. Я. *Смерш, секретное оружие Сталина*. М., 2018.
- ГОВОР Е. В поисках ранней русской диаспоры Австралии // *Традиционная культура. Научный альманах*. 2018. Т. 19. № 4.

- История русских в Австралии. К 80-летию русских общин в Австралии (1923–2003)*. Сидней, 2004–2013. 4 т.
- КАНЕВСКАЯ Г. И. “Мы еще мечтаем о России...” *История русской диаспоры в Австралии*. Владивосток, 2010.
- КРАВЦОВ А. Н. *Русская Австралия*. М., 2011.
- Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР “Смерш”, 1939 — март 1946 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2006.
- МАНЧЕСТЕР ЛАУРА. Как советизация школ и молодежных организаций в Маньчжурин повлияла на репатриацию русских эмигрантов в СССР // *Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX–XXI вв.* Хабаровск, 2014. Вып. 2. С. 193–200.
- МОРАВСКИЙ Н. В. *Остров Тубабао, 1948–1951*. М., 2000.
- ПРОТОПОПОВ МИХАИЛ. *Преосвященнейший Феодор (Рафальский): Архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский 1895–1955 и его эпоха*. The University of Melbourne [2000].
- РАЕВ МАРК. *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939*. М., 1994.
- ЧАПЫГИН И. В. *Казачья эмиграция в Китае*. Иркутск, 2014.
- ЧАЩИН К. В. *Русские в Китае 1926–1946. Генеалогический индекс*. М., 2014.
- ШЛЕГЕЛЬ КАРЛ. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)*. М., 2004.
- AARONS, MARK. *Sanctuary: Nazi Fugitives in Australia*. Melbourne: William Heinemann, 1989.
- AARONS, MARK. *War Criminals Welcome: Australian, a Sanctuary for Fugitive War Criminals Since 1945*. Melbourne: Black Inc., 2001.
- ABJOENSON, NORMAN. Alexander Kerensky from the Russian Revolution to Australia, *The Sydney Morning Herald*. 11 July 2017.
- ADAMS, BRUCE F. Reemigration from Western China to the USSR, 1954–1962, *Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia*, Cynthia Buckley and Blair A. Ruble (eds), Washington, DC: Woodrow Wilson Center, 2008.
- AERTS, HENRY G. Russian Migration in Australia, *Social Survey*. February 1971.
- AGRELL, WILHELM. *Mrs Petrov's Shoe: The True Story of a KGB Defector.*, London: I.B. Tauris, 2019.
- AGUTTER, KAREN. Displaced Persons and the “Continuum of Mobility” in the South Australian Hostel System in: Margrette Kleinig and Eric Richards, *On the Wing: Mobility before and after Emigration to Australia*. Adelaide: Flinders University and the Migration Museum of South Australia, 2012.

- ANDREYEV, CATHERINE. *Vlasov and the Russian Liberation Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- ARMSTRONG, DIANE. *The Voyage of Their Life: The Story of the SS Derna and Its Passengers*. Sydney: HarperCollins, 2002.
- ARMSTRONG, JUDITH. *The Christesen Romance*. Melbourne: Melbourne University Press, 1996.
- The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins*. James Jupp (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Australia's First Cold War, 1945–1953*. Curthoys, Ann, and John Merritt (eds). Sydney: George Allen & Unwin, 1984.
- BAKICH, OLGA. Émigré Identity: The Case of Harbin, *South Atlantic Quarterly*, 2000. Vol. 99, no. 1.
- BAKICH, OLGA. Russian Emigres in Harbin's National Past: Censuses and Identity, in: *Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China*, Dan E. Ben-Canaan, Frank Grüner and Ines Prodöhl (eds). Cham: Springer, 2014.
- BALINT, RUTH. Before Australia: Historicising Russian Migration via China after the Second World War, *Australian Historical Studies*, 2019. Vol. 50, no. 1.
- BALINT, RUTH. Industry and Sunshine: Australia as “Home” in the Displaced Persons Camps of Postwar Europe, *History Australia*, 2014. Vol. 11, no. 1.
- BALINT, RUTH. *Destination Elsewhere: Displaced Persons and Their Quest to Leave Europe after 1945*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021.
- BALINT, RUTH. “To Reunite the Dispersed Family”: War, Displacement and Migration in the Tracing Files of the Australian Red Cross', *History Australia*, 2015. Vol. 12, no. 2.
- BALINT, RUTH, AND ZORA SIMIC. Histories of Migrants and Refugees in Australia, *Australian Historical Studies*, 2018. Vol. 49, no. 3.
- BERGÈRE, MARIE-CLAIRE. *Shanghai: China's Gateway to Modernity*, trans. from French by Janet Lloyd. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
- BETHELL, NICHOLAS. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944–1947*. London: Deutsch, 1974.
- Beyond Camps and Forced Labour: Current International Research on Survivors of Nazi Persecution. Proceedings of the First International Multidisciplinary Conference, held at the Imperial War Museum London, 29–31 January 2003*. Steinert, J.-D. and I. Weber-Newth (eds). Osnabrück: Secolo, 2005.
- BICKERS, ROBERT. *Empire Made Me: An Englishman Adrift in Shanghai*. London: Penguin, 2004.

- CARTER, JAMES H. *Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.
- CHASHCHIN, KIRILL V. (comp.). *Russians in China: Shanghai D-917 Police Applicants 1930–1942*. New York: South Eastern Publishers, 2017.
- CHERNOLUTSKAYA, ELENA. Religious Communities in Harbin and Ethnic Identity of Russian Émigrés, *South Atlantic Quarterly*. 2000. Vol. 99, no. 1.
- CHRISTA, BORIS. Russians, *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, Its People, and Their Origins*, James Jupp (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- CLAUSEN, SØREN AND STIG THØGERSON. *The Making of a Chinese City. History and Historiography in Harbin*, Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995.
- CLUNE, FRANK. *All Roads Lead to Rome: A Pilgrimage to the Eternal City, and a Look Around War-Torn Europe*. Sydney: Angus & Robertson, 1950.
- COHEN, GERARD DANIEL. *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order*. New York: Oxford University Press, 2012.
- CRESCIANI, GIANFRANCO. *ASIO and Italian Persons of Interest*. Redland Bay: Connor Court Publications, 2017.
- CRESCIANI, GIANFRANCO. *No Country for Revolutionaries: Italian Communists in Sydney 1971–1991*, Australian Scholarly Publishing, Melbourne, 2018.
- DAMOUSI, JOY. The Greek Civil War and Child Migration to Australia: Aileen Fitzpatrick and the Australian Council of International Social Service, *Social History*, 2012. Vol. 37, no. 3.
- DAMOUSI, JOY. *Memory and Migration in the Shadow of War: Australia's Greek Immigrants after World War II and the Greek Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- DAMOUSI, JOY. “We are Human Beings, and Have a Past”: The “Adjustment” of Migrants and the Australian Assimilation Policies of the 1950s, *Australian Journal of Politics and History*, 2013. No. 59.
- DEERY, PHILLIP. “Dear Mr Brown”: Migrants, Security and the Cold War, *History Australia*, 2005. Vol. 2, no. 2.
- DELLIOS, ALEXANDRA. *Histories of Controversy. Bonegilla Migrant Camp*. Melbourne: Melbourne University Publishing, 2017.
- DORRIL, STEPHEN. *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service*. New York: The Free Press, 2000.
- DREYFUS, KAY. *Silences and Secrets: The Australian Experience of the Weintraub Syncopators*. Melbourne: Monash University Publishing, 2013.
- EDELE, MARK. Not an Ordinary Man: Ivan Nikitch Kononov and the Problem of Frontline Defection from the Red Army, 1941–1949, *Australian Journal of Politics and History*, 2016. Vol. 62, no. 4.

- EDELE, MARK. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945*, Oxford University Press, Oxford, 2017.
- EDELE, MARK. World War II as a History of Displacement: The Soviet Case, *History Australia*, 2015. Vol. 12, no. 2.
- EDELE, MARK, AND SHEILA FITZPATRICK. Displaced Persons: From the Soviet Union to Australia in the Wake of the Second World War, *History Australia*, 2015. Vol. 12, no. 2.
- ELLIOTT, MARK R. *Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in Their Repatriation*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1982.
- EVANS, RAYMOND. *The Red Flag Riots: A Study of Intolerance*. Brisbane University of Queensland Press, 1988.
- The Far Left in Australia since 1945*, Picconi, Jon, Evan Smith and Matthew Worley (eds), Abingdon, Oxon: Routledge, 2018.
- FITZPATRICK, SHEILA. "Determined to Get On": Some Displaced Persons on the Way to a Future, *History Australia*, 2015. Vol. 12, no. 2.
- FITZPATRICK, SHEILA. Migration of Jewish "Displaced Persons" from Europe to Australia after the Second World War: Revisiting the Question of Discrimination and Numbers, *Australian Journal of Politics and History*, 2021. Vol. 67, no. 2.
- FITZPATRICK, SHEILA. *Mischka's War: A European Odyssey of the 1940s*. Melbourne: Melbourne University Press,; London: I.B. Tauris, 2017.
- FITZPATRICK, SHEILA. The Motherland Calls: "Soft" Repatriation of Soviet Citizens from Europe, 1945–1953, *The Journal of Modern History*, 2018. Vol. 90, no. 2.
- FITZPATRICK, SHEILA. Russians in the Jungle: Tubabao as a Way Station for Refugees from China to Australia, 1949, *History Australia*, 2019. Vol. 16, no. 4.
- FITZPATRICK, SHEILA. Soviet Repatriation Efforts among "Displaced Persons" Resettled in Australia, 1950–1953, *Australian Journal of Politics and History*, 2017. Vol. 63, no. 1.
- FITZPATRICK, SHEILA. A World-War-II Odyssey: Michael Danos, en Route from Riga to New York, *Transnational Lives: Biographies of Global Modernity, 1700—Present*, Desley Deacon, Penny Russell and Angela Woollacott (eds). London: Palgrave Macmillan, 2010.
- FITZPATRICK, SHEILA, AND JUSTINE GREENWOOD. Anti-Communism in Australian Immigration Policies 1947–54: The Case of Russian/Soviet Displaced Persons from Europe and White Russians from China, *Australian Historical Studies*, 2019. Vol. 50, no. 1.
- GOLDLUST, JOHN. "The Russians are Coming": Migration and Settlement of Soviet Jews in Australia, *Australian Jewish Historical Society Journal*. Vol. 23, no. 1, 2016.
- GOVOR, ELENA. *Australia in the Russian Mirror*. Melbourne: Melbourne University Press, 1997.

- GROSSMANN, ATINA. *Jews, Germans, and Allies: Close Encounters in Occupied Germany*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007.
- Hakoah Club Sydney 1938–1994*. Bondi, n. d.
- HALL, RICHARD. *The Secret State: Australia's Spy Industry*. Stanmore: Cassell Australia, 1978.
- HANFMANN, EUGENIA, AND HELEN BEIER. *Six Russian Men — Lives in Turmoil*. Quincy, MA: The Christopher Publishing House, 1976.
- HOLBORN, LOUISE W. *The International Refugee Organization*. London: Oxford University Press, 1956.
- HOLBORN, LOUISE W. *Refugees: A Problem of Our Time, the Work of the United Nations High Commissioner for Refugees, 1951–1972*. London: Scarescrow Press, 1975.
- HOLIAN, ANNA MARTA. *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. University of Michigan Press, Ann Arbor, MI, 2011.
- VON HOLLEUFFER, HENRIETTE. *Zwischen Fremde und Fremde: Displaced Persons in Australien, den USA und Kanada, 1946–1952*. Osnabrück: Universitaetsverlag Rasch, 2001.
- HORNER, DAVID. *The Spy Catchers: The Official History of ASIO, 1949–1953*. Sydney: Allen & Unwin, 2014.
- HULME, DAVID C. *Tientsin*. Totton, UK: IUMIX, 2001.
- In the Shadow of the Rising Sun: Shanghai under Japanese Occupation*. Henriot, Christian, Wen-Hsin Yeh (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- JACOBMEYER, WOLFGANG. *Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Ausländer*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985.
- The Jews of China*. Jonathan Goldstein (ed.) Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1999–2000. 2 vols.
- JUPP, JAMES. *Arrivals and Departures*. Melbourne: Cheshire-Lansdowne, 1966.
- KALAN, ANDRE. White Russian Migration and Settlement in Sydney, in: Susan Moser, N. Maher, A. Kalan and J. Connell, *Migration and Identity in Sydney: Icelanders, Minangkabau and White Russians*. Research Monograph no. 6, Department of Geography, University of Sydney, 1993.
- KNYAZEVA, KATYA. The Scribe of Russian Shanghai: Vladimir Zhiganov and his Perennial Masterpiece, *Journal of the Royal Asiatic Society China*, 2017. Vol. 77, no. 1.
- KRUPINSKI, J., M. D. DOCENT, A. STOLLER, L. WALLACE. Psychiatric Disorders in East European Refugees Now in Australia, *Social Science and Medicine*. Vol. 7, no. 1, 1973.
- KUNZ, EGON F. *Displaced Persons: Calwell's New Australians*. Canberra: ANU Press, 1988.

- KUNZ, EGON F. The Engineering Profession and the Displaced Migrant in Australia, *International Migration*. No. 7, 1969.
- KUNZ, EGON F. *The Intruders: Refugee Doctors in Australia*. Canberra: ANU Press, 1975.
- LOWE, HEINZ-DIETRICH. Russian Fascism in Harbin and Manchuria, in: *Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China*, Ben-Canaan, Frank Grüner and Ines Prodöhl (eds). Cham: Springer, 2014.
- MACINTYRE, STUART. *Australia's Boldest Experiment: War and Reconstruction in the 1940s*. Sydney: NewSouth, 2015.
- MANCHESTER, LAURIE. How Statelessness Can Force Refugees to Redefine Their Ethnicity: What Can Be Learned from Russian Émigrés Dispersed to Six Continents in the Interwar Period, *Immigrants & Minorities*, 2016. Vol. 34, no. 1.
- MANCHESTER, LAURIE. Repatriation to a Totalitarian Homeland: The Ambiguous Alterity of Russian Repatriates from China to the USSR, *Diaspora*. 2007. Vol. 16, no. 3.
- MANNE, ROBERT. *The Petrov Affair*. Sydney: Pergamon, 1987.
- MARKUS, ANDREW. Jewish Migration to Australia, 1938–1949*, *Journal of Australian Studies*. 1983. Vol. 13.
- MARKUS, ANDREW. Labour and Immigration 1946–9: The Displaced Persons Program, *Labour History*. No. 47, 1984.
- MARRIS, MICHAEL R. *The Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press, 1985.
- MARTIN, JEAN. *The Migrant Presence: Australian Responses 1947–1977*. Sydney: Allen & Unwin, 1978.
- MARTIN, JEAN. *Refugee Settlers*. Canberra: ANU Press, 1965.
- McKNIGHT, DAVID. *Australia's Spies and Their Secrets*. St Leonards: Allen & Unwin, 1994.
- McLAREN, JOHN. *Writing in Hope and Fear: Literature as Politics in Postwar Australia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- MOUSTAFINE, MARA. The Harbin Connection: Russians from China, *Beyond China: Migrating Identities*, Shen Yuafang and Penny Edwards (eds). Canberra: ANU Press, 2002.
- MOUSTAFINE, MARA. Russians from China: Migration and Identity, *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, 2013. Vol. 5, no. 2.
- MOUSTAFINE, MARA. *Secrets and Spies: The Harbin Files*. Sydney: Vintage Books, 2002.
- NAMSARAEVA, SAYANA. Caught between States: Urjin Garmayev and the Conflicting Loyalties of Trans-Border Buryats, *History and Anthropology*. 2017. Vol. 28, no. 4.
- NEUMANN, KLAUS. *Across the Seas: Australia's Response to Refugees. A History*. Melbourne: Black Inc., 2015.

- NICHOLLS, GLENN. *Deported: A History of Forced Departures from Australia*. Sydney: UNSW Press, 2007.
- NILSSON, EBONY. On the Left: The Russian Social Club in Early Cold War Sydney, *Australian Historical Studies*, 2019. Vol. 50, no. 1.
- OBERLANDER, ERWIN. The All-Russian Fascist Party, *Journal of Contemporary History*, 1966. Vol. 1, no. 1.
- PERSIAN, JAYNE. *Beautiful Balts: From Displaced Persons to New Australian*. Sydney: NewSouth, 2017.
- PERSIAN, JAYNE. Chifley Liked Them Blond: DP Immigrants for Australia, *History Australia*, 2015. Vol. 12, no. 2.
- PERSIAN, JAYNE. Cossack Identities: From Russian Émigrés and Anti-Soviet Collaborators to Displaced Persons', *Immigrants & Minorities*, 2018. Vol. 3, no. 26.
- PERSIAN, JAYNE. "The Dirty Vat": European Migrants to Australia from Shanghai, 1946–1947, *Australian Historical Studies*, 2019. Vol. 50, no. 1.
- PERSIAN, JAYNE. Displaced Persons and the Politics of International Categorisation, *Journal of Australian Politics and History*. 2012. Vol. 58, no. 4.
- PERSIAN, JAYNE. Vladimir Ležák-Borin, Cold War Warrior', *Recovering History through Fact and Fiction: Forgotten Lives*, Dallas John Baker, Donna Lee and Nike Sulway (eds). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholarly Publishing, 2017.
- PETERS, NONJA. *Milk and Honey — But No Gold: Postwar Migration and Western Australia, 1945–1964*. Crawley, WA: University of Western Australia Press, 2001.
- QUINLAN, MICHAEL. Australian Trade Unions and Postwar Immigration Attitudes and Responses, *Journal of Industrial Relations*, 1979. Vol. 21, no. 3.
- RICHARDS, LYN. *Displaced Politics: Refugee Migrants in the Australian Political Context*, La Trobe Sociology Papers, no. 45, Melbourne: La Trobe University Press, 1978.
- RISTAINO, MARCIA REYNDERS. *Port of Last Resort*. Stanford: Stanford University Press, CA, 2001.
- Russia and the Fifth Continent*, McNair, John, and Thomas Poole (eds). St Lucia: University of Queensland Press, 1992.
- Russians in Australia*, University of Melbourne, Melbourne, 1989. no. 8, n.d.; no. 12.
- Russians in Strathfield: A Community Profile, 1949–1999*, Tatarinoff, Kyra, Peter Tatarinoff, Anatoly Konovets and Irene Kasperski-Andrews (eds). Russian Ethnic Community Council of NSW, Sydney, 1999.
- RUTLAND, SUZANNE D. "Are You Jewish?" Post-War Jewish Immigration to Australia, 1945–1954, *Australian Journal of Jewish Studies*, 1991. Vol. 5, no. 2.

- RUTLAND, SUZANNE D. *Edge of the Diaspora: Two Centuries of Jewish Settlement in Australia*. Sydney: Brandl and Schlesinger, 2001.
- RUTLAND, SUZANNE D. Subtle Exclusions: Postwar Jewish Emigration to Australia and the Impact of the IRO Scheme, *Journal of Holocaust Education*, 2001. Vol. 10, no. 1.
- RUTLAND, SUZANNE D. Waiting Room Shanghai: Australian Reactions to the Plight of Jews in Shanghai after the Second World War, *Leo Baeck Yearbook*, 1987. Vol. 32, no. 1.
- RUTLAND, SUZANNE D. AND SOL ENCEL. No Room at the Inn: American Responses to Australian Immigration Policies, 1946–1954, *Patterns of Prejudice*, 2009. Vol. 43, no. 5.
- RUTLAND, SUZANNE D. AND SOL ENCEL. Three “Rich Uncles” in America: The Australian Immigration Project and American Jewry, *American Jewish History*. 2009. Vol. 95. no. 1.
- SAUER, ANGELIKA E. “Model Workers or Hardened Nazis?” The Australian Debate about Admitting German Migrants, 1950–1952, *Australian Journal of Politics and History*, 1999. Vol. 45, no. 3.
- SCHLOGEL, KARL. *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*, Munich: C.H. Beck Verlag, 2017.
- SENDZIUK, PAUL. Forgotten People and Places: Stalin’s Poles’ in Persia, India and Africa, 1942–1950, *History Australia*, 2015. Vol. 12, no. 2.
- Shelter from the Holocaust: Rethinking Jewish Survival in the Soviet Union*, Edele, Mark, Sheila Fitzpatrick and Atina Grossmann (eds.). Detroit: Wayne State University Press, 2017.
- SHEPHARD, BEN. *The Long Road Home: The Aftermath of the Second World War*. London: Vintage Books, 2010.
- SIMPSON, J. H. *The Refugee Problem: Report of a Survey*. London: Oxford University Press, 1939.
- SLUGA, GLENDA. *Bonegilla ‘a Place of No Hope’*, Melbourne: Department of History, University of Melbourne, 1988.
- STEPHAN, JOHN. *The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile 1925–45*. London: Hamish Hamilton, 1978.
- TAVAN, GWENDA. Leadership, Arthur Calwell and the Post-War Immigration Program, *Australian Journal of History and Politics*, 2012. Vol. 58, no. 2.
- TAYLOR, LYNNE. “Please report only true nationalities”: The Classification of Displaced Persons in Post-Second World War Germany and its Implications, in *Survivors of Nazi Persecution in Europe after the Second World War*, Suzanne Bardgett, David Cesarani, Jessica Reinisch and Johannes-Dieter Steinert (eds). London and Portland: Valentine Mitchell, 2010.
- TOLSTOY, NIKOLAI. *Victims of Yalta*. London: Hodder & Stoughton, 1977.

- TOMOFF, KIRIL. *Virtuosi Abroad: Soviet Music and Imperial Competition during the Early Cold War, 1945–1958*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015.
- TROMLY, BENJAMIN. *Cold War Exiles and the CIA*. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Tubabao: Russian Refugee Camp, Philippines 1949–1951*. Sydney: Russian Historical Society in Australia, 1999.
- TUNDERN-SMITH, ANN. *Bonegilla's Beginnings*. Wagga Wagga: Triple D Books, 2007.
- URBANSKY, SOREN. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2020.
- WAKEMAN, FREDERIC, JR. *Policing Shanghai 1927–1937*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- WAKEMAN, FREDERIC, JR. *The Shanghai Badlands: Wartime Terrorism and Urban Crime, 1937–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Warlands: Population Resettlement and State Reconstruction in the Soviet-East European Borderlands 1945–1950*, Gatrell, Peter, and Nick Baron (eds). New York Palgrave: Macmillan, 2009.
- WASSERSTEIN, BERNARD. *Secret War in Shanghai*. Boston Houghton: Mifflin, 1999.
- WILTON, JANIS, AND R. J. B. BOSWORTH. *Old Worlds and New Australia: The Postwar Migrant Experience*. Ringwood, Vic.: Penguin, 1984.
- WINDLE, KEVIN. *Undesirable: Captain Zuzenko and the Workers of Australia and the World*. Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2012.
- WINESTOCK, GEOFF. Harry Triguboff's Secret Past, *The Australian Financial Review*, 8 December 2017.
- WINTER, BARBARA. *The Most Dangerous Man in Australia?*. Brisbane: Glass House Books, 2010.
- WOLFF, DAVID. Returning from Harbin: Northeast Asia, 1945, *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border: Karafuto/Sakhalin*. Svetlana Paichadze and Philip A. Seaton (eds). London: Routledge, 2015.
- WOLFF, DAVID. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria 1898–1914*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.
- Woodbridge, George. *UNRRA: The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration*. New York: Columbia University Press, 1950. 3 vols.
- WYMAN, MARK. *DPs: Europe's Displaced Persons, 1945–1951*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989.
- ZUBRZYCKI, JERZY. *Immigrants in Australia: A Demographic Survey Based upon the 1954 Census*. Melbourne: Melbourne University Press, 1960.
- ZUBRZYCKI, JERZY. *Settlers of the Latrobe Valley. A Sociological Study of Immigrants in the Brown Coal Industry in Australia*. Canberra: ANU, 1964.

Сокращения, используемые в примечаниях

ADB, Australian Dictionary of Biography	Австралийский биографический словарь
AN, Archives nationales, Paris (IRO archive AJ/43)	Национальный архив, Париж (архив IRO, AJ/43)
БРЭМ	Бюро по делам российских эмигрантов в Манчжурской империи. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Хабаровск
CPD, Commonwealth of Australia, Parliamentary Debates, Official Hansard	Австралийское Содружество, парламентские дебаты, официальные отчеты
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации, Москва
GU, Georgetown University, Special Collections	Джорджтаунский университет, Особые коллекции
ITS, International Tracing Service, Arolsen Archives, Germany	Международная служба розыска, архив Арользена, Германия
LSE, London School of Economics and Political Science, Special Collections	Лондонская школа экономики и политических наук, Особые коллекции
NAA, National Archives of Australia	Национальный архив Австралии
NAUK, National Archives, United Kingdom	Британский национальный архив

NLA, National Library of Australia	Австралийская национальная библиотека
SMPA, Shanghai Municipal Police Archives	Архив муниципальной полиции Шанхая
UNRRA, United Nations Archives, New York: United Nations Relief and Rehabilitation Administration archive	Архив ООН, Нью-Йорк, Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций
UQFL, University of Queensland, Fryer Library, Archives (Sir Raphael Cilento Papers)	Университет Квинсленда, Библиотека Фрайер, Архив (архив сэра Рафаэля Силенто)

Примечания

Введение

- 1 Согласно советским оценкам того времени, к 1 января 1952 г. Австралия приняла 5700 переселенных беженцев из общего числа 18 508 человек: В. Н. ЗЕМСКОВ. “Вторая эмиграция” и отношение к ней руководства, 1947–1955 // *История российского зарубежья: эмиграция из СССР — России, 1941–2001* / Ред. Ю. Поляков и др. М., 2007. С. 7. Подробнее о количестве переселенцев см. ниже, в разделе “Статистические замечания”.
- 2 Обоснование этих данных и обсуждение сложностей, связанных с этой статистикой, см. ниже, в разделе “Статистические замечания”.
- 3 В классической работе Эрика Ричардса (ERIC RICHARDS, *Destination Australia: Migration to Australia since 1901*. Sydney: UNSW Press, 2008) русские иммигранты не упомянуты ни словом.
- 4 ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК. *Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века*. М, 2011. ЕЕ ЖЕ. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. М, 2008.
- 5 SNEILA FITZPATRICK. *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*, Cambridge University Press, Cambridge, 1979; ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М., 2001.
- 6 JOY DAMOUSI. *Memory and Migration in the Shadow of War: Australia's Greek Immigrants after World War II and the Greek Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2015. Еще одна недавно вышедшая монография, оказавшаяся для меня очень полезной, так как речь в ней идет и о прибытии, и о скитаниях мигрантов, главным образом с точки зрения политики в отношении беженцев и сравнения их судеб, — это работа Клауса Ньюмана: KLAUS NEUMANN. *Across the Seas: Australia's Response to Refugees: A History*. Melbourne, 2015. Перемещенные лица стали предметом рассмотрения недавно

- вышедших монографий Джейн Першиан (JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts: From Displaced Persons to New Australians*. Sydney: NewSouth, 2017) и Рут Балинт (RUTH BALINT. *Destination Elsewhere: Displaced Persons and Their Quest to Leave Europe after 1945*. NY, Ithaca: Cornell University Press, 2022), в тесном сотрудничестве с которыми я работала в рамках программы *Discovery* Австралийского исследовательского совета (ARC), пока сама писала эту книгу.
- 7 ALEX INKELES, RAYMOND BAUER. *The Soviet Citizen*. New York: Atheneum, 1968; DAVID C. ENGERMAN. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*, New York: Oxford University Press, 2009. Рр. 51–69. Это заслуживает особого внимания, так как группа интервьюируемых лиц подбиралась волонтерами через сети ди-пи, где тон задавали активисты-антикоммунисты, и как среди тех, кто давал интервью, так и вообще среди советских перемещенных лиц были недостаточно представлены русские и избыточно представлены украинцы.
- 8 О довольно удивительном отсутствии дискриминации в советской политике репатриации см.: SHEILA FITZPATRICK. The Motherland Calls: "Soft" Repatriation of Soviet Citizens from Europe, 1945–1953', *The Journal of Modern History*. 2018. Vol. 90, no. 2.
- 9 JOANNE LAYCOCK. The Repatriation of Armenians to Soviet Armenia, 1945–1949 in *Warlands: Population Resettlement and State Reconstruction in the Soviet — East European Borderlands 1945–1950*, Peter Gatrell and Nick Baron (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- 10 EUGENIA HANFMANN, HELEN BEIER. *Six Russian Men — Lives in Turmoil*. MA, Quincy: The Christopher Publishing House, 1976.
- 11 Интервью с Алексом Селеничем в Мельбурне, 8 марта 2016 г.
- 12 См. интервью с репатриантами из Европы, собранные в СССР в 1949–1950 гг., которые приводятся в: SHEILA FITZPATRICK. *The Motherland Calls...*
- 13 Это было отступлением от общего правила, согласно которому, местом рождения указывалось международно признанное независимое национальное государство, каковым Украина не была ни в тот момент, ни когда-либо ранее, по крайней мере, если не считать возникшего в XI веке государства Киевская Русь, которое со временем постепенно преобразилось в Московскую Русь. Причина, по которой австралийские статистики приняли такое решение, неизвестна, но, вероятно, они просто последовали примеру международных организаций по делам беженцев и западных оккупационных режимов в Германии, которые, немного поколебавшись, уступили настояниям украинцев из числа перемещенных лиц и представителей украинской диаспоры, которые требовали, чтобы понятие "украинец" считалось национальностью и вписыва-

- лось в удостоверения личности перемещенных лиц — по аналогии с принятым ранее понятием “еврей”, несмотря на то, что никакого независимого национального государства Украина не существовало (как и еврейского государства до 1948 года).
- 14 IVAN NIKOLAJUK. Memoirs... Р. 23, архив Ивана Николаюка.
 - 15 Ibid. Рр. 23, 44. Стоит отметить, что в польских паспортах, как и в паспортах СССР и других государств Восточной и Центральной Европы в первой половине XX века, имелась отдельная графа “национальность”, и чаще всего там значилось: поляк, русский, украинец, белорус или еврей.
 - 16 Ibid. Рр. 98, 129, 166; электронное письмо от Маргариты и Георгия Николаюков, 23 марта. 2020 г.
 - 17 IVAN NIKOLAJUK. Op. cit. Р. 243; интервью с Георгием Николаюком в Бинаке, штат Виктория, 26 и 27 августа 2019 г.
 - 18 Интервью с Кристианом Айрлендом (внуком Николаюков) в Берлине, 3 ноября 2015 г.
 - 19 *Австралиада*. 2004. № 38. С. 39.
 - 20 См. главу 7.
 - 21 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 890. Л. 73 (Шевелев); Д. 888. Л. 218 (Муратиди).
 - 22 Оперный певец Иван Корнилов и его жена Элеонора Богданова, обрусевшая полька, считали себя русскими, но, оказавшись в статусе перемещенных лиц в Европе и опасаясь принудительной репатриации, назвались латвийцами на основании того, что прожили несколько лет в Риге. По прибытии в Австралию они просто снова сделали русскими (О. И. Ициксон. Воспоминания о двух выдающихся певцах // *Австралиада*. 2011. № 68. С. 8а). На страницах “Австралиады” появляются и другие русские уроженцы Латвии — например, Николай Гороховников (Там же. 2002. № 31. С. 25), Евгений Осипов (Там же. 1997. № 12. С. 28) и Сергей Ребиков (Там же. 2008. № 54. С. 34), они фигурируют там как члены местной русской общины, однако их фамилий нет в нашей базе данных со списками русских пассажиров, прибывавших из Европы, — вероятно потому, что при выезде оттуда они назвались латвийцами.
 - 23 Наталия Жуковская. Флавий Федорович Ходунов // *Австралиада*. 2013. № 77. С. 32; Сигизмунд Дичбалис (А. Дубов). *Детство, отрочество, юность*, СПб., 1995. С. 89–96.
 - 24 Николай Николаевич Доннер // *Австралиада*. 2001. № 27 С. 40; Наталия Жуковская. Николай Николаевич Доннер // Там же. 2011. № 68. С. 36; Она же. Георгий Иванович Кёниг // Там же. 2013. № 77. С. С. 33–34.
 - 25 *Истории русских в Австралии*. Сидней, 2013. Т. IV. С. 113; Н. Грачева-Мельникова о Ксении Мейснер // *Австралиада*. 1997.

- №13. С. 17, Нелли Митчелл. Ксения Мейснер // Там же. 2010. №65. С. 18–20; R. H. MORRISON, Valentina Georgievna Szobovits // *Russians in Australia*. Melbourne: University of Melbourne, 1984.
- 26 Его историю я рассказала в книге “Мишкина война: европейская Одиссея 1940-х годов” (*Mischka's War: A European Odyssey of the 1940s*. Melbourne: University Press; London: I. B. Tauris, 2015).
- 27 Достойные внимания примеры — книги Гэри Нэша (ГЭРИ НЭШ. *Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых*. М., 2011) и Сэма Мошинского (SAM MOSHINSKY. *Goodbye Shanghai*. Melbourne Mind, 2009). Книга Мары Мустафиной (MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies: The Harbin Files*. Sydney: Vintage Books, 2002), хотя это не просто семейные мемуары, а выдающееся историческое исследование, тем не менее она содержит бесценные сведения о сложной предыстории и разнообразном опыте семей Оникулов и Мустафиных.

Глава 1. Перемещение

- 1 Перемещенные лица из СССР были не единственными, кто отказывался от репатриации, просто о них известно больше, чем о других, потому что они заявляли о своем нежелании возвращаться очень активно, и об этом повсюду трубил западная пресса. Возвращаться на родину не хотели и многие ди-пи из Польши и Югославии, и в их случае дело осложнялось тем, что если Советский Союз хотел вернуть всех, кто до войны являлся его гражданами, то польское правительство желало возвращения только этнических поляков (а не этнических украинцев, русских и евреев, которые до войны тоже были гражданами Польши), и правительство Югославии проявляло подобную же разборчивость.
- 2 Ю. А. Поляков. *Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население*. М., 1986. С. 118; *Russian and Armenian Refugees: Report to the Eighth Ordinary Session of the Assembly*. League of Nations, Geneva, 5 September 1927. Pp. 23, 25. Эти цифры, очевидно, основаны на данных о количестве обладателей нансеновских паспортов, подавляющее большинство которых были русскими; остальными же, которых насчитывалось менее 5000 из общего числа 700–800 тысяч, были армяне, ассирийцы и другие: *Report by the Committee Submitted to the Council of the League of Nations*, League of Nations Committee on International Assistance to Refugees. Geneva 25 January 1936. P. 3.
- 3 МАРК РАЕВ. *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939*. М., 1994. С. 56. Отмечая, что в 1936–1937 гг. в Европе находилось 345–386 тысяч ненатурализованных русских

- беженцев, он указывает, что наибольшее их количество пришлось на Францию (100–120 тысяч), а далее шли Польша (80–100 тысяч), Германия (45 тысяч), Югославия (27–28 тысяч), Латвия (12 800 человек) и Чехословакия (9 000 человек).
- 4 BENJAMIN TROMLY. *Cold War Exiles and the CIA*. Oxford: Oxford University Press. P. 26. Подробное описание, где указываются данные для отдельных городов, см. в: KARL SCHLÖGEL. *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*. Munich: C. H. Beck Verlag, 1994; КАРЛ ШЛЁГЕЛЬ. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)*. М., 2004.
 - 5 ИРИНА ХАЛАФОВА. *Свидетель истории*. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1988. С. 24–25.
 - 6 Там же; *Австралиада*. №22. 2000; 2013. №40 (Коваленко); 2013. №74, №19 (Мокрый); 2005. №43, №32 (Некрасов); интервью с Натальей Баич в Пламптоне, штат Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.
 - 7 Григорий Бологов, председатель Казачьего союза и Комитета русских эмигрантов в Шанхае, цитируется в: Т. В. ТАБОЛИНА. *Русский дом на Тубабао*. М., 2016. С. 41.
 - 8 И. В. ЧАПЫГИН. *Казачья эмиграция в Китае*. Иркутск, 2014. С. 88–89.
 - 9 МАРК РАЕВ. Указ. соч. С. 65–95; J. H. SIMPSON. *The Refugee Problem: Report of a Survey*. London: Oxford University Press, 1939. Pp. 99, 191, 101, 103–104, 538; *Австралиада*. 1999. №21. С. 37 (Федоровский/Храмцов); Там же. 1998. №18С. 15–16 (Халафов); IVAN NIKOLAJUK. *Deda's Memoirs: For the Grandchildren*. Trans. Yura Nikolajuk, Melbourne [?], self-published, 2020.
 - 10 МАРК РАЕВ. Указ. соч. С. 13–28.
 - 11 *Russische Emigration in Deutschland 1918–1941: Fragen und Thesen in Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg*; ed. Karl Schlögel. Berlin: Akademie Verlag, 2018 (репринт). P. 14; МАРК РАЕВ. Указ. соч. С. 125.
 - 12 Там же. С. 100. Главными изданиями были “Современные записки” (Париж), “Руль” (Берлин) и меньшевистский “Социалистический вестник” (Берлин, потом Париж).
 - 13 MARC RAEFF. *Emigration — welche, wann, wo? Kontexte der russischen Emigration in Deutschland 1920–1941, Russische Emigration in Deutschland...* Pp. 23–24.
 - 14 J. H. SIMPSON. *Refugee Problem*, pp. 95–97. Но даже с этой двухполярностью не все было так просто: православные священники, находившиеся в межвоенные годы на территории Польши и Западной Украины, оказались под властью автокефальной Польской православной церкви.

- 15 MICHAEL ALEX ПРОТОПОРОВ. *The Russian Orthodox Presence in Australia*. PhD diss., Australian Catholic University, 2005. Pp. 382–383 (Годяев), 386–387 (Ессенский).
- 16 МАРК РАЕВ. Указ. соч. С. 73 (цитата); J. H. SIMPSON. *Refugee Problem...* P. 101; *Австралиада*. 1998. №18. С. 15 (Халафова); 2005. №45. С. 29 (Артемьев).
- 17 МАРК РАЕВ. Указ. соч. С. 19.
- 18 О контактах правых белых русских эмигрантов, например, генерала Василия Бискупского, с нацистской партией через мюнхенскую подпольную организацию *Aufbau* (*Wirtschafts-politische Vereinigung für den Osten* [Реконструкция: экономическо-политическая организация для Востока]) рассказывается в работе: MICHAEL KELLOGG. *The Russian Roots of Nazism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- 19 MICHAEL ALEX ПРОТОПОРОВ. Op. cit. Pp. 174–175, 386 (Янковский); JOHN STERHAN. *The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile 1925–45*. London: Hamish Hamilton, 1978, pp. 16–30; ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА, *История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века*. М.; СПб., 2015. С. 167–168.
- 20 ANNA MARTA HOLIAN. *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. MI, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. P. 113; CATHERINE ANDREYEV. *Vlasov and the Russian Liberation Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp. 185–188; ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 22–23.
- 21 STEPHEN DORRIL. *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service*. New York: The Free Press, 2000. Pp. 189–190, 409–411, 419–421.
- 22 BENJAMIN TROMLY. *Cold War Exiles...* P. 43.
- 23 Из крупных руководителей Белого движения, участвовавших в Гражданской войне, по-видимому, один только генерал Деникин открыто выступал против коллаборационизма: К. Л. КОТЮКОВ. Российские военные эмигранты и “пораженческое” движение в период Второй мировой войны // *История российского зарубежья. Эмиграции из СССР-России 1941–2001 гг.* / Под. ред. Ю. А. Полякова и др. М., 2007. С. 41–42.
- 24 ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 18–19.
- 25 Русский корпус в Сербии // *Единение*. 1951. 14 сентября. С. 6; MARK R. ELLIOTT. *Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in their Repatriation*. IL, Urbana: University of Illinois Press, 1982. Pp. 14–15.
- 26 STEPHEN DORRIL. *MI6...* P. 409. Члены НТС работали в остминистерии Альфреда Розенберга, в абвере адмирала Канариса и в отделении военной разведки генерала Гелена.

- 27 MARK AARONS. *War Criminals Welcome: Australia, a Sanctuary for Fugitive War Criminals Since 1945*. Melbourne: Black Inc., 2001. Рр. 141–152; ANNA MARTA HOLIAN. Оp. cit. Р. 113; Редактор газеты “Единение” Юрий Константинович Амосов // *Австралиада*. 1995. №2. С. 18.
- 28 Редким случаем среди австралийских иммигрантов была история Леонида Верцинского, выросшего в Белграде: он, как бывший русский офицер, был ненадолго помещен в немецкий концлагерь, откуда его потом выпустили и отправили работать на одном из предприятий Альберта Шпейера на оккупированных территориях СССР: И. БОГУТ. Памяти Леонида Александровича Верцинского // *Австралиада*. 1997. №12. С. 41.
- 29 MICHAEL ALEX PROTOROV. Оp. cit. Р. 416; Алексей Павлович Кисляков. Автобиография // *Австралиада*. 1999. №21. С. 7.
- 30 Если сложить количество репатриантов (в 1946 г.) и невозвращенцев (в 1952 г.), то получится общее количество 4 892 462 человека, из которых 1 663 565 (34 %) были русскими, а 1 795 277 (37 %) украинцами (В. Н. ЗЕМСКОВ. *Возвращение советских перемещенных лиц в СССР, 1944–1952*. М.; СПб., 2016. С. 125, 142 (таблицы 3, 8)). В эти данные не вошли 58 638 человек, вернувшиеся на родину в период с 1947 по 1952 г. (С. 141, таблица 7). Украинцы оказались в большинстве, так как их было больше всех среди увезенных в Германию на работы в течение войны.
- 31 В. Н. ЗЕМСКОВ. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944–1951 годы // *История СССР*. 1990. №4. С. 26. По оценкам Земскова, к моменту окончания войны из них были живы 1,7 миллиона человек: ОН ЖЕ. *Возвращение советских перемещенных лиц...* С. 16.
- 32 Подробнее на эту тему см.: СТЕРНЕН КОТКИН. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995; ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК. *Повседневный сталинизм...*; ТИМОТНУ JOHNSTON. *Being Soviet: Identity, Rumour and Everyday Life under Stalin, 1939–1953*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- 33 А. КАРЕЛ. И. М. Смолянинов — Жизнь и творчество. Краткий очерк // *Австралиада*. 2007. №51. С. 6 (в Австралии Шнитцер был известен под именем Игоря Смолянинова).
- 34 MARK EDELE. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017. Рр. 32–36 (в число перебежчиков 251–318 тысяч в абсолютных величинах не включены военнопленные, взятые в плен в 1941 г., так как немцы тогда еще не вели им счета); Idem. Not an Ordinary Man. Ivan Nikitch Kononov and the Problem of Frontline Defection from the Red Army, 1941–1949, *Australian Journal of Politics and History*. 2016. Vol. 62. No. 4. Рр. 546–560.

- 35 К. Л. КОТЮКОВ. Указ. соч. С. 39–41. О власовском движении см. Также: ANNA MARTA HOLIAN. Op. cit. Pp. 115–116; BENJAMIN TROMLY. Op. cit. Pp. 32–40, 79–84.
- 36 MARK R. ELLIOTT. Op. cit. Pp. 15, 84–85 (цитата); SAMUEL J. NEWLAND. *Cossacks in the Germany Army 1941–1945*. London: Frank Cass, 1991. P. 34.
- 37 СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС (А. ДУБОВ). *Детство, отрочество...* С. 89–96.
- 38 Интервью с Алексом Селеничем в Мельбурне. 8 марта 2016 г.
- 39 В. Н. ЗЕМСКОВ. К вопросу о репатриации... С. 26.
- 40 ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Гали Плисовская // *Австралиада*. 1997. № 14. С. 29; Е. ЮЩЕНКО. Иван Филиппович Гончаров // Там же. 1999. № 21. С. 32; биографии священников: MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. (Иоанн Березовский, pp. 89, 373; Феодор Боришкевич, pp. 97, 373; Алексей Филатов, pp. 113, 379; Виктор Лотоцкий, pp. 90, 394; Борис Масловский, p. 99; Константин Наверейский, pp. 98, 401; Сергей Путилин, p. 110; Александр Шадко-Басилевич, pp. 89–90, 412–413); ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68 Д. 888. Л. 133–135, 217–218 (Комар).
- 41 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 394–395 (Лупич); ANDREJS VIŠEVSKIS. *Family History*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 6 мая 2008 г.; NAA: A6122166: информация от Австралийской армейской разведки, 15 сентября 1954 г.
- 42 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 396–397; Г. И. КЛАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” *История русской диаспоры в Австралии*. Владивосток, 2010. С. 120–123. Рукоположение Мартоса в епископа Витебского подразумевало его подчинение Белорусской Автокефальной церкви.
- 43 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 409–410 (Рафальский); MARK AARONS. *War Criminals Welcome...* Pp. 300 (Островский, Радзевич, Алферчик); ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 888. Л. 143–144 (Марфутенко).
- 44 И. П. БОГУТ. Казачий ансамбль А. В. Карасева // *Австралиада*. 1995. № 5. С. 26–27; KSANA NATALENKO, BOHDAN NATALENKO. *Lilya's Journey: A Russian Memoir*. Sydney: Simon & Schuster, 2004. Pp. 132–133 (и др.); Л. ШЕЛОМОВА. Евгений Николаевич Ющенко // *Австралиада*. 2000. № 23. С. 20; Интервью с русским скульптором Г. М. Виринным // Там же. 1997. № 13. С. 24–25.
- 45 SAMUEL J. NEWLAND. Op. cit. Pp. 129–134; NIKOLAI TOLSTOY. *Victims of Yalta*. London: Hodder & Stoughton, 1977. Pp. 191, 201–202; MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 90, 377–378.
- 46 JAYNE PERSIAN. *Cossack Identities: From Russian Émigrés and Anti-Soviet Collaborators to Displaced Persons, Immigrants & Minorities*. 2018. Vol. 3. No. 26. P. 131.

- 47 В марте 1946 г. доля репатриантов, посланных в лагеря, составляла в действительности менее 7 %, хотя еще 33 % были отправлены отбывать воинскую или трудовую повинность; советские органы, занимавшиеся репатриацией, старались найти репатриантам и жилье, и работу и опекали их. Тем не менее, нередко они подвергались дискриминации и осуждению со стороны местных властей, соседей и т. д. (SHEILA FITZPATRICK. *The Motherland Calls...* Рр. 344 и др.).
- 48 MARK ELLIOTT. Op. cit. Р. 31. В другом месте (р. 97) Эллиотт приводит такие данные: 900 тысяч красноармейцев, захваченных [союзниками], воевавших в рядах вермахта.
- 49 ANDREJS VIČEVSKIS. *Family History*, электронное письмо Шейле Фицпатрик, 6 мая 2008 г.; интервью с Алексом Селеничем; СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Детство, отрочество...* С. 113.
- 50 UQFL: UQFL 44, box 18, folder 107, рукопись *Escape from UN-Reality* сэра Рафаэля Силенто (*Sir Raphael Cilento*). Рр. 37–38, 40, 62–64.
- 51 Combined Chiefs of Staff, Reciprocal Agreement on Prisoners of War, 8 February 1945 in: Argonaut Conference January — February 1945: Papers and Minutes of Meetings Argonaut Conference, Office, U. S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff, 1945.
- 52 В. Н. ЗЕМСКОВ. “Вторая эмиграция”... С. 73.
- 53 Приказ №207 от 16 августа 1941 г., постановление ГКО от 24 и 27 декабря 1941 г. // *Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР “Смерш”, 1939 — март 1946* / Сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2006. С. 324–325.
- 54 Воспоминания Ольги Николаевны Цирканс-Протопоповой, жены (Австралиада. 2000. №23. С. 11–13), и см. воспоминания сына, Михаила Протопопова (Михаил А. ПРОТОПОПОВ. *Живых проглотим их: путь от Георгиевского креста к Голгофе*. Мельбурн, 2000).
- 55 MARK EDELE. Not an Ordinary Man. Рр. 546–560; MICHAEL ALEX PROTOROV. Op. cit. Рр. 377–378, 244–245 (Дереза и Мартос).
- 56 NIKOLAI TOLSTOY. Op. cit. Рр. 213–214; NICHOLAS BETHELL. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944–1947*. London: Deutsch, 1974. Рр. 135, 151; JAYNE PERSIAN. *Cossack Identities...* Р. 131.
- 57 *Единение*. 1951. 29 апреля. С. 7.
- 58 СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Детство, отрочество...* С. 112–119; “Интервью”. С. 25; ИВАН БОГУТ. Штрихи из моей жизни // *Австралиада*. 2003. №35, 36.
- 59 MARK ELLIOTT. Op. cit. Р. 87.
- 60 JAYNE PERSIAN. *Cossack Identities...* Р. 131.
- 61 STEPHEN DORILL. *MI6. Fifty years of special operations*. New York: Free Press, 2000. Рр. 415–417; DAVID HORNER. *The Spy Catchers*. Sydney: Allen & Unwin, 2014. Рр. 254, 271; NAA A6119, 2723, NIKOLAY PAVLOV.

- 62 О праве на получение статуса см. RUTH BALINT. *Destination Elsewhere...* (особенно глава 1).
- 63 Г. И. КАНЕВСКАЯ. "Мы еще мечтаем о России.." С. 126–128; MICHAEL ALEX PROTOROV. Op. cit. Pp. 137–140, 146–149, 153; NAA: D4878, KAPITULA, F.; NAA: A1838, 1550/26: Докладная записка (12 января 1966 г.) от Джека М. Дэвиса, заместителя комиссара полиции стран Содружества, в МИД (Викс).
- 64 AN: AJ/43/457, устав IRO; NAUK: FO 945/477, С. Грэнвилл Смит, страница протокола для г-на Уилберфорса из Контрольного управления по Германии и Австрии Министерства иностранных дел, 25 февраля 1946 г. (вся страница, включая цитату, перечеркнута).
- 65 Общее количество русских беженцев, которые могли попасть под опеку UNRRA, а позже IRO, неизвестно. В октябре 1946 г. по оценке межправительственного комитета по беженцам в одной только британской оккупационной зоне Австрии находились 4 800 [белых] русских и русских украинцев, а еще какая-то часть из 5 320 человек была отнесена к лицам без гражданства. В ту пору в лагерях находилось около половины людей из первой группы, но почти никого из второй. AN: AJ/43/75: G. G. K. (Кулман, пом. дир. IGCR) — И. Л. Хендерсону в МИД, Лондон, 23 октября 1946 г.
- 66 AN: AJ/43/457: Симон Визенталь — Бедо, сотруднику IRO, отвечавшему за отбор мигрантов, в Зальцбурге, 20 октября 1948 г.
- 67 NAUK: FO 1020/2507, письмо майора Р. Хилла из Отдела ди-пи в Отдел военнопленных и ди-пи союзного командования в Австрии, 12 ноября 1947; NAUK: FO 1020/2507, Д. К. — директору отдела внутренних дел, HMG, 4 апреля 1949 г. (Приятные воспоминания остались у этого Д. К.)
- 68 NAUK: FO 371/87432, Т. Шауфусс (Толстовский фонд) в IRO об опеке бывших членов Русского охранного корпуса, 14 октября 1949 г.
- 69 BEN SHEPHERD. *The Long Road Home: The Aftermath of the Second World War*. London: Vintage Books, 2010. Pp. 259–266.
- 70 NAA: A445235/1/2, "Пересмотр политики — 1947": "Перемещенное или преследуемое лицо — это человек, пострадавший от нацистского или фашистского режима, оказавшийся в концентрационном или трудовом лагере, увезенный из родных или привычных мест обитания, [или] вынужденный скрываться во время войны". Об определении, введенном IRO, см.: MICHAEL R. MARRIS. *The Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press, 1985. Pp. 341–342.
- 71 СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Детство, отрочество...* С. 127–128; Л. АРТЕМЬЕВ. Мои горькие университеты // *История русских в Австралии...* Т. 1. С. 109–111; ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч.

- С. 33; Леонид Феодосьевич Артемьев: автобиография // *Австра-
лиада*. 2001. №29. С. 22.
- 72 Интервью с Николаем Коваленко // *Единение*. 2018. 8 октября.
- 73 MICHAEL ALEX PROTOROV. Op. cit. Pp. 386–387.
- 74 ANNA MARTA HOLIAN. Op. cit. Pp. 109, 103.
- 75 Ibid. Pp. 124, 116, 216; СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Детство, отроче-
ство...* С. 126.
- 76 Согласно сделанным в 1953 г. и неопубликованным оценкам аме-
риканского демографа Евгения Кулишера, среди 285 тысяч невоз-
вращенцев — граждан СССР на момент до 1939 года — было около
40 тысяч русских (14 %) (приводится в: MARK ELLIOTT. Op. cit.
P. 174). По советским оценкам, в 1952 г. из 451 560 граждан-невозвра-
щенцев (включая тех, кто получил гражданство только в 1940 г., и тех,
кто переселился за пределы Европы, но исключая эмигрантов первой
волны), образовавших “вторую эмиграцию”, русские составляли 7 %
(31 700 человек), а украинцы — 32 % (144 934 человека): В. Н. Зем-
сков. *Возвращение...* С. 142. Сравнение этих данных с разделением
на национальности 4,4 миллиона советских граждан, которые, на-
против, вернулись из Европы после войны (Там же. С. 125), позволяет
предположить, что русские (37 % репатриантов) возвращались на ро-
дину охотнее, чем украинцы и представители других народов СССР.
- 77 *Австралиада*. 2000. №23. С. 20 (Ющенко); 2002. №32. С. 13–14
(Истомин/Калиновский); 2005. №43. С. 32 (Некрасов); 2014. №78.
С. 11 (Щеглова-Вентура-Ладуска); *История русских в Австралии...*
Т. 1. С. 109–111 (Артемьев).
- 78 IVAN NIKOLAJUK. Op. cit. Pp. 154–155.
- 79 ANDREW JANCO. *Displaced Persons in Europe, 1941–1951*, PhD diss.,
University of Chicago, 2012. Pp. 210, 224–225.
- 80 ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 30 (первая цитата); член НТС
Евгений Романов, цитируется в: ANNA MARTA HOLIAN. Op. cit.
P. 114 (вторая цитата).
- 81 ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 31–34; STERHEN DORILL. Op.
cit. Pp. 415–417; *Австралиада*. 1995. №2. С. 18–19 (Амосов); интер-
вью с Георгием Николаюком (сыном Ивана) в Бинаке, штат Викто-
рия, 26–27 августа 2019 г.
- 82 Яркое описание “буйных разрушений”, учиненных русскими
ди-пи в лагере Беттенгаузен под Касселем в мае 1945 г., после чего
их выгнали и приняли вместо них латышей, которые навели в ла-
гере образцовый порядок, см. в: *A Short History of Junkers Camp,
Bettenhausen, Kassel*, UNRRA Archives: S-1021-0081-0003; DP-US 20
(Historical Monographs).
- 83 ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 37. Организация российских
юных разведчиков (ОРЮР) была создана, несмотря на неодобрение

- МИД Британии, которое явно встревожилось из-за возможных возражений со стороны СССР: НАУК: FO 371/56844: *Soviet Union. Boy Scout Movement among Russian Emigres and Displaced Persons in Europe.*
- 84 MICHAEL ALEX ПРОТОРОПОВ. *Op. cit.* Рр. 371–422 (биографическое приложение). Среди бывших довоенных граждан СССР были священники Сергей Путилин Александр Шадко-Бавилевич. Священники Иоанн Березовский, бывший узник ГУЛАГа, Иоанн Лупич и архиепископ Феодор Рафальский были родом с территорий, оккупированных в 1939 г. Священники Алексей Годяев и Константин Ессенский принадлежали к бывшим эмигрантам. К числу священников в лагерях ди-пи, которые сами были перемещенными лицами, относились Иоанн Березовский, служивший в лагере Хильдесхайм, и Феодор Борншкевич, служивший в лагере Шляйсхайм — центре антикоммунистической организации под Мюнхеном, где жили и эмигранты первой волны, и бывшие советские граждане. Исидор Дереза и Алексей Филатов служили в лагере Парш под Зальцбургом, где осело много белых русских.
- 85 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “*Мы еще мечтаем о России...*” С. 128–129; MICHAEL ALEX ПРОТОРОПОВ. *Op. cit.* Рр. 174–175. Если верить Протопопову, позднее, когда стали доступны советские архивы, подтвердилась обоснованность предъявлявшихся Янковскому обвинений в том, что он советский агент.
- 86 Ю. ДОМАНСКИЙ. Из Австрии в Австралию // *История русских в Австралии...* Т. 1, с. 145–149; ИВАН БОГУТ. Штрихи из моей жизни... С. 107–109.
- 87 См. переписку 1950 г. между сотрудниками IRO, Толстовского фонда и британским МИД в: НАУК: FO 371/87432 и FO 1020/2507.
- 88 НАУК: FO 371/87432, Эдмундс, участник британской делегации, в МИД, 11 марта 1950; НАУК: FO 371/87432, докладная записка от Бэлланса из отдела ди-пи, ACABE, Вена, 25 апреля 1950 г.
- 89 AN: AJ/43/193, письмо Кингсли в МИД Британии и других стран о сворачивании деятельности IRO, 25 февраля 1952 г.
- 90 Ю. ДОМАНСКИЙ. Из Австрии... С. 145–149; ИВАН БОГУТ. Штрихи из моей жизни... С. 107–109; *Австралиада*. 1995. № 2. С. 18–19 (Амосов); ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 42.
- 91 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 143–145 (Марфутенко); SHEILA FITZPATRICK. *Mischka's War...* Рр. 32–33 (Бичевские); *Австралиада*. 1999. № 21. С. 7 (Кисляков); ГА РФ. Ф. 9526.6 Оп. s/890. Л. 73 (Шевелев).
- 92 СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Детство, отрочество...* С. 126, 136–140; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 219 (Янович/Нойман); интервью с Наталией Банч в Пламптоне, штат Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.; НАА: А6119, 4715; МОКРАС, Лидия, т. 2.

Глава 2. Австралийские методы отбора

- 1 Приводится в: JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...*: P. 521.
- 2 LESLIE HAYLEN. *Twenty Years Hard Labor*. Melbourne: Macmillan, 1969. P. 94.
- 3 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons: Calwell's New Australians*. Sydney: ANU Press, 1988. P. 17.
- 4 ANDREW MARKUS. Labour and Immigration 1946–1949: The Displaced Persons Program, *Labour History*, 1984, no. 47. Pp. 77–78.
- 5 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* Pp. 8–19; NAA: A445223/2/5, A. A. Calwell's visit to Europe, July 8–22 1947.
- 6 NAA: A446-57-67774, *Look to Europe for the People We Need*, by Arthur A. Calwell, вырезка из *Brisbane Telegraph*, 29 December 1947.
- 7 Подробно о том, как делались попытки вычислить количество русских, см. в разделе “Статистические замечания”. В австралийских сводках часто фигурирует число 170 700 — количество всех мигрантов из числа ди-пи, принявших участие в массовом переселении (вероятно, не учитывающее въезжавших индивидуально с правом высадки): см. например: EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 43. Другое число — 182 159 человек — вероятно, включает как минимум тех мигрантов с правом высадки, кто находился под опекой IRO, происходит из: LOUISE W. HOLBORN. *The International Refugee Organization*. London: Oxford University Press, 1956. Annex 40. Pp. 433–436.
- 8 О “беспорядках под красным флагом” см.: RAYMOND EVANS. *The Red Flag Riots: A Study of Intolerance*. Brisbane: University of Queensland Press, 1988; Idem. “Agitation, Ceaseless Agitation”: Russian Radicals in Australia and the Red Flag Riots, *Russia and the Fifth Continent*, John McNair and Thomas Poole (eds). St Lucia: University of Queensland Press, 1992. Pp. 126–171; KEVIN WINDLE. *Undesirable: Captain Zuzenko and the Workers of Australia and the World*. Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2012; ELENA GOVOR. *Australia in the Russian Mirror*. Melbourne: Melbourne University Press, 1997. Pp. 219–235. О полицейском надзоре см.: FRANK CAIN. *The Origins of Political Surveillance in Australia*. Sydney: Angus & Robertson, 1983.
- 9 BORIS CHRISTA. Russians, *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, Its People, and Their Origins*, James Jupp (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 637. Согласно данным последней переписи перед Второй мировой войной, в России родились 4 890 человек, из них 2 827 были иностранцами (исключая натурализовавшихся), русскими по национальности: Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1933*. Vol. 1, part 2, 732, part XI. Pp. 884–885.

- 10 Эти данные сообщал Зузенко, главный среди радикалов: KEVIN WINDLE. *Undesirable: Captain Zuzenko...* Р. 15. После 1905 года к ссылке были приговорены 74 245 политических инакомыслящих, из них 34 740 потом сбежали. “Брисбен — как первый порт назначения по пути с Дальнего Востока — стал важным центром русского радикального движения в изгнании” (ERIC FRIED. *The First Consul: Peter Simonoff and the Formation of the Australian Communist Party, Russia and the Fifth Continent*, John McNair and Ray Poole (eds). Р. 111).
- 11 ELENA GOVOR. *Op. cit.* Pp. 219–220; BORIS CHRISTA. *Great Bear and Southern Cross: The Russian Presence in Australia...* Pp. 93–94.
- 12 О Сергееве см.: RAYMOND EVANS. *Op. cit.* Pp. 29–30; о судьбе его сына см.: ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК. *Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике*. М., 2021.
- 13 Цитируется в: ELENA GOVOR. *Op. cit.*
- 14 ERIC FRIED. *Op. cit.* Pp. 110, 121; RAYMOND EVANS. *Op. cit.* P. 146 (цитата).
- 15 Эванс (RAYMOND EVANS. *Op. cit.* Pp. 168–171, 206–207) рассказывает о высылке семерых русских радикалов в апреле 1919 г. и еще восьмерых — в сентябре. В стандартных советских справочных данных сообщается о 33 беглых политических ссыльных, которые временно поселились в Австралии, а после революции вернулись уже в Советскую Россию: ERIC FRIED. *Op. cit.* Pp. 111, 122, п. 4.
- 16 JUDITH ARMSTRONG. *The Christesen Romance*. Melbourne: Melbourne University Press, 1996. Р. 110.
- 17 Н. И. ДМИТРОВСКИЙ (Брисбен). Русские в Квинсленде // *Австралиада*. 1996. № 8. С. 8–9; № 9. С. 5–8; 1997. № 10; № 12. С. 16–19; № 13. С. 7–10; № 14. С. 7–10; 1998. № 15. С. 3–7. Этими священниками были Александр Шабашев и архимандрит Мефодий (Шлемин). О русских эмигрантах в период между мировыми войнами см. также: CHARLES PRICE. *Russians in Australia: A Demographic Survey, Russia and the Fifth Continent...* Pp. 67–71. JAYNE PERSIAN. *Cossack Identities...* P. 135.
- 18 Один из примеров — Роман Емельянов (1896–1964), бывший военный с Урала, избранный в 1930 г. атаманом брисбенской станицы: он приехал вместе с атаманом Толстовым в 1923 г., но не был казаком по рождению (*Австралиада*. 1997. № 14. С. 7).
- 19 Один, Александр Токмаков, женился на Люсе Бухвостовой (тетке Натальи Мельниковой), долгое время бывшей главным редактором журнала “Австралиада” из харбинской семьи, другие члены которой приехали в Австралию в начале 1950-х. О ее спонсорской деятельности: *Австралиада*. 2012. № 73. С. 5–6.
- 20 И. В. ЧАПЫГИН. *Казачья эмиграция...* С. 101.

- 21 BORIS CHRISTA. Russians... P. 637; JUDAH L. WATEN. *Alien Son*. Sydney: Angus & Robertson, 1952.
- 22 NAA: A6119, 1386, Bella Weiner. В конце 1930-х Вайнер вышла замуж за Сиды Мостина, видного коммуниста, который руководил Домом Маркса в Сиднее.
- 23 NAA: A1, 1927/11127. Каневскому все-таки дали гражданство 2 ноября 1927 г., одним из его поручителей стал адвокат и борец за гражданские права Морис Блэкбёрн. При вынесении положительного решения акцент делался на его репутации в мельбурнской общине и на том, что его жена была австралийкой шотландского происхождения.
- 24 NAA: A6122 2739, донесение ASIO 1952 г. о Косском; BORIS CHRISTA. Russians... P. 637; AMBROSE PRATT. *Sidney Myer: A Biography*. South Yarra, Vic.: Quartet Books, 1978.
- 25 Из воспоминаний Н. М. Кристесен // *Австралиада*. 1997. №14. С. 18–21; *История русских в Австралии*... Т. 4. С. 103 (Давиденко); *Австралиада*. 1996. №8. С. 28–29, Г. Косицын. Иван Дмитриевич Репин // *Единение*. 2013. 15 февраля (Хотимский).
- 26 П. М. Химин. Данила Васильев // *Австралиада*. 1994. №1. С. 25–26 (примечательно, что эта статья, перепечатанная из номера “Единения” от 21 февраля 1986 г., фокусируется исключительно на образе его как белого, о его симпатиях к левым не сказано ни слова); RICHARD HAESE. *Rebels and Precursors: The Revolutionary Years of Australian Art*. Melbourne: Allen Lane, 1981. Pp. 78, 144.
- 27 NAA: A6119, 6971 и A6119/2/206971.
- 28 И. МИГУНОВА-Климин. Доктор Александр Александрович Жемчужный (Джеймс) // *Австралиада*. 2001. №28. С. 4–5; Ее же. Зинаида Николаевна Жемчужная // Там же. 2002. №31. С. 35–36; MICHAEL BIALOGUSKI. *The Petrov Story*, Melbourne: Mandarin Australia, 1989. Pp. 39–44.
- 29 National Archives of Australia, A6119 1152: Fitzer Nathan Mihalo-vitch Vol. 1: memo from Security Service Sydney, 26 September 1942.
- 30 Norman Abjorenson. Alexander Kerensky from the Russian Revolution to Australia, *The Sydney Morning Herald*, 11 July 2017; MICHAEL ALEX PROTOROV. Op. cit. P. 55; Из воспоминаний Н. М. Кристесен // *Австралиада*. 1997. №14. С. 18–21.
- 31 Н. КОВАЛЕНКО. Начало газеты “Единение” // *Австралиада*. 2000. №25. С. 3; L. R. HUMPHREYS. *Trikopus: A Scientist in Interesting Times*. Melbourne: Melbourne University Press, 2004. Pp. 49, 55–56, 60 и др.
- 32 См. NAA: A6126 10, White Russians and Russian Fascists (1942–1943). В 1942 г. Служба безопасности Британского Содружества даже про-явила инициативу и отправила в лорду-канцлеру экземпляр статьи

- о Русском фашистском союзе, опубликованную в Токио, для передачи ФБР. NAA: A981, SOV 8 PART 1.
- 33 JOHN STERNAN. Op. cit. P. 183; Barbara Winter. *The Most Dangerous Man in Australia?* Brisbane: Glass House Books, 2010. Pp. 125–129; МИХАИЛ ПРОТОПОПОВ. *Преосвященнейший Феодор (Рафальский): архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский 1895–1955 и его эпоха*. Мельбурнский университет, [2000]. С. 78–85; JAYNE PERSIAN. “*The Reverend Fascist*”: Harbin, Brisbane and Post-War Immigration to Australia, неопубликованный доклад, представленный на конференции “Русские из Китая в Австралии”, состоявшейся в Сиднейском университете 7 ноября 2019 г.
- 34 NAA: A3671940/1/289, V. Antonieff; NAA: MP 1103/1 Q433, Prisoner of War/ Internee Rodjestvensky, Ivan Pavlovich; NAA: A434, 1950/3/1020, донесение сотрудника CIB Р.М. Реталлака, 1947; JAYNE PERSIAN. “Reverend Fascist”.... Отметим, что написание *Rodjestvensky*, которое является неверной транслитерацией русской фамилии Рождественский, принято за стандартное не только во всех австралийских официальных документах, имеющих к нему отношение, но даже и в его собственном ходатайстве о получении гражданства (*The News* [Adelaide], 13 March 1945).
- 35 AN: AJ/43/618, Folio 23, Доклады об иммиграционной политике Австралии (*Reports on Australian Immigration Policy*) К. Дж. Топшера, сиднейского сотрудника, работавшего с беженцами, видимо, для Комиссии по делам беженцев и иностранцев Общества друзей [квекеров] — в IGCR, Лондон, первая часть доклада, датированная апрелем 1944 г. Правительственный комитет, занимавшийся вопросами послевоенной иммиграции, заключил в 1944 г., что 7–8 тысяч беженцев-евреев, впущенных в страну до войны, оказались нежелательными иммигрантами, так как “большинство из них, вероятно, 80 %, осели в Сиднее и Мельбурне и вскоре привлекли к себе внимание явным желанием приобретать недвижимость и селиться в определенных кварталах, например, в сиднейском пригороде Кингс-Кросс”. Цитируется в: SUZANNE D. RUTLAND. *THE HISTORY OF AUSTRALIAN JEWRY, 1945–1960*. PhD diss., University of Sydney, 1990. P. 46.
- 36 NAA: A6980, S250104, *Agreement between the Government of the Commonwealth of Australia and the Preparatory Commission of the International Refugee Organization*, Geneva, 21 July 1947: “Страны Содружества договорились о том, что отбор мигрантов будет совершаться без дискриминации на расовой или религиозной почве”.
- 37 “Все люди, подпадающие под мандат IRO, без каких-либо разграничений по расовым или религиозным соображениям, могут считаться годными для эмиграции в Австралию. На этот первый рейс из британской зоны набираются только одинокие мужчины, при-

балты, стоящие на учете как перемещенные лица” (JAYNE PER-SIAN. *Beautiful Balts...*).

- 38 CPD, no. 38, 17 September 1948 Pp. 563–565.
- 39 Подробнее об этом см.: SHEILA FITZPATRICK. Migration of Jewish “Displaced Persons” from Europe to Australia after the Second World War: Revisiting the Question of Discrimination and Numbers, *Australian Journal of Politics and History*. 2021. Vol. 67, no. 2.
- 40 Ноэль Ламидей, ответственный сотрудник миграционной службы в Лондоне, отчитываясь перед Канберрой 8 сентября 1947 г., после дискуссий с сотрудниками IRO в Женеве, отмечал, что IRO “весьма заинтересована во включении определенного процента евреев” в отбираемый для Австралии контингент, и ссылается на запрет дискриминации на почве расовой или религиозной принадлежности в соглашении 1947 года. “Если бригадный генерал Уайт незамедлительно не отдаст четких директив на этот счет, IRO бросит все силы на то, чтобы избавиться от них [перемещенных лиц-евреев — отослав их в Австралию]”. Но, продолжал Ламидей, “надо отдать должное г-ну Иннзу” (одному из сотрудников IRO, с которыми он пообщался), “как только я объяснил ему суть наших затруднений и политических неприятностей, которые, скорее всего, последуют в результате малейшего отклонения от ваших рекомендаций, насколько я их понял, он охотно смирился с договоренностями, которых мы в итоге достигли...” NAA: A6980, S250104.
- 41 AN: AJ/43/566; *Restrictions on Jewish Immigration in South America*, 24 June 1947; AJ/43/613, докладная записка от Грисона Рикфорда полковнику Питерсу, 29 января 1949 г.; AJ/43/612: Чарльз Г. Джордан, Американский еврейский объединенный распределительный комитет, — подполковнику авиации Роберту Иннзу, PCIRO Женева, 7 августа 1948.
- 42 Основано на: EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 43.
- 43 Ibid. P. 43; AN: AJ/43/899, материалы прессы ди-пи: вырезка из газеты украинских перемещенных лиц *Ozas*, 5 сентября 1949 г. (цитата).
- 44 A. A. CALWELL. *Be Just and Fear Not*. Hawthorn, Vic.: Lloyd O’Neil, 1972. P. 103 (цитата). Мигрантам выдавали пособие по английскому языку и руководство, знакомившее с австралийским образом жизни; их обеспечивали одеждой и выплачивали денежное пособие — 25 шиллингов в неделю (из этих денег один фунт в дальнейшем следовало вернуть, чтобы покрыть расходы на их содержание). Кроме того, им платили за работу сумму, сопоставимую, как считалось, с уровнем заработков самих австралийцев. NAA: A6980-S25015, *Displaced Persons Policy*, part 3 (1947–48).
- 45 Об обвинениях со стороны СССР см.: SHEILA FITZPATRICK. *The Motherland Calls...* P. 350; о реакции австралийцев, см. на-

пример, замечание Колуэлла, что “он очень рад, что генеральный директор IRO нейтрализовал злобные рассказы, распускаемые коммунистами в Европе и Австралии и другими, кто желает опорочить нашу страну”. Приводится в: Moscow Wrong about DPs, says IRO, *Australian Newsletter*, no. 126, 30 June 1949, in AN: AJ/43/897. С похожей критикой выступал ранее У.К. Коллингс, сотрудник IRO в Вене, в ходе визита в Новую Зеландию он “осуждал действия Австралии, направленные на предпочтительный отбор молодежи, так как это создавало из ди-пи «современный рабский рынок»”. *Barrier Miner* (Broken Hill, NSW). 31 December 1948. P. 6.

- 46 ANDREW MARKUS. Op. cit. P. 87.
- 47 NAA: A6980-250104, Calwell to Chifley, 28 October 1947.
- 48 AN: AJ/43/897, пресс-релиз, 19 сентября 1947 г.; NAA: A6980-250104, *Australian Resettlement Scheme*, PCIRO, 23 September 1947.
- 49 Крайне неблагоприятную характеристику работы австралийской отборочной комиссии см. в: SUZANNE D. RUTLAND. History of Australian Jewry... P. 96, и автобиографический роман, написанный ди-пи: V. I. BORIN. *The Uprooted Survive: A Tale of Two Continents*. London: Heinemann, 1959. P. 130; также JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* P. 66-68.
- 50 NAA: A446-57-67774, *Report on the Selection of Displaced Persons from Europe*, by A.J. Withers, Interviewing and Selection officer Department of Immigration, n. d. [1948].
- 51 NAA: A6980/S250104, доклад Австралийского бюро новостей и информации из Берлина, 18 июля 1947 г. (цитата), и см. схожие замечания со стороны Колуэлла в NAA: A6980-S250104, *Conference on Displaced Persons*, Berlin, 17-18 июля 1947 г.
- 52 AN: AJ/43/645, Галлеган — мисс Вермулен (IRO), 21 февраля 1949 г. (цитата).
- 53 Ibid (цитата); AN: AJ/43/696: докладная записка от Гирсона Рикфорда, IRO, К. Дж. У. Лейну из австралийской отборочной комиссии, 18 марта 1948 г.; AJ/43/619, *Mass Resettlement. Australia 1948-1950*; NAA: A6980-S150106, докладная записка *Medical Standards of DPs* by A.J. Metcalfe, Commonwealth Director-General, Health, 1 февраля 1949 г.
- 54 NAA: A6980-S250104, *DPs for Australia*, Control Commission for Germany (BE), Prisoners of War and Displaced Persons Division, Technical Instruction no. 27 (Provisional); NAA: A446-57-67774, *Displaced persons travelling on “General Heintzelman”, due to arrive Fremantle 26 November 1947*.
- 55 NAA: A6980-S250104, *DPs for Australia* Control Commission for Germany (BE), Prisoners of War and Displaced Persons Division, Technical Instruction no. 27 (Provisional); NAA: A446-57-67774, Dis-

- placed persons travelling on “General Heintzelman”, due to arrive Fremantle 26 November 1947, and Displaced Persons (Nurses, Waitresses and Domestic) SS *General Stuart Heintzelman*, Fremantle, 28 Nov 1947’, memo from A. L. Nutt, Asst. Sec., Immigration, 1 December 1947. См. также: ANN TUNDERN-SMITH. *Bonegilla’s Beginnings*. Wagga Wagga: Triple D Books, 2007. P. 48.
- 56 JACQUES VERNANT. *The Refugee in the Post-War World: Preliminary Report of a Survey of the Refugee Problem*. Geneva: United Nations, 1951. P. 60.
- 57 NAA: A6980-S25105, *Recruitment of “White Russians”*, от Галлеghана из Берлина в министерство иммиграции, 18 августа 1948 г.; NAA, 6980-S250106, *Note on the nationality of DPs selected for resettlement*, в министерство иммиграции, 20 июня 1949 г. (разъяснение в августе 1948 г. решения впускать белых русских).
- 58 AN: AJ/43/611, Australian Agreement (agreed with Mr Heyes, 1 June 1950).
- 59 HARRY MARTIN. *Angels and Arrogant Gods*. Canberra: AGPS, 1989. P. 17 (statement of Mort Barwick).
- 60 AN: AJ/43/808, папка, посвященная калмыкам: докладная записка, прикрепленная к “Протоколам совещания между добровольными ведомствами касательно переселения калмыков” (*Minutes of conference between voluntary agencies re Kalmyk [sic] resettlement*), 30 августа 1951.
- 61 NAA: A6980-S250106, Heyes, confidential for Galleghen, 4 May 1949. Если при въезде в Австралию выдача фальшивых удостоверений личности никогда не становилась предметом обсуждения в обществе, то в США дело обстояло иначе: так, Александра Толстая пыталась втолковать несколько озадаченным членам комитета конгресса, что такое делалось очень часто (по ее оценкам, в США с поддельными документами въехали около 15 тысяч русских ди-пи) ввиду страха перед насильственной репатриацией, и что люди с такими документами не представляют угрозы для безопасности страны: *Hearings before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary, Eighty-Fourth Congress, Scope of Soviet Activity in the United States, April 27 and May 17, 1956, Part 21*, Washington, DC, United States Government Printing Office, 1956. Pp. 1326, 1337.
- 62 NAA: A445235/1/2, Revised Policy — 1947. Admin. Non-British Europeans. Second meeting of CIAC held Sydney 2 April 1947 (Armenians); AN: AJ/43/572: переписка между сотрудниками IRO за сентябрь 1949 г. о возможности приема Австралией некоторого количества беженцев-мусульман из Египта (крымские татары; цинтаты); AN: AJ/43/134. Pièces concernant l’historique des services de l’OIR à l’étranger: Autriche, Australie. South America file, Paraguay,

- report from Arnould de Soucy, Paraguay, 30 May 1951 (о желании нескольких калмыков поселиться в Австралии); AN, AJ/43/619, Mass resettlement. Australia 1948–1950, Memo from Clabon, Chief, Brit. Commonwealth branch, for Director, Division of mass resettlement, 22 June 1949.
- 63 HARRY MARTIN. Op. cit. P. 91 (Грег Хамфрис, первая цитата), 35 (Том Страттон, вторая цитата).
- 64 Особенно у Сюэзан Д. Ратленд: SUZANNE D. RUTLAND. Subtle Exclusions: Postwar Jewish Emigration to Australia and the Impact of the IRO Scheme, *Journal of Holocaust Education*. 2001. Vol. 10, no. 1. Pp. 50–66; *Edge of the Diaspora: Two Centuries of Jewish Settlement in Australia*. Sydney: Brandl and Schlesinger, 2001. Pp. 225–255.
- 65 KLAUS NEUMANN. Op. cit. Pp. 93–94 (цитата, p. 90).
- 66 А. А. CALWELL. Op. cit. P. 103. Подробнее о неприязни Колуэлла к ХИАС и о трениях между ХИАС и Джойнтом из-за рейсов с мигрантами в Австралию см. в: SUZANNE D. RUTLAND, SOL ENCEL. Three “Rich Uncles” in America: The Australian Immigration Project and American Jewry, *American Jewish History*. 2009. Vol. 95. no. 1. Pp. 112–114.
- 67 NAA: A445-223-2-5, ‘A. A. Calwell’s visit to Europe, July 8–22 1947’.
- 68 См. инструкцию № 39 австралийской военной миссии от 26 мая 1949 г.: SUZANNE D. RUTLAND. *The History of Australian Jewry...* Pp. 347–348, appendix II.
- 69 NAA: A6980-S250104, цитируется в донесении о заседаниях в Берлине, 17–18 июля 1947 г.
- 70 О случае “Дерны” см.: DIANE ARMSTRONG. *The Voyage of Their Life*. Sydney: Harper Collins, 2002. На борту “Дерны” было более 500 пассажиров, точное количество евреев среди них неизвестно. В августе австралийские власти к своему огорчению узнали, что Джойнт зарезервировал 100 мест для евреев-мигрантов с правом высадки и дополнительно 50 мест — для еврейских сирот. AN: AJ/43/639, Individual migration. Individual Migration Branch, PCIRO, to Gen Lloyd, 24 August 1948, on PCIRO Financial Assistance to Individual Migrants for Australia.
- 71 AN: AJ/43/639, Боу — Ситроэну, 2 сентября 1949 г., Ситроэн — Иннзу, 16 сентября 1948 г. Информация IRO о связи со скандалом на борту “Дерны” поступила от представителя IRO в Австралии генерал-майора Ллойда.
- 72 NAA: A446-57-67774, фрагмент недатированного письма Т. Г. Хейса, где сообщалось о решениях министра со ссылкой на “Берлинскую инструкцию № 20”, 19 ноября 1948 г. О медленной реакции сотрудников отборочной комиссии см. SUZANNE D. RUTLAND. *The History of Australian Jewry...* Pp. 347–348, appendix II.

- 73 NAA: A6980-S250100. Ламидей — министру иммиграции, 8 сентября 1947 г.; NAA: A6980-S250106: Хейс — Галлегану, конфиденциально, 3 марта 1949 г.
- 74 Закулисные попытки IRO нейтрализовать наложенные Австралией ограничения на въезд евреев проявлялись, например, в поддержке Американского еврейского объединенного распределительного комитета (Джойнта), резервировавшего койки на борту парохода “Дерна”, свыше оговоренной для евреев квоты в 25 %, и в других делах. AN: AJ/43/639: Individual migration, Individual Migration Branch, PCIRO, генерал-майору Ллойдлу, 24 августа 1948 г., о финансовой помощи PCIRO мигрантам, отправляющимся в Австралию в индивидуальном порядке; AJ/43/639, Ситроэн — Иннзу из отдела переселения, 16 сентября 1948 г., и Якобсен — Кингсли, 12 января 1950 г.: Reimbursement to AJDC/HIAS for movements to Australia. Язывительное неофициальное замечание IRO о дискриминационной практике Австралии, отпущенное главным сотрудником IRO, отвечавшим за отбор кандидатов среди мигрантов, У. Боу, содержится в: AN: AJ/43/639: Individual migration, Боу — Ситроэну, 2 сентября 1949 г.
- 75 В книге: SUZANNE D. RUTLAND. *Edge of the Diaspora: Two Centuries of Jewish Settlement in Australia*. Sydney: Brandl and Schlesinger, 2001. Р. 240, приводятся приблизительные данные: 250–500 человек. 6260 человек — такое число обозначено в письме, датированном 23 июля 1951 г., от статистика Кевина Джонса, в ответ на запрос Колуэлла, запрашивавшего, сколько евреев-мигрантов въехало в страну после войны; я случайно наткнулась на этот документ в NLA: MS 4738 (архив Колуэлла), коробка 57, непронумерованная папка. Подробнее о том, что это могло значить, см. в: SHEILA FITZPATRICK. *Migration of Jewish...* Надежных данных о доле евреев среди перемещенных лиц в Европе нет, поскольку состав постояльцев лагерей ди-пи постоянно менялся, а сам термин “евреи” как категория национальности применялся в американской оккупационной зоне, но не применялся в британской. Лучшие из доступных данных приведены в: LOUISE W. HOLBORN. *International Refugee Organization...* Рр. 188–189, 197 (annex 13) and 437–440 (annex 41).
- 76 Из 231 548 еврейских беженцев, переселенных под эгидой IRO в 1947–1951 гг., 130 408 (56 %) уехали в Израиль: *ibid.* Р. 437–440.
- 77 SUZANNE D. RUTLAND. *Edge of the Diaspora...* Р. 256.
- 78 Имейл от Чарльза Фаундиллера Шейле Фицпатрик, 2 июня 2019 г.; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 669. Л. 112–114 (собеседование с Сальниковым после репатриации, сентябрь 1949 г.).
- 79 NAA: A12508, 50/1757 (Пейсахович); DIANE ARMSTRONG. *Op. cit.* Рр. 89–93 (Фишман). Об этом общем феномене — выживании польских евреев в годы войны в Советском Союзе — см. *Shelter*

- from the Holocaust, Mark Edele, Sheila Fitzpatrick, Atina Grossmann (eds). Wayne State University Press, Detroit, 2017, особенно работу Джона Голдласта (JOHN GOLDLUST. Identity Profusions: Bio-Historical Journeys from "Polish Jew"/"Jewish Pole" through "Soviet Citizen" to "Holocaust Survivor"), где в центре внимания биографии тех людей, кто в итоге оказался в Австралии.
- 80 FRANK CLUNE. *All Roads Lead to Rome: A Pilgrimage to the Eternal City, and a Look Around War-Torn Europe*. Sydney: Angus & Robertson, 1950. P. 232.
- 81 Спецсообщение С. Н. Крутлова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берин, Г. М. Маленкову о спецлагерях в английской зоне оккупации Германии, 13 февраля 1946 г. // *Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР "Смерш"*... С. 550–552.
- 82 NAA: A9306355/1, пресс-релиз Хейса, 19 апреля 1949 г.; Конингем-Пауэр — Хейсу, 23 апреля 1949 г. (цитата); Хейс — Конингем-Пауэру, 22 июня 1949 г. Сотрудниками службы безопасности, которых Колуэлл упоминал в конце 1948 г., оправдывая введенный Австралией порядок обеспечения безопасности, были "Бриг. Т. У. Уайт, в чине бригадира принимавший участие в обороне Тобрука, и подполковник Т. П. Селлорс, два года прослуживший в разведывательном отделе армии в Европе и на протяжении всей войны служивший офицером разведки". NAA: A446-57-67774, заявление для прессы Колуэлла, министра иммиграции, без даты, но, очевидно, сделанное в декабре 1948 г.
- 83 DAVID HORNER. Op. cit. P. 256, и см. главу 9.
- 84 NAA: A60980-S250105, Галлеган — министру иммиграции, 1 июля 1948 г.
- 85 См. ниже, главу 8.
- 86 *The Advertiser* (Аделаида), 11 November 1948, p. 1; DIANE ARMSTRONG. Op. cit. P. 206–207, 220–222, 258–259.
- 87 AN: AJ/43/619, Массовое переселение в Австралию в 1948–1950 г., с вопросами, поднимавшимися в парламенте 16 июня 1949 г., на основании репортажа в *The Argus* (Мельбурн).
- 88 AN: AJ/43/148, Preliminary draft of instructions on IRO Eligibility, Volume 1, Handbook, Eligibility Office of PCIRO, Rome, 1947, p. 24; UNRRA: S-0411-- 0002/S-0411-0002-01, Survey of the Army Screening on the 15th March 1947 in the Moment of Withdrawal of the UNRRA Representatives, prepared by Mr B.J. Deichman-Sørensen.
- 89 AN: AJ/43/808, Папка с делами приблотов, дела Робертса Гарозы (прошедшего собеседование с комиссией, подтверждавшей право на иммиграцию, 24 марта 1948 г.) и Яна Прузинскиса (его право на иммиграцию было подтверждено после вторичной подачи заявки в октябре 1950 г.); BEN SHEPARD. Op. cit. P. 375.

- 90 NAA: A6980-S25014, F. B. Buckingham, Group Resettlement Officer, Recruitment of DPs for Emigration to Australia', n.d. [October 1947].
- 91 AN: AJ/43/808, дело Прузинска. О смягчении запрета, распространявшегося на бойцов Русского корпуса, см. главу 1, выше.
- 92 NAA: A446-57-67774, заявление для прессы Колуэлла, министра иммиграции, без даты [декабрь 1948 г.].
- 93 О сложном и неоднозначном выборе, перед которым оказались латыши в первой половине 1940-х, см. SHEILA FITZPATRICK. *Mischka's War...*
- 94 См. главу 9.
- 95 ANDREW JANCO. Op. cit. P. 293.
- 96 KLAUS NEUMANN. Op. cit. P. 115.
- 97 LESLIE HAYLEN. Op. cit. P. 100.

Глава 3. Маньчжурия

- 1 OLGA BAKICH. Charbin: "Russland jenseits der Grenzei" in Fernost, *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917–1941*, Karl Schlögel (ed.). Munich: C. H. Beck. P. 311 (цитата). О китайском Харбине см.: JAMES H. CARTER. *Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. Pp. 68–71, 94–96, SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. *The Making of a Chinese City: History and Historiography in Harbin*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995. Pp. 42–48.
- 2 DAVID WOLFF. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria 1898–1914*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999; OLGA BAKICH. Russian Emigres in Harbin's National Past: Censuses and Identity, *Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China*, Dan Ben-Canaan et al. (eds). Cham: Springer, 2014. Pp. 86–87; VIKTORIA ROMANOVA. The Tiny Island of Russian Jews: The Jewish Community of Harbin from the late XIX century to the 1920s, *Jewish Communities of China*, website, accessed 4 January 2019, <http://jewsofchina.org/the-tiny-island-of-russian-jews>.
- 3 О раннем этапе развития Харбина см.: ZIVA SCHICKMAN-BOWMAN. The Construction of the Chinese Eastern Railway and the Origin of the Harbin Jewish Community, 1898–1931, *The Jews of China*, Jonathan Goldstein (ed.). Vol. 1. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1999; BORIS BRESLER. Harbin's Jewish Community, 1898–1958: Politics, Prosperity and Adversity, *ibid*.
- 4 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 67–74, 86; Н. И. ДМИТРОВСКИЙ. Памяти Князя В. И. Гантимурова // *Австралиада*. 1998. №15. С. 27–28; Казимир Казимирович Савицкий // *Там же*. 2012. №73. С. 15; Г. КОСИЦЫН. Серж Ермолл и его оркестр // *Там же*.

1995. № 5. С. 21; Лидия Шамшурина. История моего отца Дмитрия Шамшурина // *Там же*. 2014. № 80. С. 11. И. М. ШНИТЦЕР-СМОЛЯНИНОВ. Михаил Николаевич Волин // *Russians in Australia*. Melbourne: University of Melbourne, 1989. No. 12;
- 5 О 200 тысячах в работе: BRUCE F. ADAMS. Reemigration from Western China to the USSR, 1954–1962, *Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia*, Cynthia Buckley and Blair A. Ruble (eds). Washington, DC: Woodrow Wilson Center, 2008. P. 184; численность 20 тысяч указана в: С. В. СМЕРНОВ. *Российские эмигранты в Северной Манчжурии в 1920–1945 гг. (Проблема социальной адаптации)*. Екатеринбург, 2007. С. 21.
- 6 См. ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 7 JAMES H. CARTER. Op. cit. P. 71.
- 8 Ольга Винокурова. Княжна Ухтомская // *Австралиада*. 1998. № 18. С. 24; интервью с Наташей Нил (урожденной Гинч) в Гисборне, штат Виктория, 26 октября 2018 г.; БРЭМ: личное дело Николая Петровича Меди.
- 9 О Пикаре см.: Г. КОСИЦЫН. Столетний юбилей Аркадия Пикара // *Австралиада*. 2001. № 27. С. 33; о Баротси см.: V. A. PARKHOMOV. Stranded by the Revolution, Academia, www.academia.edu/37708930/1BarottsiHistorybyVParkhomov.pdf.
- 10 О том, что некоторые переселенцы могли считать себя одновременно русскими, казаками и бурятами, см.: SAYANA NAMSARAEVA. Caught between States: Urjin Garmayev and the Conflicting Loyalties of Trans-border Buryats, *History and Anthropology*. 2017. Vol. 28, no. 4, 2017. Pp. 406–428.
- 11 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 383.
- 12 Н. А. МЕЛЬНИКОВА. История Бухвостовых // *Австралиада*. 2012. № 73. С. 2–5; Автобиографический очерк Н. Н. Прокопович (ур. Опариной) // *Австралиада*. 2000. № 2. Приложение. С. 57–59.
- 13 Н. СУПРУНОВИЧ. Светлой памяти Святослава Минеевича Кривилева // *Австралиада*. 1997. № 10. С. 28–29; интервью с Галиной Кучиной в Хитмонте, штат Виктория, 27 октября 2018 г.
- 14 VIKTORIA ROMANOVA. Op. cit. P. 91; ANTONIA FINNANE. *Far from Where? Jewish Journeys from Shanghai to Australia*, Melbourne: Melbourne University Press, 1999. Pp. 64–65; SAM MOSHINSKY. Op. cit. P. 17.
- 15 ГЭРИ НЭШ. Указ. Соч.
- 16 MARA MOUSTAFINE. The Harbin Connection: Russians from China, *Beyond China: Migrating Identities*, Shen Yuafang and Penny Edwards (eds). Canberra: ANU Press, 2002. P. 76 (цитаты); VICTOR ZATSEPIN. Russia, Railways and Urban Development in Manchuria 1896–1930, *Harbin to Hanoi: The Colonial Built Environment in Asia*,

- 1840–1940, Laura Victoir and Victor Zatsepine (eds). Hong Kong: University of Hong Kong, 2013. P. 22; С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 22.
- 17 Об определенном стремлении китайцев обозначить свое присутствие в архитектуре города см. JAMES H. CARTER. *Op. cit.* Pp. 126–144. Картер сообщает также о попытках китайских городских властей заменить кириллические уличные вывески китайскими иероглифическими (pp. 145–146), но у Мустафиной говорится, что вывески были на русском (Harbin Connection, p. 76). Возможно, распоряжения китайцев просто выполнялись не столь усердно, как предполагают китайские историки.
- 18 SÖREN URBANSKY. *Beyond the Steppe Frontier. A History of the Sino-Russian Border*. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 2020. P. 134; С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 137 (цитата), 155.
- 19 Данные Лиги Наций, приведенные в: Е. Е. АУРИЛЕНЕ. *Российская диаспора в Китае (1920–1950 гг.)*. Хабаровск, 2008. СС. 10. Из 110 тысяч русских 60 тысяч были зарегистрированы как эмигранты, а 50 тысяч имели советские паспорта. Согласно другому источнику, численность русского населения Маньчжурии в начале 1930-х годов была несколько меньше, около 95 тысяч человек, причем из них 30–35 тысяч были зарегистрированы как эмигранты, 25–27 тысяч имели советские паспорта, а 4–7 тысяч — китайские паспорта: Н. Н. АБЛАЖЕЙ. *С востока на запад: российская эмиграция в Китае*. Новосибирск, 2007. С. 39. В китайских паспортах их обладатели были записаны русскими эмигрантами. По имеющимся оценкам, в начале 1930-х годов китайские паспорта получил примерно каждый десятый русский в Маньчжурии — в общей сложности, около 15 тысяч человек: OLGA BAKICH. *Emigré Identity: The Case of Harbin, South Atlantic Quarterly*. 2000. Vol. 99, no. 1. P. 58. С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 106; И. В. ЧАПЫГИН. Указ. соч. С. 55. О китайском гражданстве Меди см. *Russians in China: Shanghai D-917 Police Applicants 1930–1942*, comp. Kirill V. Chashchin, South Eastern Publishers, New York, 2017, pp. 75–76.
- 20 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 64; БРЭМ: личное дело Владимира Давыдовича Трахтенберга (жена Трахтенберга родилась в Литве, но такие родственные связи имелись далеко не у всех); MAMA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 95.
- 21 BORIS BRESLER. *Op. cit.* P. 204; OLGA BAKICH. *Emigré identity...* Pp. 90, 58.
- 22 ISRAEL EPSTEIN. On Being a Jew in China: A Personal Memoir, *The Jews of China...* P. 86–89; VIKTORIA ROMANOVA. *Op. cit.* P. 10.
- 23 Н. А. МЕЛЬНИКОВА. История Бухвостовых... С. 5; Лидия ШАМШУРИНА. Указ. соч. С. 12.

- 24 JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 38–39; SMPA: D-7540, ‘Russians in Marshal Chang Chung Chang’s Army’, 31 December 1926.
- 25 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 42–43; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 26 Об отношении большевиков к казакам: PETER HOLQUIST. *Making War, Forging Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- 27 М. В. Чайкина-Борескова. Трехречынские зарисовки // *Русская Атлантида*. 2018. № 70. С. 41; И. В. Чапыгин. *Казачья эмиграция...* С. 72; БРЭМ: личное дело Ивана Саввича Ивлиева [sic]; Н. Н. Прокорович. Анна Яковлевна Ивлева // *Австралиада*. 1998. № 15. С. 29; Н. А. М. Светлой памяти инженера-казака Федора Петровича Коренева // Там же. 1996. № 9. С. 28. Харбинские станицы назывались Амур, Забайкалье, Енисей, Иркутск, Кубано-Терск, Молодая казачья станица имени атамана Г. М. Семенова, Оренбург, Сибирь и Уссури.
- 28 “Забайкальские казаки”, Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Забайкальские_казаки. Они оставались там до прихода Красной армии в 1945 г.; потом некоторые эмигрировали в Австралию (Квинсленд). Между тем, начальство Забайкальского войска находилось в Харбине, превратившемся в “организационный центр всей казачьей эмиграции”, хотя сам атаман Семенов жил в Даляне, лишь изредка навещаясь в Харбин. И. В. Чапыгин. Указ. соч. С. 73.
- 29 М. В. Чайкина-Борескова. Указ. соч. С. 41.
- 30 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 180, 24, 135; М. В. Чайкина-Борескова. Указ. соч. С. 41–42.
- 31 Urbansky, *Beyond the Steppe Frontier*, pp. 146–148, 155–158, 182.
- 32 БРЭМ: личные дела Леонида Александровича Тарасова (см. также Гари НЭШ. *Потерявшие родину...*) и Миней Онуфриевича Кривилева; GALINA KUCHINA. *Memoirs of Galina*. Melbourne: Brolga Publishing, 2016. P. 19; Т. ГАРТУНГ. Семья Буровниковых-Максимовых-Гартунгов // *Австралиада*. 2006. № 48. С. 18; Г. КОСИЦЫН. Серж Ермолл и его оркестр... С. 21.
- 33 Казимир Казимирович Савицкий, с. 15; БРЭМ: личные дела Нины Михайловны Володченко, Евгении Николаевны Казанской и Георгия Федоровича Ухтомского.
- 34 *Заря*. 1921. 24 февраля. Цит. по: С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 35.
- 35 ELENA CHERNOLUTSKAYA. Religious Communities in Harbin and Ethnic Identity of Russian Émigrés, *South Atlantic Quarterly*. 2000. Vol. 99, no. 1. Pp. 79–96; GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 13–14.
- 36 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 34; Альтернативой была юрисдикция Московского патриархата, подконтрольного советской власти. Поздняев писал: “В июне 1928 года харбинские архиереи получили указ Временного московского Священного Синода от 20 июня 1928 года, обращенный к Карловацкому Священному Синоду и ми-

- трополиту Евлогию (Георгиевскому). Суть указа сводилась к требованию выявления своей позиции по отношению к московской церковной власти: речь шла о признании иерархами Зарубежья власти митрополита Антония (Храповицкого) или митрополита Сергия (Страгородского). ... Всякий клирик, признающий московский Синод, но не вступающий в советское гражданство, отстраняется от несения своего церковного послушания. Ни один из архиереев на территории Китая не посчитал возможным для себя принять этот указ" (ДИОНИСИЙ ПОЗДНЯЕВ. *Православие в Китае*. М., 1998. С. 50–51).
- 37 Священник Николай Падерин. Церковная жизнь Харбина // *Русский Харбин* / Сост. Е. П. Таскина. М., 2005. С. 27; GALINA KUCHINA. Op. Cit. Pp. 29–30 (цитата).
 - 38 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 139–40; JOHN STEPHAN. Op. cit. P. 53 (первая цитата); *Russians in China...* Vol. 2. Pp. 75–76 (вторая цитата).
 - 39 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 140–141, 152–153. О Святом Георгии и черносотенцах см.: HEINZ-DIETRICH LOWE. *Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China*, Ben-Canaan, Frank Grüner and Ines Prodöhl (eds). Cham: Springer, 2014. P. 153.
 - 40 С. В. СМЕРНОВ. Указ. Соч. С. 160; ALEXANDER MENQUEZ (pseudonym). Growing up Jewish in Manchuria in the 1930s: Personal Vignettes, *The Jews of China...* Vol. 2. Pp. 74–75 (цитата).
 - 41 См.: МАРК РАЕВ. Указ. Соч.; EINFÜHRUNG. *Der grosse Exodus...* Pp. 17–18.
 - 42 SIMON KARLINSKY. Memoirs of Harbin, *Slavic Review*. 1989. Vol. 48, no. 2. Pp. 288–289.
 - 43 OLGA BAKICH. Charbin... P. 322.
 - 44 См.: ROBERT C. WILLIAMS. Change of Landmarks, *Slavic Review*. 1968. Vol. 27, no.4. Pp. 585–592; SVETLANA V. ONEGINA. The Resettlement of Soviet Citizens from Manchuria in 1935–1936: A Research Note, *Europe-Asia Studies*. 1995. Vol. 47, no. 6. Pp. 1047–48. О дискуссиях в партийных кругах см.: Э. Х. КАРР. История Советской России. М., 1989. Т. I.
 - 45 *История русских в Австралии...* Т. IV. С. 103 (Давиденков); БРЭМ: личные дела Галины Романовны Ициксон и Нины Николаевны Меди (учениц женской гимназии Оксаковской), Ольги Федоровны Винокуровой, Георгия Федоровича Ухтомского и Владимира Николаевича Жернакова; VIKTORIA ROMANOVA. Op. cit. P. 9; С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 143; GALINA KUCHINA. Op. Cit. Pp. 177–178; Русское благотворительное общество им. Преподобного Сергия Радонежского // *Австралиада*. 2009. №. 59. С. 4; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.

- 46 ОЛЬГА КОРЕНЕВА. Союз окончивших гимназию христианского союза молодых людей в Харбине // *Австралиада*. 2005. № 42. С. 22–24; ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Вениамин Викторович Кокшаров // *Австралиада*. 1998. № 16. С. 14–15; MARQUEZ. Growing up Jewish, p. 78. В середине 1960-х в организации выпускников состояли семьдесят жителей Сиднея: ANATOLE KONOVS. *The Role and Function of Conflicts in the Life of the Russian Community in Sydney*, master's thesis, University of New South Wales, 1968. P. 59.
- 47 В списке выпускников гимназии Христианского союза молодых людей, перебравшихся в Австралию, значились сестра и брат Кривилевы, Евгения Каменская (которая позже будет публиковаться в "Австралиаде" под псевдонимом Ширинская), Вениамин Кокшаров (позже — один из основателей организации выпускников в Брисбене) и будущий гуру-йог Михаил Володченко (позже Волин). Евгений Глоб и Дмитрий Киреевский (Мики Кэй) создали свой джаз-банд, еще учась в колледже при YMCA (С. В. Смирнов. Указ. соч. С. 144–146, 152–154; Н. СУПРУНОВИЧ. Указ соч. С. 28; А. КОКШАРОВА. Софья Минеевна Кравис (Кривилева) // *Австралиада*. 2013. № 35. С. 28; БРЭМ: личные дела Евгении Николаевны Каменской и Михаила Николаевича Володченко; Митя Киреевский (Мики Кэй); Музыкант Женя Глоб // *Австралиада*. 2002. № 37. С. 36).
- 48 ANATOLE KONOVS. Op. cit. P. 59. Подробнее о выпускниках харбинских учебных заведений см. в главе 6.
- 49 JOHN STERNAN. Op. cit. P. 50; БРЭМ: личные дела Николая Петровича Меди и Владимира Петровича Жернакова.
- 50 Среди его студентов были Валентина Абаза (ставшая со временем солисткой с международной известностью), Борис Теппер (игравший в Сиднейском симфоническом оркестре) и Виктор Сергий (руководитель струнного ансамбля "Балалайка" в Канберре). Его партнерами по исполнению камерной музыки были виолончелист Алексей Погодин (игравший в симфоническом оркестре Аделаиды) и пианистка Людмила Морозова (мать Ирины Морозовой, скрипачки, выступающей сейчас в струнном квартете имени Голднера).
- 51 SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. 110.
- 52 Грачев Анатолий Евгеньевич. Как должны вести себя эмигранты в отношении Маньчжоу-Ди-Го, Соединенных Штатов Северной Америки и СССР [1935] // БРЭМ. No. 817/1136: личное дело Анатолия Евгеньевича Грачева. Недатированный (вероятно, относящийся к середине 1930-х гг.) документ на русском языке, подписанный Грачевым. Никаких указаний на то, откуда взялся этот документ и зачем он был написан, нет.

- 53 Исключение — отдельные диверсии и вооруженные восстания в казачьем Трехречье, вызванные гневом из-за репрессий и насильственного перемещения целых поселений в этом богатом сельскохозяйственном районе. Впрочем, лидеры всех основных казачьих объединений в Китае активно сотрудничали с японцами. И. В. Чапыгин. *Казачья эмиграция...* С. 101.
- 54 Manchuria as a Demographic Frontier, *Population Index*, vol. 11, no. 4, 1945. P. 265 (данные о численности населения в 1940 г.); MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 112; SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. P. 116 (цитата).
- 55 ГЭРИ НЭШ. Указ. Соч.
- 56 Ibid.; SOREN URBANSKY. *Beyond the Steppe Frontier. A History of the Sino-Russian Border*. Princeton University Press, 2020. P. 173.
- 57 BORIS BRESLER. Op. cit. P. 208; С. В. Смирнов. Указ. Соч. С. 170; SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. P. 115; JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 64, 66, 46 (цитата).
- 58 Чурин и К^о: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чурин_и_Ко. Вначале, в 1941 г., магазин забрали японцы, а потом, спустя десятилетие, — Китайская Народная Республика, изменившая название магазина на “Восток — красный”; Лилия ЯСТРЕБОВА. Вениамин Викторович Кокшаров // *Австралиада*. 1998. № 16. С. 14–15; Г. КОСИЦЫН. Геннадий Иванович Погодин // Там же. 1997. № 12. С. 31–32; Зинаида Николаевна СКОРНЯКОВА. Воспоминания // Там же. 2007. № 51. С. 43; А. КОКШАРОВА. София Минеевна Кравис // Там же. 2003. № 35. С. 28.
- 59 Н. И. ДМИТРОВСКИЙ. Тамара Владимировна Джюра // *Австралиада*. 2011. № 66. С. 13–15; ДМИТРИЙ ИВАЧЕВ. Памяти Параскевы Философовны Григор // Там же. С. 34–36; Н. МЕЛЬНИКОВА. О жизни Клавдии Муценко-Якуниной // Там же. 1999. № 20. P. 15; БРЭМ: личное дело (1935) Михаила Леонидовича Покровского; АМИР ХИСАМУТДИНОВ. Судьба эмигранта-географа // *Австралиада*. 2000. № 25. С. 16; БРЭМ: личное дело Владимира Николаевича Жернакова; Н. МЕЛЬНИКОВА. История Бухвостовых... С. 6; *Австралиада*. 2010. № 62. С. 18–19 (последняя из множества статей Грачева о рудниках в Мули); БРЭМ: личное дело Анатолия Евгеньевича Грачева.
- 60 БРЭМ: личные дела Бориса Яковлевича и Галины Романовны Ицксон.
- 61 KATHRYN MEYER. *Life and Death in the Garden: Sex, Drugs, Cops, and Robbers in Wartime China*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014. Pp. 125–128 (долгое время живший в Маньчжурии итальянец Амлето Веспа, тайный агент и наемник, был к тому же японским шпионом); БРЭМ: личное дело Владимира Давыдовича Трахтенберга.

- 62 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 105, 112, 203–206, 212; DAVID WOLFF. *Returning from Harbin: Northeast Asia, 1945, Voices from the Shifting Russo-Japanese Border: Karafuto/Sakhalin*, Svetlana Paichadze and Philip A. Seaton (eds.). London: Routledge, 2015. Pp. 108–109.
- 63 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 3, 164–165, 203–206; см. также: SVETLANA V. ONEGINA. *Op. cit.* Другие члены семьи Оникулов были расстреляны или умерли в лагерях; все посмертно реабилитированы.
- 64 БРЭМ: личное дело (1939) Алексея Ивановича Погодина; Лидия Савва. 50 лет в Австралии. Много это или мало? // *Австралиада*. 2011. №69. С. 27–30.
- 65 И. В. ЧАПЫГИН. Указ. Соч. С. 91; JOHN STERNAN. *Op. cit.* P. 175.
- 66 Почему-то этот вопрос был не во всех анкетах, сохранившихся в личных делах. Среди тех, кто отнес себя к дворянам, были Казимир Савицкий (“наследный дворянин”), Алексей Хионин и Евгения Казанская. Редким исключением была Клавдия Муценко: она указала, что ее семья относилась к крестьянскому сословию. Владимир Жернаков написал, что он сын купца.
- 67 По-видимому, вариант “фашист” был добавлен в список только в конце 1930-х: информация от Мары Мустафиной.
- 68 БРЭМ: личные дела Сергея Семеновича Буровникова, Алексея Павловича Хионина и Рудольфа Адольфовича Гана; MICHAEL ALEX PROTOROV. *Op. cit.* P. 382–383 (Ган).
- 69 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 341–342; *Harbin Connection...* P. 78.
- 70 БРЭМ: личные дела Лидии Степановны Хитровой (1942) и Николая Кирилловича Новикова (1939). Стоит отметить, что, хотя Лидия и получила советское гражданство, в графе политических убеждений она назвала себя “монархисткой”. О деле Петрова см. главу 9.
- 71 БРЭМ: личное дело Натана Михайловича Фицера; NAA: A6119 1152, Натан Фицер, Часть 1; *ibid.*, A6126 1413, личное дело Наталии Сташинской (выражаю благодарность Эбони Нильссон за информацию об этом разговоре; когда именно он происходил, установить не удалось, но, вероятно, приблизительно в 1949–1950 г.; по донесению агента ASIO, поляка Майкла Бялогуского, разговор велся между Фицерами, Клодницкими и корреспондентом ТАСС Иваном Пахомовым).
- 72 BORIS BRESLER. *Op. cit.* Pp. 209, 211; ISRAEL EPSTEIN. *Op. cit.* P. 90; Ван Чжичэн. *История русской эмиграции в Шанхае*. М., 2008. С. 470; Виктория Шаронова. Указ. соч. С. 165 (Цуманенко); Князь Георгий Федорович Ухтомский... С. 28; *Russians*

- in China*, pp. 75–76; И. М. ШНИТЦЕР-СМОЛЯНИНОВ. Михаил Николаевич Волин, *Russians in Australia*. Melbourne, University of Melbourne, 1989. No. 12; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 73 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 181; J. H. SIMPSON. *The Refugee Problem: Report of a Survey*. London: Oxford University Press, 1939. MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 340.
- 74 JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 49–53, 175, 334–335; В. Я. БИРШТЕЙН. *Смерш, секретное оружие Сталина*. М., 2018.
- 75 BORIS BRESLER. Op. cit. P. 208; JOHN STERNAN. Op. Cit. Pp. 68–69, 145–46, 180. В 1934 г. Родзаевский побывал у Семенова в Далине с визитом вежливости. В 1937 г. лидеры фашистской партии и Союза казаков подписали документ, в котором договаривались о координации совместной антисоветской деятельности.
- 76 HEINZ-DIETRICH LOWE. Op. cit. Pp. 139, 141–142; С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 116–118, 120; JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 69, 180. В 1938 г. партия была переименована в Русский фашистский союз (РФС) — очевидно, в попытке привлечь и другие объединения правого крыла.
- 77 ERWIN OBERLANDER. *The All-Russian Fascist Party, Journal of Contemporary History*. 1966. Vol. 1, no. 1. Pp. 160 (цитата), 170, 172; HEINZ-DIETRICH LOWE. Op. cit. Pp. 145.
- 78 JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 52, 75–77, 200.
- 79 Н. И. ДМИТРОВСКИЙ-БАЙКОВ. Сергей Ильич Ражев (С. Яворский) // *Австралиада*. 1998. № 18. С. 20–21; БРЭМ: личное дело Ираиды Владимировны Рожнатовской.
- 80 БРЭМ: личные дела Казимира Казимировича Савицкого (1933, 1935), Николая Петровича Меди, Нины Николаевны Меди, князя Георгия Федоровича Ухтомского (1935, 1936) и Ольги Федоровны Ухтомской (1942).
- 81 JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 142, 165–166, 183.
- 82 NAA: A981, SOV 8 PART 1, *The White Russian Situation* (Положение белых русских), неподписанное донесение от 19 февраля 1942 г.; С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 120.
- 83 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 103; И. В. ЧАПЫГИН. *Казачья эмиграция...* С. 97. Здесь речь идет о национальной организации русских разведчиков (НОРР), которую не следует путать с Национальной организацией русских скаутов (НОРС).
- 84 BERNARD WASSERSTEIN. *Secret War in Shanghai*. Boston: Houghton Mifflin, 1999. P. 86; ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 47; MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 339, 352. В отряд не брали евреев, поляков, латышей, литовцев и эстонцев, а также сыновей-первенцев.
- 85 С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. С. 95–96; V. A. PARKHOMOV. Op. cit.; SOREN URBANSKY. Op. cit. P. 185.

- 86 По всей видимости, японцы подобного родства не замечали, поскольку о нем практически невозможно найти упоминаний у историков, пишущих о японцах в Маньчжоу-го. Урбанский (SOREN URBANSKY. *Op. cit.* P. 181) отмечает некоторую симпатию со стороны японцев — однако не к русскому фашизму, а к традиционному русскому быту, каким он сохранялся в казачьих станицах Трехречья.
- 87 О закрытии газеты в 1937 г. см.: ERWIN OBERLANDER. *Op. cit.* P. 72. О возобновлении ее выхода в апреле 1941 г. См.: MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort*. Stanford, CA: Stanford University Press 2001. P. 229.
- 88 ERWIN OBERLANDER. *Op. cit.* P. 72; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 229; JOHN STEPHAN. *Op. Cit.* Pp. 320–321.
- 89 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 353.

Глава 4. Шанхай

- 1 В начале 1930-х гг. по оценке Лиги Наций в Китае проживали около 125 тысяч русских, из них 15 тысяч жили за пределами Маньчжурии: Е. Е. АУРИЛЕНЕ. Указ. соч. С. 10. Но и абсолютная величина, и соотношение количеств резко подскочили в 1930-е годы, когда после оккупации Маньчжурии японцами русские и русские евреи стали массово уезжать оттуда в другие части Китая, особенно в международные поселения в Шанхае и Тяньцзине.
- 2 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ соч. С. 32–33; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 37–41; Г. И. КАНЕВСКАЯ. «Мы еще мечтаем о России...» С. 148–149; Воспоминания Наталии Леонидовны Татариновой // *Австралиада*. 2013. № 75. С. 16.
- 3 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 34. MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 41–44 (автор говорит о трех судах, а также о прибывшем позже четвертом, на борту которого было 700 бывших солдат Урало-Сибирской дивизии); О Сергее Петровиче Татаринове // *Австралиада*. 1994. № 1. С. 39.
- 4 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 52 (Таблица 1); MARIE-CLAIRE BERGÈRE. *Shanghai: China's Gateway to Modernity*, translated by Janet Lloyd. Stanford, CA: Stanford University Press 2009. P. 296; SMPA: D-5002A (c), Brief Statement of Seven Years Activity of the Russian Emigrants Committee (1926 to 1932 inclusively); вырезка из *Shanghai Times*, 8 июня 1935 г.; вырезка из *Shanghai Times*, 22 октября 1941 г.
- 5 Данные из: CHRISTINE CORNET. The Bumpy End of the French Concession and French Influence in Shanghai, 1937–1946, *In the Shadow of the Rising Sun: Shanghai under Japanese Occupation*. Henriot, Christian, Wen-Hsin Yeh (eds). Cambridge: Cambridge Univer-

- sity Press, 2004. P. 261 (Table 10:1); MARCIA REYNDERS RISTAINO. New Information on Shanghai Jewish Refugees: The Evidence of the Shanghai Municipal Police Files, National Archives and Records Administration, Washington, DC, *The Jews of China...* Vol. 2. P. 138. Шанхай представлял собой два экстерриториальных иностранных поселения (Международный селттельмент и Французскую концессию) плюс китайский муниципалитет.
- 6 ROBERT BICKERS. *Empire Made Me: An Englishman Adrift in Shanghai*. London: Penguin, 2004. Pp. 145, 150.
 - 7 MARIE-CLAIRE BERGERE. Op. cit. P. 296.
 - 8 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; J. H. SIMPSON. *The Refugee Problem: Report of a Survey*. London: Oxford University Press, 1939. P. 507.
 - 9 ROBERT BICKERS. *Empire Made Me...* Pp. 150, 152. Однако в самом конце 1920-х гг. начали заключаться п браки русских женщин с британцами из шанхайской муниципальной полиции: *ibid.* P. 154.
 - 10 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 37.
 - 11 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 59–60; SAM MOSHINSKY. Op. cit. P. 72.
 - 12 Воспоминания Натальи Леонидовны Татаринновой // *Австралиада*. 2013. № 75. С. 16–18; ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 245; КАТЮА КНЯЗЕВА. The Scribe of Russian Shanghai: Vladimir Zhiganov and his Perennial Masterpiece, *Journal of the Royal Asiatic Society China*. 2017. Vol. 77, no. 1. Pp. 163–164.
 - 13 FREDERIC WAKEMAN, JR. *Policing Shanghai 1927–1937*. Berkeley, CA: University of California Press, 1995. Pp. 64–65; И. В. ЧАПЫГИН. *Казачья эмиграция...* С. 74–75, 80; ROBERT BICKERS. *Empire Made Me...* Pp. 184.
 - 14 Князь Георгий Федорович Ухтомский: автобиографический очерк // *Австралиада*. 2000. № 26. С. 28; Г. КОСИЦЫН. Столетний юбилей Аркадия Пикара... С. 33; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 85–86. “Городской совет, британские силы обороны и коммунальные службы наняли на работу 721 русского, тогда как в совете и коммунальных службах Французской концессии сотрудников было всего 40 человек”.
 - 15 MARIE-CLAIRE BERGERE. Op. cit. Pp. 204–205; BERNARD WASSERSTEIN. Op. cit. Pp. 230–239; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 232–239.
 - 16 НАА: А6126 1414, Binetsky Boris Nicholas (благодарю за подсказку Эбони Нильссон); НАУК: FO 678/2742, FO 372/5724, HO 334/200/37396; VALENTIN V. FEDOULENKO. Russian Émigré Life in Shanghai. Pp. 117–118, интервью Борису Реймонду, Беркли, 1967 г. (о Бологове), https://archive.org/stream/russianemigrbeshanoofedorich/russianemigrbeshanoofedorich_djvu.txt.

- 17 FREDERIC WAKEMAN, JR. *Policing Shanghai...* P. 337, n. 20; MARIE-CLAIRE BERGÈRE. Op. cit. P. 225.
- 18 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 94; FREDERIC WAKEMAN, JR. *Policing Shanghai...* Pp. 112–113.
- 19 ИГОРЬ ГАРТУНГ. Моя семья: Гартунги-Вальдены // *Австралиада*. 2014. № 79. С. 2–3; ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 250, 150–151 (Медем и Фомин).
- 20 SAM MOSHINSKY. Op. cit. Pp. 38–39, 72 (цитата); GEOFF WINESTOCK. Harry Triguboff's Secret Past, *The Australian Financial Review*, 8 December 2017.
- 21 DAVID C. HULME. *Tientsin*. Totton, UK: IUMIX 2001; Г. Г. НАТИНГ. История с географией // *Австралиада*. 2006. № 48. С. 38–39; интервью с Ларри Сицким в Канберре, 9 февраля 2017 г.; Sitsky: Conversations with the Composer, oral history transcript, NLA, 2004; *Daily Telegraph* (Sydney), 25 May 1950, 11; SMPA: I. O.7540, Alleged Recruiting of White Russians by Nanking government, 17 August 1932 (Бурлин); АМИР ХИСАМУТДИНОВ. Русский энциклопедист в Австралии. Иван Иванович Гапанович // *Австралиада*. 1999. № 21. С. 36.
- 22 ISRAEL EPSTEIN. Op. cit. P. 89; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч. Элла Маслова росла в Шанхае с китайской амой (няней), но так и не выучилась китайскому языку; ANTONIA FINNANE. Op. cit. P. 149. Однако стоит отметить, что имелся и обратный пример: Сэм Мошинский в детстве заговорил именно по-китайски, переняв свой первый язык от амы-китаянки (SAM MOSHINSKY. Op. cit. P. 33).
- 23 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 69–70; SMPA: D-50 (с), Прокофьев. Комментарий о ситуации в русской общине, вырезка из “Слова”, 3 августа 1934 г. (цитата).
- 24 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 83–98.
- 25 Там же. С. 83–98 (Офицерское собрание), с. 170–83 (Союз военнослужащих, позднее переименованный в Союз служащих в российских армии и флоте и Русский общевонинский союз).
- 26 Там же. С. 198–215; И. В. ЧАПЫГИН, *Казачий союз в Шанхае: сохранение духовности и культуры в эмиграции* // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2016. С. 74–75.
- 27 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 227–236 (Лига), 220–224 (Клуб); SMPA: U-594, ‘Russian Emigrants’ Club’; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 162 (клуб в Хункоу); VALENTIN V. FEDOULENKO. Op. cit. (больницы).
- 28 MARCIA REYNDERS RISTAINO. New Information on Shanghai Jewish Refugees... P. 138.
- 29 ISRAEL EPSTEIN. Op. cit. Pp. 982–983.
- 30 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 369.

- 31 MARCIA REYNDERS RISTAINO. New Information on Shanghai Jewish Refugees Ristaino... Р. 138. Возможно, это была та же организация, созданная в 1932 г. как объединяющий центр для евреев всех вероисповеданий и убеждений, хотя впоследствии отдававшая предпочтение сионистам, и упоминающаяся в: GUANG PAN. Zionism and Zionist-Revisionism in Shanghai, 1937–1949, *The Jews of China*... Vol. 1. Рр. 268–269.
- 32 См. список представителей в Президиуме Национального комитета по делам русской эмиграции при Мецлере в: ВIKТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 112–113.
- 33 MARCIA REYNDERS RISTAINO. New Information on Shanghai Jewish Refugees... Р. 138.
- 34 ВIKТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 42.
- 35 ДИОНИСИЙ ПОЗДНЯЕВ. Указ. соч.
- 36 В. Д. ЖИГАНОВ. Указ. соч. С. 41–42; ВIKТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 179, 363; ДИОНИСИЙ ПОЗДНЯЕВ. Указ. соч. С. 53–54.
- 37 ВIKТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 79, прим. 26, с. 362–77; Википедия, Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (епископ Иоанн, в миру Михаил Борисович Максимович, родился в 1896 г.).
- 38 Русский клуб в Сиднее. 75-й юбилей. Интервью с Игорем Михайловичем Нестеровым // *Австралиада*. 2000. № 22. С. 17; Воспоминания Натальи Леонидовны Татариновой... С. 19–20; SMPA: D5002A (с), вырезка из *North-China Daily News*, 5 April 1937; SAM MOSHINSKY. Op. cit. Р. 77.
- 39 SMPA: D5002A (с), вырезка из *North-China Daily News*, 5 апреля 1937 г. Здесь сообщалось, что русские школы посещает большее количество учеников (а именно, 600), чем английские или французские, но в биографиях шанхайцев и в тех биографических очерках, что печатались в “Австралиаде”, чаще фигурировали бывшие ученики английских или французских школ.
- 40 Интервью Рут Балинт и Шейлы Фицпатрик с Сницким в Канберре, 9 февраля 2017 г.; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч. О школе мариан см. также DAVID C. HULME. Op. cit.
- 41 Воспоминания Натальи Леонидовны Татариновой... С. 19–20; “Русский клуб”... С. 17; ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Русский офицер австралийской военной авиации Евгений Конашенко // *Австралиада*. 2001. № 29. С. 18; МИХАИЛ ЧУРКИН. Русские студенты в Синьцзяне. Воспоминания бывшего студента Государственного университета политических наук Китая // Там же. 2003. № 36. С. 25–26.; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort*... Р. 851; Yosef Tekeab. My Developmental Years in China, *The Jews of China*, Goldstein (ed). Vol. 2. Рр. 102–103 (Йосеф Ткоа, урожденный Иосиф Тукочинский, позднее — высокопоставленный израильский дипломат).

- 42 MARIE-CLAIRE BERGERE. Op. cit. P. 219.
- 43 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 41 (первая цитата), 210; SMPA: D5002A (с), вырезка из *North-China Daily News*, 12 апреля 1937 г. (вторая цитата); Е. Е. АУРИЛЕНЕ. Указ. соч. С. 161.
- 44 Воспоминания Натальи Леонидовны Татариновой... С. 16–26; *История русских в Австралии...* Т. III. С. 137; В. Д. ЖИГАНОВ. Указ. соч. С. 99 (фото и краткая биография Плеханова); Т. ГАРТУНГ. Кандидат на звание “Австралиец года” — Анатолий Александрович Коновец // *Австралиада*. 2010. №65. С. 1–7.
- 45 ISRAEL EPSTEIN. Op. cit. Pp. 93–94; GUANG PAN. Op. cit. Pp. 268–271; SAM MOSHINSKY. Op. cit. P. 140; интервью с Ларри Сицким в Канберре, 9 февраля 2017 г.
- 46 SMPA: D5002A (с), вырезка из *North-China Daily News* от 29 марта 1937 г. о привычке русских к дачной жизни; также множество вырезок со статьями из регулярной газетной рубрики “В русской колонии” (*In the Russian colony*); ГЭРИ НЭШ. Указ. Соч.; В. Д. ЖИГАНОВ. Указ. соч. С. 239, 246–247; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 82–85.
- 47 VALENTIN V. FEDOULENKO. Op. cit. Pp. 59 (цитата), 66–67 (однако отметим другое замечание — о том, что конец 1930-х и 1940-е годы были по-настоящему благополучным временем, потому что японцы уволили филиппинских музыкантов, которые ранее монополизировали сцену, и дали возможность русским заменить их: *Австралиада*, №33, 2002, с. 36–38); Г. КОСИЦЫН. Серж Ермол и его оркестр... С. 21–23; ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 477; Г. КОСИЦЫН. Столетний юбилей Аркадия Пикара... С. 33; В. Д. ЖИГАНОВ. Указ. соч. С. 150.
- 48 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 471–474; В. Д. ЖИГАНОВ. Указ. соч. С. 142.
- 49 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 471. См. Также: BERNARD WASSERSTEIN. Op. cit. Pp. 44–47.
- 50 КАТЮА КНЫАЗЕВА. The Scribe of Russian Shanghai... Pp. 162–195 (цитаты — p. 172). Благодарю Мару Мустафину за разрешение пользоваться ее экземпляром книги Жиганова, являющейся библиографической редкостью.
- 51 FREDERIC WAKEMAN. *The Shanghai Badlands: Wartime Terrorism and Urban Crime, 1937–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 6–7.
- 52 ROBERT BICKERS. *Empire Made Me...* Pp. 247, 249. Мари-Клер Бержер (MARIE-CLAIRE BERGERE. Op. cit. P. 319) сообщает, что в 1943 г., когда Япония решила интернировать всех граждан враждебных ей государств, японцы “повсюду заменили их китайцами или белыми русскими”.

- 53 MARIE-CLAIRE BERGÈRE. Op. cit. Pp. 307–308.
- 54 FREDERIC WAKEMAN. *The Shanghai Badlands...* Эпиграф (цитата из Финча). Pp. 57, 99, 134–135 (цитата Вани Оукса).
- 55 См. главу 3.
- 56 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 232–236; ROBERT BICKERS. Settlers and Diplomats: The End of British Hegemony in the International Settlement, 1937–1945, *In the Shadow of the Rising Sun...* Christian Henriot, Wen-Hsin Yeh (eds). Pp. 247, 249; Wasserstein, *Secret War*, pp. 85, 230–231, 237–238.
- 57 Николай Лонгинович Кошевский (Белая эмиграция), АБИРУС: www.abirus.ru/content/564/623/626/11670/11683/11687.html; интервью с Анастасией Кошевой (внучкой Николая) в Санкт-Петербурге, 9 июня 2019 г.
- 58 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; BERNARD WASSERSTEIN. Op. cit. P. 86 (о сыне Семенова); ЕЛИЗАВЕТА ЯВЦЕВА. Да, я — дочь атамана Семенова // *Русская Атлантида*. 2018. № 68. С. 16–17.
- 59 В Шанхае она называлась Русским фашистским союзом, но для удобства я продолжу называть ее Русской фашистской партией.
- 60 SMPA: 5002A (с), вырезка из *Social Daily News*, 20 ноября 1935 г.
- 61 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 161; SMPA: D7478: All-Russian Fascist Party.
- 62 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 161; John J. Stefan, *The Russian Fascists*, Harper & Row, New York, 1978, pp. 181–182 (цитата); Т. ГАРТУНГ. Кандидат на звание “Австралиец года”... С. 2–3 (Коновец).
- 63 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 162; JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 181.
- 64 В. А. ВОЗЧИКОВ. *Михаил Спасовский — архитектор и художник* (благодарю Маркуса Джейна за разрешение познакомиться с этой неопубликованной рукописью); ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 167–168; Ван Чжичэн. Указ соч. С. 313–314; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 229–232. Спасовский утверждал, что уехал из Тегерана из-за советского дипломатического давления на Тегеран, но Возчиков пишет, что Спасовский неоднократно преувеличивал или даже полностью выдумывал истории о своих конфликтах с советскими властями, и в действительности его отъезд из Персии объяснялся лишь тем, что Родзавский предложил ему работу в Китае.
- 65 JOHN STERNAN. Op. cit. P. 181; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 229; SMPA D-5002A (с), Состав Совещания при Российском эмигрантском комитете города Шанхая.
- 66 SMPA: D-7478: Русская фашистская партия, донесения о еженедельных собраниях.

- 67 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* P. 232; (с) РА: D-5002A (с), вырезки из газеты “Наш путь”, 28 апреля 1942 г.; SMPA: D-7478, Русская фашистская партия, донесения о еженедельных собраниях; вырезки из “Шанхайской зари”, 17 октября 1942 г.: Представители российской общественности в гостях у Ниппонских властей.
- 68 Е. Е. АУРИЛЕНЕ. Указ. соч. С. 157.
- 69 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 106–108. Точная дата закрытия шанхайского консульства (после чего китайские русские должны были вести все дела через советское посольство в Токио) неизвестна; Ван Чжичэн предполагает, что это произошло в ноябре 1937 г., а исследование, проведенное Катей Князевой, указывает на то, что к сентябрю 1939 г. советские представители уже покинули здание консульства в районе Хункоу и официально не возвращались туда до 1945 г., однако полуофициально продолжали какую-то деятельность, находясь уже где-то во Французской концессии: КАТЯ КНЯЗЕВА. *Russian/Soviet Consulate Timeline*, приложение к электронному письму от 8 ноября 2019 г.
- 70 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 187, 193, 197; ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 210.
- 71 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 110, 187; ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 210. Из этих сообщений неясно, в какой мере заявки на получение советского гражданства отражали желание репатриироваться, а в какой — просто желание получить советские документы. Русские в Шанхае могли получать документы, удостоверявшие личность, через Русский эмигрантский комитет, тогда как в Харбине в пору японской оккупации сложилась несколько иная ситуация.
- 72 Там же. С. 198; ANTONIA FINNANE. *Op. cit.* P. 109 (цитата); BERNARD WASSERSTEIN. *Op. cit.* Pp. 237–238 (где приводится газетное замечание Кожевникова о преобладании евреев); SAM MOSHINSKY. *Op. cit.* P. 97.
- 73 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ соч. С. 160–161; SMPA: D5002A, вырезка из шанхайской газеты “Нация” от 24 ноября 1940 г., где Чибуновский уже назван председателем клуба; В. Д. ЖИГАНОВ. Указ. соч. С. 60; SMPA: D-7478, вырезка из “Шанхайской зари” от 17 октября 1942 г.; Элла Маслова (о том, что в Русском клубе состояли просоветски и патриотически настроенные родители), в: ANTONIA FINNANE. *Op. cit.* P. 109; SMPA: D7478, All-Russian Fascist Party: вырезка из “Нации” от 24 ноября 1940 г. О Русском клубе, известном также под названием Русское общественное собрание, см.: ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 220–227.
- 74 Там же С. 161, 227; электронное письмо Шейле Фицпатрик от Кати Князевой, 25 ноября 2019 г. Если Шаронова пишет, что Совет-

скому клубу перешло помещение Русского клуба по адресу авеню Фош, 1053, то Князева располагает другой информацией, а именно, что Советский клуб уже работал по другому адресу на той же авеню Фош (№ 803), когда его председателем стал Чибуновский (в 1945 г.).

- 75 SMPA: D-8233, Articles bearing on the situation in Shanghai.
- 76 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 312.
- 77 SMPA: D-7478, U. von Siberg, On and behind the Stage at Shanghai, перевод из харбинской “Нации” от 4 октября 1940 г. См. Также: FREDERIC WAKEMAN. *The Shanghai Badlands...* Pp. 117, 189, p. 21. Уэйкман сообщает, что в международной политике Французской концессии Мецлер придерживался антияпонской позиции, и проводит параллели между его устранением и убийством китайского судьи Цяня — “как считалось, единственного судьи, который справедливо обходился с политическими преступниками в суде”, и приходит к выводу, что и то, и другое — дело рук про-японского отдела спецслужб шанхайской полиции. Среди других громких покушений было неудачное нападение на У. Дж. Кесвика, руководителя британской фирмы *Jardine, Matheson, & Co.*, в январе 1941 г., и удавшееся нападение на французского адвоката барона д’Оксьона де Рюфф в июне того же года. Ibid. Pp. 101–103, 124–126.
- 78 SMPA: D-5002A (c), A. Prokofiev. ‘Interview with Ivanoff at HQ SMP’, 6 August 1940.
- 79 ANTONIA FINNANE. Op. cit. P. 109.
- 80 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 313.
- 81 SAM MOSHINSKY. Op. cit. Pp. 73, 96; Geoff Weinstock, биографическая справка о Гарри Тригубове, *Australian Financial Review Magazine*, Summer 2017, p. 22; GUANG PAN. Op. cit. P. 272.
- 82 MARCIA REYNDERS RISTAINO. New Information on Shanghai Jewish Refugees... Pp. 60–67; GUANG PAN. Op. cit. P. 270.
- 83 SMPA: D-7478, вырезки из издания “Наш путь”, 16 августа и 25 октября 1942 г., и “Новое время”, 28 августа 1942 г.; A. PROKOFIEV. Leaders of Shanghai Group of All-Russian Fascist Union rebuked by the “New Times” for interference with public affairs of Russian community, 19 August 1942. Близким товарищем Спасовского был Н. Корганов.
- 84 MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 230–232 (об остракизме SMPA: D-5002A (c), список врачей и медсестер русской больницы).
- 85 SMPA: D-5002A (c), Statutes of the All-Russian Emigrants Committee, translated from *Russian Times*, 25 ноября 1941 г. Впоследствии в Русский эмигрантский комитет вошли два представителя еврейских организаций, одним из которых был С. М. Хесин.

- 86 SMPA: D-5002A (c), Income Tax and Jewish Community, переведено из издававшейся на японские деньги русской газеты “Дальневосточное время” (*Far Eastern Times*), 1 мая 1941 г.; см. также вырезки из *Far Eastern Times*, 29 декабря 1940 г.; *Shanghai Times*, 22 и 30 октября 1941 г. и *Russian Times*, 30 октября 1941 г. Это была лишь одна из стратегий Русского эмигрантского комитета по добыванию денежных средств: как говорилось выше, он пытался прибрать к рукам Русский клуб на авеню Фош, и примерно в то же время ему удалось завладеть русской больницей: SMPA: D-5002A (c), вырезка из *Shanghai Times*, без даты, зарегистрированная SMP 6 января 1941 г.
- 87 SMPA: D-5002A (c), вырезки из *Russian Times*, 11 октября 1941 г. (“Meeting of the Plenary Council of the National-Ideological Centre in Shanghai”), и из *Shanghai Times*, 22 октября 1941 г. Это предложение исходило от Идеологического центра, где преобладали фашисты, и, по-видимому, оно официально так и не было одобрено Русским эмигрантским комитетом. О масонах в Шанхае см.: ROBERT BICKERS. *Empire Made Me...* P. 136.
- 88 JOHN STERNAN. Op. cit. P. 320.
- 89 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 210.
- 90 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 87.

Глава 5. Отъезд

- 1 JOHN STERNAN. Op. cit. P. 336; GALINA KUCHINA. Op. cit. P. 58.
- 2 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 361–362 (“русскими — своими”); GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 54 (“услышать русскую речь”), 56–57 (“невероятная радость”).
- 3 Ibid. Pp. 64 (цитата о Панченко), 66–68; ВИКТОР ВИНОКУРОВ. Харбинцы в тревожные 1945–1946 гг. // *Австралиада*. 2000. Приложение 2. С. 36 (цитата о “прекрасных вечерах”).
- 4 СМЕРШ. *Исторические очерки и архивные документы* / Под ред. А. Г. Безверхнего. М., 2003. С. 248.
- 5 Среди них был лидер еврейской общины доктор Авраам Кауфман (см. MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 364), а также преподаватели католического лицея Святого Николая (см. GALINA KUCHINA. Op. cit. P. 57). Общий обзор см. в: JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 342–343.
- 6 В. Я. БИРШТЕЙН. *Смерш, секретное оружие Сталина*. М., 2018.
- 7 JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 200, 364; Н. И. ДМИТРОВСКИЙ-БАЙКОВ. Указ. соч. С. 20–24. Австралийцы великодушно дали ему разрешение на иммиграцию еще в 1956 г., пойдя навстречу просьбе его жены и, очевидно, ничего не зная о его политическом про-

- плом, но из СССР его выпустили только в 1975 г., и тогда он наконец эмигрировал в Австралию.
- 8 JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 333–334, 337–338, 351–354; заявление Семенова: Дело по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Григория // И. В. Чапыгин. *Казачья эмиграция...* С. 131–152, 134–135; Елизавета Явцева. Да, я — дочь атамана Семенова // *Русская Атлантида*. 2018. № 65. С. 8; № 68. С. 18; № 69. С. 16.
 - 9 Примеры см. ниже (Винокуров и Ухтомская).
 - 10 Клиенты Н. Л. Покровского 1950 года: Николай Леонидович Покровский // *Австралиада*. 1998. № 16. С. 43; БРЭМ: личное дело Николая Леонидовича Покровского (1944); С. Мариничева. Нина Черепанова // *Австралиада*. 2001. № 27. С. 9–10; *История русских в Австралии...* Т. III. С. 121.
 - 11 SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. P. 151.
 - 12 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 376; Idem. The Harbin Connection... Документы, которые они получали, по-видимому, были именно теми, которые часто называли “советскими паспортами”, которые выдавались только русским за границей и не давали автоматически права проживать в СССР. Согласно постановлению от 10 ноября 1945 г., заявления на его получение могли подавать русские в Манчжурии, а позже и в Шанхае и Тяньцзине. К концу 1946 г. от русских по всему Китаю было получено 155 090 заявлений, но обработка документов шла медленно: см.: DAVID WOLFF. *Returning from Harbin...* P. 112.
 - 13 Н. Н. АБЛАЖЕЙ. Указ. соч. С. 155; GERNOT SEIDE. *Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland zum Gründung bis in die Gegenwart*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. Pp. 186–187.
 - 14 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ соч. С. 79, прим. 25. Нестора держали в СССР в тюрьме до 1956 г., а потом, незадолго до его смерти, назначили митрополитом Барнаульским и Новосибирским. Он умер в Советском Союзе в 1958 г.
 - 15 GALINA KUCHINA. Op. cit. P. 98. Регистрировать брак ей пришлось еще и в китайском Управлении общественной безопасности.
 - 16 SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. P. 160.
 - 17 GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 107–108; *Русский Харбин*. С. 145; Нина Гайдарова // *Австралиада*. 1998. № 18; С. 33–37; Алла Шаповалова. Жизнь в музыке // Там же. 2006. № 46. С. 33–37; Г. Косицын. Геннадий Иванович Погодин // Там же. 1997. № 12. С. 31–32. Для подстраховки Погодин работал еще и инженером в “Чурин и Ко”.
 - 18 ВИКТОР ВИНОКУРОВ. Указ. соч. С. 36–27. О его допросе Смершем см.: Виктор Яковлевич Винокуров // *Австралиада*. Юбилейный вы-

- пуск. 2000. С. 85; о допросе его будущей жены Ольги Винокуровой: Княжна Ухтомская // Там же. 1998. №18. С. 24–26.
- 19 SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. P. 160.
- 20 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 376; Виктор Яковлевич Винокуров, с. 85.
- 21 Лидия ЯСТРЕБОВА. Вениамин Викторович Кокшаров // *Австралиада*. 1998. №16. С. 14–16; Валерий Гаврилович Гунько // Там же. 1998. №17. С. 18; Мстислав Степанович Носар // Там же. 2000. №25. С. 17–18.
- 22 АМИР ХИСАМУТДИНОВ. Судьба эмигранта-географа... С. 16; MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 377; Николай Лонгинович Кощевский, АБИРУС, www.abirus.ru/content/564/623/626/11670/11683/11687.html; GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 80, 108.
- 23 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 376.
- 24 Ibid; Н. Н. АБЛАЖЕЙ. Указ. соч. С. 167. О симпатиях Кощевской к Советскому Союзу см. ниже, в главе 9.
- 25 Список окончивших Харбинскую полную среднюю школу в 1956 г. // *Австралиада*. 2011. №69. С. 3. О влиянии советского образования на молодых русских харбинцев после войны см.: LAURIE MANCHESTER. Как советизация школ и молодежных организаций в Маньчжурии повлияла на репатриацию русских эмигрантов в СССР // *Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX–XXI в.* Хабаровск, 2014. Вып. 2.
- 26 Саша рассказывает... // *Австралиада*. 2013. №77. С. 16–19. Личность Саши не раскрывается (что нетипично для этого журнала), возможно, из-за его взглядов, расходившихся с тем курсом, которого придерживалась редакция.
- 27 Н. МЕЛЬНИКОВА. Одна из последних // *История русских в Австралии...* Т. I. С. 96–97. О других людях, получивших образование в послевоенном Харбине, см. биографические справки членов редколлегии (*Австралиада*. 2000. Приложение и указатель. С. 7–8).
- 28 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* P. 375.
- 29 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; Автобиографический очерк Н. Н. Прокопович (ур. Опариной) // *Австралиада*. 2000. №2 Приложение. С. 57–59; Лидия ЯСТРЕБОВА. Людмила Панская // Там же. 2001. №29. С. 50–51; БРЭМ: личное дело Людмилы Борисовны Панской (1936).
- 30 Лидия ЯСТРЕБОВА. Вениамин Викторович Кокшаров... С. 14–16; Мстислав Степанович Носар... С. 17–18.
- 31 Электронное письмо Шейле Фицпатрик от Анастасии Кощевской, 24 декабря 2018 г.; Bruce Adams. Op. cit. P. 188; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 107–108.
- 32 Ibid. P. 110; MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 386–387.
- 33 DAVID WOLFF. *Returning from Harbin...* P. 113.

- 34 MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 396; GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 95, 107; интервью Шейлы Фицпатрик с Галиной Кучиной в Мельбурне, 27 октября 2018 г.
- 35 Автобиографический очерк Н. Н. Прокопович... С. 57–59; MARA MOUSTAFINE. *Secrets and Spies...* Pp. 385.
- 36 GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 108–109.
- 37 DAVID WOLFF. *Returning from Harbin...* P. 113 (цитата); АМИР ХИСАМУТДИНОВ. Судьба эмигранта-географа... С. 16; SØREN CLAUSEN, STIG THØGERSON. Op. cit. Pp. 160, 190.
- 38 GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 108–111; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; Георгий Мстиславович Скорняков // *Австралиада*. 1999. №19. С. 30–31; Н. И. ДМИТРОВСКИЙ-БАЙКОВ. Указ. соч. С. 21; АЛЛА ШАПОВАЛОВА. Указ. соч. С. 33–37.
- 39 MARIE-CLAIRE BERGÈRE. Op. cit. P. 324 (цитаты); SAM MOSHINSKY. Op. cit. Pp. 118–119.
- 40 Князь Георгий Федорович Ухтомский: автобиографический очерк // *Австралиада*, №15, 1998, с. 27–28; Н. И. ДМИТРОВСКИЙ. Памяти князя Владимира Ивановича Гантимурова // Там же. 2000. №26. С. 29. Среди будущих австралийских иммигрантов, работавших в то время на американцев в Шанхае, были Евгений Конашенко и Игорь Гартунг: Лидия ЯСТРЕБОВА. Русский офицер австралийской военной авиации Евгений Конашенко // Там же. 2001. №29. С. 18; ИГОРЬ ГАРТУНГ. Моя семья: Гартунги-Вальдены... С. 2–6. Когда к Шанхаю подступали коммунисты, американцы, эвакуируясь в Токио, часто брали с собой тех, кто на них работал; в числе эвакуировавшихся таким образом оказались Ухтомский, Конашенко и Гартунг. В дальнейшем всех троих отправили на Тубабао, а потом в Австралию. Гантимуров самостоятельно переехал в Брисбен в 1952 г.
- 41 Цитируется в: MARIE-CLAIRE BERGÈRE. Op. cit. P. 324.
- 42 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 43 Там же. Они значатся в списке узников лагеря для интернированных Вэйсянь, составленном 30 июня 1944 г.: Уильям Мэй Хоуэлл и миссис Мария Лена Хоуэлл, оба граждане Британии, он — 1876 года рождения, она — 1902: Weihsien Camp — Total List of Inmates Including Those Repatriated, Weihsien, <http://www.weihsien-paintings.org/RonBridge/habitants/weihsien02.pdf>. Гари Нэш сообщает, что муж тети умер в лагере.
- 44 РОБЕРТ БИСКЕРС. *Empire Made Me...* Pp. 219–20; Вспомнить все: с такой мечтой приехали в город своей молодости русские шанхайцы: www.russianshanghai.com/articles/interview/post470.
- 45 Еще до окончания войны Александра Толстая, глава фонда, запротестовала средства “для 8000 русских, находящихся в бедственном положении в Шанхае”. AN: AJ/43/5, письмо Александры Толстой

- доктору Лиланду Рексу Робинсону, председателю Комитета по делам перемещенных лиц Американского совета добровольных организаций на заграничной службе, 2 октября 1944 г.
- 46 SAM MOSHINSKY. Op. cit. P. 118 (цитата). Ближе к концу войны, по некоторым оценкам, из общего числа русских евреев, живших в Китае (8 500 человек), в Шанхае жили около 3 500, а в Тяньцзине — около 2 500: BORIS BRESLER. Op. cit. P. 211.
- 47 MARIE-CLAIRE BERGERE. Op. cit. P. 324.
- 48 Ibid. Pp. 324–325. О жизни Цзяна Цзинго в СССР (который со временем сменил отца на посту президента Тайваня) см.: ELIZABETH MCGUIRE. *Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press, 2018. Pp. 116–129.
- 49 BERNARD WASSERSTEIN. Op. cit. Pp. 234–235. И см. ниже.
- 50 Ibid. Pp. 234–235, 277–278, 284–287.
- 51 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 167–168, и см. ниже, главу 8.
- 52 MARCIA REYNERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 221–223, 241.
- 53 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ. соч. С. 196–197.
- 54 ВИКТОРИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 365; 374–375; Иоанн Шанхайский и Сан-Франциский, Википедия; архиепископ Виктор (Святин): <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40562.htm?ysclid=ll4vjbp19k718868769>; GERNOT SEIDE. Op. cit. Pp. 186–187; Н. Н. АБЛАЖЕЙ. Указ. соч. С. 167–168.
- 55 AN: AJ/43/580, Russian Political Emigrants in China: Why 50 % of Russian Emigrants took Soviet Papers (предполагаемый автор — Бологов, приблизительно июль 1949 г.); ВАН ЧЖИЧЭН. Указ. соч. С. 110–111; Н. Н. АБЛАЖЕЙ. Указ. соч. С. 178; MARCIA REYNERS RISTAINO. *Port of Last Resort...* Pp. 254. Среди репатриантов были русские евреи, хотя их количество трудно определить, так как “большинство реэмигрантов предпочитали записываться русскими или украинцами” (Н. Н. АБЛАЖЕЙ. Указ. соч. С. 166).
- 56 S. FREDERICK STARR. *Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union*. New York: Oxford University Press, 1983. Pp. 226–228, 257–258 (Лундстрем); О. Л. ЛУНДСТРЕМ. О джазе и немного о себе // *Русский Харбин...* С. 152–160; JOHN STERNAN. Op. cit. Pp. 334, 364 (этим бывшим фашистом был Борис Румянцев).
- 57 ANTONIA FINNANE. Op. cit. Pp. 218–219; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч. С. 186.
- 58 ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Елена Чупрова // *Австралиада*. 1997. № 14. С. 25–26; ЛИДИЯ САВВА. 50 лет в Австралии... С. 27–30.
- 59 SUZANNE RUTLAND. *Waiting Room Shanghai: Australian Reactions to the Plight of Jews in Shanghai after the Second World War, Leo Baeck Yearbook*. 1987. Vol. 32, no. 1. Pp. 411–428; JAYNE PER-

- SIAN. "The Dirty Vat": European Migrants to Australia from Shanghai, 1946–1947, *Australian Historical Studies*. 2019. Vol. 50, no. 1. Pp. 35–38; SHEILA FITZPATRICK, JUSTINE GREENWOOD. Anti-Communism in Australian Immigration Policies 1947–1954: The Case of Russian/Soviet Displaced Persons from Europe and White Russians from China, *Australian Historical Studies*. 2019. Vol. 50, no. 1. Pp. 45–47, 50–51 (о выдаче паспортов).
- 60 AN: AJ/43/1076, Folder 8, E. Bogen, Report on Resettlement Activity from 29th March to 12th April, 14 April 1949. Этот сотрудник IRO выражает обеспокоенность тем, что Австралия, как и другие неназванные страны, возможно, захочет отказать шанхайским русским в праве на иммиграцию на основании их пособничества японцам в военную пору.
- 61 Лидия ШАМШУРИНА. Указ. соч. С. 11–13; С. МАРИНЧЕВА. Нина Черепанова // *Австралиада*. 2001. № 27. С. 10; SAM MOSHINSKY. Op. cit. Pp. 182, 189; *История русских в Австралии...* Т. III. С. 121; Л. А. ЯСТРЕБОВА. Воспоминания о балетмейстере Е. В. Квятковской // *Русский Харбин...* С. 175.
- 62 SHEILA FITZPATRICK. Russians in the Jungle: Tubabao as a Way Station for Refugees from China to Australia, 1949, *History Australia*. 2019. Vol. 16, no. 4. P. 697.
- 63 LOUISE W. HOLBORN. *The International Refugee Organization...* P. 423; AN: AJ/43/580: меморандум для директора Кингсли, 4 октября 1949 г. Нигде не найдены четкие разъяснения того, как именно ответственность за отбор кандидатов распределялась между IRO и Русским эмигрантским объединением, но из описания у Моравского (с. 2–3) процесса регистрации русских, желавших уехать (а Моравский участвовал в нем лично), недвусмысленно следует, что, по сути, за отбор отвечало именно Русское эмигрантское объединение, а IRO — за организацию перевозки и содержание беженцев на Филиппинах: Н. В. МОРАВСКИЙ. *Остров Тубабao, 1948–1951*. М., 2000. С. 2–3.
- 64 AN: AJ/43/580, Statistics on camp population as of end of June 1949'; Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 14. Если верить данным IRO о национальной принадлежности переселенцев, а также данным переписи, произведенной русскими на острове, евреев среди беженцев не было. В действительности же они в небольшом количестве все-таки были: после прибытия с Тубабao на борту "Генерала Грили" 9 ноября 1949 г. в беседе с австралийскими иммиграционными чиновниками евреями себя называли Шепсель Бибберфилд и его престарелая мать, хотя его жена и юная дочь записались православными (из базы данных); Борис Вайнгласс, прибывший на борту "Мэрайн Джампер" месяцем ранее, а также его жена

и сын, вполне могли быть евреями, хотя и значились литовцами по гражданству, русскими по национальности и православными по вероисповеданию; и Глеб Гинч, прибывший на борту “Хейвен” в июне и представившийся гражданином Литвы, считал себя русским, но, возможно, отчасти был евреем, если верить словам его дочери. Информация из списков пассажиров в базе данных русских, прибывших из Китая; интервью с Наташей Нил (дочерью Гинча) в Гисборне, 26 октября 2018 г.

- 65 Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 9; OLGA MIRAM. *Tubabao Island Camp, Tubabao: Russian Refugee Camp, Philippines 1949–1951*. Sydney: Russian Historical Society in Australia, 1999. P. 16. Ольга, дочь Клуге, недавно вышедшая замуж, осталась на острове, а потом иммигрировала в Австралию, тогда как ее родители поселились в США: OLGA PRONIN. *Honeymoon on Tubabao*, *ibid.* Pp. 24–25.
- 66 DAVID WOLFF. *Russian Collective Biography on the Way from China to Australia*, неопубликованный материал, представленный на конференции “Китайские русские как послевоенные иммигранты в Австралии”, которая проходила в Сиднее 7–8 ноября 2019 г. (об инженерах — выпускниках Харбинского политеха).
- 67 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; Т. В. ТАБОЛИНА. Указ. соч. С. 41; *Russians in Strathfield: A Community Profile, 1949–1999*, Kyra Tatarinoff, Peter Tatarinoff, Anatoly Konovets and Irene Kasperski-Andrews (eds). Sydney: Russian Ethnic Community Council of NSW, 1999. P. 69; Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 14.
- 68 AN: AJ/43/1076, папка 1: List of Samar Mental Cases, папка 8, E. Bogen, Report on Resettlement Activity from April 12th to April 30th [1949]; NAA: A2169 1949: Report by B. K. Lawrey on Activities of Australian Immigration Selection Team, 29 July 1949; LOUISE W. HOLBORN. *International Refugee Organization...* Pp. 425 (цитата), 490 (количество беженцев на Тубабао).
- 69 Судя по позднейшим обвинениям со стороны ASIO в Австралии, этими людьми были Константин Бенерацкий, Николай Бабушкин, Владимир Кузьмин и, возможно, Всеволод Черепанов: см. главу 9.
- 70 Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 20 (NTS); AN: AJ/43/1078 (Джегард Прайс, с цитатой из *Daily News*, 21 июня 1949 г.); AJ/43/1076, папка 4, письмо Богена мистеру Якобсену, пом. ген. дир. штаб-квартиры IRO, 26 мая 1949 г.
- 71 AN: AJ/43/1076, папка 10, сотрудница службы переселения Сьюзен Петтиз — Молли Рул, 21 июля 1950 г.; Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 16.
- 72 AN: AJ/43/580, внутриведомственная докладная записка Рикфорда Джекобсену, 11 февраля 1949 г.; AJ/43/220, вырезка из *Australian News-letter* с объявлением о том, что на Филиппины будет отправлена

- команда с целью отбора “эвакуированных европейцев из Шанхая” для переселения в Австралию. Подробнее см. SHEILA FITZPATRICK, JUSTINE GREENWOOD. *Anti-Communism...* Pp. 48–49.
- 73 AN: AJ/43/1076, Folder 8, Situation in Far East, memo, n.d.
- 74 NAA: A2169 1949, Report by B. K. Lawrey, 29 July 1949, and Admission of White Russians and Others Evacuated from Shanghai, Commonwealth Immigration Advisory Council, July 1949. Лори прибыл в Манилу 5 марта 1949 г., а в Тиван — 9 марта. Другими членами первоначальной комиссии были Дж. Б. Кемп из министерства иммиграции, доктор Ф. У. К. Понсфорд из министерства здравоохранения и лейтенант Л. Б. Роджерс, сотрудник службы безопасности армии, которому предстояло отвечать за проверку благонадежности.
- 75 NAA: A445, 235/3/7, письмо Лори в министерство иммиграции, 13 апреля 1949 г.; NAA: A2169 1949, Report by B. K. Lawrey, 29 July 1949.
- 76 Е. ШИРИНСКАЯ. Тубабao // *Австралиада*. 2000. № 22. С. 34; Лидия ЯСТРЕБОВА. Лука и Тамара Амброс // Там же. 2002. № 33. С. 32–35; Воспоминания Натальи Леонидовны Татариновой... С. 16–26. Юрий ПОНЬКИН. *Путь отца*. Сидней, 1997. С. 169–170.
- 77 AN: AJ/43/1076, папка 8, донесение сотрудника IRO, отвечавшего за переселение, Эрика Богена, от 14 апреля 1949 г.
- 78 Принятая в апреле 1950 г. поправка к закону о перемещенных лицах позволила въехать 4000 беженцев из Китая, и в сентябре 1950 г. на Тубабao приехала отборочная комиссия из США: Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 32–23.
- 79 AN: AJ/43/580: письмо А. Толстой Г. К. Бологову, 3 июня 1949 г., и E. Bogen. Report on Resettlement Activity from May 1st to June 20th, 21 June 1949. О покупке мигрантами участков земли см. главу 6.
- 80 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 81 AN: AJ/43/580: вырезка из *Shanghai Evening Post*, 22 февраля 1949 г. (русских просили назвать имена родственников, репатрировавшихся из Китая в Советский Союз).
- 82 AN: AJ/43/580: Боген — Якобсену, IRO, Женева, 25 октября 1949 г. Подробнее об этом: SHEILA FITZPATRICK. *Russians in the Jungle...* Pp. 707–708.
- 83 NAA: A2169 1949, Report by B. K. Lawrey, 29 July 1949.
- 84 Последнее утверждение до того возмутило русских, что они устроили в лагере однодневную забастовку. Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 29; Е. ШИРИНСКАЯ. Тубабao... С. 34; V. SOKOLOFF. I was a “Teebeeshnik”, *Tubabao: Russian Refugee Camp...* Pp. 37–39; воспоминания без названия, подписанные инициалами М. К. (Ibid. P. 3); ГЭРИ НЭШ. Указ. соч. Говоря о душевнобольных, можно упомянуть, что на Тубабao таких действительно было не-

- сколько, и они проходили лечение, во всяком случае, в последние месяцы своего пребывания на острове: см. AN: AJ/43/1076, Folder 1, List of Samar mental cases.
- 85 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч. Однако в своей переписке с IRO доктор Хань выставял себя защитником несчастных русских с неблагоприятными рентгеновскими снимками: он будто бы спорил с австралийским врачом, доказывая ему, что туберкулез в стадии ремиссии не должен становиться препятствием к иммиграции: AN: AJ/43/1078, vol. 41, Dr L. M. Nan. Problem of Samar TB cases. Accompanying letter (без даты).
- 86 V. SOKOLOFF. Op. cit. Pp. 37–39.
- 87 AN: AJ/43/580, Г. ван Зиль Хайд — генеральному директору Кингсли, IRO, 19 августа 1949 г.
- 88 AN: AJ/43/1087: List of TB Australian applicants, 18 October 1949; NAA: SP1121/1 and A446 1955/12187 (Горбунова-Полянская); Е. Ко-нашенко, “Игорь” Вржосек // *Австралиада*. 2009. № 59. С. 23–26; база данных имен пассажиров.
- 89 Об отказе, полученном Бологовым, см. SNEILA FITZPATRICK. Russians in the Jungle... Pp. 707–708. В докладной записке для министерства иммиграции от 28 апреля 1949 Лори указывает возраст Бологова — 54 года (NAA: A445, 235/3/7), а по словам одного беженца, ему было около пятидесяти (Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 30). Согласно одному источнику, в 1949 г. ему было 44 года (ВИКТО-РИЯ ШАРОНОВА. Указ. соч. С. 168), а если верить надписи на его надгробии в Калифорнии, то получается 45 (С. В. СМЕРНОВ. Указ. соч. Фото на нумерованной странице).
- 90 В имеющейся литературе приводятся слегка различающиеся дан-ные, но самые надежные здесь: NAA, A445235/3/6: Movement of Displaced Persons from Samar to Australia. Я благодарю Жюстин Гринвуд за то, что она обратила мое внимание на этот источник. Что касается 443 пассажиров “Мэрайн Джампер”, не допушен-ных к высадке, по-видимому, это были в большинстве своем несо-стоявшиеся иммигранты, отвергнутые “на основании различных законов Содружества”, вероятно, по причине неподходящего воз-раста и наличия туберкулеза: *Kalgoorlie Miner*, 10 October 1949. P. 4. Они отправились далее в Латинскую Америку, Францию и Тур-цию: Т. В. ТАБОЛИНА. Указ. соч. С. 38; Н. В. МОРАВСКИЙ. Указ. соч. С. 32.
- 91 LOUISE W. HOLBORN. *The International Refugee Organization*... P. 433.
- 92 Скаутмастер Михаил Плеханов, будучи пассажиром “Генерала Грили”, указал 1909 годом своего рождения, хотя, вероятно, он ро-дился в 1901 г.
- 93 Подсчеты из China Route Database.

- 94 CPD, no. 25, 23 June 1949, pp. 1490–1491 (ответ на вопрос Дж. Лэнга). На борту *Haven* 81 % пассажиров называли себя русскими (подсчеты из China Route Database).
- 95 Н. С. ТРЕСКИН. О жизни и о себе // *Австралиада*. 1997. № 13. С. 16; Воспоминания Натальи Леонидовны Татариновой... С. 16–26; NAA: A12533, Ouchtomsky, George; NAA: A12083 69–70, Gileff, Elizabeth Maximovna; China Route Database.
- 96 China Route Database; И. М. ШНИЦЕР-СМОЛЯНИНОВ. Михаил Николаевич Волин, *Russians in Australia*. Melbourne: University of Melbourne, 1989, no. 12; Т. ГАРТУНГ. Семья Буровниковых-Максимовых-Гартунгов... С. 18–19; КАТЮА КНЫАЗЕВА. *The Scribe of Russian Shanghai*... P. 191.
- 97 Воспоминания Натальи Леонидовны Татариновой... С. 16–26; *Kalgoorlie Miner* 10 October 1949, p. 4; NAA: SP244/3 and N1950/3/6324 (Спасовский); China Route Database.
- 98 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 121–122; MARCIA REYNDERS RISTAINO. *Port of Last Resort*... Pp. 269, 272.
- 99 Данные за 1947–1951 гг. (2 907 европейских беженцев, переселенных из Китая в Австралию) из: LOUISE W. HOLBORN. *International Refugee Organization*... P. 433. Данные за 1951–64 гг. из: NICHOLAS PITTS. *White Russians from Red China: Resettling in Australia, 1957–1959*, master's thesis, ANU, 2018. P. 150; *Demography Bulletin*, nos. 69–78, 1951–60, no. 82, 1966. Подробнее о количестве иммигрантов см. далее раздел “Статистические замечания”.

Глава 6. Прибытие

- 1 И. БОГУТ. Памяти Леонида Александровича Верцинского // *Австралиада*. 1997. № 12. С. 42; И. БОГУТ. Память сердца // История русских в Австралии... Т. I. С. 107–109; Лидия Ястребова. Нина Ильинична Дернова // *Австралиада*. 2003. № 37. С. 31; ИРИНА ХАЛАФОВА. Указ. соч. С. 42.
- 2 Интервью с Натальей Баич в Пламптоне, штат Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.; СИГИЗМУНД ДИЧВАЛИС (А. ДУБОВ). *Детство, отрочество*... С. 141; Ю. ИВАНОВ. Навстречу “дикому Западу” // *История русских в Австралии*... Т. I. С. 206–207; *История русских в Австралии*, т. 1, с. 74–75 (А. Киселев). О попытках Австралии рекламировать себя см.: RUTH BALINT. Industry and Sunshine: Australia as “Home” in the Displaced Persons Camps of Postwar Europe, *History Australia*. 2014. Vol. 11, no. 1. Pp. 102–127.
- 3 Г. Г. НАТИНГ // *Австралиада*. 2006. № 48. С. 39; В. А. ПАРХОМОВ “Путь длиной 120 лет: от Кяхты (Бурятия) до Баргара (Австралия). Судьба потомков атамана Забайкальского казачьего войска

- И. Н. Бароцци де Эльс”, доклад представлен на заседании общества “Родословие”, <https://new.chronologia.org/volume14/parhomov.pdf>;
- Жанна Долгополова. Владимир Иннокентьевич Ган-Тимур, *Russians in Australia*, no. 8, Melbourne: University of Melbourne, n. d.
- 4 Цитата из: DIANE ARMSTRONG. Op. cit. Pp. 37–38; см. также рассказы сотрудников иммиграционной службы Джорджа Бартли и Кейт Стодден в: HARRY MARTIN. Op. cit. Pp. 8, 41.
- 5 *The Herald* (Melbourne), 5 November 1948, p. 1; HARRY MARTIN. Op. cit. Pp. 9–10.
- 6 Н. Н. Ключарев, недатированное письмо Николаюкам с описанием его плавания в Австралию из Европы в сентябре 1950 г., архив Ивана Николаюка; DIANE ARMSTRONG. Op. cit. Pp. 22, 117–119; интервью с Андрисом Бичевским в Брисбене, 30 июля 2007 г. (о пароходе “Фейрси” в 1949 г.); Сигизмунд Дичбалис. *Зигзаги судьбы. Воспоминания*. М., 2003. С. 143.
- 7 Там же. С. 141; DIANE ARMSTRONG. Op. cit. P. 132.
- 8 Интервью с Наталией Банч в Пламптоне, штат Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.
- 9 Подробности в: AN: AJ/43/457, Enquiry into the Deaths of Children Emigration to Australia. См. также отчет от 25 июля 1949 г. в: AN: AJ/43/696, Situation a l'étranger, и NLA: MS 4738 (архив Колуэлла), серия 12, коробка 44, папка 41, Deaths of babies on ships — cuttings from papers 7 September 1949 [Смерти младенцев на кораблях — вырезки из газет от 7 сентября 1949 г.].
- 10 Ключарев, недатированное письмо [1950], архив Ивана Николаюка.
- 11 См. DIANE ARMSTRONG. Op. cit.; фотографии пассажиров “Дерны”, предающихся “бурному веселью”, между страницами 148 и 149; см. также с. 88–96 и в других местах о столкновениях на политической почве; Н. Коваленко. 50-летний юбилей газеты “Единение” // *Австралиада*. 2000. №25. С. 1.
- 12 NAA: A6980 S250104, встреча австралийских чиновников с министром иммиграции Артуром Колуэллом в Берлине, 17–18 июля 1947 г.; распоряжение, присланное по телетайпу из Берлина в армию, 30 октября 1947 г.; об ограничениях на вывоз валюты из Германии.
- 13 Интервью с Натаном Мошинским в Мельбурне, 27 апреля 2016 г.; GALINA KUCHINA. Op. cit. P. 117.
- 14 Чешский мигрант Ярослав Гавир в: HARRY MARTIN. Op. cit. P. 10 (первая цитата); Сигизмунд Дичбалис. *Зигзаги судьбы...* С. 143–144 (вторая цитата); интервью с Эндрю Андерсоном в Сиднее, 20 августа 2017 г.; HARRY MARTIN. Op. cit. P. 11; Интервью с русским скульптором Г.М. Вириным // *Австралиада*. 1997. №13. С. 25.
- 15 *The Sun* (Сидней), 5 November 1948 (Мещерская); *The Daily News* (Перт), 28 July 1949, p. 13 (Мусины-Пушкины); *The Daily Tele-*

- graph* (Сидней), 25 May 1950, p. 11 (Бурлин); *The Argus* (Мельбурн), 24 September 1949 (Фриденберге).
- 16 О лагерях мигрантов и об условиях жизни в них см. JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* P. 77–89; Karen Agutter. Displaced Persons and the “Continuum of Mobility” in the South Australian Hostel System, MARGRETTE KLEINIG AND ERIC RICHARDS. *On the Wing: Mobility Before and After Emigration to Australia*. Adelaide: Flinders University and the Migration Museum of South Australia; ALEXANDRA DELLIOS. *Histories of Controversy: Bonegilla Migrant Camp*, Melbourne: Melbourne University Publishing, 2017.
 - 17 GLENDA SLUGA. *Bonegilla A Place of No Hope*. Melbourne Department of History, University of Melbourne, 1988. P. 6.
 - 18 JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* P. 82 (цитата из Евгении Бакайтис).
 - 19 ANDREJS BIČEVSKIS. *DPs and deconstruction*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 12 января 2008 г.
 - 20 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 889. Л. 402, информация от репатрианта по фамилии Комар.
 - 21 СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Зигзаги...* С. 144.
 - 22 GLENDA SLUGA. *Op. cit.* P. 17 (приводятся слова украинского мигранта, ди-пи Дмитро Чуба).
 - 23 ANDREJS BIČEVSKIS. *DPs and deconstruction...* П. Химин. Бонегилла // *История русских в Австралии...* Т. I. С. 204–205.
 - 24 А. КАРЕЛ. Если бы не море... // *История русских в Австралии...* Т. I. С. 144; И. БОГУТ. Памяти Леонида Александровича Верцинского... С. 42; GLENDA SLUGA. *Op. cit.* P. 36; GALINA KUCHINA. *Op. cit.* P. 138.
 - 25 GLENDA SLUGA. *Op. cit.* Pp. 38–39, 103, 112; V. L. BORIN. *Op. cit.* Pp. 67–91; ANDREJS BIČEVSKIS. *DPs and Deconstruction...* Бичевскис был в числе нескольких проинтервьюированных мною послевоенных мигрантов, которые, вспоминая прошлое, старались неизменно подчеркивать все хорошее. Бичевскис (старый друг моего мужа Майкла Даноса, его рижский школьный товарищ) находил, что у меня слишком мрачные представления об австралийской политике и о мигрантском опыте в целом, и сознательно пытался заставить меня изменить мнение.
 - 26 NAA: A6980-S250105, вырезка со штампом даты 23 мая 1948 г., с цитатой (профсоюзного?) чиновника из Аделаиды, Г. Галвина; NAA: A446-57-67774, вырезка из *The Sun* (Мельбурн), 16 January 1948.
 - 27 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 675 Записи бесед с совгражданами, репатрированными из-за границы в СССР, 10 июля — 18 сентября 1950 г.; Agutter, Displaced Persons. P. 142 (цитата); И. БОГУТ. Памяти Леонида Александровича Верцинского... С. 42.

- 28 Н. КОВАЛЕНКО. 50-летний юбилей газеты “Единение”... С. 2; интервью с Наташей Нил в Гисборне, 26 октября 2018 г.; интервью с Алексом Селеничем в Мельбурне, 8 марта 2016 г.
- 29 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 888. Л. 22, 320–333 (интервью с репатриантом Гвоздецким в Ленинграде, 17 мая 1952 г.); NAA: A446-57-67774, вырезки из *The Sun* (Мельбурн), 16 January 1948, и *The Sunday Sun*, 18 January 1948.
- 30 Людмила ОСМАКОВА. Люди Снежных гор // *Австралиада*. 2011. №27. С. 44–46, 2001. №28. С. 6–8. Прилагается список имен русских, работавших на гидроэлектростанции в Снежных горах (№28. С. 8).
- 31 CPD, no. 18, 3 May 1950, p. 2119 (вопрос Леса Хейлена из лейбористской партии Австралии, ответ Холта).
- 32 MICHAEL QUINLAN. Australian Trade Unions and Postwar Immigration Attitudes and Responses, *Journal of Industrial Relations*. 1979. Vol. 21, no. 3. P. 267; JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* P. 167.
- 33 Ibid. И см. замечание Леса Хейлена в парламенте в мае 1950 г. об обеспокоенности профсоюзов нежеланием ди-пи вступать в организации: CPD, 3 May 1950, 2119; NLA, MS 4738 (архив Колуэлла), серия 12, коробка 44, папка 41 (вырезки, датированные сентябрем 1949 г.).
- 34 NAA: A434/3/13193, вырезки из прессы, сентябрь 1948 г.
- 35 CPD, no. 18, 4 May 1950, pp. 2191–92. Этот же вопрос поднимался и в 1948 г. членом Либеральной партии Австралии (Южно-Австралийского отделения) Филипом Макбрайдом: CPD, no. 50, 7 December 1948. Pp. 4027–4028.
- 36 СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Зигзаги судьбы...* С. 149–150.
- 37 V. L. BORIN. Op. cit. Pp. 151, 155–156, 178–183; СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС. *Зигзаги судьбы...* С. 145–148; ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК. *Повседневный сталинизм...* С. 92–93 (о стахановцах).
- 38 Интервью с Наташей Нил, 26 октября 2018 г.; HARRY MARTIN. Op. cit. P. 110; JEAN I. MARTIN. *Refugee Settlers: A Study of Displaced Persons in Australia*. Canberra: ANU, 1965. P. 32.
- 39 Ю. ИВАНОВ. Указ соч. С. 206–207; LAURA BEERS. The Doughboy Moved In, *London Review of Books*, 7 March 2019 (цитата из *Daily Mirror*); интервью с Наташей Нил.
- 40 SAM MOSHINSKY. Op. cit. Pp. 183–184, 189.
- 41 Интервью с Наталией Баич, и см. JEAN I. MARTIN. *Refugee Settlers...* P. 41; Иван и Ядвига Николаюки — отцу Митрофану, 20 октября 1957, архив Ивана Николаюка.
- 42 Ю. А. ДОМАНСКИЙ. Сидней — 50 лет тому назад // *Австралиада*. 2004. №41. С. 39–42 (цитаты); *Русский в Австралии*. 1951. №7 (небольшие объявления, рекламировавшие русские магазины и товары).

- 43 Сигизмунд Дичбалис. *Зигзаги судьбы...* С. 154; NAA: A162166, донесение оперативного работника ASIO о Харкове, 10 июня 1954 г.; JOY DAMOUSI. *Growing up Greek in Australia*, The University of Melbourne, 15 October 2015: <https://findanexpert.unimelb.edu.au/news/1390-growing-up-greek-in-australia>.
- 44 Report of Victoria's Housing Investigation and Slum Abolition Board, 1937, приводится в: STUART MACINTYRE. *Australia's Boldest Experiment: War and Reconstruction in the 1940s*. Sydney: NewSouth, 2015. Pp. 175–176.
- 45 ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 139–148.
- 46 Ю. ИВАНОВ. Указ. соч. С. 206–207; *Австралиада*. 2000. №25. С. 2; 2011. №68. С. 33.
- 47 GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 152–153. Гэри Нэш также сообщает, что всего через несколько лет купил автомобиль и большой участок земли с уже частично построенным на нем домом: ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 48 Интервью с Алексом Селеничем; интервью с Наташей Нил; Андрис Бичкевскис (*DPs and Deconstruction*); архив Николаюков: письма от 28 декабря 1958 г. Микитюку и от 28 декабря 1960 г. Митрофану Петровичу. Другие рассказы переселенцев о том, как они строили дом своими руками, можно найти в: *Австралиада*. 2003. №37. С. 30–32 (Нина и Леонид Дерновы), 2013. №77. С. 32 (работник железной дороги Флавий Ходунов).
- 49 *Russians in Strathfield...* P. 138.
- 50 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 195.
- 51 ЛИДИЯ САВВА. 50 лет в Австралии... С. 27–30; ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Нина Ильинична Дернова... С. 31–32; Н. МЕЛЬНИКОВА. О жизни Клавдии Муценко-Якуниной... С. 25–27; *Russians in Strathfield...* P. 148.
- 52 Михаил Николаевич Чуркин: автобиография // *Австралиада*. 1997. №12. С. 20–21; Памяти Л. А. Ястребовой // Там же. 2004. №41. С. 5.
- 53 Человек, названный русским по имени Владислав Иванович Пулковников (*История русских в Австралии...* Т. IV. С. 237), фигурирует в статье Керри Ригана (*Kerry Regan*) как Пулковник Владислав (Вальтер), поляк из Вильнюса, который вместе с русской женой прибыл в Сидней в 1938 г. и натурализовался в 1946 г. (ADB. Vol. 18)
- 54 Князь Георгий Федорович Ухтомский: автобиографический очерк // *Австралиада*. 2000. №26. С. 28–30; Е. ЮЩЕНКО. Ростенко, Сергей Константинович // Там же. 2003. №36. С. 41; А. КОКШАРОВА. Памяти Владимира Захаровича Мазюка // Там же. 2006. №48. С. 24–25; А. Н. КРАВЦОВ. *Русская Австралия*. М., 2011. С. 195.

- 55 GEOFF WINESTOCK. Harry Triguboff's Secret Past: The Nineteen-Year Struggle that Split His Family, *The Australian Financial Review*, 8 December 2017; Jefferson Penberthy, The BRW One Hundred, *Business Review Weekly*, November 12–18, 1983, pp. 24–82 (краткие биографии ста богатейших людей Австралии).
- 56 *The Far Left in Australia since 1945*, Jon Picconi et al. (eds). Abingdon, Oxon: Routledge, 2018. P. 125; ANDREW MAIN. *Rivkin Unauthorised: The Rise and Spectacular Fall of an Unorthodox Moneyman*. Pymble, NSW: HarperCollins, 2005.
- 57 О Долгоруком см. Заключение; о Мещерской и Мусиных-Пушкиных см. выше; *Russians in Strathfield...* P. 63; Князь Георгий Федорович Ухтомский... С. 29; Н. И. ДМИТРОВСКИЙ. Памяти князя В. И. Гантимурова... С. 27–28; об указании своей принадлежности к дворянскому сословию в анкетах БРЭМа см. выше, главу 3, прим. 65.
- 58 НАА: А6122 166, вырезка со статьёй “Девять человек, которые ненавидят Кремль” (Nine Men Who Hate the Kremlin), *People*, 2 June 1954. Pp. 18–19. Николай Харков был краснодеревщиком; Константин Чумаков работал плотником в больнице; Владимир Упенник, Анатолий Вакмут, Николай Фомин и Александр Лободовский были фабричными рабочими. Занятие девятого члена собрания, В. Е. Кастальского, не указывается, из чего можно заключить, что он был безработным.
- 59 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* Pp. 188–189.
- 60 Цитируется в: JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* P. 130.
- 61 Письмо Митрофану Петровичу, 21 декабря 1960 г., архив Ивана Николаюка; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.; НИКОЛАЙ КОВАЛЕНКО. 28-й губернатор штата Виктории — русский Алексей Чернов // *Австралиада*. 2011. № 68. С. 33; ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Познакомьтесь с нашими корреспондентами. Николай Иванович Коваленко // Там же. 2000. № 22. С. 41; Редактор газ. “Единение” Юрий Константинович Амосов // Там же. 1995. № 2. С. 18–19.
- 62 EGON F. KUNZ. *The Intruders: Refugee Doctors in Australia*. Canberra: ANU Press, 1975. Pp. 53, 89–92, 94; Idem. *Displaced Persons...* P. 191. Об эстонце Винсенте Зигасе, одном из врачей из числа бывших перемещенных лиц, отправленных в Новую Гвинею, см.: WARWICK ANDERSON. *The Collectors of Lost Souls*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 2008. Pp. 29, 86–87, 117–118.
- 63 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 195; Table 18:1; Idem. *The Intruders...* P. 63.
- 64 Е. ЮЩЕНКО. Доктор Виктор Евгеньевич Истомин [Калиновский] // *Австралиада* 2002. № 32. С. 13–14; Я. А. Занадворов. Николай Павлович Голубев (188? — 1965), ADB, vol. 14, 1996; GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 80–81.

- 65 ВАН ЧЖИЧЭН. Указ соч. С. 505; SMPA: D-5502A (с); AN: AJ/43/1077; NAA: A6122 368; *The Argus*, 23 January 1956.
- 66 ANDREJS VIČEVSKIS. *DPs and deconstruction*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик от 12 января 2008 г.; Алексей Павлович Кисляков: автобиография // *Австралиада*. 1990. № 21. С. 7–8; А. Кисляков. Эстония и Германия // *История русских в Австралии...* Т. I. С. 74–75; Р. Полчанинов. Ирина Владимировна Халафова. 90 лет со дня рождения // *Австралиада*. 1998. № 18. С. 15–16. О признании дипломов инженеров см. также EGON F. KUNZ. *The Intruders...* Р. 5.
- 67 См. список: “Харбинские инженеры в Австралии” // *История русских в Австралии...* Т. IV. С. 193–195; приложение к: “Инженеры из Маньчжурии”. С. 181–191. Об объединении выпускников Харбинского политехнического института в Австралии см. главу 3.
- 68 Иван Николаюк — отцу Митрофану, 20 октября 1956 г., архив Ивана Николаюка; *Russians in Strathfield...* Р. 149 (Петунин); GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 147–148 (и см. похожую историю в: ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.).
- 69 ЛАРИСА МОРОЗОВА. Краткий обзор моей 75-летней жизни // *Австралиада*. 2002. № 30. С. 34–35 (Коломойцев). Из трех попавших в мою биографическую базу данных инженеров, получивших советское образование, Леонид Коломойцев и Сергей Циммерман работали в Австралии чертежниками, а Леонид Лебедев вернулся к инженерной профессии лишь после того, как поработал некоторое время часовым мастером. И, напротив, из оказавшихся в моей личной базе данных восемнадцати инженеров-мужчин, выпускников маньчжурских учебных заведений, пятнадцать работали в Австралии по специальности (Сергей Буровников, Анатолий Грачев, Валерий Гунько, Михаил Ястребов, Владимир Казанский, Вениамин Кокшаров, Борис Коренев, Борис Козловский, Вадим Кучин, Мстислав Носар, Игорь Савицкий, Казимир Савицкий, Владимир Сухов, Виктор Винокуров). Из тех, кто не устроился работать по инженерной специальности, Ростислав Ган (поменявший профессию еще в Китае) стал священником, хорошо известным в православной общине Австралии, Святослав Кривилев работал управляющим, а Геннадий Погодин (всегда имевший вторую профессию) — музыкантом.
- 70 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* Р. 195 (Table 18:1).
- 71 Об этом см.: JULIE WATERS. *From Nation Building to Cultural Enrichment: The Australian Press Portrayal of Post-War Immigrant Musicians, 1947–1953*, неопубликованная рукопись.
- 72 KAY DREYFUS. *Silences and Secrets: The Australian Experience of the Weintraub Syncopators*. Melbourne: Monash University Publish-

- ing, 2013. Pp. 152–162. О Гуссенсе см.: MICHAEL BIALOGUSKI. Op. cit. Pp. 45–47. Виолончелисту Алексею Погодину из Харбина удалось попасть в состав симфонического оркестра вскоре после приезда в страну в 1959 г. (Алексей Иванович Погодин // *Австралиада*. 1995. № 2. С. 34–35), но это произошло уже после того, как в середине 1950-х препятствия со стороны Профсоюза музыкантов были устранены. Другим музыкантом, выступавшим в симфоническом оркестре, был Борис Теппер, учившийся у Владимира Трахтенберга в Харбине. Сам Трахтенберг тоже приехал в Австралию в 1959 г. и работал преподавателем по классу скрипки в Сиднейской консерватории до самой смерти (в 1963 г.): ВЕРА ТРОИЦКАЯ. Воспоминания // Там же. 1995. № 3. С. 24.
- 73 *The Sunday Herald* (Сидней), 25 June 1950; Русский общественный клуб в Сиднее (по материалом Е. Левицкого) // *Австралиада*. 2007. № 51. С. 21.
- 74 KAY DREYFUS. Op. cit. Pp. 163 (цитата), 166.
- 75 *Единение*. 1951. 7 ноября. С. 6. Ранее в том же году на архипелаге Сент-Килда состоялся “русский бал”, а в Сиднее русская община устроила бал-маскарад в Паддингтоне: *Единение*. 1951. 29 июня. С. 6; 21 сентября. С. 6.
- 76 Г. КОСИЦЫН. Серж Ермол и его оркестр... С. 21–23. Еще одним представителем харбинского джаза, приехавшим из Китая через Шанхай и Тубабао, а позже игравшим вместе с Киреевским в Австралии, был трубач Евгений Гломб: МИТЯ КИРЕЕВСКИЙ (МИКИ КЭЙ). Музыкант Женья Гломб // *Австралиада*. 2002. № 33. С. 36–38.
- 77 KAY DREYFUS. Op. cit. P. 169; *Riverina Herald*, 3 November 1952. Количество сообщений в прессе того времени заставляет предположить, что Данилов был одним из самых заметных шанхайских музыкантов-иммигрантов.
- 78 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 315–316; *Единение*. 1951. 20 апреля. С. 6; 1951. 29 июня С. 5; 1952. 29 августа. С. 5; *История русских в Австралии*. Т. III. С. 238.
- 79 Василий Иванович Томский // *Австралиада*. 1994. № 1. С. 31–32. После его смерти руководителем труппы стал его ученик из Харбина, Александр Демидов: Л. А. Я. Драматический ансамбль В. И. Томского // Там же. 1998. № 17. С. 28.
- 80 *Единение*. 1952. 14 марта. С. 6; *Russians in Strathfield*... P. 149. Пьеса называлась “Иванов Павел наших дней”. Текст Г. А. Зоца, музыкальная аранжировка И. И. Петунина, режиссер — Б. Петропавлов.
- 81 Хор Донских казаков, Википедия; Sergei Jaroff and the Don Cossack Choir, Orthodox Christianity: <https://orthochristian.com/88292.html>; *Russians in Strathfield*... P. 101. См. также: *История русских в Австралии*... Т. I. С. 197–200.

- 82 И. П. Богут. Казачий ансамбль А. В. Карасева // *Австралиада*. 1995. № 5. С. 27.
- 83 *История русских в Австралии...* Т. IV. С. 23–26; Н. ГРАЧЕВА-МЕЛЬНИКОВА. О Ксении Мейснер // *Австралиада*. 1997. № 13. С. 17.
- 84 *Единение*. 1954. 3 сентября.
- 85 Эта характеристика Домогацкого принадлежит Анатолию Коновцу: ANATOLE KOVOVETS. Op. cit. P. 103.
- 86 Ibid. P. 61.
- 87 Ibid. P. 61. Сам Коновец был активистом НТС из Тяньцзиня, скрытое здесь сравнение проводилось с другой русскоязычной газетой в Мельбурне — “Русской правдой”, которую он определял как крайне монархистскую и антисемитскую.
- 88 И. Зезин. Народно-трудовой союз в Австралии // *Австралиада*. 2009. № 60. С. 22–24; Редактор газ. “Единение”... С. 118–119; Н. КОВАЛЕНКО. 50-летний юбилей газеты “Единение”... С. 1–5.
- 89 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 142; Н. КОВАЛЕНКО. 50-летний юбилей газеты “Единение”... С. 1–5.
- 90 Николай Коваленко приводит слова из первого номера журнала, определяющие цель журнала так: “сохранение нашей культуры, нашей веры и борьба против нашего врага № 1, заставившего всех нас так или иначе покинуть родину” (Н. КОВАЛЕНКО. 50-летний юбилей газеты “Единение”... С. 4.
- 91 Н. МЕЛЬНИКОВА. Вот и Австралия. А как к ней привыкнуть?! // *История русских в Австралии...* Т. I. С. 208–212. О браке Люси Бухвостовой см. выше, главу 3.
- 92 *Русский в Австралии* (номера в основном отпечатаны на ро-неографе): обозрения Карпова — в №№ 3 (28) и 4 (29), 1953, и в №№ 3 (40), 5 (42) и 6 (45), 1954.
- 93 Письмо Николая Ключарева Николаюкам, март 1956, из Оуклендз под Уоггой, архив Ивана Николаюка.

Глава 7. Белые русские

- 1 Ю. А. ДОМАНСКИЙ. Сидней — 50 лет тому назад... С. 40; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 144–147; А. Н. КРАВЦОВ. Указ. соч. С. 292; ANATOLE KOVOVETS. Op. cit. Pp. 58–62, 77; О Сергее Петровиче Татаринове // *Австралиада*. 1994. № 1, 1994. С. 39 (*Кают-компания*).
- 2 О конфликтах между белыми и власовцами в Германии см.: BENJAMIN TROMLY. *Cold War Exiles and the CIA*. Oxford: Oxford University Press, 2019. Об изоляции власовцев от белой эмиграции в США в 1950-е гг. см.: ДЖОРДЖ ФИШЕР. Две страсти // *В поис-*

как истины. Пути и судьбы второй эмиграции. Сборник статей и документов. М., 1997.

- 3 Интервью с Натаном Мошинским в Мельбурне, 27 апреля 2016 г.
- 4 Г. И. КАНЕВСКАЯ. "Мы еще мечтаем о России..." С. 144–147; А. Н. КРАВЦОВ. Указ. соч. С. 292; ANATOLE KONOVETS. Op. cit. Pp. 58–62, 77; Ю. А. ДОМАНСКИЙ. Сидней — 50 лет тому назад... С. 40; *История русских в Австралии...* Т. 4; О Сергее Петровиче Татаринове // *Австралиада*. 1994. №1. С.
- 5 Г. И. КАНЕВСКАЯ. "Мы еще мечтаем о России..." С. 145–146; *Единение*. 1952. №17. С. 6; 1953. №5. С. 41; 1953. №34. С. 5; 1953. №37. С. 5; С. МАРИНИЧЕВА. Нина Черепанова // *Австралиада*. 2001. №27. С. 10 (станции); *Единение*. 1953. №23. С. 5; АТАМАН Е. ЮРЕВИЧ. Казаки в Австралии // *История русских в Австралии...* Т. I. С. 197–200 (увековечение трагедии в Лиенце).
- 6 См. главу 2.
- 7 Михаил ПРОТОПОПОВ. *Преосвященнейший Феодор...* С. 102–103, 114–116; Г. И. КАНЕВСКАЯ. "Мы еще мечтаем о России..." С. 118.
- 8 Строго говоря, этот статус обрела Русская православная церковь за границей. См. NAA: A441, 1951/13/5090, докладная записка от совета Русской православной церкви за границей в Мельбурне министерству иммиграции, 12 января 1950 г.
- 9 См. Г. И. КАНЕВСКАЯ. "Мы еще мечтаем о России..." С. 117.
- 10 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 85, 409–410; МИХАИЛ ПРОТОПОПОВ. *Преосвященнейший Феодор...*; О задержке с выдачей визы см. обширную переписку, в которой участвовали министерство иммиграции, австралийская военная миссия и даже Колуэлл с Джоном Дедманом (представлявшим премьер-министра) в: NAA: 434, 1950/3/2010: Russian Orthodox Church — Admission Russians, 1946–1950.
- 11 Цитата из: DIANE ARMSTRONG. Op. cit. Pp. 92–93.
- 12 Михаил ПРОТОПОПОВ. *Преосвященнейший Феодор...* С. 384.
- 13 NAA: A434, 1950/3/2010: Б. К. Лори, рукописное заключение, май 1947 г.
- 14 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 88–98; EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 213. 16 февраля 1950 г. Рафальский назначил главами мигрантских приходов (при содействии англиканского архиепископа Р. Г. Б. Уильямса, секретаря Федерального межцерковного миграционного комитета, заручившись также одобрением министра иммиграции Т. Г. Э. Хейса, священников Исидора Дерезу (лагерь Уокол), Иоанна Лупича (Грета 2), Бориса Масловского (Батерст) и Виктор Лотоцкого (Парк); соответствующие документы хранятся в NAA: A441, 1951/13/5090, Russian Orthodox Church — General File.

- 15 Михаил Протопопов. *Преосвященнейший Феодор...* С. 138–139.
- 16 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 85–93; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 124.
- 17 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 119. Мигрантские приходы находились в лагерях Бонегилла, Грета, Нортем, Коура, Батерст, Сомерс, Беналла, Шейвилл, Паркс и Порт-Аделаида.
- 18 Об особенностях расселения см.: *История русских в Австралии...* Т. 2. С. 27; о социальных претензиях Стратфилда см.: MICHAEL JONES. *Oasis in the West: Strathfield's First 100 years*. North Sydney: Allen & Unwin, 1985 (где, если не считать включения фотоснимка православного собора, ни словом не упоминается о русских как о значительной группе местных жителей). Сообщали, что с выбором участка под строительство собора (по адресу Стратфилд, Вернон-стрит, 3) помог довоенный иммигрант и фабрикант Михаил Букасов, вместе с женой принимавший очень активное участие в церковных делах и совсем недавно переехавший из Квинсленда на юг и поселившийся в соседнем пригороде Хоумбуш: *Russians in Strathfield...* P. 135.
- 19 The Parish of Saints Peter and Paul Cathedral of the Russian Orthodox Church, Strathfield Heritage: <https://strathfieldheritage.com/buildings/churches/the-parish-of-saints-peter-and-paul-cathedral-of-the-russian-orthodox-church/>; Михаил Протопопов. *Преосвященнейший Феодор...* С. 232–233; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 122.
- 20 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. P. 131; *Единение*. 1951, №20; 1952, №2.
- 21 Ирина Аполлонова. Русское благотворительное общество им. преподобного Сергия Радонежского // *Австралиада*. 2009. №59. С. 2; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 174. В 1954 г. представитель Всемирного совета церквей доктор Штумпф приехал в Австралию, чтобы обсудить иммиграцию русских из Китая, и австралийское правительство согласилось принять русских беженцев, если им кто-то оплатит проезд.
- 22 О. С. КОРЕНЕВА. Русское благотворительное общество в Сиднее, *Russians in Australia*, no. 11, University of Melbourne, 1987; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 175.
- 23 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Pp. 113, 379 (биография Филатова); *Храм во имя Св. Архистратига Михаила: 25-летие церкви*. Блэктаун, Новый Южный Уэльс, самиздат, 1984; интервью с Наталией Баич в Пламптоне, Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.
- 24 GALINA KUCHINA. Op. cit. P. 183; письма Ядвиги Николаюк друзьям, 1958 г., архив Ивана Николаюка; Н. Н. ПРОКОПОВИЧ. Анна Яковлевна Ивлева // *Австралиада*. 1998. №15. С. 30–31; ин-

- тервью с Георгием Николаюком в Бинаке, штат Виктория, 26–27 августа 2019 г.
- 25 *Russians in Strathfield...* Рр. 54–56; NICHOLAS PITT. Op. cit. Рр. 98–108 (дом престарелых), 108–117 (Кентлин).
 - 26 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 125.
 - 27 ANATOLE KO NOVETS. Op. cit. Рр. 79, 100; GU: архив Виктора Байдалакова: письмо Бердникова Байдалакову, 15 июня 1954 г.
 - 28 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Р. 214.
 - 29 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 126–128; MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Рр. 137–140, 146–149, 153.
 - 30 MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Рр. 136, 192–197, 202 (цитата), 408–409 (биография Раевского).
 - 31 Ibid. Рр. 129, 150–151.
 - 32 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 213.
 - 33 Р. ПОЛЧАНИНОВ. Ирина Владимировна Халафова. 90 лет со дня рождения // *Австралиада*. 1998. №18. С. 15–16; НАТАЛИЯ ЖУКОВСКАЯ. Николай Николаевич Доннер // *Австралиада*. 2011. №68. С. 36–37; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 213–214; Р. ПОЛЧАНИНОВ. Ромил Гаврилович Жуков // *Австралиада*. 1999. №20. С. 26–27.
 - 34 Л. АРТЕМЬЕВ. Первые шаги скаутизма-разведчества в Австралии // *Австралиада*. 1998. №15. С. 24–25; ЛЕОНИД ФЕОДОСЬЕВИЧ АРТЕМЬЕВ. Автобиография // *Австралиада*. 2001. №29. С. 22–24.
 - 35 *Russians in Strathfield...* Р. 69. Эту историю часто повторяют, но сам Коновец уверял, что это всего лишь миф: на самом деле, когда отряд дошел до вершины, Коновец попросил юных скаутов торжественно повязать свои бойскаутские галстуки (*Единение*. 2009. 18 февраля).
 - 36 Ibid.
 - 37 *История русских в Австралии...* Т. IV. С. 126 (цитата); Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 213–214. Николай Гороховников, русский из Латвии, основал отколовшуюся скаутскую группу (“Дружба”) в Карлтоне (в южном Сиднее): ANATOLE KO NOVETS. Op. cit. Рр. 60, 102; Г. М. СКОРНЯКОВ. Николай Алексеевич Гороховников // *Австралиада*. 2002. №31. С. 25.
 - 38 Интервью с Алексом Ильиным в Мельбурне, 8 июля 2018 г.
 - 39 *Единение*. 1951. 27 июля. С. 6; 1952. 9 мая. С. 6; *Russians in Strathfield...* Р. 69; MICHAEL ALEX PROTODOROV. Op. cit. Р. 200.
 - 40 Ю. А. ДОМАНСКИЙ. Сидней — 50 лет тому назад... С. 40; Е. ШИРИНСКАЯ. Памяти Витязя // *Австралиада*. 1999. №20, 1999, с. 2–3 (“За Русь! За веру!”); Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 203, 215–217; *Австралиада*. 1999. №20. С. 2–3; 2004. №39. С. 15–16.

- 41 Ирина МИГУНОВА. Краткая история национальной организации Витязь (НОВВ) // *Австралиада*. 2004. № 39. С. 15–16; *Russians in Strathfield...* Рр. 84–86, 157–158.
- 42 *История русских в Австралии...* Т. 2. С. 27–41; личное сообщение Мары Мустафиной Шейле Фицпатрик. О создании “Австралиады” см.: Н. А. МЕЛЬНИКОВА. О том, как создавалась “Австралиада” // *Австралиада*. 2004. № 4. С. 1–4.
- 43 И. ДАВИДЕНКОВА. Маскарад // *История русских в Австралии...* Т. 1. С. 190–191; Там же. Т. 3. С. 120; Там же. Т. 4. С. 7, 11; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 211.
- 44 *Единение*, 8 июня 1951 г., с. 6.
- 45 Ю. А. ДОМАНСКИЙ. Сидней — 50 лет тому назад.. С. 40; *Единение*. 1951. № 24 (15 июня). С. 5; № 26 (29 июня). С. 5; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 140; интервью Кати Хит с Игорем Савицким в Сиднее, сентябрь 2019 г. (“дыра”); ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 888. Л. 331–332 (цитата из беседы с репатриантом Яковом Зеленским).
- 46 *Единение*. 1951. 23 февраля. С. 5. Председателем, подвергшимся критике, был (по крайней мере, с июня 1951 г.) В. Н. Плешаков, однако сам факт его председательства в начале 1950-х даже не удостоился упоминания в списке председателей, приводимом в “*Истории русских в Австралии*” (Т. 4. С. 11), где указано, что в 1941–1942 гг. председателем был Хохлов, в 1942–1943 гг. — Плешаков, а затем снова Хохлов с 1944 по 1964 г.
- 47 НАА: 6122, 166 1954, донесение для ASIO от старшего оперативного работника, где он вспоминал события, относившиеся, вероятно, к 1953 г.
- 48 *История русских в Австралии*, т. 4, р. 10; В. П. О музыкальной деятельности Мики Кэя (Дмитрия Киреевского) в Австралии // *Австралиада*. 2009. № 60. С. 27–28; Ю. А. ДОМАНСКИЙ. Сидней — 50 лет тому назад.. С. 39–42; А. Н. КРАВЦОВ. Указ. соч. С. 292 (цитата); Г. КОСИЦЫН. Мики Кэй // *Австралиада*. 1996. № 6. С. 18–19.
- 49 И. СМОЛЯНИНОВ. Сидней прошлого века // *Австралиада*. 2000. № 25. С. 36; ГФ РФ: 9526/6/889, л. 307–308, донесение А. Гордеева, 9 июля 1952 г.; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 888. Л. 331–332; А. Н. КРАВЦОВ. Указ. соч. С. 290; ГЭРИ НЭШ. Указ. соч.
- 50 *Russians in Strathfield...* Р. 40; Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 211; *История русских в Австралии...* Т. 4. С. 11; Михаил Николаевич Чуркин // *Австралиада*. 2011. № 67. С. 2–3. Биографические сведения о председателях клуба из: *Австралиада*. 1997. № 12. С. 20–21; 1997. № 14. С. 22–23; 2000. № 22. С. 17–18.
- 51 И. ЗЕЗИН. Народно-трудовой союз в Австралии // *Австралиада*. 2009. № 60. С. 23. Описывая царившую в клубе идеологию, Зезин на-

- звал ее “солоневической «народной монархией»”. Иван Солоневич был популярный в эмиграции философ, выпустивший в 1951 г. книгу “Народная монархия”, в которой доказывал, что российская традиционная, нравственно обоснованная монархия — предпочтительная форма правления для России, выдвигал возражения против повсеместного насаждения западных норм и ценностей, критиковал либерализм и капитализм. *История русских в Австралии...* Т. 4. С. 12–18;
- 52 НАТАЛИЯ МЕЛЬНИКОВА. Общественный деятель Е. В. Мокрый // *Австралиада*. 2013. № 74. С. 20; *История русских в Австралии...* Т. 4. С. 19–26; Интервью с А. В. Граниным в советском посольстве в Канберре, 6 августа 1952 г. ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 889. Л. 421–423
- 53 З. С. АЛЕКСАНДРОВА. Русская община Западной Австралии // *Австралиада*. 2002. № 32. С. 1.
- 54 ГУ: архив Виктора Байдалакова: письма Глеба Бердникова Байдалакову, 16 октября 1953 г. и 8 декабря 1953 г. Другой член НТС, Коновец, в своей диссертации пренебрежительно высказывался о Русской монархистской организации в Сиднее, отмечая, что в начале 1960-х в ней насчитывалось всего двадцать три члена (ANATOLE KONOVEVS. Op. cit. Pp. 58–62), но, судя по замечанию Бердникова, количество членов в организации было не единственным показателем уровня ее поддержки.
- 55 Он возглавлял Русское монархистское объединение в Шанхае, а позже — организацию с тем же названием в Сиднее, и в 1953 г. от имени последней обращался к правительству Австралии за разрешением публиковать печатавшийся на ронеографе информационный бюллетень, чтобы помочь борьбе с коммунизмом: NAA A6122 166, докладная записка от генерального директора ASIO региональному директору в штате Новый Южный Уэльс, *Russian Migrant Centre*, 1 мая 1953 г.
- 56 *Единение*. 2015. 15 марта: интервью с Г. М. Некрасовым (Спасовский); Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 230; Русский патриот Г. Б. Коринфский // *Австралиада*. 2001. № 26. С. 26–27.
- 57 Н. И. ДМИТРОВСКИЙ-БАЙКОВ. Сергей Ильич Ражев (С. Яворский) // Там же. 1998. № 18. С. 20–24; 1999. № 19. С. 23–24; БРЭМ: личные дела Сергея Ильича Ражева и Ирины Владимировны Рожнатовской.
- 58 *Единение*. 1951. 20 июля. С. 1; 1953. 31 июля. Единственное, что известно о “Фонде ревнителей священной памяти царя-мученика Николая II”, — это то, что архиепископ оскорбил некие круги своим отказом примкнуть к этой организации — очевидно, из-за того, что он усматривал в ее деятельности чересчур много политики (Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 129).

- 59 *Единение*. 1952. 7 ноября 1952. С. 5; 1951. 29 апреля. С. 7; 1953. 5 июня. С. 5; АТАМАН Е. ЮРЕВИЧ. Указ соч. С. 197–200.
- 60 НАА: МР 742/115/1/437, письмо от 15 сентября 1950 г.
- 61 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 144–145; *Единение*. 1951. 4 мая. С. 6; 1951. 8 июня. С. 6.
- 62 *Единение*. 1951. 14 сентября. С. 6; 1951. 12 декабря. С. 5; 1952. 8 августа. С. 5; 1952. 20 апреля. С. 5.
- 63 Например, станица имени Каледина в Мельбурне и станица имени генерала П. Краснова в Кабраматте: *Единение*. 1952. 9 мая. С. 6; АТАМАН Е. ЮРЕВИЧ. Указ соч. С. 197–200.
- 64 *Единение*. 1951. 7 ноября. С. 1; 1953. 6 января. С. 6; 1952. 14 ноября; 28 ноября. С. 6; *Russians in Strathfield...* Рр. 63, 138.
- 65 *Ibid.* Р. 63.
- 66 *Единение*. 1952. 28 ноября. С. 5; 1951. 26 декабря (Брисбен); 1953. 2 апреля. С. 5 (Мельбурн); 1954. 10 декабря. С. 5 (Мельбурн); А. Н. КРАВЦОВ. Указ. соч. С. 193–194.
- 67 *Единение*. 1954. 19 марта. С. 5; НАА: А6122 166: The Russian Migrant Centre, докладная записка с информацией “от друга”, пересланной У. Уэнтворттом Ричарду Кейси, министру иностранных дел, 28 января 1953 г.
- 68 MARK AARONS. *Sanctuary: Nazi Fugitives in Australia*. Melbourne: William Heinemann, 1989. Р. 163.
- 69 *Единение*. 1952. 26 декабря. С. 5 (речь Фомина на бюро по созданию Русского антикоммунистического центра, на собрании властителей, на котором присутствовали Георгий Алексеев и Борис Домогацкий); 1953. 20 ноября. С. 5 (где деятель НТС Глеб Бердников назван членом правления центра); 1954. 22 октября. С. 6 (казаки).
- 70 Беседа с председателем Временного бюро Российского центра Н. Ю. Фоминным // *Единение*. 1951. 12 декабря. С. 5–6.
- 71 НАА: А6122 166: The Russian Migrant Centre, от Уэнтворта Кейси, 28 января 1953 г., и донесение от старшего оперативного работника А/г о Русском антикоммунистическом центре, 29 ноября 1954 г.
- 72 НАА: А6122 166; донесение от старшего оперативного работника А/г, 29 ноября 1954 г.
- 73 *Единение*. 1954. 2 апреля. С. 5. Этой организацией был Координационный центр освобождения народов России, или КЦОНР, ранее известный как Координационный центр антибольшевистской борьбы, или КЦАБ.
- 74 А. Н. КРАВЦОВ. Указ. соч. С. 194. Последнее сообщение о деятельности центра в Сиднее касалось заседания по поводу дела Петрова в мае 1954 г. (*Единение*. 1954. 14 мая).
- 75 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 138.

- 76 С середины 1950-х гг. в материалах НТС "Единение" фигурирует в списке из десяти печатных изданий НТС, куда входили "Посев" и "Грани", а также ряд периодических изданий, выпускавшихся исключительно для контрабандных поставок в СССР. Среди других изданий, охарактеризованных НТС как "дружественные нам", но не вошедшие в первый список, были: "Новое русское слово" (Нью-Йорк), "Русская жизнь" (Сан-Франциско), "Новое слово" (Буэнос-Айрес) и "Правда" (Сантьяго). LSE: COLL MISC 0675, Information on the National Alliance of Russian Solidarists [the NTS]', ок. 1956; В. А. Litvinov. Informational work of NTS's foreign sector, ок. 1953.
- 77 *Единение*. 1954. 24 июня. С. 1. С точки зрения издания, этот визит заслуживал восклицательного знака ("Председатель НТС в Австралии!").
- 78 GU: архив Виктора Байдалакова, письма Бердникова Байдалакову, 10 июня 1953 г., 8 декабря 1953 г. ("внутренняя слабость"), 19 декабря 1953 г. ("среди пингвинов"), 18 декабря 1954 г. (об океанах со всех сторон); письмо Василия Яценко Байдалакову, 31 июля 1954 г.; письмо Сергея Зезина Байдалакову, не датированное, но полученное 20 сентября 1954 г. Переписывался с Байдалаковым и Олег Перекрестов.
- 79 Австралийские корреспонденты Байдалакова указывали на то, что в начале 1953 г. главными деятелями НТС в Мельбурне были Алексей Кишковский, Георгий Петропуло, Георгий Амосов, Владимир Диффердинг, Ромил Жуков и Олег Перекрестов, но отмечали, что организация переживает кризис из-за отъезда Диффердинга и Петропуло, а также из-за стычек между Жуковым и Перекрестовым (GU: архив Виктора Байдалакова: письма Жукова от 26 февраля 1953 г. и Бердникова от 8 декабря 1953 г.). Олег Перекрестов был основателем и редактором "Единения" (позже его сменил на посту редактора Амосов), Владимир Диффердинг отвечал за коммерческую часть, техническим редактором был член НТС Леонид Швенглер; кроме того, в редакции работал член НТС Николай Коваленко: Н. Коваленко. 50-летний юбилей газеты "Единение"... С. 3–4. Амосов приехал в Австралию из лагеря Мёнхегоф в Германии, как и Зезин, который поначалу обосновался в Брисбене, но потом перебрался в Мельбурн, где поселились и другие бывшие ди-пи из мёнхегофской группы (в том числе Халафовы, Николаюки и Ключаревы).
- 80 Народно-трудовой союз в Австралии (НТС) // *Австралиада*. 2009. № 60. С. 23 ("прекрасный организатор"); GU: архив Байдалакова: письма от Перекрестова, 1 января 1953 г., и Бердникова, 10 июня 1953 г.

- 81 Г. И. КАНЕВСКАЯ. *“Мы еще мечтаем о России...”* С. 138.
- 82 Ольга и Виктор Винокуровы. Сергей Анатольевич Зезин // *Австралиада*. 2002. № 31. С. 23–24; Г. И. КАНЕВСКАЯ. *“Мы еще мечтаем о России...”* С. 140–141.
- 83 Письмо Зезина цитируется в: А. В. Антошин. *НТС в Австралии в 1950-х гг.*, неопубликованная рукопись; Г. И. КАНЕВСКАЯ. *“Мы еще мечтаем о России...”* С. 142.
- 84 Т. ГАРТУНГ. Кандидат на звание “Австралиец года”... С. 3.
- 85 *The Sydney Morning Herald*. 16 March 1952. P. 5; *The Advertiser* (Аделаида). 17 March 1952. P. 1. В номере “Единения” (1952. 4 апреля. С. 6) было напечатано письмо от группы сиднейских русских во главе с И. Рождественским (предположительно, фашистом, жившим в Австралии еще до войны), где выражалась “сердечная благодарность г-ну Анатолию Александровичу Коновцу и его друзьям” за смелость, выказанную во время Молодежного фестиваля.
- 86 Личное сообщение Алексея Антошина автору. В письме Бердникова Байдалакову (GU: архив Байдалакова, 24 февраля) есть также загадочное замечание о том, что Коновец неожиданно получил предложение стать “представителем Таирова в Сингапуре”. Кто такой Таиров, неизвестно.
- 87 М. СЛАВИНСКИЙ (Германия). Памяти ушедшего друга. Вера Владимировна Коновец // *Австралиада*. 2011. № 66. С. 32–33. После возвращения Коновец защитил магистерскую диссертацию по политологии под руководством профессора Сола Энсела в Университете Нового Южного Уэльса; его работа была посвящена политическому конфликту внутри местной русской общины, о котором периодически говорится в нашей книге.
- 88 DAVID HORNER. Op. cit. P. 278. Предположительно, у него имелись связи с подпольным отделением, поскольку его имя (вернее, ни одно из его имен — в ту пору он уже носил фамилию Павлов) не фигурирует ни в одном из опубликованных источников. Сообщение о том, что его исключили из НТС после того, как вскрылись его военные преступления в Смоленске, см. в главе 9.
- 89 Ibid. Рр. 483–484; *Единение*. 1952. 25 апреля. С. 6, на онлайн-ресурсе *Trove* газеты 1953 г., где он публиковал множество рекламных объявлений как риэлтор.
- 90 Возможно, это отличало местное отделение от НТС в Германии и в США, где, по словам Бена Тромли, союз проявлял себя как “организация... вечно пытавшаяся попасть в новости”: личное сообщение Шейле Фицпатрик, электронное письмо от 24 июня 2020 г.
- 91 *Единение*. 1953. 6 января. С. 4; 5 апреля. С. 5; 11 сентября. С. 5. После этого уже не сообщалось об открытых заседаниях НТС, так что, возможно, эта практика не прижилась.

- 92 Б. ДОМОГАЦКИЙ. Кровавый праздник сталинского деспотизма // *Единение*. 1952. 14 ноября. С. 5.
- 93 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 224–227 (цитата о футлярах от контрабаса — с. 225); ЛИДИЯ ЯСТРЕБОВА. Познакомьтесь с нашими корреспондентами... С. 41.
- 94 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 140; *Единение*. 1953. 6 января. С. 4.

Глава 8. Красные русские

- 1 См.: Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 182.
О том, что в середине 1950-х в Австралии в русских видели возможных шпионов независимо от того, были ли это красные (бывшие ди-пи) из Советского Союза или белые из Китая.
- 2 ANATOLE KONOVELTS. Op. cit. P. 79.
- 3 HENRY G. AERTS. S.J. Russian Migration in Australia, *Social Survey*, February 1971. P. 27.
- 4 ALEX INKELES, RAYMOND BAUER. Op. cit. Pp. 233–254 (chapter 10)
- 5 См. Введение.
- 6 NAA (NSW): SP1714/1 N41978. Донесение Р. Уильямса, заместителя директора, о Натане М. Фицере, 21 августа 1948 г. Еще о Натане Фицере в NAA: A6122 122: донесение от 21 июля 1947 г.
- 7 NAA: A8911 87: донесение Ф. В. С. Стюарта, дознавателя. 4 октября 1946 г. Исаак Фицер был убит по неизвестным причинам на принадлежавшем ему складе списанных и лишних товаров в Фэрфилде вскоре после его переезда в этот пригород в 1958 г. Череды неприятностей преследовала и его родных: на Натана Фицера тоже было совершено нападение на улице в 1954 г.; в 1950 г. произошел подозрительный пожар в конторе *Nathan Fitzer Pty Ltd* на Кинг-стрит; и сгорел многоквартирный дом, где жил Исаак до переезда в Фэрфилд. *The Sun* (Сидней), 3 August 1954; *The Sunday Herald*, 19 November 1950; *The Biz* (Фэрфилд), 9 April 1958.
- 8 NAA: A6122 368.
- 9 Содержательный рассказ о жизни и политической деятельности Бориса см. в: EVOY NILSSON. The “Enemy Within”: Left-wing Soviet Displaced Persons in Australia’, PhD diss., University of Sydney, 2021, chapter 2. Приведенная цитата — из этой работы, это было замечание Августы Клодницкой.
- 10 Биографические сведения о Дукине и Деркач я почерпнула из: EVOY NILSSON. The “Enemy Within”... — главной исследовательской работы, посвященной этой теме. Некролог Дукина, написанный Бренданом Коксом и напечатанный в *The Sydney Morning Herald* 27 ноября 2015 г., явно опирался на сведения, которые сам

- Дукин сообщал о себе в позднейшие годы жизни; он был назван “перебегчиком из русских оккупационных войск в Берлине”, и еще подразумевалось, что он успел выучиться на инженера в России. Последнее представляется маловероятным, если Дукин действительно родился в 1925 г., как указано, а в начале войны был призван в Красную армию и служил в ней вплоть до своего бегства в Германии в какой-то момент до 1949 г.
- 11 NAA: A6119, 4715: МОКРАС, Лидия, т. 2, автобиография, без даты.
 - 12 MICHAEL BIALOGUSKI. Op. cit. Pp. 10–15.
 - 13 NAA: A6119 914: Emergency Measures — Internment of Aliens, 3 May 1957 (цитата); NAA, A6119 914: Донесение исполняющего обязанности сотрудника главного отдела, В1 (имя вымарано) о Пейсаховиче Северине и Пейсахович Францишке от 26 октября 1955 г.; Интервью Филиппа Джозефа с Северином Пейсаховичем, 27 апреля 1995 г., Sydney Jewish Museum Shoah Collection (благодарю Эбони Нильс-сон за ссылку на этот источник).
 - 14 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 888. Л. 80, 222; ITS: 6501 A-4039: личное дело Арсененкова Петра, а также его семьи, включая Анатолия (благодарю Джейн Першиан за копию этого документа).
 - 15 Там же. Л. 139–142.
 - 16 NAA (NSW): SP1714/1 N41978. Донесение Уильямса, 21 августа 1948. По-видимому, Нора не разделяла троцкистских взглядов мужа, и потому, возможно, ей был свойственен еще и антиамериканизм, но наверняка она была настроена менее просоветски, чем можно заключить из этого донесения. В написанной позднее автобиографии Макклелланд лишь косвенно касается своего первого брака и совсем ничего не рассказывает о политических расхождениях между ним и женой, однако упоминает, что именно Нора ввела его в среду, отличавшуюся большим космополитизмом по сравнению с его прежним окружением: JAMES MCCLELLAND. *Stirring the Pot: A Political Autobiography*. Sydney: Penguin, 1988.
 - 17 MARK DAVIS. Profile: Jennie George, *Australian Left Review*, vol. 1, 1991, p. 3; Jennie George, Wikipedia, Об образовании как важнейшей советской ценности см. SHEILA FITZPATRICK. *The Cultural Front*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992. Pp. 225–226 и др.
 - 18 Об итальянцах см. GIANFRANCO CRESCIANI. *ASIO and Italian Persons of Interest*. Redland Bay: Connor Court Publications, 2017; о греках: JOY DAMOUSI. *Memory and Migration...* Pp. 109–135.
 - 19 Николай Харков, цитируется в очерке, опубликованном в *People*, 2 июня 1954 г., вырезка in NAA: A6122, 166.
 - 20 *История русских в Австралии...* Т. IV. С. 18–19; EBONY NILSSON. On the Left: The Russian Social Club in Early Cold War Sydney, *Australian Historical Studies*. 2019. Vol. 50. no. 1. P. 65; NAA, 8911 87:

Russian Social Club (Sydney) (донесения службы безопасности); GIANFRANCO CRESCIANI. *No Country for Revolutionaries: Italian Communists in Sydney 1971–1991*. Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2018. Pp. 11, 21.

- 21 Гэри Нэш. *Указ. соч.* С. 274. Эта подробность отсутствует в оригинальном английском варианте мемуаров.
- 22 НАА, А6119, 1386: Белла Вайнер, т. 1. В этой папке содержится ряд донесений, относящихся к 1950 и 1951 гг., она озаглавлена “Русский общественный клуб” и описывает мероприятия, происходившие там в эту пору.
- 23 Письмо Р. П. Полчанинова, 1 января 1953 г., архив Ивана Николаюка.
- 24 НАА, А6122 166, вырезка из *The Age*, 22 апреля 1954 г. (цитируются слова генерала Алексеева, главы сиднейского Русского антикоммунистического центра).
- 25 НАА, А6122 166, вырезка из *The Age*, 22 апреля 1954 г. (цитируются слова генерала Алексеева, главы сиднейского Русского антикоммунистического центра); НАА, А8911 87: Report by W. H. Barnwell, Inquiry Officer, 12 September 1946.
- 26 И. МИГУНОВА-КЛИМИК. Доктор Александр Александрович Жемчужный // *Австралиада*. 2001. №28. С. 4–5; Зинаида Николаевна Жемчужная // Там же. 2002. №31. С. 35–36.
- 27 НАА: А6119, 1386, личное дело Беллы Вайнер. Неясно, тот ли это был раскол, о котором упоминал Коновец и суть которого сводил просто к ссоре между евреями и неевреями (ANATOLE KOVONEC. Op. cit. P. 35). Августа Клодницкая, по-видимому, еврейкой не была, в отличие от ее сторонницы Беллы Вайнер.
- 28 НАА: А8911 87: донесение У. Г. Суини, 25 октября 1946 г. (Суини неверно указал фамилию председательницы клуба как Клодинская), замечание У. Г. Барнуэлла; Гэри Нэш. *Указ. соч.* С. 274; НАА, А6122 122: донесение Галлегана (Бюро расследований стран Содружества), 18 ноября 1946 г. Бюро расследований стран Содружества было предтечей ASIO.
- 29 НАА: А6119 6971, Клодницкая, Августа, т. 1. Данные об агентах разведки: DAVID HORNER. Op. cit. Большинство из названных работали на советскую службу безопасности, которая в разные годы называлась НКВД, МГБ и (после слияния в 1953 году с Министерством внутренних дел) МВД, но Зайцев работал на военную разведку — ГРУ (Главное разведывательное управление).
- 30 НАА: А6119, 1386, донесения в личном деле Беллы Вайнер в ASIO о встречах в Русском общественном клубе, 1949–51 гг.; MICHAEL BIALOGUSKI. Op. cit. P. 80; НАА, А6122 166, вырезка из *The Age*, 22 апреля 1954 г. (цитата). Рассуждая о советском финансирова-

- нии, Эбони Нильссон заключает (что согласуется и с донесениями в ASIO), что клуб не получал никакой финансовой поддержки от советского посольства: EBONY NILLSON. *An Invisible People? Russian Displaced Persons in Australia, 1947–1955*, B. A. Hons. Thesis, University of Newcastle, May 2017. P. 59.
- 31 Русский общественный клуб в Сиднее (РОК). По материалам Е. Левницкого... С. 21–22; ANATOLE KONOVELTS. Op. cit. P. 35 (цитата).
- 32 *Hakoah Club Sydney 1938–1994*, Bondi, n.d.; NAA, A6119, 1386 (присутствие членов польской балетной труппы отмечалось в донесениях о встречах в РОК 4 и 18 сентября 1950 г.).
- 33 EBONY NILSSON. *On the Left*... P. 79.
- 34 ANATOLE KONOVELTS. Op. cit. P. 35. Он увязывает произошедший раскол с “хрущевской антисемитской политикой в СССР”, но это представляется неубедительным, поскольку негласный антисемитизм еще сильнее проявлялся в начале 1950-х, в последние годы правления Сталина, да и ни один другой источник не подкрепляет заявление Коновца о том, что “еврейским элементам в Русском общественном клубе пришлось отказаться от членства в нем”. Если в середине 1950-х гг. евреи и покидали Русский общественный клуб, то вероятнее всего они делали это по собственной воле в связи с возраставшими антисоветскими настроениями в австралийской еврейской общине, которые, в свой черед, были вызваны поступавшей информацией об антисемитизме в СССР.
- 35 Ibid. На отсутствие Бялогуского как на причину ослабления внимания со стороны ASIO мое внимание обратила Эбони Нильссон (в личном сообщении).
- 36 Лидия Савва. 50 лет в Австралии... С. 27–30; *Дружба* (печатный орган Русского общественного клуба), 1969. №4. С. 2. В 1968 г. старший сын Саввы, которому было тогда 18 лет, решил вернуться в Советский Союз; со временем он там женился и обустроил жизнь, но сама Лидия осталась в Сиднее и, по-видимому, с головой окунулась в деятельность общины харбинцев.
- 37 NAA: A6122 2739, Soviet Embassy — Survey of Contacts made by Embassy Personnel, 1950–1952, Director-General to Regional Directors, 29 January 1953.
- 38 CPD, no. 36, 2 September 1948, pp. 38–39; ibid, no. 37, 8 September 1948. P. 278. (вопрос в парламенте от мистера Хатчинсона, 2 сентября 1948 г.).
- 39 NAA: A6119 1024, Джон Роджерс, т. 1 (благодарю Стюарта Макин-тайра, указавшего мне на этот материал).
- 40 NAA: A6119 1024, Джон Роджерс, т. 1; *The Argus*, 11 August 1949 (Королевская комиссия); ГА РФ, 5283/22/76, л. 153–157, 168–180: донесе-

ния сотрудников ВОКС о беседах с Джоном Роджерсом во время его визита в Москву, 9 июля — 7 августа 1948 г.

- 41 KIRIL TOMOFF. *Virtuosi Abroad: Soviet Music and Imperial Competition during the Early Cold War, 1945–1958*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. Рр. 148–153 (Роджерс как антрепренер); интервью с Александром Ильиным (Вольфом).
- 42 NAA: A6122 2739, Soviet Embassy — Survey of Contacts made by Embassy Personnel, 1950–1952, генеральный директор — региональным директорам, 29 января 1953 г.
- 43 Интервью с Александром Ильиным.
- 44 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6 Д. 669. Л.112–114, беседа чиновников из бюро репатриации с Григорием Сальниковым после его возвращения в СССР в октябре 1949 г. К тому времени Сальникову, еврею с Украины и перемещенному лицу, довелось пережить немало приключений и полгода пожить в Австралии.
- 45 Там же. Д. 890. Л. 83–87, “Список на рассылку литературы”, октябрь 1952 г.
- 46 Петров и Садовников работали на МВД, а Гордеев и Павлов — на ГРУ.
- 47 Более подробное обсуждение (на которое отчасти и опирается данная глава) см. в: SHEILA FITZPATRICK. Soviet Repatriation Efforts among “Displaced Persons” Resettled in Australia, 1950–1953, *Australian Journal of Politics and History*. 2017. Vol. 63, no. 1. Рр. 45–61. Ведомством, получавшим об этом отчеты, было Управление уполномоченного по репатриации при Совете министров СССР. Отметим, что в отчетах фигурировали только бывшие ди-пи, там не было ни китайских русских, ни эмигрантов из первой волны.
- 48 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 889. Л. 16–17, разговор с Ниной Степановной Леоновой (урожденной Вигуриной). Колкое замечание отпустил ее муж, Леонов, бывший журналист из Советской Украины, настроенный теперь весьма антисоветски.
- 49 *The Age*, 20 December 1951.
- 50 NAA: A6119 6971, George Klodnitsky-Claude (Gregory Clodnitchky), донесение о собеседовании ASIO с Клодницкими, 7 августа 1958 г.; NAA: A6126 1414 (благодарю Эбони Нильссон за ссылку на этот материал).
- 51 NAA: A6122, 2739, Soviet Embassy — Survey of Contacts made by Embassy Personnel, 1950–1952, 29 January 1953; Survey of Contacts made by Soviet Embassy Personnel in Victoria (November 1952 — November 1953), 22 December 1953.
- 52 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 87 (Гордеев — в Москву [апрель-май 1952 г.]), 230 (Филатов — Гордееву, 6 июня 1952 г.); Там же.

- Д. 836. Л. 124: “Краткий обзор по репатриации перемещенных советских граждан за 1950 г.” [1951].
- 53 Там же. Д. 888 (одиннадцать упоминаний посещений Гордеевым Русского общественного клуба с января по май 1952 г.); Д. 889 (два упоминания о визитах в июле — октябре 1952 г.).
- 54 Там же. Д. 888. Л. 79, 85, 87, 143–144; 206–214; NAA (NSW): S321 N1973/048126, 31598201: МАРФУТЕНКО, ГЕОРГИЙ. Из до-
сые в NAA нам известно, что он так и не репатрировался, а нату-
рализовался в 1973 г.
- 55 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 172–173, 206–214, 220; Д. 890. Л. 73.
- 56 Там же. Д. 836. Л. 296; Д. 888. Л. 79, 81, 154–155, 224; Д. 1101; NAA: A61191386 (донесение Филиппа Крейна от 10 декабря 1951 г., о вече-
ринке Петрова); NAA: A6122, 2799: Russian Social Club NSW, vol. I (цитата из донесения в ASIO, благодарю Эбони Нильссон за то, что обратила мое внимание на этот материал).
- 57 Борис Котлинский, родившийся в 1923 г. (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 890. Л. 37–38); Евгений Шевелев, родившийся в 1923 г. (Там же. Л. 22–23).
- 58 Там же. Д. 888. Л. 148–150 (Володар), 153–155 (Муратиди).
- 59 Консул Садовников, обзорное донесение в Москву о перспективах репатриации от 15 марта 1951 г. (Там же. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 836. Л. 121).
- 60 Там же. Д. 888. Л. 320–323 (Гвоздецкий); Л. 143–144 (Марфутенко); Л. 222 (Безутлый).
- 61 Там же. Д. 890. Л. 69 (Иванов); Л. 63 (Зейзиг); Д. 888. Л. 217–218 (Комар); Л. 113 (Шаулинскас).
- 62 Там же. Д. 888. Л. 206–214; Л. 219; ITS: 6501, Хлопов, Мстислав; NAA: A11855, 737: Helena Nesterovskaja.
- 63 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 228 (Углицкие); NAA: A6980, S250323, цитируется (сочувственно) в письме от директора ASIO полковника Спрая — Хейсу, в министерство иммиграции, 28 октя-
бря 1952 г., по поводу заявления Капустина на репатриацию.
- 64 KSANA NATALENKO, BONDAN NATALENKO. Op. cit. Pp. 208–09, 219.
- 65 О перемещенных лицах и душевных болезнях см. JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* Pp. 142–145; о проблеме помещения ди-пи в кли-
ники для душевнобольных в Европе см. SHEILA FITZPATRICK. *The Motherland Calls...* P. 341.
- 66 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 74–75, 81, 84, 132, 180, 187 (Кна-
гис). Основанием для такого опасения, как сообщил он советским
чиновникам, стало то, что когда он заполнял заявление для по-
дачи на выездную визу, которая требовалась для каждого, кто поки-
дал берега Австралии, один чиновник высказал пожелание, что ему,
пожалуй, стоит “подлечить нервы в психиатрической клинике”.

В тот же самый день (17 января 1952 г.), когда он шел от биржи труда к железнодорожной станции, его “задержали двое из органов безопасности и отвели в полицейский участок, где продержали до 23 января 1952 г.”.

- 67 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6 Д. 889. Л. 328–334, 386.
- 68 Список граждан, проживающих в Австралии на положении перемещенных лиц, по состоянию на 1 марта 1952 г.: Безуглый (он же Морган), Николай Андреевич (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 222); обширная переписка между консулом Садовниковым и Москвой о репатриации Безуглого, начало 1951 г. (Там же. Д. 836).
- 69 Г. Михайлов, Г. СЕМЕНОВ. Современные американские работорговцы // *Известия*. 1952. 23 марта; NAA: A6980 S250323.
- 70 NAA: A462867/2/29, Mr Bezugly (aka Morgan). Австралийское правительство дало разрешение представителю советского ведомства навестить его в больнице (в присутствии австралийского наблюдателя), но, если это посещение и произошло, оно не привело к репатриации. Безуглый сам мог передумать: изначально он обращался в советское посольство, но в 1950 г., когда его навестил в больнице Петров и предложил организовать ему репатриацию, тот ответил, что его больше это не интересует (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 136. Л. 125), а в марте 1952 г. Гордеев докладывал в Москву, что решение Безуглого не возвращаться в СССР окончательное (Там же. Д. 888. Л. 83).
- 71 Там же. Оп. 6. Д. 888. Л. 145–47, 215–216.
- 72 Там же. Оп. 6с. Л. 13–14.
- 73 Там же. Оп. 6. Л. 421–423 (интервью), 424; Там же. Оп. 6с. Д. 890. Л. 71 (донесение).
- 74 Собеседование в Ленинграде после репатриации, 2–3 октября 1949 г. (Там же. Оп. 6. Д. 669. Л. 112–14).
- 75 Отчет о работе по репатриации в Венесуэле от подполковника Морозова, 27 апреля 1952 г. Там же. Оп. 6с. Д. 888. Л. 194–197.
- 76 Разговор Гордеева с Ольгой Нойман (урожденной Янович), 31 марта 1952 г. (Там же. Л. 139–42).
- 77 SHEILA FITZPATRICK. *The Motherland Calls...* P. 346.
- 78 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с Д. 1101. Л. 33–34: Книга персонального учета советских перемещенных граждан, репатрированных из-за границы и об их трудоустройстве, 1 янв.1951–31 дек.1952. В этот список не вошел Сальников, чьей репатриацией занималось посольство в Лондоне, и Ялынычев, репатриировавшийся из Австралии, но не являвшийся перемещенным лицом (его случай обсуждается в главе 9). ASIO докладывала, что за период с января по октябрь 1952 г. репатриировались тринадцать советских граждан, а в процессе обработки находились документы еще двенадцати человек: докладная записка полковника Спроя (ASIO)

- Тасману Хейсу (министерство иммиграции), 20 октября 1952 г.: NAA: A6980 S250323.
- 79 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 888. Л. 217–218 (интервью).
- 80 Там же. Д. 890. Л. 70; NAA (NSW): SP1121/1; N1951/21/28357.
- 81 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 890. Л. 73: интервью с Гордеевым, 13 мая 1952 г.; Там же. Д. 110. Л. 33–34 (Шевелев); Там же. Л. 33–34 (Шевелев); Там же. Д. 890. Л. 28, 71, 73, 99 (Станкус).
- 82 NAA: 6122 2739, донесение в ASIO из штата Виктория в декабре 1953 г.; NAA: A6122 2739: Survey of Contacts Made by Soviet Embassy Personnel in Victoria (November 1952 — November 1953), 22 December 1953.
- 83 Информация из источников, ссылки на которые приводятся в прим. 74–80, выше.
- 84 Об обвинениях на борту парохода, *The Sun*, 21 September 1951. P. 3; *The Sydney Morning Herald*, 22 September 1951. P. 4; *Mail*, 22 September 1951. P. 4; *Advocate*, 22 September 1951. P. 1; *Brisbane Telegraph*, 22 September 1951. P. 2; дополнительная информация — из электронных писем от Анастасии Фокиной (живущей в Санкт-Петербурге дочери Наташи; 24 декабря 2018 г. и 15 марта 2019 г.) и Евгения Кошевского (внука Наташи, 4 сентября 2018 г.). Рецензии на выставку Николая: *The Sun* (Сидней), 28 января 1953 г., и *The Sydney Morning Herald*, 28 января 1953 г. Repatriation: NAA A6980 S250276: L. Guest, Nicolai Koshevsky, wife and daughter. Soviet Citizens — Return to Soviet Territory, 22 December 1954.
- 85 Информация от Стюарта Макинтайра, электронное письмо Шейле Фицпатрик, 10 августа 2019 г.
- 86 EVOY NILSSON. *On the Left...* P. 66.
- 87 Русский общественный клуб в Сиднее (РОК)/по материалам Е. Левицкого... С. 21–22; NAA: A6122, 2800, Русский общественный клуб, Новый Южный Уэльс, т. 2 (донесения в ASIO, 1956–58). О деле Петрова см. главу 9.
- 88 NAA: A6122, 2800, докладная записка “Русский общественный клуб”, подписанная инициалами С. V., 12 июля 1958 г.: “Уильям Джордж Монтьер недавно говорил, что Уилтон Джон Браун поручил ему присматривать за фракцией Компартии Австралии, образовавшейся внутри Русского общественного клуба”. Монтьер в то время вел дневник мероприятий клуба вместе с Джин Адой Фергюсон, давно состоявшей в клубе.
- 89 Насколько могли судить в ASIO (и как утверждал Петров), до середины 1950-х Клодницкие не состояли в Компартии Австралии. Но позже, после смерти мужа, Августа Клодницкая стала активно участвовать в протестах против Вьетнамской войны и неожиданно оказалась членом курингайской ячейки КПА, где состояла под

именем Тани Клод: NAA: A6119, 6971, Klodnitsky August, vol. 1, докладная записка от Г. Райта, регионального директора от штата Новый Южный Уэльс, 31 марта 1958 г.; NAA: A6119, 6973, донесение о заседании курингайской ячейки КПА (дата неясна, но, по-видимому, конец 1970 г.).

- 90 В начале 1950-х Мария Нестор и ее муж заняли центристскую позицию, Августа Клодницкая придерживалась более левых взглядов (см. выше). Но в донесениях для ASIO содержится написанное ею (как казначеем РОК) письмо от 26 июля 1962 г. некоему товарищу Шаткову (с использованием этой формы обращения, принятой у коммунистов) в Берлин, где рассказывалось о работе клуба с позиций, близких коммунистическим (например, председатель клуба Вениамин Политов охарактеризован как “политически неграмотный”, но энергичный человек, имеющий хорошие связи с китайскими русскими). NAA: A6122, 2802, Russian Social Club, vol. IV
- 91 NAA: A6122, 2802: аннотированный список людей, посещавших Русский общественный клуб, 16 августа 1961 г. (Муратидис и Марфутенко); NAA: A6122, 2800, Cosmis Mouratidis; NAA (NSW): C321. N1973/048126, 31598201: МАРФУТЕНКО, ГЕОРГИЙ.

Глава 9. ASIO и холодная война

- 1 JERZY ZUBRZYCKI. *Settlers of the Latrobe Valley: A Sociological Study of Immigrants in the Brown Coal Industry in Australia*. Canberra: ANU, 1964. P. 163.
- 2 NAA: A6122 2739 (Френкель; Васильев, Косский); NAA: A61191152 (Трунов).
- 3 NAA: A61191152 (Винн, Болот, Джеймс); NAA: A61191153 (Любимов, Винн); NAA: 1196971 and A61196974 (Иванов; Клодницкие).
- 4 NAA: A9306355/1, Ф. Конингем-Пауэр — Тасману Хейсу, 23 апреля 1949 г.
- 5 NAA: A18381542/2/12, Security — Soviet Agents in Australia, 20 июля 1951 г., от Х. Ригли, торгового уполномоченного Австралии в Гонконге, секретарю министерства иностранных дел.
- 6 Сообщение о заседании Королевской комиссии в *The Advertiser* (Аделаида), 2 July 1954, *The Advocate* (Берни), 2 July 1954.
- 7 Спецсообщение С. Н. Круглова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову... С. 550–552.
- 8 V. L. BORIN. Op. cit.; JAYNE PERSIAN. Vladimir Ležák-Borin, Cold War Warrior, *Recovering History through Fact and Fiction: Forgotten Lives*, Dallas John Baker, Donna Lee and Nike Sulway (eds). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholarly Publishing, 2017. Pp. 78–86.

- 9 См., например, вопрос Лэнга о коммунистах среди мальтийских иммигрантов, CPD, no. 22, 2 June 1949. P. 438. Итальянцы были объектом подозрения для ASIO из-за сильных позиций Компартии Италии, но в действительности в 1950-е гг. мало кто из них вступал в ряды Компартии Австралии: GIANFRANCO CRESCIANI. *No Country for Revolutionaries...* P. 16–24.
- 10 В 1952 г. Совещание стран Содружества по иммиграции обсуждал этот вопрос и пришел к заключению, что само по себе членство в коммунистической партии еще не является основанием для исключения, хотя в отдельных случаях ASIO и может поднимать этот вопрос заново. Семнадцатое заседание, Аделаида, 5–6 июня 1952 г.: Discussion of British Subjects from UK Reported to be Security Risks, NAA: A21691952. Однако Спрай выступил против предоставления им “привилегии натурализации”, и кабинет министров поддержал его мнение. DAVID HORNER. Op. cit. P. 271 (благодарю Жюстин Гринвуд за указание на этот источник).
- 11 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 674. Л. 202–208, интервью (10 апреля 1950 г.) с репатрианткой Марией Карловной Нельсон, которая просит о том, чтобы ее мужу срочно выдали въездную визу. О нежелании советских властей впускать в страну вместе репатриантами их супругов-иностранцев см.: SHEILA FITZPATRICK. *The Motherland Calls...* Pp. 341–343.
- 12 Об обвинениях среди ди-пи см.: RUTH BALINT. *Destination Elsewhere...* (глава 2); об обвинениях в принадлежности к коммунистам, предъявлявшихся приехавшим после войны русским иммигрантам, см. SHEILA FITZPATRICK, JUSTINE GREENWOOD. *Anti-Communism...* Pp. 58–60.
- 13 NAA: A891187, донесение от 4 октября 1946 г., подписанное: Ф. В. Б. Стюарт, дознаватель (Фицер); DIANE ARMSTRONG. Op. cit. Pp. 204–207. О дальнейшем взаимодействии Пууранда с ASIO см. ниже.
- 14 CPD, no. 46, 10 November 1948. Pp. 2742–43. Колуэлл также заметил, что “если бы он [Хершо] проделал здесь, на берегу, кое-что из того, чем занимался на борту, его бы упекли за решетку на порядочный срок”. Очевидно, он намекал на то, что Хершо соблазнил несовершеннолетнюю пассажирку (см. DIANE ARMSTRONG. Op. cit. P. 338).
- 15 AN: AJ/43/619, Mass Resettlement: Australia 1948–1950.
- 16 NAA: A6122368: Докладная записка ответственного сотрудника в Перте о расследовании в отношении пассажиров “Скаугума”, якобы являвшихся евреями и коммунистами, 28 сентября 1950 г. (его курсив).
- 17 *The Sun*, 21 September 1951. P. 3 (благодарю Жюстин Гринвуд за указание на этот источник).

- 18 Об обвинениях со стороны члена НТС Олега Перекрестова см. ниже.
- 19 NAA: A6122, 368: Дж. М. Нинан, дознаватель, заместителю директора, Сидней, 2 июня 1949 г. В этом донесении есть и неожиданная дополнительная нотка: осведомитель назвался “близким личным другом премьер-министра [Чифли]”.
- 20 NAA: A6122, 368, Andrij Cindra, донесение от 17 февраля 1949 г.
- 21 Ibid, докладная записка о евреях и коммунистах на борту “Скаугум”, 28 сентября 1950 г.
- 22 Ibid, Information supplied by Serge Beloff on Russians at Wallangarra, 1951.
- 23 CPD, no. 43, 22 October 1948. P. 2038.
- 24 См. главу 6.
- 25 CPD, no. 25, 23 and 24 June 1949. Pp. 1490–1401, 1501–1502.
- 26 NAA (NSW): SP1655/11955/25/75516, Special Register of Aliens. Представителями других национальностей и стран (в порядке упоминания) были китайцы и северные корейцы, албанцы, болгары, румыны, поляки, чехи и словаки, венгры, югославы и лица без гражданства (часто ими были русские).
- 27 Ibid, 1954/25/75340. В категории A 751 из общего числа 1721 составляли русские, и было еще 65 прибалтов, 3 украинца и 2 лица без гражданства. Второе место занимали югославы: 529 человек. В категории C было 38 русских, 24 югослава, 21 китаец и 21 поляк, 15 лиц без гражданства и 14 украинцев. Подробнее о левых русских из категории C см. главу 8.
- 28 Ibid, коробка 1 (переписка по поводу Специального индекса): Хейс — генеральному директору службы безопасности, отдел генерального прокурора, подразделение D, Мельбурн, 23 февраля 1951 г.
- 29 Ibid, 1954/25/75516: Maintenance of Special Records required by ASIO — White Russians. 14 November 1951; Ibid, A445235/1/24, таблица Nationality of persons covered by landing permits issued between November 1945 and November 1949 (благодарю Сюзанну Ратленд за то, что поделилась со мной этим материалом).
- 30 Notes for discussions with Mr. Heyes, 11 December 1950, цитируется в: DAVID HORNBER. Op. cit. P. 258.
- 31 NAA: A6980 S250323: Heyes, Secret and personal to Spry, 21 November 1952.
- 32 Ibid, A61221884: Screening of migrants from USSR and satellite countries, 1954.
- 33 Ibid, A12508, 50/1757; Ibid, A6119914; Kristina Kukolja, Lindsey Arkley, John Zubrzycki and Nathan Kopp, Unwanted Australians, SBS, <https://www.sbs.com.au/news/creative/unwanted-australians/q3av4yzwd>
- 34 NAA: A6122122: Русский общественный клуб. Донесение от Галле-гана, CIS, 18 ноября 1946 г.

- 35 Ibid. Донесение от У.Г. Барнуэлла, CIS, 21 июля 1947 г.
- 36 MICHAEL BIALOGUSKI. Op. cit. P. 10–15.
- 37 NAA, A61194715: МОКРАС, Лидия, vol. 2; MICHAEL BIALOGUSKI. Op. cit. Pp. 63–70.
- 38 NAA: A61222739, Survey of Contacts Made by Soviet Embassy Personnel in Victoria (November 1952 — November 1953), 22 декабря 1953 г.
- 39 О трудностях, возникавших с высылкой перемещенных лиц обратно на их родину или в Германию, см. NAA: A6980 S250240, Deportation of Displaced Persons — Policy (1949–1955). Высылка перемещенных лиц происходила редко, даже не по политическим причинам, но такое все же случалось: см. выше случай наполовину русского, наполовину поляка Мстислава Хлопова. Согласно данным, которые обнародовал в 1951 г. Холт, “из 128 тысяч новых австралийцев только 40 человек были возвращены под опеку IRO, и то в основном из-за проблем, связанных с их трудоустройством” (т.е. с нарушением трудовых контрактов с их стороны). Он сообщил о 700 постановлении о высылке, выпущенных за период с 19 декабря 1949 г. по 24 сентября 1951 г., из которых выполнены были 359 — большинство депортированных мигрантов оказались британцами, меньшие количества составляли китайцы, голландцы, итальянцы, норвежцы, шведы и поляки. (Отметим, что у большинства этих людей была родная страна, куда их можно было выслать, а с перемещенными лицами дело чаще всего обстояло иначе.) В списке 359 депортированных оказалось по одному уроженцу каждой из трех Прибалтийских республик, один был уроженцем Украины, и еще три значились лицами без гражданства (ни один не был назван русским): CPD, no. 48, 27 November 1951. P. 2838.
- 40 JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts...* P. 168 (цитируется *Sunday Telegraph*, 1 April 1951).
- 41 Подробный рассказ о Лахе: RUTH BALINT. *Destination Elsewhere...* (глава 6).
- 42 Отсутствие у правительства сильного желания противиться въезду пособников нацистов стало предметом рассмотрения в работах Марка Ааронса (MARK AARONS. *Sanctuary: Nazi Fugitives in Australia...*; *War Criminals Welcome: Australia, a Sanctuary for Fugitive War Criminals since 1945*).
- 43 MARK AARONS. *War Criminals Welcome...* Pp. 249–251.
- 44 DAVID HORNER. Op. cit. P. 252. Редакцию сиднейского ежемесячного журнала *The New Citizen*, где преобладали немецкие евреи, очень тревожило то, что в начале 1950-х Австралия принимала в качестве мигрантов немцев, однако проявляла относительно мало интереса к вопросу о въезде в страну восточноевропейских нацистских пособников; исключением стала публикация в т. 7, №6 от 15 июня

1952 г. исследования “Русские пособники нацистов в США”, проведенного Анатолием Гольдштейном для нью-йоркского Института по делам евреев (*Institute of Jewish Affairs*). Речь там шла об антисемитизме и профашистских настроениях среди солидаристов, власовцев, монархистов и украинских националистах в США.

- 45 NAA: A434 1949/3/29470, Sydney Council to Combat Fascism and Anti-Semitism — Security Screening of Displaced Persons.
- 46 Цитируется в: JAYNE PERSIAN. *Beautiful Balts*... P. 167.
- 47 *Dragon's Seed, The New Citizen*, 15 августа 1949 г., перепечатка; 15 октября, вместе с ответом Колуэлла, датированным 31 августа 1949 г.
- 48 MARK AARONS. *War Criminals Welcome*... P. 258. Газетами, на которые распространился этот запрет, были *Sydney Sun* и *The Daily Telegraph*.
- 49 Это заявление было сделано Колуэллом в ответ на вопрос о деле Бандмана в мае 1947 г.: CPD, no. 21, 21 May 1947. P. 2651.
- 50 Бандман, прибывший в Сидней на пароходе “Ян де Витт” 16 марта 1947 г., покинул страны Содружества 7 апреля 1948 г. NAA: B78/GERMAN/BANDMANN HERBERT REINHOLD.
- 51 NAA: A1068 IC47/27/8. Deportation of Egon Karl Lerch; CPD, no. 12, 21 March 1947, pp. 1015–16; no. 39, 25 September 1947. Pp. 199–200.
- 52 NAA: A445, 223/2/5: A. A. Calwell's Visit to Europe (July 8–22, 1947): донесение о совещаниях в Париже с чиновниками IRO, 13–16 июля. Колуэлл назвал этих людей Бандеманн и Керх.
- 53 CPD, no. 39, 25 September 1947. Pp. 199–200.
- 54 AN: AJ/43/619, телеграмма из Канберры, полученная LEMGO, 23 апреля 1948 г.
- 55 Сообщения о взглядах Милхауса на иммиграцию см.: *The Canberra Times*, 29 January 1949. P. 2; о посещении им лагерей дн-пи: *The Advertiser* (Аделаида), 15 October 1949. P. 4; о его антикоммунизме: *The Examiner* (Лонсестон), 22 July 1949. P. 6, и *News* (Аделаида), 24 March 1949. P. 13.
- 56 CPD, no. 23, 9 June 1949. P. 839 (ответ на вопрос Джека Лэнга).
- 57 Ibid, no. 43, 26 October 1949. P. 2018. Не удалось проверить истинность утверждения в книге JANIS WILTON, R. J. B. BOSWORTH. *Old Worlds and New Australia: The Postwar Migrant Experience*. Ringwood, Vic: Penguin., 1984. P. 154, о том, что “Лига ветеранов, выступив в нетипичном для нее содружестве с *Tribune*, разразилась возмущенными криками в адрес иммигрантов, которые будто бы сходили с трапов кораблей в старой форме вермахта”.
- 58 CPD, no. 23, 9 June 1949. P. 839.
- 59 Ibid, no. 43, 22 October 1948. P. 2038. Это был ответ на вопрос Лэнга, который на самом деле спрашивал не о мигрантах-нацистах, а о коммунистах.

- 60 Ibid, no. 24, 16 June 1949. Pp. 1103–1104. Этот выпад последовал в ответ на предложение политического соратника (сенатора Кима Бизли) ввести новый закон, чтобы “помешать проведению злобных и очернительских кампаний, направленных против отдельных расовых групп, будь то антисемитские кампании или косвенные подстрекательства к насилию — такие, например, как предположение [опубликованное на страницах коммунистической *Tribune*], что эти прибалты в прошлом работали охранниками лагерей смерти”.
- 61 NAA: A434, 1949/3/435: именной список пассажиров парохода “Мозафари”. Среди русских пассажиров была семья Халафовых из четырех человек, по документам они значились югославами. Храня верность укоренившейся традиции не выделять русских в отдельную категорию мигрантов, *The Sunday Times* (Перт) в выпуске от 20 марта 1949 не упоминала о существовании этой категории, однако журналисты, взяв интервью у полудюжины пассажиров, все-таки назвали одну из них — Анну Богданович — “привлекательную русскую девушку из Севастополя”, которая была замужем за поляком. На самом деле, русскими могли быть оба — и сама Анна, и ее муж Стефан, значившиеся в списке пассажиров поляками и католиками, поскольку, как и Анна, Стефан указал местом своего рождения Россию.
- 62 NAA: A434, 1949/3/435: список пассажиров парохода “Мозафари”, прибывшего в Мельбурн 25 марта 1949 г. Об Озолиныше: MARK AARONS. *War Criminals Welcome*. P. 257 (и см. ниже).
- 63 CPD, no. 45, 7 November 1951. Pp. 1647–48 (Хейлен); no. 36, 5 September 1952. P. 1093 (Ward); NAA, A434, 1948/3/13193: выдержки из статьи в *Tribune* (без даты), с замечанием от министерства иммиграции, датированным 6 августа 1948 г.
- 64 CPD, no. 46, 16 November 1951. P. 2216.
- 65 Ibid, no. 49, 6 December 1950. P. 3788.
- 66 NAA: A2169 1950: XII заседание Совещательного совета по делам иммиграции стран Содружества в Бонегилле, 5 декабря 1950 г. См. Также: ANGELIKA E. SAUER. “Model Workers or Hardened Nazis?” *The Australian Debate about Admitting German Migrants, 1950–1952*, *Australian Journal of Politics and History*. 1999. Vol. 45, no. 3. Pp. 422–437.
- 67 NAA: A434 1950/3/45637: German Migration — Protests Regarding (1950–1951).
- 68 CPD, no. 45, 7 November 1951. Pp. 1647–49.
- 69 Ibid, no. 46, 16 November 1950. P. 2547.
- 70 Ibid, no. 48, 27 November 1951. P. 2765.
- 71 См. главу 6.
- 72 DAVID HORNER. Op. cit. P. 258: докладная записка Хейсу, 11 декабря 1950 г.

- 73 NAA (NSW): SP 1655/1 1955/25/75516: докладная записка от Хейса, 9 апреля 1953 г., Maintenance of Special Index; SP 1655/1 1954/25/75940: докладная записка от Б. К. Уолла, 'Registration of Aliens — Special Index', 9 августа 1956 г. Подавляющее большинство лиц, внесенных в "категорию D", были немцами по национальности, хотя в списке был и один литовец.
- 74 Цитируется в: JAYNE PERSIAN. "The Dirty War"... Pp. 32, 33.
- 75 NAA: A434 1947-3-21: Reports by Mr. Leslie Haylen, M. H. R., Leader of the Parliamentary Delegation to Japan, On His Visit to Shanghai Where He Undertook a Mission for the Minister of Immigration, 16 August 1948, and attached Personal Note.
- 76 CPD, no. 12, 22 March 1961. Pp. 449–452. Отметим, что Колуэлл, лидер оппозиции, не возражал против этого решения. Барвик отвечал на риторический вопрос от настроенного резко антикоммунистически сенатора Макмануса: "Сделал ли когда-либо Советский Союз для Австралии что-либо такое, что оправдало бы выдачу России эстонского беженца, который отрицает обвинения, выдвинутые против него Россией, учитывая, что его родная страна в прошлом стала жертвой советских преступлений, включая геноцид и колониализм худшего типа?" CPD (Сенат), no. 11, 14 March 1961. P. 108.
- 77 MARK AARONS. *War Criminals Welcome...* Pp. 16 и др.
- 78 Ibid. Pp. 448, 457, 459–460, 485.
- 79 NAA: A434, 1949/3/435; NAA, A446, 1956/44819; MARK AARONS. *War Criminals Welcome...* Pp. 485–509 (Озольс); NAA: A1838, 1550/26. докладная записка от 12 января 1966 г., от Джека М. Дэвиса, заместителя комиссара полиции стран Содружества в DEA, об Упмалесе и Арвидсе; MARK AARONS. Op. cit. P. 459 (Грушевский); NAA: D4878, КАПИТУЛА Ф.
- 80 DAVID HORNER. Op. cit. Pp. 264–266. С закрытием канала IRO в переписке с австралийской военной миссией в Берлине отмечалось, что "прием Австралией советских дезертиров и перебежчиков, получающих поддержку отдела британской разведки, возможно, придется пересмотреть". NAA: A9306 353/2, Soviet defectors (переписка 1951 г.).
- 81 Алферчик прибыл в Австралию с документами на имя Николая Павлова, и в некоторых деталях биография этого выдуманного человека отличалась от его собственной. Хотя "оба" до войны работали электриками в Пииске, у Павлова местом рождения был указан Пииск, а годом рождения — 1916, тогда как Алферчик родился в 1917 г.; из бывшего советского гражданина он превратился в обладателя нансеновского паспорта, т. е. лицо без гражданства; а у двух его дочерей (в действительности близнецов) даты рождения теперь различались на год (1946 и 1947): NAA: A12073, 201–204:

- PAVLOV Nikolai; NAA A6119, 2723; Николай Павлов (он же АЛ-ФЕРЧИК) (информация об исключении из НТС в замечаниях переводчика, прилагавшихся к письму А. Конечного [Эдварда Конечного], датированному 26 марта 1963 г.); MARK AARONS. *War Criminals Welcome...* Рр. 142–144. Об этой связи с ASIO см. ниже.
- 82 NAA: A6980 S250276, записка (от руки) Хейса Холту, 19 марта 1953 г.; Спрай — Хейсу, 8 мая 1953 г. Похожая обеспокоенность выражается в: Ibid, 1838 1542/2/12: Security — Soviet Agents in Australia. Докладная записка Г. Ригли, торгового комиссара правительства Австралии в Гонконге министру иностранных дел, 20 июля 1951 г.; отправлена в ASIO по поводу возможного нахождения советских агентов в Австралии.
- 83 NAA: A6122 368, C. P. of A. interest in migration to Australia, Volume 1: Agents — displaced persons из аделаидского отделения в штаб-квартиру ASI, 31 июля 1951 г.
- 84 О деле Петрова см.: ROBERT MANNE. *The Petrov Affair*. Sydney: Pergamon, 1987; WILHELM AGRELL. *Mrs Petrova's Shoe: The True Story of a KGB Defection*, translated by Dr Simon Moores. London: I. B. Tauris, 2019.
- 85 Ibid. Рр. 111, 113. Учитывая некомпетентность Петрова, довольно удивительны его решительные заявления перед Королевской комиссией по шпионажу о том, что он *непричастен* к шпионской деятельности своих знакомых по Русскому общественному клубу — Августы Клодницкой, Александра Дукина и Бориса Бинецкого: см. свидетельские показания, собранные в NAA: A6122 2800, Russian Social Club, vol. 2, и Заключение.
- 86 NAA: A6122 2739, Survey of Contacts, 22 December 1953. Р. 11. Гузенко был шифровальщиком в посольстве СССР в Канаде, в сентябре 1945 г. стал перебежчиком, что послужило поводом для создания канадской Королевской комиссии по расследованию советского шпионажа.
- 87 Ibid; A6122 2739, Survey of Contacts, 29 января 1953 г. и 22 декабря 1953 г.; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 888. Л. 79–81 (планы работы на январь, февраль и март 1952 г.), Л. 91 (сейф).
- 88 MICHAEL BIALOGUSKI. Оп. cit. Рр. 26–28.
- 89 ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 890. Л. 63, донесение за третий квартал 1952 г. Предложение исходило от Эйно Зейзига, эстонца, родившегося в 1920 г. и жившего в Австралии с 1949 г. Он также желал репатрироваться в Эстонию, но, по-видимому, советская сторона не дала ему разрешения на репатриацию. В какой-то момент Австралия выступила с предложением депортировать его как психически больного, но высылку не удалось осуществить. NAA: A6980 S250240, Deportation of Displaced Persons — Policy.

- 90 NAA: A6980 S250323, докладная записка от директора ASIO полковника Спрая в министерство иммиграции, 20 октября 1952 г.
- 91 ITS: 6501, Nicolas Vasilyevic Yalinitcheff (письмо полковника М. В. Шкарятина, директора русской службы МВД в Канре, В. Темномерову, IRO, 10 января 1950 г.); NAA: B78, RUSSIAN/YALINICHEFF NIKOLAI NASILIEVIC [sic]; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68. Д. 1111: Книга по учету репатриированных на родину советских граждан, находящихся за границей, 1947–1952; NAA, A6122 2739, Survey of contacts', 29 January 1953 (ссылка на собеседование с репатриантом Ялынычевым, июль 1952 г.).
- 92 NAA: A6122 53, M. V. D. Repatriation Responsibilities in Australia (перехваченное письмо от МВД в Москве МВД в Канберре, 6 июня 1952 г.).
- 93 Ibid, A367, C93705, Allegations of Communism among Displaced Persons, Jan Delager, докладная записка от 6 июля 1956 г.
- 94 О подозрениях, вспыхнувших в 1956 г., очевидно, из-за донесений агента ASIO Алферчика/Павлова, см. MARK AARONS. *War Criminals Welcome...* Рр. 197–199. В докладной записке ASIO от 6 июля 1956 г. Делажер был назван “чрезвычайно умным и опасным человеком”, в отношении которого ведет “расследования заокеанская разведка” [намек на НТС?], а позже затеяно расследование в Виктории; он подал в 1952 прошение о выезде за границу, но к 1956 г. так никуда и не поехал (NAA: A6119 2723, Jan Delager, 6 July 1956).
- 95 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 128–129; MICHAEL ALEX ПРОТОРОПОВ. Op. Cit. Рр. 174–175. Исидор Дереза, довоенный советский узник, некоторое время служивший полковым священником в казачьей армии в Польше и Италии, представлял менее однозначный случай: хотя он тоже в конце концов вернулся в Советский Союз вслед за старшим сыном (тот вернулся раньше, в начале 1950-х, и стал священником Московского патриархата), он попытался смягчить последствия скандала, вспыхнувшего среди его прихожан в Австралии тем, что пожертвовал купленный им для себя участок на кладбище Фокнер в Мельбурне, чтобы там поставили памятник казакам — жертвам бойни в Ливенце (ibid. Рр. 190–191).
- 96 Г. И. КАНЕВСКАЯ. “Мы еще мечтаем о России...” С. 126–127; MICHAEL ALEX ПРОТОРОПОВ. Op. cit. Рр. 96, 166–167, 191 and n. 686, pp. 416–417; МИХАИЛ ПРОТОПОПОВ. *Преосвященный Феодор...* С. 283–287, 306–313.
- 97 MARK AARONS. *War Criminals Welcome*. Рр. 151–152. О другом лагере см. pp. 207–211, но большинство примеров у Аарона — это перемещенные лица из Югославии.
- 98 DAVID HORNER. Op. cit. Рр. 484; *Австралиада*. 2000. №25. С. 3; и см. в *Trove* газеты, где Диффердинг регулярно публиковал

в отделе рекламы объявления об аренде и сдаче внаем недвижимости. О его деятельности, связанной с либеральной партией, см. Заключение.

- 99 NAA: A6122 368, Information supplied by Serge Beloff (ок. 1949).
- 100 MARK EDELE. Not an Ordinary Man... Pp. 546–560; NAA: K269, 7 February 1950, HELLENIC PRINCE; NAA: MP742/1, 115/1/437. Посредником выступал Константин Дульшерс, русский, родившийся в 1925 г. в Югославии. Он называл себя офицером русской Казачьей армии, сражался против советских войск в 1941–1945 гг., приехал в Австралию 22 июня 1949 г. В тот момент жил в Канберре в хостеле *Capitol Hill*.
- 101 NAA: A6122 166, The Russian Migrant Centre — Russian Anti-Communist Centre — Sydney (Харков); DIANE ARMSTRONG. Op. cit. Pp. 275–287 (Пууранда).
- 102 NAA: A6119, 4715: МОКРАС, Лидия, т. 2 (автобиография, без даты, и донесения агентов); MICHAEL BIALOGUSKI. Op. cit. Pp. 63–70; DAVID HORNER. Op. cit. Pp. 463–468.

Заключение

- 1 *The Townsville Daily Bulletin*, 27 May 1952. P. 2.
- 2 NAUK: KV2/3470: повторные допросы мистера и миссис Петровых британской разведкой, май 1956 г.
- 3 RUTH BALINT. “To Reunite the Dispersed Family”: War, Displacement and Migration in the Tracing Files of the Australian Red Cross, *History Australia*. 2015. Vol. 12, no. 2; RUTH BALINT. *Destination Elsewhere...* (глава 7).
- 4 О правилах, касавшихся выпуска газет на иностранных языках, см. NLA: MS 4738 (архив Колуэлла), серия 15, коробка 57, 1952, и NAA: A21691952, заседание Совещательного совета по делам иммиграции стран Содружества, февраль 1952 г.
- 5 В июле — августе 1950 г. материалы, посвященные Вере Долгорукой, появлялись в десятках центральных и региональных газет, в том числе в *The Sunday Times* (Перт), 30 July 1950. P. 4, и *The Sun* (Сидней), 13 August 1950. P. 47, но первоисточник у них, по-видимому, был один: а именно, интервью, взятое репортером *The Herald* (Мельбурн) и опубликованное вместе с фотографией в выпуске от 29 июля 1950 г. на с. 14. После этой мимолетной славы имя Долгорукой больше ни разу не появлялось на страницах австралийских газет, не было даже сообщения о ее смерти (которая произошла ближе к концу периода, освещенного в *Trove*, т. е. к декабрю 1999 г.).
- 6 Это был отец Георгий Бранч (Глеб Брянчанинов), выпускник харбинского лицея Святого Николая, основавший русский ка-

- толический приход церкви Святого Николая в Кью, который впоследствии был перенесен в Колфилд как Святотроицкий католический приход. GALINA KUCHINA. Op. cit. Pp. 111, 180–181.
- 7 Сведения о Мельбурне из интервью с Сэмом Мошинским (Мельбурн, 7 марта 2016 г.) и Натаном Мошинским (Мельбурн, 27 апреля 2016 г.), цитата об Элле Масловой из: ANTONIA FINNANE. Op. cit. P. 234. Маре Мустафиной я благодарна за личные сообщения с воспоминаниями о Сиднее.
- 8 Так выразилась, сойдя на берег, 20-летняя мигрантка-эстонка, у которой взяли интервью корреспонденты *Singleton Argus* (напечатано в номере от 3 февраля 1950 г. на с. 6).
- 9 Red Supporters in Migrant Ship, *The Argus* (Melbourne), 9 June 1949. P. 1. Другое мнение о русских пассажирах “Фейрси” см. выше, в главе 2.
- 10 *Единение*. 1951. 16 ноября, 20 апреля, 25 апреля, 5 декабря.
- 11 См. главу 9.
- 12 *The Argus*, 3 December 1953. P. 2. Отметим, что Диффердинг, как и Харков и Петропуло, называл себя председателем Русского антикоммунистического центра, хотя согласно газете “Единение” председателем этого центра был человек более старший, весьма уважаемый китайский русский Николай Фомин. (Заявление Харкова — в *The Sun*, 20 April 1954. P. 5, а Петропуло — в *The Argus*, 3 December 1953. P. 2).
- 13 *The Argus*, 8 December 1953. P. 2. Это похоже на исковерканную польскую фамилию, Эйлдон — городок на севере штата Виктория, там возводилась эйлдонская плотина, где вполне могли работать ди-пн.
- 14 В “Единении” писали о русских Н. П. Харькове, В. Непомнящем, В. Степанове и К. Сальваровском как о вожаках, “ставших во главе импровизированной демонстрации в Маскоте”, там присутствовали “многочисленные представители поляков, чехов, словаков, эстонцев, латышей, литовцев, венгров, украинцев, которые составили вместе с русскими людьми единую группу” (*Единение*. 1943. 7 мая. С. 5)
- 15 Харков о тайных планах — в *Truth* (Сидней), 2 May 1954. P. 2; *Townsville Daily Bulletin*, 3 May 1954. P. 1; *Daily Mercury* (Макай, Квинсленд), 3 May 1943, p. 1; вырезка A White Russian on the Reds’ Black List из *People*, 2 June 1954. Pp. 17–20, в NAA: A6122 166 (и см. выше, главу 6).
- 16 *The Sun* (Ньюкасл), 2 July 1954. P. 1 (цитата); *The Herald* (Мельбурн), 2 July 1954. P. 1; *The Sun* (Сидней), 2 July 1954. P. 2.
- 17 *Brisbane Telegraph*, 7 July 1954. P. 1.
- 18 *The Sun* (Сидней), 2 July 1954. P. 2; *The Age*, 3 July 1954. P. 1.
- 19 NAA: A6122 166, вырезка из *The Age*, 22 April 1954 (Алексеев); *Cairns Post*, 23 April 1954, p. 9 (Харков).
- 20 О задании Петрова см. главу 9.

- 21 ROBERT MANNE. Op. cit. Pp. 211–213.
- 22 “Единение” (1952. 24 декабря. С. 2), докладывало о работе Королевской комиссии. О показаниях Петрова, согласно которым, Новиков не был агентом, см. NAA: A6122 2800, Re Nikolai Kirillovich [sic] Novikov, подписано: В. Петров, 8 декабря 1954 г. Отметим, что Новиков также привлек к себе внимание агента полиции в Харбине в 1939 г., хотя лишь в связи с тем, что наблюдение уже велось за его другом, который и сообщил, что Новиков продал свой дом и уехал в Австралию (БРЭМ: личное дело Николая Кирилловича Новикова).
- 23 Показания Петрова об отдельных членах Русского общественного клуба собраны в: NAA: A6122 2800, Russian Social Club, vol. 2; Записи бесед представителей британской разведки с Петровыми в 1956 г. хранятся в NAUK: KV2/3470 и других папках из серии KV2.
- 24 МИХАИЛ ПРОТОПОПОВ. *Преосвященнейший Феодор...* С. 335–336.
- 25 *Единение*. 1954. 14 мая; *Blue Mountains Advertiser* (Катумба), 3 June 1954. P. 3; NAA: A6122 166, личное письмо от У. Уэнтурта (Билла) Кейси (Дику), 29 января 1953 г.; JOHN McLAREN. *Writing in Hope and Fear: Literature as Politics in Postwar Australia*. Cambridge University Press, 1996, p. 117.
- 26 JAYNE PERSIAN. The Transnational Russian Right: Captive Nations, АНА paper, Toowoomba, July 2019, и личное общение с автором.
- 27 *The Sun* (Ньюкасл), 2 July 1954. P. 1 (цитата из заявления Петропуло из Русского антикоммунистического центра, которое он сделал репортерам, объясняя свое присутствие у здания, где заседала Королевская комиссия, и адресованные Петрову ободрительные возгласы); JEAN I. MARTIN. *Refugee Settlers...*
- 28 Ibid. Pp. 26–47, 57–62.
- 29 Это лейтмотив интервью с детьми русских иммигрантов из Европы, отсутствующий в интервью с детьми русских из Китая, куда лучше осведомленных об истории своих семей. Если один из родителей ди-пи заговаривал с ребенком в Австралии о прошлом, то второй при этом часто очень раздражался. См., например: RAMONA KOVAL. *Bloodhound: Searching for My Father*. Melbourne: Text Publishing, 2015. P. 190; *Who Do You Think You Are?* with Dr. Karl Kruszelniki. SBS, series 10, episode 4.
- 30 Озадаченный потомок, повзрослев, пытался собрать информацию, но рисковал узнать о родителях больше, чем желал бы, — как случилось с Рамоной Коваль (это касалось личной жизни и описано в ее книге — см. выше прим. 29) и с Юджином Шлассером (это касалось политики и описано в его книге (EUGENE SCHLUSSER. *Escape from the Sun: Surviving the Tyrannies of Lenin, Hitler and Stalin*, Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2017).

- 31 Атина Гроссман (ATINA GROSSMANN. *Jews, Germans, and Allies: Close Encounters in Occupied Germany*. Princeton: Princeton University Press, 2007. Рр. 186 и др.) обращает внимание на сообщения о “гиперсексуальности” в лагерях евреев-дипломированных. Капеллан-американец, писавший доклад о поведении перемещенных лиц из Восточной Европы, отмечал их лихорадочную погоню за удовольствиями, как будто они стремились наверстать упущенное время и спешили “есть, пить и веселиться, потому что много времени прошло впустую”.
- 32 *The Sydney Morning Herald*. 30 November 1950; *The Mercury* (Хобарт), 2 December 1950; *Barrier Miner* (Брокен-Хилл), 8 December 1950. Согласно показаниям, которые Петров позднее дал Королевской комиссии, считалось, что Драбкин наговорил лишнего, и впоследствии его перевели на внутренние рейсы советского речного флота (*The Advocate* (Burnie), 2 July 1954).
- 33 NAA: A6119, 6984, донесение в ASIO от 19 декабря 1950 г. о том, что госпожа Клодника пригласила к себе двадцать пять членов экипажа “Дмитрия Донского”; и см. EBONY NILSSON. On the Left: The Russian Social Club in Early Cold War Sydney. *Australian Historical Studies*. Vol. 50, no. 1, 2019. P. 76.
- 34 Интервью с Наташей Нил в Гисборне, 26 октября 2018 г.

Статистические замечания

- 1 ANDREW JANCO. Op. cit. P. 352.
- 2 В. Н. ЗЕМСКОВ. “Вторая эмиграция”... С. 7.
- 3 См. Введение и главу 1.
- 4 Показатели, полученные Эгоном Кунцем из австралийских источников DOI (Таблица 2), ниже на пару тысяч, вероятно, оттого, что IRO включила в свои данные по массовому переселению еще и некоторых из тех перемещенных лиц, которые под ее эгидой отправлялись в путь как мигранты с правом на высадку (Австралия классифицировала их как иммигрантов, въезжавших “с содействием” или “без содействия”).
- 5 См. обсуждение в: SHEILA FITZPATRICK. Migration of Jewish... Согласно данным о разрешениях на высадку, выданных в 1947–1949 гг., 305 разрешений были выданы русским (вероятно, советским русским) и 1741 — лицам без гражданства. Из них, 83 из числа русских и 1189 из лиц без гражданства были евреями: NAA, A445235/1/24: Nationality of Persons Covered by Landing Permits Issued (благодарю Сюзанну Ратленд за то, что познакомила меня с этой таблицей). Отметим, что эти данные относятся к выданным разрешениям на высадку, а не к тем, что были в итоге использованы. К сожалению, у нас нет аналогичных данных за 1950–1951 гг.

- 6 Данные Oversea Arrivals and Departures получены из *Demography Bulletin*, 1950, no. 68; за 1950 г. — Ibid. 1951, no. 69, и *Year Book Australia*, Commonwealth Bureau of Statistics, Canberra, за 1951, 1953 и 1954 гг.
- 7 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* Pp. 95–96. Отметим, что с 1950 г. была добавлена категория “лица без гражданства по определению” (т. е. не просто не имеющие документов какой-либо страны, а имеющие документы, где они названы лицами без гражданства), в которую *не входили* те, кто называл себя русскими без гражданства или украинцами без гражданства, т. к. те были посчитаны в других категориях как представители соответствующих национальностей. Однако, изучив списки пассажиров и документы о прибытии мигрантов, можно предположить, что большинство русских, приехавших как лица без гражданства, считали себя просто лицами без гражданства, и потому в категорию “лиц без гражданства по определению” почти наверняка входило значительное количество русских (из чего и исходит Кунц в своем замечании).
- 8 Приводится в: ANDREW JANCO. Op. cit. P. 170. Обзор был выполнен русской антикоммунистической организацией НТС, которая выискивала среди русских дн-пи новых кандидатов для вербовки в свои ряды.
- 9 LOUISE W. HOLBORN. *International Refugee Organization...* P. 438; EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 43. У Холборн количество поляков указано как 60 308, у Кунца — 63 394.
- 10 Отдельные примеры того, как русские въезжали в Австралию под видом поляков, см. главы 1, 2 и 6.
- 11 ANDREW JANCO. Op. cit. Pp. 228–230. Многие другие примеры см. главы 1 и 2.
- 12 В. Н. ЗЕМСКОВ. “Вторая эмиграция”... С. 73. В эту оценку включены и белорусы (существенно более малочисленная группа), которые точно так же разделились на бывших граждан Польши и бывших граждан СССР. Данные австралийцев и IRO (только по украинцам, без учета белорусов) взяты из: EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 90.
- 13 Многие из китайских русских имели (или ранее имели) советские паспорта, но это еще не делало их советскими гражданами.
- 14 Согласно австралийским данным по иммиграции, в 1945 и 1946 г. прибыло 180 русских (сведений о лицах без гражданства в этих таблицах нет): *Demography Bulletin*, nos 63 and 64, 1945 and 1946: Oversea Arrivals and Departures: Permanency of Arrival and Departure and Racial Origin.
- 15 NAA, A6980, S250253, H. M. Loveday, 3rd secretary in Shanghai, 20 March 1947, Emigration from China to Australia.

- 16 LOUISE W. HOLBORN. *International Refugee Organization...* P. 433 (*European refugees*). Точное количество — 2 907, включая 1 699 человек, которые прибыли в Австралию по программе массового переселения через Тубабао и включены также в статистические данные IRO по количеству участников программы массового переселения.
- 17 NICHOLAS PITT. *Op. cit.* P. 151, Table 5.
- 18 Ibid.
- 19 Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1954*, vol. VIII, *Statistician's Report*. Pp. 183, 189; *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1961*. Vol. VIII, *Statistician's Report*. Pp. 208–209, 215.
- 20 LOUISE W. HOLBORN. *Refugees: A Problem of Our Time, the Work of the United Nations High Commissioner for Refugees. 1951–1972*. London: Scarecrow Press, 1975. Vol. 1. P. 623.
- 21 В их число не попадают русские, родившиеся за пределами России (Советского Союза). В переписи 1961 г. из людей, указавших местом своего рождения Польшу и Югославию, 2 006 и 2 518 человек соответственно заявили о том, что их национальность отличается от титульной. Вероятно, многие из них были детьми русских эмигрантов. При простом вычете показателей 1947 г. из показателей 1954 г., а показателей 1954 г. из показателей 1961 г. игнорируются также такие факторы, как количество умерших и уехавших. Вероятно, ежегодно умирало 100–200 русских, если можно судить по данным, собранным в *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June, 1961*; *Australian Life Tables, 1960–1962*, Commonwealth Bureau of Statistics, Canberra, n.d. (Australian death rates). В конце 1940-х — начале 1950-х количество уехавших из страны было минимальным (не более 100 человек в год, считая русских, украинцев и лиц без гражданства), но в 1953 г. уезжать стало больше людей, так что к концу 1950-х количество покидавших страну людей достигло в среднем 200 в год (а в 1956 и 1961 гг. было зафиксировано необычайно много отъездов) (подсчеты основаны на: Oversea Arrivals and Departures data, *Demography Bulletin*, nos. 63–78, 1945–60).
- 22 Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia, 30th June 1961*, vol. VIII, *Statistician's Report*, p. 154: European-born Population of Australia: Numerical and Percentage Increases and Decreases, Censuses, 1954 and 1961.
- 23 EGON F. KUNZ. *Displaced Persons...* P. 89.
- 24 За период с 1947 по 1954 г. натурализовалось относительно небольшое количество иммигрантов, которые пополнили число русских и украинцев, учтенных в графе “иностранцы” в переписи 1954 г. (Таблица 4): 31 русский (в отсутствие отдельной категории

- для украинцев) и 247 лиц без гражданства в 1947–1948, а 52 русских, 35 украинцев и 619 лиц без гражданства за период 1949–1953. После середины 1950-х их количество заметно возрастает: за временной промежуток между двумя переписями, 1954–1960, натурализовалось 3346 русских, 11340 украинцев и 5494 лиц без гражданства (подсчитано на основе таблиц “Натурализация” в: *Year Book Australia*, 1951–1962).
- 25 Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia*, 30 June 1961. Vol. VIII. P. 186. На эти показатели также влияет более высокая доля тех уроженцев СССР и уроженцев Украины, которые указали в графе национальности статус лиц без гражданства — 12,5 % и 7,8 % соответственно по сравнению с 2 % от общего количества остальных уроженцев Европы внутри группы ненатурализованных иммигрантов.
- 26 Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia*, 30 June 1961, vol. VIII. P. 183.
- 27 Ibid. P. 186.
- 28 Ibid. Pp. 215–216: Religion and Birthplace of the Population.
- 29 NLA: MS 4738 (архив Колуэлла), коробка 57, непронумерованная папка, письмо (от руки) Колуэллу от Кевина Джонса, датированное 23 июля 1951 г. Подробнее об этом см. выше, главу 2, SHEILA FITZPATRICK. Migration of Jewish...
- 30 Commonwealth Bureau of Census and Statistics, *Census of the Commonwealth of Australia*, 30th June 1947, part XVI, Canberra, 1950, p. 876; *Census of the Commonwealth of Australia*, 30th June 1954, vol. VII, Canberra, 1962. P. 185; *Census of the Commonwealth of Australia*, 30th June 1961, vol. VIII, Canberra. 1968. P. 216. Под “другими европейскими странами” подразумеваются все страны, кроме Великобритании и Ирландии, Германии, Греции, Италии, Нидерландов и Польши, которым посвящены свои разделы.
- 31 Ibid. P. 216.
- 32 В опубликованных результатах переписи населения Россию / Советский Союз не выделяли в отдельную категорию как страну происхождения иммигрантов-евреев, чаще всего местом рождения они указывали “другие европейские страны” (11 606 человек из общего числа почти 60 тысяч) и Польшу (10 423 человек из общего числа почти 60 тысяч): Ibid. Pp. 215–216.
- 33 Из 154 333 евреев, оказавшихся на попечении ИРО в Германии, Австрии и Италии к 31 июля 1947 г., 1416 человека относили себя к советским гражданам, 71 — к лицам без гражданства, что в совокупности составляло менее 1 %: LOUISE W. HOLBORN. *International Refugee Organization...* P. 199. В еврейском лагере под Франкфуртом, где в 1947 г. побывал Колуэлл, 20 человек из его

- 1123 обитателей-ди-пи называли себя русскими и 900 — поляками: NAA: A445-223-2-5, *Arthur Calwell's visit to Europe*, July 9–22 1947.
- 34 NAA: 235/1/24. *Nationality of Persons Covered by Landing Permits Issued*, November 1945 — December 1949.
- 35 Об этой группе см.: JOHN GOLDLUST. *Op. cit.*
- 36 См. главу 8.
- 37 См. выше, прим. 24.
- 38 Подсчитано на основе: *Oversea Arrivals and Departures, Demography Bulletin*, no. 66, 1948, и no. 69, 1951, и *Year Book Australia*, 1954 и 1956. Для периода с июля по декабрь 1948 г. лица без гражданства по определению остаются количественно не определенной частью категории “другие” (1300); по моей оценке, их было около 1000 человек.
- 39 HENRY G. AERTS. *Russian Migration in Australia, Social Survey*, February 1971. P. 26. Иезуит Эртс был старым китайским работником, вероятно, больше соприкасавшимся с китайскими русскими, чем с ди-пи из Европы. В его определение русской общины, наверное, не входили украинцы, у которых в Австралии имелась собственная община, и, вероятно, он не включал в нее и русско-язычных евреев.
- 40 1961 и 1962 годы стали последними годами десятилетия, когда в страну иммигрировало значительное количество русских, а за весь период с 1961 по 1969 год был зарегистрирован въезд 5377 иммигрантов, большинство которых прибыло из Китая, и отъезд 2732 человек. Подсчитано на основании: *Year Book Australia*, 1962 и 1964, и *Demography Bulletin*, no. 84, 1966; no. 85, 1967–68, и no. 86, 1969–1970.

Благодарности

Значительная часть исследований, вошедших в эту книгу, была проделана благодаря двум грантам Австралийского исследовательского совета (АИС): “Война и перемещение: от Советского Союза до Австралии после окончания Второй мировой войны” (*War and Displacement: From the Soviet Union to Australia in the Wake of the Second World War*, DP130101215) — этот грант со мной разделили Марк Эделе как второй главный исследователь и Джейн Першиан как научный сотрудник и руководитель проекта; и “Перемещение и переселение: русские и русскоязычные евреи — перемещенные лица, прибывшие в Австралию через Китай после окончания Второй мировой войны” (*Displacement and Resettlement: Russian and Russian-Speaking Jewish Displaced Persons Arriving in Australia via the “China” Route in the Wake of the Second World War*, DP160101528) — в нем Рут Балинт и Джейн Першиан руководили исследованиями, Жюстин Гринвуд была научным сотрудником и руководителем проекта, Мара Мустафина и Дэвид Волф выступили как исследователи-партнеры.

Я горячо благодарна не только АИС, но и моим коллегам по работе над этими проектами, мне помогала не только их дружеская поддержка, но и добрые советы, и готовность выступать в роли первых слушателей. Я также искренне благодарна историческому факультету Сиднейского университета, приютившему меня, пока я писала эту книгу, и множеству коллег, делившихся со мной ценными замечаниями по ходу дела. Жюстин Гринвуд была моей надежной посредницей во взаимодействии с университетской администрацией и с АИС, помогая улаживать любые возникавшие трудности.

Очень многое я узнала от людей, у которых брала интервью: это Маргерита Адам, Кристиан Айрленд, Эндрю Андерсонс, Алекс Ильин, Анастасия Кощевская, Галина Кучина, Натан Мошинский, Сэм Мошинский, Георгий Николаюк, Наташа и Тамара Нил, Гэри и Марина Нэш, Алекс Селенич и Татьяна Торлина, Анна Бичевкис, покойные Наталия

Баич, Андрес Бичевскис, Ларри Бэгг. Все они помогли мне понять, каково это — быть русским иммигрантом в Австралии. Бесценным источником уникальных знаний о жизни русской общины в Австралии стали для меня Мара Мустафина и Елена Говор. Брать интервью в штате Виктория я имела возможность благодаря щедрому гостеприимству моего кузена Питера Фицпатрика (вплоть до поездок на его автомобиле) и его жены Гэй Болдуин в Мельбурне; а семья Николаюков оказывала мне радостный прием, когда я приезжала в Бинак. Меня также чрезвычайно обогатили беседы с Тamarой Поповской, которая в настоящее время пишет (под научным руководством Сиднейского университета) магистерскую диссертацию о собственной семье — русских ди-пи.

За предоставление документов и помощь в поиске местонахождения материалов я благодарю Роберта Бикерса, Маркуса Джеймса, Игоря Казу, Катю Князеву, Каролину Пикетти, Николаса Питта, Патрисию Полянски, Питера Ратленда, Филипа Славески, Карла Шлегеля и Стивена Уиткрофта, Екатерину Хит (которая также брала интервью для проекта АИС) и Марка Эделе. Особую благодарность я приношу Маре Мустафиной за позволение пользоваться книгами из ее личной библиотеки (в том числе такой библиографической редкостью, как книга-альбом Владимира Жиганова “Русские в Шанхае”), а также Маргарет и Георгию Николаюкам, которые связались со мной по поводу архива Ивана Николаюка и пригласили меня к себе в Бинак, чтобы я могла почитать эти документы. В начале исследований, связанных с Китаем, мне помогал советами Дэвид Уолкер, а мои коллеги из Сиднейского университета Дэвид Брофи, Андрес Родригес и Софи Лой-Уилсон тоже оказывали мне своевременную помощь и давали советы. В 2018 году, когда наша команда получателей грантов от АИС отправилась в Харбин и Шанхай, нам помогали Дэвид Уолкер и Мара Мустафина; о таких экскурсоводах по этим двум городам, как Мара и ее муж, Эндрю Якубович, можно было только мечтать.

Чрезвычайно важным оказались для меня беседы на темы, связанные с послевоенной иммиграцией, с Джой Дамузи. В том, что касается австралийской тематики и научной литературы, я полагалась на Филиппа Дирн, Энн Кертойс, Стюарта Макинтайра, Марка Маккенну и Каролин Расмуссен. Наряду с моими бесценными коллегами по работе над вторым проектом АИС, Рут Балинт и Джейн Першнан, постоянным источником информации и уравновешенного, грамотного анализа фактов была Эбони Нильссон — студентка Сиднейского университета, писавшая под моим руководством диссертацию. Они втроем были главными участниками конференции “Русские из Китая в Австралии”, состоявшейся в Сиднейском университете 7–8 ноября 2019 года и умело организованной Жюстин Гринвуд при участии Кати Хит. С докладами выступили: я, Рут Балинт, Олег Бейда, Елена Говор, Жюстин Гринвуд, Катя Князева, Мара Муста-

фина, Эбони Нильссон, Джейн Першиан, Николас Питт и Дэвид Вольф; а Маркус Джеймс, Софи Лой-Уилсон, Ларри Сицкий, Филип Славески, Кайл Уилсон, Марк Эделе, Луиза Эдвардс и Эндрю Якубович внесли ценный вклад в последовавшее обсуждение.

Первый черновой вариант этой рукописи был прочитан и подвергнут критике в рамках очень полезного и плодотворного рабочего семинара, проведенного в Сиднейском университете 13 декабря 2019 года; в нем участвовали Рут Балинт, Елена Говор, Жюстин Гринвуд, Мара Муштафина, Эбони Нильссон, Джейн Першиан и Екатерина Хит.

Позже Мара прочитала переработанные варианты Введения и 3-й и 5-й глав, а Эбони прочитала переработанный вариант 8-й главы. Маргарет и Юра Николаюки прочитали введение и сделали ряд полезных замечаний. Благодаря их помощи книга стала значительно лучше.

Есть и те, перед кем я оказалась в долгу еще до моего возвращения в Австралию в 2012 году. Я многое узнала о послевоенной волне русских эмигрантов еще до того, как мне пришлось в голову самой взяться за эту тему, от Эндрю Джанко, который в 2012 году написал под моим руководством в Чикагском университете прекрасную диссертацию ««Перемещенные лица» в Европе, 1941–1945», а также от Анны Марты Холиан — я входила в диссертационный совет, когда она защищала в 2005 году диссертацию, которая впоследствии послужила основой для ее книги «Между национал-социализмом и советским коммунизмом: перемещенные лица в послевоенной Германии» (*Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*, 2011). Обоих этих исследователей я часто цитирую в этой книге. Долгое время моими советниками по многим вопросам, касавшимся русской диаспоры, были Юрий Слэзкин, с которым мы подружились еще в 1980-е, когда я курировала его диссертацию в Техасском университете, и Элеонора Гилбурд, учившаяся у меня в Чикагском университете, а потом уехавшая писать диссертацию у Юрия в Беркли.

Человеком, который впервые познакомил меня с гуманистическим измерением того сложного опыта, что был связан с войной и миграцией, стал мой муж Майкл Данос, умерший в 1999 году. В книге «Мишкина война» (*Mischka's War*, 2015) я попыталась запечатлеть то, что ему довелось пережить, когда он был перемещенным лицом из Риги в послевоенной Германии. Я узнала от Миши очень многое, в том числе и о том, как опасно разделять людей на разные категории и на основе этого разделения слишком легко судить о них. Надеюсь, это помогло мне в написании настоящей книги.

Мой брат, Дэвид Фицпатрик, историк Ирландии и автор чудесной книги «Океаны утешения: личные рассказы об ирландской иммиграции в Австралию» (*Oceans of Consolation: Personal Accounts of Irish Migration*

to Australia, 1994), а также других книг, на много лет раньше меня начал писать об истории иммиграции. Свою последнюю книгу, “Американизация Ирландии: миграция и поселение, 1841–1925 (*The Americanisation of Ireland: Migration and Settlement, 1841–1925*, 2019), он писал, уже умирая от рака в Белфасте, а я в то время находилась в Сиднее и писала эту книгу. В течение тех семи месяцев мы каждый день общались по электронной почте и стали ближе друг к другу, чем когда-либо с поры нашего детства в Мельбурне. Тогда мы впервые в жизни каждый день обсуждали исследования, над которыми работали, а после смерти брата я помогла опубликовать его книгу. Мне очень жаль, что Дэвид не дожил до выхода в свет моей книги, которая и своим замыслом, и исполнением во многом обязана ему.

Указатель

- абвер 52–53
“Австралиада” 35–36, 85, 136, 197,
239–240, 258, 262, 281, 287, 322, 381
Австралийская ассоциация медиков
253, 376
австралийская военная миссия
в Берлине 95, 96, 104–105, 108,
109, 338, 347
австралийская иммиграционная
политика 80–82, 91–96, 99–107,
215, 353–354, 356–358 *см. также*
министерство иммиграции
Австралии
австралийская отборочная комиссия
методы и процесс отбора
иммигрантов 91–98
на Тубабао 213–221
Австралийский институт
инженеров 254
Австралийский корпус императорской
армии и флота 290
Австралийский совет церквей 273
Австралия как желанное место
переселения 229–231
Австрия 11, 43, 63, 64, 81, 107, 203, 267
Адамсон, Владимир 367
Аделаида 27, 77, 238, 249, 259–260, 272,
276, 279, 285, 288, 329, 362, 368
Администрация помощи и
восстановления Объединенных
Наций (UNRRA) 43–44, 69–72,
81, 100, 108
отношение США к 71
политика по отношению к
коллаборационистам 109–111
управление лагерями 68–69
Алексеев, Георгий, генерал 251, 289,
291, 313–314, 385–386
Алферчик, Николай (Николай
Павлов) 55, 61, 68, 297, 361–363,
368, 510–511 (81)
Амбросайтис, Лука 217
Американский еврейский
объединенный
распределительный комитет
(Джойнт) 103, 105, 186, 204, 209,
224, 352, 353
американский протестантский
университет Святого Иоанна,
Шанхай 169
американцы в Шанхае и Тяньцзине
202, 209, 473 (40)
Амосов, Юрий (Георгий) 55, 76, 78,
253, 261, 494 (79)
Антибольшевистский блок народов 389
антикоммунизм 14–20, 44, 50, 51,
70–74, 77, 78, 109, 145, 158,
177–179, 214, 215, 240, 251, 264, 266,
277, 282, 286–293, 354, 364, 381–390
Антикоммунистический комитет
(Тяньцзинь) 178–179
Антиохийская православная
церковь 276
антисемитизм 103–104, 149, 166, 176,
178, 182, 186–187, 350–351
Антоний, священник 268
Антонов, Виктор 313
Антоньев, Валентин 90–91, 268, 270
аресты
в послевоенном Харбине 191–193,
470 (5)
харбинцев в СССР 141–142

- армяне 102, 130, 319, 387
 Арсененков, Анатолий 303, 305–306, 345
 Артемьев, Леонид 51, 57, 72, 74, 278
 архитекторы 160, 179, 254, 255
 Ассоциация стран железного занавеса
 (Австралийская ассоциация
 скаутов в изгнании) 279
 Ауманн, Павлик 222
 Афанасий, епископ 273–275
 “Ахдут”, еврейский клуб (Шанхай)
 164–165
 Ачаир, Алексей 133
- Багенские, семья 78
 Банч, Наталия 46, 230, 232, 244, 273
 Банч, Федор 273–274
 Байдалаков, Виктор 294, 391
 Бандман, Герберт 352, 353
 Барановский, Петр, доктор 344
 Барвик, Гарфилд 360, 362, 510 (76)
 Бароцци де Эльс, Всеволод 122, 152,
 230–231
 Бароцци де Эльс, Ор 152
 беженцы 43, 44, 69, 77–78, 100, 185–186,
 354, 403–404, 440 (65) *см. также*
 перемещенные лица
 Безуглый, Николай 325, 327, 502 (70)
 “Бейтар”, организация 132, 170–171
 “Белая Австралия”, политика 80, 101
 Белая армия
 в Австралии 44–46, 266–267
 в Маньчжурии 119–123
 в Харбине 125, 151–152
 после Гражданской войны 44–46
 шанхайские ветераны 162
 эвакуация британцами 70
 Белая гвардия, белогвардейцы 11, 45,
 53, 127, 133, 150–152, 266, 284, 285
 белая идея 54
 Белград 45, 47, 49, 251
 Белградская стратегическая
 наступательная операция 54
 Белов, Серж 369
 Белоруссия, белорусы 16, 20, 23, 55, 60,
 64, 67, 77, 99–100, 113, 271, 286,
 314–315, 328, 367
 Бельгия 78, 329, 347
 Бенерацкий, Константин 344
 Бердников, Глеб 275, 282, 295, 296, 299
 Бердяев, Николай 49, 260
 Березовский, Иоанн, отец 276,
 442 (84)
- Берилко, Надежда 332, 333
 Берлин 45, 47–48, 95, 251
 Бершадский, Авель 172
 “беспорядки под красным флагом”
 (1919) 83, 300
 Биберфилд, Шепсель 475–476 (64)
 Бизли, Ким 509 (60)
 Бинецкий, Борис 302–303, 315, 321, 335,
 511 (85)
 Бинецкий, Георгий 159
 Бичевскис, Андрис 61, 64, 79, 236, 237,
 247, 254
 Бичевскис, Анна 236, 247
 благотворительные организации
 в Шанхае 163–164
 Богданова, Элеонора 433 (22)
 Богдановичи, Анна и Стефан 509 (61)
 Богомолов, Дмитрий 177
 Богородицкий собор, Шанхай 168
 Богут, Иван 67, 77–78, 229
 бойскауты *см.* скаутское движение
 Болгария 53, 259, 288
 Болдырев, Константин 74–75
 Бологов, Григорий 159, 163, 206,
 207, 211–214, 216, 218, 221, 267,
 478 (89)
 Болот, Джон 338
 больницы в Шанхае 164
 Большевицкая революция (1917) 9, 13,
 37, 44, 46, 83, 84, 119, 120, 158, 300
 Большой скачок (Китай) 200–201
 Большой террор (1937) 141–142
 Борзов, Н.В. 131–132
 Борин, Владимир 339
 Боришкевич, Феодор, отец 442 (84)
 браки 24, 25, 28, 32, 79, 126–127, 138,
 156–157, 197–198, 217, 236–239, 244,
 268, 352–353, 374, 391–394
 Брисбен 50, 83, 85, 134, 211, 249, 267,
 268, 272, 273, 278, 279, 285, 287,
 289, 290, 293, 294, 296, 300, 319,
 444 (10)
 Британская империя и страны
 Содружества, отношение к 216,
 291–292
 Бронский, Петр 332, 333
 БРЭМ *см.* Бюро по делам русских
 эмигрантов
 Букасов, Михаил 489 (18)
 Бурлин, Петр, генерал 161, 235, 291
 Буровников, Сергей 143, 485 (69)
 буряты 20, 101, 122

- Бухвостова, Елена 123, 126–127
 Бухвостова, Люся 444 (19)
 Бухвостова, Марианна 140
 Бюро по делам русских эмигрантов (БРЭМ) 33, 137–144, 147, 149, 150, 152, 153, 178, 191, 194
 Бюро расследования стран Содружества (CIS) 302, 312–313, 316, 336
 Бялогуский, Михаил 303–304, 313, 314, 321, 348, 364, 365, 371
 Вайнглас, Борис 475–476 (64)
 Вайнер, Белла 86, 304, 312, 314, 334, 396, 445 (22), 498 (27)
 Вакмут, Анатолий 484 (58)
 Васильев, Аркадий 316, 321, 337–338
 Васильев, Данила 88
 Ваулины, Игорь и Ирина 224
 Веймарская республика 48
 Венгрия, венгры 32, 94, 109, 222, 252, 330, 342, 382
 Веремеев, Александр 74, 295
 вермахт 15, 54, 55, 64, 70, 352, 354
 Верстак, Володя 170
 Вертинский, Александр 133, 181, 283
 Верховная комиссия по делам русских беженцев (Лиги Наций) 157
 Верцинский, Леонид 229, 238, 437 (28)
 Визенталь, Симон 70
 Виск, Эрвин (Эрвинг) 69, 360–362
 Виктор, епископ 168
 Винн, Майкл (ранее Мойше Вайнтрауб) 338
 Виноградов, Алекс 182
 Винокуров, Виктор 191, 195, 485 (69)
 Вирин, Георгий (Езерский) 62, 67, 234
 Витали-Иванов, Анатолий 338
 Витенсон, И. Н. 186, 187
 Виши, коллаборационистское правительство 53
 Власов, Андрей 57–59, 289, 352
 власовская армия (РОА), власовцы 15, 58–59, 63, 64, 73, 77, 251, 265, 267, 288, 289, 352, 379
 военнопленные 17, 43, 56–59, 65, 67, 81, 403, 437 (31), 437 (34)
 военные преступники 12–13, 61, 64, 68–69, 349–363, 379–380
 Волегов, Игнатий 123, 129
 Володар, Серж 324
 Володченко, Михаил 145–146, 458 (47)
 Володченко, Нина 119, 129
 Володченко, семья 223
 Вольф, Аркадий 318
 Вольф-Таскер, Алла 318
 Воняцкий, Анастасий 150
 Врангель, Петр, генерал 45, 163
 врачи в Австралии 253–255, 376
 Вржосек, семья 220
 Всемирная организация здравоохранения 220
 Всемирный совет церквей 234, 273, 404, 489 (21)
 Вторая мировая война 10, 11, 37, 39, 53–79, 85, 86, 91, 151, 173–188, 189, 203, 265, 278, 288, 289, 300
 Высшая музыкальная школа (Харбин) 135, 458 (50)
 Гаврилов, Константин 113–114
 газеты в Харбине 133
 Галлеган, Фредерик, генерал-майор 96, 99, 109, 347
 Галлетт, Генри (Джо) 103, 241, 341
 Ган, отец Ростислав 143, 191, 273, 277, 281, 485 (69)
 Гантимуров, Владимир, князь 119, 131, 202, 231, 250, 473 (40)
 Гапанович, Иван 161
 Гарвардский проект по изучению советского общественного строя 15–16, 301, 380
 Гартунг, Иван 129, 160, 223
 Гартунг, Игорь 223, 473 (40)
 Гартунги, семья 223
 Гвоздецкий, Василий 239, 313, 325, 331
 Гелен, генерал 436 (26)
 Георгиевич, Михаил, генерал 248, 255, 259, 289–290
 Германия, немцы 11, 15, 17–19, 43, 45, 48, 52–62, 64–65, 81, 82, 92, 95, 100, 107, 108, 151, 189, 238, 240, 256, 264, 265, 267, 269, 270, 288, 293, 357–359, 393, 408
 гимназия Христианского союза молодых людей (Харбин) 134, 458 (47)
 гимназия Оксаковской (Харбин) 133–134, 146
 Гинч, Глеб 243, 247, 475–476 (64)
 Гинч, семья 238, 242
 Гитлер, Адольф 54, 58, 89, 211, 288

- Гладышев, Иван 329
 Глебов, Фаддей (Федор) 155, 158, 159, 162, 163, 167, 180, 183, 206
 Гломб, Евгений 145
 Годаев, Алексей 50, 271–272, 367, 442 (84)
 Голубев, Николай Павлович 196, 254
 Голубев, Николай Платонович 277
 Гольдштейн, Анатолий 507–508 (44)
 Гоминьдан 161, 169, 173, 204, 283
 Гончаров, Иван 60
 Горбунова-Полянская, Алла 220
 Гордеев, Анатолий 305, 306, 319–335, 338, 348, 365, 366, 374, 500 (46), 502 (70, 76)
 городская жизнь в Австралии 244–245
 Гороховников, Николай 433 (22)
 Горская, П. И. 309
 Государственный университет политических наук (Тяньцзинь) 169
 Гражданская война в России 11, 37, 44–46, 85, 86, 119, 289
 Грачев, Анатолий 136, 139–140, 485 (69)
 Греческая православная церковь 21, 268, 276, 377, 407–408
 Гринхалг, Джордж Винсент 95–96
 Гришаев, Петр 270
 Гродеково (Пограничное) 117–118, 123, 151
 Гроссе, Виктор 162
 Гроссман, Атина 393
 ГРУ 365, 498 (29), 500 (46)
 группа православной молодежи имени Святого Владимира (Австралия) 280
 Грушевский, Петро 361, 362
 Гузенко, Игорь 364–365, 511 (86)
 Гунько, Валерий 196, 485 (69)
 Гуссенс, Юджин 256
 Давиденков, Юрий 87, 274, 282
 Давиденкова, Ирина 281–282
 Дайрен (Далаян, Дальний) 11, 151, 176, 193, 197–198
 Дамузи, Джой 245
 Данилов, Евгений 258
 Данос, Михаил 32–33, 35, 40
 “Даугавас Ванаги” 362
 Движение австралийских женщин против социализации 389
 “движение за новую жизнь” (Гоминьдан) 169
 дворянство русское 28, 50, 44, 46, 47, 76, 123, 128, 140, 143, 157, 160, 197–198, 202, 235, 250, 251, 256, 374, 377, 460 (66), 484 (57)
 дезертирство 57, 510 (80)
 Делагер, Ян (Иван) 367, 369
 демократическая лейбористская партия 389
 Деникин, Антон, генерал 88, 436 (23)
 День непримиримости 287, 289, 383
 депортация 26, 106–107, 197, 269, 324, 326, 333, 348–349, 353, 374, 507 (39), 511 (89)
 Дереза, Александр 289
 Дереза, Исидор 63, 66, 288, 289, 442 (84), 512 (95)
 Деркач, Елена 303
 Дернов, Леонид 229
 Дернова, Нина 229, 248
 дети иммигрантов 19, 22–23, 47, 50–54, 126, 135, 146, 166, 168–170, 187, 231, 232, 238, 242, 252, 274, 283, 378, 390, 392, 515 (29)
 джаз 119, 145, 172, 207, 224, 244, 257–258, 376
 Джеймс, Александр (Жемчужный) 89, 311, 338
 Джилонг 239, 247, 272 301
 Джойнт см. Американский еврейский объединенный распределительный комитет
 Джордж, Женни 307–308
 Джура, Тамара 139
 ли-пи см. перемещенные лица
 Диффердинг, Владимир 297, 299, 368, 383–385, 494 (79)
 Диффердинги, семья 385
 Дичбалис, Сигизмунд 27, 59, 64–67, 72, 79, 230, 241–242, 245
 Добровидовы, семья 223
 Долгорукая, Вера, княжна 377
 Долгоруковы, семья 250
 Дом Маркса (Сидней) 334
 Доманский, Юрий 77, 78, 244–245
 Домогацкий, Борис 61, 260, 283, 289, 293, 298
 Доннер, Андрей 27–28, 279
 Доннер, Николай 27–28, 75, 240, 278, 279, 285, 289
 Достоевский, Федор 48
 Драбкин, капитан 395
 Друри, Дж. Дж. 183–184

- Дуган, Николай 387
 Дукин, Александр 303, 313, 345, 511 (85)
 Дульшерс, Константин 288, 369
 Дьяконов, Коля 198–199
 Дэлзиел, Алан 371, 372
 Дягилев, Сергей 48
- евреи 86, 92, 93, 98, 103–107, 110,
 118, 119, 123, 126–127, 132, 134,
 138–142, 145, 160, 164–165, 170–171,
 185–187, 249–250, 265, 270, 302,
 304–305, 314, 337, 338, 341–343,
 347, 350–353, 361, 378, 408–409,
 432–433 (13), 446 (35), 447 (40),
 450 (70), 451 (75), 474 (46, 55),
 475–476 (64), 498 (27), 499 (34),
 519 (32), 519–520 (33) *см. также*
 антисемитизм
- Еврейский совет по борьбе с
 фашизмом и антисемитизмом
 (Сидней) 305, 316, 347, 350
- Еврейское движение за мир 305, 347
 еда
 в лагерях мигрантов 237
 на кораблях с мигрантами 232
- “Единение” (газета) 34, 36, 74, 253,
 260–262, 275, 289, 294–299, 369,
 383, 494 (76, 79)
- Емельянов, Роман 444 (18)
- Ермолаев, Лукьян 119, 129
- Ермолл, Серж (Ермолаев, Сергей) 119,
 145, 172, 244, 258, 283
- Ессенский, Константин 50, 442 (84)
- Жаботинский, Владимир (Зеев) 132
- Жернаков, Владимир 133–135, 139, 196,
 201, 460 (66)
- Жиганов, Владимир 157, 164, 171–173,
 183, 224
- жилье в Австралии 245–247, 391
- Жирыкова (Чупрова), Елена 209–210
- Жуков, Ромил 278, 279, 494 (79)
- Забайкальское войско 128, 456 (28)
- Зайцев, Виктор 313
- Закрочимский, Анатолий 280, 281
- западные украинцы 25, 31, 60, 64, 67,
 98, 263, 264, 269, 271, 379, 398,
 401–403
- Зарещкий, Матвей 119
- Заугра, Валентинс 369
- Захарченко, Александр и Алена 24–25
- Зезин, Сергей 285, 295–296, 297–298,
 491–492 (51), 494 (79)
- Зейзиг, Хейно 326
- Зеленский, Яков (Яша) 322, 323, 331
- Зубжицкий, Ежи 336–337
- Зузенко, Александр 84, 85, 87
- Иванов, Иван 326, 332, 333
- Иванов, Николай 184
- Иванов, Юрий 230, 243, 246
- Ивашков, Игорь *см.* Гэри Нэш
- Ивашковы, семья (семья Гэри Нэша)
 129, 134, 138, 146, 156, 171, 177, 203,
 218–219, 246, 252
- Ивлев, Яков 128
- Ивлева, Анна 274
- Ильин, Алекс 279, 318
- иммиграция 80–82, 91–107, 213–215,
 353–358 *см. также* мигранты
- Индустриальные рабочие мира
 (ИРМ) 83
- инженеры 195–196, 254–255, 376,
 485 (69)
- интеллектуалы, предубеждения
 австралийцев против 96–98
- интеллигенция, русская 28, 47–49,
 88, 89
- интернирование 91, 184–185, 203
- Иоанн, епископ 167–168, 180, 183, 187,
 206, 214, 221, 271
- “Иргун” (подпольная еврейская
 организация) 171
- Италия, итальянцы 11, 61, 307, 308, 310,
 345, 377, 381, 505 (9)
- Ициксон, Борис и Галина 140, 249
- Каганович, Лазарь 142
- Кадури, Гораций 186
- казаки 46, 54, 62–64, 66, 77, 85–86, 101,
 120–122, 127–129, 151–152, 155, 158,
 163, 170, 187, 206, 259, 267, 272–273,
 282, 287–289, 291, 369, 379, 445 (17,
 18), 459 (53)
- Казанская, Евгения 129, 460 (66)
- Казанский, Владимир 485 (69)
- Казахстан 26, 199
- Казачий дом (Шанхай) 163
- Казачий союз (Китай) 163, 170, 180,
 183, 206
- Казачья армия 267
- Калиновский, Петр 74, 253–254
- калмыки 20, 101, 102

- Кальныныш, Майра 114
 Камаралли, Савва 259
 Каменская, Евгения 438 (47)
 Канберра 82, 99, 102, 215, 238, 272, 303, 319, 320, 325, 364
 Каневский, Леонард 86–87, 445 (23)
 Капитула, Филип 69, 361, 362
 Капустин, Павел 326, 331
 Капустины, семья 331, 333
 Карасев, Александр 62, 259
 Карел, Анатолий 237
 Карпов, Василий 262
 Каспе, Иосиф 140
 Кастальский, В. Е. 484 (58)
 католики в Харбине 134
 католическая церковь 92, 377
 Кашенко, Наталья 79
 Квятковская, Елизавета 211
 Кейси, Ричард 291, 389
 Кемп, Дж. Б. 477 (74)
 Керенский, Александр 86–90, 286, 349
 Кёниг, Георгий 28
 Кингсли, Дональд 78, 232
 Кинкман, Валентина 28
 кинофильмы, советские 310–311, 318–319, 395
 Киреевский, Дмитрий (Мики Кэй) 145, 172, 223, 244, 257–258, 283, 458 (47)
 Киричук, отец 287
 Кисляков, Алексей 55, 79, 254
 Китай 11–12, 53, 76, 83, 85, 87, 90, 102, 154, 403
 Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) 11, 117, 118, 120, 125, 134, 137, 138, 141, 191
 Кишковский, Алексей 494 (79)
 Клодницкая, Августа 88, 89, 302, 311–313, 315, 321, 335, 338, 371, 498 (27), 503–504 (89), 504 (90), 511 (85)
 Клодницкий, Георгий 88, 89, 311, 313, 321, 371, 503–504 (89)
 Клуб русских эмигрантов (Шанхай) 163–164
 Клуб советских граждан / Советский клуб (Шанхай) 180–184
 Клуге, Константин, генерал 212–213
 Клуге, Ольга 476 (65)
 Клунс, Фрэнк 107
 Ключарев, Николай 232, 262
 Ключаревы, семья 76
 Кнагис, Владимир 327, 331–333, 501–502 (66)
 Коваленко, Николай 46, 238, 253, 299, 494 (79)
 Кожевников, Евгений (Юджин Хованс) 159, 172–173, 176, 205
 Козловский, Борис 208, 485 (69)
 Кокшаров, Вениамин 139, 195–196, 198, 458 (47)
 коллаборационизм 17–18, 30, 40, 44, 53–55, 57–58, 68–70, 109–114, 151–152, 174, 191, 205, 210, 345, 352, 359–361, 379–380, 436 (23), 475 (60), 507–508 (44), 509 (60), 510 (76)
 коллективизация 13
 Коломойцев, Леонид 255, 485 (69)
 Колуэлл, Артур 80–82, 92–97, 103–105, 112–113, 222, 232, 241, 256, 316, 341–342, 344, 350–356, 359, 408, 510 (76)
 Комар, Павел 60, 326, 331
 Комаров, Владимир 261, 333
 комиссия по делам перемещенных лиц (США) 111
 Комитет евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей 70
 Комитет русских беженцев 74
 коммунизм 83, 84, 86, 109–110, 300–303, 308–335, 336–349, 381 *см. также* антикоммунизм
 Коммунистическая партия Австралии (КПА) 83, 84, 88, 303, 311, 316–317, 334, 335, 338, 340, 363, 503–504 (89), 505 (10)
 Комсомол 196
 Конашенко, Евгений 473 (40)
 конгресс США 71, 218
 Коновец, Анатолий 170, 179, 213, 214, 224, 275, 278, 279, 282, 295–298, 301, 314, 315, 490 (35), 492 (54), 498 (27)
 Коновцы, семья 224
 Кононов, Иван, генерал 57, 58, 66, 288, 291, 369
 контрразведка 159
 Коренев, Борис 485 (69)
 Коренев, Федор 128
 Коринфский, Георгий 286–287
 Корнилов, Иван 433 (22)
 Королевская комиссия по шпионажу 339, 364, 371, 384–388, 511 (85)

- коррупция в Шанхае 204–205
 Косский, Соломон 86, 87, 338
 “Костровые братья” 131
 Косьмин, Владимир 147, 148, 179, 184
 Кошевская, Наталья 196, 198, 333–334
 Кошеские, семья 333, 334, 342–343
 Кошевский, Николай 176–177, 196, 333, 334
 КПА см. Коммунистическая партия Австралии
 Кравис (урожд. Кривилева), София 123, 139
 Кравченко, Виктор 349
 Красная армия 56–67
 Красный Крест 209, 375
 Кривилев, Миней 123, 129, 458 (47)
 Кривилев, Святослав 123, 485 (69)
 Кригер, Ричард 389
 Кристесен, Нина 31–32, 85, 87
 ксенофобия 103
 Куликов, Василий 283
 Культурная революция (Китай) 201
 Кунц, Эгон 248, 251–252, 400, 406
 Кучин, Вадим 485 (69)
 Кучина, Галина 123, 134, 190–191, 194–196, 199–201, 234, 246, 247, 255, 274, 471 (15)
 Кучины, семья 196, 199–201, 234, 246, 255

 лагеря 11, 18, 73–79, 93–95, 235–239, 259, 271–272, 343–344, 354–356, 447 (44), 489 (17)
 Батерст 236, 343
 Бонегилла 50, 232, 236–237, 239, 271, 343, 367
 Грейлендз 243
 Грета 236, 238
 Мёнхегоф 23, 24, 74–76, 244, 253, 261, 267, 278, 279, 285, 293, 295, 402, 494 (79)
 Нортем 344–345
 право на пребывание в 68–70, 77–78, 351–352
 советские 64, 72, 439 (47)
 Фишбек 74, 278
 Шейвилл 247
 Ламидей, Ноэль У. 104–105
 Латвия, латыши (латвийцы) 26–27, 29, 32, 56, 76, 94, 113, 222, 235, 239, 314–315, 319, 327, 333, 339, 345, 350, 356, 361, 369, 385, 433 (22) см. также прибалты-мигранты
 Латышский добровольческий легион СС 110–113
 Лах, Грегор (Михаил Колосов) 348–349
 Лебедев, Леонид 485 (69)
 Левин, Е. 186, 187
 лейбористская партия Австралии 103–104, 237, 240–241, 316, 356, 388, 389
 Ленин, Владимир 84, 312
 Лерх, Эгон Карл 352–353
 либеральная партия Австралии 383, 388, 389
 Лига ветеранов 91, 354, 355
 Лига Наций 44–45, 130, 157, 159
 Лига русских женщин (Шанхай) 163
 Лиенц, трагедия в (1945) 66, 267, 288
 Линь Бяо 193
 Липтон, Бертрам (урожд. Борис Лифшиц) 347
 Литва, литовцы 26, 27, 29, 56, 94, 125, 144–145, 222, 261, 286, 327, 332 см. также прибалты-мигранты
 литературная жизнь в Австралии 259–260 в Харбине 132–133 среди эмигрантов довоенной волны 48–49
 Лифанов, Николай 312, 371
 лица без гражданства 44, 72, 75, 99, 125–126, 156, 185, 378–379, 398–402, 409, 410, 517 (7)
 лицей Святого Николая (Шанхай) 146
 Ллойд, Ч. Э. М., генерал-майор 351
 Лободовский, Александр 484 (58)
 Лори, Б. К. 215–216, 270, 477 (74)
 Лундстрем, Олег 207
 Лупич, отец Иоанн 60–61
 Лэнг, Джек 95, 222, 344, 351
 Любимов, Александр 338

 Магазин русской книги Виктора Камкина 171
 Магид, Исидор 250
 Мазюк, Владимир 249
 Майер, Сидни 87
 Макаров, Семен 313
 Макбрайд, Филип 482 (35)
 Макеева, Тамара 240
 “Маккаби”, спортивная организация (Харбин) 132
 Макклеланд, Джим 307, 497 (16)

- Макманус, сенатор 510 (76)
 Макса-Клатта шпионская сеть (абвера) 53
 Максимов, полковник 32, 87, 90
 Максимова, Нина *см.* Кристесен, Нина
 Маньчжоу-го 33–34, 136, 141, 144, 150, 152
 Маньчжурия 11, 30, 33, 86, 90, 117–118, 121, 122, 128, 129, 130, 134, 136, 138, 139, 141–143, 145, 146, 151–155, 166, 174, 189–198, 203, 207, 266, 462 (1)
 Маркова, Галина (позже Гали Плисовская) 60
 Мартос, Афанасий, архиепископ 61, 66, 72, 76–77
 Марфутенко, Георгий 79, 322–323, 325, 331, 335
 Марфутенко, Филипп 61
 Маслова, Элла 123, 182, 184–185, 208, 378
 Масловы, семья 123, 184–185, 208
 масоны 131, 134, 188, 260
 массового переселения программа 11, 82, 93–94, 100, 103–105, 112, 114, 397, 399–402, 404, 443 (7) в статистике 400, 404
 Матковский, Михаил 139, 143, 147, 149, 150, 153, 191
 МВД 366, 498 (29), 500 (46)
 МГБ 364, 386, 498 (29)
 Медем, Алексей, барон 160
 Меди, Николай 122, 125, 135, 145, 149–150, 260
 Международная организация по делам беженцев *см.* IRO
 Международное поселение (Маньчжурия) 174, 176, 184–186
 Мельбурн 34, 87, 88, 102, 211, 237, 238, 244–247, 250, 257, 259, 260, 267, 268, 272, 276, 278–280, 285, 287–290, 293, 294, 298, 316, 318, 319, 321–322, 325, 328, 337, 362, 366, 367, 373, 376
 Мельникова, Наталья 35, 136, 140, 197, 261–262, 281
 Мензис, Роберт 327
 Мензиса правительство 334, 357, 358, 370, 388
 Мефодий, архиепископ 130, 444 (17)
 Мещлер, Карл 162, 184, 188, 469 (77)
 Мещерская, Надежда, княжна 235
 Мещерские, семья 250
 мигранты 9–10, 12–14, 28–30, 33, 72–74, 80–98, 100, 213–221, 233, 235–239, 243, 249–250, 271–272, 303–304, 343–344, 357–359, 398–411, 431 (1), 443 (9), 447 (44), 489 (17) *см. также:* иммиграция, прибалты-мигранты
 Миллхаус, Эрик 354
 министерство иммиграции Австралии 99–105, 215–216, 342, 343, 349–350, 397–398, 403, 408, 410
 Мирошник, Анатолий 256
 Михеев, Владимир 313
 модернизм 48–49
 Мокрас, Лидия 303–304, 321, 345, 348, 371–372
 Мокрый, Александр 46
 Мокрый, Ефим 285
 молодежные организации 165 *см. также* скаутское движение в Австралии 278–281 в Харбине 131–132
 Молотова — Риббентропа пакт 67
 монархизм в Австралии 143–144, 285, 286, 383, 491–492 (51), 492 (54) среди белых русских 49–50 среди русских эмигрантов 48, 51
 Морозова, Людмила 458 (50)
 Москвитин, Василий *см.* Томский, Василий
 Московский патриархат 22, 194, 206–207, 266, 276, 277, 368, 456–457 (36), 512 (95)
 Мостин, Сэм 334, 445 (22)
 Мошинские, семья 123, 157, 234
 Мошинский, Натан 234, 378
 Мошинский, Сэм 157, 160, 168, 170–171, 182, 185, 211, 243–244, 378
 Мошинский, Шлёма (Соломон) 160
 музыка в Австралии 256–259, 376, 395, 458 (50), 485–486 (72) в Харбине 132–133, 135, 139, 141, 195 в Шанхае 171, 172
 Муратиди, Кузьма 26, 324, 335
 Муратов, Ибрагим 223
 Мусин-Пушкин, Алексей 235, 250
 Мусин-Пушкин, Роман 235, 250, 251
 Мустафин, Мухамеджан 122
 Мустафина, Мара 35, 119, 122, 125–126, 142, 146, 190, 196, 199, 200, 281
 Мустафины, семья 119, 146, 190, 196, 199, 200

- Муценко, Клавдия 139, 248, 460 (66)
 Мюнхен 50, 51, 270, 279
- Набоков, Владимир 48
- Нансеновская международная организация по делам беженцев 44
- Народно-трудовой союз (НТС) 51–53, 55, 68, 72–75, 90, 170, 179, 214, 233, 253, 260–261, 263–264, 274–275, 278, 282, 286, 289, 293–299, 363, 369, 391, 436 (26), 494 (76, 79)
- Наталенко, Борис 327
- Наталенко, Лилия 62
- Натаров, Михаил 152
- Натинг, Георгий (Юрий) 160, 230
- Натинги, семья 160
- национализация промышленности 198
- национализм 263, 300
- национальность и национальная принадлежность 28–30, 72–74, 92, 98–106, 222, 233, 240, 267, 303–304, 343, 355–356, 399–402, 406–407, 411, 433 (22), 449 (61)
- нацисты
- запрет на въезд в Австралию 346, 355, 509 (60)
 - отношение ASIO к 349–363
 - пособники 53–55, 57–59, 68–70, 109–114, 345, 352, 359–361, 378–379, 436 (23), 507–508 (44), 509 (60), 510 (76)
 - русские эмигранты в Германии 51–55
- “Наш путь” (газета) 133, 149, 152, 179, 186, 188, 191
- Некрасов, Георгий 46, 74
- Нельсон, Сэм 340
- Нестеров, Игорь 168, 169, 284
- Нестеровская, Елена 326, 331–333
- Нестор, Мария 309, 312, 335, 504 (90)
- Нестор, митрополит 190, 194, 471 (14)
- Николаюк, Георгий (Юрий) 252
- Николаюк, Иван 38, 47, 76, 244, 247, 255, 262
- Николаюк, семья 22–24, 245, 310
- Николаюк, Ядвига 244, 248, 274
- НКВД 348, 372, 498 (29)
- Новиков, Михаил, 203
- Новиков, Николай 144, 145, 387, 515 (22)
- Нойман, Ольга 79, 303, 306, 345
- НОРР (Национальная организация русских разведчиков) 169–170
- НОРС (Национальная организация русских скаутов) 76, 170, 278–280
- Носар, Мстислав 196, 198, 485 (69)
- Носов, Федор 304, 313
- НТС *см.* Народно-трудовой союз
- Нэш, Гэри (Игорь Ивашков) 129, 134, 138, 146, 156, 161, 168, 171, 177, 197, 203, 213, 218, 246, 252, 284, 312
- Нэш, семья *см.* Ивашковы, семья
- образование
- в Австралии 252–253
 - в Мёнхегофе 75
 - в Харбине 133–135, 146, 196
 - в Шанхае 168–169
 - среди эмигрантов 47
- Общеказачий антикоммунистический центр 291
- Общество австралийско-советской дружбы 316–317, 319, 396
- Общество по культурным связям с заграницей (ВОКС) 317
- Общество помощи еврейским иммигрантам *см.* ХИАС
- Общество советских граждан 144, 193
- Объединение русских эмигрантов (Шанхай) 211–212
- Оглезнев, Анатолий 164, 223, 254
- Озольт (Озолиныш), Карлис 356, 361, 362
- оккупационные зоны 68
- Оникул, Гита 119
- Оникулы, семья 119, 142, 200
- Организация объединенных наций (ООН) 103
- ОРИОР (Организация российских юных разведчиков) 76, 279, 441–442 (83)
- Осипов, Евгений 433 (22)
- остарбайтеры 17–18, 43, 59–60, 63–64, 66–67, 256, 269, 274, 393, 403
- Остминистериум 436 (26)
- Островский, Александр 367
- Островский, Радослав 61
- отношение австралийцев к иммигрантам 241–243
- “отряд Асано” (Япония) 152, 191
- Офицерское собрание (Шанхай) 163
- Павлов, Дмитрий 319, 321, 332, 500 (46)
- Павлов, Николай *см.* Алферчик, Николай

- Павлова, Анна 282
 Пакт о нейтралитете между СССР
 и Японией (1941) 151
 Панская, Людмила 197–198
 Париж 45, 49, 52, 53, 137, 251, 280
 паспорта
 нансеновские 44, 69, 106, 399, 400
 советские 125–126, 140–142, 144,
 146, 181, 197, 207, 208, 210, 222, 303,
 471 (12)
 Пастухин, Е. Н. 178–179
 Пахомов, Иван 313, 318
 Пейсахович, Северин 107, 304–305,
 314, 347
 Первая мировая война 22, 83, 86, 155, 259
 перебежчики 57
 перемещенные лица 9, 12, 43–79, 96,
 441 (70)
 Перекрестов, Олег 253, 261, 295, 296,
 298, 367, 369, 494 (79)
 перепиis населения 21, 404–410,
 443 (9), 518 (21)
 Перт 243, 246, 272, 285–286, 319
 Петайхо пляж (Китай) 171
 Петров, Владимир 144, 303–304, 313, 314,
 319, 321, 323–324, 328, 335, 339, 348,
 364–366, 370–372, 374–375, 384–389,
 500 (46), 502 (70), 511 (85)
 Петрова, Евдокия 364, 384–386, 388
 Петропуло, Георгий 299, 383–385,
 494 (79)
 Петунин, Иван 255, 259
 Пикар, Аркадий 122, 158, 172, 223
 Пикар, Валентина 223
 Платкайс, Янис 321, 386
 Плеханов, Михаил 170, 213, 278–280,
 478 (92)
 Плешаков, В. Н. 491 (46)
 Погодин, Алексей 139, 142, 459 (50),
 485 (72)
 Погодин, Геннадий 139, 142, 458 (50),
 485–486 (72)
 Покровский, Николай 139, 193
 Политов, Вениамин 504 (90)
 Польша, поляки 11, 22, 24–25, 45, 53, 57,
 69, 71, 72, 81, 92, 94, 99, 106–108,
 113, 118, 222, 240, 269, 274, 286, 304,
 306, 314, 330, 333, 343, 377–379, 402,
 408, 409
 польские евреи 106–107, 186,
 270, 338
 Понграц, Франциш, граф 382
 Понсфорд, Ф. У. К. 477 (74)
 Понькины, семья 217
 Попов, Иван, полковник 285
 Поремский, Владимир 293
 поручительство 375
 “Посев” (журнал) 214, 246, 261, 294, 296,
 297, 329
 “Посев” (издательство) 75
 посольство СССР в Австралии 303, 310,
 312, 313, 319, 320, 327, 328, 335, 364
 Православная церковь см.: Греческая
 православная церковь, Русская
 православная церковь Сербская
 православная церковь
 Православный богословский
 институт (Париж) 47
 правые активисты 51–52
 Прага 45, 47, 48, 52, 59
 преступность
 в Харбине 138, 140–141, 145
 в Шанхае 159–160, 175
 прибалты-мигранты 26–28, 60–61, 67, 92,
 97–98, 110–114, 222, 233, 239, 241, 252,
 256, 270, 326, 327, 333, 343, 350, 397
 принудительный труд см.
 осарбайтеры
 Прокопович, Наталья 197, 200
 Прокопович, Николай 123
 Прокофьев, А. 176, 180
 Пронины, Алекс и Ольга 223
 пропаганда см. Народно-трудовой
 союз
 просоветская деятельность 300–335
 проституция 130, 159–160
 Протопопов, Михаил, полковник 63,
 66, 68
 Протопопов, Николай 292
 Профсоюз музыкантов (Австралии)
 256–258, 485–486 (72)
 профсоюзы 81, 95, 240–241, 308, 350,
 373, 482 (33)
 психические расстройства 220, 327–328,
 365, 477–478 (84), 501–502 (66)
 Пулковник, Уолтер 249
 Путилин, Сергей 442 (84)
 Пууранд, Вернер 341, 342, 370
 Пушкин, Александр 48, 56
 Радзевич, Всеволод 61
 Раев, Марк 49, 51
 Раевский, архиепископ Савва см.
 Савва (Раевский), архиепископ

- Ражев, Сергей 149, 191–192, 201, 287, 470–471 (7)
 разведывательные службы 52–53
 см. также ASIO, шпионаж
 советские шпионы, реальные
 и подозреваемые 89, 107–108, 145, 339–340, 348–349, 363–372, 381–383, 442 (85)
 разрешения на высадку 342, 344, 346, 399, 400, 516 (5)
 Раменская, Людмила 195, 201–202
 Рафальский, архиепископ Феодор
 см. Феодор (Рафальский), архиепископ
 Ребиков, Сергей 433 (22)
 реваншизм 52–53
 Редлих, Вера фон 295
 репатриация в СССР 43–44, 71, 266, 269, 397
 в статистике 401–402, 437 (30)
 Гордеев 305, 306, 319–335, 348, 365, 366, 374, 500 (46), 502 (70, 76)
 из Австралии 39, 305, 319–335, 364–369, 374–375, 502–503 (78)
 из Европы 14–18, 63–66, 434 (1), 439 (47)
 из Китая 16–17, 137, 141–142, 198–200, 207–208
 из Шанхая 181–182, 207–208, 468 (69, 71), 474 (55)
 как источник шпионов 364–367
 принудительная 16, 64–66, 267
 советская политика 12–13, 319–321
 Репин, Иван 87–88, 257, 309–310
 Ривкин, Рене 250
 Рига 27, 49
 Рогожин, Анатолий 64
 Роджерс, Джон 317–318, 321–322
 Роджерс, Л. Б. 477 (74)
 Родзаевский, Константин 135, 143, 146–147, 149, 150, 153, 179, 192, 461 (75)
 Рождественский, Иван 91, 150
 Рожнатовская, Ираида 149, 201, 287
 Розенберг, Альфред 436 (26)
 Роуз, Джулиан 350
 Русская консерватория (Париж) 47
 Русская монархистская организация (Сидней) 492 (54, 55)
 Русская освободительная армия (РОА) 58–59 *см. также*
 власовская армия, власовцы
 “Русская правда” (газета) 286
 Русская духовная миссия в Пекине 166–167
 Русская православная церковь 20–22, 49–50, 92, 127, 130, 166–168, 194, 206–207, 263–266, 271–274, 279, 280, 287, 368, 377, 407–408, 442 (84), 456–457 (36), 488 (14), 489 (17), 512 (95)
 Русская православная церковь за границей (РПЦЗ) 22, 50, 73, 74, 76, 130, 166, 168, 206, 266, 268–269, 271, 275–277
 Русская фашистская партия (Китай) 30, 131, 139, 148–153, 177–180, 191, 266, 286, 287, 379
 русская эмиграция, довоенная *см.* эмигранты первой волны
 “Русские в Шанхае” (Жиганов) 157, 164, 172, 173, 183
 русские, определение 20–30, 35, 38–39
 Русский антикоммунистический центр 61, 283, 290–292, 384, 385
 “Русский в Австралии” (журнал) 262
 Русский дом (Сидней) 258, 279, 281–283, 290, 292, 310, 314, 491 (46)
 Русский клуб (Сидней) 87, 168, 169, 223, 257, 258
 Русский клуб (Харбин) 147
 Русский корпус 54, 64, 70, 77, 112, 264, 267, 289, 291, 352, 379
 Русский монархистский союз в Австралии 290
 Русский общевоинский союз 45, 53, 162–163
 Русский общественный клуб (Мельбурн) 316, 334–335
 Русский общественный клуб (Сидней) 86, 257, 282, 290, 298, 302–304, 309–319, 321–323, 347, 348, 367, 380–381, 384–386, 395–396, 498 (27), 499 (34), 511 (85)
 Русский фашистский союз 176, 445 (32)
 Русский эмигрантский комитет (Шанхай) 162, 165, 179, 182–184, 186–188, 206, 207, 475 (63)
 русский язык как родной / язык общения 12, 38, 124, 190, 222, 304, 314–316, 392
 Русско-китайская школа для подготовки специалистов-железнодорожников 134

- Русско-японская война (1904) 119
 Русское благотворительное общество имени преподобного Сергия Радонежского 273
 Рязановский, Валентин 135
- Саблер, Алексей фон 28
 Савва, Лидия 142, 210, 248, 315–316, 499 (36)
 Савва (Раевский), архиепископ 77, 276–277, 280, 290
 Савва, семья 142
 Савицкие, семья 129
 Савицкий, Казимир 119, 129, 149, 460 (66), 485 (69)
 Садовников, Валентин 313, 319, 321, 387, 500 (46)
 Сальников, Григорий 106, 318, 329–330, 332, 500 (44), 502–503 (78)
 сахарные плантации 239
 Светлов, Николай 181, 184
 Святин, Виктор, архиепископ 206–207
 Святого Людовика колледж (Тяньцзинь) 168
 Северный Маньчжурский университет 146
 Сейфуллин, Леонид 155, 157, 158, 163, 168
 Сейфуллина (позже Татаринова), Наталья 168–170, 217, 222–224
 Сейфуллины, семья 157
 сексуальные нравы 232–233, 391–394, 516 (31)
 Селенич, Лоренц 18, 59, 64, 247
 Селенич, семья 239, 301
 Семенов, Вячеслав 177
 Семенов, Григорий, атаман 119–120, 122, 142, 147, 151–152, 155, 157, 177, 192, 287–288
 Семенова (позже Явцева), Елизавета 192
 Сербия, сербы *см.* Югославия
 Сербская православная церковь 21–22, 268, 377, 408
 Сергеев, Артем 84
 Сергий, Виктор 458 (50)
 Серебряный век 48, 195
 Сидней 26, 35–36, 84, 87, 102, 134, 211, 234, 244–247, 249–251, 254, 260, 267, 268, 272, 273, 278–284, 287, 289–290, 292–298, 309–316, 319, 322, 325, 327, 338, 373, 378
- Силенто, Рафаэль, сэр 65
 Симеон, епископ 166, 167
 Симонов, Петр 84, 87
 сионизм 170
 Сицкие, семья 160–161
 Сицкий, Ларри 160–161, 168, 171
 скаутское движение 50–51, 75, 76, 131, 164, 169–171, 187, 213, 278–280, 441–442 (83), 490 (35)
 Скорнякова, Зинаида 139
 Скорняковы, семья 201
 Слуцкая, Елена 171
 “Смена вех”, сменовеховцы 133
 Смерш 67, 68, 191–193, 195
 Смолянинов, Игорь 283, 284
 Снежные горы (Австралия), гидро-электростанция 239, 240, 254
 Соболич, Валентина 259–260
 Собор Святой Софии (Харбин) 130
 Совет объединенных русских организаций (СОРО) (Шанхай) 162, 165
 Совет русской общины (Сидней) 290
 советская оккупация Маньчжурии 189–202, 472 (12)
 советские агенты *см. также* шпионаж
 Гордеев 305, 306, 319–335, 348, 365, 374, 500 (46), 502 (70, 76)
 Петров 303–304, 313, 314, 319, 321, 323–324, 328, 335, 339, 348, 364–366, 370–372, 374–375, 384–389, 500 (46), 502 (70), 511 (85)
 Советский Союз 16, 20–21, 88, 89, 95, 101, 109, 151–153, 154, 158–159, 175, 177–178, 180–183, 187–188, 189, 192–193, 200, 206, 207, 241–242, 264, 269, 296, 300–301, 306, 308, 360
 Совещательный совет стран Содружества 357, 358, 505 (10)
 солидаризм *см.* Народно-трудовой союз (НТС)
 Соловьевы, Катя и Валерия 223
 Соломе, Александр 240
 Солоневич, Иван 491–492 (51)
 социализм и социалисты 18, 47–48, 109, 300–301, 306–308 *см. также* коммунизм
 социальный статус, в дореволюционной России 143–144, 460 (66)

- Союз бывших кадетов императорских военных училищ 290
- Союз бывших офицеров императорского флота 267, 290
- Союз военнослужащих (Шанхай) 162
- Союз возвращенцев (Шанхай) 181, 184
- Союз воинов освободительного движения 288
- Союз мушкетеров (Харбин) 131, 250
- Союз русских рабочих 83–84
- Союз русских эмигрантов 83–84
- Союз фашистских крошек 150
- Союз хранителей священной памяти императора Николая II 290
- Спасовский, Михаил 51, 179–180, 186–187, 205, 224, 286, 467 (64)
- Специальный индекс иностранцев 345–346, 506 (26)
- Спрай, полковник 346, 358, 359, 363, 365, 372, 505 (10)
- СССР *см.* Советский Союз
- ссылные 83, 444 (10)
- Сталин, Иосиф 17, 56, 59, 63, 72, 84, 191, 192, 312, 390
- Станкус, Альфонсас 327, 332
- Старк, адмирал 155, 163
- староверы 123
- статистические данные 397–411
- Стефани, Мария 258
- Стори, сэр Джон 358
- Стравинский, Игорь 48
- Стратфилд, собор в 272, 280, 281, 489 (18)
- Стрит, Джесси 309, 312
- Сусемиль, Игорь 55, 69, 276, 368
- Сухатин, Павел 217
- Сухов, Владимир 134, 485 (69)
- Тарасов, Леонид 127, 129
- Тарасовы, семья 124, 161, 197, 198, 201, 202, 208 *см. также* Ивашковы
- ТАСС 313, 318
- Татаринова, Наталья *см.* Сейфуллина, Наталья
- татары 20, 101, 102, 118, 122, 130, 165, 222, 319
- Теппер, Борис 458 (50), 485–486 (72)
- Тербейн, Кит 349, 370
- Тихон, патриарх 166
- Ткоа, Йосеф (урожденный Иосиф Тукочинский) 465 (41)
- Токмаков, Александр 444 (19)
- Толстая, Александра 218, 473–474 (45)
- Толстов, Владимир 85, 91
- Толстовский фонд 70–71, 204, 218, 473–474 (45)
- Томский, Василий (Василий Москвитин) 132, 145, 172, 258, 283
- Тонди, Эвальд 257
- Транссибирская железнодорожная магистраль 117
- Трахтенберг, Владимир 135, 141, 145, 485–486 (72)
- Трахтенберг, Дмитрий 125
- Трескин, Никифор 284
- Трескина, Лариса 222–223
- Трехречье (Китай) 128–129
- Тригунов, Гарри 160, 175, 250
- Тригуновы, семья 160, 175–176, 185, 250
- Триттон, Нелли 89–90
- Трушнович, Александр 55
- Тубабао 206, 207, 209, 210, 211–225, 230, 246, 254, 257, 267, 271, 278, 296
- Туркул, Антон, князь 53
- Тяньцзинь, Китай 11, 88, 89, 146, 154, 156, 160, 161, 165, 168–171, 173, 176, 178–179, 185, 189, 192, 202, 203, 212, 214, 245, 250, 267, 277
- Углицкие, семья 326
- удостоверения личности 28–30, 72, 98
- украинцы 16, 20, 21, 23–26, 28, 43, 56, 69, 94, 98–99, 108, 113, 187, 222, 252, 259, 269, 286, 304, 314–315, 319, 322, 323, 325, 330–333, 343, 361, 362, 389–390, 397, 398–403, 405–407, 410, 432–433 (13), 437 (30), 518 (25)
- университеты 47, 133–135, 169, 252, 253
- Уорд, Эдди 358
- Уотен, Иуда 86
- Упеник, Владимир 484 (58)
- Упмалис, Арвидс 361, 362
- Управление по делам русских эмигрантов 51
- условия жизни в Австралии 235–239, 245–247
- условия труда в Австралии 324–326, 376–377
- усташи 54
- Устрялов, Николай 133, 134, 135
- Усыкин, Борис 172, 258
- Ухтомская, Ольга, княжна 133, 150, 195

- Ухтомский, Георгий, князь 120, 122, 130,
133–134, 140, 145, 150, 158, 202, 222,
249, 250
- Ухтомский, Николай 222
- Уэнтуорт, Билл 291–292, 389
- фабричная работа 247–248
- фальшивые документы 29, 61, 65, 68,
72, 77, 230, 342, 370, 382, 449 (61)
- Фаундиллер, Иосиф и Фаня 106
- фашизм 52, 90–94, 131, 133, 135, 136,
142–143, 146–153, 177–180, 183,
186–188, 191–192, 270, 359–360,
380, 445 (32), 461 (75) *см. также*
нацисты
отношение ASIO к 346, 349–363
Союз фашистских крошек 150
- Федерация горняков 241
- Федерация рабочих-строителей 350
- Федоровская (позже Храмцова),
Лидия 47
- Федотов, Георгий 49
- Федуленко, Валентин 159
- Феодор (Рафальский), архиепископ 61,
269–272, 276, 277, 282, 442 (84)
- фермеры 248
- физический труд 94–98, 239–242,
247–248, 324–326, 447 (44)
- Филатов, отец Алексей 273–274, 442 (84)
- Филатьева, Вера 297
- Филипины *см.* Тубабар
- Фицер, Александр 347–348
- Фицер, Исаак 302, 341, 347, 496 (7)
- Фицер, Натан 89, 90, 144–145, 302, 307,
347, 496 (7)
- Фицер, Нора 307, 497 (16)
- Фишман, Сэм 107, 270, 341
- фольксдойче 69, 357
- Фомин, Николай, капитан 155, 158, 160,
162, 163, 180, 286, 290–292, 383,
484 (58), 492 (55)
- Фонд ревнителей священной памяти
царя-мученика Николая II 287,
492 (58)
- Франция 45, 49, 53, 104, 329, 330
- Французский муниципальный
колледж (Шанхай) 168
- Французский университет “Аврора”
(Шанхай) 169
- Френкель, Авраам 337
- Фриденберге, Андрис (Эндрю) 235,
386–387
- Фримантл 234, 341, 373
- Фрэнсис, Джозайя 370
- “Ха-Коах”, клуб 314
- Хайлар 117, 119, 129, 142, 190, 191, 199,
234, 277
- Халафов, Константин 46, 47, 50–54, 78,
254, 278
- Халафова, Ирина 46, 47, 50–54, 76, 78,
229, 254–255, 278
- Халафовы, семья 509 (61)
- Халхин-Гол, бои на (1939) 152
- Хань, доктор Л. М. 220
- Харбин, белые русские 11, 19–20, 45–47,
117–130, 154
- “Харбинская операция” (1937) 142
- Харбинский политехнический
институт 134–135, 139, 143, 146,
149, 195–197, 213, 255, 376
- Харбинское общественное коммерче-
ское училище (ХОКУ) 134
- Харьков, Николай 223, 245, 291, 370,
384–389, 484 (58)
- Харьковы, семья 223–224, 245
- Хейлен, Лес 80–81, 114, 356, 359, 371
- Хейс, Тасман 105, 346, 350, 359
- Хершо, Огден, полковник 341–342
- ХИАС (*Hebrew Immigrant Aid Soci-
ety* — Общество помощи еврей-
ским иммигрантам) 105, 204, 352
- Химин, Павел 237
- Хионин, Алексей 143, 460 (66)
- Хитрова, Лидия 144
- Хлопов, Мстислав 326
- Ходунов, Флавий 27
- Холиан, Анна 73
- холодная война 10, 12, 13, 18, 44, 95, 316,
321, 336–372
- Холт, Гарольд 240, 241, 256, 334, 348,
356–358, 389
- Хорватия, хорваты *см.* Югославия
- Хотимский, Константин 88
- Хохлов, Николай 282–284, 491 (46)
- целина, программа освоения 199, 201
- церковь *см.* Русская православная
церковь
- Цзян (Чан) Цзинго 204–205
- Циммерман, Сергей 485 (69)
- Циндао (Китай) 127, 171
- Цуманенко, Иван, генерал 145,
163–164, 179, 184

- Чан Кайши 155, 158, 161, 173, 202, 204, 235
- Черепанов, Всеволод 302
- Черепанова, Нина 193, 211
- Черепановы, семья 193
- Черновы, семья 153
- черный рынок в Шанхае 205
- Чехословакия 45, 53, 69, 94, 222, 252
- Чжан Цзолинь 127
- Чибуновский, Алексей, лейтенант 182–183
- Чижова, Таня 25
- Чифли, Бен 80, 81, 352
- Чостяков, Сеня 310, 312
- “Чужой сын” (Уотен) 86
- Чумаков, Константин 484 (58)
- Чураевка (поэтический кружок), Харбин 133, 181
- “Чурин и Ко” 138–139, 231
- Чуркин, Михаил 169, 249, 284
- Шабашев, Александр 444 (17)
- Шадко-Басилевич, отец Александр 442 (84)
- Шаляпин, Федор 133, 186
- Шамшури, Дмитрий 119, 127, 211
- Шамшурины, семья 211
- Шанхай
 ассоциация ашкеназской еврейской общины 165
 битва при Ш. (1937) 174
 военная полиция 161
 городской совет 158
 еврейская школа 168
 еврейские беженцы в 185–186
 еврейский клуб 165, 183
 жизнь в 154–188
 Казачий союз 163, 170, 180, 183, 206
 муниципальная полиция 156–159, 164, 165, 174–178, 180, 184, 203, 209
 национальная консерватория 172
 нравы 393–394
 русские школы 168
 русское население 11–12, 155–157, 162–173
 Французская концессия 48, 159, 160, 163, 168, 174, 177, 178, 184–186, 213
 японская оккупация 173–188
- Шанхайский добровольческий корпус 127, 158
- шандунская армия (Китай) 131
- Шаревич-Оглезнева, Евгения 223
- Шаулинскас, Йонас 326, 331
- Швенглер, Леонид 494 (79)
- Шевелев, Евгений 26, 79, 331–333
- Шевченко, Иван 122
- Шеламанова, Антонина 122
- Шинкевич, Вячеслав 323
- школы
 в Австралии 252
 в Харбине 133–134, 146, 196–197
 в Шанхае 168–169
 русскоязычные в Австралии 280–281
 учредаются в центрах русской эмиграции 47
- Шницер, Эрнест 57
- шпионаж 151
 белые русские 52–53
 в Австралии 339–340, 363–372, 511 (86)
 в лагерях ди-пи 107–108
 в Харбине 191–193
 в Шанхае 158–159, 176–177
 советский 89, 107–108, 145, 339–340, 349, 363–372, 382–383, 442 (85)
 страх мигрантов перед 336–337, 383
 японцы в Харбине 138–146
- шпионы см. шпионаж
- Штрик-Штрикфельдт, Вильфрид 58
- Штумпф, доктор 489 (21)
- Щеглова, Тамара 74
- Щукина, Параскева 139
- Эватт, доктор 272, 371, 388
- Эвианская конференция (1938) 92
- Эколь Реми, французская школа (Шанхай) 168
- Эллис, Чарльз 52
- эмигранты первой волны 44–53, 99–100, 515 (29)
 в статистике 45, 440 (65)
- Эртс, Генри Г. 301
- Эстония, эстонцы 26, 27, 56, 94, 222, 326, 339–342, 345, 360, 370
- Югославия 11, 21, 45, 51, 53–54, 69, 71, 72, 74, 81, 94, 240, 248, 268, 278, 288, 324, 367, 377, 379, 408
- юридический факультет Харбинского университета 135, 146, 147
- Ющенко, Евгений 62, 74

Явцев, Василий 295
 Явцев, Николай Михайлович 192
 Ялтинская конференция соглашение
 о перемещенных лицах 65, 67
 Ялынычев, Николай 366, 502–503 (78)
 Янковская, Лидия 79
 Янковский, отец Владимир 51, 77,
 272, 368
 Янович, Ольга *см.* Нойман, Ольга
 Японо-китайская война 173–188
 японцы
 в Маньчжурии 129
 в Харбине 135–153
 в Шанхае 173–188
 отношения с русскими
 фашистами 147, 150–153, 462 (86)
 Яров, Сергей 259, 282
 Ястребов, Михаил 485 (69)
 Ястребова, Лидия 211, 249
 Яценко, Василий 90, 261

ASIO

осведомители 315, 317, 344,
 368–370, 383
 связи с НТС 297
 реакция на коммунизм 254,
 300–305, 310–311, 317, 318, 332,
 334–335, 336–349
 реакция на нацизм 349–363
 русские шпионы 363–372

IRO (International Refugee
 Organization), Международная
 организация по делам беженцев
 безопасность 108–109
 в Шанхае 203, 209
 зависимость от США 71
 еврейские беженцы 104–105
 и репатриация 71, 81
 ответственность за ди-пи 43–44
 политика по отношению
 к коллаборационистам 77–78,
 110–112
 политика по отношению
 к нацистам 351–352, 362
 положение белых русских 69–70,
 78–79, 99–100
 разработка программы
 массового переселения 11
 статистические данные,
 собранные 397–398
 украинские ди-пи 403
 условия в лагерях ди-пи 19
 членство Австралии в 81–82,
 92–94, 96
 эвакуация из Шанхая 211–215,
 217–221, 231–233, 245, 273, 403–404
 People (журнал) 251
 UNRRA *см.* Администрация помощи
 и восстановления Объединенных
 Наций (UNRRA)

CORPUS 791

Научно-популярное издание

Шейла
Фицпатрик
**Белые русские —
красная угроза?**

**История русской
эмиграции в Австралии**

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редактор АЛЕКСАНДРА ЛАВРЕНОВА

Ответственный за выпуск ОЛЬГА ЭНРАЙТ

Технический редактор ТАТЬЯНА ПОЛОНСКАЯ

Корректоры ЕЛЕНА ДУБИНИНА, ЛИЛИЯ ШУЛЬСКАЯ

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

Общероссийский классификатор продукции

ОК-034-2014 (КПЕС 2008);

58.11.1 — книги, брошюры печатные

Подписано в печать 18.09.2023. Формат 60 × 90 1/16

Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*

Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0

Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

Произведено в Российской Федерации в 2023 г.
Изготовитель — ООО “Издательство АСТ”

ООО “Издательство АСТ”
129085, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 1,
комната 705, пом. I, 7 этаж
Контактный адрес электронной почты: ask@ast.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО “РДЦ-Алматы”
Дистрибьютор и представитель по приему претензий
на продукцию в Республике Казахстан: ТОО “РДЦ-Алматы”

Интернет-дүкен: www.book24.kz
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы “РДЦ-Алматы” ЖШС
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС
050039 Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис 1
Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123112 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, строение 2, БЦ “Империя”
Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574
E-mail: opt@ast.ru

